

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

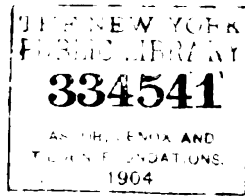
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.



Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 22 мая, 1864 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРЪ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Человѣкъ, совершенно познакомый съ естественными науками, не можетъ даже приблизительно представить себѣ, до какой степени разнообразны произведенія природы. Натуралисты до сихъ поръ не могутъ справиться съ этимъ разнообразіемъ, и до сихъ поръ постоянно строятъ различныя классификаціи, которыя постоянно приходится переѣлывать то въ самомъ основаніи, то въ многочисленныхъ подробностяхъ.

Во первыхъ, всю природу нашей планеты дѣлятъ на три царства: минеральное, растительное и животное; но съ одной стороны, Жоверуа-Сентъ-Илеръ и Катрашъ желаютъ, чтобы для человека было отведено четвертое царство, а съ другой стороны, нѣкоторые ученые утверждаютъ, что между растеніями и животными нельзя провести рѣзкую границу, потому что между ними существуетъ множество переходныхъ формъ. Разногласіе начинается такимъ образомъ съ перваго шага; за тѣмъ царства раздѣляются на отдѣлы; царство животныхъ, которое я постоянно буду имѣть въ виду въ этомъ очеркѣ, раздѣляется на два *отдѣла* — позвоночные и безпозвоночные. Въ первомъ принадлежатъ четыре класса: млекопитающіе, птицы, земноводныя и рыбы; ко второму — четырнадцать

различныхъ классовъ, изъ которыхъ я назову здѣсь насѣкомыхъ, моллюсковъ, полиповъ и микроскопическихкихъ ииѳузорій. Потомъ классы распадаются на *порядки*, порядки на *группы*, группы на *семейства*, семейства на *роды*, роды на *виды*, и наконецъ въ каждомъ видѣ различается по нѣскольку породъ, расъ или разновидностей. Вотъ тутъ-то, въ самомъ концѣ классификаціи, натуралисты-систематики испытываютъ постоянныя огорченія. Возьмемъ, напримеръ, барана. Принадлежитъ онъ, по учебнику г. Григорьева, къ царству животныхъ, къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ порядку двукопытныхъ, къ семейству полорогихъ, къ роду—*ovis*; видъ—*ovis aries*.

Пока идетъ дѣло о высшихъ инстанціяхъ, отъ царства до порядка, и даже до семейства, до тѣхъ поръ все обстоитъ благополучно; что баранъ — животное, что у него есть позвоночный хребетъ, что его самка питаетъ дѣтей молокомъ, что у него раздвоенныя копыта, и полые рога — все это неопровержимыя истины. Но произносится родовое названіе *ovis* и пачинается рядъ недоразумѣній; вы не знаете, на что указываетъ это названіе—на сходство признаковъ, или на единство происхожденія. Что за слово *ovis*? Похоже ли оно на слово *блондинъ* или *бронетъ*, или, напротивъ того, на фамилію *Петровъ* или *Ивановъ*? Вы предлагаете этотъ вопросъ натуралисту, и онъ вамъ отвѣчаетъ, что различные члены одного рода соединены между собою только сходствомъ признаковъ. А члены одного вида? спрашиваете вы дальше. Это другое дѣло, отвѣчаетъ натуралистъ, тѣ связаны между собою единствомъ происхожденія. «Тѣ животныя, говоритъ вамъ учебникъ, которыя сходны между собою во всѣхъ своихъ признакахъ (въ строеніи своихъ органовъ, въ наружной формѣ тѣла, въ образѣ жизни и проч.) и которыя происходятъ отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей, соединяются при описаніяхъ вмѣстѣ въ одинъ видъ.» — Чудесно, думаете вы. Вотъ у меня *ovis aries*; стало быть, и сынъ его будетъ *ovis aries*, и внукъ, и правнукъ, и такъ далѣе, до свѣтопреставленія. Если же я обращу взоръ свой въ прошедшее, то увижу за своимъ *ovis aries* необозримо длинный рядъ предковъ, которые всѣ точь въ точь похожи другъ на друга, и на своего общаго родоначальника, на перваго *ovis aries*, явившагося на свѣтъ безъ отца и безъ матери. Понимаю. Успокоившись такимъ образомъ, вы продолжаете читать исторію о баранѣ, но вдругъ оказывается, что

вы совсѣмъ ничего не понимаете. Вамъ объявляютъ, что баранъ «представляетъ множество разновидностей, какъ-то — мериносы изъ Испаніи, съ тонкою курчавою шерстью; англійская овца, безрогая съ тонкою шерстью; венгерскій баранъ съ спирально закрученными рогами и грубою шерстью; курдючныя и жирнохвостыя овцы, замѣчательныя скопленіемъ жира въ хвостѣ и въ задней части тѣла, съ хвостомъ длиннымъ, толстымъ, и съ повислыми ушами». А куда же дѣвался настоящій представитель вида? Гдѣ вашъ неизмѣнный *ovis aries*, на котораго вы надѣялись, какъ на каменную гору, и который долженъ былъ происходить «отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей»? Онъ васъ обманулъ, онъ растаялъ у васъ въ рукахъ, и превратился во «множество разновидностей», съ которыми вы опять не знаете, что дѣлать. Вамъ представляются два возможные объясненія, и оба они одинаково губительны для вида *ovis aries*. Во-первыхъ, вы можете держаться того принципа, что каждое животное происходитъ «отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей». Тогда вы должны будете допустить, что всѣ мериносы происходятъ отъ мериноса, венгерскіе бараны отъ венгерскаго барана, курдючныя овцы отъ курдючной овцы, и такъ далѣе. Но вѣдь разновидностей дѣйствительно существуетъ великое множество. Въ одной Англіи разводится столько различныхъ породъ барановъ, что одинъ натуралистъ печатно высказалъ предположеніе, будто эти породы должны происходить отъ одиннадцати сортовъ дикихъ барановъ. Стало быть, вамъ придется, вмѣсто одной формы *ovis aries*, представить себѣ безчисленное множество самостоятельныхъ формъ, вышедшихъ изъ нѣдры земли въ полномъ всеоружіи своихъ оттѣнковъ и атрибутовъ, точно такъ, какъ Минерва вышла изъ головы Зевеса. Очевидно, что понятіе *ovis aries* окажется совершенно неудовимымъ мнѣомъ. Во-вторыхъ, вы можете отбросить въ сторону тотъ принципъ, что дѣти совершенно подобны родителямъ. Тогда вы увидите, что и мериносы, и венгерскіе бараны, и англійскіе, и курдючныя могли произойти отъ одной общей формы, которую, пожалуй, можно будетъ назвать *ovis aries*. Но если эта общая форма расплодлась такимъ образомъ въ разныя стороны, и испытала на себѣ множество превращеній, то какая же она, послѣ этого, неизмѣнная? А если *ovis aries* измѣнился и вчера, и третьяго дня, и въ прошломъ столѣтіи, и въ зашрошломъ, то гдѣ же основаніе думать, что

онъ когда нибудь былъ совершенно неизмѣннымъ? Если меряносы, курдючные, венгерскіе, англійскіе составляютъ развѣтленія одной общей формы, то эта общая форма въ свою очередь представляется отросткомъ другой формы, еще болѣе общей, напримеръ, такой, которая, въ глубинѣ вѣковъ, соединяла въ себѣ всѣхъ теперешнихъ представителей рода овиъ. Если бы вмѣсто барана мы взяли какое нибудь другое животное, то намъ во всякомъ случаѣ представилось бы то же самое затрудненіе, и та же дилемма; встрѣчаясь съ разновидностями, намъ пришлось бы или предположить, что онѣ существуютъ отъ начала вѣковъ, или допустить, что онѣ выработались изъ одной общей формы, способной измѣняться. Большинство натуралистовъ постоянно уклонялось отъ прямого разрѣшенія этого неизбежнаго вопроса. Они отвѣчали такъ, что въ отвѣтъ ихъ всегда заключалось глухое внутреннее противорѣчіе, котораго они сами не хотѣли почувствовать. Они говорили, что земля испытала во время своего существованія нѣсколько такихъ геологическихъ переворотовъ, которые всякій разъ истребляли до-гла всю органическую жизнь. Вся наша планета переплывалась такимъ образомъ за-ново и, послѣ каждаго подобнаго паханія, засѣвалась совершенно новыми и небывалыми видами растеній и животныхъ. Эти новые виды являлись совершенно готовыми, и тотчасъ принимались за свойственныя имъ занятія. Дубъ покрывался зелеными листьями, и въ надлежащее время ронялъ свои желуди, которые въ значительномъ количествѣ истребляла дикая свинья; баранъ щипалъ траву, и пережевывалъ жвачку, волкъ съѣдалъ барана, щука глотала карасей, кукушка клала свои яйца въ чужія гнѣзда, словомъ, послѣ послѣдняго геологическаго переворота, все пошло тотчасъ тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ оно идетъ въ настоящее время. Но натуралисты никакъ не рѣшались утверждать, что изъ пѣдръ земли вышли готовые не виды, а разновидности. Идеальный баранъ могъ выдти готовымъ; на то онъ идеальный, на то онъ представитель неизмѣннаго типа, на то онъ родоначальникъ всей бараньей породы; но крымскій баранъ, рѣшетяловскій, казмыцкій, одиннадцать англійскихъ, меринское, и такъ далѣе—все это мелкія и частныя явленія, и о нихъ никакъ не могло быть рѣчи послѣ такого великаго событія, какъ геологическій переворотъ. Это — разновидности, представляющія большія или меньшія уклоненія отъ оригинальнаго и неизмѣннаго типа. Это

— игра природы, это случайное явленіе, а типъ все-таки сохраняется, и баранъ все-таки остается бараномъ, и всегда былъ таковымъ, съ той самой минуты, какъ онъ вышелъ изъ нѣдръ земли. Тутъ натуралисты попадали, очевидно, въ безвыходное противорѣчіе, и такія слова, какъ игра природы, или случайное уклоненіе, разумѣется, ничего не объясняли, и даже не представляли рѣшительно никакого ручательства въ пользу неизмѣнности основнаго типа. Поэтому, уже въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, нѣкоторые натуралисты стали догадываться, что виды могутъ перерождаться, и что во всей органической природѣ, по всей вѣроятности, нѣтъ ничего неизмѣннаго, кромѣ тѣхъ общихъ законовъ, которыми управляется вся матерія. Однимъ изъ первыхъ выразилъ эту мысль поэтъ Гете, который, какъ извѣстно, былъ очень замѣчательнымъ естествоиспытателемъ. Но пока господствовала теорія геологическихъ переворотовъ, до тѣхъ поръ должна была держаться вѣра въ самостоятельное значеніе видовыхъ типовъ. Когда натуралисты думали, что земля нѣсколько разъ заселялась заново, тогда трудно было допустить предположеніе, что органическая жизнь всякій разъ начинала свое развитіе съ самыхъ простыхъ формъ, и всякій разъ, путемъ медленнаго и естественнаго совершенствованія, доходила до болѣе сложныхъ явленій. Если стихіи могли производить геологическіе перевороты, подобные перемѣнамъ декораций въ волшебномъ балетѣ, то и всѣ остальные процессы природы могли также совершаться необъяснимымъ путемъ мгновенныхъ возникновеній, исчезаній и превращеній. При такомъ взглядѣ на прошедшую жизнь нашей планеты, ирраціональныя наблюденія надъ законами природы, какъ они обнаруживаются въ настоящее время, оказывались почти бесполезными для объясненія тѣхъ явленій, которыя совершались въ далекія геологическія эпохи. Почему вы знаете, какъ дѣйствовали эти законы тогда?—можно было сказать такому наблюдателю. Теперь жизнь природы идетъ такъ, а тогда шла совсѣмъ иначе. Теперь въ природѣ нѣтъ скачковъ, а тогда были. Разсуждал такимъ образомъ, можно было писать великопѣпѣшіе геологическіе романы, и прошедшая жизнь нашей планеты долго казалась намъ длиннымъ рядомъ чудесъ и колоссальною борьбою такихъ титаническихъ силъ природы, которыя теперь улеглись и успокоились на время или навсегда. Но, понемногу, въ нѣкоторыхъ пытливыхъ умахъ стало возникать сомнѣніе: нельзя ли, думали они, объяснить всѣ явленія

различныхъ геологическихъ эпохъ постояннымъ дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя до сихъ поръ, медленно, но безостановочно, каждый день и каждую минуту, измѣняютъ видъ земной поверхности. Оказалось, что можно. Теорія волшебныхъ переворотовъ стала ослабѣвать и клониться къ упадку. Наконецъ, знаменитый англійскій геологъ, Чарльзъ Ляйель, живущій въ наше время, окончательно уложилъ въ могилу эту старую теорію, и доказавъ, что законы, управляющіе матеріею теперь, управляли ею, безъ малѣйшаго перерыва, въ теченіи тѣхъ длинныхъ періодовъ, которыхъ неизмѣримый рядъ называется прошедшею жизнью нашей планеты. Море медленно разрушаетъ берега свои; рѣка медленно наноситъ илъ въ своемъ устьѣ; атмосфера медленно раздѣдаетъ гранитныя вершины горныхъ хребтовъ; остатки мертвыхъ растений и животныхъ медленно разлагаются и еще медленнѣе образуютъ на землѣ новые слои почвы; полипы медленно строятъ коралловые рифы; подземныя вулканическія силы дѣйствуютъ, правда, мгновенно, но дѣйствіе ихъ всегда частично, и никогда не производитъ такого переворота, который могъ бы распространиться на всю поверхность нашей планеты. Такимъ образомъ измѣняется видъ земли теперь; такимъ образомъ формируются новыя напластованія, и точно такимъ же образомъ совершалось это дѣло тогда, когда на землѣ жили только колоссальные ящеры, и тогда, когда существовали только низшія формы моллюсковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ расплавленное ядро земли покрылось твердою корою, съ тѣхъ поръ, какъ образовались на нашей планетѣ вода и атмосфера, словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ существованіе растительныхъ и животныхъ организмовъ,—съ этихъ поръ, земля не испытала ни одного такого переворота, который разомъ взбудоражилъ бы всю ея поверхность, и слѣдовательно истребилъ бы на ней всѣ проявленія органической жизни. Когда перевороты удалились такимъ образомъ въ область поэтическаго творчества, тогда натуралистамъ представилась необходимость задуматься надъ рѣшеніемъ громаднѣйшаго вопроса.

Если разные трилабиты, белемниты, ихтіосауры, мастодонты, и тому подобныя исчезнувшія животныя не были истреблены мгновенною пережѣною декораций, то почему же они исчезли? Если хвощи и папоротники каменноугольной эпохи не были выворочены съ корнями дѣйствіемъ разыгравшихся стихій, то почему же они уступили мѣсто другимъ растительнымъ формамъ, которыя потомъ въ свою

очередь были вытѣснены новою флорою? Если идеальный баранъ не вышелъ изъ нѣдръ земли послѣ послѣдняго геологическаго переворота, то откуда же взялись крымскіе, венгерскіе, англійскіе и всякіе другіе бараны? Если органическая жизнь не обрывалась на землѣ съ той самой минуты, какъ она возникла, то, стало быть, нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ея исторіи существованіе необъяснимыхъ скачковъ; если нѣтъ скачковъ, — стало быть, есть послѣдовательное развитіе; если есть послѣдовательное развитіе, стало быть, есть постоянные законы; а если есть законы, то надобно до нихъ добраться, не удовлетворяя своей любознательности такими удобными выраженіями, какъ игра природы, или случайное отклоненіе отъ неизмѣннаго типа. Если природа играетъ сегодня, то она, значить, играла и вчера; стало быть, она имѣетъ свойство играть, и натуралистамъ надо изучить это свойство, какъ и всякое другое. Случая въ природѣ нѣтъ, потому что все совершается по законамъ, и всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину; когда мы не знаемъ закона, и когда мы не видимъ причины, тогда мы произносимъ слово «случай», и произносимъ его всегда некстати, потому что это слово никогда не выражаетъ ничего, кромѣ нашего незнанія, и притомъ такого незнанія, котораго мы сами не сознаемъ. Ляйель очистилъ науку отъ геологическихъ чудесъ; другимъ натуралистамъ надо было сдѣлать то же самое въ отношеніи къ исторіи органической жизни; надо было, чтобы идеальный баранъ не изображалъ собсю Венеру, выходящую изъ морской пѣны въ полномъ сіяніи развитой красоты, и надо было, чтобы простые бараны не дѣлались венгерскими или курдючными, вслѣдствіе случайной игры природы. Словомъ, надо было понять существующіе законы, и такимъ образомъ устранить, по мѣрѣ слабыхъ человѣческихъ силъ, случай. Исходная точка, самое возникновеніе органической жизни до сихъ поръ остается неразгаданнымъ, потому что до сихъ поръ ни одному натуралисту не удалось приготовить въ своей лабораторіи изъ неорганическихъ или органическихъ веществъ ни одного, даже самаго простѣйшаго живаго организма; но процессъ развитія и перерожденія органическихъ формъ разъясненъ въ значительной степени англійскимъ натуралистомъ, Чарльзомъ Дарвиномъ, издавшимъ въ 1859 году знаменитое сочиненіе: «On the origin of species» — (о происхожденіи породъ). Этотъ гениальный мыслитель, обладающій колоссальными знаніями, взглянулъ на всю жизнь природы такимъ широкимъ взгля-

домъ, и такъ глубоко вдумался во всё ея разрозненныя явленія, что онъ сдѣлалъ открытіе, которое, быть можетъ, не имѣло себѣ подобнаго во всей исторіи естественныхъ наукъ. Онъ открываетъ не единичный фактъ, не железку, не жилку, не отправленіе того или другаго перва; онъ открываетъ цѣлый рядъ тѣхъ законовъ, которыми управляется и видоизмѣняется вся органическая жизнь нашей планеты. И рассказываетъ онъ ихъ такъ просто, и доказываетъ такъ неопровержимо, и выходитъ при своихъ разсужденіяхъ изъ такихъ очевидныхъ фактовъ, что вы, простой человѣкъ, прожаръ въ естественныхъ наукахъ, удивляетесь постоянно только тому, какъ это вы сами давнымъ давно не додумались до тѣхъ же самыхъ выводовъ. Да, не велика мудрость Америку открыть, однако все-таки кромѣ Колумба никто не догадался, какъ это сдѣлать. Великое открытіе и умная загадка всегда просты, когда первое сдѣлано, а вторая разгадана; но чтобы разгадать загадку, надо обладать извѣстною дозою остроумія, а чтобы сдѣлать великое открытіе, надо быть гениальнымъ человѣкомъ. Для насъ, для простыхъ и темныхъ людей, открытія Дарвина драгоцѣнны и важны именно тѣмъ, что они такъ обаятельно просты и понятны; они не только обогащаютъ насъ новымъ знаніемъ, но они освѣжаютъ весь строй нашихъ идей, и раздвигаютъ во всё стороны нашъ умственный горизонтъ. Благодаря имъ, мы понимаемъ связь такихъ явленій, которыя мы видѣли каждый день, на которыя мы смотрѣли бессмысленными глазами, и которыя, однако, такъ легко было понять и объяснить себѣ. Почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія идеи Дарвина производятъ совершенный переворотъ; ботаника, зоологія, антропологія, палеонтологія, сравнительная анатомія и физиологія, и даже опытная психологія получаютъ въ его открытіяхъ ту общую руководящую нить, которая свяжетъ между собою множество сдѣланныхъ наблюденій, и направитъ умы изслѣдователей къ новымъ плодотворнымъ открытіямъ. Значеніе идей Дарвина такъ обширно, что въ настоящее время даже невозможно предусмотрѣть и вычислить тѣ послѣдствія, которыя разовьются изъ нихъ, когда онѣ будутъ приложены къ различнымъ областямъ научнаго изслѣдованія. Лучшіе европейскіе натуралисты давно поняли ихъ важность, и весь ученый міръ раздѣлился на двѣ партіи; съ одной стороны стоятъ глубоко убѣжденные защитники новой теоріи; съ другой стороны ея противники, которыхъ возлюбленные научные предразсудки ожидаютъ себѣ неизбѣж-

ной погибели. Старыя методы и старыя классификаціи непременно должны будут сойти со сцены, а такъ какъ человѣку больно разставаться съ заблужденіями цѣлой жизни, то, разумѣется, противники Дарвина всѣми силами будутъ защищать свои разбитыя позиціи. Но свѣтлые умы тотчасъ становятся горячими приверженцами истины, въ какомъ бы рѣзкомъ противорѣчій она ни находилась съ ихъ прежними понятіями; Карлъ Фохтъ въ лекціяхъ своихъ о человѣкѣ, изданныхъ въ 1863 году, объявляетъ себя послѣдователемъ Дарвина, и признается, что онъ въ молодости своей держался теоріи геологическихъ переворотовъ, съ которою, какъ мы видѣли, была связана теорія неизмѣнныхъ типовъ. Книга Дарвина переведена уже въ настоящее время на нѣмецкій, французскій и на русскій языкъ; каждому образованному человѣку необходимо познакомиться съ идеями этого мыслителя, и поэтому я считаю умѣстнымъ и полезнымъ дать нашимъ читателямъ ясное и довольно подробное изложеніе новой теоріи. Въ этой теоріи читатели найдутъ и строгую опредѣленность точной науки, и безпредѣльную ширину философскаго обобщенія, и наконецъ ту высшую и незамѣнимую красоту, которая владеть свою печать на всѣ великія проявленія сильной и здоровой человѣческой мысли. Когда читатели познакомятся съ идеями Дарвина, даже по моему слабому и блѣдному очерку, тогда я спрошу у нихъ, хорошо или дурно мы поступали, отрицая метафизику, осмѣивая нашу поэзію, и выражая полное презрѣніе къ нашей казенной эстетикѣ. Дарвинъ, Лайбъ и подобные имъ мыслители—вотъ философы, вотъ поэты, вотъ эстетика нашего времени. Когда человѣческій умъ, въ лицѣ своихъ гениальныхъ представителей, сумѣлъ подняться на такую высоту, съ которой онъ обозрѣваетъ основные законы міровой жизни, тогда мы, обыкновенные люди, неспособные быть творцами въ области мысли, обязаны передъ своимъ собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ востыдиться, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы понимать передѣльныхъ гениевъ, чтобы цѣнить ихъ великіе подвиги, чтобы любить ихъ, какъ украшеніе и гордость нашей породы, чтобы жить нашею мыслью въ той свѣтлой и безграничной области, которую гени отдриваютъ для каждаго мыслящаго существа. Мы богаты и сильны трудами этихъ великихъ людей, но мы не знаемъ нашего богатства и нашей силы, мы ими не пользуемся, мы не умѣемъ даже пересчитать и измѣрить ихъ, и поэтому, проводя нашу жалкую жизнь въ бѣдности, въ глупости и въ слабости, мы потѣшаемъ свое мла-

денческое невѣдѣніе разными золочеными грошами, въ родѣ діалектическихъ мудрствованій, лирическихъ воздыханій и эстетическихъ умиленій. И живутъ люди, и умираютъ люди, и считаютъ себя развитыми и образованными, и толкуютъ о музыкѣ и о поэзіи, и ни разу, вѣдь ни одного разу не удается этихъ людямъ даже мелькомъ взглянуть на то, что составляетъ и богатство, и силу, и высшее изящество человѣческой личности. А то и взглянуть, да не поймутъ. Нечего дѣлать, надо объяснять, разбавлять мысль водою, вдаваться въ лирическіе восторги, чтобы показать, что вещь дѣйствительно хорошая, и что ею въ самомъ дѣлѣ можно и должно любоваться. По настоящему, идеи Дарвина слѣдовало бы передавать просто, ровно, спокойно, такъ, какъ излагаетъ ихъ самъ Дарвинъ, но для насъ это еще не годится, потому что нашу публику слѣдуетъ заманивать, ее слѣдуетъ покуда подкупать въ пользу дѣльныхъ мыслей разными фокусами то комическаго, то лирическаго свойства. Поэтому, если кому нибудь изъ моихъ читателей не понравится что нибудь въ изложеніи моей статьи, то я умоляю его обратить все его негодованіе исключительно противъ меня, а никакъ не противъ Дарвина. Я именно того и хочу, чтобы моя статья возбудила въ читателѣ любознательность, но не удовлетворила бы ее вполне; пусть онъ увидитъ, какъ уменъ Дарвинъ, пусть почувствуетъ, что я не въ силахъ передать то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе самой книги великаго натуралиста, и пусть, вслѣдствіе этого, обругаетъ меня, и возьмется за сочиненіе самого Дарвина. Цѣль моя будетъ въ такомъ случаѣ вполне достигнута. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о личномъ характерѣ Дарвина, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ его введенія.

«Я находился, говорить онъ, въ качествѣ натуралиста на кораблѣ ея британскаго величества—«Бигль», когда меня въ первый разъ сильно поразили нѣкоторые факты въ распредѣленіи органическихъ существъ, населяющихъ южную Америку, — и геологическія отношенія, существующія между прежними и теперешними обитателями этого материка. Эти факты, какъ видно будетъ въ послѣднихъ главахъ этого сочиненія, бросаютъ, но видимо, нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ, «эту тайну тайнъ», какъ выражается одинъ изъ величайшихъ нашихъ философовъ (Гумбольдтъ въ Бюссюсъ). Послѣ моего возвращенія, въ 1837 году, мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, есть возможность подвинуть впередъ этотъ

вопросъ, если собирать и обдумывать всѣ различныя наблюденія, которыя такъ или иначе могутъ содѣйствовать разрѣшенію задачи. Только послѣ пятилѣтняго труда, я позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя наведенія и составилъ краткія замѣтки. Не раньше, какъ въ 1844 году, я набросалъ тѣ заключенія, которыя казались мнѣ наиболѣе правдоподобными. Съ этого времени до нынѣшняго дня, (т. е. до конца 1859 года), я постоянно занимался тѣмъ же самымъ предметомъ. Мнѣ извинять эти личныя подробности, въ которыя я пускаюсь только для того, чтобы доказать, что у меня не было излишней поспѣшности въ разрѣшеніи вопросовъ. Моя работа уже далеко подвинулась впередъ; однако мнѣ понадобится еще года два или три для ея окончанія, а такъ какъ здоровье мое вовсе не отличается крѣпостью, то я и поторопился выпустить въ свѣтъ это извлеченіе. Меня преимущественно побудило поступить такимъ образомъ то обстоятельство, что мистеръ Уэллесъ, изучающій въ настоящее время природу Малайскаго архипелага, почти совершенно сошелся со мною въ своихъ заключеніяхъ о происхожденіи видовъ».

«Въ 1858 году, онъ прислалъ мнѣ мемуаръ по этому предмету, съ просьбою сообщить его сэру Чарльзу Ляйелю, который послалъ его Линнеевскому обществу (Linnean Society). Онъ напечатанъ въ третьемъ томѣ журнала этого общества. Сэръ Чарльзъ Ляйель и докторъ Гукеръ, знавшіе мои работы, сдѣлали мнѣ честь подумать, что было бы хорошо издать, въ одно время съ превосходнымъ мемуаромъ мистера Уэллеса, нѣкоторые отрывки изъ моихъ рукописей. Это извлеченіе, которое я издаю теперь, необходимо оказывается неполнымъ. Я принужденъ излагать въ немъ мои идеи, не подкрѣпляя ихъ обильнымъ запасомъ фактовъ или цитатами писателей, и я поставленъ въ необходимость рассчитывать на то довѣріе, которое читателямъ угодно будетъ питать къ вѣрности моихъ сужденій.»

Приведенное мною мѣсто заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній и характерныхъ подробностей. Во-первыхъ мы видимъ, что Дарвинъ посвятилъ всю свою жизнь разрѣшенію того вопроса, который заинтересовалъ его во время кругосвѣтнаго плаванія на кораблѣ Бигль; онъ работаетъ надъ этимъ вопросомъ болѣе 25 лѣтъ (съ 1837 по 1864) и все еще не считаетъ свой трудъ оконченнымъ; когда гениальный умъ соединяется съ такимъ упорствомъ въ преслѣдованіи цѣли, и съ такою требовательностью и строгостью въ отношеніи къ собственному тру-

ду, тогда действительно человек совершает чудеса в области мысли, и тогда он смѣло может приниматься за разрѣшеніе такой задачи, которая до него считалась «тайною тайнъ». Во-вторыхъ, Дарвинъ называетъ свою теперешнюю книгу извлеченіемъ, и очень скромно и добродушно извиняется передъ читателямъ, говоря, что онъ принужденъ былъ поторопиться, и что извлеченіе, конечно, вышло очень не полное, потому что настоящая книга, капитальная часть труда еще впереди. До такой изумительной и совершенно безыскусственной скромности могутъ возвышаться только очень замѣчательные люди; поторопился—а работалъ двадцать два года (до 1859 года); извлеченіе — а въ немъ больше пяти сотъ страницъ; неполное — а весь ученый міръ приходитъ отъ него въ волненіе; извиняется передъ читателями — а самъ производитъ небывалый переворотъ почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія. Это было бы просто смѣшно, это было бы даже неприлично со стороны Дарвина, если бы въ этой скромности можно было бы предположить хоть малѣйшую тѣнь искусственности. Но, такъ какъ вся книга Дарвина носитъ на себѣ печать глубочайшей искренности и добросовѣстности, и такъ какъ отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то эта скромность, которая, при другихъ условіяхъ, могла бы сдѣлаться смѣшною, въ настоящемъ случаѣ остается цѣликомъ въ предѣлахъ великаго. Въ третьихъ, любопытно замѣтить, какъ равнодушно Дарвинъ относится къ своему собственному здоровью; ему остается до окончанія громаднаго труда всего два, три года, но онъ предвидитъ тотъ шансъ, что ему, можетъ быть, и не удастся дожить до этого времени; и возможность близкой смерти вовсе не смущаетъ его, а только побуждаетъ его выпустить въ свѣтъ извлеченіе, въ которомъ заключались бы добытые имъ результаты. Это спокойствіе, это умѣнье умирать безъ жалобы и безъ боязни, это высшее проявленіе человѣческаго героизма совершенно понятны со стороны тѣхъ людей, которые умѣли наполнить свою жизнь разумнымъ наслажденіемъ, то есть, умѣли полюбить полезную дѣятельность больше собственного существованія. Дарвинъ такъ слился съ своею двадцатипятилѣтнею работою, онъ такъ постоянно жилъ высшими интересами всего человѣчества, что ему некогда и не за чѣмъ думать и говорить объ упадкѣ собственныхъ силъ. Лишь бы работу кончить, лишь бы отдать людямъ съ рукъ на руки добытыя сокровища, а тамъ и умереть не бѣда. Кто не понимаетъ такого обожанія идеи

и таковой любви къ людямъ, тотъ говорить, что личности, подобныя Дарвину, совершаютъ подвиги самоотверженія, а кто понимаетъ, тотъ скажетъ, что это—вполнѣ практическіе люди, и что они превосходно умѣютъ наслаждаться жизнью. Ихъ расчетъ оказывается вѣрнымъ во всякомъ случаѣ, и во всякую данную минуту; какъ ни прожить жизнь, а умирать все равно надо; ну, стало быть, все же лучше жить такъ, чтобы въ минуту смерти не было больно и совѣстно оглянуться назадъ; приятно подумать передъ смертью, что жизнь прожита не даромъ, и что она цѣлкомъ положена въ тотъ капиталъ, съ котораго человечество будетъ постоянно брать проценты; а если приятно, то и слѣдуетъ жить въ томъ мирѣ мысли и труда, въ которомъ распоряжаются Дарвинъ, Лайель, Фохтъ, Бояль и другіе люди такого же разбора. Наконецъ, въ четвертыхъ и въ послѣднихъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на тѣ честныя дружескія отношенія, которыя существуютъ между лучшими изъ современныхъ ученыхъ. Лайель и Гукеръ постоянно слѣдятъ за процессомъ работы Дарвина; Дарвинъ совѣтуется съ ними, и они ему помогаютъ; Гукеръ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ постоянно сообщаетъ ему то новыя факты, то свои критическія замѣчанія. Уэллель, близко подошедшій къ самымъ выводамъ Дарвина, съ полнымъ довѣріемъ присылаетъ послѣднему свой мемуаръ, а Дарвинъ, съ своей стороны, отзываясь объ этомъ мемуарѣ съ полнымъ уваженіемъ. Видно, однимъ словомъ, что всѣ эти люди заботятся объ успѣхѣ общаго дѣла, а совсѣмъ не о томъ, чтобы высунуть впередъ собственную личность, и подставить ногу опасному сопернику. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, ихъ общее дѣло идетъ хорошо, а во-вторыхъ, каждому изъ нихъ достается на долю столько ученой знаменитости, сколько они не могли бы пріобрѣсти, если бы работали въ разсыпную, завистливо скрывая другъ отъ друга добываемыя факты, и не обвиняясь между собою мыслями и замѣчаніями.

Широкое умственное развитіе этихъ превосходныхъ людей дѣлаетъ ихъ особенно способными къ свободной ассоціаціи, а ассоціація, съ своей стороны, придаетъ имъ новыя силы, и еще болѣе расширяетъ горизонтъ ихъ мысли. До сихъ поръ, добровольная и совершенно естественная ассоціація нашла себѣ приложение только въ высшихъ сферахъ научной дѣятельности. Тамъ нѣтъ истребительной войны между конкурентами; тамъ всѣ честные люди идутъ къ одной цѣли, и дружелюбно онираются другъ на друга; за то мы и видимъ,

это высшія сферы научной дѣятельности до сихъ поръ представляютъ единственное мѣсто, въ которомъ человекъ можетъ развернуть, сохранить и облагородить все свои истинно человѣческія качества и способности; за то мы видимъ также, что наука, въ настоящемъ значеніи этого слова, развивается съ навѣрною быстротою и оставляетъ далеко позади себя все остальные отрасли человѣческой дѣятельности. Но если люди, развернувшіе, сохранившіе и облагородившіе свои человѣческія способности, оказываются особенно расположенными къ коллективному труду, если у нихъ образуется ассоціація совершенно естественно, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, то, мнѣ кажется, не трудно понять, что добровольная ассоціація и развитіе индивидуальности не только не представляютъ собою двухъ непримиримыхъ крайностей, а напротивъ того, совершенно необходимы другъ для друга, и не могутъ существовать безъ взаимной поддержки. А теперь пора кончить это длинное введеніе, и отъ личности мыслителя перейти къ его теоріи.

II.

ДОМАШНІЯ ЖИВОТНЫЯ.

Многія растенія, размножающіяся быстро и успѣшно въ естественномъ состояніи, перестаютъ приносить сѣмяна, какъ только начинаютъ испытывать на себѣ заботливыя попеченія человека; они, по видимому, благоденствуютъ, покрываются свѣжими листьями и цвѣтами, но ихъ цвѣточная пыль совершенно теряетъ свою оплодотворяющую силу; многія животныя также не могутъ размножаться подъ властью человека; они иногда совокупляются, но не производятъ дѣтей; такъ, напримѣръ, хищныя птицы, находясь въ неволѣ, кладутъ иногда яйца; но изъ этихъ яицъ почти никогда не выводятся птицы. Тѣ животныя и растенія, которыя съ незапамятныхъ временъ подчинились нашему господству, представляютъ также замѣчательную особенность въ своемъ размноженіи: дѣти ручныхъ животныхъ больше отличаются отъ своихъ родителей, и больше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ дѣти дивныхъ животныхъ; то же самое мож-

но сказать и о растеніяхъ; поэтому, напримѣръ, швейца до сихъ поръ производитъ еще новыя разновидности, поэтому, георгины, тюльпаны, гвоздики до сихъ поръ даютъ садовникамъ небывалыя формы, разрисованныя самыми блестящими красками; поэтому также, лошади, бараны, быки, свиньи постоянно совершенствуются и крупнѣютъ, или мельчаютъ и портятся, то есть, вообще обнаруживаютъ способность и стремленіе измѣняться, и дѣйствительно измѣняются въ ту или въ другую сторону, смотря по тому, умѣеть или не умѣеть человѣкъ пользоваться этою измѣнчивостью сообразно съ своими выгодами. Бесплодіе однихъ растеній и животныхъ, и измѣнчивость другихъ органическихъ существъ выходятъ изъ одного общаго источника. Когда растеніе или животное попадаетъ въ руки человѣка, и когда человѣкъ, сознательно или невольно, измѣняетъ въ большей или въ меньшей степени тѣ условія, при которыхъ это растеніе или животное существовало на свободѣ, — тогда эта перемѣна въ образѣ жизни производитъ особенно сильное вліяніе на всю систему половыхъ отправленій. Если вліяніе это очень сильно, то половая система совершенно отказывается дѣйствовать, и животныя даже не совокупляются; если оно менѣе сильно — совокупляются, но не рожаютъ дѣтей; еще менѣе сильно — рожаютъ уродовъ; еще менѣе сильно — рожаютъ здоровыхъ дѣтей, но такихъ, у которыхъ индивидуальныя отклоненія отъ фигуры родителей оказываются болѣе значительными, чѣмъ это могло бы производти въ дикомъ состояніи. Такимъ образомъ дѣти выходятъ не совсѣмъ похожими на своихъ родителей; внуки также получаютъ свои личныя особенности; правнуки также, и такъ далѣе; измѣнчивость и индивидуальное разнообразіе становятся прочными свойствами цѣлой породы и это случилось именно съ большею частью нашихъ домашнихъ животныхъ. Корова не такъ похожа на свою родную сестру, и жеребецъ не такъ похожъ на своего папеньку, какъ напримѣръ медвѣдь на посторонняго медвѣдя, или заяцъ на совершенно неродственнаго зайца. Существованіе этихъ индивидуальныхъ особенностей никакъ не можетъ быть приписано прямому дѣйствию образа жизни; двѣ коровы, принадлежащія одному хозяину, съ самаго своего рожденія живутъ на одномъ скотномъ дворѣ, пасутся на одномъ лугу, получаютъ одинаковое количество сѣна, муки, соли и всякаго другаго снадобья; напротивъ того, два медвѣдя, не принадлежащіе никому, живутъ въ двухъ различныхъ берлогахъ, ѣдятъ, что Богъ пошлетъ, иногда голодаютъ,

иногда пируютъ, но дѣлаютъ и то, и другое не вмѣстѣ, а порознь въ различное время, съ различнымъ успѣхомъ, такъ что тутъ, очевидно, представляется гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ жизни коровъ или лошадей. Ясно, стало быть, что индивидуальныя особенности послѣднихъ могутъ быть объяснены только тѣми измѣненіями, которыя испытала въ глубинѣ вѣковъ половая система домашнихъ животныхъ; эти измѣненія съ тѣхъ поръ уже постоянно переходятъ по наследству отъ одного поколѣнія къ другому, и такимъ образомъ постоянно даютъ каждому зародышу возможность довольно замѣтно отклоняться въ своемъ развитіи отъ фигуры родителей. Но если каждая корова или лошадь получаетъ свою индивидуальную физиономію, то изъ этого никакъ не должно заключать, что она не наследуетъ отъ своихъ родителей многихъ важнѣйшихъ особенностей ихъ организаціи. Въ человѣческомъ семействѣ сынъ обыкновенно бываетъ похожъ и на отца, и на мать; и въ то же время у него есть свои личныя свойства какъ въ чертахъ лица, такъ и въ складѣ тѣла, такъ и въ устройствѣ темперамента, ума и характера. Совершенно подобныя явленія мы замѣчаемъ и въ домашнихъ животныхъ. Поэтому, если образъ жизни подѣйствовалъ въ томъ или въ другомъ направленіи на здоровье или на тѣлосложеніе животнаго, то произведенная такимъ образомъ перемѣна передается обыкновенно дѣтямъ, и становится болѣе или менѣе прочнымъ свойствомъ породы. Напримѣръ, если свѣсить скелетъ дикой утки, и скелетъ домашней утки, и если потомъ сравнить въ обоихъ случаяхъ вѣсъ костей крыла, и вѣсъ костей ноги съ вѣсомъ цѣлаго скелета, то окажется, что у домашней утки кости крыла сравнительно легче, а кости ноги сравнительно тяжелѣе, чѣмъ у дикой. Происхожденіе домашней утки отъ дикой не подлежитъ сомнѣнію; слѣдовательно, измѣненіе въ вѣсѣ и величинѣ костей объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что домашняя утка постоянно ходитъ, и почти совсѣмъ не летаетъ. Нога укрѣпляется, а крыло слабѣетъ; эта особенность, сначала пезаметная, передается отъ матери къ дѣтямъ, и у дѣтей становится сильнѣе, потому что продолжается дѣйствіе тѣхъ самыхъ причинъ, которыя дѣйствовали на мать; у внуковъ еще сильнѣе, и такъ далѣе; наконецъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, и постоянно усиливаясь, эта перемѣна организаціи доходитъ до такихъ значительныхъ размѣровъ, что выражается уже не въ однихъ мускулахъ крыла и ноги, а даже въ соотвѣтствующихъ частяхъ самого скелета. Та-

внѣ образомъ, превращеніе дикой утки въ домашнюю оказывается конечнымъ, и пріобрѣтенныя особенности дѣлаются прочнымъ и послѣдственнымъ достояніемъ новой породы. Огромное вымя дойныхъ коровъ образовалось также вслѣдствіе особенныхъ условій жизни, и также передается по наслѣдству. Многія домашнія животныя отличаются отъ своихъ дикихъ сродниковъ висячими ушами, и это обстоятельство, по мнѣнію дѣльныхъ наблюдателей, объясняется тѣмъ, что домашнее животное рѣже дикаго чувствуетъ себя въ опасности, и слѣдовательно рѣже наостряетъ уши, такъ что мускулы уха, оставаясь въ бездѣйствіи, слабѣютъ и ухо отвисаетъ. Но тѣ законы, по которымъ развивается живой организмъ, отличаются такою сложностью, что они до сихъ поръ остаются почти совершенно неизвѣстными. Къ области этихъ неизслѣдованныхъ законовъ относится то обстоятельство, что если въ организмѣ проявляется какая нибудь особенность, то она обыкновенно не ограничивается одною частью органа, а производитъ перемѣны въ нѣсколькихъ органахъ, и притомъ часто въ такихъ, которые, по видимому, не имѣютъ между собою тѣсной анатомической связи. Такъ, на примѣръ, у голубей величина клюва находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ величиною ногъ. Чѣмъ меньше клювъ, тѣмъ меньше нога. Голубоглазая кошка обыкновенно бываетъ глуха. Лысыя собаки отличаются неполнымъ развитіемъ зубовъ. Бѣлые бараны и бѣлыя свиньи страдаютъ отъ нѣкоторыхъ растеній, которыя не приносятъ никакого вреда баранамъ и свиньямъ другаго цвѣта. Въ Флоридѣ растетъ въ большомъ изобиліи растеніе *laenanthes*; черныя свиньи ѣдятъ его совершенно безнаказанно; но, какъ только поѣсть его свинья другаго цвѣта, такъ у нея краснѣютъ кости и отваливаются копыта. Тамашніе сельскіе хозяева знаютъ очень хорошо это обстоятельство, и потому держатъ у себя только черныхъ свиней, а остальныхъ постоянно убиваютъ, чтобы онѣ не пропадали даромъ. Эти изумительныя соотношенія между развитіемъ отдѣльныхъ частей организма до сихъ поръ еще мало изслѣдованы, и причины ихъ остаются совершенно неизвѣстными, но необходимо имѣть постоянно въ виду эти соотношенія, когда дѣло идетъ о различныхъ перерожденіяхъ органическихъ формъ. Если у цѣлой породы животныхъ измѣняется такой органъ, на который внѣшнія условія жизни не имѣютъ непосредственнаго вліянія, то такое измѣненіе можетъ быть объяснено соотношеніемъ развитія. Условія жизни измѣнили, положимъ, клювъ голубя, а измѣненіе этого

органа уже потянуло за собою переищу въ формѣ и въ величинѣ ногъ, на которыя жизнь не оказывала прямого дѣйствія. Изъ всего, что было говорено съ самаго начала этой главы, мы можемъ вывести то заключеніе, что наши домашнія животныя и растенія измѣняютъ свою организацію подѣ влияніемъ очень многихъ и очень сложныхъ причинъ; между этими причинами особенно замѣчательны слѣдующія: во-первыхъ, то измѣненіе въ половой системѣ, которое усиливаетъ индивидуальное разнообразіе дѣтей; во-вторыхъ, прямое влияние условій жизни на различные органы животныхъ и растеній; въ третьихъ, соотношеніе развитія, то есть, то свойство живаго организма, вслѣдствіе котораго измѣненіе, происшедшее въ одномъ органѣ, ведетъ за собою, при развитіи зародыша, измѣненіе въ другихъ частяхъ тѣла. Наконецъ, въ четвертыхъ, чрезвычайно важно то обстоятельство, что особенности родителей передаются дѣтямъ, и что, вслѣдствіе этого закона наследственности, разныя, едва замѣтныя отклоненія отъ прежнихъ свойствъ породы, могутъ упрочиваться и усиливаться въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ. Безъ этого закона наследственности, происхожденіе новыхъ разновидностей и породъ было бы совершенно невозможно, потому что индивидуальныя особенности, прирожденные и благопріобрѣтенныя, погибали бы тогда вмѣстѣ съ тѣмъ субъектомъ, у котораго онѣ проявлялись. Дѣйствіемъ этихъ четырехъ главныхъ причинъ объясняются въ общихъ чертахъ всѣ измѣненія животныхъ и растеній, попавшихъ въ руки человѣка какъ ни разнообразны различія породы лошадей, куръ, утокъ или кроликовъ, но есть основаніе думать, что все это разнообразіе выработалось уже подѣ влияніемъ человѣка, и что всѣ наши лошади произошли отъ одной дикой породы; всѣ наши куры, утки и кролики также. Чтобы доказать возможность такихъ обширныхъ развѣтвленій, Дарвинъ беретъ отдѣльный примѣръ; онъ изучаетъ всѣ различныя породы голубей, и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ эти породы произошли отъ дикаго голубя (*Columba livia*) и переродились въ разныя стороны уже подѣ руками человѣка.

III.

О ГОЛУБЯХЪ.

«Чтобы разрѣшить какой нибудь вопросъ по естественной исторіи, говорить Дарвинъ, лучше всего изучить какую нибудь отдѣльную группу. Обдумавъ основательно это дѣло, я выбралъ группу голубей, и сдѣлалъ ее спеціальнымъ предметомъ моихъ наблюденій. Я собралъ всѣ породы, какія я могъ достать. Кромѣ того, мнѣ помогали самымъ любезнымъ образомъ господа Эллиотъ и Мёррей (Murray), приславшіе мнѣ чучела изъ разныхъ странъ земнаго шара, а преимущественно изъ Персіи и изъ Индіи. Сверхъ того, я досталъ себѣ большое число сочиненій, написанныхъ о голубяхъ на разныхъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣютъ большое значеніе по своей древности. Наконецъ, я вступилъ въ сношенія со многими знаменитыми любителями голубей, и приписался къ двумъ голубинымъ клубамъ (pigeons-clubs) въ Лондонѣ». Что вы скажете о такомъ изслѣдователѣ, мой читатель? Кажется, онъ шутить не любитъ, когда принимается за какое нибудь изученіе; придется потратить на голубей пять лѣтъ жизни — онъ такъ и сдѣлаетъ; понадобится десять — онъ и десять положитъ; а вѣдь не только голуби, но даже всѣ домашнія животныя составляютъ только крошечный уголокъ того громаднаго міра явленій, который охваченъ и въ значительной степени разъясненъ свѣтлыми идѣями Дарвина. Но сила этого гениальнаго человѣка заключается именно въ томъ, что, обобщая явленія, онъ не теряется въ отвлеченностяхъ, не впадаетъ въ дилеттантизмъ, а постоянно упирается ногою въ твердую почву собственныхъ наблюденій и такого изслѣдованія, которое своею основательностью и усидчивостью привело бы въ трепеть любого изъ нашихъ буквѣдовъ. Широкихъ-то теоретиковъ много найдется, но за то теоріи ихъ подбиты вѣтромъ, и лопаются, какъ мыльные пузыри. А кто такимъ образомъ изучаетъ голубей, тотъ ужъ ни одного слова не говоритъ на вѣтеръ. Разнообразіе голубиныхъ породъ оказалось изумительнымъ. Не говоря уже о томъ, что этихъ породъ чрезвычайно много, мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ отличаются другъ отъ друга необыкновенно рѣзкими и очень своеобразными признаками

и особенностями. Напримеръ, у *англійскаго голуба* (*english carrier, Columba tabellaria*) длинный клювъ съ широкими ноздрами, у *курносаго турмана* клювъ такой, какъ у воробья, у *римскаго голубя*, при значительной величинѣ всего тѣла, клювъ толстый и поги большія, а у *варварійскаго голубя*, похожаго по фигурѣ на *гольца*, клювъ очень короткій и очень широкій. *Обыкновенный турманъ* (*C. gygatrix*) имѣетъ привычку взлетать цѣлою толпою на значительную высоту, и потомъ, спускаясь внизъ, по два или по три раза кувыряться на воздухѣ. *Толстогорлый голубь* (*C. gutturosa*) изъ гордости, или по какому нибудь другому неизвѣстному побужденію, постоянно раздуваетъ свой зобъ, и доводитъ его до такихъ размѣровъ, что, по словамъ Дарвина, «даже смѣшно смотрѣть». А *Columba turbita* такимъ же образомъ раздуваетъ заднюю часть своего пищевода. *Якобинцевъ* (*C. cucullata*) замѣчательнъ тѣмъ, что у него на шеѣ перья заворочены вверхъ, и образуютъ надъ его головою что-то въ родѣ капюшона; поэтому онъ и названъ якобинцевъ, въ честь тѣхъ монаховъ, которые носили капюшоны, и которые подарили свое имя не только кроткимъ голубямъ, но и лукавымъ членамъ знаменитаго революціоннаго клуба. *Голубь-назмизъ* (*C. Latucauda*) отличается необыкновенно широкимъ хвостомъ; у него въ хвостѣ отъ тридцати до сорока перьевъ, между тѣмъ какъ у другихъ голубей бываетъ ихъ отъ 12 до 14; и эти тридцать или сорокъ перьевъ всѣ торчатъ вверхъ вѣромъ, и даже наклоняются впередъ, такъ что у нѣкоторыхъ субъектовъ хвостъ сходится съ головою. Этихъ примѣровъ разнообразія будетъ достаточно; къ этому можно прибавить, что въ самомъ скелетѣ обнаруживаются очень важныя различія; вмѣстѣ съ формою и размѣромъ клюва измѣняется все строеніе черепа, число позвонковъ въ хвостѣ и въ крестцѣ, и число реберъ у различныхъ породъ бываетъ не одинаково; длина крыльевъ и хвоста сравнительно съ величиною тѣла, и относительная величина различныхъ частей поги подвергаются очень сильнымъ измѣненіямъ. Форма и размѣры яицъ, полетъ, голосъ и инстинкты—все это расходится въ разныя стороны. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ породахъ самецъ и самка значительно отличаются другъ отъ друга. Можно подобрать такую коллекцію голубей, что орнитологъ, специалистъ въ дѣлѣ изученія птицъ, непременно отнесетъ ихъ къ различнымъ видамъ, и даже посоветится назвать ихъ представителями одного рода. А между тѣмъ, всѣ эти разнокалиберныя птицы произошли отъ од-

ного вида, который, подъ названіемъ дикаго голубя (*rock-pigeon*, *Columba livia*) до сихъ поръ живетъ и размножается во многихъ странахъ земнаго шара. Если мы предположимъ, что различныя породы нашихъ домашнихъ голубей произошли отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, то, чтобы согласить это предположеніе съ существующими фактами, намъ придется запутаться въ безвыходную сѣть самыхъ рискованныхъ и несостоятельныхъ гипотезъ. Если мы не захотимъ допустить, что особенности различныхъ голубиныхъ породъ выработались медленнымъ путемъ постепенныхъ измѣненій, то намъ придется предположить, что въ дикомъ состояніи существовало, по крайней мѣрѣ семь или восемь отдѣльныхъ видовъ, изъ которыхъ одинъ отличался, напримѣръ, воробьинымъ клювомъ курносаго турмана, другой—стоячимъ хвостомъ голубя-павлина, третій—колоссальнымъ зобомъ толстогорлага голубя, и такъ далѣе. Отчего не предположить? Предположимъ. Но спрашивается, существуютъ ли теперь эти виды въ дикомъ состояніи? Нѣтъ, не существуютъ. А куда же они дѣвались? Отвѣтъ: исчезли, вымерли. Это уже начинаетъ быть неправдоподобнымъ. Голубь гнѣздится на скалистыхъ обрывахъ, и обладаетъ очень сильнымъ полетомъ; эти два обстоятельства такъ хорошо ограждаютъ его отъ естественныхъ враговъ, что полное истребленіе восьми голубиныхъ видовъ представляется дѣломъ чрезвычайно сомнительнымъ. Естественная исторія не знаетъ ни одного примѣра, который доказывалъ бы, что дикій голубь былъ истребленъ въ такой странѣ, гдѣ онъ прежде водился. Голуби сдѣлались домашними птицами въ глубокой древности; о нихъ упоминается въ исторіи Египта, слишкомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.; слѣдовательно, намъ придется предположить, что полудикіе люди сумѣли приручить нѣсколько породъ голубей, что они сумѣли соблюсти всѣ условія, необходимыя для того, чтобы эти различныя породы плодились въ неволѣ, что они выбрали для прирученія самыя странныя и причудливыя формы этихъ птицъ, и наконецъ, что всѣ выбранныя ими породы вымерли и исчезли съ лица земли, оставляя на бѣломъ свѣтѣ только свое ручное потомство. Каждое изъ этихъ предположеній порознь оказывается неправдоподобнымъ, но когда мы собираемъ всѣ эти предположенія въ одинъ букетъ, тогда неправдоподобіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что превращается въ очевидную невозможность и нелѣпость. А между тѣмъ, именно весь букетъ этихъ предположеній необходимъ для того, чтобы произвести различныя породы домашнихъ

голубей отъ нѣстолнннкъ дикнхъ нндовъ. Но кромѣ отрицательныхъ доказательствъ, есть и положительныя. Во-первыхъ, голубинныя породы, отличающіяся рѣзкими особенностями, ннгда и ннкогда не обращались въ дикое состоянне, не смотря на то, что европейцы перевозили ихъ за собою во всѣ части свѣта; напротивъ того, простой домашннй голубь, очень похожнй на дикаго, довольно часто возвращается къ образу жизни своихъ предковъ и умѣетъ обходиться безъ попомчннй человека. Это доказываетъ, что рѣзкня особенности этихъ птицъ выработались подъ влнннемъ людей, потому что въ противномъ случаѣ, эти особенности не отнимали бы у данныхъ субъектовъ возможности жить на свободѣ. Попадая въ свое отечество, курносый турманъ, или голубь-павлинъ долженъ былъ бы почувствовать себя дома, и, при первомъ удобномъ случаѣ, устроить себѣ самостоятельное бытне. Но если онъ до сихъ поръ ннкогда не попадалъ въ свое отечество, то слѣдуетъ думать, что у него, и у всей его породы нѣтъ и не было другаго отечества, кромѣ голубатннка. Во-вторыхъ, случается часто, что помѣсь двухъ отдѣльныхъ голубинныхъ породъ принимаетъ цвѣтъ дикаго голубя, хотя этого цвѣта не было ни у отца, ни у матери. Дарвинъ скрестилъ бѣлаго голубя-павлина съ чернымъ *барбомъ* (варварнйскимъ голубемъ); метисы получились черныя, коричневые и пестрые. Скрестилъ онъ другаго чернаго барба съ *спотомъ* *) (*Spot*); метисы вышли пестрые. Тогда онъ скрестилъ двухъ метисовъ, т. е., барбо-павлина съ барбо-спотомъ, и родился голубь прекраснаго свзаго цвѣта, съ бѣлымъ зобомъ, съ черными полосками на крыльяхъ и на хвостѣ, и съ бѣлымъ окаймленнемъ перьевъ на этихъ двухъ частяхъ тѣла. Словомъ, по цвѣту эта помѣсь двухъ метисовъ оказалась совершенно похожею на чистую *Columba livia*. Во всей цѣпи органическихъ существъ случаются такня возвращення къ характеру предковъ; въ человѣческихъ семействахъ замѣчаютъ очень часто, что ребенокъ похожъ не на отца, или на мать, а на дѣда или на бабу; вѣроятно случается часто, что онъ бываетъ похожъ на болѣе отдаленныхъ предковъ, но это обстоятельство, разумѣется, можетъ быть замѣчено только въ тѣхъ немногихъ семействахъ, въ которыхъ сохраняются семейные портреты. Что касается до голубей, то случай, подмѣченный Дарвиномъ,

*) Spot значить пятно. Этимъ именемъ называется бѣлая порода голубей съ краснымъ пятномъ на головѣ и съ краснымъ хвостомъ.

очень знаменателенъ. И барбъ, и спотъ, и павлинъ были очень чистой породы; ни у кого изъ нихъ не было ни одной крапинки сизаго цвѣта; слѣдовательно, откуда же этотъ цвѣтъ взялся у метисовъ втораго поколѣнія? Если вы хотите, во что бы то ни стало, произвести домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дивихъ породъ, то вамъ придется еще предположить, что всѣ эти разныя породы были окрашены, какъ дивій голубь, потому что только этимъ предположеніемъ объяснится стремленіе метисовъ къ сизому цвѣту. Но такъ какъ съ васъ должно быть довольно и тѣхъ неправдоподобныхъ предположеній, которыя я вамъ представилъ выше, то вы, вѣроятно, кладете оружіе, миритесь съ единствомъ происхожденія всѣхъ голубиныхъ породъ, и требуете только, чтобы я вамъ объяснилъ въ общихъ чертахъ, какъ выработалось теперешнее разнообразіе, и какии манеромъ потомки дикаго голубя приобрѣли различныя уродливыя особенности. Объясненіе будетъ представлено, какъ для голубей, такъ и для другихъ животныхъ, покорившихся человѣку.

IV.

СОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Я уже замѣтилъ выше, что голуби съ незапамятныхъ временъ сдѣлались домашними птицами. По многимъ историческимъ свидѣтельствамъ видно, что они постоянно пользовались благосклоннымъ расположеніемъ человѣка, а иногда дѣлались предметомъ особеннаго вниманія. Являлась мода на голубей, являлось множество любителей, и между ними завязывалось горячее соперничество. Римскій натуралистъ Плиній говорить, что въ его время голуби были въ большомъ почетѣ; за иныя породы платились большія деньги, и чистота такихъ любимыхъ породъ хранилась такъ тщательно, что каждый голубь имѣлъ свое генеалогическое древо. Въ Индіи великій моголъ Акбаръ-Ханъ, около 1600 года, былъ великимъ охотникомъ и специалистомъ по части голубей. Властители Ирана и Турана присылали къ нему самыхъ рѣдкихъ и отличныхъ птицъ голубиной породы. У него было до двадцати тысячъ штукъ голубей, и придворный лѣтописецъ замѣчаетъ съ благоговѣніемъ, что его величество изводили

изобрѣсти особую методу скрещиванія, посредствомъ которой породы голубей улучшились изумительнымъ образомъ. Въ то время, какъ Акбаръ-Ханъ предавался своимъ невиннымъ забавамъ, страсть къ голубямъ свирѣпствовала также на другой оконечности стараго свѣта; голландцы, которымъ впоследствии суждено было предаться обожанію тюльпановъ, бредили въ то время голубями. Конечно, въ исторіи встрѣчается много другихъ примѣровъ голубеманіи; и, разумѣется, во всякое время существовало еще больше такихъ любителей, о которыхъ никогда не упомянетъ никакая исторія. Мы видѣли выше, что и теперь есть въ Англіи знаменитые любители голубей, составляющіе голубиные клубы. Этими условіями совершенно достаточно, чтобы объяснить самое пестрое разнообразіе, и самыя эксцентрическія особенности въ различныхъ породахъ домашнихъ голубей. Голубей человѣкъ измѣнялъ по своему капризу, а другихъ домашнихъ животныхъ онъ измѣнялъ и до сихъ поръ измѣняетъ сообразно съ своими выгодами. Это дѣлается вотъ какъ: рождается, напримѣръ, голубь, у котораго зобъ немного больше, чѣмъ у его сродниковъ; любителю эта особенность кажется оригинальною и прелестною; мудренаго тутъ ничего нѣтъ, потому что человѣческіе вкусы гораздо болѣе разнообразны и эксцентричны, чѣмъ голубиныя породы; любитель подыскиваетъ зобастому голубю подругу, у которой зобъ также побольше, чѣмъ у другихъ; посмотримъ, думаетъ онъ, что выйдетъ. Выходятъ зобастые птенцы. Онъ выбираетъ изъ нихъ самыхъ зобастыхъ и спариваетъ ихъ съ другими зобастыми; ну и является наконецъ, послѣ многихъ систематическихъ спариваній и послѣ тщательнаго избранія самыхъ характерныхъ субъектовъ, такая птица, на которую смѣшно смотрѣть, и для которой надо выдумать особенное названіе *columba gutturosa*, а по англійски *pouter*. Такія особенности, которыми отличаются многія породы голубей, и которыя не доставляютъ никакой пользы ни человѣку, ни самому животному, дѣйствительно могли развиваться только тѣмъ путемъ, который показанъ въ предыдущихъ строкахъ. Только прихоть любителей произвела эти особенности, и только та же самая прихоть поддерживаетъ ихъ. Можно сказать навѣрное, что каждая очень эксцентричная порода голубей очень немногочисленна сравнительно съ какою нибудь простою породою; люди, держащіе голубей для стола, не станутъ выбирать нарочно голубей съ стоячими хвостами или съ якобинскими капюшонами, а если имъ попадутся такіе голуби, то инк-

то не станетъ заботиться о сохраненіи этихъ характеристическихъ признаковъ; птицы будутъ совокупляться по собственному благоусмотрѣнію; вся генеалогія перепутается, и черезъ нѣсколько поколѣній стоячіе хвосты и капюшоны совершенно пропадутъ, потому что эти эксцентрическія особенности очень непрочны. Гораздо прочнѣе тѣ особенности въ складѣ животныхъ, которыя приносятъ человѣку дѣйствительную пользу и прочнѣе онѣ именно потому, что объ ихъ поддержаніи и совершенствованіи заботятся сознательно или невольно всѣ люди, а не двѣ, три дюжины прихотливыхъ анатомовъ и любителей. Наконецъ, всего прочнѣе тѣ особенности, которыя полезны самому животному; эти особенности поддерживаются и развиваются постояннымъ вліяніемъ всей природы, неудержимымъ дѣйствіемъ той общей и роковой силы вещей, которая всегда и вездѣ оказывается неизмѣримо сильнѣе всякихъ человѣческихъ сознательностей. Но объ этихъ послѣднихъ особенностяхъ и объ этой силѣ вещей у насъ будетъ рѣчь впереди, тогда, когда мы отъ домашнихъ животныхъ перейдемъ къ дикимъ, то есть, изъ скотнаго двора выйдемъ въ лѣсъ, въ степь, въ море, въ различныя части свѣта, и въ глубину геологическаго прошедшаго. Покуда потолкуемъ о скотномъ дворѣ и объ огородѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ скромныхъ областяхъ сельскаго хозяйства мы найдемъ чрезвычайно много поучительнаго и интереснаго. Дарвинъ не даромъ началъ свою книгу съ домашнихъ животныхъ; ему было необходимо рассмотретьъ и изучать сначала дѣйствіе законовъ природы въ малыхъ размѣрахъ, въ упрощенныхъ формахъ, и въ ограниченныхъ сферахъ. Превращенія домашнихъ породъ относятся къ превращеніямъ дикихъ породъ, какъ искры электрической машины относятся къ ударамъ настоящаго грома. Изучать различныя свойства электричества гораздо удобнѣе въ физическомъ кабинетѣ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, во-первыхъ потому, что не можешь подъ дождемъ, а во-вторыхъ потому, что не рискуешь подвергнуться участи профессора Рихмана, который, какъ извѣстно, былъ убитъ громомъ въ прошломъ столѣтіи, во время своихъ наблюденій надъ атмосфернымъ электричествомъ. Такъ точно и въ дѣлѣ Дарвина. Тутъ даже нѣтъ никакой возможности дѣлать прямыя наблюденія надъ дикими породами. Надо имѣть постоянно передъ глазами изучаемую породу, надо слѣдить за ея видоизмѣненіями въ теченіи нѣсколькихъ и даже многихъ поколѣній; а какъ только вы поставите дикое животное въ такое положеніе, въ кото-

решъ можете постоянно слѣдить за нимъ, такъ оно, очевидно, перестанетъ быть дикимъ, и сдѣлается, или плѣннымъ животнымъ, или ручнымъ. Левъ въ клеткѣ—что жъ это за левъ? И какіе же общіе выводы можно основать на такихъ наблюденіяхъ, при которыхъ наблюдаемый предметъ насильственно вырванъ изъ своей естественной сферы и поставленъ въ совершенно ненормальное положеніе? Да если бы даже вы и захотѣли дѣлать тутъ какіе нибудь выводы, такъ и дѣлать-то ихъ не изъ чего, потому что запасъ фактовъ будетъ очень скуденъ. Поэтому, если натуралистъ хочетъ изучать вопросъ о тинахъ, о равновидностяхъ, о законахъ наследственности, о возможныхъ размѣрахъ индивидуальнаго разнообразія, то онъ долженъ съ полнымъ смиреніемъ обратиться къ тому богатому запасу практическаго опыта, который собранъ у скотоводовъ, у заводчиковъ, у садовниковъ, у огородниковъ и у разныхъ другихъ скрошныхъ двигателей матеріальнаго благосостоянія. У этихъ людей нѣтъ обобщающаго взгляда, но сырыхъ фактовъ пропасть, и умѣніе ихъ обращаться съ живымъ матеріаломъ доходитъ до изумительнаго совершенства, конечно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ сельское населеніе не задавлено бѣдностью, и гдѣ различныя отрасли сельскаго хозяйства не ведутся на авось. Въ Англіи и въ Германіи есть знаменитые скотоводы, которые, въ теченіи одной человѣческой жизни, произвели очень обширныя измѣненія въ нѣкоторыхъ породахъ быковъ и барановъ. «Можно подумать, говоритъ лордъ Сомервилъ, что они нарисовали идеальную форму, и потомъ дали ей жизнь». Они, дѣйствительно, смотрятъ на животное, какъ на кусокъ глины, изъ которой, при нѣкоторомъ умѣнн, можно вылѣпить самую красивую, самую полезную, или самую уродливую статую. И этотъ взглядъ основанъ цѣлкомъ на практическомъ опытѣ, потому что, какъ только эти господа пускаются въ теорію, такъ они становятся чрезвычайно робкими. Они сами измѣняютъ фигуру своихъ животныхъ, но въ то же время они рѣшительно отказываются вѣрить, что, напримѣръ, короткорогіе быки произошли отъ длиннорогихъ. Они видятъ и понимаютъ только то, что сами дѣлаютъ; поэтому, когда эти невѣрующіе практици говорятъ о превращеніяхъ, то имъ уже можно вѣрить безусловно. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Джонъ Себрайтъ, говоритъ, что онъ въ три года беретъ для голубя какой угодно цвѣтъ перьевъ; а въ шесть лѣтъ онъ можетъ переработать голову и клювъ. Вся хитрость состоитъ тутъ въ томъ, чтобы умѣть выбрать самца

и самку, и чтобы повторять эту операцию съ одинаковымъ искусствомъ для втораго, для третьаго помѣтня, и такъ даале. Эхотъ принципъ систематическаго выбора промывель и до сихъ поръ производить всѣ преобразенія машинкь домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растений. Но выбирать вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Вѣдь тутъ дѣло не въ томъ, чтобы распознать и отдѣлнить одну отъ другой двѣ явственно обозначенныя породы; и не въ томъ, чтобы отстранить отъ завода уредливыхъ субъектовъ; это только самая простая и чисто отрицательная часть задачи, и Дарвинъ, не имѣющій понятія о тайнахъ нашего русскаго скотоводства, утверждаетъ, даже съ полнымъ убѣжденіемъ, что не существуетъ такихъ безалаберныхъ людей, которые позволили бы размножаться самымъ плохимъ экземплярамъ своего стада. Но положительная сторона дѣла оказывается несравненно болѣе трудною. Глазъ скотовода долженъ подмѣтить каждую зарождающуюся особенность, чтобы уничтожить ее въ самомъ началѣ, если она можетъ сдѣлаться вредною, или чтобы развить и воснитать ее въ будущихъ поколѣніяхъ, если она можетъ принести пользу. Въ Саксоніи, гдѣ процвѣтаетъ топнорунное овцеводство, умѣнье изучать и разсматривать барановъ превратилось въ науку и въ искусство. Есть тамъ такіе специалисты по части барановѣденія, которыхъ владельцы стадъ приглашаютъ на консультаціи, и которымъ платять за совѣты очень порядочныя деньги. Три раза въ годъ, каждаго барана ставятъ на столъ, барановѣдъ изучаетъ его во всѣхъ подробностяхъ, какъ картину, отмѣчаетъ и записываетъ его въ особенную категорію, и за тѣмъ только самые безупроченные бараны признаются достойными наслаждаться счастьемъ взаимной любви. Не смотря на всѣ эти хлопоты и издержки, хозяинъ остается въ большомъ барышѣ, потому что бараны дѣйствительно воплощаютъ въ себѣ идеалъ бараньяго совершенства, а всякое совершенство, при умѣньи имъ пользоваться, даетъ значительный доходъ. Но не всякій желавшій можетъ сдѣлаться барановѣдомъ или быковѣдомъ; Дарвинъ всеми силами старался разсмотрѣть такія особенности, о которыхъ разсуждали и спорили специалисты, и ничего не могъ увидать. «Врядъ-ли, говоритъ онъ, одинъ человекъ изъ тысячи обладаетъ тою вѣрностью глаза и сужденія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ скотовѣдомъ». «Немнѣгіе люди повѣрять, говоритъ онъ далѣе, сколько требуется природныхъ способностей и опытности для того, что-

бы сдѣлаться искуснымъ любителемъ голубей». Впрочемъ, повѣрить этому вовсе не трудно; индивидуальныя особенности обыкновенно бываютъ едва замѣтны, а только постоянное накопленіе этихъ незамѣтныхъ особенностей въ известномъ направленіи можетъ современемъ повести къ замѣтному усовершенствованію породы, или къ образованію новой разновидности. Если вы побываете въ хорошемъ цвѣтницѣ, въ хорошемъ огородѣ, и въ хорошемъ фруктовомъ саду, то вы непремѣнно замѣтите очень любопытное явленіе; въ цвѣтницѣ вы увидите, положимъ, множество различныхъ георгинахъ; разнообразіе будетъ заключаться въ цвѣтахъ, между тѣмъ, какъ стебель и листья этихъ растений будутъ очень похожи другъ на друга; въ огородѣ вы увидите много сортовъ капусты; здѣсь листья будутъ разнообразны, а цвѣты почти одинаковы; въ фруктовомъ саду, вы увидите всевозможныя виды крыжовника; на одномъ кустѣ будутъ крупныя ягоды, на другомъ мелкія, на третьемъ зеленныя, на четвертомъ желтыя, на пятомъ—красныя,—здѣсь мохнатыя, тамъ гладкія, здѣсь—продолговатыя, тамъ—круглыя; но посмотрите на самыя кусты, на листья, на цвѣты, и вы едва отличите одинъ сортъ отъ другаго. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, разнообразіе, какъ видите, проявляется именно въ тѣхъ частяхъ растенія, на которыя обращено вниманіе человѣка. Понятно, почему. Занимаясь георгинами, садовникъ выбираетъ сѣмяна тѣхъ растений, которыя даютъ особенно яркіе и красивые цвѣты; если какая нибудь новая форма проявится въ цвѣтахъ этихъ растений, то садовникъ замѣтитъ и воспитаетъ ее; если же эта новая форма обнаружится въ стеблѣ или въ листьяхъ, то на нее даже никто и не посмотритъ. Цвѣты георгины измѣняются такимъ образомъ подѣ влияніемъ человѣка, а стебель и листья измѣняются уже только вслѣдъ за цвѣтами, по соотношенію въ развитіи, и эти второстепенныя измѣненія бываютъ обыкновенно незначительны. Въ капустѣ и въ крыжовникѣ дѣло устроивается точно также, съ тою только разницею, что вниманіе человѣка обращается тутъ, въ первомъ случаѣ, на листья, а во второмъ, на ягоды. То же самое явленіе можно замѣтить и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя человѣкъ производитъ надъ животными. Что онъ измѣняетъ, напримѣръ, въ баранѣ? Ростъ, фигуру тѣла, рога, шерсть, величину ногъ—вообще то, что бросается въ глаза, или что можно, по крайней мѣрѣ, рассмотреть. Никому въ голову не приходило измѣнить желудокъ или печень барана, да и никому бы не удалось сдѣлать такую штуку, по-

тому что, въ большей части случаевъ, нѣтъ возможности измѣнить у живаго существа, въ устройствѣ внутренняго органа, такую индивидуальную особенность, которую можно было бы развить посредствомъ систематическаго выбора. Но, когда устройство внутренняго органа проявляется въ какомъ нибудь внѣшнемъ признакѣ, тогда человекъ можетъ измѣнить и внутренней органъ. Напримѣръ, величина зоба выразилась у голубя въ привычкѣ раздувать эту часть тѣла; человекъ замѣтилъ и развилъ какъ зобъ, такъ и привываку. У свиней особое устройство пищеварительнаго канала или особыя химическія свойства крови выражаются внѣшнимъ образомъ въ черномъ цвѣтѣ щетинъ; обитатель Флориды замѣтилъ это обстоятельство, и, выбирая постоянно черныхъ свиней, упрочилъ за своими свиньями тѣ особенности, которыя позволяютъ имъ ѣсть корень *laelanthos*, не расплзчиваясь за это удовольствіе своими копытами. Наконецъ, коннозаводство, выбирая постоянно для своихъ заводовъ самыхъ быстрыхъ скакуновъ, несомнѣнно упрочиваетъ за своими лошадьми, кромѣ крѣпости ногъ, особое устройство легкихъ, потому что простая лошадь задохнется отъ того быстрого движенія, которое безъ малѣйшаго труда вынесетъ англійскій рысакъ. Такимъ образомъ, человекъ, посредствомъ цѣлесообразнаго выбора производителей, можетъ измѣнить всю организацію животныхъ и растений; но обыкновенно онъ измѣняетъ только внѣшніе органы, или какую нибудь отдѣльную группу органовъ, а внутренніе или вообще другіе органы, не интересующіе человека, измѣняются уже помимо его воли, въ мѣлѣ значительныхъ размѣрахъ, по неизслѣдованнымъ законамъ соотношенія въ развитіи.

V.

НЕВОЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скотоводы стали обращать серьезное вниманіе на улучшеніе породъ посредствомъ систематическаго выбора производителей. До сихъ поръ скотоводство обращено въ науку и въ искусство только въ немногихъ странахъ Европы; гдѣ существуетъ національное скотоводство, тамъ оно съ

неуничтожимомъ быстротомъ доставило уже блестящія результаты, но результаты эти не могутъ имѣть обширнаго значенія, по той простой причинѣ, что всякое рациональное знаніе еще надеяго будетъ оставаться доступнымъ только для самого незначительнаго меньшинства нашей великой и преславной породы. Большинство людей, вследствие печальной необходимости, живетъ и дѣйствуетъ оцущью, по силѣ инерціи, безъ всякаго плана жизни и безъ всякой цѣли. Какъ оно живетъ вообще, такъ точно оно дѣйствуетъ и на тотъ міръ животныхъ и растеній, отъ котораго оно зависитъ въ своемъ пропитаніи. Вліяніе этого бессознательнаго большинства обнаруживается медленно, неслепе и безцѣлнво, но за то кругъ дѣйствій этого большинства чрезвычайно обширенъ. Во-первыхъ, большинство есть все-таки стихійная сила, и въ сравненіи съ нею всякіе индивидуальныя труды оказываются крошечными песчинками; во-вторыхъ, это большинство дѣйствуетъ не какъ нибудь восседаетъ лѣтъ, какъ просвѣщенные слотоводы, а нѣсколько десятковъ тысячелѣтій. Поэтому, не подлежатъ сомнѣнію, что большинство, или человечество вообще, съ начала своего существованія, невольно и бессознательно произвело въ животныхъ и въ растеніяхъ множество чрезвычайно важныхъ и обширныхъ измѣненій. Великій разъ, какъ только человѣкъ имѣлъ возможность выбрать изъ нѣсколькихъ предметовъ одинъ, онъ выбиралъ непременно тотъ, который доставлялъ ему больше пользы или удовольствія. Если онъ, напримѣръ, могъ прокормить только одну собаку, то онъ, конечно, пришибалъ не ту, которая отличалась особенною вѣрностью и смѣлостью. Если у него была одна кобыла, то онъ, разумѣется, не отыскивалъ для нея нарочно самаго уродливаго и дряхлаго жеребца. Когда Арабы, застигнутые голодомъ въ пустынѣ, бывають принуждены зарѣзать и съѣсть верблюда, то они никакъ не распорядятся такимъ образомъ съ самымъ лучшимъ и съ самымъ крѣпкимъ верблюдомъ. Дикіе обитатели Огненной земли такъ дорожатъ своими собаками, что во время голодныхъ мѣсяцевъ или годовъ, которые для всякихъ дикарей вообще повторяются очень часто, — они убиваютъ и съѣдаютъ своихъ старухъ, а собакъ не трогать, потому, говорятъ они, что собака полезнѣе. Когда людямъ, не питающимся въ обыкновенное время человѣческимъ мясомъ, приходится поѣдать своихъ ближнихъ родственницъ, тогда, разумѣется, бываетъ уже съѣдено все, что только можно было съѣсть. Собаку можно съѣсть, а если ее не съѣсть, то ее

надо кормить, а это очень музрано сдѣлать въ такое время, когда люди ѣдятъ другъ друга, и все-таки умираютъ съ голоду. Понятно, что, послѣ такой передраги, умѣютъ только тѣ собаки, котормя, во первыхъ, особенно драгоценны для своихъ владѣльцевъ какими нибудь отъѣнными достоинствами, и, во вторыхъ, умѣютъ переносить голодъ лучше другихъ. Выборъ будетъ сдѣланъ, такимъ образомъ, не по рациональной методѣ, но за то чрезвычайно строго. И въ древности, и во время среднихъ вѣковъ, люди голодали очень часто, нисколько не хуже теперешныхъ обитателей Огненной земли или Гренландіи. А что въ доисторическія времена такіа голодные полосы находили на людей еще гораздо чаще, и поражали ихъ гораздо сильнѣе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ дальше въ прошедшее, тѣмъ мрачнѣе становится картина человѣческаго существованія или прозабанія. Голодъ обрушивался и на людей, и на домашнихъ животныхъ; животныя травоядыя могли бы прокормиться сами, но ихъ съѣдали голодные люди, и, конечно, оставалось въ живыхъ только то, что было всего крѣпче, всего лучше, и всего необходимѣе. Эти періодическія посѣщенія голода сдѣлались гораздо рѣже, или совершенно прекратились только тогда, когда люди, размножившись, стали вести образъ жизни вполнѣ приличный осѣдлому и земледѣльческому племени. Тутъ уже «табуны его коней» не могли пасться «вольны, нехранимы», потому что это возможно только тогда, когда «его дуга необозримы», а необозримость дуговъ существуетъ тогда, когда народъ находится въ переходномъ состояніи отъ кочевой жизни къ осѣдой. Когда же кони, и всякій другой скотъ стали обитать въ покрытыхъ строепіяхъ, тогда, вмѣсто вліянія періодическаго голода, домашнія животныя стали испытывать на себѣ видоизмѣняющее дѣйствіе хозяйственныхъ распоряженій. Всякій крестьянинъ, вовсе не рассчитывая усовершенствовать породу, и вовсе не зная, что такіа усовершенствованія возможны, старался, по крайней мѣрѣ, чтобы его корова или кобыла не провазводила на свѣтъ уродовъ. Для этого, онъ, напримѣръ, держалъ молодыхъ самцовъ отдѣльно отъ молодыхъ самокъ. Если представлялась возможность случить корову съ хорошимъ быкомъ, или кобылу съ хорошимъ жеребцомъ, то крестьянинъ, разумѣется, пользовался этою возможностью, потому что важное значеніе хорошей породы понятно самымъ необразованнымъ людямъ, и было имъ извѣстно съ незапамятныхъ временъ.

Они не умѣли ни произвести, ни даже поддержать въ полной чистотѣ хорошую породу, но все-таки, по мѣрѣ своихъ силъ и своей сообразительности, они старались сдѣлать получше, а не похуже. То, что было очевидно дурно, отбрасывалось въ сторону; то, что было очевидно хорошо, сохранялось; и такъ какъ въ этомъ направленіи дѣйствовали не десятки людей, а милліоны, то и результаты получились очень значительные, хотя въ большей части случаевъ никакое научное изслѣдованіе не можетъ показать намъ, коковы были первобытныя формы домашнихъ животныхъ, и черезъ какія постепенныя видоизмѣненія они должны были пройти, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго положенія. Исторія разныхъ животныхъ и хозяйственныхъ растений не сохранилась, и не могла сохраниться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, начало земледѣлія и скотоводства относится къ такому далекому прошедшему, о которомъ говорить не лѣтописи, и даже не преданія, а только кое-какіе, самые скудные геологическіе остатки; жили люди, были у нихъ прирученныя животныя, остались отъ тѣхъ и отъ другихъ кое-какія кости, — вотъ и все, что можно узнать о доисторическихъ тысячелѣтіяхъ, да и эти небогатыя свѣдѣнія мы стали прибрѣтать только въ самое новѣйшее время. Стало быть, возстановить типъ домашнихъ животныхъ и растений, какъ они были въ минуту перваго своего сопрیکосновенія съ человѣкомъ, и потомъ сравнить этотъ типъ съ тѣми формами, которыя живутъ теперь подъ нашею властью—эта такая работа, которую изслѣдователи наши, по всей вѣроятности, никогда не будутъ въ состояніи выполнить. Не зная исходной точки, мы точно также не знаемъ и тѣхъ переходныхъ ступеней, черезъ которыя прошли наши животныя и растенія. Теперь, когда на этотъ предметъ обращено вниманіе мыслящихъ людей, теперь, когда существуютъ выставки сельскохозяйственныхъ произведеній, когда о скотѣ, объ огородахъ, о садахъ и о поляхъ пишутся научныя сочиненія съ самыми отчетливыми рисунками, чертежами и таблицами, теперь, разумѣется, можно замѣтить всякую переѣбу въ быкахъ, въ баранахъ, въ капустахъ, въ пшеницѣ, въ георгинахъ или въ крыжовникѣ. Но въ былое время, въ то время, которое собственно для насъ не составляетъ даже прошедшаго, — никто не обращалъ вниманія на эти переѣбы, никому не приходило въ голову рисовать портретъ съ капусты, или измѣрять быка вдоль и поперекъ. Теперь, въ образованныхъ государствахъ измѣненія органическихъ формъ

рѣзче бросаются въ глаза, потому что, благодаря трудамъ дѣльныхъ специалистовъ, они совершаются очень быстро, то есть, въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, на глазахъ одного поколѣнія. Въ былое время они совершались чрезвычайно медленно, и людямъ было такъ же не возможно замѣтить эти измѣненія, какъ невозможно, напримеръ, замѣтить глазами движеніе часовой стрѣлки. О движеніи часовой стрѣлки человекъ, не знающій внутренняго устройства часовъ, замѣчаетъ потому, что помнитъ, на какомъ мѣстѣ она стояла нѣсколько времени тому назадъ, и видитъ, гдѣ она очутилась въ данную минуту. Въ вопросѣ объ органическихъ формахъ мы обыкновенно не знаемъ, гдѣ стояла стрѣлка лѣтъ пять сотъ или семь сотъ тому назадъ, но, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ у насъ есть указанія на прошедшее положеніе стрѣлки, мы постоянно видимъ, что она съ тѣхъ поръ подвинулась впередъ. Напримеръ, англійская лягавая собака привезена въ Англію изъ Испаніи; между тѣмъ, въ Испаніи новѣйшіе путешественники ни разу не видали ни одной собаки, похожей на теперешнюю англійскую; испанскія лягавыя собаки хуже теперешнихъ англійскихъ, и послѣднія были усовершенствованы тѣмъ, что каждый охотникъ старался приобрести себѣ собаку, какъ можно лучше, хотя ни одинъ охотникъ не заботился положительно о томъ, чтобы реформировать всю породу. Англійскія лошади происходятъ отъ арабскихъ, но онѣ теперь на столько лучше послѣднихъ, что на нѣкоторыхъ скачкахъ существуютъ постоянныя правила, по которымъ арабскіе скакуны во время состязаній должны нести на себѣ меньше тяжести, чѣмъ англійскіе. По описаніямъ Плинія можно заключить, что груши у древнихъ римлянъ были очень дурнаго качества, а между тѣмъ, вѣдь никто же не рѣшится предположить, что лучшіе сорта нашихъ теперешнихъ грушъ найдены готовыми, гдѣ нибудь въ лѣсу, во время среднихъ вѣковъ. Въ лѣсу, разумѣется, находились всегда только такія яблоки и груши, которыя мы и теперь называемъ дикими, и которыми никто не желаетъ лакомиться. Теперешнія груши произошли прямымъ путемъ отъ дрянныхъ грушъ временъ Плинія, и усовершенствовались постепенно вліяніемъ тщательной обработки; а главнымъ средствомъ улучшенія былъ выборъ сѣмянъ; всякій садовникъ, какъ бы онъ ни былъ неразвитъ, все-таки старается посѣять самыя крупныя, самыя зрѣлыя сѣмяна, происходящія изъ тѣхъ плодовъ, которые отличались особенною сочностью и особенно хорошимъ вкусомъ. Даже го-

голевскій Иванъ Николаевичъ, и тотъ навѣрное собиралъ въ бумажку сѣмяна тѣхъ только дынь, которыя ему нравились. А если, такимъ образомъ, въ теченіи другихъ столѣтій постоянно накапливаются только самыя легкія и незамѣтныя индивидуальныя особенности, то въ общемъ итогѣ непременно получаютъ наконецъ новыя породы, и цѣлыя новыя виды. Пока эти разновидности, породы и виды вырабатываются, ихъ никто не замѣчаетъ; когда же они омончательно готовы, и когда нельзя ихъ не замѣтить, тогда никто не знаетъ, откуда они взялись, и какъ они сформировались. Отсюда и возникаетъ мнѣніе, что они-дескать всегда существовали. Если челоуѣкъ чего нибудь не знаетъ, то онъ въ одну минуту или выдумаетъ что нибудь, или увѣритъ себя, что тутъ и знать нечего. Не знаетъ происхожденія породы, значитъ и не было никакого происхожденія; всегда была порода, съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ; не знаетъ развитія породы — значитъ, и нѣтъ никакого развитія; всѣ породы неизмѣнны и неподвижны. А живая-то живанъ сейчасъ тутъ же и прихлопнетъ челоуѣка, и уличитъ его въ безтолковомъ и самопадѣянномъ вранѣи несопровержанными фактами. Окажется напримѣръ, что породы чрезвычайно подвижны, и что онѣ часто измѣняются передъ самыми глазами челоуѣка, помимо и даже вопреки его воли. Жили-были два англичанина, Берджесъ и Беллей; завели они себѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, по стаду лейстерскихъ барановъ, съ бекулемскаго завода; заводъ этотъ знаменитый, и оба англичанина старались только о томъ, чтобы сохранить въ чистотѣ породу своихъ стадъ, и всѣ ихъ превосходныя качества. Бараны какъ были отличные, такъ и остались отличными. Но какъ ни строги были консервативныя тенденціи господъ Берджеса и Беллея, однако въ результатѣ все-таки получился прогрессъ, а если не прогрессъ, такъ во всякомъ случаѣ перемѣна. У Берджеса — одни бараны, а у Беллея — другіе, точно двѣ разныя породы, и обѣ породы отличаются отъ чистыхъ бекулемскихъ барановъ. И жили оба стада въ одномъ климатѣ, и мѣстоположеніе одинаковое, и пища та же самая, и хозяева оба консерваторы, а все-таки такой грѣхъ случился. Чѣмъ же его объяснить? Все-таки выборомъ производителей. Берджесъ и Беллей хотѣли придти къ одной цѣли, или вѣрнѣе, оба хотѣли стоять на одномъ мѣстѣ, но такъ какъ одинъ челоуѣческій взглядъ никогда не сходился вполне съ другимъ, то и наши англичане навѣрное чуть-

чуть, но расходились между собою въ манерѣ прикладывать общую методу къ дѣлу. Берджесъ обращалъ, напримѣръ, немножко больше вниманія на одну сторону бараняго идеала, а Беклей на другую. И изъ этого «немножко», и изъ этого «чуть-чуть», въ теченіи пятидесяти лѣтъ, при полномъ сходствѣ важнѣйшихъ условій жизни, выработалась очень замѣтная разница въ результатахъ. Послѣ этого, надо быть очень яростнымъ классификаторомъ, и очень непреклоннымъ обожателемъ неумовимаго понятія *ovis aries*, чтобы отрицать измѣняемость органическихъ формъ, и чтобы не видѣть въ каждомъ измѣненіи исключительное дѣйствіе человеческого искусства. Если человекъ не хочетъ измѣнять, а между тѣмъ все-таки измѣняетъ, то очевидно, что его самого увлекаетъ необходимая и роковая сила вещей. А эта сила вездѣ одна и та же; она дѣйствуетъ и на скотномъ дворѣ англійскаго сквайра, и въ дѣвственномъ лѣсу тропической Америки, и въ развалившейся клѣтушкѣ русскаго мужика, и въ холодной глубинѣ полярнаго океана. Законъ тяготѣнія управляетъ движеніемъ тѣхъ частицъ жира, которыя поднимаются на поверхность вашего супа, и тотъ же законъ господствуетъ надъ тѣми тысячами міровъ, которые представляются нашимъ сильнѣйшимъ телескопамъ въ видѣ неясныхъ туманныхъ пятенъ. А законъ тяготѣнія отличается отъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается развитіе органической жизни, только тѣмъ, что послѣдніе гораздо сложнѣе перваго и гораздо менѣе изслѣдованы. Но всѣ законы природы, простые и сложные, изслѣдованные и неизслѣдованные, физическіе или психологическіе, одинаково непоколебимы, одинаково обширны и одинаково не терпятъ исключеній, потому что всѣ они одинаково вытекаютъ изъ необходимыхъ и вѣчныхъ свойствъ безпредѣльнаго міроваго вещества.

VI.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ.

Каждое растеніе производитъ въ теченіи своей жизни нѣсколько зеренъ; каждая самка, къ какому бы классу животнаго царства она

ни принадлежала, производить, при нормальныхъ условіяхъ, нѣсколько яицъ или нѣсколько живыхъ дѣтенышей. Каждая порода органическихъ существъ стремится, такимъ образомъ, размножаться по геометрической прогрессіи, которая возрастаетъ болѣе или менѣе быстро, смотря по тому, много или мало птенцовъ рождаетъ самка. Если мы возьмемъ ту геометрическую прогрессію, которая возрастаетъ въ такомъ видѣ: 1, 2, 4, 8, 16, 32... то и тутъ получатся изумительные результаты. Линней предположилъ, что какое нибудь однолѣтнее растеніе даетъ въ теченіи своей годовой жизни только два зерна, и что эти два зерна на будущій годъ взойдутъ благотворно, и въ свою очередь принесутъ по два зерна; продолжая этотъ расчетъ съ тѣми же предположеніями, онъ нашелъ, что на двадцать-первый годъ получится больше милліона растеній. Но такихъ растеній, которыя приносили бы въ годъ по два зерна, не существуетъ; всѣ приносятъ больше; а у нѣкоторыхъ органическихъ существъ быстрота размноженія доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ. Самка палима кладетъ въ годъ до 130 тысячъ яицекъ; самка окуни до 300,000; треска до 4 милліоновъ; если приложить расчетъ Линнея къ трескѣ, то есть, если предположить, что каждое изъ 4 милліоновъ яицекъ благополучно разовьется и произведетъ также 4 милліона яицекъ, и если продолжать этотъ расчетъ до двадцати перваго поколѣнія, то, разумѣется, получится такой рядъ цифръ и нулей, котораго никто не счумѣетъ произнести, а треска такъ сопрется въ морѣ, что ей негдѣ будетъ повернуться, и уже во всякомъ случаѣ нечѣмъ будетъ питаться. Но такое несчастье возможно только въ теоретическомъ расчетѣ; въ природѣ оно невозможно, именно потому, что всѣ органическія формы размножаются по геометрической прогрессіи; всѣ онѣ производятъ столько дѣтей, яицъ или сѣмянъ, что если бы всѣ дѣти, яйца и сѣмена, произведенныя только въ теченіи одного года, достигли полного своего развитія, то всѣ эти ровесники не могли бы умѣститься на всей поверхности земнаго шара. Но это предположеніе опять таки не только неосуществимо въ дѣйствительности, а даже немыслимо въ теоріи, то есть, оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если вы предположите, что всѣ сѣмена растеній достигнуть полного своего развитія, то вы осудите на вѣрную смерть весь животный міръ безъ исключенія, потому что нѣтъ ни одного животнаго, которое питалось бы неорганическими веществами. Если вы захотите, чтобы группа тра-

водныхъ животныхъ развилась совершенно безпрепятственно, то вы до нѣкоторой степени обидите растительный міръ, и совершенно погубите плотоядныхъ. Словомъ, органическая жизнь немыслима безъ постоянного и ежеминутнаго истребленія живыхъ существъ; органическая жизнь есть вѣчная борьба между живыми существами, и каждая органическая форма стѣсняется въ своемъ размноженіи всѣми остальными формами. Борьба эта не можетъ прекратиться ни на одно мгновеніе, потому что каждый шагъ въ жизни есть актъ борьбы. Борются приходится за все, за пищу, за пространство, за горсть земли, за глотокъ воздуха, за частицу воды, за лучъ свѣта, за неприкосновенность собственнаго тѣла, короче сказать за жизнь, въ самомъ обширномъ и всеобъемлющемъ смыслѣ этого страннаго слова. Кто оплошалъ въ этой борьбѣ, тотъ погибъ, того тотчасъ отдають въ ломъ, какъ серги или булавку стараго фасона; онъ умираетъ и его немедленно, самымъ веселымъ и добродушнѣйшимъ образомъ, поѣдаютъ другія растенія и животныя; то растеніе или животное, которому удалось оторвать себѣ кусокъ мертваго тѣла, одержало побѣду надъ тѣми, кому это не удалось; кто часто одерживаетъ такія побѣды, тотъ усиливается, и получаетъ возможность еще съ большимъ успѣхомъ одолавать своихъ конкурентовъ; кто часто терпитъ такія пораженія, тотъ, напротивъ того, слабѣетъ, умираетъ и своею смертію открываетъ поле для новыхъ схватокъ, которыя кончаются новыми побѣдами однихъ и новыми пораженіями другихъ. Если, напримѣръ, ястребъ поймалъ и задушилъ голубя, то онъ одержалъ побѣду не только надъ голубемъ, но и надъ другими ястребами. Какъ ни могучъ полетъ ястреба и какъ ни многочисленны тѣ птицы, которыя могутъ служить ему добычею, однако число этихъ послѣднихъ не можетъ считаться неограниченнымъ на томъ пространствѣ земли, которое ястребъ можетъ облетѣть не отдыхая. Стало быть, всякій голубь, съѣденный однимъ ястребомъ, есть кусокъ пищи, отнятый имъ у другихъ хищныхъ птицъ. Слѣдовательно, между этими птицами происходитъ постоянная борьба, даже тогда, когда у нихъ и не доходитъ дѣло до открытой драки. Если люди ищутъ грибовъ въ одномъ лѣсу, то они, очевидно, борются между собою, хотя и не наносятъ другъ другу ударовъ. Если растеніе производитъ въ годъ сотню зеренъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ только одно успѣваетъ пустить корень, то, разумѣется, это растеніе борется со всѣми своими сосѣдами за кусокъ земли, и за необходимую порцію

воздуха и солнечнаго свѣта. Или оно должно задушить кого *нибудь* изъ сосѣдей, или сосѣди его задушатъ. Середины вѣтъ и нейтрализовать невозможно. На дубѣ, на яблонѣ, и на нѣкоторыхъ другихъ деревьяхъ растетъ чуждае растеніе *viscum amicragum*; оно борется за жизнь, какъ съ другими подобными себѣ растеніями, такъ и съ тѣми деревьями, изъ которыхъ оно тянетъ питательные соки; если этихъ растеній на одномъ деревѣ разведется слишкомъ много, то дерево зачахнетъ и умреть, а вслѣдъ за нимъ умрутъ и его паразиты. Птицы клюютъ ягоды этого растенія и потомъ разсѣваютъ его сѣмена въ своихъ испражненіяхъ; для *viscum* выгодно, чтобы птицы клевали его плоды: для другихъ растеній того же вида или другихъ видовъ и родовъ—это также выгодно, по тѣмъ же самымъ причинамъ; стало быть, и здѣсь завязывается борьба въ самой своеобразной формѣ; одна ягода говоритъ птицѣ: съѣшь меня! и другая тоже проситъ: пожалуйста, съѣшь меня! Очевидно побѣда остается за тѣмъ сортомъ ягодъ, и за тѣми отдѣльными ягодами каждаго сорта, которыя оказываются самыми вкусными для приглашаемой птицы. Результатъ борьбы здѣсь, какъ и вездѣ, выразится въ томъ, что число побѣдителей увеличится, а число побѣжденных уменьшится. Жить на бѣломъ свѣтѣ значить постоянно бороться и постоянно побѣждать; растеніе борется съ растеніемъ, травоядное животное борется съ растеніемъ и съ травоядными, плотоядное съ травояднымъ и съ плотояднымъ, крупныя животныя съ мелкими, напримѣръ: быкъ съ какою нибудь мухою, которая владеть ему свои яци въ ноздри и разводитъ у него въ носу цѣлую губительную колонію, или человекъ съ крошечною американскою блохою, которая поселяется вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ подъ погтемъ его ноги и производитъ такимъ образомъ смертельное воспаленіе, или вообще всѣ высшія животныя съ мельчайшими паразитами, живущими въ ихъ внутренностяхъ и причиняющими очень часто опасныя болѣзни. Отгѣнки этой всемірной борьбы безконечно разнообразны; каждому недѣлимому приходится постоянно и нападать, и защищаться; и только тотъ, кто отстоялъ свое тѣло отъ гастрономическихъ покушеній разнокалиберныхъ враговъ и кто самъ поѣлъ достаточное количество другихъ враговъ, только тотъ, говорю я, можетъ оставить послѣ себя потомство, которому предстоитъ тотчасъ же послѣ рожденія начать ту же самую истребительную борьбу. Родиться на свѣтѣ—самая простая штука, но прожить на свѣтѣ—это уже очень

мудрено; огромное большинство органическихъ существъ вступаетъ въ міръ, какъ въ громадную кухню, гдѣ повара ежеминутно рубятъ, потраншатъ, варятъ и поджариваютъ другъ друга; попавши въ такое странное общество, юное существо прямо изъ утробы матери переходитъ въ какой нибудь котелъ и поглощается однимъ изъ поваровъ; но не успѣлъ еще поваръ проглотить свой обѣдъ, какъ онъ уже самъ, съ недожеваннымъ кускомъ во рту, сидитъ въ котлѣ, и обнаруживаетъ уже чисто пассивныя достоинства, свойственныя хорошей котлетѣ. И идетъ эта удивительная работа день и ночь, безъ малѣйшаго перерыва съ тѣхъ поръ, какъ «солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ». Сколько миллионновъ птицъ питается, напримѣръ, зернами и насѣкомыми! Каждой птицѣ надо съѣсть въ день сотни мошекъ или сѣмичокъ, и слѣдовательно каждый разъ, какъ она разбѣгаетъ свой клювъ, однимъ органическимъ существомъ становится меньше. Сила размноженія у всѣхъ органическихъ существъ очень велика, но конечный результатъ зависитъ не отъ этой силы, а отъ величины препятствій, лежащихъ на пути этого размноженія, и отъ могущества тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ размножающаяся порода для борьбы съ этими препятствіями. Препятствія заключаются въ напорѣ другихъ органическихъ существъ, которыя также размножаются, а оборонительныя и наступательныя средства заключаются въ условіяхъ организаціи той породы, о которой идетъ рѣчь. Когда выгодное устройство этой организаціи превѣшиваетъ препятствія, тогда порода размножается, и если перевѣсъ очень значителенъ, то и размноженіе идетъ очень быстро. Напримѣръ, въ южной Америкѣ и въ Австраліи, лошади и быки, привезенные европейцами, возвратились къ дикому состоянію и размножились съ невѣроятною быстротою. Сила размноженія не увеличилась, потому что складъ коровъ и кобылъ не измѣнился, но уменьшились препятствія, существовавшія въ Европѣ; человекъ уже не рѣзалъ телятъ и быковъ для своего стола и не отвлекалъ лошадей отъ дѣторожденія своими хозяйственными распоряженіями; а еще важнѣе было то обстоятельство, что въ своемъ новомъ отечествѣ эти одичавшія животныя не встрѣтили себѣ ни многочисленныхъ и опасныхъ враговъ между плотоядными звѣрями и чужеядными насѣкомыми, ни многочисленныхъ и опасныхъ конкурентовъ между туземными формами травоядныхъ. Въ обширныхъ луговыхъ равнинахъ Ла-Платы, цѣлыя квадратныя мили почти исключительно покрыты однимъ видомъ репейника, завезеннаго изъ

Европы, следовательно, попавшаго въ Америку послѣ Колумба. Въ Остѣ-Индіи живутъ нѣкоторыя растенія, привезенныя изъ Америки, и эти растенія въ большомъ изобиліи распространены отъ Гималайскихъ горъ до мыса Коморина, то есть до самой южной оконечности полуострова. Ясно, что европейскій репейникъ, завоевавшій Ла-Плату, и американское растеніе, водворившееся въ Индіи, покрыли такія обширныя пространства въ такое короткое время не потому, что они размножаются особенно быстро, а потому, что они по своей организаціи оказались сильнѣе представителей туземной флоры. Кондоръ кладетъ пару яицъ, а страусъ штукъ двадцать, но въ нѣкоторыхъ странахъ кондоровъ больше, чѣмъ страусовъ, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; страусъ кладетъ свои яйца въ землю, гдѣ ихъ расхищаютъ и люди, и животныя, а кондоръ устраиваетъ свое гнѣздо на неприступныхъ скалахъ, куда никому не захочется отправляться за добычею; за тѣмъ, важно то обстоятельство, что у страуса нѣтъ того страшнаго оборонительнаго и наступательнаго оружія, которымъ обладаетъ кондоръ; наконецъ, можно замѣтить, что страусу вредятъ его красивыя перья, изъ за которыхъ онъ терпитъ постоянныя преслѣдованія отъ неугомонныхъ людей. Буревѣстникъ кладетъ только по одному яйцу, а между тѣмъ это самая многочисленная порода птицъ. И не мудрено. Это единственное яйцо кладется на скалѣ, у самаго моря; буревѣстникъ постоянно летаетъ надъ океаномъ, очень далеко отъ берега; крылья у него сильныя, питается онъ рыбою, и не полетитъ за нимъ въ открытое море никакая хищная птица, ни для того, чтобы съѣсть его самого, ни для того, чтобы отбивать у него добычу. Но, конечно, тѣ породы органическихъ существъ, которыя не имѣютъ возможности защитить свое потомство противъ многочисленныхъ враговъ, ограждаютъ себя отъ совершеннаго истребленія только своею непомерною плодовитостію; на примѣръ: рыбы большею частью бросаютъ свою икру въ воду, не принимая никакихъ предосторожностей; животныя истребляютъ ежегодно билліоны яичекъ и маленькихъ рыбокъ, только что выглянувшихъ на свѣтъ; люди ежегодно ловятъ и съѣдаютъ милліоны рыбъ всякой породы и всякаго возраста; разумѣется, всѣ рыбы давно были бы истреблены, если бы онѣ не размножались съ непостижимою быстротою; если изъ 4 милліоновъ яичекъ трески выведутся только 40 рыбокъ, если изъ этихъ сорока дожить до зрѣлаго возраста только двѣ рыбы, и если этотъ процессъ будетъ

повторяться каждый годъ, то и тогда треска будетъ размножаться, потому что она живетъ гораздо больше одного года, и слѣдовательно, въ теченіи своей жизни, самецъ и самка успѣютъ произвести себѣ на смѣну больше одной пары. Стало быть, для того, чтобы количество трески не увеличивалось и не уменьшалось, надо, можетъ быть, чтобы изъ десятка миллионѡвъ яичекъ выводилась и доживала до совершеннолѣтія только одна рыба; и конечно, трудно себѣ представить, чтобы изъ десяти миллионѡвъ случаевъ, не выдалось ни одного совершенно счастливаго. Почти то же самое мы видимъ въ нашихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, которыя спасаются отъ совершеннаго истребленія единственно тѣмъ, что огромное количество отдѣльныхъ растеній собрано на одномъ мѣстѣ. Если бы мы захотѣли посѣять не сотни десятинъ ржи или пшеницы, а одну грядку, то птицы небесныя съѣли бы все до послѣдняго зерна; но, такъ какъ количество хлѣбныхъ колосьевъ, созрѣвающихъ въ одномъ околѡдѣ, несоизмѣрно велико въ сравненіи съ количествомъ зерноядныхъ птицъ, водящихся въ томъ же околѡдѣ, то кое-что остается и на долю людей. Птицы набѣдаютъ до отвалу, жирѣютъ, портятъ еще больше хлѣба, чѣмъ сколько съѣдаютъ, и все-таки не могутъ уничтожить всего, потому что на такой подвигъ способна только саранча, да и то на очень ограниченномъ пространствѣ.

VII.

СЛОЖНЫЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ОРГАНИЧЕСКИМИ СУЩЕСТВАМИ.

Такъ какъ органическія существа или побѣждаютъ другъ друга, или отбиваютъ другъ у друга пищу, или борются между собою за порцію земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, то, разумѣется, они всѣ связаны между собою самыми сложными и перепутанными отношеніями. Нѣтъ и не можетъ быть ни одного органическаго существа, которое не зависѣло бы въ своемъ существованіи отъ множества различныхъ животныхъ и растеній, и притомъ часто отъ такихъ, съ которыми оно даже не имѣетъ ни малѣйшихъ непосредственныхъ отношеній. При теперешнемъ положеніи нашихъ знаній, мы ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, ни для одного животнаго или растенія

не можемъ указать точно и подробно на всѣ пути, связывающія его по разнымъ направленіямъ со всєю цѣнью другихъ созданій. Важно и превосходно уже то, что современные натуралисты поняли сложность этихъ взаимныхъ отношеній между органическими существами; убѣдившись въ этой сложности и въ своемъ собственномъ невѣдѣніи, натуралисты поставили себя лицомъ къ лицу съ своею настоящею задачею; они вглядѣлись въ ея трудности и сообразили также, что эти трудности, которыя вовсе не могутъ считаться непобѣдимыми, преодолевается только терпѣливымъ, внимательнымъ и совершенно непредубѣжденнымъ наблюдениемъ мельчайшихъ подробностей органической жизни. Чѣмъ больше фактическихъ наблюденій, тѣмъ ближе рѣшеніе великихъ задачъ; а для мыслящаго натуралиста поводы къ наблюденіямъ представляются на каждомъ шагу, и манера осмысливать эти наблюденія съ каждымъ годомъ становится болѣе рациональною и болѣе свободною отъ теоретическихъ предубѣжденій. Будущее разрѣшитъ множество великихъ вопросовъ, но въ настоящее время можно только сказать, что между самыми равнородными формами органическаго міра существуютъ чрезвычайно сложныя и совершенно неизслѣдованныя отношенія. Кромѣ того, можно представить два, три примѣра, которыя покажутъ читателю, какое множество еще неразрѣшенныхъ вопросовъ задаетъ мыслящему человѣку самый простой и обыкновенный эпизодъ изъ жизни природы.

Въ Англій, въ одномъ помѣстьѣ графства Стаффордъ, лежитъ большой пустырь, поросшій бурьяномъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, часть этого пустыря, въ нѣсколько сотъ акровъ величиною, обнесли заборомъ, и засадили шотландскими соснами. Появленіе сосенъ произвело совершенный переворотъ въ природѣ засаженнаго участка; количество бурьяна значительно убавилось, и въ молодой сосновой рощѣ поселилось двѣнадцать сортовъ растений, не встрѣчающихся на всемъ остальномъ пространствѣ пустыря; на этихъ растеніяхъ завелись тѣ насѣкомыя, которыя живутъ на нихъ обыкновенно, а вслѣдъ за насѣкомыми появились такія насѣкомоядныя птицы, которымъ прежде не за чѣмъ было залетать въ голый пустырь. Изъ этого примѣра мы видимъ, что во-первыхъ, растенія тѣсно связаны между собою, и что во-вторыхъ, каждое растеніе связано съ тѣми группами животныхъ, которымъ оно служитъ пищею. А такъ какъ одинъ сортъ животныхъ идетъ на пропитаніе

другаго сорта, то растеніе, черезъ группу травоядныхъ или зерноядныхъ авыывается также съ опредѣленною группою хищныхъ животныхъ, которые въ свою очередь тянутъ за собою какиа нибудь паразиты, и наконецъ, рано или поздно, эта цѣнь запутанныхъ отношеній обрывается въ рукахъ изслѣдователя, но онъ нивагъ не имѣетъ права утверждать, что прослѣдилъ ее до конца и что она дѣйствительно оборвалась въ живой природѣ. Какимъ образомъ связываются между собою отдѣльныя кольца этой огромной цѣпи, этого изслѣдователь также не знаетъ въ большей части случаевъ. Въ приведенномъ примѣрѣ мы даже не можемъ сказать положительно, что именно произвело перемѣну въ растительности: сосна или заборъ. Заборъ могъ имѣть очень сильное вліяніе, онъ ограждалъ растительность отъ скота, а скотъ обыкновенно производитъ въ распредѣленіи растений самыя значительныя перемѣны. Положимъ, напримеръ, что скотъ постоянно пасется на какой нибудь лужайкѣ, на которой растутъ двадцать сортовъ различныхъ травъ; если вы удалите скотъ, то можетъ случиться, что изъ этихъ двадцати сортовъ девять совершенно пропадутъ; скотъ, пощипывая траву, постоянно держитъ всѣ сорта ея на одномъ уровнѣ, такъ что всѣмъ достается и свѣтъ, и воздухъ; какъ только превращаются эти уравнительныя распоряженія скота, такъ немедленно поднимаются вверхъ тѣ травы, которыя носильнѣе; остальнымъ становится темно и душно, и онѣ понемногу умираютъ. Но, если скотъ является невольнымъ покровителемъ слабыхъ, то онъ оказывается также опаснѣйшимъ врагомъ сильныхъ растений, которыхъ развитіе онъ обыкновенно дѣлаетъ совершенно невозможнымъ. Въ графствѣ Сѣррей тянутся на большое пространство сухіе пустыри, покрытые бурьяномъ; кое-гдѣ разбросаны по этимъ пустырямъ небольшія группы старыхъ шотландскихъ сосенъ; въ теченіи послѣдняго десятилѣтія значительная часть этихъ пустырей обнесена заборами и всѣ обнесенныя мѣста поросли сами собою такимъ густымъ соснякомъ, что множество молодыхъ деревьевъ задохнулись въ чащѣ отъ тѣноты и темноты. Въ это же время, на открытыхъ мѣстахъ не видно было ни одного дерева, кромѣ тѣхъ вѣковыхъ сосенъ, которыя стояли кое-гдѣ отдѣльными кучками. Но Дарвинъ сталъ всматриваться внимательнѣе и, раздвигая верхушки бурьяна, замѣтилъ возлѣ самой земли множество сосенокъ, которыя были до чиста объедены скотомъ; на одномъ изъ этихъ несчастныхъ деревьевъ Дарвинъ насчиталъ двад-

цать шесть годовых колец; въ теченіи двадцати шести лѣтъ эта сосенка старалась подняться выше бурьяна и всякій разъ какое нибудь животное отгрызало ея молодой побѣгъ. Какъ только прекратились нашествія четвероногихъ распорядителей, такъ и поднялись сосновыя рощи, и если присутствіе этихъ деревьевъ дѣйствительно ведетъ за собою рядъ существенныхъ измѣненій въ группированіи растительныхъ и животныхъ формъ, то, разумѣется, на сѣррейскихъ пустыряхъ должны были повториться тѣ же самыя явленія, которыя мы видѣли въ графствѣ Стаффордъ. А исходною точкою всѣхъ этихъ переверотовъ оказывается такой простой и ничтожный фактъ, какъ удаленіе нѣсколькихъ головъ рогатаго или безрогаго скота. Но и опять долженъ напомнить читателю, что мы здѣсь видимъ только, въ какомъ порядкѣ крупныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ. Какъ связываются между собою эти явленія, и какіе мелкіе и мельчайшіе факты образуютъ между ними эту связь—объ этомъ мы еще ничего не можемъ сказать. Сосна измѣняетъ вокругъ себя растительность—хорошо!—но какимъ же образомъ это дѣлается? Дѣйствуетъ ли сосна своею тѣнью, какъ всякое другое дерево, или своими хвоємъ, который она каждый годъ роняетъ на землю, или своими жорнями, которыми она разрыхляетъ почву, или своими смолистыми испареніями, которыми наполняется окружающій воздухъ? Вѣроятно, всѣ эти свойства сосны ведутъ за собою какія нибудь послѣдствія, вѣроятно, эти послѣдствія перекрещиваются между собою и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, а мы видимъ только отдаленные и послѣдніе результаты, которыхъ внутренняя и необходимая связь до поры до времени ускользаетъ отъ нашего пониманія. Травоядный скотъ дѣйствуетъ на растительность, но самъ онъ въ свою очередь подчиняется вліанію насѣкомыхъ. Въ Парагваѣ ни быкъ, ни лошадь не могутъ жить въ дикомъ состояніи, потому что тамъ водится особая порода мухъ, которая губитъ телятъ и жеребятъ, устраивая въ ихъ поздняхъ гнѣздо для своихъ яичекъ. Муху эту истребляютъ хищныя насѣкомыя другаго рода; этихъ хищныхъ насѣкомыхъ поѣдаютъ птицы; положимъ теперь, что по какой нибудь причинѣ, число насѣкомоядныхъ птицъ уменьшилось въ Парагваѣ; тогда число хищныхъ насѣкомыхъ быстро увеличится; эти насѣкомыя будутъ поѣдать большее количество вредныхъ мухъ; мухи, становясь менѣе многочисленными, не будутъ въ состояніи истреблять все молодое поколѣніе травоядныхъ породъ; быкъ и лошадь разведутся въ Па-

рагваѣ; ихъ вліяніе произведетъ кое-какія перемѣны въ растительномъ мірѣ; эти перемѣны отзовутся на распредѣленіи насѣкомыхъ, а насѣкомыя подѣйствуютъ на тѣхъ птицъ, которымъ они служатъ пищею. Какъ только въ какой нибудь странѣ происходитъ перемѣна въ числѣ или свойствахъ одной группы, такъ эта перемѣна тотчасъ даетъ себя чувствовать по всѣмъ направленіямъ. До этой перемѣны, различныя группы держали другъ друга въ равновѣсіи, то есть каждая группа отставала свое собственное существованіе и каждая, по мѣрѣ силъ своихъ, мѣшала своимъ сосѣдямъ, родственникамъ, конкурентамъ или врагамъ, размножаться далѣе извѣстнаго предѣла. Когда происходитъ перемѣна, то это равновѣсіе въ одномъ мѣстѣ оказывается нарушеннымъ и тотчасъ начинается во всей необозримой цѣпи органическихъ формъ волнообразное колебаніе, которое черезъ нѣсколько времени приводитъ къ новому равновѣсію. Но будетъ ли новое равновѣсіе совершенно похоже на старое — это невозможно сказать заранѣе. Самая незначительная перемѣна можетъ доставить нѣкоторымъ породамъ перевѣсъ надъ противниками; однѣ породы сдѣлаются многочисленнѣе, а другія начнутъ ослабѣвать; борьба между этими породами будетъ продолжаться, но ослабѣвшая сторона уже будетъ не въ состояніи выдерживать натискъ размножившихся враговъ или конкурентовъ; ослабѣвая болѣе и болѣе, она наконецъ можетъ совершенно исчезнуть, а замѣтное уменьшеніе или окончательное истребленіе цѣлой породы тотчасъ поведетъ за собою новыя колебанія, которыя могутъ опять уничтожить новыя породы животныхъ или растеній. Словомъ, въ экономіи природы, каждое нарушеніе установившагося равновѣсія можетъ повести за собою такія же передвиженія и перевороты, какія напримѣръ производятъ въ коммерческомъ мірѣ банкротство какого нибудь одного, незначительнаго банкирскаго дома. Здѣсь также банкротство одной породы потрясаетъ существованіе многихъ другихъ, и никто не можетъ предвидѣть, куда распространится это потрясеніе и въ какихъ предѣлахъ оно разыграется. Но потрясенія въ экономіи природы совершаются обыкновенно медленно и безъ шума; породы не даютъ другъ другу генеральныхъ сраженій; нѣтъ ни громкой радости со стороны побѣдителей, ни стонувъ отчаянія со стороны побѣжденныхъ; породы торжествуютъ или вымираютъ, сами того не сознавая и даже для мыслящаго наблюдателя это торжество или вымирание становятся замѣтными не въ исходной своей точкѣ, а уже тогда, когда они почти

кривѣрь, въ половинѣ прошлаго столѣтія, толстая и глущая птица додо, или какъ сказалъ бы зубръ, если бы его не берегли, ради рѣдкости, въ Бѣловѣжской пущѣ. Историческая память человѣчества простирается всего на какіянибудь пять тысячъ лѣтъ, да и то врядъ ли, потому что кто же рѣшится сказать, что мы знаемъ хорошо все, что дѣлалось на земномъ шарѣ за 3000 лѣтъ до начала нашей эры. Если бы даже мы могли утверждать, что въ теченіи этихъ пяти тысячъ лѣтъ вымерли только двѣ породы животныхъ, додо и зубръ, то и тогда мы совершенно смѣло могли бы предполагать, что всѣ животныя и растенія геологическихъ эпохъ вымерли такими же естественнымъ и неволевымъ образомъ, какъ толстая птица и теперешній обитатель Бѣловѣжской пущи. Стало бытъ, сколько бы тысячъ породъ не отыскалось въ различныхъ пластахъ земной коры, для всѣхъ найдется достаточно времени; всѣ онѣ могли развиваться, бороться между собою, побѣждать противниковъ, и потомъ въ свою очередь ослабѣвать, уменьшаться въ числѣ и вымирать, уступая мѣстосу другихъ, болѣе развитыхъ враговъ, которые по всей вѣроятности, находились съ нами въ болѣе или менѣе тѣсномъ, ровномъ родствѣ. Всѣ эти процессы должны были продолжаться для каждой породы десятки и сотни вѣковъ, и все-таки природа ни разу не была принуждена и не могла восторопиться прибавить шагу, произвести мгновенную перемену дѣкераций, или вообще какими-нибудь образомъ отступить отъ того ровнаго и необходимаго хода событій, который изучаютъ современные натуралисты путемъ непосредственнаго наблюденія. Въ природѣ нѣтъ, и никогда не было дѣльныхъ и крупныхъ явленій. Громаднѣйшіе результаты достигаются всегда совокупнымъ или послѣдовательнымъ дѣйствіемъ миллионныхъ мельчайшихъ силъ и причинъ, точно такъ, какъ громаднѣйшій организмъ весь состоитъ изъ накопленія микроскопическихъ ячеекъ. Мы обыкновенно видимъ громадные результаты, и не видимъ мелкихъ причинъ, но величайшая заслуга современнаго естествознанія состоитъ именно въ томъ, что лучшіе изслѣдователи постигли вышнѣ несуществованіе крупныхъ явленій и всеобъемлющую важность мелкихъ. Микроскопъ и химическій анализъ проникли въ самое мышленіе натуралистовъ, и поэтому всякій крупный результатъ или разложенъ уже на мелкія составныя части, или будетъ разложенъ тогда, когда усовершенствуются орудія изслѣдованія, и увеличится запасъ собранныхъ наблюденій. То, что представ-

ляется крупнымъ и цѣльнымъ, все-таки не признается мыслящими натуралистами за крупное и цѣльное явленіе; оно считается только неразложленнымъ и неизслѣдованнымъ, и до поры до времени отодвигается въ сторону, въ ту грудку нетронутаго матеріала, которая еще ожидаетъ себѣ мыслящихъ работниковъ и архитекторовъ. Для вопроса объ органическихъ породахъ наступаетъ, кажется, рѣшительная минута. Если изслѣдователи обратятъ все свое вниманіе на разнообразныя проявленія того процесса, который называется у Дарвина борьбою за жизнь (*struggle for life*), и если они посвящать всѣ свои силы на изученіе той безконечно запутанной сѣти отношеній, которая развивается изъ этой борьбы, и охватываетъ собою весь органическій міръ, то они навѣрное, рано или поздно, разъяснятъ фактическими наблюденіями всѣ причины, видоизмѣненія, колебанія и вымирания органическихъ породъ. Можно утверждать рѣшительно, что для каждаго органическаго существа его отношенія къ другимъ органическимъ существамъ составляютъ самый важный элементъ жизни, безусловно подчиняющій себѣ всѣ остальные.

Даже климатическія условія всего сильнѣе дѣйствуютъ на растенія и на животныхъ не прямымъ и непосредственнымъ образомъ, а черезъ посредство другихъ растеній и животныхъ; въ этихъ словахъ заключаются, по видимому, неясность и противорѣчіе, но я сейчасъ объясню, въ чемъ дѣло. Если вы, переходя изъ холодной страны въ умѣренную, будете замѣчать, что какая нибудь порода животныхъ или растеній становится рѣдкою, и наконецъ исчезаетъ, то вы никакъ не должны думать, что эта органическая форма исчезла отъ того, что ей въ этомъ мѣстѣ было бы слишкомъ тепло жить. Климатъ подѣйствовалъ преимущественно тѣмъ, что онъ намѣнилъ условія борьбы за жизнь. Положимъ, что растеніе *A* уснѣшно выдерживаетъ легкіе морозы, а растеніе *B*, неспособное переносить морозы, растетъ гораздо быстрѣе и роскошнѣе предъидущаго. Легкіе морозы не составляютъ для *A* необходимости, и ничѣмъ не содѣйствуютъ его благосостоянію, но они убиваютъ или ослабляютъ опаснаго конкурента *B*. Стало быть, въ нашемъ полушаріи, къ сѣверу отъ известнаго градуса широты, перевѣсъ въ борьбѣ будетъ постоянно на сторонѣ *A*; можетъ быть, морозы такъ легки, что *B* не умираетъ отъ нихъ, а только теряетъ известную долю своей растительной силы; если бы надо было бороться съ однимъ климатомъ, то *B* могло бы передвинуться немного за известный градусъ широты, но такъ какъ

за этимъ предѣломъ его ждетъ не одинъ морозъ, а морозъ + конкурентъ *A*, то борьба уже становится не подь силу, и *B* удаляется въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ морозовъ. *A*, какъ самонадѣянный побѣдитель, пускается догонять своего врага, но тутъ дѣло принимаетъ совершенно новый оборотъ. Растеніе *B*, не ослабленное морозомъ, сильнѣе растенія *A*, и потому побиваетъ его на каждомъ шагѣ. Съ одной стороны *B* могло бы подвинуться немного къ сѣверу, а съ другой стороны *A*, навѣрное, могло бы подвинуться довольно далеко къ югу; климатъ самъ по себѣ не помѣшалъ бы ни тому, ни другому, и во второмъ случаѣ онъ можетъ еще менѣе помѣшать, чѣмъ въ первомъ; да конкуренты помѣшаютъ, и, вслѣдствіе этого, растенія *A* и *B* остаются каждое въ своей области, не смотря на постоянныя попытки выйти за ея предѣлы. Если мы еще возьмемъ въ расчетъ, что и *A*, и *B* терпятъ горькія обиды отъ разныхъ грызуновъ, насѣкомыхъ, травоядныхъ и зерноядныхъ, и если мы сообразимъ, что всѣ эти животныя также измѣняются вмѣстѣ съ градусомъ широты, то мы вполне поймемъ, что прямое дѣйствіе климата на *A* и на *B* играетъ очень незначительную роль въ массѣ тѣхъ причинъ, которыя привязываютъ эти два растенія къ опредѣленному мѣсту. Безъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью каждой отдѣльной органической формы нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что именно благопріятствуетъ ей въ одномъ мѣстѣ, и мѣшаетъ ей жить въ другомъ. Произнести въ этомъ случаѣ слово «климатъ» очень легко; сказать «климатъ мѣшаетъ», «климатъ содѣйствуетъ» тоже не велика хитрость; но климатъ — это огромное явленіе, которое кажется цѣльнымъ только до тѣхъ поръ, пока вы его не разложите на части, нѣтъ, вы намъ покажите, что именно дѣйствуетъ, морозъ, сырость, вѣтеръ, непостоянство погоды, и т. д. да потомъ покажите, какъ именно дѣйствуетъ, прямо или черезъ другія существа. Вѣдь пожалуй, можно сказать, что климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ, и это, строго говоря, не будетъ ошибкою. Положимъ, что быкъ живетъ, и къ югу, и къ сѣверу отъ Парагвая, положимъ, что ему не мѣшаютъ жить въ Парагваѣ, ни морозы, ни жары, ни дожди, ни вѣтры; все это такъ; но вѣдь та муха, которая заводитъ у него колѣнии въ носдрахъ, живетъ въ Парагваѣ потому, что климатъ позволяетъ ей жить тамъ; вѣдь если бы ее пристукнулъ морозъ, такъ не жила бы она въ Парагваѣ, ну, стало быть, и можно сказать, что климатъ виноватъ. Но читатель, конечно, понимаетъ,

что если мы скажемъ: «климатъ иѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ,» то мы этими словами ровно ничего не выразимъ, а только повторимъ уже извѣстный фактъ: «быкъ не живетъ въ Парагваѣ», фактъ, которому мы должны были искать объясненіе. Если же мы скажемъ, «быку иѣшаетъ жить такая-то муха, и иѣшаетъ именно вотъ чѣмъ,» то мы дѣйствительно объяснимъ разсматриваемый фактъ, и докажемъ такимъ образомъ еще разъ, что объяснить значитъ именно разлагать крупное сложное явленіе на мелкія и простыя составныя части. А какъ только начинается разложеніе или анализъ, такъ непосредственное наблюденіе и прямой опытъ являются единственными возможными орудіями изслѣдованія. Никакой человѣческій умъ не выдумаетъ тѣхъ неожиданныхъ изворотовъ и перепутанныхъ комбинацій, которые обнаруживаются на каждомъ шагѣ въ отношеніяхъ между органическими существами. Вотъ вамъ примѣръ. Пчелы, бабочки, и разныя другія насѣкомыя, добывая себѣ изъ цвѣтовъ сладкіе соки, постоянно уносятъ на своемъ тѣлѣ частицы цвѣточной пыли; перелетая съ одного цвѣтка на другой, они, совершенно невозможно и безсознательно, переносятъ эту пыль съ тычинокъ или мужскихъ половыхъ органовъ на пестики или женскіе половые органы; такимъ образомъ, насѣкомыя содѣйствуютъ оплодотворенію цвѣтовъ, и для нѣкоторыхъ растений это содѣйствіе такъ необходимо, что для нихъ оплодотвореніе становится невозможнымъ безъ вмѣшательства той или другой группы насѣкомыхъ. Въ числу такихъ зависящихъ растений относятся *viola tricolor* и различныя виды *trifolium*. Двадцать цвѣтковъ *trifolium repens*, при содѣйствіи насѣкомыхъ, дали 2,250 сѣмянъ, а двадцать такихъ же цвѣтковъ, защищенныхъ отъ всякихъ посѣтителей, не дали ни одного сѣмьчка. Сто цвѣтковъ *trifolium pratense*, посѣщаемыхъ насѣкомыми, произвели 2,700 сѣмянъ, а сто защищенныхъ цвѣтковъ того же сорта не произвели ни одного сѣмьчка. Но не всѣ крылатыя насѣкомыя могутъ быть полезными посредниками для *trifolium pratense*. Бабочка такъ легка, что не можетъ расправить свою тяжестью листки вѣнчика, и поэтому она не прикасается своимъ тѣломъ къ тѣмъ иѣстамъ цвѣтка, въ которыхъ находится цвѣточная пыль. Пчела не посѣщаетъ этого цвѣтка, потому что сладкій сокъ его лежитъ слишкомъ глубоко внутри вѣнчика, такъ что пчела не можетъ добраться до него своимъ хоботкомъ. Только шмели, пользуясь сладкимъ сокомъ этого цвѣтка, помогаютъ его оплодотворенію. Если

какая нибудь причина уменьшила въ известной странѣ количество шмелей, то это обстоятельство непременно повело бы за собою уменьшеніе въ количествѣ растеній *trifolium pratense*. Шмелей преслѣдуютъ съ особеннымъ ожесточеніемъ полевая мышь, разоряющая ихъ гнѣзда, и питающаяся ихъ медомъ. Полевыхъ мышей истребляютъ кошки, стало быть, цѣпь отношеній между этими органическими формами представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: чѣмъ больше кошекъ, тѣмъ меньше полевыхъ мышей, тѣмъ больше шмелей, и тѣмъ больше цвѣтовъ *trifolium pratense*. Читатель, конечно, не воображалъ никогда, что кошка имѣетъ значительное вліяніе на судьбу шмелей, и помогаетъ оплодотворенію цвѣтовъ. Въ этомъ случаѣ, непосредственное наблюденіе показало намъ, какимъ образомъ связываются между собою кошка, мышь, шмель и *trifolium pratense*. Тысячи и миллионы другихъ сложныхъ отношеній остаются до сихъ поръ неразъясненными, но мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ существованіи этихъ отношеній, или отрицать ихъ громадную важность.

Растенія и животныя размножаются въ геометрической прогрессіи; растенія и животныя постоянно истребляютъ и поѣдаютъ другъ друга; эти два ряда фактовъ очевидны для всякаго ребенка и для всякаго дикаря; изъ этихъ очевидныхъ и общезвѣстныхъ фактовъ вытекаетъ необходимость всемірной борьбы; а если тысячи и миллионы организмовъ ежеминутно борются между собою, то, разумѣется, между ними должны существовать самыя сложныя и запутанныя отношенія. Объ этихъ отношеніяхъ мы въ настоящее время не имѣемъ почти никакого понятія, но безъ этихъ отношеній вся органическая жизнь была бы невозможна и даже невысказима. Каждый организмъ живетъ только потому, что самъ поѣдаетъ что нибудь, и только до дѣхъ поръ, пока его самого не съѣстъ какой нибудь другой организмъ. Стало быть, каждый организмъ зависитъ во-первыхъ отъ того, что ему служить пищею, и во-вторыхъ отъ того, что его самого можетъ обратить въ пищу. Въ этой зависимости мы не можемъ себѣ представить ни одного организма, и поэтому, очевидно, благосостояніе и размноженіе той или другой породы организмовъ зависитъ отъ того, какъ будутъ расположены ея отношенія, во-первыхъ къ пищѣ, а во-вторыхъ къ врагамъ. Чѣмъ больше пищи, тѣмъ лучше; чѣмъ больше враговъ, тѣмъ хуже. Но эти два ряда отношеній зависятъ отъ устройства самого организма. Если организмъ

требуетъ мало пищи, то у него больше шансовъ быть постоянно сытымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы онъ требовалъ много пищи; если организмъ одаренъ въ значительной степени оборонительнымъ оружіемъ, то для него не страшны враги. Можно было бы представить еще много другихъ условій, но достаточно и этого, чтобы показать читателю, какимъ образомъ устройство организма можетъ быть и дѣйствительно бываетъ то помѣхою, то содѣйствіемъ въ общей борьбѣ за существованіе. Не трудно понять, что всего дольше долженъ продержаться въ борьбѣ тотъ организмъ, который устроенъ всего удобнѣе для борьбы. Это положеніе совершенно очевидно, и на этомъ-то очевидномъ положеніи основывается весь прогрессъ животныхъ и растеній, и вся теорія Дарвина.

Д. Шварцъ.

(До слѣд. книжки).

ЛИВАНОВЪ.

(ЗАПИСКИ СЕМИНАРИСТА).

ПРОЛОГЪ.

Въ N—ской епархіи юношество духовнаго званія само себя дѣлитъ на три разряда: самоучекъ, недоучекъ и ученыхъ. Разрядъ самоучекъ незначителенъ по числу; недоучки составляютъ большинство сословія; ученые даютъ среднюю цифру между тѣми и другими. Основаніемъ такой классификаціи служитъ не количество и качество познаній, которыми богаты тѣ или другія головы, а родъ воспитанія, какое онѣ получили. Нѣкоторымъ дѣтямъ безпечныхъ родителей, большею частію причетниковъ, судьба не дозволяетъ поступать въ училища и семинаріи, и они поневолѣ довольствуются изученіемъ букваря, часослова и псалтири, и, навывкувъ писать съ грѣхомъ пополамъ, тѣмъ заканчиваютъ свое умственное образованіе. Мною хорошо извѣстенъ одинъ образчикъ такого недопеченаго церковника, котораго и опишемъ здѣсь *exempli gratia*. Этого церковника зовутъ Борисомъ, онъ сынъ пономаря, учился читать и писать въ дубильнѣ скорняка, сосѣда, вмѣстѣ съ тремя его сыновьями. Борисъ всегда пользовался полною свободою и учился

по охотѣ: вздумалось—шелъ въ дубяльню къ скорняку, и тамъ прилежно углублялся въ *бра* и въ *дра*; не вздумалось,—никто не заставлялъ учиться. Борисъ умѣлъ, какъ слѣдуетъ, пользоваться этою свободою, и не тратилъ времени даромъ. Взобравшись къ какому нибудь мальчишкѣ на плечи и осѣдлавъ ногами его шею, онъ скакалъ на немъ верхомъ по двору, и потомъ, въ свою очередь, точно также таскалъ ребятшекъ на своихъ плечахъ.

Борисъ въ совершенствѣ изучилъ искусство играть въ бабки, въ мячъ, въ чикало-бѣгало, въ городки, въ свайку и на этомъ поприщѣ не находилъ себѣ соперниковъ. Съ лѣтами у Бориса открылась охота къ занятіямъ болѣе серьезнымъ. Онъ строилъ садки для пѣвчихъ птицъ, ловушки для мышей и кротовъ, телѣжки для сестриныхъ куколъ, гонялъ голубей, побѣгивая съ помеломъ въ рукахъ по крышѣ батюшкинаго сарая; ловко обиралъ ягоды съ черемухъ и рябинъ ротозѣя сосѣда, вырѣзывалъ на стѣнахъ заборовъ, при помощи перочиннаго ножика, подобія колоколенъ въ видѣ шалашей съ коническими верхами и въ отверстіяхъ шалашей подобіе колоколовъ безъ языковъ и веревокъ, выкраивалъ изъ бересты и бумаги лошадокъ, собачекъ и другихъ животныхъ даже изъ породъ, неописанныхъ еще ни однимъ естественнымъ испытателемъ. Всѣ эти занятія служили несомнѣннымъ доказательствомъ высокой склонности Бориса къ практическимъ работамъ, господствовавшей въ его характерѣ въ то блаженное время возраста, въ которое большая часть дѣтей духовнаго званія легкомысленно посвящаетъ себя изученію грамматики, географіи, математики, исторіи, живыхъ и мертвыхъ языковъ и прочей семинарской учености. Лѣтъ тринадцати Борисъ бойко читалъ по церковной печати, и писалъ по графѣ мелкой прописью. Часословъ и псалтирь, по которымъ учился Борисъ читать, снесены были въ приходскую церковь, откуда были взяты на время, а прописи пошли подъ пироги и ватрушки. Съ этой поры Борисъ почти совершенно раздружился съ грамотою и занялся исключительно сельскимъ хозяйствомъ. Онъ помогалъ отцу поправлять изгороду, пахать, сѣять, боронить, возить навозъ въ поле, убирать и молотить хлѣбъ; зимою ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, въ луга за сѣномъ, на

гумно за соломой. Въ рѣдкі, какъ говорится, годы вздумаетъ онъ иногда прочесть вслухъ житіе изъ Пролога или Четырехъ Миней, и то по усиленному настояшю матери и сестры. Такъ прожилъ Борисъ подъ крылышкомъ родительскимъ до осьмнадцати лѣтъ. Вдругъ благочинный получилъ указъ: выслать Бориса въ консисторію. Дѣлать нечего, прибылъ нашъ Борисъ въ городъ N, потолкался недѣли двѣ-три въ консисторіи и былъ опредѣленъ въ томъ же городѣ штатнымъ сторожемъ въ соборъ. Здѣсь, прослуживъ вѣрой и правдой на конюшнѣ отца протопопа около двухъ лѣтъ, Борисъ, по его милосердому ходатайству, получилъ мѣсто пономаря въ селѣ Обуховѣ. Векорѣ отецъ Борисовъ получилъ отъ сына письмо.

«Драгіе мои родители, писалъ Борисъ,—тятенька Харлампей Михеичъ и мамонька Агафья Ивановна. Простите меня, поелику я черезъ такое обширное время не писывалъ вамъ ни черточка ни единой. Живу я въ Обуховѣ, на кварталѣ у просвири, печь по горному, страхъ угарно, хозяйка отъ каждой квашни воруетъ по просвири, иногда по двѣ, бываетъ, я попрошу, такъ куда, поспѣешь, говорятъ, гдѣ про всякаго. Я сказывалъ два крата отцу Алексѣю на счетъ этого, смѣется. Отецъ Алексѣй возилъ меня къ невѣстѣ къ Аннѣ Васильевнѣ, шадровита немного, за то тебѣ едрена больно, гладкая дѣвка; названный тесть говоритъ, двадцатый годокъ,—не знаю, надто съ хвостикомъ будетъ, да ничего, глянется въ сущности своей, и на рѣчахъ собаку съ шерстью съѣла, сказокъ, говоритъ, много знаю, выходитъ, веселаго тѣлосложенія. Названный тесть мой Василій Павловичъ—дьячкомъ въ Худышинѣ, велѣлъ написать вамъ поклонъ съ почтеніемъ. Отецъ Алексѣй о сговорѣ прочиталъ мнѣ съ невѣстой молитву, цѣловалъ ее, еще пуще приглянулась. Невѣста о сговорѣ была въ шелковомъ платѣ, погода надѣвала камлотовое, не по достатку мнѣ, не велѣлъ бы ничего. Стихарь я получилъ до покрова, узокъ, кабы да жалованья побольше, жилъ бы до вѣку, казенный домъ есть. У насъ нынѣ построили новый иконостасъ, отецъ Алексѣй за это набедренникъ получилъ, не больно же удача, по всему щели даю. Благословите, драгіе родители. Свадьбу, приѣдете, сами назначите. О радуницѣ досталась квашонка печенаго хлѣба,

квашонка яицъ, да блиновъ двѣнадцать штукъ, два стѣла хозяйка, такая, тятенька, она жадная, подавиться бы тебѣ. Припадая къ стопамъ ногъ вашихъ, прощу заочнаго родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго

доброжелатель вашъ
родной сынъ Борисъ Обашевъ».

Письмо было написано безъ всякихъ знаковъ препинанія и наполнено такими орфографическими ошибками, какихъ передать я не въ состояніи.

Много тому лѣтъ, какъ я видѣлъ старика Бориса. Я былъ тогда еще ребенкомъ и приѣзжалъ въ городъ N съ мовимъ отцемъ на ярмарку. Мой отецъ родился съ Борисомъ въ одномъ селѣ и былъ много моложе его. Оба они очень обрадовались, нечаянно встрѣтившись другъ съ другомъ. Отецъ нашелъ Бориса такимъ же, какимъ зналъ его и съ молодю, съ тѣми же странностями и замашками, какія за нимъ водились прежде. Все по прежнему онъ вставляетъ въ разговорѣ, и къ мѣсту и не къ мѣсту: «благодаря Бога и васъ» и «по крайней мѣрѣ». Разговорились. То-да-се, пято-десято....

— Такъ много-ли у васъ дѣтокъ-то, Борисъ Харламповичъ, спросилъ отецъ, продолжая начатый съ нимъ разговоръ.

— Семеро живыхъ. Теперича два сына при мѣстахъ, причетниками, двѣ дочери замужемъ, да двѣ на рукахъ. Это, по крайней мѣрѣ, послѣдышъ, сказалъ онъ, указывая на стоящаго возлѣ него мальчика въ канифасовомъ портяномъ халатѣ, покрытаго безцвѣтною фуражкой безъ козырька.

— Хорошенькій мальчикъ; даровитъ, должно быть.

— Да сними, голпанъ, шамшуру-то. Али она у тебя къ башкѣ приросла? Земь не парень, на боку дыру вертитъ, по крайней мѣрѣ, сказалъ Борисъ, обращаясь къ отцу.

И прижавъ указательнымъ пальцемъ правую ноздрю, онъ сморкнулъ въ сторону изъ лѣвой.

— Гдѣ учится?

— Теперича нигдѣ, благодаря Бога и васъ, исключенъ изъ семинаріи.

— Чему же тутъ радоваться?

— Накося! Нешто велика печаль, что исключень? Да они мнѣ, три-то сына, чуть голову не отъѣли здѣсь въ городѣ. И на какую это растреску заведено нонеча: отдавай каждаго сына въ училище, а то милости просимъ въ подушный окладъ. Я училищной каши не ѣдадь, а отъ этого мыши голову еще не отъѣли, и въ глаза никто не плевалъ. Ладно еще, тѣхъ другихъ дѣтокъ Богъ прибралъ; пособилъ, спасибо, а то бы хотъ караулъ кричи, по крайней мѣрѣ. Покойница Анна Васильевна на дѣтокъ не скупилась; бывало, что годъ, то ребенокъ, на полторѣ—два. Всѣхъ-то дѣтей, благодаря Бога и васъ, у меня было восемь сыновей и пять дочерей. Будь-ка всѣ живы, наплясался бы до-сыта. Теперича этому дураку обѣщано пономарское мѣсто на половинѣ доходовъ, въ нашемъ же Обуховѣ. Слава-те Христу, съ рукъ долой, какъ гора съ плечъ.

И прижавъ указательнымъ пальцемъ лѣвую ноздрю, Борисъ Харламовичъ сморкнулъ въ сторону изъ правой, поклонился моему отцу и пошелъ своей дорогой.

Отецъ моего героя, Ливанова, тотъ самый сынъ старика Бориса Обашева, котораго я съ отцемъ встрѣтилъ въ городѣ N въ канифасовомъ халатѣ, и фуражкѣ безъ козырька. Дмитрій Борисовичъ принадлежалъ къ разряду недоучекъ; далѣе нисшаго отдѣленія семинаріи онъ не пошелъ; по исключеніи изъ семинаріи, годовъ пять онъ былъ причетникомъ въ Обуховѣ, потомъ женился, произведенъ во діакона въ село Пронино, и тутъ дьякономъ прослужилъ весь свой вѣкъ.

Дмитрію Борисовичу была перемѣнена фамилія при поступленіи его въ духовное училище, и онъ былъ переименованъ изъ Дмитрія Обашева въ Дмитрія Ливанова. Эта же фамилія была оставлена и за сыномъ его Григоріемъ, героемъ нашей повѣсти.

Жизнь Григорія Дмитріевича Ливанова бѣдна внѣшними событіями; но самобытный и оригинальный міръ дѣйствительности, въ средѣ котораго внутренно развивался нашъ герой, стоитъ того, чтобы войти въ нѣкоторыя подробности его жизни.

I.

Въ одно прекрасное утро, въ концѣ іюля 1857 года, двое молодыхъ людей шли по деревяннымъ тротуарамъ губернскаго города N. Костюмъ молодыхъ людей не отличался изысканностію: одинъ изъ нихъ шель въ суконномъ сюртукѣ, другой въ сюртукѣ камлотовомъ, на одномъ была черная суконная фуражка, на другомъ фуражка quasi бѣлаго волоса, съ пестрымъ околышемъ; перчатки пеньковыя пепельнаго цвѣта, у одного были на рукахъ, у другаго въ рукахъ.

— Что, Фоліантовъ задумался? спросилъ суконный сюртукъ.

— Скучно братъ, Ратушевскій, ужасно скучно, сказалъ сюртукъ камлотовый.

— Ничего, это отъ пищи; пройдетъ, сказалъ съ комическимъ участіемъ суконный сюртукъ.

И Фоліантовъ невольно улыбнулся, вспомнивъ любимыя слова доктора Пасонова, которыми тотъ, бывало, имѣлъ привычку успокаивать пациентовъ-семинаристовъ, какою бы они ни были одержимы болѣзнію.

— Завидую тебѣ, Ратушевскій; ты постоянно въ счастливомъ расположеніи духа.

— За то, братъ, я тебѣ нисколько не завидую. Въ искусствѣ убивать время мы настоящіе виртуозы; это наша спеціальность, и мы въ ней недосягаемые мастера. Если мы и скучаемъ иногда, то оттого именно и скучаемъ, что черезъ-чуръ уже хладнокровно убиваемъ время, въ ожиданіи полученія мѣстъ.

— Послушай, Ратушевскій, сказалъ Фоліантовъ послѣ нѣкотораго молчанія, я давно собирался тебѣ сказать вотъ о чемъ. Къ выходу изъ духовнаго званія препятствій ты не видишь никакихъ: у тебя нѣтъ ни отца, ни матери, которые мѣшали бы тебѣ оставить духовное званіе. Что тебѣ за радость вступать въ духовное сословіе, къ которому, какъ ты самъ говоришь, не чувствуешь вовсе призванія. Ступай въ

гражданскую службу. Губернаторъ здѣшній говорилъ, что онъ для половины кончившихъ курсъ семинаріи найдетъ сейчасъ мѣста, если они пожелають вступить въ гражданское вѣдомство, и дѣйствительно всегда съ удовольствіемъ принимаетъ на службу кончившихъ курсъ семинаристовъ.

— А много ли ихъ поступило въ гражданскую службу? спросилъ Ратушевскій.

— Изъ нашего курса пока только одинъ Политовъ.

— И больше, повѣрь, никого не найдетъся.

— Отчего это? Неужели изъ за сословныхъ предубѣжденій?

— Предубѣжденій противъ кого? противъ недуховныхъ сословій. Этихъ предубѣжденій въ духовенствѣ нѣтъ, сказалъ Ратушевскій. Я не знаю примѣровъ, чтобы духовные запирали двери своихъ домовъ передъ носомъ какого нибудь лица или семейства потому только, что это лицо или семейство не принадлежитъ къ духовному сословію. Семейства духовныя съ удовольствіемъ ведутъ знакомства и входятъ въ дружескія связи съ семействами всѣхъ другихъ сословій безъ различія. Если священники дѣлають нападенія на извѣстные сословныя пороки въ своихъ проповѣдяхъ, то они дѣлають это изъ побужденій чисто официальныхъ, а совсѣмъ не изъ сословныхъ, потому что въ проповѣдяхъ они весьма часто бичуютъ словомъ краснорѣчія то, въ чемъ сами грѣшатъ на ряду съ другими сословіями.

— Такъ что же, по твоему, заставляетъ насъ дорожить духовнымъ званіемъ? спросилъ Фоліантовъ.

— А воспитаніе? Развѣ оно не имѣетъ своей доли участія въ образованіи этого корпоративнаго духа сословія?

— Вотъ мы и дошли съ тобой до настоящей причины, до настоящаго суть вопроса, сказалъ Фоліантовъ. Куда пойдешь, если воспитаніе наше слишкомъ специальное и не даетъ подготовки ни къ какому сословію, кромѣ духовнаго?.. Тутъ не родственники мѣшаютъ намъ выходить изъ духовнаго званія, а наша неохота перевоспитывать себя, наша гнѣвъ, да небрежность по отношенію къ свѣтской наукѣ.

— Однако, братъ, и родственники часто мѣшаютъ дѣлу. Припомника исторію Лванова, кажется человѣкъ съ характе-

ромъ, и случай былъ выдти изъ духовнаго званія, а ничего поддѣлать не могъ.

— А оттого опять, что воспитаніе убиваетъ въ насъ всякую рѣшимость на хорошее дѣло...

При этихъ словахъ Фолиантовъ скорчилъ такое лицо, какъ будто хотѣлъ сказать: «в! плевать тебѣ! я и безъ тебя это знаю!»

Здѣсь Фолиантовъ и Ратушевскій прекратили разговоръ, завидѣвъ въ концѣ улицы знакомую фигуру человѣка, шедшаго имъ на встрѣчу возлѣ лошади, которая тащила телегу, нагруженную дровами. И человѣкъ, и лошадь, право, стоятъ того, чтобъ удѣлать нѣсколько строкъ описавію ихъ наружности. И лошадь, и человѣкъ были стары; лошадь съ вытянутой, тощей шеей, на которой моталась непропорціонально развитая голова съ отвислой губой, не имѣла важнаго вида; за то человѣкъ, шедшій возлѣ лошади, имѣлъ видъ важный. Лошадь была грязноватой рыжей шерсти, какъ разъ подъ цвѣтъ достаточно помятой шляпы, не закрывавшей ни высокаго морщинистаго лба, ни затылка важнаго человѣка: очевидно, что шляпа была приобрѣтена по случаю, а случаю не было никакого дѣла до объема головы, для которой она предназначалась. Шкура лошади такъ плотно прилегала къ костямъ, что ихъ всѣ можно было пересчитать безъ особеннаго труда; кости важнаго человѣка выбивались также сквозь складки скюртука, которому удивлялись N-скіе археологи, будучи не въ состояніи рѣшить, изъ какой матеріи и за долго ли до отечественной войны онъ былъ сшитъ. О первоначальномъ цвѣтѣ скюртука важнаго человѣка и говорить нечего: на немъ были всѣ цвѣта и собственно не было никакого. Костяныя пуговицы скюртука вышли, примѣтно, не изъ одной фабрики и даже принадлежали не одной эпохѣ; пуговицы не всѣ были на лицо, нѣкоторые изъ нихъ считались излишними и даже положительно вредными, потому что безсовѣстно рвали петли. Узкіе брюки важнаго человѣка едва достигали до коротенькихъ голенищъ сапоговъ, никогда не пользовавшихся покровительствомъ щетки, ваксы и калошъ. Голубой бумажный платокъ отправлялъ должность галстука, съ усердіемъ подпиравшаго и подбородокъ, и уши важнаго человѣка. Важ-

ный человекъ былъ старикъ сѣдой, сухощавый, длинный, какъ торжественная ода, блѣдный, даже нѣсколько желтый, съ большими впалыми глазами. Такова была наружность человека, шедшаго на встрѣчу Ратушевскому и Фоліантову.

— Петръ Петровичъ, съ добрымъ утромъ, сказалъ Ратушевскій, сходя съ тротуара и раскланиваясь съ важнымъ человекомъ.

— Доброе утро, господа, доброе утро, Господь вамъ на встрѣчу, отвѣтилъ Петръ Петровичъ, забрасывая возжи на телегу, и подавая лѣвую руку Ратушевскому и Фоліантову съ достоинствомъ человека, играющаго не послѣднюю роль въ своемъ муравейникѣ. Лошадь остановилась.

— Скажите пожалуйста, Петръ Петровичъ, вышло ли мое прошеніе, спросилъ Фоліантовъ.

— Вышло. Написано: подать справку.

— Кто просится еще на это мѣсто?

— Человекъ пятнадцать.

— У тѣхъ что?

— У всѣхъ одно: подать справку.

— Вѣчно одно и то же. Вѣдь это мѣсто положительно обѣщано мнѣ; къ чему же по другимъ-то прошеніямъ справки?

— Что положительно обѣщано, въ томъ положительно и отказываютъ иногда, глубокомысленно вставилъ Ратушевскій.

— Бываетъ и это.

— Знаете ли, господа, новость? Сегодня ночью Лявановъ пріѣхалъ, сказалъ Петръ Петровичъ.

— Пріѣхалъ? Такъ, видно, правда, что онъ засваталъ невѣсту.

— Должно быть.

— Онъ пріѣхалъ съ прониескимъ священникомъ.

— Съ отцемъ Васиіемъ?

— Да.

— Ну, что онъ говорить?

— Нѣкогда еще было толковать. Да что жъ мы стоимъ, сказалъ Петръ Петровичъ, пойдите ко мнѣ, тамъ увидите Григорія Дмитрича; эй ты выдра!

И лошадь, и собесѣдники снялись съ якоря.

Петръ Петровичъ Залѣповъ служилъ отечеству и секретарю,

въ должности сторожа N-ской консисторіи, лѣтъ уже тридцать и все на одномъ мѣстѣ. Важная, серьезная и даже торжественная наружность его была ни больше ни меньше, какъ оптический обманъ. Петръ Петровичъ былъ человекъ весьма сообщительный и предобрѣйшее созданіе. Впрочемъ, что ни говорите, а сторожъ консисторіи — не послѣдняя спица въ колесницѣ, для ролей спицъ есть актеры послабѣе талантами — приставы консисторіи. Каждая бумага, *выходящая* въ консисторію, или *исходящая* изъ консисторіи непременно побываетъ въ рукахъ у сторожа нѣсколько разъ; съ секретарскаго стола онъ сноситъ бумаги для подписки членамъ, отъ членовъ несетъ въ протоколъ, и знаетъ содержаніе ихъ не хуже самого регистратора. А это многовѣденіе кой-что значить-таки въ консисторіи. Поэтому-то сторожъ консисторіи можетъ, въ обращеніи даже съ священниками, толкающимися въ купели овчей, по своимъ дѣламъ и дѣлишкамъ, держаться покровительственнаго тона. А діаконы и причетники — тѣ просто пресмыкаются предъ Петромъ Петровичемъ; даже благочинные дружески жмутъ ему руку. Къ тому же Залповъ всегда былъ исправенъ. А исправный сторожъ въ консисторіи — рѣдкость, просто находка; такимъ сторожемъ дорожатъ: члены къ нему всегда милостивы, секретарь ему покровительствуетъ, и за тѣмъ ему нѣтъ надобности гнуть шею предъ кѣмъ бы то ни было въ канцеляріи: у него своя часть. При такой достопочтенной обстановкѣ Петру Петровичу нѣкоторымъ образомъ даже и совѣстно было не нажать въ тридцатилѣтнюю службу привычки сохранять всегда важную, серьезную наружность.

Петръ Петровичъ учился нѣкогда въ богословіи, и не доучился до окончанія курса только полгода, и вотъ по какому случаю. Около масляной ушелъ онъ изъ семинаріи съ своимъ братомъ, учившимся вмѣстѣ съ нимъ, въ городъ къ ставленнику *), и у ставленника оба брата рѣзнули на славу. Вечеромъ, сколько ни были они пьяны, пошли однакожъ въ семинарію. Когда они вышли за городъ, поднялась страшная вьюга, и бѣдные братья сбились съ дороги, попали вмѣсто

*) Ставленникъ—приготавливающийся къ посвященію въ церковный санъ.

семинаріи въ сосѣднюю деревню, и приютились на ночь въ овинѣ, гдѣ и привелось имъ мончить курсъ. Здѣсь старшій братъ застылъ, а младшій, Петръ Петровичъ, отморозилъ всѣ пять пальцевъ у правой руки, и по выздоровленіи очутился *безпальцымъ*. Сострадательное къ несчастію ближняго семинарское начальство исключило Петра Петровича изъ семинаріи безвременно за *нетрезвый* поступокъ, и онъ былъ опредѣленъ сторожемъ въ консисторію.

Въ одной изъ наименѣе извѣстныхъ улицъ города N, стоитъ ветхій деревянный одноэтажный, низенькій домикъ съ тремя окнами на улицу, въ которыхъ въ замѣнъ нѣсколькихъ стеколъ красуются наклеенные листы бумаги, для прочности пропитанные масломъ. Полусгнившая крыша домика, на которой близъ желобовъ спокойно растетъ трава, по одну сторону дырявый, сколоченный на живую нитку, гнилой заборъ, по другую—ворота, покачнувшіеся на бокъ и другія домовыя постройки, не молодого вида, — громко говорятъ, что законному владѣльцу этого дома, Петру Петровичу Залѣпову, одна только ограниченность жалованья внушала любовь къ древностямъ. Жалованье сторожа консисторіи, гдѣ столоначальникъ довольствуется окладомъ въ шесть рублей серебромъ въ мѣсяцъ, конечно очень невелико, и Петръ Петровичъ никогда не мечталъ сдѣлаться собственникомъ недвижимаго имущества въ губернскомъ городѣ; но въ одинъ прекрасный день Петръ Петровичъ проснулся наследникомъ всего благопріобрѣтеннаго скарба, оставшагося послѣ мѣщанина Степана Гавриловича Шустова, прежняго владѣльца ветхаго домика. Шустовъ умеръ черезъ мѣсяцъ послѣ законнаго брака своей дочери, Мавры Степановны, съ Петромъ Петровичемъ, оставивъ имъ въ безраздѣльное владѣніе и домъ, и все, что было въ домѣ. Къ этому-то дому и направляли стопы Петръ Петровичъ, Ратушевскій и Фолиантовъ. Домъ Залѣповыхъ раздѣлялся сѣнями на двѣ равныя половины: въ задней половинѣ была просторная кухня, въ ней же помѣщались сами законные супруги, Петръ Петровичъ и Мавра Степановна, а половина передняя, обращенная окнами на улицу, отдавалась подъ постой. Эта половина была раздѣлена деревянными перегородками на десять клѣтокъ, въ которыхъ испоконъ лѣтъ

проживали по найму мѣстные семинаристы. Десятеричное число постояльцовъ, принятое Загѣповыми за норму, и донынѣ не измѣняется; на мѣсто убылыхъ тотчасъ являются новые жильцы съ неизмѣнной платою по семи рублей серебромъ въ годъ съ человѣка за квартиру, на своихъ хлѣбахъ и харчахъ. Кто что привезетъ изъ дому, или купить, тотъ то и кушай, дѣло хозяйки только испечь, сварить, да на столъ подать, гнѣваться ни жильцамъ на хозяевъ, ни хозяевамъ на жильцовъ не за что, житье, значить, всѣмъ привольное. А который изъ семинаристовъ начнетъ озарничать, такъ можно припугнуть и инспекторомъ,—духомъ уймется, инспекторъ—не свой братъ.

На соборной колокольнѣ пробило семь часовъ. Постояльцы Загѣпова гостили по домамъ у родителей или родственниковъ; была вакація. Ливановъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ или двадцати трехъ, одинъ ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ и курилъ папироску. Высокій ростомъ, стройнаго сложенія, нѣсколько смуглаго, овальнаго лица, окаймленнаго густыми, курчавыми, черными волосами, причесанными а la moujik, Ливановъ былъ истинный красавецъ, и самая притомливая и взыскательная наблюдательница не нашла бы въ наружности его ничего такого, что заслуживало бы серьезнаго порицанія. Черные, блестящіе, какъ двѣ крупныя смородины, глаза выражали умъ, въ этихъ глазахъ выказывалась жизнь, полная высокихъ ощущеній и сознанія собственнаго достоинства. Прекрасныя черты лица его могли бы показаться суровыми, если бы кроткая меланхолическая улыбка не смягчала ихъ выраженія.

Ратушевскій и Фоліантовъ были приняты Ливановымъ по братски, съ распростертыми объятіями. Семинаристы всегда такіе охотники до поцѣлуевъ и изліянія нѣжныхъ чувствъ.

Николай Терентьичъ Фоліантовъ и Павелъ Алексѣичъ Ратушевскій—товарищи Григорія Дмитрича Ливанова, кончившіе курсъ семинаріи. Они около года жили въ городѣ N, въ ожиданіи полученія мѣстъ на епархіи.

— Ну что, Григорій Дмитричъ, какова твоя поѣздка, спросилъ Ратушевскій, складывая перчатки въ карманъ и бросая фуражку на окно?

— Славная поѣздка. Катили съ отцомъ Васи́лемъ, сломя голову.

— Не то. Я слышалъ, что ты ѣздилъ съ матушкой въ Обухово.

— Да, ѣздилъ.

— Что жъ, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ? а? такъ ли?

— Матушка рѣшила все въ какихъ-нибудь часа два, отвѣчалъ Ливановъ.

— А хороша?

— Какъ же я могу тебѣ хвалить или хулить свою невѣсту?

— Вотъ выдумалъ! Ты, братецъ, въ этомъ случаѣ за образецъ искренности возьми Табулева... помнишь: шелъ выше насъ курсомъ. На вечерѣ у священника того села, гдѣ онъ служилъ дьякономъ, я спрашивалъ его: которая, молъ, твоя жена? На женскій-то полъ у нихъ въ селѣ, видно, урожай; и тутъ у священника бабья спѣло, какъ сноповъ на овнѣ. Онъ и говоритъ мнѣ: ты смотри на всѣхъ на здѣшнихъ венеръ по очереди; на которую изъ нихъ взглянешь, да почувствуешь тошноту, такъ вотъ тебѣ и будетъ жена Табулева.

— Гдѣ онъ подцѣпилъ такую рѣдкость?

— По случаю, у насъ довольно обыкновенному. По окончаніи курса долго жилъ Табулевъ здѣсь въ городѣ для пріисканія мѣста; но счастье рѣшительно отказалось помогать ему. Ужъ на какія мѣста не подавалъ онъ прошеній... Ничто не шло. А между тѣмъ доѣлся ужъ до рукъ, хоть волкомъ вой... Отца нѣтъ, мать просвирня; хлѣбъ-то и есть у нея, достанетъ на двоихъ съ сыномъ, да за пересылку хлѣба надо деньги платить, а ей гдѣ денегъ взять? Тутъ еще за квартиру хозяинъ съ ножомъ къ горлу, хоть не живи на свѣтѣ. Вотъ Табулевъ и пошелъ къ консисторскому столоначальнику Бурдину, за совѣтомъ, какъ быть и что дѣлать. Слово за слово, договорились до дѣла.

— Священнической вдовѣ села Пурина, сказалъ Бурдинъ, какъ ее... да Лапуниной... обѣщано зачислить за ея шестнадцатилѣтнюю дочерью мѣсто. Слышали?

— Нѣтъ не слышалъ, отвѣчалъ Табулевъ.

— Такъ вотъ вамъ и мѣсто, и невѣста. Одной хлопнушкой убьете двухъ, мухъ.

— Помилуйте, Денисъ Васильевичъ. Отсюда до Пурина 500 верстъ. Гдѣ я возьму денегъ на проѣздъ.

— Подождите. Лапунина, можетъ, сама и съ дочкой прикатитъ сюда.

— Ждать-то нельзя: ѣсть нечего, за квартиру платить нечего.

— Какъ же быть-то? Вести дѣло черезъ переписку бесполезно. Пурино въ захолустѣ: можно держать пари сто противъ одного, что письма ваши никогда не дойдутъ по назначенію.

— Справедливо.

— Вы, вотъ что сдѣлайте, сказалъ, подумавъ, Бурдинъ. Напишите прошеніе объ опредѣленіи васъ на мѣсто съ условіемъ вступленія въ бракъ съ сиротою такой-то и оставьте прошеніе у меня. Лапунина пріѣдетъ, за ея дочерью почислятъ мѣсто, какъ обѣщано; я сдамъ ваше прошеніе въ архіерейскую канцелярію, и дѣлу — квитиъ.

— Какое же мѣсто я буду прописывать въ прошеніи? Вѣдь мѣсто нужно наименовать.

— Для означенія мѣста въ прошеніи оставьте пробѣлъ, и я впишу въ него то мѣсто, которое будетъ предоставлено за дѣвицею Лапуниной.

— Можно здѣсь у васъ написать прошеніе? Я не стѣсню васъ?

— Почему же! Нисколько.

— Бумага и чернильница съ перьями передъ Табулевымъ; бѣлый листъ превращается въ пестрый, прошеніе пишется, Бурдинъ съ трубкою ходитъ по комнатѣ молча, чтобъ не смѣшать автора. Табулевъ писалъ, писалъ, да и остановился.

— Что, кончили? спросилъ Бурдинъ, продолжая ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ еще.

— Пробѣлъ оставили?

— Оставилъ.

— Дальше что написали?

— «Съ условіемъ вступленія въ бракъ съ сиротою...»

— Ну-съ?

— Такъ и прописать: Лапуниною?

— Знаете, какъ ее зовутъ?

— Кажется, Екатериной.

— Кажется... А вѣрно ли?

— Забылъ, не знаю.

— Дьявольщина! Приведется справляться въ консисторію, сказалъ съ досадою Табулевъ.

— Дьявольщина и выходитъ. Архивариусъ третьяго дня запилъ и пропѣтъ три недѣли, какъ дважды два. Скорѣе можно бѣса заманить въ крещенскую прорубь, чѣмъ нашего архивариуса въ консисторію, когда онъ кутитъ. Приведется, видно, оканчивать прошеніе черезъ три недѣли.

— Ждать, ей Богу, невозможно. Хлѣба ни крохи, хозяинъ сегодня же хочетъ выгнать съ квартиры черезъ полицію. Долженъ былъ ему я два цѣлковыхъ, такъ вчера забралъ мои новые сапоги, и я теперь принужденъ щеголять вона въ какихъ!..

Съ этими словами Табулевъ выдвинулъ изъ подъ стола на показъ ногу, обутую въ сапогъ, бока котораго рѣшительно отказывались отъ тѣсной связи съ подошвою.

— Кончимъ какъ нибудь; помогите, Денисъ Васильевичъ, сказалъ Табулевъ.

— Кончить-то, пожалуй, надо, да не какъ нибудь, а съ толкомъ. Что бишь вы написали?

— «Съ условіемъ вступленія въ бракъ съ сиротою»...

— Мм-да... съ сиротою... хорошо. Становите точку съ пятой и пишите дальше «за которую предоставлено означенное мѣсто».

— А дальше что?

— Чего жъ еще? и все, и конецъ.

— Ловко ли будетъ, Денисъ Васильичъ, безъ означенія имени и фамиліи.

— Да вѣдь когда мною будетъ вставлено въ пробѣлъ вашего прошенія мѣсто, которое будетъ предоставлено за сиротой Лапуниной, такъ вернуть душой вамъ тогда ужъ не дадутъ. Не безпокойтесь, не дозволяютъ жениться на другой не вѣстѣ. Дудки. Тутъ вся важность въ вашей собственноручной

подписа, а не въ имени и фамиліи сироты Лапуниной; гдѣ рука, тутъ и голова, вотъ что.

— Да помилуйте, Денисъ Васильичъ, я совсѣмъ не о томъ и думалъ, какъ это можно. Да если бы Богъ привелъ вашими устами медъ пить, я бы по гробъ...

— Какой тутъ гробъ, когда свадьбой пахнетъ! Одно слово: Исае ликуй, чмокъ въ сахарныя губки, знаете, трюю по трюю, десятимъ накрою, да на другой день и бухъ тещенькѣ Лапуниной въ ножки... благодарю, маменька, за воспитаніе моей душеньки. Хи-хи! Со стороны отъ одного воображенія зависть пробираетъ, сказалъ Бурдинъ, и, ставъ за спиною Табулева, смотрѣлъ, какъ тотъ, поставивъ запятую безъ точки, дописывалъ и подписывалъ прошеніе.

Табулевъ съ лутошкой въ рукѣ и котомкою за плечами отправился къ матери. А Бурдинъ былъ себѣ на умѣ. Неподалеку отъ города въ селѣ Брызгаловѣ прозябала сирота, родственница Бурдина, отставная, за выслугою лѣтъ, невѣста, двадцативосьмилѣтняя дьяконская дочь, Анна Ивановна Наскокова. Бурдинъ настроилъ прошеніе отъ имени вдовы, матери Наскоковой, о представленіи за ея дочь, дѣвицею Анною, діаконскаго мѣста въ селѣ Цаплинскомъ, по снисхожденію къ крайней бѣдности и сиротству просительницы. Резолюція *послѣдовала* удовлетворительная, и Бурдинъ, вписавъ въ пробѣлъ прошенія Табулева діаконское мѣсто въ селѣ Цаплинскомъ, сдалъ прошеніе въ домовую канцелярію. И на прошеніи Табулева резолюція *послѣдовала* удовлетворительная. Тотчасъ были посланы изъ консисторіи указы двумъ благочиннымъ, и при одномъ указѣ билетъ Табулеву на вступленіе въ бракъ съ дѣвицею Наскоковой. Остальное извѣстно: Исае ликуй, чмокъ въ сахарныя губки и т. д.

— Что же, очень дурна жена Табулева, спросилъ Фоліантовъ.

— Какъ семь смертныхъ грѣховъ, взятыхъ вмѣстѣ, отвѣчалъ Ратушевскій.

— Каково же живутъ?

— По пословицѣ: жена не лапотъ, съ ноги не сбросишь. Впрочемъ Табулевъ дома живетъ мало, сидитъ больше все въ

церковной палаткѣ и просвѣщаетъ церковныхъ сторожей. Онъ и въ семинаріи былъ назидателемъ.

— Моя невѣста, господа, сказала Ливановъ... моя невѣста... говорятъ, что хороша собой.

— Желая тебѣ всего лучшаго, будь счастливъ, сказалъ съ участіемъ Ратушевскій, пожавъ ему руку.

Глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ Ливановъ на эти слова своего товарища, и молча закурилъ папироску.

— Твой, Ливановъ, «записки семинариста», здѣсь или въ Пронивѣ? спросилъ Ратушевскій.

— Здѣсь. На что тебѣ ихъ?

— Мы поищемъ въ нихъ разрѣшенія вопроса, который сегодня занималъ меня и Фоліантова.

— Пожалуй возьмите мои записки, только они у меня не вполнѣ окончены.

— А вотъ посмотримъ. Вѣдь ты тамъ ничего не сочинялъ списывая съ природы?

— Конечно.

— Ну, намъ это только и нужно.

Ратушевскій и Фоліантовъ простились съ Ливановымъ и ушли въ свою квартиру, захвативъ съ собою «записки семинариста».

II.

У моихъ родителей дѣтей было довольно, но всѣ они умирали, едва увидѣвъ божій свѣтъ. Остался въ живыхъ одинъ я. (Такъ начинались «записки семинариста»). Матушка моя, вспоминая о первой порѣ моего дѣтства, обыкновенно только и говоритъ, что я былъ страшный соня. По ея словамъ, я съ вечера ложился спать рано, и поутру вставалъ поздно, а по дню, гдѣ приткнулся, тамъ и сплю. Я ничего не могу припомнить, что дѣлалось со мной и вокругъ меня до дня пятыхъ моихъ именинъ. Въ этотъ день матушка, одѣтая уже по праздничному, (день былъ воскресный), разбудила меня въ

самый благовѣсть къ обѣднѣ, вымыла мнѣ лицо и руки, надѣла на меня чистое бѣлье, новые сапожки, новый подрясничекъ изъ желтой нанки и припомадила мои короткіе волосы коровинымъ масломъ. Когда зазвонили *во вся*, матушка перекрестилась, взяла меня за руку и повела въ церковь, гдѣ голосистый батюшка, стоя на амвонѣ, возглашалъ уже великую эктению. Занявъ мѣсто въ церкви позади попадей, стоявшихъ у самаго клироса одна послѣ другой, по старшинству мѣсть, занимаемыхъ ихъ супругами въ іерархическомъ порядкѣ, матушка усердно молилась и въ то же время не забывала отводить рукою близко иногда придвигавшихся къ намъ мужиковъ. «Что это, какой необразованный народъ», шептала матушка, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ и припадая головою къ каменному полу, «такъ и лѣзутъ, ладомъ перекреститься нельзя», продолжала шептать она, выпрямляясь послѣ земнаго поклона. Стоя рядомъ съ матушкой, я во всемъ старался подражать ей, крестился и кланялся въ землю въ тактъ съ нею, и дѣлалъ *поясные* поклоны; когда она кланялась въ *поясъ*, толкалъ кулачишками въ бока крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые терлись около меня, и вообще держалъ себя съ достоинствомъ. Три причетника на правомъ клиросѣ пѣли унисономъ густо и хорошо, какъ мнѣ тогда показалось. Четвертый причетникъ на лѣвомъ клиросѣ раздувалъ дарованными ему отъ природы мѣхами кадило, и если видѣлъ, что уголья достаточно разгорались, то выпрямлялъ свой станъ, бралъ подбородокъ въ правую руку, локтемъ которой прижималъ кисть лѣвой и начиналъ подтягивать правоклироснымъ также густо и также хорошо. Онъ не переставалъ пѣть и тогда, когда шелъ зажигать и поправлять на лѣпы, обирать съ паникадила лишнія свѣчи, когда несъ по церяви изъ конца въ конецъ укропникъ съ теплотой, подсвѣчникъ, наложъ или книгу; и видно, что исправлялъ свою должность по доброй совѣсти...

Я какъ теперь вижу передъ собой угловую комнату въ нашемъ сельскомъ домѣ; сижу я за столомъ, котъ васька трется около меня, а мнѣ ужъ не до васьки: батюшка, приказавъ мнѣ перекреститься и поцѣловать букварь, раскнипулъ его передо мною на первой страницѣ и далъ въ руки указку, тща-

тельно имъ выструганную изъ лучины. Матушка съ шитьемъ въ рукѣ подсѣла тутъ же къ столу. Мнѣ минуло тогда пять лѣтъ.

Съ какимъ-то смущеніемъ приступилъ я къ изученію буквара славянскаго. Смущеніе это нечаянно еще увеличилось отъ неоднократнаго ворчанія батюшки за неправильное употребленіе мною указки: не привыкши владѣть этимъ мудренымъ инструментомъ, я указывалъ имъ совсѣмъ не на тѣ буквы, которыя повторялъ за батюшкой. А тутъ еще котъ васька, терпѣйся около меня, изволилъ оскорбиться невниманіемъ къ его вѣжностямъ и царапнулъ меня легонько по колѣну. Я забылъ и *живите* и *элю*, оборотился къ коту и ткнулъ его указкой въ голову; указка разлетѣлась на двое. Батюшка далъ мнѣ за это щелчокъ, назвалъ скотомъ, и пошелъ дѣлать новую указку.

За тѣмъ первый урокъ прошелъ безъ особыхъ приключеній къ общему удовольствію и наставника, и ученика, и матушки, засѣдавшей въ качествѣ любительницы просвѣщенія при моемъ первомъ дебютѣ.

— Ну вотъ, Гришенька, сказалъ мнѣ отецъ, закрывая букварь, какъ выучишь эту книжку, я тебѣ новенькіе сапожки куплю, пряничковъ дамъ, да и станемъ учить часословъ, книга хорошая и читать по ней больно хорошо.

— А потомъ что? спросилъ я.

— Потомъ станемъ учить псалтирь; та книга еще лучше.

— А дальше?

— Дальше станемъ учиться писать.

— А тамъ?

— Тамъ ужь въ училище, за тѣмъ въ семинарію, гдѣ тебя научатъ всему, а тутъ и въ попы.

— А въ училищѣ, тятя, стегаютъ?

— Чуточку постегиваютъ. Нельзя же безъ этого, когда учишься. Не выдавши горькаго, не увидишь и сладкаго. За то попомъ будешь.

И въ радости, что буду попомъ, я вскочилъ съ мѣста, побѣжалъ было къ васькѣ; но матушка взяла меня за руку, поцѣловала, привела къ сундуку, гдѣ хранились закуски, и дала мнѣ горсть орѣховъ.

Хорошее начало, говорятъ, половина дѣла; послѣ перваго урока дѣло обученія грамотѣ пошло, какъ по маслу: что день, то новый урокъ, съ придачею *задовъ*, т. е. урока, пройденнаго наканунѣ. Эти зады каждый день висѣли надо мной мечемъ Дамокла, потому что батюшка всегда взыскивалъ за нихъ строго; неисправная сдача задовъ обыкновенно стоила мнѣ или щелчка, или подзатыльника, или даже истязанія той части тѣла, которая противопоставляется головѣ. Подобнаго рода удовольствіями мнѣ не совсѣмъ рѣдко приводилось наслаждаться въ продолженіе моего домашняго ученія.

Впрочемъ, смотря на жесткость обращенія со мною отца, не подумайте, чтобы батюшка не любилъ меня, или былъ человѣкъ жестокой. Жестокости онъ никогда нигдѣ не обнаруживалъ, даже когда бывалъ взбѣшенъ до крайности; онъ только былъ неумолимъ относительно исполненія правила: «когда слѣдуетъ, по его мнѣнію, наказать ребенка, его всегда нужно наказать». Понятія же о способахъ наказанія онъ почерпалъ изъ воспоминаній своего дѣтства. Сначала жесткое за уроками обращеніе со мною отца, во всякое другое время ко мнѣ ласковаго, добраго и снисходительнаго, огорчало меня на столько, на сколько можетъ огорчаться пятилѣтній мальчикъ; но скоро я къ нему привыкъ, не тяготился имъ и думалъ, что тутъ ужь такъ, вѣрно, и быть надо, и что иначе нельзя.

Однообразно проходили дни моего дѣтства въ дому родительскомъ. Поутру умыванье, молитва въ сообществѣ съ матерью или отцемъ, чай, за тѣмъ зады, проучка новаго урока, а въ двѣнадцать часовъ обѣдъ.

Уроки мои шли только до обѣда. Батюшка часто повторялъ: «сытое брюхо къ ученю глухо», и потому до обѣда я состоялъ подъ исключительной дирекціей отца. Если онъ вздумаетъ меня посѣчь прутикомъ изъ голика, или дастъ колотушку, то матушка иногда заступалась за меня, но заступничество ея батюшка всегда считалъ непозволительнымъ вмѣшательствомъ въ чужое дѣло, не входившимъ въ обязанности матери, и вреднымъ лично для меня.

— Что это, Митр-Брисычъ, какъ тебѣ ребенка не жаль? Легка ли у тебя рука?

— Не твое, дьяконица, дѣло. Заступаться за ребенка, когда

я его наказываю, тебѣ не слѣдуетъ, а то какъ разъ испортишь его. И выходить: у бабы велось дологъ, да умъ коротокъ.

Послѣ обѣда одека надо мною переходила въ руки матушки. Матушка, при всей любви ко мнѣ, подавалась, въ свою очередь, слабости, не слишкомъ для меня пріятной: любила побраниться. Бывало, послѣ обѣда я сорвусь со двора и дожидай меня до заговѣнья, да сверхъ того до-сыта нанолощусь съ поповичемъ или пономарскими дѣтьми гдѣ нибудь въ грязной лужѣ. Часамъ къ пяти возвращаюсь домой.

— Гдѣ ты, шельмецъ, до сей поры пропадалъ? а? кричитъ матушка, всплеснувъ руками. И отдѣлался какъ чертенокъ; смотри, на рубашонкѣ-то цѣпъ не узнать. Ахъ ты шельмецъ эдакій, варваръ, разбойникъ эдакій, право!

— Что это, Марья Алексѣевна, можно ли такъ ребенка бранить? заступится за меня отецъ. Ребята перемчивы; вѣдь эдакъ и онъ научится браниться.

— Дьяко-онъ! А давеча что говорилъ, когда я заступалась за ребенка? И вышелъ ты теперь, какъ Оомина кума, до обѣда съ умомъ, послѣ обѣда безъ ума.

Такія сцены изъ-за меня между моими родителями происходили не рѣдко.

Впрочемъ, за исключеніемъ этихъ маленькихъ изъ-за меня размолвокъ, мои родители жили между собою мирно, и супружеское ихъ согласіе никогда не нарушалось продолжительными и серьезными разладами.

У насъ было порядочное хозяйство. Батюшка имѣлъ двухъ лошадей, но работника не держалъ и ходилъ за ними самъ. Для ухода за скотомъ была нанята работница, и это была единственная прислуга во всемъ домѣ. Работница Мавра, старуха здоровая, сутулая и угрюмая, ростомъ, ухватками и голосомъ скорѣе смахивала на мужчину, чѣмъ на женщину. Она выпускала слова два-три въ день, не больше, и то не каждый день. Не знаю, правду ли она говорила, что у нея болитъ сердце о хозяйской скотинѣ, за которою она ухаживала, но знаю достоверно, что о хозяйскомъ сынѣ сердце у ней не болѣло вовсе; я для нея какъ бы вовсе не существовалъ.

Матушка, въ особенности лѣтомъ, почти каждый день отпу-

скала меня играть съ сыномъ отца Семена, Андреемъ, и сыномъ причетника Ѳаддея, Максимомъ; тотъ и другой были годомъ моложе меня. Предоставленные самимъ себѣ, безъ всякаго присмотра, мы вольничали на пропалюю: лазили по сараямъ, по овинамъ, по мякильницамъ, по стогамъ сѣна или соломы; однажды забрались даже на старую деревянную церковь и раззорили тамъ пропасть галочьихъ и голубинныхъ гнѣздъ. Досталось же за это отъ батюшки мнѣ, какъ смѣльчаку, подавшему первую мысль объ опасной экспедиціи на церковь. А отецъ-то Семень! Ужь какъ и сколько разъ глодалъ онъ за это батюшку!

Тотъ остался бы въ большомъ заблужденіи, кто, видя насъ тропихъ постоянно неразлучными, вздумалъ бы вывести изъ этого заключеніе о нашей привязанности другъ къ другу, дѣтской дружбѣ и любви. Андрей былъ заноза и капризникъ, Максимъ — плакса. Поповичъ постоянно наровилъ обидѣть бѣднаго Максима; я заступался за него. Такимъ образомъ Максимъ служилъ между мною и Андреемъ яблокомъ раздора. Изъ-за него мы съ Андреемъ каждый день ссорились, и я чуть не каждый день колотилъ поповича. Андрей то съ разбитымъ носомъ, то съ подбитымъ глазомъ уходилъ съ поля битвы, являлся домой весь въ слезахъ и приносилъ на меня жалобу дрожайшимъ родителямъ. Тѣ посылали гонца за моимъ отцемъ и задавали ему тщательную головомойку, которую онъ зачастую записывалъ для памяти на моей спинѣ. На другой день я колотилъ и Максима за то, что онъ не хочетъ заступаться самъ за себя и отъѣдается отъ Андрея только слезами. Сколько разъ матушка обѣщалась не пускать меня болѣе играть съ Андреемъ и Максимомъ, но когда я приступалъ къ ней съ неотвязчивыми просьбами и слезами, она опять надѣвала на меня подрясникъ, накрывала мою голову фуражкой и отпускала на улицу, заказавъ строго на строго не шалить и не буянить. Мы опять сходились; Андрей снова начиналъ капризничать, задираетъ меня и нападать на Максима, Максимъ принимался плакать и сморкаться, и я опять тузилъ либо того, либо другаго. Такимъ образомъ въ Провиніи я имѣлъ свою мѣстную репутацію и слылъ за отличнаго шалуна и буяна.

Въ долгіе зимніе вечера матушка занималась вязаньемъ и шитьемъ, батюшка переплеталъ книги, или выдѣлывалъ мнѣ коробочки изъ бересты, вырѣзывалъ изъ бумаги солдатиковъ, лошадокъ, лодочки и домики... наследственная специальность! Отецъ никогда и ничего не читалъ, и меня вѣкогда не заставлялъ читать ничего, кромѣ букварей. Нельзя впрочемъ сказать, что я росъ на неплоднѣйшей почвѣ, и что въ дѣтствѣ не могло привиться ко мнѣ никакихъ нравственныхъ понятій. Вотъ образчикъ нашей домашней бесѣды, по которому можно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, какаго рода убѣжденія старались выработать во мнѣ родители.

— Безъ кнута на этомъ буланкѣ хоть со двора не съѣзжай, замѣтилъ мой отецъ, свивая ременный арапникъ.

— Видно вымѣнялъ ты кукушку на ястреба, сказала смѣясь матушка.

— Нѣтъ, сударыня, немножко не то. Буланка меривъ видный, здоровый, только лѣнивъ немного, а та наша лошадь, что была? Совсѣмъ безногая.

— Я думала, что Харитонъ съ тебя придачи запроситъ.

— И я тоже думалъ. Рублей тридцать хотѣлъ ему надметнуть, а онъ, чудакъ, сошелся башъ на башъ. Давича поутру я встрѣтился съ нимъ на мельницѣ. «Давай, говоритъ, отецъ дьяконъ, размѣняемся лошадьми назадъ, я, говоритъ, рублей-то десять снесу». Какже! Размѣняюсь, дожидайся. Вишь, напелъ дурака!

— Что-то подумываетъ теперь Харитонъ съ нашимъ хромымъ соловкомъ?

— Чего думать-то! Извѣстно, накладъ. Татарамъ на мясо продасть.

— Грѣхъ же будетъ тебѣ, Дмитрій Борисычъ.

— Отъ грѣха, матушка моя, никуда не уйдешь. Вѣкъ прожить, не поле перейти; за что нибудъ да заппнешься; не даромъ сложена пословица: «грѣшны, да божьи». Ты что тутъ палишь передъ носомъ-то?

— Выгадываю изъ этого остатка рукавчики къ рубашкѣ Гришиной. Какъ скоро онъ растеть у насъ! Давно ли изъ двухъ съ половиною аршинъ узенькаго ситцу дѣлала ему ру-

башку:—полная выходила, а теперь изъ двухъ съ половиной широкаго чуть выкраиваю.

— Парню скоро восемь лѣтъ, роста и надо. Ума вотъ только мало копить. Колотилъ сегодня Андриюшеньку? спросилъ отецъ, обращаясь ко мнѣ.

— А онъ за чѣмъ бьетъ Максима? отвѣтилъ я.

— А ты что читалъ въ азбукѣ, помнишь? Не дѣлай другимъ того, чего себѣ не хочешь.

— Такъ и Андриша не бей Максима, коли не хочеть, чтобы его самого били.

— Тебѣ-то что тутъ соваться? развѣ тебя бьютъ? сказала матушка. Хоть носы другъ другу кусай они, тебѣ какое дѣло? Вѣдь тебя не трогаютъ?

— Максима-то за что ты бьешь?

— Мнѣ досадно, что Максимъ поддается Андришѣ.

— Эка важность твой пономаревичъ, сказала опять матушка. Невелика птица въ перьяхъ. Андриюшенька-то сынъ священника, какъ бы то ни было, и поддаться не грѣхъ.

— Вотъ я тебя скоро повезу въ учлище. Тамъ найдутся ребята ловкіе. Что будетъ, когда кто нибудь тебя поколотить?

— Я не поддамся.

— Дуракъ ты. Найдутся сильнѣе тебя.

— Я ссориться и задирать не стану, и меня бить не станутъ. А за дѣло поколотятъ, такъ и сердиться не за что.

— Глупенькій ты, говоритъ матушка, ты эдакъ-то и пойдешь съ тычка на тычокъ. Кто тебя сильнѣе, съ тѣмъ ты будь поласковѣе, услугай ему, онъ тебя бить-то и не станетъ, да и заступаться даже за тебя будетъ.

— Слушай, мать дѣло говоритъ, заключаетъ батюшка.

Я слушаю, и долго матушка, бывало, читаетъ мнѣ разные нравоученія: о повиненіи старшимъ, о смиреніи передъ сильными, и проч.; а батюшка только ходитъ да поддакиваетъ.

Однообразіе нашей домашней жизни нарушалось въ дни именинъ отца и матери, и въ дни поминовеній по ихъ родителяхъ. Въ эти дни около пяти или шести часовъ вечера собирались къ намъ священники и причетники съ попадьями и причетницами. Отецъ Семенъ (старшій священникъ), всегда

надутый и спѣсивый, приходилъ не иначе, какъ послѣ третьяго зова; говорилъ онъ всегда медленно, съ вѣсомъ — во-первыхъ о доходахъ, во-вторыхъ о доходахъ и въ-третьихъ о доходахъ, жаловался на прихожанъ, что плохо платятся, и увѣрялъ, что удержанная мзда вопіетъ на небо, но о мздѣ, получаемой не по заслугѣ, ничего не говорилъ. Позволялъ онъ себѣ и шутки; но шутки его почти всегда сбивались на личность и походили на выдохшійся хрѣнъ: горечь въ нихъ была, но не было силы и остроты. Отецъ Василій (младшій священникъ) былъ любезенъ со всѣми, но говорилъ немного. Причетники сначала почти ничего не говорили, вскакивали на ноги, когда рѣчь отца Семена обращалась къ нимъ, смѣялись его quasi — шуткамъ, на ихъ же счетъ связаннѣмъ, и были безмолвными потребителями витій и яствъ; но къ концу вечера и они замѣтно оживлялись, балагурили между собой, иногда ссорились и въ то же время усердно потчивали другъ друга табакомъ изъ берестяныхъ тавлинокъ. Попада и причетницы, бесѣдуя въ отдѣльной комнатѣ, носившей почетное названіе гостиной, сплетничали и злословили всякаго, кто попадалъ на зубъ, не исключая и мужей своихъ. Здѣсь былъ настоящій женскій лифостротонъ, гдѣ не было конца выговорами, допросами, переспросами, очнымъ сводами, упреками, божбѣ, слезамъ и смѣху.

— Ты, Секлетинья Мироновна, за чѣмъ говоришь про меня, что я вышла замужъ всего съ полдюжиной сорочекъ? спрашивала жена отца Семена у пожилой причетницы.

— Что вы, матушка, Клавдія Викторовна, какъ это можно. Убей меня Богъ, никогда не говаривала. Какое мнѣ дѣло до вашихъ сорочекъ; про то отецъ Семень знаетъ.

— Смотри, улика-то вѣдь недалеко, говорила попада, поглядывая на молодую причетницу, сидѣвшую рядомъ съ Секлетиньей Мироновной, и съ лукавой улыбкой теребившую уголь платка.

— Убей меня Богъ, не говаривала ничего такого. Это вамъ сказала, должно быть, Дарья Родіоновна?

— А хоть бы и она.

— Я, матушка Клавдія Викторовна, докладывала только,—

говорила молодая причетница,—что у Секлетиньи Мионовны языкъ дологъ.

— А что она говорила? спросила попадьа.

— Она только и говорила, что у попадьи бѣлья немного, да и то не промыто.

— Ахъ ты лгунья, Дарья Родіоновна. Это я говорила про ихнюю работницю, когда она мыла бѣлье на прудѣ, что у нея, молъ, всего-то рубашонки двѣ-три, да и тѣ вереткомъ встрясн.

— Еще говорила, что толще рогожи, замѣчала Дарья Родіоновна, продолжая лукаво улыбаться и теревить уголь платка.

— Такъ что? Говорила, да про ихнюю работницю.

— Я двадцать лѣтъ замужемъ, сказала попадьа, а такой несносной обиды не слыхала ни отъ кого. У меня и у Семена Кузьмича не только сорочки, а и все прочее-то волоконное.

— Извѣстно. У васъ не наши достатки. Вотъ вы, Клавдія Викторовна, такъ ужъ насъ-то очень обижаете, говорила Секлетинья Мионовна.

— Чѣмъ?

— Да какъ же! Сказали про мою Груняшу, что у нея на правой лопаткѣ кожу сволокло. Вѣдь дѣвка невѣста, Бога вы не боитесь.

— А развѣ не правда?

— Хоть сейчасъ привести да раздѣть, такъ неправда.

— Это невѣсткѣ въ отмѣстку; ты сама про меня не болтай.

— И про меня, Секлетинья Мионовна, ты много пустяковъ выдумываешь, говорила Дарья Родіоновна.

— Какихъ пустяковъ?

— Такихъ же вотъ. Не на смѣхъ же я, молодая дѣвушка, вышла замужъ за пожилаго вдовца.

— Никто и не говоритъ, что на смѣхъ.

— А когда гостилъ у насъ Николай Лаврентьевичъ, такъ ты и не знай чего насаказала, да еще мужу въ глаза.

— Я только и сказала: ты молъ, Трофимъ Захарычъ, старъ ужъ, тебѣ ужъ не подъ силу, а ты молъ не запрещай Дарьѣ Родіоновнѣ поиграть съ Николаемъ Лаврентьевичемъ. Человѣкъ, молъ, она молодой, поиграть хочется. Да и Николай

Лаврентьячъ ей, могъ, не чужой человѣкъ — двоюродной племянникъ тебѣ по первой-то женѣ.

— Я съ нимъ не играла.

— А за чѣмъ свое-то шитье къ его рукаву пришила, да такъ и шила?

— Такъ что же? Ты думаешь, и Богъ знаетъ что такое.

— Ничего я не думаю. Отчего молодому человѣку и не поиграть?

— Разлучницей, Секлетинья Мионовна, ты хочешь быть, жену съ мужемъ хочешь разлучить. Съ тѣхъ поръ, какъ ты насказала на меня мужу, онъ на Николая Лаврентьяча до самаго отъѣзда все сычомъ смотрѣлъ, да и съ меня глазъ не спускалъ, говорила Дарья Родіоновна, отирая платкомъ глаза.

— А мнѣ-то что. Онъ глазами-то тебя хоть скушай. Тебѣ же лучше: чаще глядеть, пуще любить.

Всѣ засмѣялись, не исключая и Дарьи Родіоновны.

— Мой Василій Гаврилычъ всегда первый смѣется, когда чтонибудь смѣшное про насъ скажутъ, говорила Ироида Алексѣевна, жена отца Василя.

— Такъ и слѣдуетъ, наставительно сказала старшая попадьа.

Всѣ замолчали на нѣсколько минутъ.

— Корова у меня, проговорила Дарья Родіоновна, стала что-то доить нехорошо: молоко такое кровавое.

— Надо лекарицу достать, сказала Клавдія Викторовна. Минѣиха, говорятъ, хорошо наговариваетъ.

— Лучше напоить корову съ сорокообъденнаго ладону, замѣтила Секлетинья Мионовна.

— Нѣтъ, это все плохо дѣйствуетъ, — сказала матушка, показываясь въ дверяхъ. Лучше всего парное молоко отнести въ хмѣльникъ и вылить тамъ. Я все такъ дѣлаю. Помогаетъ.

Между тѣмъ въ спальнѣ, которая исправляла въ экстренныхъ случаяхъ должность буфета, мои родители хлопотали о томъ, чтобы угостить гостей надлежащимъ образомъ и чтобъ не уронить себя въ ихъ мнѣніи относительно знанія приличій свѣта. Они совѣщались о многомъ то вполголоса, то шепотомъ. На столѣ подлѣ шипящаго самовара стояли два

подноса, уставленные стаканами и чайными чашками. Матушка разливала чай.

— Марья Алексѣвна, говорить отецъ, неужели это ты всѣмъ въ накладку?

— По первому стакану и по первой чашкѣ всѣмъ въ накладку. Вѣдь будутъ пить съ кренделями, такъ иначе какъ же? Дальше, разумѣется, пойдетъ въ прикуску. Да куда ты ложки-то? За чѣмъ въ стаканы? На блюдечки клади. Ахъ ты, Господи!

— Прахъ бы васъ побрала и съ модами-то. По моему, такъ и ложекъ совсѣмъ бы не надо: здѣсь размѣшалъ, и дѣло съ концемъ.

— Еще что выдумаетъ?

Отецъ беретъ подносъ съ стаканами и идетъ обносить чаемъ мужчинъ; матушка подносъ съ чашками понесла въ гостиную. Отецъ Семень, выпивъ второй стаканъ, накрылъ, то есть, поставилъ его на блюдечко вверхъ дномъ, увѣчивъ огрызкомъ сахара. Однакожь послѣ втораго стакана онъ выпиваетъ еще четыре, заставляя моего отца передъ каждымъ стаканомъ кланяться и упрашивать себя «получить еще стаканчикъ и выкушать».

— Трофимъ Захаровичъ! вы не хотите ли еще чаю?

— И подумать не хочу, отецъ дьяконъ, отрыжка безъ того одолѣла.

— Ты, Трофимъ, видно, двоежелудочный, съ острить отецъ Семень.

— Разсудительно изволили заключить, отецъ Семень, говорить Трофимъ Захарычъ, смѣясь и поднимаясь на ноги. И такъ-ту я, осмѣлюсь, не большой до него охотникъ, а употребляю больше для сваренія желудка.

Онъ не нашелся сказать ничего лучше этого, стоитъ, смотритъ въ потолокъ и обтираетъ табачнымъ бумажнымъ платкомъ обильный потъ съ широкаго лица.

Въ спальнѣ, на подносѣ вмѣсто стакановъ, явились рюмки. Матушка наливаетъ въ нихъ какой-то красноватой жидкости изъ графина.

— Ты, Марья Алексѣвна, что это дѣлаешь? спрашиваетъ вполголоса отецъ.

— Ерофейчъ разливаю.

— Какъ можно! По первой рюмкѣ, да и ерофейчъ. По первой рюмкѣ наливки надо.

— Кому пить наливку-то? Развѣ только отцу Семену. Отецъ Василій никакого вина не пьеть. А причетникамъ что подноси, что пѣтъ, все равно, наливку ни за что считаютъ.

— Нельзя; по первой рюмкѣ всегда наливкой подносятъ. Пей, не пей, какъ хочешь, было бы поднесено. И отцу Василью, хоть и не пьеть, поднести надо, честь сдѣлать.

— Самъ знаешь, говорить матушка, доставъ изъ шкапа графинъ съ наливкой.

Послѣ пятой рюмки ерофейча гости обыкновенно начинали пѣть хоромъ ирмосы или богородичны.

— Славный у васъ голосъ, говоритъ отецъ Семень, думая польстить малоразговорчивому отцу Василю.

— Не дурень, отвѣчаетъ отецъ Василій. Я когда въ семинаріи учился, такъ меня тамъ всегда съ клироса гоняли, больно шибко ужь пѣлъ.

— Забавники вы, право, забавники, говоритъ смѣясь отецъ Семень и затягиваетъ:

Что жъ ты замолкъ и сидишь одинокій...

Слѣдующій стихъ дружно подхватываютъ всѣ собесѣдники, и поютъ такъ же старательно, какъ до этого пѣли ирмосы и богородичны.

Время ужинать. Гости садятся за накрытый столъ по мѣстамъ и, разумѣется, по чинамъ, женщины по одну сторону, мужчины по другую. Въ спальнѣ, куда всѣ кушанья изъ кухни поступаютъ на ревизію прежде, чѣмъ будутъ поданы гостямъ, хозяева опять совѣщаются, что подавать напередъ: пирогъ или холодное, подносить ли кушанья каждому гостю особо, или становить на столъ? Послѣ нѣсколькихъ колебаній матушка беретъ пирогъ и подноситъ каждому гостю особо.

— Что ты, дяконица, выдумала кормить насъ съ выдачи, говоритъ отецъ Семень. Получилъ порцію, съѣлъ, хотѣлось бы еще, анъ нѣтъ, унесли, сиди да облизывайся. А ты поставь кушанье на столъ, — я сколь хочу, столъ и ѣмъ: за однимъ-то кушаньемъ три раза съѣзжу.

За ужиномъ хозяева никогда почти не садятся за столъ: хозяйка подаетъ кушанья, хозяинъ — вино. Въ концѣ ужина гости встаютъ съ мѣстъ и поютъ многолѣтіе, если это день именинъ хозяйна или хозяйки, или вѣчную память, если это день поминокъ, и опять садятся доканчивать ужинъ или сладкимъ пирогомъ, или жареными въ маслѣ розанцами, или киселемъ съ медомъ. Послѣ ужина, лишь только скатерть снимется со стола, гости молятся Богу, благодарятъ хозяевъ за угощеніе, расходятся по домамъ, и — балъ конченъ.

По этому образчику можно составить себѣ вонгтіе о всѣхъ, такъ называемыхъ, «вечерахъ», задаваемыхъ духовными нашего края. Вечеръ у одного духовнаго лица почти ничѣмъ не разнится отъ вечера у другаго, и они похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды.

Вообще дѣтство мое не оставило во мнѣ никакихъ особенно отраднхъ воспоминаній, не грѣютъ они сердца, не можетъ поблагодарить ихъ душа моя, готовая откликаться на призывъ всего честнаго и полезнаго. Не отъ кого мнѣ было съ раннихъ лѣтъ не только набратъ ся какихъ нибудь свѣденій, необходимыхъ для жизни, но и усвоить себѣ хорошія, честныя правила. Голова моя была набита вздоромъ, въ ней былъ туманъ какой-то, если не полная пустота, и я всегда отличался нѣкоторою дикостію. Никто меня не наставлялъ, какъ дѣйствовать, думать, чего остерегаться; между тѣмъ меня наказывали, когда я дѣйствовалъ не такъ, какъ бы слѣдовало дѣйствовать, когда я не остерегся того, чего нужно бы остерегаться. Меня, напримѣръ, отучили сморкаться въ полу, плевать среди комнаты, говорить *ты*, когда слѣдовало говорить *вы* и т. п., и эти мизерныя правила чисто внѣшней жизни я долженъ былъ соблюдать только въ гостяхъ, или вообще при людяхъ съ какимъ нибудь значеніемъ въ нашей мѣстности; дома же безъ гостей и при людяхъ постороннихъ не высокаго полета я могъ свободно позволять себѣ отступленіе отъ всякихъ правилъ. Никто не слѣдилъ серьезно за моими дѣйствіями, не думалъ о моемъ внутреннемъ развитіи, о направленіи моего характера. Уединенность и замкнутость сферы, въ которой я жилъ, была такова, что я видѣлъ людей немного, но и отъ тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ вокругъ себя, занять было

нечего. Я не могъ обогатиться дѣльными впечатлѣніями, которыя для воспримчивой юной души гораздо существеннѣе какихъ нибудь назиданій, наставленій и вразумленій. Умъ мой припоминаеть теперь все видѣнное и слышанное въ дѣтствѣ; но ни на чемъ онъ не можетъ отдохнуть и освѣжиться...

III.

Домашнее образованіе мое кончилось: я бойко читалъ по часослову и псалтири, по книгамъ латинскимъ и греческимъ, писалъ дѣльно, разумѣется, прописью, и даже умѣлъ пѣть по церковной нотѣ. Я былъ уже обученъ всякимъ *начаткамъ*, и потому пора было везти меня въ училище. Наканунѣ отъѣзда въ училище, матушка напекла мнѣ попутниковъ (пироговъ и ватрушекъ), зажарила поросенка и курицу. Отецъ, озабоченный больше обыкновеннаго, укладывалъ въ большой холщевый мѣшокъ для себя рясу, подрясникъ, кушакъ и новые сапоги, для меня новую наиковую пару и бѣлье. Онъ, молча, пройдетя разъ по комнатѣ, сядетъ, но тотчасъ же встанеть и опять пройдетя, и опять сядетъ и т. д.

— Ты, Гришенька, не будешь завтра плакать, когда со всѣмъ поѣдешь, спросила меня матушка.

— Нѣтъ не буду, матушка, отвѣчалъ я молодцовато.

— Не плачь, вѣдь ты съ отцемъ поѣдешь.

Она поцѣловала меня такъ полноувѣсно, какъ никогда не цѣловала, и чтобы скрыть невольныя слезы, поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Послушай, Гриша, сказалъ отецъ, продолжая по прежнему то ходить, то садиться—ты смотри, тамъ у меня учись и живи хорошенько; тогда тебя начальники полюбятъ и будутъ переводить изъ класса въ классъ безъ всякой задержки. Кончишь курсъ, попомъ будешь. Шутка, поди-ка, быть попомъ: и живи богато, и самъ большой на-городѣ. Что нашъ братъ? плевать. Какой нибудь попъ Семень, и тотъ тебѣ говоритъ: *ты да дьяконъ, и отцемъ дьякономъ* даже назвать не

хочеть. Бѣжишь при всемъ народѣ по церкви, когда сторожъ долго теплоты не подаетъ, а все потому, что какойнибудь отецъ Семень приказалъ. А что отецъ Семень? Пробкой его назвать, такъ это значитъ еще польстить ему. А бѣгаешь, по его приказу, такъ что волоса вѣютъ.

Батюшка немного преувеличивалъ дѣло. Онъ не сдѣлалъ бы этого послѣ пяти приказаній пяти отцовъ семеновъ; но ему хотѣлось представить, какъ можно ярче, картину униженнаго положенія подчиненныхъ духовныхъ лицъ въ причтѣ, и онъ продолжалъ:

— Это со мной такъ бываетъ. Теперь возьми-ка причетника. Какъ его назвать, передъ попомъ? Грѣхъ проступковичъ не больше. Прогуливается въ залѣ у какогонибудь попа Семена сивый меринъ, котораго онъ самъ не умѣе, а причетникъ въ то же время стоитъ въ передней и на поповы приказанія отвѣчаетъ только: слушаю-сь, да слушаю-сь. Поѣхала у него жена, или самъ онъ куданибудь, причетникъ за кучера садись на козлы. За водой съ бочкой для попа... кто? онъ же, причетникъ, ступай: да и всего не перечтешь. А отчего это? Оттого, что отецъ Семень кончилъ курсъ.

Долго еще разглагольствуя на эту тему, батюшка вошелъ въ такую пассію, что совершенно забылся и вовсе не замѣтилъ, какъ усѣлся на горячихъ пирогахъ и ватрушкахъ, поросенкѣ и курицѣ, сложенныхъ въ котомку на стулѣ, и приготовленныхъ намъ въ дорогу. Обольщенный счастливою долей попа Семена и запуганный незавидною участію дьяконовъ и причетниковъ, я въ промежуткахъ рѣчи батюшки, нѣсколько разъ повторялъ:

— Я буду учиться хорошо...

Я не знаю, долго ли еще отецъ пѣлъ бы іереміаду на жалкое состояніе низшаго духовенства, еслибы не прекратила ее неожиданно матушка, вошедшая къ намъ въ комнату. Увидавъ супруга, воссѣдающаго на попутникахъ, которые ни въ какомъ случаѣ не имѣли назначенія исправлять должность кафедръ, она, всплеснувъ руками, вскричала:

— Дмитрій Борисовичъ! что ты дѣлаешь?

— Даю наставленія Гришѣ, чтобъ учился, чтобъ...

Но матушка не дала ему договорить и безъ церемоніи стащила съ котомки. Отецъ, по видимому, сильно удивился, за чѣмъ его тутъ усадило. Матушка развязала котомку, посмотрѣла: пироги и ватрушки измяты до вельзя, хотъ выбрось. Взяла она котомку, махнула рукой и пошла заводить новую опару.

Отецъ прошелся раза два по комнатѣ. Жаръ, съ которымъ онъ говорилъ, прошелъ, но не прошло у него желаніе говорить; только вздумалъ онъ перемѣнить тонъ и теперь обратиться къ оружію угрозы, которой не только самъ никогда не привелъ бы въ исполненіе, но и всякому помѣшалъ бы въ этомъ. Онъ вынулъ изъ кармана платокъ, высморкался, откашлялся, и торжественно сказалъ мнѣ:

— Вотъ что, Гриша. Учись, Христа ради, хорошенько и веди себя ладненько; постарайся кончить курсъ: самому будетъ хорошо, поблагодаришь и меня тогда, не на худо-де учишь. Если же выключать тебя — прямехонько паси лобъ: своими руками отдамъ въ солдаты. Училище и семинарія — это одна труба, черезъ которую надо непремѣнно пройти, какъ есть, чрезъ всю; не пройдешь черезъ нее — пропашишь ты человекъ совсѣмъ, такъ-таки въ кантонисты и пошлю; пусть дубасятъ тебя весь вѣкъ палками по пяти разъ въ день. Понимаешь?

— Буду, батюшка. я учиться хорошо, и жить хорошо буду, отвѣчалъ я сквозь слезы, не смѣя взглянуть на отца.

— То-то буду, лаконически рѣшилъ онъ, совершенно довольный эффектомъ своей угрозы.

На другой день прежде, нежели я всталъ съ постели, новые попутники были уже готовы. Нужно было торопиться поспѣть въ городъ къ приемному экзамену, а было ужъ 27-е августа *).

Поѣздка, задуманная однимъ духовнымъ лицомъ изъ села въ городъ, представляетъ другимъ духовнымъ, остающимся дома, случай взвалить на отгѣзжающаго множество разныхъ комиссій и порученій. И священникъ нерѣдко принимаетъ

*) Приемные экзамены въ духовныхъ училищахъ бывають въ первыхъ числахъ сентября.

легонькія порученія даже отъ причетниковъ, которые, низко кланяясь и закладывая волосы за уши то тою, то другою рукою, почтительнѣйше просятъ его благословеніе купить — одному фунта два мыла, другому — фунта полтора ворвани, третьему — вару и мѣду на пятиалтынный въ сложности, и его благословеніе, по добротѣ своей, давъ обѣщаніе закупить все это, иногда и въ самомъ дѣлѣ сдерживаетъ слово. Когда же отъѣзжаетъ въ городъ дьяконъ, а въ особенности причетникъ, тогда просто бѣда... заказамъ конца нѣтъ. Священники закажутъ привезти себѣ непременно по пуду сахару, по нѣскольку фунтовъ чаю, ваты, верблюжьей шерсти, велятъ купить новую коробку для кухарки, или сундукъ для себя, иногда коммодъ съ шкапомъ, и проч. и проч. Явятся они со списками покупокъ, — какъ тутъ быть? Отказаться нельзя, прогнѣваются; а говори, что исполню все съ величайшимъ удовольствіемъ. Исполнилъ въ городѣ все, ну, слава Богу. Ань опять бѣда: хоть въ три кренделя гнись, но все заказанное непременно вези на своей подводѣ, а изъ-за чего? изъ-за спасибо, и то не всегда искренняго; по пути-де везь, не Богъ знаетъ какая услуга.

Вотъ и тогда, какъ мы съ отцомъ собрались въ городъ, явился отецъ Василій, поговорилъ со мною весьма дѣльно и тепло и, оставивъ батюшкѣ списокъ покупокъ и деньги на нихъ, пожелалъ намъ счастливаго пути и всего наилучшаго. Человѣкъ-то, по крайней мѣрѣ, хорошій этотъ отецъ Василій, почему не услужить! Вслѣдъ за нимъ явился отецъ Семень.

— Здравствуй, дьяконъ! что? совсѣмъ?

Отчего же я ранѣе не обращалъ вниманія на тонъ этого привѣтствія? Не знаю. Мнѣ онъ казался совершенно въ порядкѣ вещей. Но послѣ іереміады отца тонъ, съ какимъ обращался къ нему отецъ Семень, и мнѣ показался чрезвычайно невѣжественнымъ, обиднымъ.

— Совсѣмъ, слава Богу, сказалъ мой отецъ.

— Вотъ и ты, Гриша, въ городъ наклакс. Полно станешь ли учиться-то?

— Я стану учиться, отвѣчалъ я смѣло, задѣтый за живое.

— Полно такъ ли? Шалунъ вѣдь ты!

— Я хорошо буду вести себя.

— Вонъ какъ? Вдругъ смиренникомъ сдѣлаешься? Нѣтъ, братъ, кривое дерево едва ли скоро исправишь.

Я заплакалъ. Такъ мнѣ было досадно.

— А до дьякона-то, бездѣльникъ Гриша, едва ли ты дотянешься. Шалунъ вѣдь ты, у! какой шалунъ!

— Я попомъ буду.

— Вона! не сдѣлайся протопопомъ.

— Нѣтъ, я попомъ буду.

— А выключать тебя, откуда нибудь да выключать. Что тогда скажешь?

Мнѣ такъ и мерещилось, что онъ безцеремонно намекаетъ на то, чтобъ батюшка отдалъ меня, вмѣсто училища, прямо въ кантонисты. Я посмотрѣлъ на батюшку, — онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, а все жъ таки улыбался, не сводя глазъ съ отца Семена. Но Боже мой! что это была за улыбка! Я помню, какъ отецъ улыбался матушкѣ, когда матушка улыбалась ему; я помню, какъ онъ улыбался мнѣ, когда ласкалъ меня: въ этихъ улыбкахъ замѣтна была небольшая разница, но въ той и другой было весьма много родственнаго; но улыбка, которою осклаблялся бѣдный батюшка въ глаза отцу Семену, разнилась отъ тѣхъ улыбокъ, какъ небо отъ земли, это была у него улыбка не своя, а наемная...

— Вы, отецъ Семень, кажется, говорили вчера, что я долженъ сдѣлать для васъ кой-какія покупки въ городѣ, спросилъ отецъ.

— Да! я и забылъ, а все отъ того, что закалялся съ твоимъ бездѣльникомъ. Такъ вотъ, дьяконъ, ты купи мнѣ по этому списку, что нужно, да храни, сдѣлай милость, какъ зѣницу ока. Въ прошлый разъ ты изволилъ подмочить цѣлый фунтъ пшеничнаго крахмалу, кисель-киселемъ сдѣлалъ, выбросили; право, выбросили, я тебѣ ужъ не разъ говорилъ объ этомъ..... Купи мнѣ, пожалуйста, сани для зимы.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, только кому прикажете тамъ сдать ихъ?

— За чѣмъ сдать? Ты привези сюда.

— Вы, отецъ Семень, вѣроятно шутите со мной?

— И не думалъ. Какія тутъ шутки! Привезти сани не составятъ для тебя ничего: ты поставишь сани поперегъ твоего тарантаса, привяжешь ихъ, и вмѣсто тарантаса сядешь въ нихъ. Очень будетъ удобно. Понимаешь?

— Понимаю, только нельзя ли меня избавить отъ этого удобства.

— Никакъ, братецъ, нельзя: мнѣ сани къ зимѣ пужны.

— Ну ужъ эту покупку вы закажите съ кѣмънибудь другимъ, а не со мной, сказалъ мой отецъ. Я не куплю вамъ саней.

— Ты, дьяконъ, опять принимаешься за грубости. Видно тебѣ архіерейскій домъ не надоѣлъ.

— Двадцать разъ еще поживу въ немъ, по милости вашей, а все жъ таки саней не куплю.

— Какъ знаешь, сказалъ отецъ Семень и ушелъ, хлопнувъ дверь.

Послѣ отца Семена приходили къ намъ три причетника и просвирия. Первый изъ причетниковъ просилъ купить для него фунтъ сальныхъ свѣчъ—восмеряка, вѣсомъ, а не счетомъ, второй—бараньи рукавицы, третій принесъ старую ременную шлею и просилъ отдать ее въ починку шорнику. Просвирия сама не знаетъ, за чѣмъ приходила; она говорила, что на нее нашла какая-то тоска, и Богъ знаетъ, съ чего защемило сердце, почему и надумала она зайти на минуточку къ матушкѣ Марьѣ Алакѣевнѣ, не отляжетъ-ли отъ этого хоть немножко.

Наконецъ нашъ возникшій Егоръ сказалъ, что въ тарантасѣ все, какъ слѣдуетъ, уложено, и лошади запряжены. Я и башка съ утра были одѣты по дорожному. Матушка зажгла передъ образомъ лампаду, всѣ мы сѣли по мѣстамъ; черезъ полминуты всѣ трое встали, положили по три земныхъ поклона передъ иконами, и я подошелъ къ матушкѣ. Всѣми силами крѣпился я, чтобы не заплакать, но когда матушка зарыдала, я не могъ удержаться и занялся слезами; она благословила меня финифтянымъ груднымъ образкомъ, поцѣловала и крѣпко прижала къ себѣ; она не могла отъ рыданій выговорить слова и только крестила мою голову. Поцѣловавъ горячо матушку, отецъ взялъ меня за руку, вывелъ

изъ дому и посадилъ возлѣ себя въ тарантасъ, гдѣ я легъ внизъ лицомъ и пролежалъ въ такомъ положеніи около часу. Качка зыбкого тарантаса дѣйствовала на меня усыпительно; отъ Провина до города почти половину дороги я просналъ. На проѣздѣ со второй станціи къ третьей я пробудился на двадцатой верстѣ. Батюшка съ нашимъ кучеромъ, Егоромъ, вели между собою разговоръ. Отецъ по обыкновенію густо басилъ, Егоръ говорилъ выше на цѣлую октаву жиденькимъ, дребезжащимъ, какъ бы надколотымъ теноромъ.

— Что ты, Егоръ, буланку-то все бьешь, спросилъ отецъ.

— Велѣлъ бы я тебѣ, отецъ дьяконъ, его на свѣчки истопить, сказалъ Егоръ, хлестнувъ кнутомъ пристяжную лошадь.

— А что?

— Какъ что! Лошадь съ жиру совсѣмъ не въ разумѣ; не въ коня значить овесъ тратишь.

— Что худаго ты замѣтилъ за буланымъ.

— Прехитрѣющая животица. Надъ товарищемъ у ней нѣтъ никакого чувства; одинъ коренной хотъ растянись.

— Нѣтъ и буланка свое дѣло дѣлаетъ

— Дѣлаетъ, дѣлаетъ, братецъ ты мой, да дѣлаетъ-то съ помышленіемъ. Ты глядишь, что постромки-то тово, нѣтъ шалишь, шельмецъ, у меня глаза не шапкой закрыты. Натянетъ постромки, не болтаются для сущности только, чтобы бити не быть, а самъ все-таки не везетъ. Сперначала-то мѣлалъ я, что въ ѣздѣ свою исправность беретъ. Гляжу одначе, коренной потѣетъ хлеско, а пристяжной у него гостить. Погоди, моль, голубчикъ, я тебѣ сдѣлаю принаровку по твоей супротивности. Давича, какъ ты спалъ, я сними валекъ съ крюка, да и держу въ рукахъ; постромки точно что натянуты, не болтаются, а тянетъ лихорадъ хуже поросенка, недошоеннаго недѣлю, чтобы-те кошка залягала. Надѣлъ я валекъ на крюкъ, да спуску-то съ той норы и не даю ему.

И онъ снова хлестнулъ буланку.

— За то тѣло держитъ, замѣтилъ батюшка.

— Коли для мяса держишь, батька, такъ лошади лучше и не надо. На причту, и попъ Семень у насъ тѣлеса имѣетъ не хуже твоего буланки: а что толку.

— За чѣмъ ты тутъ прадернулъ отца Семена?

— По той причинѣ — къ слову пришлю.

— Что жь Семенъ священникъ, какъ священникъ; служить, свое дѣло дѣлаетъ, ничего по службѣ не опускаетъ, сказалъ отецъ.

— Да? вотъ какъ твой буланый... точь въ точь.

Долго еще разговаривали отецъ мой и Егоръ между собою, стараясь этимъ сократить долгую дорогу на долгиѣхъ.

Мы пробѣжали переѣсокъ, за нимъ дорога, круто поворотившая вправо, окаймлялась по ту и другую сторону двумя рядами березъ, за которыми видѣлись въ полѣ то тамъ, то сямъ копны сжатого ржаного хлѣба.

Впереди насъ изъ-за придорожныхъ березокъ показалась труба курной избы, за ней другая, третья, тамъ обозначилась тесовая крыша, дальше соломенная, и наконецъ цѣлая деревенька, расположенная на небольшомъ отлогомъ пригоркѣ, раскинулась передъ нашими глазами во всемъ живописномъ безпорядкѣ разныхъ хозяйственныхъ деревенскихъ построекъ.

— Ночлеговать здѣсь станемъ, отецъ дьяконъ, спросилъ Егоръ.

— Не знаю какъ. Не лучше ли въ полѣ, на отавѣ. Теперь отава коронная, и время вишь какое. Лошадямъ бы привольѣе.

— Пожалуй. За этой деревней верстахъ въ двухъ чудесное мѣсто есть, и ключикъ тутъ.

— Вотъ Гриша развѣ квасу захочетъ.

— Я квасу не захочу, сказалъ я, воду буду пить.

Мы миновали деревню. За нею мѣстность упиралась въ широкій длинный прудъ, запертый мельничными ветвниками и плотинной, на которую мы должны были спускаться по крутому косогору. Верстахъ въ двухъ за мельницей, дорога терлась въ мелкомъ соснякѣ, перемежанномъ съ ельникомъ. На меня, какъ на обитателя совершенно безлѣсной стороны, видъ мелкихъ переѣсковъ производилъ невыразимо пріятное впечатлѣніе. Егоръ осадилъ лошадей и слѣзъ съ козелъ.

— Колеса надо запереть, сказалъ онъ, — вишь какія рытвины, да и косогоръ-отъ какимъ дьяволомъ выгнуло. Не ровень часъ.

— Нечистаго не помниай, Егоръ, замѣтилъ отецъ. Смотри онъ лежеть на помнѣ.

— Мы тамъ будемъ ночлеговать? спросилъ я отца, указывая на лѣсъ.

— Тамъ.

— А весело, должно быть, въ лѣсу, батюшка?

— Какое тутъ веселье! Лѣсъ, какъ лѣсъ.

— А чего же въ лѣсу-то бываетъ?

— Чего въ лѣсу, ничего. Зайцы есть, ягоды, грибы.

— Мы, батюшка, сходимъ съ тобой въ лѣсъ?

— Пожалуй.

Мы спустились по косогору, проѣхали плотину, мельницу и выбрались на большую дорогу. Лошади, почуявъ близость ночлега, прибавили шагу, и мы скоро подѣхали къ широкому оврагу, черезъ который былъ перекинутъ мостъ, обнесенный перилами. Подъ мостомъ, перекатываясь съ камешка на камешекъ, журчалъ ручеекъ. Вправо отъ дороги были полевые ворота на луга, по краю оврага тянулся жиденый еловый лѣсокъ. Егоръ соскочилъ съ козель, отворилъ ворота, и мы въѣхали на луговую поляну. При помощи батюшки, онъ выпрягъ лошадей, состреножилъ ихъ и пустилъ на лугъ.

— Завтра, дастъ Богъ, къ утру прикатимъ въ городъ, сказалъ отецъ.

— Къ раннимъ обѣднямъ надо поспѣть, отозвался Егоръ.

Стукъ появившагося на мосту, тяжело нагруженнаго, тарантаса обратилъ наше вниманіе. Громъ отъ лошадиныхъ подковъ и отъ шиновыхъ колесъ, катившихъ экипажъ по мостовинамъ, неровно уложеннымъ, глухо отдавался въ лѣсу. Ямщикъ въ пестрой рубашкѣ, покрытый широкополой шляпою, завернутою, для предохраненія отъ пыли, въ красный бумажный платокъ, старался возбудить лошадей сильными ударами бича и хриплыми криками, употребляя въ дѣло междометія, неизвѣстные составителямъ ни краткихъ ни пространныхъ грамматикъ. Не трудно было догадаться, что за пассажиръ былъ въ тарантасѣ: чтобъ въ тѣсныхъ пезовозакъ не измятъ широкихъ шляпъ, священники въ дорогѣ обыкновенно надѣвають ихъ на своихъ ямщиковъ. Миновавъ мостъ, ямщикъ тоже осадилъ

лошадей, оборотился лицомъ къ пассажиру и сталъ о чемъ-то совѣтоваться съ нимъ, указывая на насъ кнутовищемъ.

— Токо (едва ли) не товарищай Богъ посылаетъ, замѣтилъ Егоръ. Эй, почтенный, закричалъ онъ, коли ночлеговать собираетесь, такъ заворачивай сюда, отава гожая (невытравленная) и водопой подь бокомъ. Ась? Не чую. Чаго?

Съ козелъ тарантаса донеслось до насъ нѣсколько звуковъ, похожихъ на голосъ стараго селезня съ перерѣзаннымъ горломъ.

— Точно чортъ ему въ горлѣ-то недѣлю скребъ, замѣтилъ про себя Егоръ.

Лошади тронулись съ мѣста и повертели съ большой дороги къ намъ. Егоръ побѣждалъ отворять ворота.

— Та, та, та! отецъ дяконъ! Дмитрій Борисовичъ! Скажите! Нежданно, негаданно, заговорилъ пассажиръ.

— Пріятная встрѣча, отецъ Алексѣй, сказалъ батюшка, помогая ему выбраться изъ тарантаса. Съ дѣтками въ городъ собрались, отецъ Алексѣй? Я тоже сынка везу.

— А-а! Сдавать?

— Сдавать.

— Слава Богу!

Два, спавшихъ въ тарантасѣ, мальчика зашевелились, поднялись на колѣна и заспанными глазами стали озираться вокругъ себя. Одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати, другой не старѣе меня; оба бѣлокуры. Отыскавъ фуражки, они выскочили изъ тарантаса и побѣжали къ берегу ручья, гдѣ я сидѣлъ, играя камушками.

— Тебя какъ зовуть? — спросилъ меня старшій.

— Гришей.

— Тебя въ училище везуть?

— Въ училище.

— Гришей не зови себя: нехорошо. У насъ въ училищѣ такъ не зовуть другъ друга. Говори Григорій.

— А тебя какъ зовуть? спросилъ я.

— Зотикъ Ратушевскій.

— А я прозываюсь Ливановъ.

— Хорошее прозваніе. Будь бы ты Тукмачевъ или Курочкинъ, тебѣ смотритель живо перемѣнилъ бы прозваніе. Нынѣ

противъ Маранулина въ спискѣ на публичномъ экзаменѣ духомъ очутилась отмѣтка: варварская фамилія. Теперь у насъ въ училищѣ учатся три брата, и у всѣхъ разныя прозванія: Филомафитскій, Пинитенскій и Морбозовъ, а отецъ-то у нихъ прозывается Бабушкинъ.

— А этотъ какъ прозывается, спросилъ я, подвигаясь на ноги и указывая на младшаго бѣлокураго мальчика.

— Ратушевскій же, Павелъ. Это мой братъ, сказалъ Зотикъ, и швырнулъ камнемъ въ лѣсъ. Пойдемте въ лѣсъ.

— Пойдемте.

И мы втроемъ побѣжали въ лѣсъ, опережая другъ друга.

— Зотушко, а Зотушко! закричалъ я, догоняя старшаго Ратушевскаго.

— Какой я тебѣ Зотушко? Зотикъ Ратушевскій.

— Страшно въ лѣсу-то, или нѣтъ?

— Отчего тамъ тебѣ страшно-то будетъ?

— Можетъ, тамъ Яга-баба живетъ.

— Ха, ха, ха! Глупъ, видно, ты: сказкамъ вѣришь.

— Тамъ, можетъ, лѣшій есть?

— Лѣшіе не въ такихъ лѣсахъ живутъ. Тѣ въ дремучихъ живутъ, сказалъ Зотикъ, не вѣрившій сказкамъ.

За Ратушевскимъ я вошелъ въ лѣсъ безъ боязни и первымъ долгомъ поставилъ себѣ вскарабкаться на самую высокую елку. Однакожъ, боясь отстать отъ товарищей, я проворно спустился на землю и побѣжалъ въ ту сторону, откуда слышались ихъ звонкіе голоса. Ратушевскіе, снявъ фуражки, клали въ нихъ грибы, рыжики, обабки и масляники, которыхъ въ лѣсу оказалось довольно. Я послѣдовалъ ихъ примѣру. Бродя по лѣсу и отыскивая грибы, я недалеко увидѣлъ цѣлый кустъ рыжиковъ и побѣжалъ къ нему, одушевляемый радостію, что сейчасъ же наполню ими мою фуражку и перешеголяю, такимъ образомъ, товарищей. Но этотъ же кустъ рыжиковъ усмотрѣнъ былъ и старшимъ Ратушевскимъ. Подоспѣвъ къ нему одновременно со мною, Зотикъ безъ церемоніи хотѣлъ овладѣть находкою; но я грубо оттолкнулъ его.

— Не тронь, я напередъ увидалъ, сказалъ я.

— Мало ли что! А! ты еще толкаться!

И онъ такого раза задалъ мнѣ по затылку, что я полетѣлъ на три перевертыша.

Но я былъ не изъ такихъ мальчиковъ, у которыхъ можно отбить охоту къ кулачнымъ схваткамъ однимъ такимъ ничтожнымъ урокомъ. Кстати къ намъ подошелъ въ это время младшій Ратушевскій, не слишкомъ, вѣрно, расположенный къ своему брату, и вступился за меня. Мы съ Павломъ дружно напали на Зотика, но Зотикъ отлично отколотилъ обоихъ, и спокойно собралъ рыжки въ свою фуражку. Мнѣ было страшно досадно: я въ первый разъ потерпѣлъ такую неудачу и совершенно растерялся. Не зная рѣшительно, что дѣлать, я вздумалъ кончить неудачное для меня сраженіе тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончалъ ихъ Андрей, сынъ отца Семена.

— Я на тебя пожалуюсь отцу Алексѣю, сказалъ я, надувъ губы и потирая правой рукою ушибенный локоть лѣвой.

— За что? спросилъ Зотикъ.

— За чѣмъ больно буянишь.

Зотикъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ неподдѣльнымъ выраженіемъ презрѣнія, что я тотчасъ же понялъ, что одна мысль отмстить своему противнику приведеніемъ подобной угрозы въ исполненіе была уже гадостію.

— Такъ ты фискаломъ хочешь быть? спросилъ меня Зотикъ внушительно.

— Я фискаломъ не буду, сказалъ я, понявъ значеніе этого слова.

— Никогда не будешь?

— Никогда.

— Смотри, скверно быть фискаломъ въ училищѣ, духомъ выучать.

— Пойдемте къ повозкамъ, сказалъ Павелъ. Скоро темнѣтъ станетъ, и папаша осердится.

По пути мы еще довольно находили грибовъ и наполнили ими и фуражки, и носовые платки. Егоръ сходилъ въ лѣсъ за сухими сучьями и хворостомъ, разложилъ на полянѣ огонь, и скоро котелокъ, наполненный до краевъ грибами, задымился надъ нимъ.

Я не знаю, съ такимъ ли полнымъ удовольствіемъ римскіе гастрономы за лукулловскими обѣдами изволили уничтожать

десятки изысканныхъ кушаньевъ съ золотыхъ и серебряныхъ блюдъ, съ какимъ мы наслаждались нашимъ грибнымъ ужинкомъ. Я мончилъ ужинъ прежде всѣхъ, и легъ въ свой тарантасъ.

— Къ кому намѣрены поставить вашего сына на квартиру? спросилъ батюшку отецъ Алексѣй.

— Не знаю еще. Въ городъ поискать придется. На первый разъ оставлюсь у Петра Петровича Залѣнова.

— Какъ думаете нанимать квартиру: на своихъ или на хозяйскихъ харчахъ?

— И право не знаю

— Нынѣ, сказалъ отецъ Алексѣй, въ городѣ все очень вздорожало. Вотъ у меня два сына въ училищѣ; на слѣдующій годъ долженъ поступить еще сынъ. Сто двадцать рубликовъ серебромъ за одну квартиру. Надобно денежки изъ мѣста взять. А одежда, обувь, книжки и другія учебныя и прочія пособія .. У васъ много ли дѣтокъ, отецъ дьяконъ?

— Одинъ сынъ всего.

— Благодарить надобно Бога. А у меня вотъ дома еще четыре дочери, двѣ ужъ невѣсты. По неволѣ ночи-то не спятся. Не даромъ говорятъ: безъ дѣтей горе, съ дѣтьми вдвое.

— Доходы каковы у васъ въ селѣ?

— Доходы небожно хорошіе, грѣхъ не пожаловаться. Но вѣдь вы знаете, отецъ дьяконъ, сколько и при хорошихъ доходахъ священникъ получаетъ кругомъ въ годъ. Я съ радостію отдалъ бы половину всѣхъ моихъ доходовъ тому, кто согласился бы содержать моихъ трехъ сыновей въ училищѣ.

— Слава Богу, когда у васъ такіе доходы. Доходы отличные!

Отецъ Алексѣй и батюшка долго еще о чемъ-то толковали; но скоро разговоръ ихъ сталъ терять для меня всякую послѣдовательность и связь; уловивъ дремлющимъ слухомъ нѣсколько отрывочныхъ словъ изъ монологовъ собесѣдниковъ, я заснулъ глубокимъ сномъ, и проснулся уже на зарѣ слѣдующаго дня, когда сытыя лошади тронули съ мѣста нашъ тарантасъ въ слѣдъ за экипажемъ отца Алексѣя.

Мы потихоньку, помаленьку подавались все впередъ да впередъ по дорогѣ къ городу. Наконецъ солнце выплыло изъ-

за горы, и золотые лучи его заиграли на тридцати маковницах золоченых городских колоколенъ и церквей.

Не выдавши до тѣхъ поръ ничего величественнѣе нашей одноярусной сельской полинялой колокольни, я такъ былъ пораженъ общимъ видомъ раскинувшагося передо мною, какъ бы на блюдечкѣ, города, что тотчасъ почувствовалъ, какъ дѣтское сердяшко мое сильно застучало въ груди. За версту до города тарантасъ отца Алексѣя остановился. Отецъ Алексѣй и батюшка выѣзжали изъ тарантасовъ, сняли шапки и стали развязывать и расплетать косы. Ямщики принялись подвязывать поддужные колокольцы запасными ремешками.

— Совсѣмъ ли вы припарадились, отецъ дьяконъ? спросилъ отецъ Алексѣй, обдергивая полы только-что надѣтой суконной рясы.

— Готовъ, отецъ Алексѣй, откликнулся мой отецъ, упрятывая концы кушака, надѣтаго поверхъ казинетоваго, стеганаго подрясника, взятаго про запасъ.

— Почтеніе отъ меня Петру Петровичу, сказалъ отецъ Алексѣй, надѣвая шляпу и взбираясь въ свой экипажъ.

— Не преминую-съ, отвѣчалъ мой отецъ, сидѣвшій, уже въ тарантасѣ.

Мы проѣхали заставу и въѣхали въ городъ. Я, разинувъ ротъ, безмолвно удивлялся всѣмъ, встрѣчающимся по пути, диковинкамъ.

И. Осиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НѢКОТОРЫЕ СЛОВѢ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ СТАТЬѢ БЁРНЕ:

МЕНЦЕЛЬ ФРАНЦУЗОВЪДЪ.

Въ прошломъ году мы начали знакомить читателей «Русскаго Слова» съ произведеніями Бёрне; теперь продолжаемъ это ознакомленіе переводомъ знаменитой статьи его: «Менцель-Французовъдъ» (Menzel der Franzosenfresser). Но печатая эту статью, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя предварительныя замечанія.

Какъ извѣстно, Бёрне (род. въ 1784 г., умеръ въ 1837) былъ представителемъ такъ называемой «молодой Германіи», о которой мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ для объясненія какъ ея происхожденія, такъ и значенія.

Время такъ называемой, «молодой Германіи» было естественнымъ слѣдствіемъ того политическаго положенія, въ которое Германія была поставлена съ давнихъ поръ и которое не могло не отражаться въ литературѣ. Первыхъ началъ ея слѣдуетъ искать въ тѣхъ прогрессивныхъ стремленіяхъ, которыя пробудились по окончаніи тридцатилѣтней войны, повлекшей за собою борьбу партій, лицемерно прикрывавшихся любовью къ свободѣ нѣмецкаго народа, чужеземное господство, разрозненность и бесцѣліе въ политической и общественной жизни. Это печальное положеніе легло тяжелымъ гнетомъ на все умственное развитіе, и стремленія отдѣльныхъ личностей къ пробужденію національности оставались бесполезными и жалкими усиліями. Реформы Фридриха

Вильгельма I и Иосифа II пробудили съ умахъ лучшія надежды, лучшія чувства; «идея гуманнаго, чисточеловѣческаго, начала развиваться въ избранныхъ умахъ, не вреда однако надеждамъ и стремленіямъ патріотизма» *). На помощь къ этому движению или, можетъ быть, какъ порожденіе его, явилась новая философія «просвѣщенія»; идея прогресса сдѣлалась господствующею, и вся литература приняла умственно-прогрессивный характеръ. Главными представителями этого новаго направленія были Клопштокъ, Лессингъ и Виландъ.—Но дѣятельность Фридриха Вильгельма и Иосифа не принесла желанныхъ плодовъ; политическое положеніе Германіи опять сдѣлалось печальнымъ, и по мѣрѣ того, какъ эта картина принимала все болѣе и болѣе мрачныя краски, — въ отдѣльныхъ личностяхъ болѣе и болѣе коренилась идея свободы. Революція 1793 г. бурно пронеслась надъ Германією и возбудила много надеждъ, много горячихъ ожиданій; новый толчекъ особенно сильно почувствовался въ литературѣ; масса оставалась неподвижною. «Во время первой революціи — пишетъ Гейне — въ нашемъ литературномъ мірѣ происходило самое горячее броженіе и волненіе. Самый неизвѣстный авторъ, жившій въ какомъ бы то ни было отдаленномъ уголкѣ Германіи, принималъ участіе въ этомъ движеніи; почти по инстинктивной симпатіи, не зная хорошо политическихъ событій, онъ чувствовалъ ихъ соціальное значеніе и высказывалъ его въ своихъ произведеніяхъ.» Идея національности и прогресса пробуждалась все съ большею и большею силою; въ средѣ господствовавшей въ то время романтической школы появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ «патріотическихъ романтиковъ.» Заввучали пѣсни Клейста и Теодора Кернера; Арндтъ обратился къ народу съ вопросомъ: „гдѣ отечество нѣмца?“ и вдохновенно запѣлъ: „Богъ, желѣзо сотворившій, въ мірѣ рабства не хотѣлъ;“ наконецъ, явился и Уландъ, этотъ популярнѣйшій изъ всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Всѣ сердца были исполнены ожиданій; — извѣстно, чѣмъ окончились онѣ. Наполеонъ наложилъ руку на Германію, и восторженные гимны смолкли; народъ продолжалъ спать прежнимъ непробуднымъ сномъ. „Ахъ! — говоритъ Гейне — наши бѣдные предшественники въ Германіи дорого заплатили за свою симпатію къ революціи. Феодалы и іезуиты сдѣлали ихъ жертвами самаго грубаго коварства. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Парижъ, и тутъ погибли въ нищетѣ и страданіяхъ.“

*) Шерръ. Всеобщая исторія литературы.

Таково было первое разочарованіе друзей прогресса, но оно было далеко не послѣднимъ. Когда Наполеонъ палъ, надежды снова воскресли, но не надолго. Исходъ вѣнскаго конгресса показалъ, чего могла ожидать Германія. Недовольство сдѣлалось общимъ, по крайней мѣрѣ, въ средѣ молодежи. Начали составляться разныя общества; лишеныя всякаго опаснаго характера, чуждыя революціонному духу, они развивали только идею гуманизма и дѣйствовали больше въ умственной, чѣмъ въ политической сферѣ. Но не безвредными казались эти люди всѣмъ политикамъ, наводнившимъ Германію; они видѣли въ стремленіяхъ этой молодежи нѣчто весьма гибельное для благосостоянія государства, и плодомъ этихъ убѣжденій были знаменитыя Карлсбадскія постановленія. Словомъ, все смолкло: и только въ Парижѣ, сдѣлавшемся центромъ патріотической пропаганды, раздавались слабые голоса защитниковъ и друзей Германіи.

И снова за разочарованіемъ слѣдовало воскресеніе надеждъ: выступили на сцену Берне и Гейне; оба они, подобно многимъ изъ своихъ единомышленниковъ, ушли изъ отечества, гдѣ каждое слово ихъ встрѣчалось неумолимымъ преслѣдованіемъ; оба горячо любили родину и, поселившись въ Парижѣ, магически дѣйствовали на молодое поколѣніе. Вліяніе Гейне не было такъ сильно, какъ вліяніе Берне; первый, какъ онъ самъ нѣсколько разъ заявляетъ о себѣ, былъ больше умственнымъ, философскимъ будителемъ, второй — весь отдалъ себя чисто политической дѣятельности. Къ Гейне и Берне примкнуло множество молодежи; она-то и извѣстна подъ именемъ „молодой Германіи“. Значеніе ея — собственно литературное, да оно и не могло быть инымъ, потому что большая часть этихъ людей дѣйствовали внѣ своего отечества; мало того: за немногими исключеніями, члены „молодой Германіи“ были люди невинные въ политическомъ отношеніи, восторженные и мечтательные, которыхъ вся дѣятельность ограничивалась сочиненіемъ патріотически — либеральныхъ пѣсней. Но не такими глазами смотрѣли на нихъ нѣмецкія правительства, чему много способствовали гнусные доносы людей, въ родѣ Менцеля, не стыдившихся бросать самую грязною клеветою въ своихъ единоплеменниковъ. Менцель былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ романтической школы, но при этомъ до того проникнуть, такъ называемымъ, „тевтонствомъ“, которое въ переводѣ на русскій языкъ можно довольно удачно назвать кваснымъ патріотизмомъ, что внѣ этого тевтонства не видѣлъ ничего, и всѣ стремленія, проникнутыя космополитическимъ

духомъ, считалъ измѣною отечеству. Вотъ что говоритъ о Менцель Гейне: "Вольфгангъ Менцель былъ одинъ изъ тѣхъ тевтомановъ, изъ тѣхъ нѣмечниковъ, которые, вслѣдствіе юльской революціи, были принуждены снять съ себя свои старонѣмецкіе кафтаны и одѣться какъ умственно, такъ и физически, въ новое платье, скроенное по французской мѣрѣ... Многие изъ этихъ тевтомановъ, желая принять участіе въ общемъ движеніи и торжествѣ духа времени, вступили въ наши ряды, въ ряды бойцовъ за либеральные принципы, и я не сомнѣваюсь, что они мужественно дрались бы въ виду общей опасности. Я боялся, что если они измѣнятъ, то никакъ не во время битвы, а послѣ побѣды; старая натура ихъ, затаенное нѣмечничество, снова прорвались бы наружу, они тотчасъ же начали бы пѣть свои мрачныя среднѣвѣковья заклинанія и ими возбуждать противъ насъ грубую массу, и эти заклинанія, эта смѣсь стараго суевѣрія и демонической земной силы, подѣйствовали бы сильнѣе, чѣмъ всѣ доводы разума... Менцель былъ первый, который, какъ только воздухъ сталъ свѣжѣе, снова снялъ съ вѣшалки старонѣмецкій рѣторическій кафтанъ и съ удовольствіемъ снова началъ дѣлать гимнастическія упражненія на аренѣ старыхъ мыслей. Право, послѣ этой перемены у меня точно камень свалился съ сердца, потому что Вольфгангъ Менцель въ своемъ настоящемъ видѣ былъ гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ въ своемъ либеральномъ костюмѣ; я готовъ былъ обнять и расплѣвать его, когда онъ снова началъ ратовать противъ французовъ, и бранить евреевъ, и ломать копья во славу отечества и нѣмецкихъ дубовъ. Сознаюсь, что въ этомъ видѣ онъ пугалъ меня гораздо меньше, чѣмъ въ прежніе годы, когда вдругъ имъ овладѣло восторженное сочувствіе къ юльской революціи и французамъ, когда онъ началъ говорить свои патетическія, великодушныя, лафайетовскія, эманципаціонныя рѣчи въ защиту правъ евреевъ, когда онъ сталъ высказывать о судьбѣ міра и людей такія мнѣнія, какія едва ли можно найти у самаго отчаяннаго материалиста и который недостойны даже тѣхъ животныхъ, что питаются плодами нѣмецкихъ дубовъ. Да, сознаюсь, въ то время онъ былъ гораздо опаснѣе, въ то время я дрожалъ предъ Вольфгангомъ Менцелемъ!"

Вслѣдствіе ли того, что Менцель былъ защитникомъ нѣмецкой тяжелой спячки, по другимъ ли причинамъ, — только "молодая Германія," нашла въ Менцелѣ своего злѣйшаго и въ то же время недобросовѣстнѣйшаго врага. Какими взглядами руководствовался онъ въ отношеніи къ ней, это читатели увидятъ отчасти изъ

предлагаемой статьи Берне; прибавимъ здѣсь, что въ доносахъ своихъ на эту невинную партію, въ которой серьезное значеніе имѣли и сохранили всего пять-шесть человѣкъ (во главѣ ихъ Гейне и Берне),—Менцель, выставляя „молодыхъ германцевъ“ людьми, желающими низвергнуть христіанство и монархію, эманципировать плоть, уничтожить бракъ и семейство, сдѣлать общество безнравственнымъ и разрушить его. Понятно, что въ этихъ гнусныхъ нападахъ его главную роль играла Франція, куда стекались въ то время люди, недовольные тогдашнимъ положеніемъ Германіи. Французовъ считалъ онъ главными виновниками распространенія этого, по его словамъ, антипатріотическаго духа, и на нихъ металъ свои грязныя стрѣлы. Вотъ отчего Берне и назвалъ его весьма удачно „французозѣдомъ“.

Статья „Менцель-французѣдъ“ была послѣднею статьею знаменитаго человѣка. О достоинствѣ ея читатели сами получаютъ понятіе, но мы не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь мнѣнія о ней Гейне, котораго, какъ извѣстно, никакъ нельзя заподозрить въ особенномъ пристрастіи къ Берне: „Въ этой статьѣ—говоритъ Гейне—стиль Берне достигаетъ высшей степени развитія, и какъ въ словахъ, такъ и въ мысляхъ господствуетъ гармонія, свидѣтельствующая о болѣзненномъ, но возвышенномъ спокойствіи. Эта статья—свѣтлое озеро, въ которомъ небо отражается со всѣми своими звѣздами, а духъ Берне плаваетъ и ныряетъ на немъ, какъ прекрасный лебедь, спокойно стряхивая съ себя оскорбленія, которыми чернь пачкаетъ его бѣлыя перья. Оттого то эту статью справедливо называли лебединою пѣснью Берне... Эта статья—говоритъ Гейне въ другомъ мѣстѣ—защита космополитизма противъ націонализма; но изъ этой защиты видно, что у Берне космополитизмъ былъ только въ головѣ, а патріотизмъ пустилъ глубокіе корни въ сердцѣ, тогда какъ у его противника патріотизмъ засѣлъ только въ головѣ, а въ сердцѣ зѣвало самое холодное равнодушіе... Хитрыя слова, которыми Менцель прославляетъ свою нѣмецкину, какъ еврейразношикъ—свой старый товаръ, его старыя тирады изъ Арминія, Мартына Лютера, Блюхера, которыми онъ старается приятно щекотать гордость нѣмецкаго народа, всѣ эти отжившіе обороты рѣчи, Берне умѣетъ освѣщать такъ хорошо, что ихъ комическое ничтожество является въ самомъ забавномъ видѣ, а при этомъ изъ его собственнаго сердца вылетаютъ трогательнѣйшіе, безыскусственные звуки патріотическаго чувства—вылетаютъ точно стыдливыя признанія, которыхъ человѣкъ уже не можетъ удержать въ послѣд-

нюю минуту своей жизни и которая скорѣе рыданья, чѣмъ слова. Смерть стоитъ тутъ же и киваетъ головой, какъ неопровержимый свидѣтель правды этихъ признаній... Да, онъ былъ не только хорошій писатель, но и великій патріотъ. ⁶

На сколько справедливы эти слова великаго поэта—предоставляемъ судить читателямъ.

МЕНЦЕЛЬ ФРАНЦУЗОВЪДЪ.

(СТАТЬЯ ВЁРНЕ).

J'aime mieux ma famille que moi, ma patrie que ma famille, et l'univers que ma patrie.

Fénélon.

Qui ne se subordonne pas à sa patrie, sa patrie au genre humain, et le genre humain à Dieu, n'a pas plus connu les lois de la politique que celui qui, se faisant une physique pour lui seul, et séparant ses relations personnelles d'avec les éléments, la terre et le soleil, n'aurait connu les lois de la nature.

Bernardin de St. Pierre.

Мои друзья и единомышленники часто упрекают меня въ томъ, что я мало пишу, рѣдко поднимаю голосъ въ пользу моего глухо-нѣмого отечества. Ахъ! они думаютъ, что я пишу, какъ другіе, чернилами и словами; но я пишу не такъ, какъ другіе; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ, и у меня не всегда хватаетъ духу собственной рукой причинять себѣ боль, и не всегда хватаетъ силъ долго переносить ее.

А между тѣмъ было бы полезно еще хоть разъ снова пожужжать ихъ въ уши. Какъ грѣшно сиять они и какъ улыбаются! Такъ спалъ Геркулесъ послѣ своего послѣдняго великаго подвига, такъ улыбается тотъ, кто во снѣ видитъ себя королемъ.

Но какую пользу принесло бы это жужжаніе? Чувства можно пробудить; но тамъ, гдѣ нѣтъ мужества, сонъ равняется смерти. Можно пробудить

ушь для того, чтобы онъ началъ мыслить, но не неподвижное сердце для того, чтобы оно забилося; гдѣ перестаетъ биться сердце, тамъ прекращается жизнь.

Друзья говорятъ мнѣ: «намъ всѣмъ жаль, что ты не останавливаешь лжеца Менцеля и позволяешь этому французобду совершать спокойное пищевареніе». Я возражаю мнѣ: «Менцель осужденъ; онъ еще на свободѣ, онъ еще не является въ судъ, но судьба наконецъ схватитъ его. Мнѣ ли быть его сыщикомъ, лѣстникою его счастья? Въ такому благородному ищению человѣкъ настроенъ не каждый день».

Да и что я могу ему сдѣлать? Развѣ можно одерживать побѣду надъ людьми, которые никогда не выходятъ изъ своихъ монологовъ, не даютъ никакого отвѣта на ваши возраженія, на воздухъ отвѣчаютъ вопросамъ, которыхъ они не слышали и не принимаютъ никакого отвѣта на свои собственные вопросы? Мнѣ ли догнать Менцеля? Вѣдь въ то время, когда я медленными и тяжелыми шагами ступаю по льду нѣмецкихъ дѣлъ, онъ скользитъ мимо меня на конькахъ, дрожа отъ страха, что ледъ проломится подъ нимъ, и потомъ, добѣжавъ домой, хватается за свое грязное перо окончательными красными пальцами. Былъ ли Менцель когда нибудь справедливъ на столько, чтобы приводить изъ моихъ сочиненій тѣ мѣста, которыя онъ, по убѣжденію ли или по долгу службы, хотѣлъ опровергать или проклинать? Я знаю, что онъ не смѣлъ позволить мнѣ говорить; но для чего же въ такомъ случаѣ онъ говорилъ обо мнѣ? И благородный человѣкъ можетъ быть рабомъ обстоятельствъ; но тотъ, кто становится лакеемъ обстоятельствъ, не благородный человѣкъ. Менцель — грязный прислужникъ «Allgemeine Zeitung», почтенный нѣмецкаго союзнаго правительства! Что онъ подарилъ себя ему, а не продалъ — это правда. Но развѣ продажа за деньги единственная продажа, обезчестивающая человѣка? Развѣ можетъ назваться честнымъ человѣкомъ тотъ, кто обманываетъ свой образъ мыслей на австрійскую улыбку, прусскую лесть, баварское трепаніе и иезуитскую похвалу? Лыстать изъ-за своего комеданта, своего потыдннаго спокойствія, изъ-за того, чтобы ненарушимо наслаждаться тѣмъ, что имѣешь — развѣ не такъ же северно, какъ лыстать для того, чтобы добиться, чего не имѣешь и что ждалъ бы прѣбрѣсть?

Одинъ изъ людей, судившихъ обо мнѣ, камешекъ Гуденъ, учро-

какъ меня въ томъ, что я смотрю на все съ политической точки зрѣнія и приписываю все теперешнее положеніе Германіи вліянію сегоднѣшняго сейма; но развѣ могъ я поступать иначе?—Вѣдь напрасно стали бы вы искать въ Германіи какъ-нибудь житейскихъ отношеній, какой-нибудь науки, какого-нибудь искусства, какого-нибудь ремесла, вторыми вы могли бы наслаждаться спокойно и въ то же время безопасно. Вамъ приходится каждую минуту бояться не только новаго разочарованія, но и новаго надвора. Пусть только случится, что между испанскими якобинцами найдется какой-нибудь математикъ, и союзный сеймъ сейчасъ же запретитъ у васъ logarithмы. Могъ ли кто предвидѣть за нѣсколько недѣль, что нѣмецкимъ гражданамъ запретятъ называть своихъ дѣтей Фердинандомъ, Вильгельмомъ или Францомъ? Теперь это случилось въ Пруссіи. Таки развѣ не можетъ снова появиться какой-нибудь старый, слабоумный и лицемерный человѣкъ, который привыкаетъ думать, что земля стоитъ, и будетъ заточать въ тюрьму, какъ преступниковъ, всѣхъ тѣхъ, кто станетъ утверждать, что она движется? Въ Пруссіи до тѣхъ поръ покровительствовали наукѣ и восхваляли ее, пока она находилась въ замороженномъ состояніи; но какъ только она растаяла и потекла, ее начали преслѣдовать ненавистью и насмѣшкою. Открыли, даже, что хорошій стиль, о какомъ бы предметѣ авторъ ни разсуждалъ, имѣетъ революціонный характеръ... Гукковъ и его друзья поступили умнѣ меня; они имѣли осторожность отдѣлать дѣло нравительства отъ своего собственнаго; они говорили не о политикѣ, а только о философіи, религіи, нравственности и другикъ тому подобныхъ вещахъ. Но что выиграли они этимъ? Какую пользу принесло имъ то, что въ тѣ годы, когда мечтательность такъ прекрасна, а заблужденіе имѣетъ такой милый характеръ, они были такъ стариковски-умны? Развѣ союзный сеймъ не увидѣлъ тотчасъ же, что подъ ихъ сѣдыми париками скрываются молодыя нудри, а подъ ихъ очками — молодые глаза? Развѣ Гукковъ не испыталъ на себѣ, что въ Германіи все—дѣло союзнаго сейма? Его самого бросили въ тюрьму, друзей его гнали съ мѣста на мѣсто, и всѣмъ имъ запретили не только высказывать ту или другую мысль, но и вообще мыслить...

Менцель, увидѣвъ себя въ невозможности ни усмириться въ модѣ добросовѣстности, ни подвергнуть ее сомнѣнію, старается объяснить мой образъ мыслей состояніемъ моей печени и печатаетъ, что у меня сплинь, и что я смотрю на превосходный нѣмецкій садъ грязно-жел-

тими глазами. Для тѣхъ читателей, которые считаютъ невозможною такую твердую логику желудка, Менцель имѣетъ другой способъ объясненія моего настроенія. Онъ дѣлаетъ изъ меня еврейскаго Аннибала, который уже въ дѣтствѣ помылся кровавою мекью врагамъ Иерусалима. Но пусть никто не вѣрять жи и клеветамъ шпуггартской литературной полиціи. Я не изъ тѣхъ людей, которые носятъ сердце въ животѣ, и которыхъ философія зависитъ отъ пищеваренія. Я боленъ только моею отечествомъ; пусть окончатся его бѣдствія и я выздоровѣю. Я совсѣмъ не врачій Гералитъ; свѣтлый Анакреонъ гораздо болѣе родственъ мнѣ. Какъ часто въ Парижѣ я съ моимъ старымъ другомъ Гейне весело пѣлъ за пуншемъ и виномъ пѣсни Соломона! Развѣ можно назвать сердитымъ человѣкомъ того, кто поетъ веселыя пѣсни у Веря, въ Пале-Рояль? Скорѣе его можно назвать милымъ бездѣльникомъ. Что же есть во мнѣ такого загадочнаго, требующаго искусной разгадки? Я остался неизмѣннымъ въ то время, когда другіе перемѣнились. Время обработало меня, я грубъ, но твердъ, между тѣмъ какъ другіе, прежде бывшіе со мною одинаковаго образа мыслей, такъ размякли въ укусу нѣмецкаго либерализма, въ которомъ прележали нѣсколько времени, что въ нѣсколько минутъ сварились на слабомъ огнѣ милостивыхъ взоровъ. Не говори во мнѣ гомосъ лучшаго духа, и я находилъ бы удовольствіе въ томъ, чтобы послѣ хорошаго завтрака разваливаться на диванѣ, читать нѣсколько нравственныхъ главъ въ романахъ Поль-де-Кока, потомъ засыпать и грѣзять;—за обѣдомъ кутить съ веселыми товарищами, вечеромъ болтать съ хорошенькими женщинами и возставать съ банирами и маглерами противъ республиканцевъ, желающихъ отнимать наши деньги и срѣзывать наши головы. Пусть придетъ отважный человѣкъ, который освободитъ меня и скажетъ слово въ пользу нашего несчастнаго отечества; я встрѣчу его, какъ моего спасителя и благодѣтеля. Я усталъ, какъ охотничья собака, и хотѣлъ бы написать «Флорентинскія Ночи» *).

Г. Менцель — озлобленный врагъ французовъ; но четырнадцати-каратный нѣмецкій языкъ съ десятью каратами французской пригвѣси, на которомъ писалъ извѣстный умершій писатель, онъ находитъ необыкновенно милымъ. Чего однако не можетъ сдѣлать примѣсь золота! Даже северное французество она способна облагородить! Моему

*) Одно изъ сочиненій Гейне.

грубому фанатизму и демократическому цинизму г. Менцель противопоставляет *аристократическую грацію* князя Пюклера-Мюскау, котораго онъ называетъ самымъ энергическимъ писателемъ и умнѣйшимъ сатирикомъ нашего времени. Конечно, изощрять остроуміе надъ безуміемъ, надъ страданіями или большими фантазіями нѣмецкаго народа весьма благородно; но я слишкомъ высоко цѣню свое отечество, чтобы дѣлать изъ него свой оселокъ, и пусть лучше меня считаютъ человекомъ безъ граціи, чѣмъ безъ сердца.

Я не оспариваю граціи его снѣтельства князя Пюклера, я признаю ее съ величайшимъ удовольствіемъ; для меня только въ высшей степени смѣшно, что плебей Менцель дѣлаетъ изъ граціи высокородную барыню, у которой онъ смиренно цѣлуетъ платье, какъ будто мѣщанская душа тоже не можетъ имѣть граціи. Не говорю уже о Гейне, у котораго въ каждой строчкѣ «Путевыхъ Картинъ» больше граціи, чѣмъ у князя Пюклера во всѣхъ его сочиненіяхъ.

Чѣмъ же грація князя Пюклера стоитъ выше моего демократическаго цинизма? Онъ путешествовалъ и рассказывалъ; когда я буду путешествовать, то также стану рассказывать. Вѣсть съ лордомъ Брумомъ горчицу, удивляться за королевскимъ столомъ великолѣпнѣйшую посуду и обилію блюдъ, называть журналистовъ народной партіи бѣшенными собаками, — все это не такъ трудно и не такъ граціозно, какъ думаетъ г. Менцель, и третье сословіе тоже совершенно въ состояніи переживать такія важныя событія и рассказывать о нихъ. Третье сословіе въ Германіи способно сдѣлать еще больше; оно способно, не краснѣя отъ стыда, позволять писать и печатать слѣдующія строки и читать ихъ, не выходя изъ себя. Третье сословіе имѣетъ въ себѣ очень много благороднаго:

«Князь Пюклеръ-Мюскау — говоритъ французцѣ Менцель — соединяетъ съ врожденнымъ изяществомъ самое тонкое пониманіе всѣхъ современныхъ тенденцій; это соединеніе вывело его изъ темнаго аристократическаго быта на блестящее, но въ то же время въ строжайшемъ смыслѣ гражданское, поприще, и онъ умѣетъ придавать всевозможную прелесть новизнѣ своего положепія. Отъ своего сословія онъ удержалъ только комфортъ, только тонкій энигуренизмъ, только прекрасные нравы, и если онъ иногда вспоминаетъ о своей «гербовой птицѣ», то въ этомъ никакъ нельзя упрекать его, потому что вся его литературная дѣятельность есть скорѣе уступка, которую высшая аристократія дѣлаетъ духу времени, чѣмъ протестъ.

Его дѣятельность — явленіе, которое было бы невозможно безъ революціи нынѣшняго столѣтія и особенно безъ социальнаго переворота во Франціи. Оно — боевой свѣтъ, переброшенный изъ Франціи въ Германію, и князь Пюклеръ относится къ новой, сдѣлавшейся гражданскою, Франціи, какъ Фридрихъ Великій относится къ Франціи старой, сдѣлавшейся «иллесосою».

Боевой свѣтъ — хорошее слово; дѣйствительно, свѣтъ, заимствованный высшею нѣмецкой аристократіей изъ Франціи, — слѣдствіе побоевъ, которые она въ продолженіе двадцати лѣтъ получала отъ французовъ. Никогда бы я не думалъ, что г. Менцель такой шутникъ. Г. Менцель объявляетъ, что громадный переворотъ во Франціи и всѣ его дочери — революціи были необходимы для того, чтобы дать высшей нѣмецкой аристократіи возможность произвести писателя, нишуцаго довольно четко. Благодарить за этотъ комплиментъ — дѣло высшей нѣмецкой аристократіи. Надо сознаться, что никто не проникнулъ глубже г. Менцеля въ сущность и значеніе французской революціи, и нынѣшняя гражданская Франція съ изумленіемъ узнаетъ, что она находилась въ такомъ удивительномъ отношеніи къ князю Пюклеру, что tutti frutti высшаго нѣмецкаго дворянства были сорваны съ дерева французской революціи, и что гора Конвентъ родила такую смѣшную мышь.

Раздуть заслуги князя Пюклера и пустивъ при блескѣ солнца мыльные пузыри его восхваленія, г. Менцель говоритъ:

«Противъ этого свѣтлаго князя стоитъ мрачный республиканецъ, въ которомъ продолжаетъ жить духъ французской революціи, и котораго цинизмъ составляетъ рѣзкую противоположность съ изаществомъ князя, хотя этотъ цинизмъ, какъ и оно, тоже родился отъ французовъ».

Не будь г. Менцель жалкимъ пропатедемъ въ всемірной мудрости, онъ обошелся бы не такъ строго съ своимъ цинизмомъ, хоть бы ради его прекрасной сестры. Кто можетъ знать, чѣмъ дѣло кончится? Революція еще жива, и никому неизвѣстно ея духовное завѣщаніе; развѣ не можетъ случиться такъ, что надѣленіе прекрасной граціи приданными будетъ завистью единственно отъ великодушнаго ея брата-цинизма? Перенесетъ ли вѣрность г. Менцеля это испытаніе? Будетъ ли онъ ухаживать за мимамъ?

Каждый разъ, какъ мои противники видятъ, что они могутъ разбиться о *Берне* и потерпѣть умственное кораблекрушеніе, онъ хва-

таются за *Баруха* *), какъ за свой спасительный якорь. Г. Менцель поступаетъ еще осторожнѣе другихъ; онъ только тогда начинаетъ маневрировать противъ меня, когда впрочемъ утверждаетъ свой якорь въ мою еврействѣ. Отчаявшись въ возможности разбить меня доводами истины и права, онъ дѣлаетъ меня интереснымъ и представляетъ въ такомъ романтическомъ свѣтѣ, что я могъ бы послужить героемъ повѣсти.

«Въ Франкфуртѣ на Майнѣ — говоритъ онъ — гдѣ великаго Гёте лелѣяли, какъ дитя патрициевъ, родился болѣзненный ребенокъ — еврей Барухъ. Уже въ дѣтствѣ онъ подвергался насмѣшкамъ мальчиговъ-христіанъ. Каждый день видѣлъ онъ на саксонскомъ мосту постыдную статую, представляющую еврея рядомъ съ свиньей. Проклятiе его народа лежало на немъ тяжелымъ гнетомъ. Когда онъ отправлялся путешествовать, въ паспортѣ его прописывали насмѣшливыя слова: *Juif de Francfort*. Развѣ я не такой человекъ, какъ и всѣ вы? вослициалъ онъ. Развѣ Богъ не снабдилъ моего духа всевозможными силами? Какъ же вы можете презирать меня? Я ошошну вамъ самымъ благороднымъ образомъ, я буду помогать вамъ въ борьбѣ за вашу свободу».

Все это было бы прекрасно, будь оно справедливо; меня даже порадовало бы, если бы это была правда; но это не правда. Никогда въ моей груди не было даже искры ненависти къ христіанскому міру; хотя я на самомъ себѣ долго и болѣзненно чувствовалъ преслѣдованіе евреевъ и всегда съ негодованіемъ проклиналъ его, но все-таки я видѣлъ въ этомъ преслѣдованіи ничто иное, какъ форму аристократизма, проявленіе врожденнаго человѣческаго высокомерія, которому законы, вѣсто того чтобы ставить преграды, преступно покровительствовали;—прийдя къ этому убѣжденію я, по обязанности, поднялся къ источнику зла, не заботясь объ одномъ изъ его притоковъ. Никогда у меня и въ мысли не было благородно отомстить за перенесенный позоръ. Да и какъ бы я могъ это сдѣлать, когда уже нѣсколько лѣтъ я стараюсь дѣйствовать посредствомъ сочиненій? Будь у меня даже тысяча кинжаловъ, и тысяча ядовъ, и тысяча проклятій, и сердце чорта для того, чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ, — могъ ли я причинить какой нибудь вредъ моимъ старымъ врагамъ? Развѣ они не сдѣлались теперь моими единовѣрцами и

*) Барухъ — еврейское имя Барне.

братьями по страданіямъ? Развѣ вся Германія не превратилась въ Гетто Европы? Развѣ я могу питать хотя малѣйшую злобу къ моему родинному городу? Развѣ все франкфурты, мои прежніе властители, не сдѣлались равными прежнимъ евреямъ? Развѣ постыдные крики, которыми они нѣкогда преслѣдовали каждаго еврея, ничтожнаго и знатнаго, молодого и стараго, не обращаются теперь на нихъ же самихъ? Развѣ эти постыдные крики не раздаются теперь язвительно и рѣзко въ ушахъ высокаго сената, и мудроправлящихъ гражданъ, и строгаго господъ бургомистровъ, и господъ актуаріевъ, и богатыхъ торговцевъ шелковыми товарами, какъ въ сенатѣ, такъ и на рынкахъ, какъ въ винныхъ погребахъ, такъ и въ стѣнахъ ихъ домовъ? И они снимаютъ шляпу передъ австрійцами и пруссаками, и дѣлаютъ это съ такою поспѣшностью и такимъ смиреніемъ, какихъ никогда не выказывалъ передъ ними въ былое время ни одинъ народъ. Если бы сердце мое чувствовало теперь сожигающую жажду мщенія, оно одно вполне утолило бы эту жажду! Но оно не желаетъ мстить, и только чувствуетъ скорбь своего отечества; а если ее чувствуетъ только мое сердце и за всѣхъ, то въ этомъ вина не моя, а безчувственныхъ людей.

Какой огромный запасъ прекрасныхъ прилагательныхъ и образовъ, которые могли бы превосходно украсить романсы и баллады, г. Менцель употребилъ на то, чтобы выставить неподвижность и безчувственность нѣмецкаго народа, какъ нѣчто доброе, процвѣтающее, великолѣпное и достойное зависти! Онъ называетъ это состояніе *здоровымъ сномъ, сномъ растений, тихимъ, благословеннымъ ростомъ, признакомъ внутренняго плодородія, наслажденіемъ матери, исполненной надеждъ, значительною музыкальною паузою*. На счетъ этой паузы я согласенъ съ нимъ; но еслибъ только это была пауза опредѣленной величины, пауза, размѣръ которой можно было бы съ точностію обозначить! Но нѣтъ, это сдѣлать невозможно; эта пауза—*fornato*, во время котораго господа концертисты растягиваютъ свои *каденцы*, какъ имъ угодно, и цѣлыя столѣтія могутъ пройти прежде, чѣмъ они милостивою трелью подадутъ вамъ знакъ, что пауза окончилась. И что же? вы прикажете дожидаться времени, когда эти господа музыканты устанутъ играть сою? Дождаться этого? О, нелѣпость!. Вѣдь такимъ образомъ весь оркестръ можетъ разойтись по домамъ, ужинать, ложиться спать, вступать въ браки, давать приданое дочерямъ, баюкать внуковъ, уми-

рать, потому снова наследовать отъ родителей и снова умирать, и такъ далѣе, и такъ далѣе,—науза никогда не окончится по доброй волѣ солистовъ. Совѣтовать людямъ бездѣлничать и спать среди бѣла-дня, но спать, какъ цвѣтокъ, безъ хранѣнія; совѣтовать мечтательно возводить очи къ облакамъ, складывать руки на исполненномъ надеждъ тѣлѣ матери и ожидать, что изъ этого выйдетъ; совѣтовать наблюдать значительную паузу до тѣхъ поръ, пока не раздастся крикъ: «теперь вставайте, теперь мы снова въ стѣснительномъ положеніи, теперь помогайте намъ!» — совѣтовать все это тридцати милліонамъ людей... О, Геркулесъ! слышать это, и оставаться равнодушнымъ, и не размахнуться своею палицею—было бы тринадцатою работою, которую ты не могъ бы выполнить!

Но я предоставляю г. Менцелю говорить его собственными словами; я не хочу поступить съ нимъ такъ, какъ онъ поступилъ со мною, не обративъ вниманія на мои мысли и выраженія, но подводя своимъ мнѣніямъ такой итогъ, какой былъ ему нуженъ. Нѣтъ! Пусть г. Менцель самъ сводитъ свой счетъ. Пусть его слова явятся здѣсь въ сопровожденіи своихъ ковычекъ и, защищаемы такимъ образомъ отъ всякаго нападенія, пусть безпрепятственно совершаютъ свой путь:

«Нынѣшнее спокойствіе совершенно сообразно съ нѣмецкою натурою, нѣмцы вполне довольствуются имъ. Берне называетъ это состояніе сномъ; пусть такъ, но это сонъ здоровый, а благо тому, кто спитъ спокойно. Я готовъ назвать его даже сномъ растений, тихимъ, благословеннымъ ростомъ. Эти слова могутъ быть одинаково примѣнены къ нашему физическому и нравственному положенію. Въ цѣломъ наше внѣшнее благосостояніе увеличилось, и несмѣтное множество злоупотребленій стараго времени уничтожилось. Литература также доказываетъ, что мы сдѣлали умственные успѣхи, и послѣднее десятилѣтіе, какъ ни незначительно оно кажется въ сравненіи съ предпоследнимъ, въ сущности гораздо богаче его зародышами силы и развитія. Человѣческое положеніе никогда нельзя измѣрять высшимъ масштабомъ идеала; изъ всѣхъ тираній человѣкъ, можетъ быть, меньше всего способенъ сносить тиранію разума. Мы требовали за одинъ разъ слишкомъ многого, теперь мы получаемъ проценты съ того немногаго, что имѣемъ; а это единственный солидный путь къ исправленію. То обстоятельство, что мы, при нашей настоящей безпритязательной и энергической дѣятельности, уже

не паничаемъ и отвергаемъ сразу старыхъ энтузиастовъ: «чувствовать себя несчастнымъ» — очень хорошая знакъ, хотя бы насъ и утешали за это въ отущьялоу, влоскомъ терпѣннѣ. Берне, при всей своей неаависти къ старому, имѣеть слишкомъ мало любви къ молодому; его воображеніе слишкомъ глубоко погружается въ гніеніе прошедшаго, и ноуъ гниаюу, превратившася въ пыль, короу староу пня онъ не замѣчаетъ молодыхъ, зеленыхъ почекъ.

«Если—продолжаетъ Г. Менцель—мы сравнимъ наше настоящее положеніе съ тѣмъ, въ которомъ мы находились до распадѣннѣ нѣмецкой имперіи, то должны будемъ согласиться, что въ короткое время нами сдѣланъ большой шагъ впередъ. Я не стану перечислять здѣсь по одиночкѣ промышленныя, научныя и даже политическія выгоды, которыми мы пользуемся теперь. Довольно указать на то, что передъ минувшимъ временемъ мы живемъ уже то промадное преимущество, что повенчали съ множествомъ глупостей и, благодаря времени, сами сдѣлались умнѣе. Этого умствннаго успѣха нѣмцамъ въ общей ихъ массѣ нельзя оспаривать, не смотря на многія старыя глупости отдѣльных инновъ и партій. А я думаю, что и поумнѣть человекъ не можетъ немедленно послѣ того, какъ увидѣть свою глупость; это состояніе приходитъ только тогда, когда глупость, такъ сказать, переболитъ у человека; для этого необходима значительная пауза, необходимо, чтобы рана успѣла зажить. До тѣхъ поръ, пока человекъ сердится, что онъ не поумнѣлъ, онъ не умнѣетъ. Уже вслѣдствіе этого я думаю, что мы въ теченіи десяти лѣтъ сдѣлали много умнѣе, или только теперь поумнѣли, тогда какъ въ прошедшія десяти лѣтъ мы только преждевременно думали, что поумнѣли.

«Для насъ настала теперь та значительная пауза, о которой я только что упомянулъ; но эта пауза имѣеть значеніе въ музыкѣ; знакъ къ началу ея подалъ здѣсь композиторъ всемірной исторіи. Несомнѣнно, что спокойствіе, въ которое погрузилась теперь нѣмецкая жизнь, есть знакъ ея внутренняго плодородія, и я нахожу, что она больше похожа на спокойное наслажденіе матери, исполненной надеждъ, чѣмъ на животную внешнею спачку медвѣдя, съ которою сравниваетъ его Берне. Теперь не время сердито погружаться въ латаргію; безпритязательная дѣятельность во всѣхъ отрасляхъ практической и научной жизни должна наслаждаться своимъ ненарушимымъ и благословеннымъ влияніемъ».

Въ этихъ строкахъ, извлеченныхъ изъ исторіи нѣмецкой литера-

туры г. Менцеля и составляющих настоящую полицейскую колыбельную пѣсню, заключается столько наводящаго зѣвоту, усыпляющаго, похожаго на ночной колпакъ и одурающаго, что, прочтя ихъ, готовъ съ просонковъ потащиться къ первому деревенскому старшинѣ, и тамъ униженно пролепетать ему: «правда, мы держимъ значительную паузу, мы плодородны безъ всякаго шума, мы терпѣливо ожидаемъ нашего разрѣшенія отъ бремени и спимъ нашимъ добрымъ, здоровымъ сномъ растений; но можетъ случиться, что во снѣ мы совсѣмъ нежстати зашелестимъ листьями; поэтому заприте насъ, любезный господинъ старшина, чтобы обезопасить насъ отъ нашей собственной экзальтаци. Сдѣлайте это, любезный господинъ старшина!»

Если бы г. Менцель былъ Демосфеномъ, мнѣ бы слѣдовало сдѣлаться его Эскиномъ, чтобы возражать на его рѣчь про согопа; но къ счастью онъ не Демосфенъ, и силы наши равны. Я даже имѣю передъ нимъ то большое преимущество, что мнѣ нечего бояться обжечь себѣ губы, потому что въ настоящее время во Франціи политика сдѣлалась холоднымъ блюдомъ. Но кто же заставлялъ г. Менцеля принимать на себя смѣшную роль котенка, который трусливо и блудливо подбирается къ горячей кашѣ? Почему онъ не держался холодной кухни нѣмецкой философіи? Но здѣсь я долженъ по ложительно замѣтить, что если бы между мною и г. Менцелемъ дѣло шло только изъ за нашихъ личныхъ интересовъ, то я считалъ бы неблагороднымъ и даже пошлымъ воспользоваться выгодой моего свободнаго положенія. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что въ Германіи чорта нельзя называть настоящимъ именемъ даже тогда, когда его хотятъ отогнать отъ себя. Я знаю, что г. Менцель не можетъ такъ свободно, какъ я, распространять во всей ихъ ширинѣ принципы и мнѣнія, съ которыми онъ хотѣлъ бы сражаться! Но тутъ дѣло касается не личныхъ интересовъ, а судьбы цѣлаго народа, а въ этомъ случаѣ великодушное воздержаніе не только несвоевременно, но и преступно.

«Экзальтациа—говорить г. Менцель,—которая нѣкогда электрически превратила нашу нѣмецкую флегму въ воодушевленіе и остроуміе, разложилась». Разложилась—очень хорошо. Правда, я съ изумленіемъ узналъ въ первый разъ, что флегма состоитъ изъ воодушевленія и остроумія; но если экспериментальной физикѣ г. Менцеля удалось найти флегматическое вещество въ такихъ составныхъ частяхъ, то я удив-

ляюсь и вѣрю. Но такъ какъ дѣло не въ томъ, чтобы насъ понимали профессоры и дипломаты, а единственно въ томъ, чтобы понималъ народъ, то я открою настоящій смыслъ ученаго символическаго изрѣченія г. Менцеля. Нѣмецкія правительства, которыя, когда имъ приходится терпѣливо переносить высокохѣтріе могущественнаго врага, становятся такъ же флегматичны, какъ ихъ народы, — такъ долго терлись о французовъ, что наконецъ, помимо своей воли, сдѣлались настоящими электрическими машинами. Почувствовавъ въ себѣ эту новую силу, они начали стараться сообщить ее и своимъ народамъ, и ихъ усилія увѣнчались такимъ успѣхомъ, что посыпались свѣтлыя искры. Народамъ они говорили, что Наполеонъ ихъ единственный тираннъ и что его гибель будетъ началомъ ихъ свободы. Нѣмецкіе народы повѣрили этому и, будучи въ электрическомъ состояніи, покорили императора французовъ. Послѣ этого они притащили съ собою большіе мѣшки, чтобы унести домой съ полей сраженія завоеванную свободу; но союзный сеймъ, который уже прежде спряталъ ее въ свои мѣшки, посмѣялся надъ глупымъ народомъ, а когда онъ сталъ разсуждать, поколотилъ его неумѣстное воодушевленіе, или, выражаясь химически, какъ г. Менцель, разложилъ его. Поколоченный энтузіазмъ бѣжалъ изъ сердца на головной чердакъ и спрятался тамъ подъ именемъ остроумія. Но какого рода было это остроуміе? Не то, которое ранитъ оскорбившаго, но то, которое обращается противъ самого себя. Нѣмецкій народъ смѣялся надъ своимъ собственнымъ воодушевленіемъ, своею неловкостью и своимъ столбнякомъ. Онъ называлъ себя нѣмецкимъ «Михелемъ» и давалъ себѣ пощечины, и извѣстная книга «Миръ и Время», которая еще теперь служитъ предметомъ удивленія и восхваленія г. Менцеля, была однимъ изъ позорныхъ признаковъ позорнѣшаго самоуниженія. Г. Менцель полагаетъ, что все это весьма естественно, потому что никакое напряженное состояніе не можетъ долго существовать и непременно влечетъ за собою ослабленіе. Я тоже этого мнѣнія; но въ томъ-то и бѣда. Какъ будто нѣмцы хотѣли, подобно Титанамъ, завоевать небо? Какъ будто они хотѣли чего нибудь, кромѣ земнаго и человѣческаго? Повторяю, въ томъ-то и заключается позоръ, что нѣмецкій народъ долженъ былъ напрягать свои силы, чтобы въ теченіи двухъ лѣтъ только *хотѣть* того, чѣмъ французы владѣли уже полстолѣтія, а испанцы — четверть, не допуская себя до разложенія и не выказывая никакихъ признаковъ истощенія. Въ

томъ-то и заключается горькая бѣда, что, какъ говоритъ г. Менцель, нынѣшнее спокойствіе совершенно сообразно съ нѣмецкою натурою и что нѣмцы вполне довольствуются имъ. Г. Менцель и всё ему подобны не могутъ, конечно, при своей *настоящей безпритязательной и энергической дѣятельности*, понять старую исторію, рассказываемую имъ *старымъ энтузіастомъ*. Но старая исторія можетъ опять помолодѣть, можно во второй разъ попытаться наэлектризовать нѣмецкую флегму, а въ такомъ случаѣ хорошо, если прошедшее послужитъ предостереженіемъ будущему. И г. Менцель самъ поступилъ бы не дурно, еслибъ воспользовался этимъ предостереженіемъ. Онъ достаточно старъ для того, чтобы помнить, какую награду получили Янгъ, Арндтъ и Герресъ за свой патріотизмъ, и достаточно молодъ для того, чтобы испытать такую участь.

Г. Менцель говоритъ: «человѣческое положеніе никогда нельзя измѣрять высшимъ масштабомъ идеала». О небо! Требовать для нѣмцевъ, этого образованнѣйшаго, умнѣйшаго, здоровѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго народа въ свѣтъ, то, что имѣютъ Португалія и Испанія, Франція и Англія, Бельгія, Голландія и Швейцарія; то, что умѣла удержать за собою силою мужества и благородства маленькая, слабая, опутанная безчисленными сѣтями европейской дипломатіи, Греція; то, чѣмъ владѣютъ даже негры въ Сьерра-Леона и Либерія—негры, которыхъ многіе естествоиспытатели признаютъ совершенно неспособными къ полному челоуѣческому образованію; именно: свободу печати, гласный судъ и присяжныхъ;—требовать всего этого для нашего отечества значить, по мнѣнію г. Менцеля, *мѣрять высшимъ масштабомъ идеала*. Г. Менцель не любитъ идеаловъ, онъ чтитъ только субстанціи и говоритъ, какъ Фихте: «я есмь я, и все то, что не я, только средство къ жизни.» Въ этомъ случаѣ г. Менцель не составляетъ исключенія; потому что точно также думаетъ и дѣйствуетъ большая часть нѣмецкихъ ученыхъ, которые, чуть только утверждаютъ свое я, полагаютъ, что все обстоитъ въ порядкѣ.

Г. Менцель утверждаетъ, что несмѣтное множество злоупотребленій стараго времени уничтожилось въ Германіи, и что если сравнить настоящее положеніе страны съ тѣмъ, въ которомъ она находилась до распадёнія государства, то надо согласиться, что въ короткое время мы сдѣлали большой шагъ впередъ. Какая негѣлая

колыбельная пѣсня! Нѣтъ, въ долгое время мы сдѣлали только небольшой шагъ. Да и этотъ небольшой шагъ, — сдѣланъ ли онъ добровольно правительствомъ, или пѣмецкій народъ вынудилъ его мужествомъ и настойчивостью? Ни то, ни другое. Все сдѣлала Франція. Франція разрушила пѣмецкую имперію, которая не могла сгнать отъ недостатка воздуха и теплоты. Франція уничтожила часть злоупотребленій, которыми мы были болыны. Франція до такой степени распатала зданіе пѣмецкаго феодализма, что всё столбы боязни и осторожности не удержутъ его отъ окончательнаго паденія. Франція сдѣлала нѣмецко-лютеранско политическую мораль до того смѣшною, что ей никогда не выйти изъ этого положенія. Не будь французовъ и ихъ подвиговъ, не стой они неподвижно въ своемъ угрожающемъ положеніи, не составляй они тѣлохранительную стражу народовъ Европы, — всё старыя злоупотребленія скоро снова вернулись бы въ Германію, какъ и во всё другія государства, — но вернулись бы съ обновленными силами и увеличившеюся злобою. Вотъ отчего, каждого, ненавидящаго Францію или поносящаго её изъ постыднаго прислужничества, я называю измѣнникомъ отечеству, каково бы ни было это отечество, — врагомъ человечества, права, свободы и любви.

Г. Менцель говорить обо мнѣ :

«Только однимъ онъ грѣшилъ постоянно — тѣмъ, что осмѣивалъ заблужденія такъ же сильно, какъ и пороки, и никогда не хотѣлъ сдѣлать уступки медленному ходу развитія. Черезъ это онъ нерѣдко оскорблялъ честнѣйшихъ людей и вредилъ всякому постепенному прогрессу. Терроризмъ словъ безъ подтвержденія ихъ дѣлами, кулакъ въ карманѣ, нетерпѣливое и задорное прыганіе на деревянной лошади, которая все-таки не подвигается впередъ—все это влечетъ за собою совершенно противоположныя послѣдствія».

Что касается моего кулака, то я полагаю, что всегда держалъ его наружу, а если мои слова не подтвердились дѣлами, то я ли виновать въ этомъ? Развѣ я долженъ освобождать Германію? Что касается того, что я нетерпѣливо и задорно прыгаю на деревянной лошади, то никто въ Германіи не смѣется надъ этимъ такъ, какъ я самъ; но пристало ли г. Менцелю издѣваться надъ этимъ? Ему, который всегда изображалъ эту деревянную лошадку въ видѣ благороднаго коня? Онъ говорить, что я насмѣхался надъ заблужденіями такъ же сильно, какъ надъ пороками. Но пороки ненавидятъ, а не на-

смихаются надъ ними; насмѣшкою покрываютъ только заблужденія. Когда дѣти падаютъ, мы съ состраданіемъ поднимаемъ ихъ; но когда падаютъ взрослые и, вставая съ шишкою на лбу, ревуть, какъ дѣти, каждый, какъ бы онъ ни былъ добродушенъ, хохочетъ надъ ними.

Я не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки медленному ходу развитія! Но что въ Германіи развилось самодѣятельно и самостоятельно? Развѣ все не подвигалось впередъ только вслѣдствіе пинковъ и развѣ всякое движеніе не прекращалось, какъ скоро надзиратели за работою переставали дѣйствовать руками и ногами? Развѣ ту дань, которую нѣмцы должны были платить духу времени, они платили не такъ, какъ вообще платятся всякія подати, т. е. сердито, неохотно, нерѣшительно? Развѣ заплатили они хоть одинъ разъ безъ принужденія? Неужели о томъ человѣкѣ, который постоянно идетъ назадъ, можно сказать, что онъ медленно подвигается впередъ? Какіе это успѣхи сдѣлала Германія въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ? Г. Менцель говоритъ объ искусствѣ и литературѣ, о торговлѣ и промышленности; онъ утверждаетъ, что нѣмцы въ массѣ поумнѣли, такъ какъ они покончили уже съ столькими глупостями, что имъ осталось сдѣлать ихъ гораздо меньше. Но тутъ не можетъ быть и рѣчи ни о глупости или умѣ нѣмцевъ, ни о торговлѣ и промышленности, ни объ искусствѣ и литературѣ. Тутъ рѣчь о томъ, что г. Менцель понимаетъ такъ же хорошо, какъ и мы, по чего онъ какъ будто не замѣчаетъ, вслѣдствіе своей хитрости или бояливости: о бѣдственномъ положеніи Германіи. Вотъ о чемъ здѣсь рѣчь. А развѣ нѣмцы съ тѣхъ поръ, какъ они свергнули французское иго, подвинулись хоть на шагъ впередъ къ свободѣ, чести и славѣ?..

Г. Менцель утверждаетъ, что я, моими сочиненіями и поведеніемъ, нерѣдко оскорблялъ честнѣйшихъ людей, и этимъ причинялъ большой вредъ постепенному прогрессу нѣмецкихъ прелестей. Могло ли присниться комунибудь, что я—человѣкъ, руководящій нѣмецкимъ союзнымъ сеймомъ! Право, въ эти двадцать лѣтъ, наши политическіе Немвроды недалеко ушли въ своихъ охотничьихъ пѣсняхъ свободы, и надо быть сущимъ болваномъ, чтобы ихъ полицейскій свистъ могъ завлечь въ сѣти. Требованіемъ свободы мѣшать спокойному развитію ея, злоупотребленіемъ прессы вредить доброму дѣлу — о, мы знаемъ этотъ тонъ. Да и говоря откровенно, нѣмецъ не можетъ злоупотреблять прессою.....

Если справедливо, что я оскорблялъ честиѣншихъ людей, то я отъ души сожалѣю объ этомъ; но пусть г. Менцель посмотрится въ людей, чувствующихъ себя оскорбленными мною, и онъ увидитъ, что эти люди, какъ они ни благородны, все-таки живутъ и сражаются только для своего знанія, а не для своего вѣрованія. Но знаніе тѣлеславно, а вѣрованіе гордо. Я, вѣрующій, никогда не считалъ себя оскорбленнымъ ни однимъ изъ моихъ противниковъ, да мнѣ и въ умъ никогда не приходило, что кто нибудь изъ нихъ хотѣлъ оскорбить меня. А ужъ какихъ ужасныхъ вещей про меня не говорили! Но развѣ я не распространялъ самъ этихъ слуховъ? Развѣ въ моихъ собственныхъ сочиненіяхъ я не давалъ пріюта всѣмъ остротамъ, которыя Пруссія и Саксонія высылали противъ меня? И что же вселило въ меня гордую увѣренность, что я справлюсь съ знаменитѣйшими умами Берлина и Лейпцига? Ее поселило во мнѣ мое вѣрованіе, сознаніе моей чистой совѣсти. Только мы вѣруемъ, другіе не вѣрують. Наши противники, когда они дѣйствуютъ безпристрастно, только *мыслятъ* не такъ, какъ мы; когда же они лицемѣрятъ, они только *говорятъ* не такъ, какъ мы; но у нихъ нѣтъ вѣрованія, которое они могли бы противопоставить нашему вѣрованію. И оттого-то мы побѣдимъ, а наши враги покроются позоромъ.

Какъ бы я былъ счастливъ, если бы могъ распространять истину или то, что я считаю ею, не огорчая этимъ ни одного человѣка! Но развѣ это возможно? Я всегда забываю о себѣ; я никогда не думаю о томъ, что есть много людей, не похожихъ на меня, заботящихся о своей писательской славѣ, о своей художественной чести, о своемъ философскомъ достоинствѣ. Мнѣ такія заботы чужды. Я никогда не стремился къ славѣ хорошаго писателя, никогда не хотѣлъ считаться искуснымъ сочинителемъ. Моя природа возложила на меня священную обязанность, которую я исполняю, какъ могу. Мысли и слова—мои орудія, которыми я дорожу до тѣхъ поръ только, пока они мнѣ нужны, и которыя бросаю, какъ только потреблю ихъ. Мое самолюбіе никогда не радовалось и не оскорблялось, когда кто нибудь хвалилъ или порицалъ мои орудія; только своему дѣлу я желалъ видѣть надлежащую оцѣнку. Не будь этого, будь я такой человѣкъ, какъ другіе, какъ бы я могъ произнести малѣйшее неприязненное слово противъ г. Менцеля, человѣка, который всегда относился къ моей литературной дѣятельности не только съ величайшею снисходительностью, но даже съ любовью? Многие, да можетъ

быть и онъ самъ, назвали бы меня за это неблагодарнымъ. Но г. Менцель стоитъ на сторонѣ моихъ враговъ, и я не могу шадить его. Солдаты въ сраженіи не могутъ удерживать свои выстрѣлы изъ опасенія, что въ рядахъ, въ которые онъ цѣлитъ, стоятъ благородные люди, его друзья, стоятъ многіе, нисколько не виноватые въ войнѣ. Пули этихъ людей тоже летятъ въ него. Таково печальное право и строгій законъ войны: только побѣжденнаго можно любить, только ему можно прощать.

Всѣ эти мнѣнія г. Менцеля обо мнѣ—мнѣнія, которыя я старался освѣтить здѣсь, взяты изъ его исторіи нѣмецкой литературы и съ своей стороны должны были послужить къ тому, чтобы обезпечить за этою полезною и общепонятною книгою безпрепятственное распространеніе въ Австріи и Пруссіи. Но такъ какъ въ этой книгѣ произнесеніе приговора надъ моимъ образомъ мыслей основывалось на моихъ *нѣмецкихъ* сочиненіяхъ, находящихся въ рукахъ многихъ читателей, то г. Менцель не могъ совершенно произвольно распорядиться моими словами и мыслями. Онъ могъ, конечно, сокращать, обезображивать, истолковывать въ другую сторону, но все-таки долженъ былъ опираться на что нибудь, дѣйствительно сказанное мною. Но теперь я обращаюсь къ тѣмъ приговорамъ г. Менцеля, матеріалъ для которыхъ онъ бралъ изъ нѣсколькихъ *французскихъ* статей, напечатанныхъ мною въ Парижѣ и прочитанныхъ въ Германіи весьма немногими. Тутъ онъ имѣлъ полную свободу заставлялъ меня говорить все, что ему было угодно и давать общественному мнѣнію урокъ на мой счетъ. Этотъ критическій разборъ моей личности и моихъ мнѣній помѣщенъ въ газетѣ «Literatur—Blatt» подъ заглавіемъ: «Г. Бёрне и нѣмецкій патриотизмъ».

Если г. Менцель судилъ о моихъ французскихъ статьяхъ только по переводамъ и отрывкамъ изъ нихъ, напечатаннымъ въ нѣмецкихъ газетахъ, то онъ поступилъ легкомысленно, нечѣпно или безсовѣстно, потому что очень хорошо зналъ, что никакая нѣмецкая газета не могла помѣстить у себя мои сужденія о Германіи и Франціи иначе, какъ въ обезображенномъ видѣ. Если же онъ читалъ ихъ во французскомъ подлинникѣ, то все, на чемъ онъ основалъ мое осужденіе—*ложь*.

Г. Менцель говоритъ, что я объявилъ нѣмецкій патриотизмъ глупостью, но французскому патриотизму придалъ большое значеніе. По его словамъ, я выступалъ противъ нѣмцевъ въ интересъ французовъ

и, прикрывшись маскою свободы, хотѣлъ только распространять французскій духъ; я издѣвался надъ памятью нѣмецкихъ героевъ, пролившихъ кровь за отечество; я отрекся отъ нѣмецкой націи, не обсудивъ прежде, какую пользу могъ принести мнѣ переходъ къ другой націи; я порицалъ деморализацію французскую, но хвалилъ нѣмецкую; я старался выставить передъ нѣмцами все нѣмецкое въ ненавистномъ, презрѣнномъ и смѣшномъ свѣтѣ, а все французское— въ самомъ благопріятномъ и достойномъ подражанія; и указывалъ французамъ всѣ средства и пути, съ помощью которыхъ они могли бы сдѣлаться властителями Германіи. И много еще въ такомъ же родѣ говорилъ г. Менцель. Ниже я буквально и подробно приведу упреки его, но прежде сообщу то мнѣніе, которое я высказывалъ въ газетѣ «Balaise» *). Такимъ образомъ читатель можетъ самъ сравнить и судить.

Вотъ что я говорилъ въ введеніи «Balaise».

«Въ мастерскихъ челоѣчества мы находимъ два народа, которыхъ Промыслъ, по видимому, создалъ для того, чтобы они надсматривали надъ работами всѣхъ другихъ народовъ, назначали имъ поденныя занятія и выплачивали жалованье; это французы и нѣмцы. Первымъ было ввѣрено управленіе практическими работами, искусствами и ручнымъ производствомъ; вторымъ — управленіе работами теоретическими, науками и спекуляціями.

«Теорія боязлива и изрѣшительна, примѣненіе на дѣлѣ необдуманно и преждевременно-скорое, отсюда раздвоеніе теоріи и практики; отсюда неуживчивость нѣмецкаго ума къ нѣмецкаго чувства съ умомъ и чувствомъ французовъ; отсюда безмѣрное нравственное разстояніе между этими двумя народами, не смотря на соприкосновеніе границъ ихъ государствъ.

«Задача французовъ—разрушать и спосить старое, дряхлое зданіе гражданскаго общества; задача нѣмцевъ — основывать и возводить новыя зданія. Въ войнахъ за свободу Франція всегда будетъ стоять во главѣ народовъ; но на будущемъ мирномъ конгрессѣ, куда соберутся всѣ народы Европы, предсѣдательствовать будетъ Германія.

«Уже нѣсколько столѣтій исторія Франціи и Германіи есть рядъ постоянныхъ усилій сблизиться между собою, понять другъ друга, слиться, составить одно цѣлое; равнодушіе всегда было невозможно

*) Эту газету издавалъ самъ Берне.

какъ для того, такъ и для другаго народа; они должны были или ненавидѣть другъ друга или любить, быть или братьями или врагами...

«Передовые люди обоихъ государствъ должны бы стараться о томъ, чтобы молодое поколѣніе Франціи соединилось съ молодымъ поколѣніемъ Германіи взаимною дружбою и уваженіемъ. Прекрасенъ будетъ тотъ день, когда на тѣхъ самихъ боевыхъ поляхъ, на которыхъ нѣкогда дрались между собою отцы французовъ и нѣмцевъ, эти народы вмѣстѣ преклонятъ колѣна и обнимутся, и станутъ молиться на могилахъ своихъ предковъ.

«Неужели же ненарушимая дружба и вѣчный миръ всѣхъ народовъ ничто иное, какъ греза? Нѣтъ, ненависть и война—грезы, отъ которыхъ мы когда нибудь очнемся. Сколько горя причинила человечеству любовь къ родицѣ! Какъ далеко эта живая добродѣтель превзошла дикимъ бѣшенствомъ все, что люди признаютъ порокомъ! Развѣ эгоизмъ государства не такой же порокъ, какъ эгоизмъ отдѣльнаго человѣка? Развѣ справедливость перестаетъ быть добродѣтелью, какъ скоро ее примѣняютъ къ чужому народу?

«Я люблю Германію больше, чѣмъ Францію, потому что она несчастна, а Франція нѣтъ; въ остальномъ я столько же французъ, сколько нѣмецъ. Что касается меня, то я, благодаря Бога, никогда не былъ чурбаномъ патріотизма; приманки честолюбія, съ каковой бы стороны онѣ ни появлялись, никогда не дѣйствовали на меня.

«Общественная и умственная жизнь нѣмцевъ страдаетъ такими недугами и нарушается такими огорченіями, которыхъ французы никогда не чувствовали и не понимали, или которыхъ они уже не чувствуютъ и позабыли. Это обстоятельство могло иногда останавливать наши усилія и дѣлать наше положеніе очень мучительнымъ. Народы такіе же эгоисты, какъ и отдѣльныя личности; обыкновенно они обращаютъ мало вниманія на страданія другихъ націй, и жалобы этихъ послѣднихъ скоро надѣдаютъ имъ. Они во всякое время готовы приписать свое счастливое положеніе своему мужеству, своей устойчивости и своей ловкости, а несчастную судьбу другихъ народовъ—ихъ слабости, непостоянству или неповоротливости. Можетъ быть, въ настоящее время Франція сочла бы устарѣлымъ вставать противъ аристократіи или насмѣхаться надъ нею; можетъ быть, она нашла бы скучными жалобы нѣмцевъ на ихъ тайное уголовное судопроизводство и на безстыдные оскорбленія, которымъ каждую

минуту может подвергаться ихъ личная свобода. Если бы это случилось со мною, если бы, во несчастіе, мнѣ не удалось возбудить симпатію французовъ къ моей родицѣ, тогда я обратился бы къ ихъ эгоизму и интересамъ, показалъ бы имъ, что ихъ свобода и счастье упрочатся только тогда, когда твердо установятся свобода и счастье Германіи, и что столбы французской свободы найдутъ надежную почву не на площади Бастилии, а на берегахъ Эльбы.

«Франція и Германія, соединенныя между собою, могутъ все сдѣлать и всему воспренятствовать... Отъ союза Франціи и Германіи зависеть не только ихъ собственное благосостояніе, но и судьба всей Европы.

«Франція, уже пятьдесятъ лѣтъ сряду погоняющая міръ, какъ какой нибудь кубарь, имѣетъ конечно право спросить каждый народъ, предлагающій ей свой союзъ: Что ты сдѣлаешь? Какую пользу можешь ты принести мнѣ? Какую помощь ты способенъ оказать мнѣ? Какое поручительство даешь ты намъ? Сказать правду, Германія уже триста лѣтъ ничего не дѣлаетъ и терпѣливо переноситъ все, что съ нею дѣлаютъ другіе. Но именно поэтому труды, страсти и наслажденія не истощили дѣвственныхъ сердець и цѣломудренныхъ умовъ Германіи; она составляетъ резервъ цивилизаціи и рѣшить ее побѣду. День Германіи еще наступитъ, и для того, чтобы разбудить ее, нужно весьма немного: минута хорошаго расположенія духа, улыбка случая, нѣсколько капель небесной росы, проломъ льда, однимъ дуракомъ больше или меньше; колокольчикъ мула часто достаточенъ для того, чтобы цѣлая лавина обрушилась. Тогда Франція, не удивляющаяся больше ничему, эта Франція, совершившая экспромтомъ, въ три дня, трудное дѣло цѣлаго столѣтія и переставшая изумляться даже своимъ собственнымъ дѣламъ, съ изумленіемъ посмотритъ на нѣмецкій народъ, и это изумленіе будетъ не простое, а благоговѣйное.

«Франціи слѣдовало бы узнать наконецъ Германію, этотъ источникъ ея будущности, ей слѣдовало бы наконецъ убѣдиться, что она не есть единственный властитель своей судьбы. Франція меньше, чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ, прожила пять столѣтій; она велика и достойна удивленія, но слава ея не принесла никакихъ плодовъ.

«Франція всегда фальшиво судила о Германіи и, что еще хуже, совсѣмъ не судила о ней, не хотѣла брать на себя этотъ трудъ. Напротивъ того, Германія всегда обращала вниманіе на Францію,

но отъ этого не лучше понимала ее. Сначала ее ослѣпляло удивленіе, потомъ ненависть, а въ послѣднее время нѣчто въ родѣ крайне комическаго презрѣнія. Нѣмцы, никогда не подвигающіеся впередъ, упрекаютъ французовъ въ томъ, что они такъ часто дѣлали шаги назадъ!

«Для каждаго честнаго человѣка мученіе, когда истина заставляетъ его дурно говорить объ отечествѣ; единоплеменники и даже чужеземцы видятъ въ этомъ достойную наказанія измѣну. Но развѣ откровенность и безпристрастіе перестаютъ быть добродѣтелями, когда человѣкъ примѣняетъ ихъ къ предмету своей любви? Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы побѣдили французовъ, они приобрѣли національное тщеславіе, котораго прежде не имѣли. Национальному самолюбію французовъ предшествовала, по крайней мѣрѣ, слава; безъ сомнѣнія когда нибудь и у нѣмцевъ не будетъ недостатка въ славѣ; но до сихъ поръ они сдѣлали еще слишкомъ мало для того, чтобы быть увѣренными, что ихъ гордое чувство собственнаго достоинства не будетъ принято за игру воображенія. Покоривъ французовъ, Германія перемѣнила только блестящій деспотизмъ Наполеона — на мелкую монету своего правительства. Да и потомъ, развѣ въ національномъ тщеславіи, какова бы то ни было, народа нѣтъ чего-то дѣтскаго, даже бессмысленнаго? Когда отдѣльный человѣкъ обижается тѣмъ, что о немъ думаютъ и говорятъ, то ему можно извинить, потому что отдѣльный человѣкъ имѣетъ только ту стоимость, которую ему придаетъ общественное мнѣніе; но такъ какъ стоимость націи всегда равна ея дѣйствительной цѣнѣ, то тщеславіе съ ея стороны совершенно бесполезно и даже глупо. Впрочемъ, не трудно было бы доказать, что часто великія дѣла различныхъ народовъ совершались только вслѣдствіе ихъ ошибокъ, а страданія другихъ народовъ были перенесены ими, только вслѣдствіе ихъ добродѣтелей...

«Сравнивая Германію и Францію, мы отнюдь не имѣемъ намѣренія указывать на превосходство одного изъ этихъ народовъ передъ другимъ, потому что такое разсмотрѣніе не повело бы ни къ чему. Нѣкоторые имѣютъ привычку проповѣдывать мораль людямъ и народамъ, какъ будто они имѣютъ возможность измѣнить свой характеръ; но на дѣлѣ это невозможно. Ни отдѣльныя личности, ни націи не могутъ соединять въ себѣ всѣ добродѣтели; есть добродѣтели несомвѣстимыя съ пороками, и есть извѣстныя хорошія каче-

ства, которыя должны быть непременно соединены съ известными дурными свойствами. Но дѣйствительно полезный совѣтъ, который можно дать народамъ, состоятъ въ томъ, чтобы они въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда для дѣйствія или сопротивленія имъ понадобятся дурныя или хорошія свойства, которыхъ они не имѣютъ, — заимствовали ихъ у другихъ народовъ и употребляли ихъ въ свою пользу.

«Франція и Германія, для того чтобы сдѣлаться независимыми и могущественными, должны ссужать другъ друга своими силами и зависѣть одна отъ другой. Услуги, которыя онѣ должны оказывать другъ другу, опредѣлить не трудно. Вообще у французовъ преобладаетъ пониманіе, у нѣмцевъ — умъ; такимъ образомъ послѣдніе должны опредѣлять что надо дѣлать, а первые какъ дѣлать».

Въ статьѣ объ Уландѣ и Беранже я, между прочимъ, говорилъ:

«Нѣмцы относятся съ благородною справедливостью ко всему, что велико и прекрасно, въ какомъ бы родѣ, въ какой бы странѣ и въ какое бы время ни было, и отдаютъ всѣмъ заслугамъ любовь и удивленіе съ строгимъ и достойнымъ удивленія безпристрастіемъ.

«Еслибъ люди были всегда счастливы, то Беранже былъ бы ихъ учителемъ, и его пѣсни служили бы имъ завѣтной книгой. Если бы люди были всегда несчастливы, Уландъ былъ бы ихъ пророкомъ, и завѣтною книгою ихъ сдѣлалась бы его поэтическая мораль. Но такъ какъ жизнь составлена изъ веселія и скорби, то надо въ одно и то же время почитать Беранже и Уланда, поочередно почерпать уроки изъ ихъ произведеній, быть то французомъ, то нѣмцемъ. Во время жизненной весны и въ прекрасные дни первой любви можно почти задохнуться, будучи нѣмцемъ; но когда погода становится холодною, ваши каминныя и ваши влажныя чувства согрѣваютъ только глаза. Какъ благотельно могутъ дѣйствовать въ такое время нѣмецкая печка и нѣмецкое сердце!

«Беранже достоинъ любви, а Уландъ — уваженія; оба они тоже, что ихъ народы: французы свободны и счастливы, нѣмцы заслуживаютъ быть тѣми и другими. Если когда либо нѣмцы, введенные въ заблужденіе интригами своихъ дипломатовъ, ребяческимъ поведеніемъ своихъ поэтовъ и невѣжествомъ своихъ ученыхъ, во второй разъ возстанутъ противъ Франціи съ самоубійственною ненавистью, то пѣсни Беранже образумятъ ихъ гнѣвъ и обезоружатъ его. Съ другой стороны, если французы снова выступятъ про-

тивъ Германіи, побуждаемые національнымъ тщеславіемъ или воинственнымъ предводителемъ, то пусть они читаютъ пѣсни Уланда, чтобъ понять, что народъ, поставляющій свою славу въ справедливости и которому право служить щитомъ, никогда не можетъ быть поработенъ, и что его дружба гораздо выгоднѣе, чѣмъ побѣда надъ нимъ».

Въ статьѣ о Гейне было слѣдующее мѣсто :

«Нѣмецкая жизнь похожа на высокую альпійскую мѣстность; она велика, царственна, она—корона земли, сверкающая своими вѣчными родниками... Въ Германіи находятся источники великихъ рѣкъ исторіи, великихъ націй и великихъ мыслей. Нѣмцамъ принадлежитъ гений, французамъ—талантъ; первые надѣлены творческою, вторые—практическою силой. На нѣмецкой почвѣ выросли тѣ великія идеи, которыми воспользовались, которыя примѣнили на дѣлѣ болѣе искусные, болѣе предприимчивые, или болѣе счастливые народы. Германія—источникъ всѣхъ европейскихъ переворотовъ, мать тѣхъ открытій, которыя измѣнили видъ земли. Изъ ея шѣдръ вышли пороки, книгопечатаніе, религіозная реформа—неблагодарныя, гадкія дочери, вышедшія замужъ за аристократовъ и насмѣявшіяся надъ своею матерью—плебейкою...

«Французы часто жалуются и иногда издѣваются надъ туманомъ, окружающимъ нѣмецкій духъ. Но эти тучи, ившіяся французамъ видѣть, лежатъ только у ногъ нѣмцевъ; сами же они достигаютъ головами выше тучъ и подъ синимъ небомъ дышутъ чистымъ и лучезарнымъ воздухомъ...»

Вотъ что я говорилъ французамъ о Германіи, а нѣмцамъ—о Франціи. А теперь пусть читатель полюбуется на лганье, которымъ г. Менцель старается закрыть мою чистую и добрую идею :

«Г. Бёрпе—говоритъ онъ—издаетъ въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, журналъ: «La Balance». Въ первомъ номерѣ этого журнала онъ объявляетъ патріотизмъ глупостью и благодаритъ Бога за то, что онъ всегда избавлялъ его отъ этого чувства. Но онъ не говоритъ ни одного слова противъ французскаго патріотизма. Этому послѣдному онъ придаетъ значеніе. Только противъ нѣмецкаго патріотизма онъ, будучи самъ нѣмецъ, выступаетъ войною и, конечно, въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ исключительно въ интересѣ французовъ».

Когда же я говорилъ или даже думалъ, что нѣмецкій патріотизмъ—гаупость, а французскій—мудрость? Гдѣ это написано? *Мнѣ г.*

Менцель может не говорить гдѣ, я и самъ знаю — это написано въ его инструкціи. Поэтому ему надо объясниться не со мною, а только съ тѣми невинными и добродушными читателями, которыхъ въ Германіи такъ много, которые уже въ дѣтствѣ читали Ливіа и Тацита, но познакомились въ нихъ только съ латинскими словами и оборотами, но не съ старыми интригами римской аристократіи. Г. Менцелю слѣдуетъ оправдаться передъ тѣми несвѣдущими читателями, которые рѣшительно незнакомы съ машиннымъ производствомъ фабрики общественнаго мнѣнія и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о чревоущательствѣ политическихъ фокусниковъ. Пусть этимъ людямъ, а не мнѣ, г. Менцель покажетъ мѣсто, гдѣ написано то, въ чемъ онъ упрекаетъ меня. Я осуждалъ не только нѣмецкій патриотизмъ, но и французскій, и всякій другой, принятый въ тѣсномъ значеніи этого слова, и называлъ его не глупостью, а еще сильнѣе — грѣхомъ. Если г. Менцелю угодно поспорить со мною на этотъ счетъ, я готовъ.

«По видимому — продолжаетъ онъ — г. Бёрне смотреть на различіе націй, какъ на препятствіе къ развитію всеобщей свободы, по видимому онъ считаетъ патриотизмъ не чѣмъ-то врожденнымъ, естественнымъ и священнымъ, но изобрѣтеніемъ, чѣмъ-то такимъ, что навязали народамъ для того, чтобъ они ненавидѣли и угнетали другъ друга.

«Если бы мы даже допустили этотъ принципъ — чего, конечно, не слѣдуетъ — то изъ этого слѣдовало бы, что онъ долженъ объявить войну не только нѣмецкому, но и французскому патриотизму, если не хочетъ навлечь на себя подозрѣніе въ томъ, что желаетъ только на счетъ нѣмцевъ льстить французамъ и ихъ интересамъ, и вмѣсто свободы, или подъ ея маскою только, распространять французскій духъ.

«Но вообще вѣренъ ли этотъ принципъ? Можно ли съ такою легкостью уничтожить патриотизмъ? И правда ли, что патриотизмъ вредитъ развитію свободы? Напротивъ того. Безъ патриотизма не можетъ быть свободы. Ученіе г. Бёрне — то же самое ученіе, которое испоконъ вѣка проповѣдуютъ враги свободы; ученіе всемірныхъ завоевателей, основателей большихъ всемірныхъ государствъ, іерархій. Только эти люди всегда старались уничтожить національныя различія и заставлять все человѣчество надѣяться на себя одинаковый мундиръ; и они дѣлали это потому, что хорошо знали, что

могли подавить свободу не иначе, какъ подавить національность. По этой же самой причинѣ свобода всегда была обязана своимъ спасеніемъ или востановленіемъ только патріотизму, священному чувству національной чести. Только нѣмецкій патріотизмъ нѣкогда сказалъ римлянамъ: «вы не пойдете дальше!» и этимъ остановилъ всеобщую деморализацію рабства, бывшую сверхъ того неизбежнымъ слѣдствіемъ римскаго деспотизма. Только нѣмецкій патріотизмъ оказалъ папамъ: «вы не пойдете дальше!» и этимъ избавилъ весь сѣвръ отъ невыносимаго ига. Только нѣмецкій патріотизмъ сказалъ также грозному корсиканцу: «ты не пойдешь дальше!» и этимъ создалъ новый фундаментъ, на которомъ возводится теперь такое множество зданій. Можеть быть, самъ г. Бёрне былъ бы теперь полицейскимъ инспектомъ въ своемъ родномъ городѣ и составлялъ бы программы разныхъ официальныхъ празднествъ, если бы полмилліона честныхъ нѣмцевъ не пролили своей крови на поляхъ сраженія для того, чтобы завоевать для него ту безопасность, съ которою онъ сидитъ теперь въ Парижѣ, и пишетъ, и издѣвается надъ памятью героевъ.

Г. Менцель рѣшительно ошибается, утверждая, что я смотрю на различіе націй, какъ на препятствіе къ развитію всеобщей свободы; но крайней мѣрѣ, есть много другихъ препятствій, которымъ я придаю гораздо болѣе серьезное значеніе. Но что значить *различіе націй*? Г. Менцель употребляетъ часто слова, возражать на которыя такъ же невозможно, какъ разорубить воздухъ. Я, точно такъ же какъ г. Менцель, признаю патріотизмъ чѣмъ-то «врожденнымъ, естественнымъ и священнымъ». Патріотизмъ — влеченіе врожденное, и потому естественное, и потому священное, какъ все, происходящее отъ природы. Но какое священное вещь не злоупотребляли люди даже больше, чѣмъ простыми вещами?.. Я считаю патріотизмъ не *изобрѣтеніемъ* нѣмецкихъ властителей, потому что они никогда не изобрѣли ничего хорошаго. Но они не изобрѣли также пореха, а между тѣмъ употребляютъ его только для своей выгоды и часто для гибели своихъ и чужихъ народовъ...

Желаніе, постоянная и мужественная готовность посвящать свою дѣятельность счастью, чести, славѣ, свободѣ и безопасности своей страны, и при этомъ не бояться никакой жертвы, никакихъ трудовъ, никакихъ опасностей — вотъ что я называю любовью къ отечеству. Слава, счастье, свобода и безопасность страны могутъ быть угрожаемы съ двухъ сторонъ: внутри и извнѣ. Внѣшнія бѣдствія не

такъ часты, какъ внутреннія; это — насильственныя поврежденія, похожія на раны въ человеческомъ тѣлѣ. Они причиняютъ боль, но не злокачественны, и могутъ постигнуть самое сильное и самое здоровое государство. Бѣдствія внутреннія похожи на болѣзни; они чаще и злокачественнѣе, потому что производятъ испорченные соки, влекутъ за собою разстройство организма и нарушеніе всего жизненнаго порядка. Между тѣмъ нѣмецкіе властители никогда не считали добродѣтелью ту любовь къ отечеству, которая обращается противъ внутреннихъ враговъ; напротивъ того, они признавали ее величайшимъ изъ всѣхъ пороковъ и строго наказывали, какъ измѣну отечеству. Они объявляли лучшими патриотами тѣхъ гражданъ, которые заботились только о себѣ и своихъ семействахъ и не обращали ни малѣйшаго вниманія на страданія своихъ согражданъ и своего отечества. Они награждали только тотъ патриотизмъ, который возставалъ противъ вѣншихъ враговъ...

Любовь къ отечеству, проявляется ли она внутри государства или вѣе его, остается добродѣтелью только до тѣхъ поръ, пока не выходитъ изъ своихъ предѣловъ; послѣ этого она становится порокомъ. Слова г. Менцеля: «всѣ дѣйствія въ пользу отечества прекрасны», — нелѣпая и въ то же время смѣшная фраза. Нѣтъ, только тотъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ прекрасно, кто желаетъ справедливаго; только тотъ дѣйствуетъ прекрасно, кто старается именно о *благо всего отечества*, а не отдѣльнаго человѣка, сословія или интереса... Любовь къ отечеству для гражданина то же самое, что любовь къ семейству для отца семейства. Если религія и нравственность говорятъ отцу семейства: «ты долженъ любить ближняго, какъ самого себя, ты не имѣешь права ни ненавидѣть, ни огорчать его» — если государственный законъ повелѣваетъ ему: «ты не долженъ обкрадывать и грабить своего согражданина, не касаться ни его чести, ни его права, ни его собственности, и если бы даже твоя жена и дѣти умирали на твоихъ глазахъ съ голоду, ты не имѣешь права отнять у своего богатаго сосѣда малѣйшую кроху хлѣба», — то нѣтъ этого развѣ слѣдуетъ, что онъ долженъ не любить свою жену и дѣтей и измѣнять своему отечеству? Но того, чего нельзя дѣлать для своего семейства, нельзя дѣлать и для отечества. Право такое же необходимое средство къ жизни, какъ хлѣбъ, и добродѣтель прекраснѣе славы.

Г. Менцель спрашиваетъ: «можно ли съ такою легкостью унич-

томать на свѣтѣ патриотизмъ?» Не тутъ рѣчь не о томъ, что можно, а о томъ, что должно. Тутъ рѣчь совсѣмъ не объ уничтоженіи патриотизма, а объ искорененіи всѣхъ тѣхъ гнусностей, которыя эгоизмъ... прикрылъ названіемъ патриотизма. Меньше же всего тутъ рѣчь о *легкости истребленія*. Пройдетъ еще полстолѣтія, прежде чѣмъ народы Европы и особенно французы и нѣмцы дойдутъ до убѣжденія, что отъ ихъ единства зависятъ ихъ счастье и свобода... До тѣхъ норъ жизнь и счастье милліоновъ людей будутъ тонуть въ морѣ крови.

Дальнѣйшія слова г-на Менцеля въ вышеприведенномъ мѣстѣ я нашелъ до такой степени утомительно глупыми, что долженъ, прежде чѣмъ перейти къ нимъ, отдохнуть немого. «Онъ не тщеславенъ» — говоритъ обо мнѣ г. Менцель; но къ моему стыду я долженъ сознаться, что иногда бываю тщеславенъ. Каждый разъ, какъ я нахожу себя вынужденнымъ снисходить къ мѣщанскимъ объясненіямъ, гордость начинаетъ двигаться во мнѣ, и я краснѣю, что у меня нѣтъ равнаго по происхожденію противника. Г. Менцель можетъ мнѣ повѣрить, что въ политикѣ онъ смыслитъ въ половину меньше моей французенки-кухарки, не смотря на то, что ее зовутъ Эладіей *) — ния, по видимому доказывающее натуру, полную мизантропію и раскаянія, меланхолію, чувствительности, трепетанія при свѣтѣ луны и другихъ нѣмецкихъ особенностей, свидѣтельствующихъ о полномъ незнакомствѣ съ политикой, дипломатіей и т. п.

Г. Менцель говоритъ, что мое ученіе то же самое, которое во всѣ времена проповѣдывали всемірные завоеватели, старавшіеся для подавленія свободы истреблять всякую національность и надѣвать на все человечество одинаковый мундиръ. Тутъ мнѣ приходится только воскликнуть: «о, терпѣніе!» или: «о, если бы во мнѣ была хоть частица всемірнаго завоевателя для того, чтобы я могъ не нуждаться въ терпѣніи!»... Да какой же завоеватель могъ бы заставить народъ жертвовать ему кровью и жизнью, не вселивъ въ него прежде ложнаго понятія о патриотизмѣ, не увѣривъ его, что ненавидѣть чужеземное значитъ любить свое родное? И если бы завоеватели дѣйствительно находили свою выгоду въ томъ, чтобы подавлять національ-

*) Дѣйствующее лице въ трагедіи Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе».

ный эгоизмъ порабощенныхъ ими народовъ, то что же это доказы-
вается? Честолюбцы употребляютъ всё средства, даже благородныя;
дѣль освещаетъ въ ихъ глазахъ даже эти послѣднія. Завоеватели,
притѣснители старались разрушать національныя особенности пора-
бощенныхъ ими народовъ до тѣхъ поръ, пока думали, что это раз-
рушеніе облегчитъ имъ и обезпечитъ за ними ихъ господство; но
чуть только они поняли, что для того, чтобы лучше всего управ-
лять различными народами, должно поддерживать между ними взаим-
ную зависть; чувство патриотизма и такимъ образомъ дѣлать одинъ на-
родъ сторожемъ другаго, — они начали ревностно стремиться къ под-
держанію національныхъ особенностей. Въ австрійскомъ государствѣ
находится ровно девять различныхъ патриотизмовъ. Австрійское правн-
тельство во всё времена съ такою болезненною заботливостью охра-
няло національныя различія и характеристическія черты своихъ на-
родовъ, что страшилось даже разрушать немногія гробницы давно
умершихъ, давно сгнѣвшихъ вольностей, не смотря на то, что, какъ
извѣстно, малѣйшій признакъ свободы всегда приводитъ въ трепеть
это самое правительство!.. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Австрія сво-
бодное государство? Могъ-ли бы г. Менцель писать въ Вѣнѣ? Впро-
чемъ, какъ знать, можетъ быть онъ и могъ бы.

Чего только не навязывали людямъ подъ именемъ патриотизма!
Австрійцы такіе вѣрные и добродушные люди, что между ними встрѣ-
чается то, чего нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ народѣ
земнаго шара; именно — полицейскіе шпионы между честнѣйшими
людьми. Когда такой честный шпионъ предастъ своего сосѣда, дру-
га, брата, онъ клянется, что поступаетъ, какъ хорошій патриотъ, и
умираетъ въ блаженномъ самоубійствѣ.

Я могъ бы довѣрить г. Менцелю большую тайну; я могъ бы ему
показать, что нѣмцы ничего не сдѣлали для патриотизма; что они
потому не имѣютъ его, что ихъ прекрасное назначеніе состоитъ въ
томъ, чтобы не имѣть его; что поэтому хорошо, что они не сво-
бодны; что, наконецъ, это обстоятельство когда набудъ навлечетъ
за собою счастье европейскаго человѣчества. Но чтобы уяснить все
это г. Менцелю, мнѣ слѣдовало бы стать съ нимъ на высшую точ-
ку зрѣнія, а на ней онъ, пожалуй, призналъ бы меня правымъ и
задержалъ бы меня, и ужъ не позволилъ бы сойти внизъ. Вѣдь из-
вѣстно, что нѣмцы ученые чувствуютъ себя божественно хороше,
когда стоять на очень высокихъ точкахъ зрѣнія, потому что тамъ,

въ водоблачной вышнѣ, нѣтъ никакой полиціи. Въслѣдствіе этого я лучше желаю остаться внизу, и продолжаю идти по пути моихъ неизменныхъ размышленій.

Можетъ быть, г. Менцель укололъ меня Арминіемъ, Лютеромъ и Наполеономъ для того, чтобы пошутить надъ моею недалеконвидностью, всегда лишавшею меня возможности не только понимать великолѣпіе нѣмецкаго патриотизма, но и вообще видѣть его существованіе; въ такомъ случаѣ, мнѣ это очень пріятно, потому что я знаю и люблю шутку. Поступая такимъ образомъ, г. Менцель хотѣлъ, конечно, только подразнить меня: онъ знаетъ, что я схожу съ ума каждый разъ, какъ слышу рассказы о тевтобургской битвѣ и слова тѣхъ жалкихъ и неловкихъ льстецовъ, которые, чтобы похвалить нѣмецкій народъ, не нуждающийся, какъ и всякій другой народъ, ни въ какой похвалѣ, умѣютъ вкрадчиво выставить предъ нимъ только два великіе подвига изъ XVIII ст. и нуждаются въ XIX ст. для того, чтобы имѣть возможность добавить третій подвигъ. Если же г. Менцель серьезно говорить о тевтобургскомъ лѣсѣ, реформаціи и корсиканскомъ тирапѣ; если эти слова не были исключительно старыми фарсами изъ комедіи освобожденія; если онъ, подобно многимъ другимъ и на основаніи полученнаго приказанія, хотѣлъ только утѣшить нѣмцевъ и посовѣтовать имъ отдохнуть послѣ трехъ великихъ подвиговъ, совершенныхъ ими въ продолженіи тысячи девяносто лѣтъ, — въ такомъ случаѣ и я долженъ принять эти слова въ серьезномъ смыслѣ и поговорить о нихъ.

Г. Менцель самъ написалъ исторію Германіи и выказалъ въ ней такой пламенный, анахронистическій, Турноровскій патриотизмъ, что Арминій и Блюхеръ похожи другъ на друга, какъ родные братья. Въслѣдствіе этого я прошу его прочесть въ его собственномъ сочиненіи о войнахъ германцевъ съ римлянами и отыскать мнѣ въ нихъ малѣйшій слѣдъ патриотизма. Нѣмецкіе народы не сражались въ то время ни за свою почву, ни за своихъ единоплеменниковъ, ни за свою національную славу, ни за свою свободу. Они сражались только за своихъ предводителей и бились также охотно и храбро въ рядахъ римлянъ противъ своихъ соотечественниковъ, какъ въ рядахъ своихъ соотечественниковъ противъ римлянъ. Нѣмецкіе предводители и князья дрались за свое честолюбіе и свои выгоды, и смотря потому, какъ измѣнялись эти послѣдніе, они измѣняли свои отношенія къ союзникамъ и врагамъ. Сегодня они сражались съ римлянами,

завтра — съ германцами. Между германскими князьями и народами велась непрестанная война даже въ ихъ собственной землѣ. Братъ Арминія сражался въ рядахъ римлянъ, а самъ Арминій, послѣ того какъ онъ побѣдилъ Вара, былъ коварно убитъ другими германскими князьями, въ числѣ которыхъ были его родственники. Изъ этого г. Менцель можетъ видѣть, что уже въ древнія времена нѣмецкій патріотизмъ награждался такъ же скверно, какъ въ наши дни. Если бы храбрый Блюхеръ дожилъ до болѣе глубокой старости, можетъ быть онъ былъ бы принужденъ утѣшиться въ магдебургской крѣпости участіемъ Арминія, еще болѣе печальною, чѣмъ его собственная, потому что, безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы ни слова въ пользу нынѣшней политической системы Германіи.

Въ теченіе столѣтій германцы сражались—одни за римлянъ, другіе противъ нихъ, и только тогда они посмотрѣли на римлянъ, какъ на общаго врага, и соединились противъ нихъ, когда пришли сѣверные народы и толкнули ихъ противъ римлянъ, точно такъ же, какъ осьмнадцать столѣтій спустя русскіе толкнули ихъ противъ французъ.

Находился ли нѣмецкій патріотизмъ въ какомъ нибудь, хотя бы въ самомъ отдаленномъ, умственномъ или кровномъ родствѣ съ реформаціею, или въ какомъ нибудь историческомъ отношеніи къ ней? Нѣтъ, патріотизмъ не былъ ни причиною, ни слѣдствіемъ, ни отцомъ, ни сыномъ, ни предшественникомъ, ни преемникомъ реформаціи. Напротивъ того, реформація уничтожила весь нѣмецкій патріотизмъ, даже тотъ сѣверный патріотизмъ, который г. Менцель восхваляетъ, а мы осуждаемъ. Реформація была чахотка, отъ которой умерла нѣмецкая свобода, и Лютеръ былъ ея могильщикомъ. Католическіе попы обезобразили суевѣріемъ добрую старую вѣру, такъ что она не могла уже приходиться по вкусу здоровому сердцу. Тогда пришелъ Лютеръ, который, какъ и всѣ нѣмецкіе ученые, понималъ вкусъ въ чистомъ винѣ, онъ вынулъ кранъ изъ бочки и, вмѣсто испорченнаго вина католической вѣры, предложилъ народу чистую воду елиософіи. Какую пользу принесло это дѣйствіе? Вестфальскій миръ стоитъ передъ нами съ своимъ счетомъ прихода и расхода реформаціи. Нѣсколько тысячъ мыслителей приобрѣли себѣ свободу мышленія, а вся страна потеряла свободу жизни. Народъ сдѣлался бѣднѣе однимъ безуміемъ, а страна—богаче тысячею глупостей, придуманныхъ нѣмецкими теологами и елиософами. Нѣщцы освободились отъ панства,

этого злаго, насмѣшливаго духа, не имѣвшаго однако тѣла и ужасавшаго только суевѣрныхъ, между тѣмъ какъ всѣ разумные смѣялись надъ нимъ; за то они получили два очень осязательные, тяжелооруженные народа—французовъ и шведовъ. Въ продолженіи столѣтія нѣмцы боролись между собою, и для того, чтобы имѣть возможность безпрепятственно перевязывать свои раны и хоронить своихъ мертвыхъ, они были принуждены наконецъ уступить часть своей страны чужеземнымъ государямъ. Двадцать университетовъ было воздвигнуто для того, чтобы награждать ученыхъ за ихъ измѣну народу, а тысячи городовъ и деревень лежали въ развалинахъ и пеплѣ, и кости десяти миллионовъ нѣмцевъ покрывали землю опустошенной страны. Никогда нѣмецкіе народы не сносили столько стыда и позора отъ своихъ князей, отъ самихъ себя и отъ чужеземцевъ, какъ во время реформациі; и это г. Менцель называетъ патриотизмомъ. Въ одномъ французскомъ журналѣ я высказалъ болѣе обстоятельное мнѣніе о причинахъ и слѣдствіяхъ реформациі, и приведу здѣсь нѣкоторыя, идущія къ дѣлу, мѣста изъ него:

«Реформациа принесла пользу только германскимъ князьямъ и ученымъ; народъ же ничего не приобрѣлъ по отношенію къ своему матеріальному благосостоянію и много потерялъ въ благосостояніи нравственномъ. Собственно говоря, власть католическихъ священниковъ была только нравственная власть. Народы лишали себя состоянія для того, чтобы обогащать церковь... Когда же, послѣ реформациа, князья завладѣли имуществомъ и доходами духовенства, налоги заступили мѣсто добровольныхъ приношеній, а уголовные законы казначейства — чпстияище. Лютеръ отнялъ у народа рай и оставилъ ему адъ, отнялъ у него надежду и оставилъ ему страхъ. Онъ предписалъ раскаяніе для очищенія отъ грѣховъ, но раскаяніе нельзя предписывать. Онъ потребовалъ добрыхъ дѣлъ вмѣсто внѣшнихъ обрядовъ, но число добрыхъ дѣлъ послѣ этого не увеличилось.

«Нравы сдѣлались строже, снаружи все сдѣлалось чисто и безъ пятенъ; но это были только ушедшіе внутрь пороки, разрушавшіе скрытыя части государственнаго тѣла. Интриги и мошенничества замѣнили насилія и преступленія. Число религиозныхъ праздниковъ уменьшилось, а будничныхъ дней, и слѣдовательно трудовъ народа увеличилось; богослуженіе, которое во время католицизма служило утѣшеніемъ и отдохновеніемъ несчастныхъ, было превращено въ

школу морали, гдѣ вѣрующіе скучали и засыпали. Богословіе, прежде бывшее божественнымъ художествомъ, сдѣлалось наукою, недоступною пониманію народа. Общественная жизнь совсѣмъ прекратилась. У народа не было больше ни живописцевъ, ни поетовъ, ни праздниковъ; не возводились никакія общественныя зданія; провинціальный и домашній эгоизмъ заступилъ мѣсто національнаго духа; нѣмецкій народъ, въ былое время столь веселый, умный, младенчески безмятежный, сдѣлался вслѣдствіе реформаціи печальнымъ, неуклюжимъ и скучнымъ. Нѣмецкая жизнь—постъ, продолжающійся уже три столѣтія, и нѣмецкому народу придется еще долго ждать своего свѣтлаго праздника.

«Лютеръ былъ великій человѣкъ, но прежде всего онъ былъ человѣкъ, и имѣлъ всѣ пороки и слабости этой несчастной породы. Выскочка — плебей, онъ несправедливъ и презиралъ сословіе, изъ котораго вышелъ, и лучше хотѣлъ оставаться подъ покровительствомъ князей, чѣмъ покровительствовать своимъ равнымъ. Князья льстили ему, потому что боялись его. Лютера такъ трогала ихъ боязнь и такъ отуманивала ихъ лесть, что онъ не соображалъ, что они приняли его ученіе только изъ честолюбія и властолюбія, а въ душѣ смѣялись надъ его религіознымъ и философскимъ энтузіазмомъ. Лютеръ сдѣлалъ много дурнаго своему отечеству...

«Лютеръ былъ образцомъ нѣмецкаго философа со всѣми добродѣтелями и пороками его національности... Но онъ не былъ политикъ; онъ не зналъ дѣйствительнаго міра, онъ не понималъ ни интригъ, ни страстей и упорства высшихъ сословій и гражданскаго общества, ни здраваго смысла, добродѣтелей и интересовъ низшихъ классовъ. Онъ до крайней степени презиралъ народъ, который всегда старается превращать свои мнѣнія въ намѣренія, а намѣренія — въ дѣйствія.

«Предиріятіе Лютера было больше дѣломъ знанія, чѣмъ совѣсти. Забывъ, что самъ Богъ создалъ матеріальный міръ для проявленія своей божественности; забывъ, что всѣ идеи соединены одна съ другою, что моральные и матеріальные интересы перемѣшиваются между собою, и что нельзя привести въ движеніе одни безъ того, чтобы не тронуть другихъ, Лютеръ проклиналъ народъ, потому что онъ хотѣлъ воплотить новыя идеи. Чортъ однажды посетилъ его, съ цѣлью напугать или привлечь на свою сторону; Лютеръ пустилъ ему въ голову чернильницей, и чортъ ушелъ черезъ окно. Такъ какъ этотъ родъ войны удался Лютеру въ отношеніи къ бѣд-

ному чорту, то онъ подумалъ, что чернило лучшее оружіе противъ насилія, деспотизма, честолюбія и жажды грабежа сильныхъ людей. Эта лютеровская артиллерія съ тѣхъ поръ не выходила изъ употребленія, и нѣмецкіе философы, моралисты и доктора политическихъ наукъ довольствуются еще теперь писаніемъ противъ людей, которые справедливо смѣются надъ ихъ чернильницами.»

Продолжать ли мнѣ слѣдовать за приманкой г. Менцеля и пѣть съ нимъ старую пѣсню о грозномъ корсиканцѣ? Ахъ, нѣтъ, это слишкомъ скучно. Ужъ вы слишкомъ часто слышали эту пѣсню, слишкомъ часто пѣли вамъ ее. Однакоже, я воспользуюсь грознымъ корсиканцемъ для того, чтобы показать г. Менцелю, какая разница между фальшивымъ и истиннымъ патриотизмомъ, и чѣмъ патриотизмъ нѣмцевъ отличается отъ патриотизма другихъ народовъ. Какъ вы полагаете, отчего слабая Испанія, въ первый же день вторженія грознаго корсиканца, осмѣлилась крикнуть ему: «ты не пойдешь дальше!» Отчего испанцамъ удалось остановить побѣдный путь французовъ, тогда какъ гораздо болѣе могущественный народъ нѣмецкій позволялъ имъ побивать себя въ теченіе двадцати лѣтъ. Оттого, что испанцы дрались не только за своего короля и внѣшнюю свою независимость, но и за самихъ себя и свою свободу. Оттого-то они и успѣли. Когда же они вернули своего короля, и онъ не оправдалъ ихъ надеждъ, тогда они не впали въ заблужденіе и не испугались, тогда они не потеряли мужества, не предались постыдному отхоженію, но продолжали сражаться за свою свободу, и, смотря на пораженія, снова вступали въ битвы, и теперь побѣдили навсегда. Вотъ это настоящій патриотизмъ. И въ то время у испанцевъ не было ни одного писателя, который говорилъ имъ: «теперь вы можете быть довольны; не требуйте слишкомъ много; человѣческое положеніе никогда нельзя измѣрять высшимъ масштабомъ идеала; спите здоровымъ сномъ растеній, процвѣтайте въ тиши, держите должную паузу и ложитесь спать въ колыбельку». Такого писателя не нашлось между испанцами. А найдись такой дуракъ, гордые испанцы стали бы смѣяться надъ нимъ и спросили бы его: *Lengua sin manos, cueto osas fablar?*

И оттого, что мы пасмѣхаемся надъ мыслями безъ языка, надъ языкомъ безъ рукъ, оттого, что мы находимъ то жалкимъ, то смѣшнымъ народъ, попадающійся еще глупѣе, чѣмъ мухи, которыхъ, во крайней жѣрьѣ, приманиваютъ сахаромъ, тогда какъ онъ ловится на

горькія вещи,—оттого мы издѣваемся надъ храбрыми нѣмцами, пролившими кровь за отечество, надъ памятью героевъ, павшихъ за родину? Нѣтъ, не мы издѣваемся надъ ними. Вы дѣлаете это, продажные адвокаты, вы, своими поддѣлками, извращеніями, интригами обманывающіе нѣмецкій народъ на счетъ наслѣдства, завѣщаннаго ему этими падшими героями! Вы издѣваетесь надъ ними, недостойное поколѣніе! Не мы смѣемся надъ памятью этихъ героевъ, мы, томящіеся въ темницахъ, мы, бѣжавшіе изъ отечества, потому что оставались вѣрны свободѣ, за которую эти герои проливали кровь, потому что обнаружили тотъ самый образъ мыслей, съ помощью котораго они освободили Германію отъ ига Наполеона. Мы оплакиваемъ благородную, бесплодно пролитую кровь ихъ.

Какъ! храбрые нѣмцы, проливавшіе кровь за отечество, завоевали для меня безопасность, съ которою я теперь сижу въ Парижѣ и пишу, и издѣваюсь надъ памятью падшихъ героевъ? *завоевали* для меня безопасность. Нѣтъ, *сдѣлали ее необходимою*, — слѣдовало сказать г. Менцелю. Если бы наши герои сражались за свободу всего нашего отечества, а не отдѣльныхъ личностей, намъ не за чѣмъ было бы искать безопасности въ чужой странѣ. А еслибы французы были такъ же рабски-трусливы, какъ нѣмцы, они не только не дали бы намъ безопаснаго убѣжища, но, обременивъ цѣніями, отдали бы насъ на мщеніе нашихъ враговъ.

Конечно, привелось мнѣ быть полицейскимъ префектомъ въ моемъ родномъ городѣ и сочинять программы разныхъ официальныхъ празднествъ, я бы счелъ себя очень несчастливимъ; но все-таки я скорѣе былъ бы готовъ писать такія программы, чѣмъ пачкать руки такъ, какъ пачкаютъ ихъ теперь съ охотою и любовью всѣ нѣмецкіе полицейскіе префекты, занимающіеся сочиненіемъ проектовъ инструкцій для путешествующихъ доносчиковъ, составленіемъ донесеній остающихся дома шпионовъ, арестами всѣхъ друзей отечества, веденіемъ протоколовъ о вырванныхъ пыткой признаніяхъ арестованныхъ патріотовъ, двойною бухгалтеріею обо всемъ, что пьется и говорится въ трактирахъ. О, мнѣ было бы въ тысячу разъ пріятнѣе сочинять программы празднествъ! Никогда за все время французскаго господства нѣмецкая полиція не лежала такъ глубоко въ грязи, какъ теперь; никогда она не дѣйствовала съ такою безчеловѣчностью; никогда не исполняла съ такою радостною готовностью самыхъ жестокихъ приказаній; никогда, за всѣ десять лѣтъ французскаго вла-

дичества, полиція не отличалась таинствъ злорадостнымъ коварствомъ, такимъ жестокосердіемъ и такимъ кожанымъ, неповоротливымъ педантствомъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей, какъ въ одинъ первый годъ владычества нѣмецкаго. Я это знаю, г. Менцель, я самъ былъ свидѣтелемъ этому. И съ тѣхъ поръ весь нѣмецкій народъ раздѣлился на два класса: шпионовъ и шпионствуемыхъ. Крокъ ихъ нѣтъ никого. Будьте вы хорошій или дурной человѣкъ, человѣкъ или чортъ — до этого никому нѣтъ дѣла; каждый нѣмецъ или полицейская собака, или полицейская дочь, или шологокъ, или наковальня.

«Г. Бёрне — пишетъ г. Менцель — отнюдь не приверженецъ нѣмецкой школьной философіи, а между тѣмъ онъ поступаетъ совершенно такъ, какъ она. Онъ начинаетъ съ того, что желаетъ, чтобы его объектъ былъ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ есть, а такъ какъ это желаніе не осуществляется, то онъ переходитъ къ положительному отрицанію объекта. Но какъ свѣтъ никогда не измѣнится, старайся объ этомъ или совсѣмъ отрицай его нѣмецкію философію, — точно такъ же не измѣнится нѣмецкій народъ, не смотря на всѣ старанія г. Бёрне измѣнить его въ дѣйствительности или отрицать въ идеѣ.»

Г. Менцель надѣется, что мнѣ никогда не удастся измѣнить нѣмецкій народъ. Но что даетъ ему право приписывать мнѣ такое безумное намѣреніе? Еще ни одинъ человѣкъ не пытался измѣнить народъ, да такая попытка и не могла бы никогда удалиться. Мы хотимъ не измѣнить нѣмецкій народъ, а разбудить его, потому что онъ спитъ. Мы его мухи, жужжація ему въ уши и кусающія въ лицо; по крайней мѣрѣ, себѣ я всегда приписывалъ только такое значеніе. Правда, нѣмецкій народъ спитъ очень крѣпкимъ сномъ и не въ состояніи устоять противъ своихъ ученыхъ, которые своими сочиненіями способны усыпить даже австрійскаго часоваго; правда, онъ спитъ идеальнымъ сномъ, такъ лирически-преисрасно воспѣтымъ г. Менцелемъ; правда, онъ спитъ, какъ фіалка въ полночный часъ, какъ дитя на груди матери; — но за то и мы неутомимыя мухи. А если не разбудить его наше кусанье, то разбудить когда нибудь громъ, а не сдѣлаетъ этого громъ, такъ сдѣлаетъ землетрясенье. Да, разбудить его, а не измѣнить стараемся мы. Боже упаси, чтобы благородный нѣмецкій народъ когда нибудь измѣнился!

«Г. Бёрне — продолжаетъ г. Менцель — хочетъ принести къ

намъ свободу изъ Франціи. Не какую свободу? Этого онъ намъ не говоритъ. Безъ всякаго сомнѣнія, республику? Но какую республику? Добродѣтельную республику покойнаго Максимилиана Робеспьера? Но г. Берне слишкомъ ловко обращается съ своимъ умомъ для того, чтобы помѣсть въ просакъ мечтательною привязанностью къ этому принципу. Порочную республику новаго еврейскаго дома Гейне и Комп.? Но г. Берне еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ съ негодованіемъ нападалъ на нее въ журналѣ «Réformateur», и если во второмъ номерѣ «Balaise» онъ снова беретъ ее подъ свою защиту, то дѣлаетъ это не изъ симпатіи къ порокамъ, а изъ не любви къ Германіи. Французскую демократизацію онъ порицаетъ, нѣмецкую хвалить не потому, что она подкапывается подъ нравственность, но потому, что разрушаетъ государство. Ему нравится все, что пожираетъ Германію, какъ разрушительный элементъ.

«Но что же положительнаго во всѣхъ его отрицаніяхъ? Какую же свободу требуетъ онъ, если не хочетъ ни добродѣтельной республики, ни порочной, ни даже конституціонной монархіи, которую онъ такъ несправедливо осыпаетъ всевозможною бранью и на другой которой онъ смотритъ съ величайшимъ презрѣніемъ?»

«Онъ не говоритъ намъ, что онъ построить послѣ того, какъ разрушитъ все существующее. Онъ думаетъ, что объ этомъ позаботятся французы. По его мнѣнію, въ Германіи слѣдуетъ только проложить эту дорожку, сдѣлать нѣмцамъ все нѣмецкое ненавистнымъ, презрѣннымъ, смѣшнымъ, а все французское — достойнымъ подражанія, и указать французамъ всѣ средства и идти къ завладѣнію Германію, сначала съ помощью льстивой дружбы, а потомъ — нашествіемъ».

.....

Къ чему тутъ приплетена республика? Развѣ я говорилъ когда нибудь о превосходствѣ монархической или республиканской формы правленія? Нѣтъ, тутъ дѣйствуетъ только обаяновенная, трусливая осторожность г. Менцеля. Онъ до такой степени боится убѣдительности моего мнѣнія о нынѣшнемъ положеніи Германіи, что не рѣшается близко приступить къ нему. Онъ ведетъ своихъ читателей на поле, отъ котораго я стою очень далеко, и кричитъ имъ: «онъ здѣсь, бейте его». И они начинаютъ бить, но попадають не въ меня, а въ воздухъ и кустарники, и г. Менцель, какъ побѣденный полководецъ, совершаетъ въѣздъ въ сердца всѣхъ деревенскихъ дворянчиковъ.

Развѣ Франція, Англія и Бельгія—республики? Развѣ они не конституціонныя государства? Развѣ желать для Германіи того порядка вещей, который господствуетъ въ этихъ странахъ, значитъ желать республику. Но развѣ есть въ Германіи конституціонныя государства? Какимъ жалкимъ, неискуснымъ защитникомъ нынѣшняго положенія Германіи является г. Менцель, когда онъ утверждаетъ, что между этимъ положеніемъ и республикою нѣтъ ничего средняго? Тѣмъ хуже, если нѣтъ; тѣмъ хуже, если нѣмцамъ только и остается на выборъ, что или терпѣливо переносить этотъ порядокъ вещей, или искать спасенія въ республикѣ.

Г. Менцель утверждаетъ, что я съ негодованіемъ нападаю на деморализацію французскую, но хвалилъ и защищалъ нѣмецкую, и приводитъ въ доказательство справедливости своихъ словъ второй номеръ «Balance», въ которой я говорилъ о пьесѣ Гюцкова *) «Валли». Что дало г. Менцелю право на такую ложь, когда въ «Balance» я говорилъ совсѣмъ противоположное? Самоувѣренность служить ему панциремъ; онъ знаетъ, что можетъ осмѣять мое отраженіе, потому что его полицейская тактика обезпечиваетъ за нимъ побѣду. Онъ знаетъ, что «Balance» читали весьма немногіе, что даже эти немногіе только съ трепетомъ рѣшались пересказывать другимъ о прочитанномъ, и что ихъ слабые голоса заглушались крикомъ «Literaturblatt», «Allgemeine Zeitung», и сотни другихъ задыхающихся отъ страха, ниществующихъ или купленныхъ нѣмецкихъ газетъ. Но конечно, мое порицаніе «Валли» имѣло совсѣмъ не то основаніе, что порицаніе г. Менцеля. Я защищалъ религію и нравственность, потому что считаю ихъ опорами свободы; г. Менцель, напротивъ того, потому, что видитъ въ нихъ опоры верховнаго господства. Рвеніе г. Менцеля было возбуждено не тѣмъ, что я хвалилъ «Валли», но тѣмъ, что я порицалъ самовольный поступокъ вѣмскихъ правительствъ съ Гюцковымъ. Но вся Германія думаетъ объ этомъ точно такъ же, какъ я. Судъ надъ тѣмъ, что справедливо и нравственно, должно произносить общественное мнѣніе, а не франкоуртекая государственная инквизиція.

Въ тотъ день, когда г. Менцель, бывшій фарисеемъ либерализма въ то время, когда лицемеріе приносило еще матеріальныя выгоды, призвалъ молодую Германію къ суду старой и взвелъ на нее различ-

*) Одинъ изъ известнѣйшихъ писателей „молодой Германіи“.

ныя обвиненія, — въ тотъ день онъ продалъ по кровавой роспискѣ свою душу чорту, а отъ такого договора нельзя освободиться никакимъ раскаяньемъ... Кто подавляетъ зародышъ добраго и прекраснаго, тотъ — удесятеренный Иуда. Г. Менцель разодралъ свои одежды, посыпалъ пепломъ голову и началъ нашептывать правительству и выть на всѣхъ уллицахъ, что въ Германіи родился новый Вольтеръ, новый Руссо, новый Мессія, который освободитъ въ народѣ его *свободу мысленія*. А между тѣмъ среди нѣмецкаго народа и: было никакого Вольтера. Если же Вольтеру суждено появиться въ нѣмецкомъ народѣ, онъ появится; еще ни одинъ великій человѣкъ не былъ убитъ въ колыбели.

По словамъ г. Менцеля, я всегда относился съ *величайшимъ презрѣніемъ* къ нѣмецкимъ приверженцамъ конституціонной формы правленія. Нѣтъ, не съ презрѣніемъ, потому что ими руководили въ этомъ случаѣ добрыя намѣренія. Но я всегда удивлялся имъ, я сожалѣлъ объ этихъ людяхъ, изучающихъ исторію и ничему не выучивающихся въ ней; этихъ людяхъ, прожившихъ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, не утративъ ни одной иллюзіи и не приобрьвъ ни одного разочарованія.

Если бы можно было хотя на минуту освободиться отъ серьезнаго и печальнаго взгляда на нѣмецкія дѣла, вся нѣмецкая исторія послѣднихъ сорока годовъ показала бы карнавальнымъ фарсомъ, сочиненнымъ какимъ-нибудь веселымъ духомъ для увеселенія олимпійскаго двора. Въ продолженіе двадцати лѣтъ нѣмцы сражались съ французскою свободою; въ продолженіе двадцати лѣтъ французы побивали, грабили и угнетали ихъ, а когда черезъ эти двадцать лѣтъ побѣда повернулась на ихъ сторону, и они завоевали столицу своихъ враговъ — что они сдѣлали, чѣмъ отомстили за себя? Они принесли французамъ такую свободу, какой эти послѣдніе никогда не имѣли, такое благосостояніе, какимъ они никогда не пользовались, а добрые нѣмцы, увѣнчанные побѣдою, вернулись къ своему прежнему положенію и своей прежней нищетѣ!

Въ томъ ли состоитъ прекрасное назначеніе благородной Германіи, чтобы исполнять полицейскую должность во всей Европѣ и являться повсюду палачомъ прогресса? До сихъ поръ еще нѣмецкое вліяніе повсюду угрожаетъ прогрессу, нарушаетъ его и не позволяетъ людямъ спокойно наслаждаться имъ. Это нѣмецкое вліяніе дѣйствуетъ въ Англіи, во Франціи, въ Испаніи и Португаліи, въ Швейцаріи и Гре-

ци. Нѣмецкій принцъ, сынъ австрійскаго вассала, былъ посланъ въ Лиссабонъ, для того, чтобы показать послѣднику португальскаго престола, какъ онъ можетъ играть своею присягою. Нѣмецко-протестантскими деньгами поддерживали донъ Карлоса въ стараніи снова ввести въ употребленіе инквизиціонныя судилища. Во главѣ всѣхъ тайныхъ замысловъ противъ свободы британскаго народа стоятъ герцогъ Кумберландскій, получившій образованіе въ Берлинѣ. Когда султанъ Махмудъ захотѣлъ повести свои народы по пути цивилизаціи и обратился къ своимъ христіанскимъ друзьямъ за наставленіемъ и совѣтомъ, ему послали изъ Вѣны знатока въ полицейскомъ дѣлѣ для образованія въ Константинополѣ тайной полиціи, какъ элементарной школы христіанской цивилизаціи. Когда же наивный султанъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и основалъ турецкую газету, австрійскій кабинетъ настоятельнѣйшимъ образомъ указывалъ ему на пагубную сторону такого нововведенія и замѣтилъ, что газеты еще опаснѣе янычаровъ и сходятся съ тайною полиціею такъ же мало, какъ щелокъ съ кислотою. Во всей Европѣ, всѣ враги прогресса обращаютъ полныя надежды взоры на Германію. Нѣмецкій народъ — добрый, милый дядя, который до сихъ поръ платитъ долги своихъ племянниковъ-народовъ. Но довольно! Г. Менцель проситъ насъ не говорить такъ громко, потому что Германія, бѣдная добрая женщина, лежитъ въ родахъ.

Всѣ враги прогресса говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, потому что они принадлежатъ къ одному и тому же народу, и своекорыстіе — ихъ общая отчизна. Каждый разъ, какъ они видятъ недостатки въ странѣ, имѣющей либеральное государственное устройство, они приписываютъ ихъ этому устройству... Когда г. Менцель читаетъ въ путевыхъ запискахъ князя Пюклера, что часть французскихъ провинцій такъ пустынна, безжизненна, бѣдна, что конечно справедливо, онъ ликуетъ и восклицаетъ: «видите, видите друзья Франціи?» Да что же намъ видѣть? Мы дополнимъ ваши мысли, г. Менцель. Вы хотите сказать: «видите, это послѣдствія либеральнаго правленія, свободы печати, суда присяжныхъ, гласности, равенства; это всегда случается, когда государственныхъ преступниковъ судятъ не долѣе шести мѣсяцевъ, а не держатъ по цѣлымъ годамъ въ тюрьмѣ, это всегда случается... enfin, c'est la faute de Rousseau, c'est la faute de Voltaire». Но, достойнѣйшій г. Менцель, если бы у французовъ не было свободы и суда присяжныхъ, развѣ поля ихъ были бы лучше обработаны? Развѣ тюрьмы — оранжереи, въ которыхъ

созрѣваютъ всё благородные плоды? Каждый разъ, какъ вы говорите объ умственныхъ и сердечныхъ преимуществахъ нѣмцевъ передъ французами, вы готовы приписывать ихъ влиянію нѣмецкихъ правительствъ. Но развѣ эти преимущества нѣмцевъ, которыхъ никто не оспариваетъ, уменьшились бы или уничтожились, если бы Германія пользовалась либеральнымъ, нравственнымъ и христіанскимъ государственнымъ устройствомъ? Напротивъ того, нѣмцы выиграли бы, если бы рѣшились отъ тишины мыслей и темноты чувствъ перейти въ свободную, свѣтлую жизнь дѣйствій.

Чуть только кто нибудь упомянетъ объ Америкѣ, всё враги свободы начинаютъ дѣлать насмѣшливыя гримасы и говорятъ: «славная республика, славная свобода, въ которой господствуетъ рабство!» Какъ будто американское рабство — слѣдствіе свободы, какъ будто оно не существовало еще до учрежденія республики! Но — говорятъ эти люди — свобода должна была бы уничтожить старое рабство, а если она не сдѣлала этого, то значить не хотѣла, или не могла. Въ своей ненависти противъ свободы они прибѣгнули къ удивительному средству — начали клеветать на нее: именно, они дѣлаютъ ея необходимыми условіями превосходство и красоту, которыхъ она никогда не имѣла и никогда не обѣщала, и поступаютъ такъ для того, чтобы дѣйствительность была пристыжена ихъ идеаломъ. По ихъ словамъ, свобода должна дѣлать людей ангелами, искоренять всё пороки, всё слабости, оплодотворять другую почву, прояснять мрачное небо; она должна прогонять градъ, наводненія, болѣзни, должна даже дѣлать человека бессмертнымъ! Просто жалко слушать, что они говорятъ въ своемъ отчаяніи. И съ такою жалкою сволочью приходится спорить!

«Итакъ — спрашиваетъ г. Менцель — эту вашу золотую свободу намъ принесутъ французы?» Да кто же сказалъ это? Я? Кто нибудь другой? Пусть г. Менцель назоветъ намъ сумасшедшаго, который утверждаетъ, что народъ можетъ оставаться свободнымъ, когда позволяетъ завоевывать себя; вѣдь и всемірная исторія учитъ, что даже завоевывавшіе народы всегда теряли свою свободу вслѣдствіе завоеванія. Нѣтъ, французы не принесутъ намъ нашу свободу, а мы должны заимствовать ее у нихъ. Мы должны учиться у нихъ, какъ дѣлаться свободнымъ. Мы должны брать у французовъ оерни свободы, ихъ гражданскія учрежденія. Это не французскія изобрѣтенія, не подходящія къ нашему отечеству, это изобрѣтенія нѣмецкія,

нѣкогда перенесенныя нѣмцами во Францію и Англiю. То же самое говоритъ самъ г. Менцель въ одной изъ своихъ толстыхъ книгъ, но читающихся народомъ, и поэтому находящихся подъ монѣе строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Тамъ г. Менцель говоритъ то же, что и мы, и мнѣ хочется составить изъ его толстыхъ книгъ тонкую хрестоматию, вслѣдствiе чего, если г. Менцель будетъ такъ легокъ на ногу, что успеетъ уйти отъ жандармовъ, то я скоро буду имѣть удовольствiе привѣтствовать его въ Парижѣ. Г. Менцель высказываетъ самъ то, въ высказыванiи чего упрекаетъ меня; но онъ говоритъ такъ, что непосвященные не могутъ его понять, — и это потому, что онъ нѣмецкiй ученый!

Нѣмецкiй ученый имѣетъ очень дешевую и удобную мораль, и самый опытный Каргушъ не нашелъ бы никакого возраженiя ни противъ ея цѣны, ни противъ годности... Нѣмецкiй ученый либералецъ, добродѣтелецъ, справедливъ, гуманецъ, снисходителецъ; во всему тому, чего могутъ требовать свобода, добродѣтель, справедливость и гуманность, онъ, по его мнѣнiю, оказываетъ достаточную услугу, когда объявляетъ, что именно хорошо, справедливо и гуманно; послѣ этого онъ считаетъ себя христіански приготовленнымъ къ блаженнѣйшей смерти и говоритъ: *dixi et solvavi animam meam*. Но повторять это каждый день и каждый часъ, пока всѣ не услышатъ; но говорить это не только въ безмолвной, темной книгѣ, но и подъ открытымъ небомъ; но высказывать это на народномъ языкѣ и доказывать справедливость своихъ словъ не только на трупѣ теорiи, но и въ живомъ практическомъ приженiи, — нѣмецкому ученому не приходится и въ голову. Онъ говоритъ: *dixi*. Неужели же вы, глупцы, надѣетесь обмануть Провидѣнiе вашею лицемерною латынью? Оно будетъ судить васъ въ день нѣмецкаго суда, и тогда горе вамъ!

И какъ эти господа знаютъ, понимаютъ, хвалятъ другъ друга! Какъ каждый изъ нихъ радуется, видя въ другомъ свою собственную слабость и беспомощность! Вѣдь хвалятъ же г. Менцель г. фонъ Раумера, этого человѣка съ душою селедки, этого дурака самой строгой середины, который, когда двое враспорятъ о томъ, подъ какииъ совѣздiемъ лежатъ Берлинъ: рана или носорога, сейчасъ же рѣшить, что онъ лежитъ подъ экваторомъ, — который, давая помешину респектатору Галлеру, сейчасъ же даетъ другую благородному Бентаму, — который называетъ свободу позати «тажелю нагруженною тѣлѣго съ ядомъ», и тутъ же, какъ бы въ вознагражденiе, цензуру → «кре-

вососною банкою», а ея красныя черемла — «холодною рыбьей кровью», — который, бросая на одну чашечку въсовъ своего остроумія «радикальныя рѣпки», бросаетъ на другую «консервативныя луковницы», и наполняетъ два толстыхъ тома такую глупою политикою овощной торговли... И этого человѣка г. Менцель хвалить! Конечно, это былъ самый скромный способъ похвалить самого себя.

Все, что г. Раумеръ сказалъ поучительнаго въ своей книгѣ объ Англіи, мы приняли съ благодарностью. Мы оцѣнили его заслуги; онъ достаточно доказалъ, что понимаетъ по англійски, и мы рекомендуемъ его каждому книгопродавцу, нуждающемуся въ переводчикахъ съ англійскаго на нѣмецкій. Мы хотимъ сказать только о томъ, какъ г. Раумеръ поступалъ въ Англіи въ качествѣ нѣнца; о томъ, что вся вода великой Темзы не могла вымыть его грязныхъ пальцевъ, и что его прусская чиновничья душа вернулась изъ чистаго и свободнаго духа Англіи еще безцвѣтнѣе, чѣмъ была до тѣхъ поръ... Г. Раумеръ примѣняетъ къ вигамъ и торіямъ пиагонову теорему: онъ смотритъ на нихъ, какъ на два катета прямоугольнаго треугольника, соединяетъ эти катеты гипотенузою своего собственнаго мнѣнія, и потомъ клянется, что квадратъ его собственнаго мнѣнія такъ же великъ, какъ оба, вмѣстѣ взятые, квадраты обоихъ противоположныхъ мнѣній. Я выражаюсь такъ учено и глупо для того, чтобы показать нѣмецкимъ ученымъ, что и я учился чемунибудь серьезному, и что если обыкновенно я говорю яснымъ и разумнымъ языкомъ, то поступаю такъ только съ гуманною цѣлью — дать возможность каждому понимать меня.

Г. фонъ-Раумеръ хвалитъ торіевъ по чиновничьему долгу, и виговъ — тоже по чиновничьему долгу, потому что, вигажки онъ къ вигамъ враждебное расположеніе, ему никогда бы не представился случай пошпионничать въ лагерьъ враговъ своего правительства. Но каждый разъ, какъ г. фонъ-Раумеръ похвалитъ виговъ, онъ все-таки начинаетъ трусить; онъ дрожитъ отъ страха, чтобы въ Берлинѣ не заподозрили его въ томъ, что онъ хвалитъ виговъ не по долгу службы, а отъ души и вслѣдствіе согласія съ его принципами. Вслѣдствіе этого онъ старается отклонить такое недозрѣніе торжественнѣйшими увѣреніями въ своей благонамѣренности. Каждый разъ, какъ ему приходится хвалить англійскую свободу, онъ прибавляетъ: «свобода въ Англіи стара и выросла на исторической почвѣ; въ Германіи же совсѣмъ другое дѣло.» Это конечно очень сара-

ведливо и естественно: въ Германіи свобода никогда не могла старѣться и сдѣлаться историческимъ явленіемъ, потому что ее всегда испорчили въ зародышѣ. Каждый разъ, какъ г. Раумеръ скажетъ что нибудь хорошее объ англійскихъ реформахъ, онъ спѣшитъ замѣтить, что въ Пруссіи эти реформы давно уже существуютъ.

Г. фонъ-Раумеръ былъ съ визитомъ у О'Коннеля, великаго агитатора, какъ вѣжливо называетъ его весь свѣтъ, потому что онъ имѣлъ счастье не быть повѣшеннымъ въ то время, когда былъ еще маленькимъ агитаторомъ. Г. фонъ-Раумеръ, донося своимъ друзьямъ объ этомъ событіи, пишетъ: «какъ — вскрикнете вы — ты былъ у О'Коннеля, ты? Да, я былъ у О'Коннеля, и какъ видите еще живъ, потому что этотъ человекъ былъ на столько благосклоненъ, что не сожралъ меня.» Но вдругъ г. Раумера начинаетъ разбирать страхъ, чтобы въ Берлинѣ не перетолковали въ другую сторону, что онъ вышелъ отъ О'Коннеля цѣлъ и невредимъ, и не встрѣтилъ въ немъ людоеда. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ принимается издѣваться надъ маленькими демагогами, сидящими въ Коненкиѣ и другихъ нѣмецкихъ крѣпостяхъ, и говорить, что всѣ они карлики и жалкія творенья въ сравненіи съ великимъ агитаторомъ. Какимъ именемъ называть этотъ поступокъ?..

Слѣдующее мѣсто дастъ самое лучшее понятіе объ образѣ мыслей г. фонъ-Раумера и г. Менцеля, сочувствующаго ему:

«Благородно и похвально, что изгнанные испанцы и французы, какъ ни строги они въ промѣненіи приговора надъ своими противниками, все-таки любятъ свое отечество выше всего на свѣтѣ; что чуть назовутъ при нихъ Испанію или Францію, пламя ихъ воодушевленія проявляется въ ихъ взглядахъ, движеніяхъ, словахъ. Только на долю Германіи выпалъ тотъ позоръ, что нѣмцы, большую часть которыхъ выгнала изъ отечества ихъ собственная глупость, бродятъ между другими народами и считаютъ для себя честью обвинять свое отечество безъ любви и безъ чувства. Не любовь вызываетъ ихъ жалобы и краснорѣчіе, а ненависть, тщеславіе и высокомеріе. Вмѣсто того, чтобы заботливо руководить другими, вмѣсто того, чтобы съ самопожертвованіемъ содѣйствовать излеченію заблѣвшаго отечества, они радуются каждому новому недугу его и, подобно коринунамъ прометей, терзаютъ внутренности виновника своей жизни. Впрочемъ, этотъ севернѣйшій классъ ультра-либераловъ весьма рѣдко возникаетъ на нѣмецкой почвѣ; большая часть ихъ

принадлежить народу, который нѣкогда былъ силою вовлеченъ въ плоскій космополитизмъ и который часто взвѣшиваетъ на вѣсахъ холоднаго разсудка отношенія семейныя, служебныя и т. п., рѣзать ихъ анатомическимъ ножомъ и разлагаетъ химическими кислотами.»

Нѣмецкіе бѣглецы славные и энергическіе люди, и честность ихъ поведенія поставила ихъ такъ высоко, что клеветы низкихъ лаекеевъ не могутъ достигнуть ихъ. Они переносятъ изгнаніе изъ отечества и жесточайшія лишенія съ добродѣтельной твердостью, и поддерживаютъ жизнь трудомъ своего ума или, что еще благороднѣе, трудомъ своихъ рукъ. Даже въ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ они никогда не пользовались поддержкою, которую великодушіе и гуманность французскаго народа уже шесть лѣтъ предлагаютъ изгнанникамъ всѣхъ странъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ французскаго правительства, въ которыхъ оно отдаетъ отчетъ въ употребленіи милліоновъ, назначенныхъ на пособіе эмигрантамъ, видно, что этимъ пособіемъ воспользовалось около семи тысячъ испанцевъ, итальянцевъ и др., и между этими семью тысячами мы встрѣчаемъ только одного нѣмца. И этого одного мы хорошо знаемъ: онъ одинъ изъ лучшихъ между всѣми своими товарищами, и только желаніе довершить свое образованіе побудило его не отвергать гуманности французскаго правительства.

Несомнѣнно, что между нѣмецкими бѣглецами есть и продажныя негодяи; но они получаютъ жалованье не изъ-за границы, не отъ французскаго правительства, а отъ нѣмецкаго. Это тѣ господа, которыхъ нѣмецкая полиція, *подъ маскою божавимыхъ патріотовъ*, каждый день посылаетъ въ Парижъ, Лондонъ и Швейцарію для того, чтобы надзирать и шпионить за настоящими патріотами, и въ то же время навлекать на этихъ послѣднихъ подозрѣніе въ томъ, что они проданы полиціи. Эти нѣмецкіе шпионы именно тѣ люди, которые громче всѣхъ другихъ ругаютъ свое отечество и которыхъ чаще всего можно встрѣтить въ конторахъ оппозиціонныхъ газетъ Парижа, куда они, для приобрѣтенія довѣрія, каждый день доставляютъ самыя ругательныя статьи противъ нѣмецкихъ правительствъ.

Совершенно справедливо восклицаетъ г. фонъ-Раумеръ: «Только на долю Германіи выпалъ тотъ позоръ, что нѣмцы обвиняютъ свое отечество». Тѣмъ хуже. Изгнанные испанцы, французы и др. не имѣютъ нужды жаловаться на свое отечество; ихъ жалобы направ-

лены только противъ ихъ *противниковъ*, (какъ осторожно выражается г. фонъ-Раумеръ). Тутъ весь народъ дѣйствовалъ за одно, весь народъ вмѣстѣ сражался за свои права... Но въ Германіи, много ли людей сражались словомъ и дѣломъ за права родины? Развѣ народъ не погинулъ этихъ людей? Развѣ большинство, не смотря на то, что оно тоже чувствовало гнетъ, не стояло въ сторонѣ, выжидая развязки, всегда готовое раздѣлить добычу послѣднихъ и никогда — опасности битвы? Не отъ своихъ противниковъ нѣмецкіе патріоты потерпѣли поражение, а отъ малодушной трусости своихъ друзей. И пусть они радуются *каждому новому недугу своего отечества*, падѣясь, что эта радость наконецъ приведетъ въ броженіе ихъ молочносердечныхъ гражданъ; пусть они радуются, что тѣ слабыя головы, которыя всегда старались умѣрять всякое воодушевленіе и старались превращать горячую любовь къ отечеству въ холодную научную любовь, — наказаны за свой умѣренный либерализмъ такъ же жестоко, какъ они за либерализмъ необузданный; за свое терпѣніе такъ же, какъ они за нетерпѣніе; за свои рѣчи и слова такъ же, какъ они за поднятіе оружія;—эту злбную радость можно всегда простить бѣднымъ нѣмецкимъ бѣглецамъ.

Г. фонъ-Раумеръ и г. Менцель стоятъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, и поэтому ихъ лозунгъ одинаковъ. Г. Менцель получилъ пароль — каждаго нѣмецкаго писателя, выказывающаго привязанность къ Франціи, объявлять *евреемъ*, и онъ зашелъ такъ далеко въ пылу своей патріотической службы на форпостахъ, что совершилъ обрѣзаніе надъ всею *молодою Германією*, тогда какъ въ ней не было ни одного еврея, и предалъ вѣчному прозятію множество христіанскихъ душъ. Но г. фонъ-Раумеръ зашелъ еще дальше г. Менцеля. Онъ барабанитъ, что большая часть нѣмецкихъ бѣглецовъ «не возникла на нѣмецкой почвѣ, а принадлежитъ народу, который нѣкогда былъ силою вовлеченъ въ плоскій космополитизмъ»; переведенныя съ тарабарской грамоты автора «радикальныхъ рѣпокъ» на нѣмецкій языкъ, эти слова означаютъ, что большая часть политическихъ бѣглецовъ — евреи. А между ними нѣтъ рѣшительно ни одного еврея! Но г. фонъ-Раумеру не слѣдовало бы такъ злобствовать противъ этого плоскаго космополитизма, который *силою* вовлекъ евреевъ на нѣмецкую почву, такъ какъ онъ самъ былъ *вовлеченъ силою* этого плоскаго космополитизма въ домъ а всѣхъ еврейскихъ банкировъ Берлина, у которыхъ онъ блудо

лизили всю свою жизнь. Если бы сотни политических преступников не были, вследствие тюремного заключения, совѣмъ отрѣзаны отъ жизни, если бы они могли громко произнести хотя одно слово жалобы, — то и объ нихъ, въ надеждѣ ослабить участіе къ ихъ несчастной судьбѣ, стали бы распространять ложное увѣреніе, что они евреи. О, жалкіе люди!

Г. Менцель, напечатавъ въ своей газетѣ вышеприведенное мѣсто изъ писемъ г. фонъ-Раумера, дѣлаетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: «Такъ всѣ честные люди Германіи смотрятъ на дѣйствія этихъ людей, которые, *живя за границею тамошнимъ жалованьемъ*, издѣваются надъ своимъ священнымъ отечествомъ». Если г. Менцель причисляетъ къ честнымъ людямъ себя и г. фонъ Раумера, то нѣмецкимъ бѣглецамъ остается улыбаться, когда онъ называетъ ихъ наемными негодяями.

Если я замѣтилъ, что между нѣмцами бѣглецами совѣмъ нѣтъ евреевъ, то сдѣлалъ это конечно не съ тѣмъ, чтобы похвалить этихъ послѣднихъ; но я былъ бы больше радъ, еслибъ могъ сказать противное. Но оправдать ихъ я считаю долгомъ. Еврей можетъ сглотить одинъ разъ, но два раза это случается съ нимъ весьма рѣдко. Множество евреевъ взошло за оружіе противъ Наполеона и сражалось за свободу своего нѣмецкаго отечества. Но когда они вернулись домой въ числѣ побѣдителей, ихъ, не смотря на хваленую вѣрность и справедливость нѣмцевъ, снова обратили въ илоты. Впрочемъ, не вездѣ ждали даже ихъ возвращенія. Именно во Франкфуртѣ, въ то время какъ еврейскіе волонтеры находились на полѣ битвы, у ихъ родственниковъ, оставшихся дома, снова отняли гражданскія и политическія права, которыми они пользовались, благодаря вліянію французскаго законодательства. Въ то время я былъ еще молодъ, и это дѣло представилось мнѣ въ комическомъ свѣтѣ. Мой родной братъ ушелъ во Францію съ другими франкфуртскими волонтерами, и между тѣмъ, какъ моя мать горевала и боялась, что ея любимый Филиппъ (такъ звали его) лишится жизни за нѣмецкую свободу, меня лишили должности за то, что я былъ еврей. Вотъ почему легко проученные евреи приняли самое незначительное участіе въ волненіяхъ, послѣдовавшихъ въ Германіи за іюльской революціей... Мы подождемъ — думали они — чѣмъ дѣло рѣшится; если побѣдитъ свобода, то у насъ всегда будетъ время объявить себя патриотами.

Возвращаемся снова отъ учителя къ ученику прусской школы. По словамъ г. Менцеля, мы хотимъ, чтобы французы, сначала посредствомъ льстивой дружбы, а потомъ посредствомъ нашествия, внесли къ намъ добродѣтельную республику покойнаго Максимилиана Робеспьера; но онъ находитъ, что мы обочились въ расчетъ, потому что времена очень измѣнились, и Франція клонится къ упадку, а Германія возвышается. Этотъ взглядъ на вещи рѣшительно не удивляетъ меня въ такомъ благонамѣренномъ нѣмцѣ, какъ г. Менцель. Благонамѣренные нѣмцы не смотрятъ ни на чашечки вѣсовъ, ни на вѣсъ, ни на взвѣшиваемое, но только на стрѣлку, которая однако весьма легко вводитъ въ заблужденіе. Стрѣлка можетъ наклониться на одну сторону въ то самое время, когда большій вѣсъ находится на сторонѣ противоположной. Г. Менцель говоритъ :

«Кто все еще продолжаетъ жить въ старыхъ грезахъ французской революціи, тотъ рѣшительно не замѣчаетъ, что воспроизведеніе того времени измѣнилось по отношенію къ формѣ и мѣсту. Жалкое пережевыванье старыхъ вещей во Франціи доказываетъ, что сила созданія новыхъ вещей совершенно уничтожилась въ ней, между тѣмъ, какъ почти во всѣхъ странахъ Европы, она движется весьма живо.

«Спокойный прогрессъ матеріальныхъ и умственныхъ интересовъ Германціи подготавливаетъ собою всемірно-историческую эпоху, съ высоты которой люди будутъ когда набудь съ улыбкою смотрѣть на тѣхъ, кто, повернувъ назадъ шею, не умѣлъ оторваться отъ французскихъ иллюзій. Въ томъ, что это развитіе идетъ медленнымъ путемъ, заключается причина того, что фанатики совсѣмъ не понимаютъ его. Но сами французы не такъ фанатичны, какъ нѣмецкіе друзья французовъ. Они видятъ вещи лучше насъ, правильнѣе судятъ насъ и только остерегаются произвѣсть опасное слово. Несомнѣнно, что проникательные люди Франціи и лучшіе патріоты ея не довѣряютъ своей собственной будущности, и напротивъ того съ боязливымъ предчувствіемъ смотрятъ на нѣмецкій народъ, потому что знаютъ, что слѣдующія столѣтія будутъ принадлежать ему».

Слѣдующія столѣтія не будутъ принадлежать ни нѣмцамъ, ни французамъ, ни какому либо другому народу, а всему человѣчеству. Это будетъ печальное время, когда лезть не будетъ приносить никакихъ барышей, а періодическія дезертировки не будутъ доставлять возможности учетверять наличныя деньги! Но какая бестія — шпионъ напелъ г. Менцелю такую глупую небылицу о Франціи?

То, что французы жевали и пережевывали въ продолженіи сорока лѣтъ, они переварили шесть лѣтъ тому назадъ, и теперь эта пища принадлежитъ имъ навсегда. То, что они жуютъ теперь—совсѣмъ новое кушанье, котораго г. Менцель, по видимому, совсѣмъ не отвѣдалъ.

Какое же это «опасное слово», котораго французы не смѣютъ произнести? Опаснѣйшее слово для французовъ XIX ст.—*Менцель*, а между тѣмъ, начини я кричать это имя во всѣхъ городахъ и деревняхъ, на всѣхъ улицахъ,—во всей Франціи не нашлось бы даже самой дряхлой старухи, которая испугалась бы его. Какъ! французы смотрятъ съ «боязливымъ предчувствіемъ» на нѣмецкій народъ?..... Нѣтъ, французы не боятся нѣмцевъ, да и не имѣютъ надобности бояться ихъ. Если нѣмцы сдѣлаются свободными,—они станутъ лучшими друзьями и вѣрнѣйшими союзниками французовъ; если же они не выйдутъ изъ своего теперешняго положенія, — въ каждой войнѣ ихъ будутъ разбивать, какъ голландскія глиняныя трубы.

«Чѣмъ болѣе черными красками — говоритъ Менцель — г. Берне рисуетъ нѣмецкія дѣла, тѣмъ свѣтлѣе становится истина, что нѣмецкій народъ родился подъ особенно счастливою звѣздою. Безпристрастный чужеземецъ, читающій все, что г. Берне написалъ чернѣйшими чернилами о жалкомъ положеніи нѣмцевъ, и потомъ при личномъ знакомствѣ съ нами находящій въ насъ народъ храбрый, цвѣтущій благосостояніемъ, нравственно-чистый, страшный въ своемъ національномъ вооруженіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренный, медленно идущій по пути конституціоннаго развитія, но непремѣнно долженствующій созрѣть,—этотъ чужеземецъ долженъ повторить то, что за полторы тысячи лѣтъ сказалъ о насъ одинъ римлянинъ: чудное дѣло, что природа надѣлила нѣмцевъ тѣмъ, до чего мы едва можемъ достигнуть самыми усиленными дипломатическими трудами».

Тутъ рѣчь не о томъ, каковы были нѣмцы за полторы тысячи лѣтъ, а о томъ, каковы они теперь. Великіе подвиги предковъ не снимаютъ вины съ потомковъ и только громче свидѣтельствуютъ объ уваженіи этихъ послѣднихъ. То, что намъ даетъ природа, счастье, а не заслуга; заслуга состоитъ только въ мудромъ пользованіи счастьемъ. Кто родился подъ счастливою звѣздою и своими преступленіями и глупостями заставилъ лгать и колебаться даже правдивыя и неподвижныя звѣзды, такъ что онѣ превратили свою любовь въ ненависть,—тотъ пусть не хвалится своею счастливою

звѣдой, а молчать, чтобы про нее забыли..... Сказать правду, г. Менцель владѣеть оружіемъ крайне искусно; онъ хватается за клинокъ рукою, а противнику протягиваетъ рукоятку. Ничего нѣтъ легче, какъ обращать его возраженія противъ него же самого.

Праведный Боже! что это за сила духа, о которой говоритъ г. Менцель, когда она боится показать свое значеніе? И что за похвальба свободою духа? Кто не свободенъ духомъ? Всѣ, вездѣ и всегда; свободны въ темницѣ, на кострѣ, въ пустынѣ, въ толпѣ дураковъ... Даже г. Менцель свободенъ духомъ, и его мысли могутъ насмѣхаться надъ его словами.

Г. Менцель говоритъ еще о «неизмѣримомъ богатствѣ» нѣмецкой литературы; этимъ онъ можетъ распоряжаться какъ ему угодно еще цѣлое столѣтіе;—въ настоящее время у насъ есть дѣла гораздо важнѣе, а черезъ сто лѣтъ мы обратимся и къ этому. Развѣ у французовъ и англичанъ не такая же богатая литература? А вѣдь она не помѣшала имъ сохранить свои права! Каждый парижскій ремесленникъ осмѣялъ бы ученаго дурака, который вздумалъ бы сказать ему: «у насъ есть Монтань, Раблэ, Корнель, Расинъ, Мольеръ, Декартъ, Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, Дидро, Шатобрианъ; у насъ есть королевская бібліотека, состоящая изъ полумилліона томовъ и восьмидесяти тысячъ манускриптовъ; для чего же вамъ свобода печати?» Скажи каковоинибудь безстыдный книжникъ въ Англіи: «у насъ есть Беконъ, Шекспиръ, Ньютонъ, Поупъ, Мильтонъ, Байронъ, Юмъ, Гиббонъ, для чего же вамъ парламентскія реформы?»—каждый лондонскій носильщикъ схватилъ бы его въ охапку, встряхнулъ и возразилъ бы ему: «*вы*—вы, а *мы*—мы, и мы больше, чѣмъ вы».

Г. Менцель говоритъ, что нѣмцы идутъ медленно и безопасно по пути своего конституціоннаго развитія. Что касается безопасности, то я не совѣтую никому принимать въ обезпеченіе какую бы то ни было нѣмецкую конституцію, потому что всѣ нѣмецкія конституціи принадлежатъ къ разряду движимыхъ имуществъ. Что же касается медленности, то тутъ дѣло зависитъ отъ того, какъ г. Менцель понимаетъ медленность. Одинъ кающійся грѣшникъ, отправившійся въ Римъ, дѣлалъ послѣ каждыхъ двухъ шаговъ впередъ одинъ назадъ; такимъ образомъ онъ подвигался медленно, но наконецъ все-таки пришелъ на мѣсто. Нѣмцы же на пути своего конституціоннаго развитія дѣлаютъ послѣ cadaго шага впередъ два назадъ. Значить ли это идти медленно и безопасно? Впрочемъ,

можетъ быть, г. Менцель думаетъ, что къ прогрессу можно придти и съ противоположной стороны, потому что земля кругла; въ такомъ случаѣ, я не оспариваю его мнѣнія. Но я не могу оставить безъ возраженія его «страшнаго національнаго вооруженія» — не могу ни по причинѣ существительнаго, ни по причинѣ прилагательнаго. Серьезно ли говорить это г. Менцель, или шутить? Какъ знать? Какъ разгадать шутки, которыя его *свобода мысли* дѣлаеть втихомолку?

Развѣ вооруженіе Германіи есть вооруженіе *націи*? Нѣтъ, это вооруженіе *противъ* націи. Неужели г. Менцель думаетъ, что большія приготовления къ войнѣ, дѣлаемыя уже шесть лѣтъ сряду нѣмецкими правительствами, направлены противъ французовъ? Нѣтъ, о войнѣ съ Франціею до сихъ поръ не смѣютъ думать. Всѣ эти приготовления дѣлались для того, чтобы охранять здоровый сонъ, паузы и родильныя муки храбраго, цвѣтущаго благососвоиеніемъ, нравственнаго и безмѣрно-богатаго книгами нѣмецкаго народа. А грозность этого вооруженія лежитъ только въ бумагахъ франкфуртской военной комиссіи; ни въ какомъ другомъ мѣстѣ вы ее не найдете. Соединенныя силы успѣшно дѣйствуютъ только тамъ, гдѣ господствуетъ единодушіе, а единодушіе нѣмецкихъ правительствъ выказывалось до сихъ поръ только въ повелѣніяхъ объ арестѣ бѣжавшихъ патріотовъ. Австрія и Пруссія въ душѣ ненавидятъ другъ друга и не довѣряютъ одна другой; обѣ они вмѣстѣ не довѣряютъ мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ, эти въ свою очередь не довѣряютъ другъ другу, и всѣ вмѣстѣ не довѣряютъ своимъ народамъ... И это г. Менцель называетъ страшнымъ національнымъ вооруженіемъ!

«Въ Германіи — пиннетъ онъ — въ тѣни растетъ больше плодовъ, чѣмъ во Франціи на солнцѣ. Это только доказываетъ намъ, что въ нашемъ народѣ отличная почва, а когда почва хороша, въ солнцѣ, не смотря на то, что оно замѣнчиво, никогда не будетъ недостатка. Я тоже вижу черныя тѣни, я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ дурное хорошимъ, а хорошее — самымъ лучшимъ, но именно поэтому я не могу быть на столько слѣпымъ, чтобы не видѣть, чтѣ есть хорошаго и великаго въ нѣмецкой натурѣ.

«Явленія, по которымъ у другихъ народовъ можно заключать о глубочайшемъ паденіи націи, у насъ никакимъ образомъ не могутъ приводить къ такимъ заключеніямъ. Поверхность нашего существо-

ваша можетъ вынести много, но зерно остается при этомъ неприкосновеннымъ. Нашъ великій народъ созданъ очень прочно. Онъ не чувствуетъ многихъ ранъ, отъ которыхъ другіе народы изошли бы кровью. Онъ, подобно отдыхающему льву, не обращаетъ вниманія на многія оскорбленія, которыя другихъ звѣрей приводятъ въ бѣшенство. Онъ, подобно спящему великану, котораго богъ — громовержецъ ударилъ молоткомъ, думаетъ, что это древесный листъ упалъ къ нему на носъ».

Право, есть на свѣтѣ глупости, которыя могутъ совершенно сбить съ толку. Такъ и я стою теперь ошеломленный, точно дуракъ, съ раскрытымъ ртомъ, и рѣшительно не знаю, что сказать. Я, не боящийся самыхъ сильныхъ доводовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нахожусь подъ прикрытіемъ права, боюсь снѣжныхъ шаровъ, бросаемыхъ мнѣ въ голову г. Менцелемъ! Такъ однажды я видѣлъ, какъ возмущившійся народъ не отступалъ передъ пулями, и въ ужасѣ разбѣжался, когда въ него пустили водой изъ пожарной трубы.

Гдѣ только г. Менцель беретъ всѣ эти померанцы и сахарныя головы! Онъ — тихій океанъ лимонада, посредствомъ котораго можно превратить французскій національный конвентъ въ прохладный богемскій сеймъ. Какъ диамантъ онъ, когда прославляетъ терпѣніе нѣмецкаго народа! Это Пиндаръ разбитыхъ, Гомеръ Терситовъ! Если бы торпиды знали, какой усыпляющій духъ господствуетъ въ пѣсняхъ г. Менцеля, они послѣшили бы призвать его въ Англію для того, чтобы онъ, какъ Тиртей въ новомъ родѣ, вдохнулъ въ англійскій народъ трусливое малодушіе. Несомнѣнно, что Александры Македонскіе изъ числа нѣмецкихъ гофратовъ держатъ у себя подъ подушкой газету г. Менцеля. Я же... но, можетъ быть, г. Менцель просто хотѣлъ подшутить надо мною? Въ такомъ случаѣ, я обвиняю его съ восторгомъ, потому что попытка его удалась превосходно: онъ привелъ меня въ совершенное бѣшенство.

Нѣмецкій народъ «не чувствуетъ многихъ ранъ, отъ которыхъ другіе народы изошли бы кровью; онъ, подобно отдыхающему льву, не обращаетъ вниманія на многія оскорбленія, которыя другихъ звѣрей приводятъ въ бѣшенство». Левъ не обращаетъ вниманія на мышъ, играющую въ его гривѣ, и на комара, щекочущаго его; но позволить ли онъ ослу топтать его ногами или тигру вонзатъ острые зубы въ его мясо? А развѣ нѣмцы терпятъ оскорбленія только отъ мышей и комаровъ? «Онъ, подобно спящему великану, котораго

богъ — громовержецъ ударилъ молоткомъ, думаетъ, что это древесный листъ упалъ къ нему на носъ». Я не знакомъ съ великаномъ, о которомъ говорить г. Менцель, но не особенно хорошаго мнѣнія о немъ. Что это за герой, который, получая ударъ кулакомъ отъ своего врага, улыбается и говорить: «я принялъ это за щелчокъ въ носъ». Если это былъ щелчокъ, то тѣмъ позорнѣе было оскорбленіе и тѣмъ сильнѣе должно бы оно пахнуть кровью. Честь пощипывается не въ кожѣ, а въ сердцѣ. Но великанъ спалъ, а громовержецъ бодрствовалъ! Я знаю очень хорошо изъ «Макробютики» Гуффеланда, что человѣкъ долженъ спать, по крайней мѣрѣ, шесть часовъ въ день; но изъ той же «Макробютики» я знаю, что больше осьми часовъ ему спать не слѣдуетъ. А нѣмецкій великанъ — народъ спитъ день и ночь, и каждый день, и цѣлый годъ, и уже три столѣтія! Это нездорово. Громовержецъ нѣмецкаго великана-народа — союзный сеймъ; онъ колотитъ его по головѣ молоткомъ своихъ приказаній, а нѣмецкій народъ вѣваетъ, улыбается и говорить: «мнѣ это показалось листомъ бумаги!» Тутъ ужъ гордость льва и великана доведена до слишкомъ большихъ размѣровъ, и все это, правда, очень диофранбично, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень глупо.

«Г. Бёрне — продолжаетъ г. Менцель — очень хорошо чувствуетъ, что терпѣливость, съ которою мы принимаемъ всѣ его оскорбленія, составляетъ его жесточайшее наказаніе. Онъ не тиеславенъ, но какому смертному не было бы лестно вести одному войну съ цѣлымъ народомъ? Изъ своего безопаснаго убѣжища въ Парижѣ, онъ бросаетъ въ нашу страну всѣ ругательства, какія только можетъ придумать его умъ и все-таки не можетъ добиться, чтобы мы хоть одинъ разъ разгнѣвались. Мы видимъ, что во многихъ вещахъ онъ правъ, а за другія многія вещи, въ которыхъ онъ неправъ, мы очень можемъ простить ему, потому что онъ боленъ, страдаетъ ужаснымъ сплиномъ, мучитъ своими причудами самого себя гораздо больше, чѣмъ другихъ, и было бы очень несправедливо, если бы великая нѣмецкая нація отказала въ состраданіи маленькому большому человѣку, живущему въ Парижѣ».

Неужели г. Менцель дѣйствительно убѣжденъ, или онъ хочетъ только убѣдить другихъ, что изъ всѣхъ нѣмцевъ я одинъ возстану противъ нѣмецкаго народа? Пусть г. Менцель выпроситъ на нѣсколько дней свободу печати, и окажется, что скорѣе г. Менцель и его партызаны — исключительные враги нѣмецкаго народа. Онъ

говорить о моемъ «безопасномъ убѣжищѣ въ Парижѣ». Уже не писать ли мнѣ во Франкфуртѣ? Тамъ меня спрятали бы лучше, чѣмъ въ Парижѣ, и если г. Менцель желаетъ лично поговорить со мною, то съѣздить въ Парижъ ему обошлось бы дешевле, чѣмъ подкупить моего тюремщика. И эти люди говорятъ объ укрывательствѣ! Не я, а вы говорите изъ безопаснаго убѣжища. Вы не посмѣли бы говорить такъ, еслибы не были увѣрены въ вашей безопасности.

По словамъ г. Менцеля, я во многихъ вещахъ правъ и во многихъ неправъ; но онъ не говоритъ, въ чемъ именно проявляются моя справедливость и несправедливость. Онъ одѣваетъ все голубымъ туманомъ, увѣряетъ свѣтъ, что я скрываюсь за этимъ туманомъ, и старается объяснить, откуда онъ пришелъ ко мнѣ. Онъ объясняетъ мои печальныя видѣнія болѣзнями моей печени и еще болѣе глубокими болѣзнями. Пусть никто не удивляется тому, что тутъ сопоставлены религія и пищевареніе; на свѣтѣ есть много людей, которыхъ единственную религію составляетъ ихъ пищевареніе, а священнѣйшій обрядъ—приготовленіе къ этому процессу.

Г. Менцель называетъ меня «перебѣжчикомъ» и осмѣливается проносить это слово! А вѣдь, мнѣ еще памятно время, когда г. Менцель цѣнилъ меня очень высоко, когда онъ писалъ, что Германія—моя невѣста и что если я невѣжливо обращаюсь съ ней, то это ничто иное, какъ сердитое настроеніе влюбленнаго человѣка. Что же, развѣ я измѣнился съ тѣхъ поръ? Нѣтъ, измѣнилось время, измѣнилось направленіе вѣтра, измѣнились опасенія и надежды. Въ то время г. Менцель еще не былъ членомъ виртембергской палаты, и масса либерализма служила ему для пріобрѣтенія мѣста въ кругу либеральныхъ людей. Но чуть только карнавалъ прогресса кончился, г. Менцель явился въ своемъ настоящемъ видѣ. Но пусть онъ маскируется, какъ ему угодно, меня онъ не обманетъ, какъ обманываетъ, можетъ быть, многихъ другихъ. Куда онъ ни крадется, я слѣдую за нимъ, какъ минутная стрѣлка, знаю, куда онъ пробирается, знаю, гдѣ его цѣль, знаю часъ, въ который онъ достигнетъ ее.

Но тутъ я долженъ *вполнѣ* высказать мое мнѣніе о г. Менцелѣ, потому что строжайшій долгъ повелѣваетъ мнѣ избѣгать обвиненія въ легкомысленномъ противорѣчій съ самимъ собою. Если я упомянулъ выше объ *инструкціяхъ* г. Менцеля, если я назвалъ его «грязнымъ прислужникомъ Allgemeine Zeitung, повѣреннымъ нѣмецкаго союзнаго сейма», то прошу, какъ его самого, такъ и всѣхъ

моихъ читателей, не толковать этихъ словъ въ другую сторону. Я не хочу сказать ими, что г. Менцель продалъ себя, что онъ отрелся отъ своего дѣйствительнаго убѣжденія, и началъ лицемерить только для того, чтобъ льстить сильнымъ покровителямъ;—я не говорю этого, потому что не думаю. Я встаю только противъ тщеславія его сердца, слабости его ума и совершеннаго непониманія политическихъ вещей. Менцель не первый, сдѣлавшійся изъ друга прогресса врагомъ его, и совершившій эту измѣну не потому, что образъ мыслей его перемѣнился, но потому, что онъ увидѣлъ себя не въ силахъ быть долѣе полезнымъ прогрессу, или боялся открыто называть себя его приверженцемъ. И кромѣ его было много людей, которые дѣлали изъ своего бѣдственнаго положенія добродѣтель, но не оставляли этого безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, что было бы еще простительнѣе, а объявляли эту вынужденную добродѣтель добровольнымъ дѣломъ, и въ то же время признавали упорствомъ, нелѣпостью и нечестіемъ страданія тѣхъ, которые продолжали чувствовать ихъ. Что было причиною того, что въ прежнее время Гёрресъ, Шлегель, Стеффенсъ, Захарій Вернеръ и многіе другіе благородные нѣмцы упали изъ царства солнечнаго свѣта и истины въ царство тьмы и безумія? что сдѣлало ихъ изъ орловъ совами, изъ мыслителей мистиками? Отчаяніе въ самихъ себѣ, въ отечествѣ и въ мірѣ. Увидѣвъ себя въ невозможности пріобрѣсть свободу жизни, они бѣжали къ свободѣ смерти. Чтобы не оставаться долѣе узниками, они сдѣлались тюремщиками и начали такъ гордо побрякивать своими ключами, какъ будто ими они открыли дверь истинѣ, а не затворили ее; и тутъ пришли къ нимъ всѣ лицемеры и дураки, и стали цѣловать ключи истины и чтить добродѣтельныхъ ключарей.

Но—спросятъ меня, можетъ быть, читатели—чего собственно хотеть г. Менцель и въ чемъ заключается причина его странной идиосинкразій противъ французовъ? Отвѣчать на это не трудно: г. Менцель—штутгартскій «Петръ Пустынникъ». Онъ умоляетъ набожныхъ германскихъ князей завосвать Францію, и за это богоугодное дѣло обѣщаетъ имъ отпущеніе всѣхъ ихъ грѣховъ и слабостей *).

*) Послѣ этого у Бёрне идетъ выписка изъ нѣкоторыхъ офенціальныхъ документовъ Австріи и Пруссіи;—онъ приводитъ ее для того, чтобы показать, какъ эти правительства смотрѣли на нѣмецкій народъ и какимъ взглядомъ обуславливались дѣйствія Менцеля и ему подобныхъ.

Эти официальные документы достаточно говорят сами за себя, и дальнѣйшія замѣчанія были бы совершенно излишни... Изъ нихъ вообще видно, что нѣмецкія правительства судили о нѣмецкомъ народѣ точно такъ же, какъ и я, а себя выставляли въ такомъ же свѣтѣ, въ какомъ я старался ихъ представить; — такимъ образомъ, изъ всего этого слѣдуетъ, что я *не боленъ сплиномъ* и не чревоушитель. Поэтому, пусть г. Менцель на будущее время обращаетъ больше вниманія на мою грудь и голову, чѣмъ на желудокъ, и обратитъ эту желудочную нѣжность на какойнибудь другой, болѣе привлекательный, предметъ. То, что онъ считаетъ во мнѣ сплиномъ, или скорѣе то, что ему угодно выдавать за сплинь, ничто иное, какъ *splendida, mascula bilis*, которая во всякое время украшаетъ человѣка, а въ настоящее не только украшаетъ, но еще защищаетъ его самого, его честь и снокойствіе. Кто въ этомъ позорномъ, зачумленномъ свѣтѣ хочетъ не заразиться и остаться здоровымъ, тотъ долженъ купаться въ уксусѣ, чтобы держать въ далекомъ разстояніи отъ себя всѣ свинцово-сладкія сердца и изволовившіяся лавандныя души. Но на свѣтѣ есть еще довольно хорошихъ людей, которые всегда пожимаютъ руку честнаго человѣка, будь она даже кисла отъ уксуса; эти-то люди понимаютъ меня и улыбаются мнѣ.

И. Вейнбергъ.

ЛЮДИ И ПРИРОДА НА АМАЗОНСКОЙ РѢКѢ.

The Naturalist on the River Amazons; A record of Adventures, habits of animals, sketches of Brazilian and Indian life, and aspects of Nature under the Equator, during eleven years of travels, by *Henry Walter Bates*. London, 1863, two vol.

(Естественный испытатель на Amazonской рѣкѣ; Записки о приключеніяхъ, нравахъ животныхъ, очеркахъ бразильской и индійской жизни, и картинахъ природы подъ экваторомъ, составленныя, въ теченіе одиннадцатилѣтняго путешествія, Генри Уальтеромъ Батсомъ.—Лондонъ, 1863, два тома).

Дарвинова теорія *естественнаго подбора родичей* (natural selection) давно уже занимала преимущественно двухъ англійскихъ ученыхъ натуралистовъ — Уалласа и Батса. Послѣ долгихъ споровъ и обширной переписки относительно вопроса о *происхожденіи вида*, оба названные ученые, согласившись предварительно, съѣхались въ Лондонъ, для общаго и одновременнаго изученія животныхъ и растений Южной Америки, заключающихся въ лондонскихъ музеяхъ и коллекціяхъ. Отсюда они вскорѣ отправились вмѣстѣ въ Южную Америку, для изученія природы береговъ Амазонки и ея главнѣйшихъ притоковъ. Послѣ двухлѣтнихъ странствованій вдвоемъ, путешественники разъѣхались. Уалласъ, проѣздивъ еще два года, возвратился въ Европу и успѣшилъ издать описаніе своего путешествія; но Батсъ остался, для продолженія своихъ изслѣдованій, еще на семь лѣтъ, такъ что все его путешествіе длилось одиннадцать лѣтъ. Возвратясь въ Англію, въ 1859 году, Батсъ, при совѣтахъ и денежной помощи знаменитаго Дарвина, занялся редакціей записокъ,

веденныхъ имъ во все время путешествія и обработкою добытыхъ научныхъ результатовъ, и въ 1863 году явились въ свѣтъ два изданные имъ тома, чрезвычайно интересные содержаніемъ и отличающиеся какъ занимательностію подробностей, такъ и удивительною простотою изложенія. Безыскусственность разсказа на каждомъ шагу свидѣтельствуешь объ искренности автора, а интересъ чтенія поддерживается съ первой страницы до послѣдней, не смотря на то, будетъ ли эту книгу читать натуралистъ, или просто образованный человекъ, чуждый специальности естествознанія. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ этой книги, о которой англійская критика успѣла высказать нѣсколько самыхъ благопріятныхъ отзывовъ.

Батсъ, вмѣстѣ съ Уалласомъ, отправился изъ Ливерпуля, 26 апрѣля 1848 г., на небольшомъ купеческомъ суднѣ и, ровно чрезъ мѣсяцъ, прибыли къ Салинасу, гдѣ суда отправляющіяся въ Пару, берутъ лоцмановъ. Пара—единственный портъ, чрезъ который можно проникнуть во внутренность обширныхъ странъ, орошаемыхъ Амазонкою; а Салинасъ, небольшая деревня, основанная нѣкогда іезуитскими миссіонерами, въ нѣсколькихъ миляхъ къ востоку отъ потока Пары, имѣющаго при устьѣ ширину болѣе 50 верстъ. Городъ Пара построенъ въ ста верстахъ выше по рѣкѣ, и въ этомъ мѣстѣ она еще имѣетъ въ ширину до 30 верстъ; но противъ самаго города начинается рядъ острововъ, значительно суживающихъ ложе рѣки. Приливъ моря сильно и далеко поднимается вверхъ по Парѣ; за то могучая Амазонка залихватъ самые сильные приливы огромною массою своихъ мутныхъ водъ, и движеніе ихъ къ Океану не побѣждается приливами, какъ въ Парѣ. Даже цвѣтъ воды въ Парѣ отличенъ: здѣсь онъ оранжево-бурый, а въ Амазонкѣ желто-охряной. Наконецъ, самый видъ лѣсовъ не одинаковъ на берегахъ двухъ этихъ рѣкъ. Вдоль Пары, безконечное разнообразіе деревьевъ кажется выходящимъ прямо изъ нѣдра водъ, и зеленая овражна лѣса представляетъ спокойный, пріятный для глаза видъ; тогда какъ на берегахъ Амазонки встрѣчается множество вырванныхъ съ корнями стволовъ, нанесенныхъ волнами, и самый берегъ покрытъ широкою каймою широколиственнаго дерна. Это происходитъ преимущественно отъ весьма сильнаго теченія громаднаго потока, часто обрывающаго берега и уносящаго множество сорванныхъ деревьевъ, кустовъ и глыбъ земли, доносимыхъ нерѣдко до самаго слиянія рѣки съ моремъ. Соединенныя устья Амазонки и Пары образуютъ огромную дельту, треугольницъ до 300 верстъ протяженія, зак-

лючающій въ себѣ островъ Марайо, величиною мало уступающій Сидли. Чрезъ широкія устья изливается огромная масса прѣсной воды, питаемая тропическими дождями, падающими на бассейнъ Амазонской рѣки и ея притоковъ,

Морской приливъ на Парѣ, особенно въ сильныя весенніе приливы, доходить до самаго города этого имени, такъ что вода получаетъ здѣсь легкій солоноватый вкусъ. За то, вдоль береговъ Гвианы, даже на разстояніи около 300 верстъ отъ устьевъ обѣихъ рѣкъ, присутствіе прѣсной воды, называемой исполнскою Амазонкою обнаруживается несомнѣнными признаками.

Первое впечатлѣніе полученное Батсомъ, при выходѣ на берегъ Пары, было особенно замѣчательнымъ, потому что въ тотъ самый день случился одинъ изъ большихъ праздниковъ и католическое населеніе Пары готовилось къ церковному торжеству. Было раннее утро, но колокола уже гудѣли и ракеты взлетали на воздухъ, въ различныхъ направленіяхъ. По ближайшимъ къ гавани улицамъ, окаймленнымъ мрачными зданіями, похожими на монастыри, бродили праздные и дурно одѣтые солдаты, впрочемъ съ ружьями, множество монаховъ и священниковъ, негрятки съ кувшинами изъ красной глины на головахъ и индианки, угрюмыя и задумчивыя, съ совершенно нагими дѣтьми. Далѣе отъ гавани, въ менѣе бойкомъ кварталѣ города, вдоль улицы, ведущей прямо къ дѣвственному лѣсу, дома всё безъ исключенія были одноэтажные, съ окнами безъ стеколъ и съ легкими навѣсами изъ драпокъ, единственною защитою отъ дождя. Каменную мостовую здѣсь заступалъ слой насыпнаго песку, толщиною въ нѣсколько дюймовъ. Передъ дверями этихъ домиковъ, или правильнѣе лачугъ, толпились многочисленныя и весьма смѣшанныя группы, представлявшія образчики всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ человѣческой кожи: здѣсь были и бѣлые европейцы, и черныя негры, и красныя индійцы, но болѣе всего было помѣсей этихъ цвѣтовъ, помѣсей, которыхъ оттѣнки весьма трудно опредѣлять словами. Кое-гдѣ, на улицахъ, и чаще, чѣмъ можно было предположить съ перваго взгляда, попадались очень недурныя собою женщины, съ черными выразительными глазами и великолѣпно-густыми волосами, одѣтыя однакожъ съ величайшею небрежностію и съ самыми странными противоположностями въ туалетѣ. Многія были совершенно босыя, или въ изношенныхъ туфляхъ; а при этомъ, на нихъ были надѣты богатая серьги и ожерелья изъ золота съ драгоценными камнями. Въ этихъ странностяхъ туалета прямо выказывался общій ха-

характеръ страны. гдѣ медвѣдьяльное, совершенно облѣнившееся поселеніе влечит жалкое существованіе среди безчисленныхъ богатствъ; это—оборванная нищета, сочетавшаяся съ блестящею роскошью въ однихъ и тѣхъ же личностяхъ. Обширные сады Пары, въ которыхъ растутъ лимонныя, апельсиныя и манговыя деревья съ темными вершинами; гдѣ многочисленныя ліаны съ прелестными цвѣтами обвиваются вокругъ стволовъ пальмы *ассай* и банановъ съ бархатистыми 12 футовыми листьями, посреди множества ананасныхъ растеній (бромелій) съ колючими, какъ копыя, или похожими на нилы листьями, сады эти, имѣющіе возможность быть великолѣпнѣйшими въ мірѣ, совершенно запущены, одичали и сдѣлались едва проходными. Заборы, ихъ ограждавшіе, стили или обвалились, и между великолѣпною тропическою растительностію свободно разгуливаютъ стада свиней, козъ и дурно выкормленныхъ домашнихъ птицъ. Здѣсь, по видимому, все свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣку надобно бороться противъ одолаивающаго развитія мощной растительности тропиковъ: только, при крайней необходимости и вслѣдствіе понужденій власти, здѣшній житель рѣшается взять въ руки топоръ, косу или лопату.

Въ эпоху прибытія Батса въ Пару, т. е. въ 1848 году, городъ едва начиналъ оправляться отъ бѣдствій, причиненныхъ ему революціоною бурей, разразившеюся здѣсь за 10 или 12 лѣтъ предъ тѣмъ, вслѣдствіе ненависти туземнаго населенія къ торговцамъ, выхвачившимъ изъ Португаліи. Ненависть эта еще не угасла совершенно и въ то время, такъ что португальскіе выходцы не осмѣливались еще поселиться въ своихъ *гоцінахъ*, прекрасныхъ дачахъ, выстроенныхъ въ окрестностяхъ города, подъ тѣнью великолѣпнѣйшихъ деревьевъ. Поля, нѣкогда воздѣланныя и уже около десяти лѣтъ запущенныя, были охвачены дикою лѣсною растительностію, вступавшею опять въ правъ, отнятыя у ней прежде человѣческимъ трудомъ. Цѣлыя улицы, окаймленныя домами въ итальянскомъ вкусѣ, очевидно оставались еще незаселенными и сквозь трещины стѣнъ разваливающихся зданій молодая деревья пробивались на улицу. Впрочемъ, торговля уже начинала оживляться, и 11 лѣтъ спустя, въ эпоху когда Батсъ покидалъ Бразилію, Пара опять процвѣтала, не смотря на то, что провинція, отъ нея зависѣвшая, была раздѣлена на двѣ части, и что надъ городомъ пронесли два бича—желтая лихорадка 1850 и холера 1855 г., опустошившіе населеніе по равнинѣ Амазонской рѣки и ея притоковъ.

Возстаніе 1835 года, увѣичавшее, такъ сказать, отчаянную борь-

бу, длившуюся съ 1823 года, между туземною революціонною партіею и влѣвляемъ португальскаго консерватива, возмущало вѣдѣствіе особеннаго покровительства, которое оказывалось мѣстными властями и правительствомъ Рио-Жанейро выходцамъ изъ Португаліи. Изъ-за этого повода было уже нѣсколько возмущеній; но, на этотъ разъ, возстала вся провинція Пары. Борьба началась убійствомъ президента и другихъ провинціальныхъ властей. Энергія, съ которою старались подавить возстаніе, побудила инсургентовъ просить помощи не только у метисовъ или смѣшаннаго племени, но даже у индійскаго населенія. Тутъ уже не одни португальцы, но всѣ *франкимасоны*, то есть огромное большинство мужскаго населенія бѣлой расы, подверглись преслѣдованію и наконецъ были побѣждены. Тогда туземная партія пыталась устроить свое особое правленіе; но послѣ шестимѣсячныхъ безплодныхъ усилій, инсургенты согласились подчиниться новому президенту, прибывшему изъ Рио-Жанейро. Все дѣло обошлось бы прекрасно, если бы, по несчастію, новый президентъ не задумалъ, въ видахъ охраненія спокойствія на будущее время, поразить мятежъ въ лицѣ его главнаго предводителя. Взятіе подъ стражу обожаемаго населеніемъ народнаго вожда Винагре послужило сигналомъ къ новому, еще болѣе ожесточенному возстанію. Полудикое, цвѣтное населеніе тайно собралось массами въ лѣсахъ, оружающихся Пару, и трижды высылало къ президенту брата Винагре съ просьбою объ освобожденіи народнаго кумира. Послѣ троекратнаго рѣшительнаго отказа президента, яростные полудикари, въ назначенный день, ворвались въ городъ со всѣхъ сторонъ, и девять дней продолжалась на улицахъ отчаянная схватка. Правительство могло противостоять такъ долго напору бунтовщиковъ, только благодаря помощи трехъ военныхъ судовъ, находившихся въ то время въ Парѣ — португальскаго, англійскаго и французскаго; но, не смотря на эту сильную помощь, оно потерпѣло пораженіе и должно было удалиться на островъ, находящійся вблизи города. Упоенные побѣдою, цвѣтные люди провозгласили набіеніе всѣхъ бѣлыхъ, за исключеніемъ только американскихъ, англійскихъ и французскихъ подданныхъ, и вскорѣ дѣло зашло такъ далеко, что сами зачинщики бунта принуждены были бѣжать отъ возбужденнаго ими *террора*. Однакожъ, внутри страны, нѣкоторыя законныя мѣстныя власти, поддерживаемыя неграми, мулатами и цѣлыми племенами индійцевъ, продержались до 1836 года, когда войска, высланныя изъ Рио-Жанейро, заняли не только Пару, но и другіе города провинціи. Тогда главные предводители были частію соданы, частію

рассажены по тырянамъ; масса же получила новую амплитю, и затѣмъ законный периодъ и тишина возобновилась. Надобно признать, что население вдоль Амазонской рѣки отличалось простотой и мягкостью нравовъ предъ населеніемъ южныхъ бразильскихъ провинцій. Убийства, столь обыкновенныя въ послѣднихъ, почти невѣстны въ Парѣ; но, за то, южные бразильцы гораздо промышленнѣе, предприимчивѣе и энергичнѣе сѣверныхъ. Послѣдніе совершенно удовлетворяются нищемъ, которымъ бы погнушались и назвали недостаточною самый жалкій изъ англійскихъ индѣевъ. Важнѣйшая часть ихъ жизни посвящена сладострастной лѣнкости и бездѣйствію, столь увлекательному въ тамешнемъ благословенномъ климатѣ. Удовлетворивъ необходимѣйшія потребности жизни, здѣсь думаютъ только о даровыхъ празднествахъ, на которыя вовсе не скупятся ни власти, ни богатые частные люди: послѣдніе для того, чтобы торжествовать при выборахъ: всѣ муниципальныя и провинціальныя дѣла рѣшаются здѣсь народными выборными; только судьи, начальники полиціи и президентъ, соединяющій въ себѣ иногда военную власть вмѣстѣ съ гражданскою, назначаются правительствомъ изъ Рио-Жанейро. Во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ есть свой муниципальный советъ; а тамъ гдѣ население чрезвычайно разсыяно, такъ что обыкновенныя присутственныя мѣста не могутъ дѣйствовать, жители выбираютъ себѣ мировыхъ судей, рѣшающихъ безапелляціонно неважныя дѣла и мелкія тяжбы.

Общее выборное начало, въ самомъ широкомъ его примѣненіи, дало почувствовать крайнюю необходимость въ образованіи народной массы. Въ каждой деревнѣ этой далекой страны есть непременно элементарная школа, учитель которой получаетъ отъ правительства то же самое содержаніе, какъ и приходской священникъ, именно, на наши деньги, отъ 400 до 500 р. сер. въ годъ. Кромѣ народныхъ школъ, существуетъ въ Парѣ нѣчто претендующее на названіе университета, и въ этомъ вышнемъ училищѣ оканчиваютъ воспитаніе дѣти единичныхъ богатыхъ плантаторовъ и купцовъ.

Однажды въ каждые четыре года бывають выборы представителей провинцій въ обихъ палатахъ императорскаго парламента, при чемъ задача голосовъ совершается почти цѣлымъ миромъ, потому что обладаніе самою ничтожною недвижимою дѣлью уже право голоса. Судъ присяжныхъ введенъ здѣсь по образцу англійскаго и почти въ одинаковыхъ условіяхъ, при чемъ всякій собственникъ недвижности можетъ быть присяжнымъ, безъ различія цвѣта кожи. Бѣлые люди засѣдаютъ

вѣствъ съ цвѣтными совершенно на равной ногѣ: явленіе весьма любопытное для европейца, знакомаго съ американскими правами. Надобно отдать справедливость либеральному духу бразильскаго правительства и тому искусству, съ которыми оно весьма счастливо соединило принципы централизаціи съ началами мѣстнаго самоуправленія. Если бы прибавилось у членовъ этого правительства немого побужде развѣтости и моральнаго чувства, то, безъ всякаго сомнѣнія Бразилія могла бы весьма быстро достигнуть до весьма цвѣтущаго положенія.

Мы неоднократно упоминали о цвѣтныхъ людяхъ или людяхъ смѣшанной крови, которыхъ въ Бразиліи встрѣчается безконечное число подраздѣленій, смотря по большому или меньшему перевѣсу того или другаго элемента; но главные виды суть слѣдующіе:

Смѣсь бѣлаго племени съ черными или негромъ даетъ *мулата*.

Смѣсь бѣлаго съ индійцемъ рождаетъ такъ называемаго *мамелуко*.

Кровь негра съ индійскою даетъ *кафузо*.

Помѣси между этими цвѣтными людьми, не только между собою, но еще съ бѣлыми, неграми и индійцами разнообразны до безконечности, равно какъ и ихъ названія, которыя должно считать только приблизительными. Такъ помѣсь кафузо съ индійцемъ даетъ *курибоко*; а негръ съ кафузо рождаетъ *хибаро*. Цвѣтисмѣшанный индѣецъ называется *тануко* или *кабокю*; а негра, родившагося на Амазонкѣ, зовутъ *креоломъ* *).

Пребываніе Батса на берегахъ Пары и Амазонки, какъ мы уже сказали, продолжалось одинадцать лѣтъ. Страны, посѣщенныя имъ въ теченіе этого долгаго путешествія, почти совершенно неизвѣстны и представляютъ пробѣлъ на лучшихъ географическихъ картахъ Южной Америки. Необходимы были весь энтузіазмъ ученаго путешественника, его благородная жажда къ открытіямъ и безграничное самоотверженіе въ пользу науки и цивилизаціи, чтобы перенести всѣ лишения, опасности и всякаго рода непріятности долгаго пребыванія въ странахъ, дотолѣ совершенно неизслѣдованныхъ. Но благородныя усилія Батса были награждены великолѣпными приобрѣтеніями, и прежде всего истиннымъ зоологическимъ сокровищемъ, заключающимъ въ себѣ 8000 новыхъ, еще неописанныхъ видовъ. Въ числѣ животныхъ, составляющихъ коллекцію Батса, считается :

*) Относительно названія *креоломъ* должно упомянуть, что подъ нимъ обыкновенно разумѣютъ бѣлыхъ, родившихся въ американскихъ колоніяхъ.

- 52 млекопитающихъ;
- 360 птицъ;
- 140 пресмыкающихся;
- 120 рыбъ;
- 14000 насѣкомыхъ;
- 35 мягкотѣлыхъ или моллюсковъ;
- 5 животнорастеній или зоофитовъ.

Въ итогѣ получимъ 14,712. Въ настоящее время нѣсколько извѣстнѣйшихъ ученыхъ, въ разныхъ странахъ Европы и преимущественно въ Англии, заняты описаніемъ этихъ зоологическихъ новостей. Грей взялся за млекопитающихъ; Скинаперъ за птицъ; Броуэрбенкъ за зоофитовъ; Гюнтеръ руководить описаніями рыбъ и пресмыкающихся). Сколько ученыхъ разработываютъ жатву одного человѣка! Достиженіе такого великолѣпнаго результата никогда не можетъ быть куплено самымъ дорогою цѣною.

Но вдаваясь въ изслѣдованія спеціальнаго интереса, присущаго открытіямъ Батса, можно убѣдиться изъ немногихъ примѣровъ, что явленія имъ описываемыя должны интересовать всякаго, кому природа не кажется закрытою книгою. Ученый и профанъ одинаково могутъ заинтересоваться описаніями Батса, потому что въ его книгѣ есть множество изслѣдованій и замѣтокъ не натуралиста, а просто наблюдательнаго и образованнаго путешественника, знакомящаго читателей съ общими чертами видѣнныхъ имъ мѣстныхъ ландшафтовъ, съ характеромъ, идеями, нравами и образомъ жизни дикихъ и образованныхъ племенъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ. Не одинъ обезьяны, муравьи, ящерицы или жуки возбуждали любознательность англійскаго натуралиста, хотя онъ превосходно описываетъ сцены безумно дѣятельной природы тропиковъ, вѣчное журчанье насѣкомыхъ, кваканье древесныхъ и болотныхъ лягушекъ, тайный ужасъ дѣтственныхъ первобытныхъ лѣсовъ, погруженныхъ въ глубокое безмолвіе, и другія картины, производящія сильное впечатлѣніе на мыслящаго и чувствительнаго наблюдателя. Чтобы дать понятіе объ изложеніи автора, послушаемъ собственныя его слова.

*) Очень жаль, что изъ богатыхъ коллекцій Батса не сохранилось нигдѣ ни одного полнаго ассортимента видовъ каждаго отдѣльнаго рода. Даже въ самомъ «Британскомъ Музее» не сохранилось и половины всего числа собранныхъ видовъ; почему невозможно изучать въ общности отдѣльныхъ группъ, характеризующихъ фауну изслѣдуемой имъ страны.

«Многіе путешественники описывали намъ безмолвіе и мракъ бразильскихъ лѣсовъ. По мѣрѣ того, какъ привыкаешь къ нимъ, эти впечатлѣнія отнюдь не ослабѣваютъ, а еще усиливаются. Подъ здѣшними колоссальными деревьями, на которыхъ можно бы подозрѣвать присутствіе безчисленныхъ животныхъ, не встрѣчаешь ни звуковъ, ни жизни: обезьяны не прыгаютъ съ одной вѣтви на другую, и не слышно нѣтъ рѣзкаго крика. На тропинкѣ, по которой пробирается путешественникъ, онъ не встрѣчаетъ ни тапира, ни ягуара; даже птицъ чрезвычайно мало: только кое-гдѣ раздается жалобный, протяжный крикъ куропатки или, въ оврагѣ, на берегу ручья громко закричитъ другая птица, водящаяся постоянно парами на вершинахъ деревьевъ и зовущая къ себѣ отставшаго товарища. Одна пташка *) , живущая уединенно, поетъ весьма гармонически, начиная съ высокихъ нотъ и постепенно опускаясь до низкихъ.

«Первоначальныя мои впечатлѣнія измѣнились впоследствии. Въ лѣсахъ, мною посѣщенныхъ, мнѣ попадались многіе виды млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся, но они разсыпаны на весьма обширныхъ пространствахъ и притомъ чрезвычайно боятся приближенія человѣка. Какъ я уже сказалъ выше, пѣніе птицъ слышится рѣдко, и въ этомъ пѣніи есть что-то меланхолическое и таинственное, усиливающее впечатлѣнія одиночества, и не возбуждающее веселыхъ идей. Иногда, среди нѣмой неподвижности, раздается потрясающій нервы ревъ какогонибудь травояднаго животного, пощавшагося въ когти тигровой кошки или сжатого кольцами удава. Только на утренней и вечерней зарѣ (и только именно въ это время), обезьяны—*резумы* поднимаютъ страшный, весьма непріятный для слуха шумъ, увеличивающій негостепріимное впечатлѣніе, возбужденное общими видами дикаго захолустья. Часто, даже среди безмолвныхъ часовъ полудня, вырванный глухой трескъ раздается въ дѣлѣ чащѣ, произведенный паденіемъ огромной вѣтви или цѣлаго дерева. Но случается слышать иногда и другіе звуки, необъяснимыя для путника, и причина которыхъ остается неизвѣстною даже туземцамъ. Этотъ странный звукъ, раздавшійся однажды, не повторяется, и слѣдующее за нимъ глубокое безмолвіе усиливаетъ непріятное впечатлѣніе, имъ произведенное. Звукъ, о которомъ я говорю, походитъ на звучное дрожаніе желѣзной полосы, ударившей по твердой корѣ дуплистаго дерева; иногда же на сильный рѣзкій крикъ, раздавшійся въ воздухѣ. Ту-

*) Вѣроятно изъ рода *trichas*.

емцы увѣряють, что это дѣло Курипиры, дикаго человѣка или лѣснаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, мною не что иное, какъ грубыя теоріи, которыми человѣчество, въ отсутствіи еще неразвившейся науки, старается объяснить явленія природы. Курипира есть таинственное существо, котораго свойства и принадлежности весьма дурно опредѣлены, и различно принимаются въ различныхъ мѣстностяхъ. Иные описываютъ его похожимъ на орангутанга, покрытаго длинною густою шерстью и живущаго въ дуплахъ деревьевъ. По рассказамъ другихъ, у него на ногахъ раздвоенныя копыта и лицо ярко-краснаго цвѣта; онъ жевать, ивѣтъ дѣтей и бродить около загородныхъ домовъ и плантацій для кражи маньона. У меня былъ слуга, молодой *мамелуко*, голова котораго была наполнена множествомъ національныхъ легендъ и суевѣрій. Какъ скоро мы вступали съ нимъ въ лѣсъ, то онъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ, ни подъ какимъ видомъ; а если ему удавалось услышать звукъ въ родѣ сейчасъ описаннаго, то онъ дрожалъ какъ листъ и, бросившись на землю, умолялъ меня остановиться. Составивъ однакожъ какое-то заклинаніе, долженствовавшее защищать насъ отъ Курипиры, онъ нѣсколько успокоился. Заклинаніе, впрочемъ, было весьма хитрое и состояло изъ свѣжаго пальмоваго листа, свернутаго въ кольцо и повѣшеннаго на сукъ дерева, пересѣкавшемъ дорогу на нашей тропинкѣ.»

Бросая взглядъ на матеріальное состояніе страны, Батсъ говоритъ, что она изобилуетъ апельсинными, кофейными деревьями и какао-выми кустами; но главными предметами отпускной торговли являются здѣсь: каучукъ, какао и бразильскіе орѣхи *). На эти произведенія плодородной почвы здѣшнее беззаботное населеніе не обращаетъ никакого должнаго вниманія, и низкая цѣна плантацій, приносящихъ весьма небольшой доходъ, свидѣтельствуетъ о бездѣльномъ состояніи мѣстнаго сельскаго хозяйства; хорошо содержимый какаоовый кустъ можетъ давать ежегодно до одной арробы плодовъ, **) а близъ Сантарема считаютъ среднимъ числомъ только до 700 арробъ какаоовыхъ орѣховъ съ 10000 кустовъ. Бываетъ и гораздо хуже, такъ что часто сто кустовъ даютъ только одну арробу плодовъ: до такой степени здѣсь пренебрегаютъ хорошею культурою. Чтобы дать понятіе о цѣнности здѣшнихъ плантацій, Батсъ говоритъ, что каждый какаоовый кустъ, имѣетъ

*) Извѣстныя у насъ подъ названіемъ *американскихъ* треугольныя орѣхи. Это плоды колоссальнаго бразильскаго дерева *бертолетія высокая* (*Bertolletia excelsa*).

***) Арроба равняется 32 фунтамъ.

съ землею, на которой онъ посаженъ, дѣлится круговъ въ 40 рейсовъ, что составитъ на наши деньги менте, чѣмъ 3 коп. сер.—Въ окрестностяхъ Пары можно купить цѣлую квадратную милю засаженной плодovitыми деревьями и кустами плантаціи за 250 или 300 р. с. на наши деньги. Толковый и трудолюбивый хозяинъ могъ бы здѣсь, начавъ съ самыми небольшими средствами, въ скоромъ времени нажить значительный капиталъ. Чтобы дать объ этомъ болѣе точное понятіе, присокупимъ, что, по увѣренію Батса, средняя цѣна какао стоитъ здѣсь около 2½ р. с. за аррбу.

Вотъ что говорить Батсъ:

«Обработка плантаціи не требуетъ большаго количества рукъ. Деревья даютъ сборъ три раза ежегодно: въ мартѣ, іюнѣ и сентябрѣ; но июньскій сборъ часто пропадаетъ, да и другіе два бываютъ иногда неудачны. Въ промежуткахъ сборовъ, земля плантаціи должна быть разрыхляема. Главный трудъ состоитъ въ предохраненіи деревьевъ и кустовъ отъ ползучихъ и чужеродныхъ растений: лианъ, эпифитовъ и особенно паразитовъ изъ группы *ремнецептныхъ* *), къ числу которыхъ принадлежитъ у насъ омела на дубахъ, которая называется здѣсь *птичьими норками*, потому что ихъ красивые оранжевые и красные цвѣтки представляютъ эту форму. Какъ скоро плоды созрѣли, сосѣди соглашаются о взаимномъ пособіи для сбора, такъ что каждое семейство, не прибѣгая къ наемнымъ услугамъ, имѣетъ возможность собрать продукты съ небольшой плантаціи. Эти пособія даютъ поводъ къ праздникамъ, на которыхъ истребляется множество хмельнаго напитка *тароба*... **) Миѣ всегда казалось, что разведеніе какао чрезвычайно какъ подходитъ къ обычаю и сложению европейскихъ выходцевъ, потому что вся работа совершается въ тѣни. Впрочемъ, результаты все-таки окажутся ничтожными, если не будутъ усовершенствованы нынѣшніе способы культуры деревьевъ и приготовленія ихъ плодовъ для продажи. Плодъ, продолговатой формы, имѣетъ отъ 6 до 8 дюймовъ длины; бобы заключаются въ бѣлой мякоти, которая, въ смѣшеніи съ водою, даетъ превосходный лимонадъ. Кромѣ того, изъ нея вываривается очень вкусный желе.

Плохое состояніе земледѣльческаго труда, въ этихъ малообразованныхъ странахъ, можетъ быть объяснено въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ недо-

*) Loganthaceae.

**) **) Приготавливается изъ маниока.

статкомъ питанія работниковъ. Климатъ амазонской долины, вслѣдствіе своего мнуряющаго вліянія, требуетъ столь же питательныхъ съѣстныхъ припасовъ, какъ и климатъ сѣверной Европы. Англійскій путешественникъ испыталъ на самомъ себѣ, до какой степени здѣсь недостаточно питаніе овощами и плодами, которыми онъ долженъ былъ удовлетворяться, потому что онъ никакъ не могъ привыкнуть къ соленой рыбѣ, составляющей одно изъ основаній питанія бразильца. Нертѣже приходилось ему оставлять въ сторонѣ чисто ученые изслѣдованія для охоты или рыбной ловли, чтобы не умереть съ голода.

Одинъ случай подобнаго рода познакомилъ его, въ январѣ 1849 года, съ синьоромъ Раймондо, образованнымъ индійцемъ, жившимъ, вмѣстѣ съ семействомъ, на берегу Мурукупи. Раймондо былъ очень трудолюбивый плотникъ, но жилъ столь же бѣдно, какъ и почти всѣ его сосѣди. Здѣшняя всеобщая бѣдность покажется странною, если вспомнить, что у здѣшнихъ жителей есть значительныя плантаціи маниока, кукурузы и даже небольшіе участки земли, на которыхъ разводятся: хлопчатникъ, кофейное дерево и сахарный тростникъ; почва весьма плодородная и земледѣлецъ не платитъ никакихъ податей, никакихъ повинностей, даже аренды за землю; и въ добавокъ къ этому, они имѣютъ весьма удобное сообщеніе по рѣкѣ съ городомъ Парою, рынокъ котораго представляетъ постоянный и вѣрный сбытъ сельскихъ продуктовъ.

При такихъ условіяхъ, бѣдность земледѣльцевъ можетъ показаться необъяснимою; но Батсъ указываетъ на двѣ главныя ея причины. *Первая* заключается въ слишкомъ смутномъ взглядѣ на собственность. Между *мамелюкосами*-поселянами господствуетъ убѣжденіе, что сосѣди ихъ не въ правѣ пользоваться большимъ доводствомъ, чѣмъ они сами. Понадобится ли кому нибудь изъ нихъ лодка, какое нибудь орудіе или снарядъ, и даже съѣстные припасы, онъ прямо идетъ къ сосѣду, у котораго имѣется требуемая вещь, и беретъ ее взаймы, часто безъ отдачи. Такого рода позанмствованія въ народномъ обычаѣ и никто не въ правѣ отказать въ услугѣ, если только можетъ оказать ее. Вслѣдствіе этого полу-коммунизма, никто не дѣлаетъ особыхъ усилій къ обогащенію, или къ приобрѣтенію значительнѣйшихъ удобствъ жизни въ сравненіи съ сосѣдами, потому что постоянно находятъ подъ бокомъ лентяи и дармоуды, готовые воспользоваться достатками сосѣда и буквально жить на его счетъ.

Вторая причина бѣдности сельскихъ жителей, по мнѣнію Батса, со-

стоитъ въ совершенной невозможности добывать животную пищу иначе, какъ не всегда надежнымъ путемъ охоты и рыбной ловли. Молодыхъ, сильныхъ охотниковъ и рыболововъ весьма мало. Плотникъ Раймондо каждую недѣлю раза два долженъ былъ оставлять свое мастерство и идти на охоту или рыболовство, чтобы добыть немного дичи или рыбы. Кажется, что можетъ быть легче разведеніа въ этихъ мѣстахъ рогатаго скота, барановъ и свиней? Но потомки рабски слѣдуютъ здѣсь обычаямъ предковъ. Бразильскіе туземцы никогда не занимались скотоводствомъ и одомашненіемъ животныхъ, и таково упорство краснокожаго племени, что даже потомки смѣшанной индійской крови сохранили врожденное нерасположеніе къ скотоводству, хотя, въ другихъ отношеніяхъ, показали нѣкоторую податливость къ цивилизаціи.

Можетъ быть, здѣсь играетъ немаловажную роль отсутствіе въ южной Америкѣ животныхъ, способныхъ къ одомашненію? Но отсутствіе домашнихъ животныхъ составляетъ ли причину или послѣдствіе естественныхъ расположеній челоуѣка въ этомъ исключительномъ климатѣ? Можно смотрѣть на предметъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія, съ одинаковымъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе или отсутствіе одомашнивающихся животныхъ въ данной странѣ имѣетъ большое вліяніе на характеръ и культуру ея жителей. Сѣверо-американскіе индійцы и особенно флоридцы, относительно къ естественнымъ расположеніямъ и общественному быту, представляли большое средство съ индійцами долины Амазонской рѣки, и подобно послѣднимъ—можетъ быть вслѣдствіе одинаковыхъ причинъ—добывали пищу охотой и рыбною ловлею. Напротивъ того, *лямы* дали перуанцамъ возможность достигнуть высокой степени образованности; это драгоцѣнное животное служило имъ для перевозки тяжестей, одѣвало ихъ своею шерстью, питало своимъ молокомъ и мясомъ.

Въ равнинахъ тропической Америки не существуютъ животныхъ, которыхъ бы можно было сравнить съ быкомъ, лошадей, бараномъ и свиньею. Последняя, впрочемъ, имѣетъ здѣсь представителями два длиннхъ вида, которые, по увѣренію Батса, нѣходятся не въ очень тѣсной связи съ европейскою домашнею породою. Что же касается до первыхъ трехъ породъ полезныхъ животныхъ, столь много содѣйствовавшихъ успѣхамъ цивилизаціи въ Азіи и въ Европѣ, то они были совершенно здѣсь неизвѣстными. Нельзя сказать, что долина Амазонки совершенно не представляетъ животныхъ, приручающихся и дающихъ ил-

с о, годное въ пищу; тапиръ, аза, кучи, индѣйки (курассоу) *) приручаются почти подобно нашимъ домашнимъ животнымъ и птицамъ, и часто разводятся здѣсь по дворамъ; но они мало приносятъ пользы, потому что не плодятся въ неволѣ. Бѣда имъ вѣдомо этого одинъ туземный житель, потому что они очень уважаютъ за дворовыми птицами, привезенными изъ Европы и вездѣ здѣсь распространенными, даже у племенъ живущихъ въ самыхъ далекихъ закоулкахъ и совершенно чуждающихся общенію съ бѣлыми людьми. Но вообще уходъ за домашними животными весьма антипатиченъ индѣйцу и плохо ладится съ его старинными обычаями и закоренѣлыми привычками, хотя Батсъ и не рѣшается сказать положительно, что бразильскія ручныя животныя не плодятся въ неволѣ отъ неумѣнья обходиться съ ними. Не давая категорическаго отвѣта, Батсъ объясняетъ это явленіе гипотезою *владычества первобытнаго мяса*, въ мѣстахъ, гдѣ этотъ лѣсъ поглощаетъ все, но предлагая эту гипотезу, нашъ путешественникъ не беретъ на себя выкинуть въ глубину самыхъ причинъ явленія.

Приведемъ здѣсь нѣсколько его словъ:

«Этнологи новѣйшаго времени признали справедливость правила, что вездѣ, гдѣ лѣса покрываютъ обширныя страны, туземныя племена неспособны къ успѣхамъ образованности. Тотъ же самый выводъ можно кажется приложить и къ обширнымъ обнаженнымъ равнинамъ, которыхъ однообразіе не нарушается никакою древесною растительностію. Животныя, сдѣлавшіяся столь полезными человѣку въ эпоху дѣтства его цивилизаціи, всѣ жили въ странахъ не очень обширныхъ и умѣренно надѣленныхъ лѣсами. Простой фактъ существованія въ первобытномъ лѣсу множества прекрасныхъ плодовъ въ дикомъ состояніи, и которыхъ индѣйцы никогда не пытались разводить, доказываетъ, противно этой этнологической системѣ, что ихъ природное тупоуміе, еще болѣе чѣмъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, лишало ихъ столь могущественныхъ рычаговъ цивилизаціи. На берегахъ Амазонки и почти всѣхъ ея притоковъ, растетъ, напримѣръ, видъ риса, который индѣйцы никогда не пытались разводить для своихъ потребностей, хотя они и разводятъ видъ риса, вывезенный къ нимъ европейцами.»

Такого рода любопытные вопросы, которые мы только указываемъ,

*) *Курассоу* (curassows) встрѣчаются у индѣйцевъ на каждомъ шагѣ, и одинъ прекрасный видъ этой индѣйской курицы приручается до такой степени, что бѣгаетъ всюду за дѣтми; но эта птица не плодится въ неволѣ.

не принимая на себя их рѣшенія, придаютъ известную цѣну наблюдѣнїямъ Батса надъ нравами и характеромъ дикихъ племенъ, съ которыми онъ находился въ сношенїяхъ, во время своего путешествїя. Всѣ эти племена, вѣроятно, принадлежали къ большому народу Тупи или Тупинамба, изгнанному изъ береговыхъ странъ, близкихъ къ Пернамбуку, первыми португальскими поселенцами въ XVI вѣкѣ. Нынѣ почти не встрѣчается слѣдовъ первобытныхъ Тупи, которые распались на нѣсколько мелкихъ племенъ, отличающихся между собою языкомъ, нравами, и даже нерѣдко враждебныхъ другъ другу. Таковы Мундуруку, Мура, Маухѣ, Пассѣ, которыхъ полуобразованные образчики, состоящие изъ немногихъ семействъ, встрѣчаются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Амазонской долины.

Самое сильное изъ этихъ племенъ, *Мура*, живетъ на низовьяхъ Мадейры, вливающейся въ Амазонку гораздо выше рѣки Тапахось и немного ниже Рю-Негро. О Мура вообще говорятъ, что они лѣнивцы, воры, обманщики и даже при случаѣ жестоки. Больше всѣхъ другихъ индейцевъ, они ненавидятъ правильную жизнь, работу въ опредѣленные часы и всякія подчиненныя отношенія съ бѣлыми. Должно однакожь припомнить, что мы здѣсь видимъ только преувеличеніе общихъ естественныхъ пороковъ краснокожаго бразильца, и что Мура раздѣляетъ эти качества со всѣми прочими племенами, происходящими изъ народа Тупи; только это особенно выродившійся отродокъ, выродившійся, по словамъ Батса, отъ долгаго пребыванія въ заливаемыхъ водою лѣсахъ «Ягопо.» Обитая въ этой мѣстности, Мура были принуждены вести жизнь кочующихъ рыболововъ, чуждыхъ земледѣлю и всякаго рода промысламъ, существующимъ у нихъ сосѣдей. Они не строятъ прочныхъ постоянныхъ жилищъ, но скитаются отдѣльными семействами, или небольшими кучками, съ мѣста на мѣсто, по берегамъ рѣкъ и озеръ, гдѣ рыба и черепахи находятся въ особенномъ изобилїи. На каждомъ мѣстѣ остановки, они строятъ на берегу шалаши, которыя переносятъ потомъ выше или ниже, смотря по потребностямъ ловли. Лодки ихъ были первоначально самаго нехитраго устройства и дѣлались изъ кусковъ толстой древесной коры, связанныхъ лианами въ полуцилиндрическую форму; теперь этихъ стариннаго фасона лодокъ осталось весьма немного, и Мура завели *монтариосы*, родъ небольшихъ челноковъ, употребительныхъ у поселенцевъ: дикіе большею частію крадутъ эти челноки.

Пища этого народа состоитъ изъ рыбы и черепахъ, которыхъ они ловятъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Рассказываютъ, что, преслѣдуя

черепашь, они ныряют и хватаютъ этихъ животныхъ за лапы; рыбъ же бьютъ стрѣлами. Мясо рыбъ и черепахъ готовится ими въ пищу всегда одинаковымъ образомъ, именно, печеніемъ на раскаленныхъ угляхъ.

Сомнительно, чтобы все племя Мура постоянно оставалось чуждымъ земледѣлію, потому что, въ весьма далекихъ мѣстностяхъ, встрѣчены отдѣльныя семейства, разводившія маньокъ, чему они не могли научиться въ новѣйшее время, за отдаленностію отъ мѣстъ, гдѣ занимаются этою культурою. Впрочемъ, единственная растительная пища, вообще у нихъ употребительная, состоитъ изъ банановъ и дикихъ плодовъ.

Кажется, что съ самаго начала они находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ европейскимъ поселенцамъ, грабя ихъ поселки, воруя лодки и даже убивая бѣлыхъ, попадавшихся въ ихъ руки. Около полустолѣтія тому назадъ, португальцамъ удалось обратить противу этихъ разбойниковъ воинственное племя Мундуруку, которые, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, успѣли ослабить Мура и прогнать ихъ съ береговъ Мадейры. Теперь Мура разсѣяны по берегамъ Амазонки на протяженіи восьми сотъ миль.

Батсъ описываетъ слѣдующимъ образомъ одну изъ ихъ деревень (Матари), находящуюся близъ Серпы, чаленкаго городка между рѣкою Урубубу и озеромъ Сурипа, почти противъ самаго устья Мадейры.

«Деревня состояла изъ двухъ десятковъ глиняныхъ хижинъ, весьма легко построенныхъ и представлявшихъ самый жалкій видъ, не смотря на пышную красоту лѣса, къ которому онѣ были какъ бы приклонены. Толпа или шайка индійцевъ Мура поселилась въ этомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ; прежде здѣсь находилась станція, поминутая миссіонерами. Недавно, правительство поставило здѣсь постоянного начальника, которому поручено держать подъ управленіемъ этихъ неукротимыхъ дикарей. Впрочемъ, по видимому, эта мѣра не обѣщаетъ другаго результата, какъ возвращенія ихъ въ пустыни, къ внутреннимъ озерамъ, куда уже и началось переселеніе. Отсутствіе деревьевъ и вообще растений, обыкновенно воздѣлываемыхъ самими индійцами, придавало этой жалкой деревушкѣ обнаженный и безотрадный видъ самой безпомощной нищеты. Я вошелъ въ одну изъ этихъ хижинъ, въ которой нѣсколько женщинъ заняты были приготовленіемъ пищи. Нѣсколько кусковъ большой рыбы лежало на огнѣ, разведенномъ посреди хижины, гдѣ отъ тѣноты едва можно было стоять; внутренности

болѣ сорока. Впрочемъ, оно не имѣетъ въ настоящее время тѣсныхъ политическихъ сношеній съ главнымъ племенемъ Мундурку, обитающимъ на берегахъ Тапохоса, въ шести миляхъ отъ поселенія Купари.

Нѣсколько словъ было достаточно, чтобы объяснить понятливому тушау цѣль путешествія Батса. Ни онъ самъ, ни его одноплемянники не выразили удивленія, узнавъ, что бѣлые пришли для собиранія ихъ великолѣпныхъ птицъ и другихъ животныхъ ихъ страны. О торговлѣ не было рѣчи, и дикіе не высказали нескромныхъ похвалъ къ присвоенію чего либо изъ всякаго рода запасовъ, привезенныхъ путешественниками.

При этомъ случаѣ не мѣшаетъ припомнить, что поселенцы смѣшанной крови и даже бѣлые, въ Сантаремѣ и Игѣ, не могли объяснить себѣ цѣли собиранія бабочекъ иначе, какъ предположеніемъ, что они должны служить образцами рисунковъ для набивки ситца. Чтобы придать своей дѣятельности разумную цѣль въ ихъ глазахъ, Батсъ долженъ былъ рассказывать имъ, что будто бы *Британскій музеумъ* платитъ ему жалованье за его ученые изслѣдованія.

Вождь Купари рассказалъ путешественникамъ подробности о только что оконченной имъ экспедиціи, гдѣ онъ предводительствовалъ десятками тремя молодцовъ, вооруженныхъ ружьями, стрѣлами и копьями. Тщетно, въ теченіе двухъ сутокъ, они преслѣдовали непріятеля, который пришелъ въ числѣ сотни человекъ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей) похитить ихъ сладкіе пататы и сахарный тростникъ; они гнались за хищниками по пятамъ, но не достигли ихъ, и единственный трофей этой экспедиціи состоялъ изъ небольшого ожерелья изъ красныхъ зеренъ, который тушау подарилъ Батсу.

Нашъ путешественникъ отдалъ дваго вождя, показавъ ему картинки въ двухъ томахъ *Knights Pictorial Museum*. Гравюры чрезвычайно ему понравились, и онъ тотчасъ же позвалъ трехъ или четырехъ своихъ женъ, чтобы раздѣлить съ ними удовольствіе. Младшая была красивое дитя, наряженное въ голубые браслеты и ожерелья. За женами приближали дѣти, и всѣ вообще выказывали любопытство, необыкновенное у индійцевъ. Не малаго труда стоило это показыванье картинокъ, потому что зрители ничего не позволяли пропустить. Они очень удивлялись изображеніямъ слона, верблюда, орангутанга, тигра, и интересовались даже рисунками насѣкомыхъ и раковинъ. Они тотчасъ узнавали животныхъ и птицъ, водившихся въ ихъ мѣстностяхъ — агуара, обезьяну-ревуна, попугаевъ, туکانовъ, трогановъ. Про слона они рѣ-

шли, что это очень крупный видъ тапира; но вообще они дѣлали мало замѣчаній и притомъ на языкѣ мундуруку, который Батсъ понималъ очень дурно. Удивленіе свое они выражали обычнымъ у европейцевъ щелканьемъ языка о зубы и восклицаніями *хмъ! хмъ!* Зрителей собралось подъ конецъ до 50 или до 60, однакоже не было ни шума, ни грубыхъ выходокъ: женщины пропускали впередъ дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ, и вообще вели себя весьма благопристойно.

Все племя Мундурука состоитъ приблизительно изъ 20 тысячъ душъ обоюго пола и можетъ, какъ увѣряютъ, выставить до двухъ тысячъ воиновъ. За 90 лѣтъ они были еще вовсе неизвѣстны, какъ вдругъ они напали на европейскія поселенія въ провинціи Мараньянъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, португальцы заключили съ ними торжественный союзъ, скрѣпленный общею обоимъ народамъ ненавистью къ Мура. Съ тѣхъ поръ Мундуруку вѣрные союзники бѣлыхъ; а такъ какъ они самые воинственные и промышленные изъ всѣхъ дикихъ племенъ, то союзъ ихъ много способствовалъ къ успѣхамъ цивилизаціи въ этихъ отдаленныхъ странахъ, гдѣ центральное правительство пользуется только именемъ власти.

Мундуруку разводять маньбокъ въ широкихъ размѣрахъ и продаютъ излишекъ отъ собственнаго потребленія торговцамъ, ежегодно прѣзжающимъ изъ Сантарема, вверхъ по рѣкѣ, въ январѣ и августѣ. Они также собираютъ въ лѣсахъ множество сассапарилы, каучука и бобовъ *топка*. Взамѣнъ этихъ продуктовъ привозятся къ нимъ дешевыя бумажныя ткани, топоры, ножи, водка и разныя мелкія вещи. Торговцы раздадутъ эти товары впередъ и получаютъ за нихъ договорный обмѣнъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Быстрая перемѣна совершается нынѣ въ нравахъ этихъ индійцевъ, которыхъ главный вождь, Іоакимъ, за услуги, оказанныя имъ правительству, при усмиреніи возстанія 1835—1836 годовъ, получилъ бразильскій генеральскій чинъ. Дѣтей татуируютъ у нихъ теперь все рѣже и рѣже; точно также выводится обычай украшать жилища головами убитыхъ непріятелей, хотя война между племенами почти никогда не прекращается на долгое время.

На всемъ пространствѣ между рѣками Тапохосомъ и Мадейрою, индійскимъ поселеніямъ дана военная организація. Подлѣ каждой деревни, отдѣльно отъ прочихъ хижинъ, строится большой сарай или навѣсъ, въ которомъ спятъ воины деревни и разставляются на ночь ча-

совые, чтобы Арары, находящиеся въ постоянной войнѣ съ Мундуруку, не напали, по своему обыкновенію, ночью въ распахъ.

Мундуруку и сосѣдственныя съ ними племена, по видимому, имѣютъ одинаковое происхожденіе; эмиграція отдѣлила ихъ отъ общаго корня, а долгое уединеніе дало каждому особые нравы, обычаи и даже разрознило языкъ. Среди всѣхъ здѣшнихъ нарѣчій, основное есть языкъ *туни*, которымъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, говорятъ вдоль береговъ Амазонки, на протяженіи болѣе 2,500 миль. Всѣ племена, говорящія различными нарѣчіями, весьма легко ему выучиваются. Батсъ приписываетъ это единству грамматическихъ формъ всѣхъ индійскихъ нарѣчій, не смотря на различіе собственно словъ или названій предметовъ и дѣйствій. Впрочемъ, въ ограниченной сферѣ жизни физической и моральной, индійцу приходится выражать очень немного идей, почему и словари ихъ очень не обширны. Раздѣленіе нарѣчій указываетъ, до какой степени полно и долговременно было отчужденіе одного индійскаго племени отъ другаго. Если не совершенно достоверно, то, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что удивительное упорство физической и умственной организаціи индійцевъ происходитъ именно отъ узкаго кругозора, ограниченныхъ отношеній и непрерывнаго повторенія брачныхъ союзовъ, въ теченіе долгаго времени, въ весьма тѣсномъ кружкѣ. Последнее обстоятельство объясняетъ ихъ малое плодородіе; рѣдко встрѣтишь въ индійскомъ семействѣ трехъ или четырехъ дѣтей, и всякая перемѣна мѣста жительства дѣйствуетъ на нихъ весьма пагубно.

Польза, которую цивилизація могла извлечь изъ существъ такъ организованныхъ, донинѣ была весьма ограниченою. Бразильское правительство, раздѣливъ на округа провинціи, по которымъ разбѣяны земледѣльцы и индѣйскіе рыболовы, установило спеціальныя начальства, которыя надзираютъ за ними и ставятъ имъ въ обязанность оказывать услуги путешественникамъ, проникающимъ въ эти отдаленныя страны. Такіе начальники носятъ названіе *capitan de trabalhadores*. Люди получаютъ полувоенную организацію и собираются дважды въ годъ въ центральномъ пунктѣ округа, къ которому приписаны; самые усердные достигаютъ сержантскаго чина. Эти капитаны злоупотребляютъ впрочемъ своею властью и заставляютъ подчиненныхъ работать для начальника; что же касается до прямаго назначенія оказывать услуги путешественникамъ, то объ этомъ *капитаны* вовсе не думаютъ, и съ боль-

шимъ трудомъ можно выпросить у нихъ проводника или необходимыхъ гребцовъ.

Другое, еще важнѣйшее злоупотребленіе состоитъ въ *выкупѣ* дѣтей индійской расы. Это особая форма рабства, состоящая въ томъ, что индеецъ, за извѣстное одновременное вознагражденіе, отдаетъ бѣлому своего ребенка для услугъ, на извѣстное число лѣтъ: это кабала, или своего рода крѣпостное состояніе, въ которое впадаетъ свободный чело-вѣкъ на нѣсколько лѣтъ. Батсъ сообщаетъ по этому поводу весьма поучительныя и вѣстѣ трогательныя подробности.

Приведемъ странички двѣ изъ его разсказа:

«Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ Игѣ, помощникъ мой Хозе, чрезъ посредство юпурскаго торговца, *купилъ* или *арендовалъ* двухъ малолѣтнихъ индійцевъ, мальчика и дѣвочку. Мальчику было около 12-ти лѣтъ, и замѣчательно зеленый цвѣтъ его кожи указывалъ на помѣсь индійской крови съ негрскою (*кафузо*); онъ принадлежалъ вѣроятно къ одному изъ совершенно дикихъ, неосѣдлыхъ племенъ, кочующихъ во внутреннихъ странахъ южной Америки. Лицо мальчика было овальное, правильное; но блестящіе черные глаза выражали такую хитрость и недовѣріе, что казались принадлежащими какому нибудь дико-му звѣрю; руки и ноги были небольшія и нѣжнаго сложенія.

«Замѣтивъ, что никто изъ индійскихъ дѣтей не понимаетъ его языка, мальчикъ сдѣлался угрюмъ и молчаливъ. Онъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, не выговорилъ ни одного слова, и потомъ вдругъ началъ довольно чисто прозносить цѣлыя португальскія фразы. Онъ страдалъ болѣзнию печени и *сплиномъ* (*spleen*), происходившими отъ перемежающейся лихорадки... Излеченію его мѣшала неодолимая привычка ѣсть землю, полуобожженную глину, смолу, воскъ и др. т. п. вещества. На верховьяхъ Амазонки часто встрѣчается эта странная и отвратительная привычка между дѣтми не только индійцевъ и негровъ, но даже бѣлыхъ людей. Она не составляетъ исключительной принадлежности знаменитыхъ отомаковъ, описанныхъ Гумбольдтомъ, и даже вообще однихъ индійцевъ, и, по видимому, происходитъ отъ извращенія аппетита, вслѣдствіе слабаго питанія рыбою, плодами и маъюковымъ тѣстомъ.

«Мальчика назвали Себастьяномъ. Такихъ дѣтей обыкновенно употребляютъ для посылки за водою на рѣку, собиранія въ лѣсу дрѣвъ, гребля на лодкахъ (*montarias*), для прислуги на кухнѣ, и другихъ домашнихъ работъ. Себастьянъ часто ходилъ со мною въ лѣсъ, гдѣ

былъ мнѣ очень полезенъ, отыскивая застрѣленныхъ птицъ, падающихъ иногда въ кусты, между массами сучьевъ, листьевъ и т. п. Онъ также очень ловко ловилъ щерицъ руками и лазилъ на деревья, даже на самыя гладкоствольныя пальмы, обертывая ноги пучками крѣпкихъ и гибкихъ лианъ, мѣшавшихъ ему скользить по стволу. Съ гордостію приносилъ онъ мнѣ плоды, сорванные на почти неприступной высотѣ. Избѣгая общества дѣтей своего племени, онъ гордился своимъ полурабскимъ положеніемъ у истинно-бѣлаго человека.

«Мы привезли его въ Пару, но какъ ни удивительнымъ должно было показаться ему зрѣлище города, оно не оказало на него никакого замѣтнаго вліянія. Безучастно смотрѣлъ онъ на пароходы, здания, церкви, запряженные экипажи, торжества католическаго богослуженія, обнаруживая только тупость чувствъ и бѣдность мыслей индѣйца. Не смотря на то, онъ былъ понятливъ и легко усвоивалъ себѣ приемы механическихъ искусствъ. Хозе, за нѣсколько времени до моего окончательнаго отъѣзда вновь принявшійся за прежнее мастерство серебрянника, сдѣлалъ Себастіана своимъ ученикомъ, и этотъ ученикъ былъ до того понятливъ, что не болѣе какъ чрезъ три мѣсяца, съ радостію показывалъ мнѣ сдѣланное имъ самимъ золотое кольцо.

«Судьба дѣвочки, прибывшей мѣсяца два послѣ Себастіана, со вторымъ транспортомъ дѣтей, безъ исключенія больныхъ перемежающеюся лихорадкою, была гораздо менѣе счастлива. Дѣвочку привели къ намъ вечеромъ въ сырое время года, во время проливнаго дождя. Запуганная, нахулавшая, промоченная до костей и дрожащая отъ лихорадки, она была приведена за руку старикомъ-индѣйцемъ, который, втолкнувъ ее къ намъ въ дверь, сказалъ только «*Esoi encomendada*» (*вотъ заказанная*) и исчезъ.

«Цвѣтъ кожи у дѣвочки былъ свѣтлѣе, чѣмъ у мальчика, и общій ея видъ не представлялъ ничего дикаго. По собраннымъ свѣдѣніямъ, она принадлежала къ племени Миранья (Miranhas), которое отличается прорѣзами въ обѣихъ ноздряхъ: въ эти прорѣзы они вставляютъ, по праздникамъ, рѣчные ракушки, отливающія радужными цвѣтами.

«Мы ухаживали за нашею больною и лечили ее самымъ тщательнымъ образомъ: кормили ее самою отборною пищею и пичкали хининомъ... Но всѣ старанія оставались напрасными. Она видимо ослабѣвала, а раздувшаяся ея печень была тверда какъ камень. Въ кишечкахъ этой дѣвочки было что-то особенно пріятное, чего я еще не встрѣчалъ у индѣйцевъ, и вмѣсто обыкновенной угрюмой молчаливости,

наша больная улыбалась и болтала безъ умолку. Ходила за нею старуха изъ ея же племени, которая, съ тѣмъ вмѣстѣ, служила и переводчицею. Больная часто просилась выкупаться въ рѣкѣ, просила плодовъ и охотно играла мелкими предметами, находившимися въ комнатѣ. Ее звали Оріа.

«Въ послѣднія двѣ недѣли она не могла уже вставать съ постели, которую мы ей послалъ въ самомъ покойномъ углу нашей комнаты. Когда ей нужно было приподняться, то она непремѣнно требовала, чтобы я помогъ ей и не принимала помощи отъ другихъ. Она знала, кажется, только одно слово языка *тупи*, именно *карива*, что значить *блѣтый человекъ*, и этимъ именемъ она называла меня. Съ невольною грустію слушалъ я, какъ она по цѣлымъ часамъ, лежа въ постелѣ, напѣвала пѣсни родной деревни, содержаніе которыхъ относилось къ предметамъ и обстоятельствамъ дикой жизни ея племени. Передъ смертію мы ее окрестили, и когда она умерла, то, не смотря на всѣ возраженія умниковъ Иги, я настоялъ чтобы ее похоронили съ тѣми же обрядами, съ какими хоронятъ бѣлыхъ дѣтей, т. е. какъ маленькаго ангела.

По дорогѣ въ Игу и въ самой этой дорогѣ ежегодно умираютъ десятки и сотни несчастныхъ дѣтей, находящихся въ положеніи нашей бѣдной Оріи; только за ними не ухаживаютъ такъ, какъ мы ухаживали за своею. Продаваемые дѣти бываютъ обыкновенно захваченны въ плѣнь, при набѣгахъ и междоусобныхъ войнахъ племени Миранья: продаютъ ихъ обыкновенно въ Игу. Такъ какъ это племя людоедовъ, то проданные невольники избѣгаютъ, попадая въ руки бѣлыхъ, еще худшей участи; за то, выгода отъ продажи невольниковъ поощряетъ вождей дикихъ племенъ къ разбойничьимъ экспедиціямъ

«Большая часть индійцевъ, живущихъ въ Игѣ, и въ томъ числѣ всѣ слуги, принадлежать къ племенамъ сосѣднихъ рѣкъ, Юпуры, Иссы и Солимоенса. Я видѣлъ тамъ представителей по крайней мѣрѣ 16-ти дикихъ племенъ, купленныхъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ у туземныхъ вождей. Хотя бразильскіе законы и запрещаютъ такую продажу людей, но она совершается открыто и подъ покровительствомъ властей, гораздо болѣе грубыхъ, чѣмъ самые дикари. Достигнувъ совершеннолѣтія, купленные индійцы становятся свободными, но не обнаруживаютъ болѣе желанія возвратиться къ дикой жизни, тогда какъ, находясь еще въ дѣтствѣ, пользуются случаями убѣжать; особенно жалка участь маленькихъ дѣ-

вочекъ, находящихся подъ властью бразильскихъ дамъ, которыхъ дурныя наклонности не обузданы воспитаніемъ. Почти всѣ раздоры между проживающими въ Игѣ европейцами возникаютъ изъ за индійской прислуги. Кто жилъ только въ совершенно благоустроенныхъ странахъ, гдѣ личная прислуга составляетъ правильный промыселъ, тотъ не можетъ имѣть понятія о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ тамъ, гдѣ прислуга не понимаетъ цѣны денегъ и гдѣ ее должно не *нанимать*, а *сманивать* отъ другихъ хозяевъ всякаго рода хитростями, болѣе или менѣе предосудительными.»

Въ ноябрѣ 1851, Батсъ прибылъ въ Сантаремъ и прожилъ въ немъ три съ половиною года. Этотъ городъ существенно отличается отъ другихъ европейскихъ поселеній на берегахъ Амазонской рѣки. Число бѣлыхъ жителей (португальцевъ и бразильцевъ) здѣсь относительно больше и отличается большими претензіями на развитость, особливо на самый строгій этикетъ. Гостиная комната обыкновенно лучшая въ домѣ: мебель, покрытая лакомъ и золоченая; сидѣнья сплетены изъ камыша. Здѣсь-то принимаютъ визиты около полудня. Не смотря на царствующій въ это время жаръ, визиты дѣлаются непременно въ бальномъ костюмѣ; мужчины всѣ въ черныхъ суконныхъ фракахъ. Приемъ происходитъ съ большими церемоніями, и комплиментамъ нѣтъ конца: гости провожаютъ до порога съ низкими поклонами. Всѣ эти учтивые гости и хозяева не курятъ, но непрерывно нюхаютъ табакъ изъ дорогихъ золотыхъ или серебряныхъ табатерокъ. Впрочемъ собранія случаются рѣдко: почтенныя личности цѣлый день заняты общественными или своими частными дѣлами, а всѣ остальные жители проводятъ время въ игорныхъ домахъ и въ кофейныхъ за бляярдомъ, заперевъ дома на ключъ женскихъ членовъ своихъ семействъ.

Этотъ порядокъ вещей, по увѣренію Батса, началъ измѣняться съ 1853 года, эпохи появленія первыхъ англійскихъ пароходовъ на Амазонкѣ: новыя идеи и новыя моды начали съ тѣхъ поръ пробиваться въ это общество, и португальская ревность стала смягчаться.

Всѣ начальствующія лица въ городѣ опредѣляются или утверждаютъ центральнымъ правительствомъ, и чтобы попасть въ здѣшнее общество, новопріѣзжій долженъ предварительно сдѣлать визиты этимъ лицамъ, равно какъ и почетнѣйшимъ изъ частныхъ обывателей. Общественныя училища устроены съ нѣкоторыми претензіями. Сверхъ двухъ элементарныхъ школъ, одной для мальчиковъ, а другой для дѣвочекъ, находится еще одна высшая, въ которой опредѣленные мѣстною властію

учителя преподають, въ числѣ прочихъ предметовъ, латинскій, англійскій и французскій языки. Въ этой высшей школѣ приготавлиются для поступленія въ *лицей* и *епископскую семинарію*, учрежденныя въ Парѣ и пользующіяся значительными денежными средствами: сюда богатые купцы и помѣщики цѣлой провинціи посылають дѣтей для окончательнаго образованія. Батсъ, присутствовавшій на годичныхъ экзаменахъ, хвалить природную понятливость учениковъ школы; но онъ не очень лестно отзывается о преподаваніи въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Пары, откуда окончившіе курсъ выходятъ безъ малѣйшаго понятія о естественныхъ наукахъ и географіи: все образованіе заключается въ схоластическомъ искусствѣ риторическихъ амплификацій и въ умѣньи составлять безсмысленныя, но звучныя фразы. Такое положеніе вещей нелегко измѣнить, потому что никто не можетъ понять тамъ существующихъ недостатковъ. Въ цѣломъ Сантаремѣ, Батсъ не видѣлъ ни одной географической карты. Разъ какъ-то одинъ изъ высшихъ чиновниковъ спросилъ у Батса, на которой сторонѣ рѣки стоитъ Парижъ? Этотъ вопросъ отнюдь не относился къ желанію узнать, на которомъ берегу Сены построенъ Парижъ; почтенный бразилецъ просто полагалъ, что родная ему Амазонская рѣка протекаетъ съ одного конца свѣта на другой, раздѣляя весь міръ на двѣ половинны, и что всѣ города міра должны лежать по правой или по лѣвой сторонѣ этой рѣки. Огромное большинство тамошнихъ жителей никакъ не могутъ себя вообразить, что Амазонская рѣка, на берегу которой они живутъ, имѣетъ какой либо истокъ и устье: они воображаютъ, что она обтекаетъ весь свѣтъ кругомъ; другіе, знающіе кое-что о морѣ, думаютъ, что рѣка эта течетъ изъ одного крайняго моря въ другое, также прорѣзывая всю поверхность земли.

Если примириться съ условіями здѣшней общественной жизни, то пребываніе въ Сантаремѣ очень сносно. Здѣсь нѣтъ невыносимыхъ настькомыхъ — *мустика*, *пума*, *песчаной мухи* и *мотука* — этихъ новыхъ египетскихъ язвъ, преслѣдующихъ несчастнаго путешественника, странствующаго по Бразиліи. Скажемъ два слова объ этихъ ужасныхъ, хотя и мелкихъ мучителяхъ.

Мустики или *москиты*, мелкія мошки, кусающія весьма болѣзненно, довольно извѣстны каждому изъ многочисленныхъ описаній путешественниковъ.

Пума, микроскопически мелкая муха является на Амазонской рѣкѣ, начиная отъ устья Рио-Негро и въ иныхъ мѣстахъ, водится въ такомъ

несмѣтномъ количествѣ, что облакаетъ лодки своими роями, подобными облакамъ дыма. Гумбольдтъ и другіе натуралисты считаютъ піумъ за родъ *similium*.

Мотука, злѣйшій видъ мустиковъ, есть муха, одаренная жаломъ, состоящимъ изъ цѣлаго пучка роговидныхъ иглъ. Перти (въ путешествіи Спикса и Марціуса) описалъ ее подъ названіемъ «*hadaus lepidoptus*».

Всѣ эти насекомыя особенно невыносимы для непривыкшаго къ нимъ европейца.

Возвратимся къ Сантарему.

Климатъ здѣсь превосходный; въ теченіе цѣлаго полугода (съ августа по февраль), очень рѣдко падаетъ дождь, но морской вѣтеръ *) освѣжаетъ воздухъ. Улицы всегда чисты и сухи, даже въ эпоху грозъ; въ городѣ заведенъ хорошій порядокъ и рынки снабжены въ изобиліи съѣстными припасами, впрочемъ довольно дорогими, за исключеніемъ мяса.

Но всѣ эти удобства жизни исчезаютъ при одномъ воспоминаніи о прокажѣ, свирѣпствующей въ этихъ благодатныхъ странахъ. Впрочемъ, эта ужасная болѣзнь, между бѣлыми, составляетъ печальную принадлежность нѣкоторыхъ семействъ и рѣдко сообщается заѣзжему европейцу. Что же касается до цвѣтныхъ людей, то она поражаетъ ихъ безразлично, и нѣкоторыя изъ лучшихъ туземныхъ семействъ сильно заражены ею. Поэтому, не только въ Бразиліи, но даже въ Португаліи, Сантаремъ называется *городомъ прокаженныхъ* (*cidade dos lazagos*).

Окружности Сантарема изобилуютъ ароматическими растеніями и дикими плодами. *Качу* растетъ въ такомъ изобиліи, что нѣкоторые округи съ песчаною почвою кажутся садами этого дерева. Плодъ его, совершенно зрѣлый, похожъ формою и цвѣтомъ на яблоко называемое у англичанъ *codlinapple*: оно поспѣваетъ въ январѣ, и тогда всѣ сантаремскіе лазароны шатаются по *камносамъ*, собирая плоды качу въ огромномъ количествѣ, для приготовленія изъ нихъ родъ вина, считающагося полезнымъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Сѣмячки качу ѣдятъ жареныя. Другое дерево той же породы, *мурикси* доставляетъ множество маленькихъ желтыхъ сѣмячекъ кислаго вкуса. Отваръ изъ коры *мурикси* служитъ для окрашиванія тканей въ бу-

*) Отъ моря онъ долженъ пролетать около 400 миль.

рый и каштановый цвѣта; онъ въ большомъ употребленіи у индійцевъ.

Неменѣе замѣчательно *брайо - бранко*, очень обыкновенное на островахъ Мато: изъ его заболони течетъ бѣлая смола, видомъ и запахомъ похожая на камфору. Батсъ пользовался этою душистою смолою для предохраненія своихъ коллекцій отъ хищности муравьевъ и таракановъ.

Умири (*humigium floribundum*) растетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и брайо-бранко, но попадаетъ рѣже послѣдняго: изъ его заболони истекаетъ необыкновенно благоуханное масло, которое страстно любятъ туземныя женщины. Впрочемъ, дерево очень скупо на это масло, и для собиранія его дѣлаютъ надрѣзы на корѣ и кладутъ кусочки хлопчатой бумаги подъ заболонь; ежедневно эти кусочки замѣняются новыми и постоянно выжимаются въ скляночку, такъ что для накопленія одной унціи этого благоуханія нужно не менѣе одного мѣсяца.

Сузу-уба (*plumieria phagadenica*) изобильно растетъ на самыхъ сухихъ мѣстностяхъ *кампосовъ*: его длинныя, расцѣленные, вѣчно свѣжіе и наполненные сокомъ листья, равно какъ и бѣлыя цвѣтки, похожіе на жасминъ, составляютъ главное украшеніе здѣшнихъ безплодныхъ и пустынныхъ мѣсть. Кора и листья этого растенія въ изобиліи содержатъ млечный сокъ, очень полезный при всякаго рода мѣстныхъ воспаленіяхъ и всѣми здѣсь употребительный. Батсъ видѣлъ нѣсколько примѣровъ успѣшныхъ изцѣленій этимъ средствомъ; но кажется онъ готовъ объяснить ихъ теплою ватой, которою обыкновенно обвязываютъ намазанное сокомъ *сузу-убу* мѣсто.

Ига, въ которой провѣлъ Батсъ послѣдніе годы своего пребыванія на Амазонкѣ, существуетъ уже съ 1688 года. Онъ основанъ богемскимъ іезуитомъ Самуиломъ Фридомъ, и съ 1781 по 1791 г. служилъ главною квартирою ученой комиссіи, занимавшейся разграниченіемъ испанскихъ и португальскихъ владѣній въ южной Америкѣ. Теперь, въ этомъ городишкѣ 107 домовъ съ 1200 жителей. Въ окрестностяхъ, на 30 миль кругомъ, считается до 2000 жителей, и въ томъ числѣ не болѣе 50-ти чисто бѣлыхъ. Негры и мулаты почти въ такомъ же количествѣ, а все остальное населеніе состоитъ изъ туземцевъ. Всякій владѣлецъ недвижимости, будь онъ негръ или индеецъ, пользуется политическими правами избирателя, присяжнаго, національнаго гвардейца и т. п.; но безграмотные изъ цвѣтныхъ людей плохо цѣнятъ эти политическія права, тяготясь обязанностями ими налагае-

ыми. Впрочемъ, Батсъ замѣчаетъ значительное улучшеніе въ этомъ отношеніи, совершившееся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Батсъ, какъ истый англичанинъ, съ особымъ раченіемъ, приводитъ подробности *выборныхъ* или *электоральныхъ* сценъ, волненій, хитростей, злоупотребленій и т. п., особенно со стороны властей...

Вѣчная зелень, здоровый климатъ, почти совершенное отсутствіе зловредныхъ насѣкомыхъ (которыхъ Батсъ называетъ *насъкомыа-чума*), почва удовлетворительнаго плодородія даже для Бразиліи, частая и обширная сѣть рѣкъ и каналовъ, изобилующихъ рыбою и черепаками, озеро, въ которомъ, во всякое время года, можетъ уместиться на якорѣ цѣлый флотъ пароходовъ, прямое непрерывное водяное сообщеніе съ Атлантическимъ Океаномъ и другія удобства, по видимому, общають Игъ блестящую будущность. Нынѣшнія неудобства этого города состоятъ въ недостаткѣ развлеченій, составляющихъ прелесть европейской жизни; даже для натуралиста одного восхищенія природою недостаточно для удовлетворенія потребности ума и сердца. Батсъ описываетъ намъ жадность, съ которою онъ бросался на европейскіе журналы, доходившіе до него не чаще трехъ или четырехъ разъ въ годъ, и радость при встрѣчѣ съ немногими европейцами, прибывшими въ Игу съ Андовъ, по Амазонкѣ. Нѣсколько такихъ странниковъ поселилось въ Игъ: изъ нихъ три француза и два итальянца были люди получившіе высшее образованіе. Трое изъ такихъ выходцевъ женились на индіанкахъ.

Самыя любопытныя наблюденія, помѣщенные въ сочиненіи Батса, сдѣланы во время пребыванія въ Игъ, на рѣкѣ Теффе, и на песчаныхъ островахъ Солимоенса. Тамъ онъ изучилъ на досугъ нравы индійцевъ Пассѣ, племени менѣе энергическаго и развитаго, чѣмъ Мундуруку, но отличающагося мягкостью нравовъ, правильною жизнію, домашнимъ порядкомъ, гостепримствомъ и другими добрыми качествами. Тамъ онъ ловилъ черепахъ *тракаха* и *аясса* ¹⁾, описавшихъ ихъ подробно и живописно. Здѣсь онъ изучалъ обезьянъ — *краснолицую* ²⁾ и *филинолицую* ³⁾ птицу *зонтикъ* ⁴⁾ съ головою, дѣйствительно

¹⁾ Такое имя дано этой черепахѣ на ярлыкѣ и въ каталогѣ Британскаго музея.

²⁾ У индійцевъ — *уакари*.

³⁾ У индійцевъ *айя*; у натуралистовъ *nicotipitheca*. Эта ночная обезьяна спитъ днемъ.

⁴⁾ *Уфра-мимбу* у индійцевъ.

снабженною родомъ зонтика; *киркафу* ¹⁾, рѣдкій и любопытный видъ обезьянъ; летучую мышь *сампиръ*, совершенно безвредную, не смотря на страшное имя; пять видовъ *тукана* и въ особенности *pteroglossus Beaum-harnaisii*. Но всего любопытнѣе для натуралиста были энтомологическія богатства этой страны. Въ Игъ и ея окрестностяхъ онъ поймалъ до 250 видовъ бабочекъ, совершенно отличныхъ другъ отъ друга, и до 7000 видовъ другихъ насекомыхъ, которыхъ онъ помѣстилъ въ каталогъ, имъ самимъ составленный. Тамъ онъ нашелъ куколку розоваго шелка, весьма крѣпкого, и висящую на шелковинкѣ такъ, что она безопасна отъ клюва насекомоядныхъ птицъ.

Батсу, между прочимъ, удалось повѣрить фактъ, бывший дотолѣ въ большомъ сомнѣніи у натуралистовъ. Онъ видѣлъ двухъ маленькихъ птичекъ, запутавшихся въ паутинѣ, облитыхъ ядовитою слюною насекомога и служившихъ пищею послѣднему. Объ этомъ фактѣ уже давно шла слухи; но Батсъ, первый изъ натуралистовъ, которому удалось убѣдиться въ этомъ фактѣ собственными глазами.

Интересъ предмета заставляетъ насъ почти буквально перевести нѣсколько строчекъ изъ книги Батса.

«Паукъ о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ *mygale avicularis* или другому виду, очень къ нему близкому. Туловище его длиною не менѣе двухъ дюймовъ, ноги же простирались въ стороны, каждая на нѣсколько дюймовъ: все тѣло, равно какъ и ноги, было покрыто весьма грубыми красновато-сѣрыми волосами. Я замѣтилъ движенія чудовища на древесномъ стволѣ и открылъ его подъ глубокою трещиною, поперегъ которой была натянута толстая бѣлая паутина. Нижнія петли этой сѣти были порваны, и дѣтъ малевкія птички запутались въ нитяхъ порванной ткани. Птички были величиною съ маленькаго дубовика и, кажется, это была парочка—самецъ съ самкою. Одна птичка была уже совершенно мертвая; другая еще трепетала въ лапахъ чудовища, облившаго это несчастное созданіе своею ядовитою слюною; но и она околѣла вскорѣ послѣ того, какъ я отнял ее изъ лапъ врага. Уже давно г-жа Меріанъ и Палиссо де Бовуа сообщали свѣдѣнія о *мигалъ*, паукѣ, выходящемъ по ночамъ изъ своей норы, лазающемъ по деревьямъ и питающемся яйцами и птенчиками *птицы-мухи*; но фактъ оставался сомнительнымъ, за отсутствіемъ положительныхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Меріанъ и Палиссо не видѣли факта са-

¹⁾ У индійцевъ *юпура*; у зоологовъ *cercoleptes caudivolvus*.

ми, а приводили только рассказы туземцев. Лангсдорфъ, въ описаніи своего путешествія по Бразиліи, упоминаетъ объ этихъ разсказахъ съ цѣлю выразить свое къ нимъ недоверіе. Я самъ, въ мѣстахъ собственнаго моего наблюденія, нашелъ слушателей невѣрующихъ, или, во крайней мѣрѣ, такихъ, для которыхъ наблюденіе мое было рѣшительною новостію.

«Паукъ, о которомъ я говорю называется здѣсь *arana carangucijera*, что значить буквально *паукъ-ракъ* *)».

По словамъ Батса, волоса, покрывающіе *паукъ-рака*, весьма ломки и легко впиваются въ кожу прикасающейся къ нему руки, причиняя особое своеобразное раздраженіе, котораго жертвою сдѣлался самъ Батсъ. Онъ едва не сошелъ съ ума отъ боли. Не разъ ему удавалось видѣть, какъ дѣти туземцевъ, играя, ловили мигала, привязывали на тонкую бичевку и водили на ней, какъ щемка.

Змѣи весьма часто попадались на пути. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ на деревьяхъ, и ихъ не трудно принять за древесный сукъ, или за изогнутый стволъ какой нибудь ліаны, внезапно получившій жизнь и быстро скользящій съвозъ вѣтви и листву. Встрѣча съ змѣями вообще весьма непріятна для путешественника, снарядившагося только на энтологическую экскурцію. Нерѣдко Батсъ и Уалласъ съ содроганіемъ встрѣчали, собирая на древесной корѣ насекомыхъ, два блестяще глаза и быстрый, какъ молнія, вилообразный языкъ, въ разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ отъ ихъ головъ. Водяные змѣи очень охотно идутъ на приманку кидаемую для рыбъ, и нерѣдко рыбаки на Амазонкѣ вытягиваютъ, вмѣсто рыбы, водяную змѣю. Эти животныя проглатываютъ крючекъ съ наживкою, подобно угрямъ. Такъ какъ весьма многія изъ этихъ змѣй чрезвычайно ядовиты, то не слишкомъ пріятно снимать ихъ съ крючка. Это дѣло туземцевъ, которые совершаютъ его мастерски.

Батсъ разсказываетъ, что однажды, на Купари, одномъ изъ притоковъ Тапохоса, большая водяная змѣя анаконда (*eupectes murinus*), у туземцевъ называемая *сукуруху*, украла съ палубы барки кѣтку съ курицами и причинила много другихъ похищеній, столь же дерзкихъ. Эти продѣлки заставили туземную молодежь собраться на охоту за змѣю. Наконецъ ее нашли грѣющею на солнцѣ, обвившись

*) Сцена съ этимъ страшнымъ паукомъ, у котораго Батсъ отнял добычу, изображена на одной изъ картинокъ, украшающихъ два прекрасно-изданные тома путешествія Батса.

вокругъ толстаго древеснаго сука, при устьѣ болотистаго ручья. Змѣю убили острогами. Она была не изъ самыхъ большихъ, имѣя въ длину только 18 футовъ 9 дюймовъ; но видъ ея былъ отвратителенъ: тѣло, раздувшееся по срединѣ, быстро суживалось къ головѣ и къ хвосту.

Въ Игъ, Батеу рассказывали о большой анакондѣ, которая чуть не сожрала мальчика лѣтъ десяти. Случай происходилъ слѣдующимъ образомъ.

Отецъ съ сыномъ отправились однажды по рѣкѣ Теффе, для сбора плодовъ въ прибрежномъ лѣсу. Они пристали къ берегу на пологомъ, песчаномъ мѣстѣ: отецъ отправился въ лѣсъ, а мальчикъ остался караулить лодку. Самый берегъ окаймлялся дикими говаями и миртами, корни которыхъ омывались водами рѣки. Мальчикъ игралъ на берегу, какъ вдругъ огромная анаконда бросилась на него и начала обвивать своими кольцами. Мальчикъ не могъ бѣжать, но закричалъ страшнымъ голосомъ; къ счастью отецъ былъ близко: онъ кинулся на чудовище, схватилъ его за челюсти и разорвалъ ихъ отчаяннымъ усиліемъ.

Змѣи эти, старѣя, достигаютъ огромныхъ размѣровъ, и Батса увѣрялъ, что нерѣдко убивали змѣй, имѣвшихъ до шести сажень длины, въ чемъ нашъ путешественникъ не видитъ ничего преувеличеннаго. Впрочемъ у туземныхъ жителей ходятъ о змѣяхъ самые странные рассказы. Напримеръ, прибрежные жители Амазонки твердо вѣрятъ въ существованіе чудовищной анаконды въ нѣсколько сотъ футовъ длиною, и увѣряютъ, что это огромное пресмыкающееся показывалось неоднократно въ различныхъ мѣстностяхъ рѣки. Они называютъ эту змѣю *Mai d'Agua*, т. е. *матерью рѣки* (воды). Рассказы о колоссальной анакондѣ разнообразятся на тысячу ладовъ и составляютъ одинъ изъ любимѣйшихъ предметовъ для вечернихъ разговоровъ у огни отдаленныхъ поселеній, Батсъ не сомнѣвается что всѣ эти рассказы основаны на томъ, что туземцамъ случалось видѣть въ Амазонѣ дѣйствительно очень большихъ анакондъ. А вѣдь у страха глаза велики!

Разъ какъ-то Батсъ охотился за насѣкомыми въ сухой лѣсной прогалинѣ, почва которой была покрыта слоемъ опавшихъ листьевъ, толщиной отъ 8 до 10 дюймовъ. Поймавъ одно любопытное насѣкомое, онъ насаживалъ его на булавку, какъ вдругъ услышалъ довольно сильный шумъ, который сначала показался ему порывомъ вѣтра; взглянувъ наверхъ, онъ убѣдился однакожь, что вѣтви и листья деревьевъ были совершенно спокойны. Всегда за тѣмъ, онъ замѣтилъ, что большая змѣя, ползшая по наклонности почвы, виженіемъ своимъ заставляла

крустѣть сухія листья и сучья. Батсу нерѣдко случалось встрѣчаться съ не очень большимъ видомъ боа, называемымъ у туземцевъ подъ названіемъ *кутима бойя*; а хорошо зная привычки и нравы этого пресмыкающагося, нашъ натуралистъ не очень тревожился встрѣчей. Увидѣвъ челоуѣка, змѣя ускорила свое движеніе, и Батсу казалось, что она скорѣе скользнуть, чѣмъ ползаетъ: блестящее тѣло удава, быстро подвигавшееся впередъ, скорѣе походило на узкую струю бурой воды, текущую по толстому слою досохшихъ листьевъ, чѣмъ на змѣю, одѣтую пестрой кожей. На пути пресмыкающагося встрѣтилось большое, вырванное съ корнемъ дерево, подъ которымъ змѣя скрылась въ густомъ слое листьевъ и растений, покрывавшихъ болотистое мѣсто. Батсъ не счелъ разумнымъ дѣломъ преслѣдовать чудовище.

Объ аллигаторахъ Батсъ разсказываетъ много забавнаго и притомъ поучительнаго. Изъ словъ этого очевидца можно заключить, что эти земноводныя вовсе не такъ страшны, какъ обыкновенно думаютъ.

«Разъ мы ловили черепахъ, въ окрестностяхъ Иги, говоритъ Батсъ, какъ вдругъ, въ кругѣ, оцѣпленномъ сѣтями, оказался аллигаторъ. Наши ловцы, бросившіеся въ воду, ничуть не испугались этого пѣтника и опасались только, чтобы онъ не прорвалъ сѣть и не ушелъ. Началась охота.

— Я ударилъ его по головѣ, закричалъ одинъ.

— Я задѣлъ его тоже!

— Онъ опарапалъ мнѣ ногу.

«Множество восклицаній раздавалось въ этомъ родѣ. Одинъ недовольно поворотливый индѣецъ, изъ племени *Маринья* (*marinha*) оступился и упалъ: всѣ хохотали и издѣвались надъ неловкостью индѣйца, и никто не выразилъ ни малѣйшаго опасенія относительно крокодила. Наконецъ, продолжаетъ Батсъ, я закричалъ съ берега одному мальчику лѣтъ 15-ти, чтобы онъ схватилъ крокодила за хвостъ. Мальчикъ исполнилъ это съ такою силою, что одолѣлъ аллигатора и притянулъ его къ берегу. Окончательно онъ былъ вытащенъ сѣтью, которую открыли, и мальчишка заставилъ опасное, но трусливое пресмыкающееся пройти по плу рѣчнаго берега на нѣсколько сотъ футовъ отъ рѣки. Пока маленькій храбрецъ совершалъ этотъ подвигъ, я срѣзалъ зеленый сукъ и, сильно ударивъ имъ аллигатора по головѣ, положилъ его на мѣстѣ. Животное было довольно большаго роста, и своими страшными челюстями, вмѣстѣ до одного фута длины, легко могло откусить ногу у челоуѣка.

То былъ большой видъ каймана *jacare nigra*, который называется индѣйцами амазонскихъ береговъ *jacare nasvu*.

«Въ одномъ мѣстѣ рѣки, продолжаетъ Батсъ, невозможно было войти въ воду для купанья, не подвергаясь приближенію нѣсколькихъ голодныхъ чудовищъ этого рода. Они были поважены множествомъ разнаго рода поваренныхъ остатковъ, бросаемыхъ въ воду. Разъ какъ-то, мнѣ вздумалось взять корзину съ кусками мяса и кормить имъ крокодиловъ. Подобно собакамъ, они ловили подачку на лету и дѣлались постепенно смѣлѣе и назойливѣе. Ничего не можетъ быть отвратительнѣе ихъ огромныхъ кровавыхъ челюстей, унизанныхъ длинными рядами зубовъ; да и вообще видъ всего тѣла этого животнаго производить самое неприятное впечатлѣніе. Раза два я выстрѣлилъ по крокодиламъ крупною дробью, мета въ окрестности глаза, единственное уязвимое мѣсто этихъ покрытыхъ броней животныхъ. Раненный кайманъ испускалъ крикъ, окунывался въ воду, отряхивался и вновь являлся за подачкою.»

Едва вѣршишь, читая подобные рассказы, столь противорѣчащія общепринятымъ понятіямъ. А все-таки невозможно имъ не вѣрить, потому что Батсъ, по общему увѣренію самыхъ компетентныхъ судей, пользуется славой весьма добросовѣстнаго наблюдателя.

Берега Амазонской рѣки весьма богаты заливами съ почти совершенно стоячею водою. Эти воды покрыты листьями и цвѣтами исполинской *амазонской кувшинки* (*puhrhaea amazonica*), болѣе извѣстной у насъ подъ именемъ *царственной викторіи* (*victoria regia*); здѣсь живетъ безчисленное множество разныхъ водяныхъ птицъ, чаекъ, журавлей, аистовъ весьма крупнаго роста. Деревья покрыты попугаями и разновидными пташками, похожими на канареекъ. Встрѣчаются здѣсь также орлы, соколы и коршуны. Самая рѣка, отъ границъ провинціи Пары до устья громадной Мадейры, покрыта непрерывнымъ рядомъ острововъ, а вдоль береговъ встрѣчается множество обширныхъ озеръ, съ свѣтлою водою и несчанымъ дномъ. Въ этихъ озерахъ очень много рыбы и черепахъ, и вообще мѣстность вокругъ нихъ пользуется довольно здоровымъ климатомъ. Къ несчастью, окрестные лѣса наполнены безчисленнымъ множествомъ весьма вредныхъ, хотя и чрезвычайно (почти микроскопически) мелкихъ насѣкомыхъ (клещей и акарусовъ *), которые выдуются съ вѣтвей и листьевъ растений на проходящаго человека, весьма быстро проникаютъ подъ одежду и впиваются въ кожу.

* Изъ нихъ особливо ужасенъ маленькій красный акарусъ, проникающій подъ кожу и причиняющій страшныя болѣзани.

Прим. реценз.

Каждый вечер, послѣ прогулки въ лѣсу, необходимо заняться, по крайней мѣрѣ часть времени, для очищенія тѣла отъ этихъ убійственныхъ паразитовъ. За то, другія наѣдомыя, напримѣръ бабочки, поражаютъ величиною размѣровъ и необыкновенною красотой и яркостью красокъ. Батсъ съ восхищеніемъ рассказываетъ, какъ эти чешуекрылые красавцы летаютъ парами и даже кучами, на большой высотѣ, въ спокойномъ воздухѣ тропическаго утра.

Муравьямъ и термитамъ, живущимъ по берегамъ Амазонской рѣки и ея притоковъ, Батсъ посвящаетъ особую и весьма интересную главу; но кромѣ того, у него разбросано множество свѣдѣній объ этихъ наѣдомыхъ по разнымъ мѣстамъ обонхъ томовъ его сочиненія. Совокупность всего сообщаемаго Батсомъ о южно-американскихъ муравьяхъ могло бы составить особую весьма занимательную и довольно обширную статью; здѣсь же мы скажемъ о нихъ только нѣсколько словъ, потому что статья наша и безъ того уже вышла довольно обширною.

Виды и породы муравьевъ здѣсь весьма разнообразны, но всего замѣчательнѣе двѣ или три.

Нельзя безъ удивленія смотрѣть на муравьевъ въ $4\frac{1}{4}$ дюйма длиною, съ тѣломъ соотвѣтственной толщины, слѣдующихъ длинными процессіями сквозь лѣсную чашу. Эти огромные муравьи принадлежатъ къ виду *dinoponera grandis*, живущему вокругъ корней молодыхъ деревьевъ, не весьма многочисленными колоніями. Хотя у нихъ большое жало, но укушеніе ихъ не столь болѣзненно, какъ многихъ маленькихъ видовъ; да и притомъ нравы этихъ гигантовъ муравейной породы не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Гораздо интереснѣе видъ *сауба* *), поѣдающій листья самыхъ драгоцѣнныхъ деревьевъ и составляющій одно изъ бѣдствій для жителей Бразиліи. Этихъ муравьевъ очень много въ провинціи Парѣ, и нѣкоторые округа до того ими наполнены, что дѣлаютъ земледѣліе невозможнымъ. Переходятъ они съ мѣста на мѣсто длинными вереницами.

Въ обнаженныхъ окрестностяхъ (*кампосахъ*) Сантарема и въ лѣсахъ, окружающихъ Игу, Батсъ слѣдилъ за безчисленными арміями муравьевъ *эцитоновъ* (у индійцевъ *тауока*), которые иногда бываютъ столь же пагубны для человѣка, какъ *сауба* для деревьевъ. Эти муравьи всегда идутъ на поискъ добычи несметными стадами, и весьма опасно попадаться имъ на встрѣчу. Весьма подробно и интересно опи-

*) *Oecodoma cephalotes*.

сываетъ Батсъ различные способы и приемы, характеризующіе отысканіе добычи разнообразными видами муравьевъ, которые ведутъ между собою войны и производятъ правильныя осады жилищъ враждебной породы: мы весьма сожалѣемъ что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ сообщить здѣсь этихъ чрезвычайно любопытныхъ подробностей.

Пѣшеходъ увѣдомляется о предстоящей встрѣчѣ съ арміею муравьевъ тревожнымъ полетомъ и криками маленькихъ стѣрыхъ птичекъ, стадами населяющихъ тростники. Если онъ не остережется, то внезапно очутится среди мириадъ этихъ свирѣпыхъ микроскопическихъ разбойниковъ, которые съ невѣроятнымъ проворствомъ лѣзутъ на платье, забираются до голаго тѣла, схватываютъ кожу своими клещевидными щупальцами и, изогнувши хвостъ, колютъ имъ свою жертву. Туземцы, замѣтивъ приближеніе этихъ муравьевъ, убѣгаютъ съ криками: тауока! тауока! Спасенный отъ этихъ враговъ, человекъ долженъ выдергивать впившихся въ него насккомыхъ поодиначкѣ, разрѣзавъ прежде cadaго по срединѣ; при этомъ жало хвоста и клещи щупальцовъ остаются въ кожѣ и тамъ загниваютъ.

Всѣ животныя бѣгутъ отъ встрѣчи *эцитоновъ*, но всего труднѣе скрыться отъ нихъ безкрылымъ насккомымъ, гусеницамъ, червямъ и вообще мелкимъ организмамъ, живущимъ между сухими листьями и гниющими деревьями. Для птичьихъ гнѣздъ эти муравьи не очень опасны, потому что не забираются высоко на деревья. Очень любопытны ихъ стратегическія соображенія, дисциплина, распоряженія и распределеніе работъ. Мы пять разъ прочитали мѣсто, гдѣ Батсъ описываетъ нападеніе муравьевъ на гнѣзда ось, битву съ осами и побѣду надъ ними. Но чтобы указать все интересное въ сочиненіи Батса, нужно указать на три четверти книги.

Батсъ оставилъ Игу 3-го февраля 1859, и возвратился 17-го марта въ Пару, которой онъ не видѣлъ семь лѣтъ съ половиною.

Въ теченіе этого времени, населеніе Пары увеличилось, городъ украсился, португальскіе и нѣмецкіе выходцы прибывали массами, торговля развивалась, и самыя нравы жителей измѣнились: церкви посѣщались рѣже, завелись балы, концерты, книжныя лавки, и великолѣпная библіотека для чтенія открылась въ новомъ, прекрасно-отстроенномъ зданіи. Уже издавались четыре мѣстные журналы, печатавшіеся въ четырехъ новозаведенныхъ типографіяхъ. За то измѣнились и цѣны на всѣ жизненные потребности: въ 1848 году, Пара былъ одинъ изъ американскихъ городовъ, гдѣ жизнь самая дешевая; въ 1859 году жизнь сдѣлалась въ

нежь чрезвычайно дорогое. За двѣ грязныя маленькия канорки, безъ всякой мебели, нужно было платить найма въ годъ отъ 120 до 150 р. сер., на наши деньги; прислуга же была недоступна по цѣнѣ человѣку, не очень достаточному. Батсъ едва прощаетъ успѣхамъ цивилизаціи ущербъ, нанесенный его кошельку.

Не смотря на шѣтную поговорку: кто явится въ Пару, тамъ и останется, Батсъ оставилъ этотъ городъ 2-го іюня 1859 года и притомъ навсегда. Впрочемъ, не смотря на всѣ неудобства жизни подъ тропиками, онъ сохранилъ о Парѣ пріятныя воспоминанія, что кажется очевиднымъ изъ чтенія его любопытныхъ разсказовъ.

М. Х.

ТЭККЕРЕЙ *)

(ЧЕРТЫ ИЗЪ ЕГО БІОГРАФІИ).

30 декабря прошлаго года толпа изъ полуторы тысячи чело-
вѣкъ провожала на Кенсаль-Гринское кладбище, въ Лондонѣ, про-
стой гробъ. Аристократы и богачи, простые граждане, актеры и
артисты, знаменитѣйшіе писатели и труженники науки составляли
эту процессію, и когда гробъ опустили въ могилу, когда въ серд-
цахъ всѣхъ присутствовавшихъ съ грустною торжественностью
отозвались слова священника: «земля землею будещи», — всѣ бла-
гоговѣнно склонили головы и еще долго стояли вокругъ свѣжей
насыпи.

Подъ этою насыпью, въ этой могилѣ, лежалъ одинъ изъ пер-
выхъ современныхъ писателей, Вильямъ Мекнисъ Тэккерей, скон-
чавшійся въ ночь съ 23 на 24 декабря, на 53 году жизни, въ
полномъ развиги своего могучаго дарованья.

Тэккерей родился въ 1811 г., ровно за годъ до рожденія сво-
его знаменитаго собрата и соотечественника — Диккенса. Роди-
ной его была Калькутта, гдѣ отецъ его, Ричмондъ Тэккерей,
занималъ нѣсколько общественныхъ должностей. Впрочемъ, се-

*) Тэккерей умеръ почти скоропостижно, оставивъ неоконченнымъ одно
изъ лучшихъ своихъ произведеній: *Денисъ Дюваль*. Рука знаменитаго писа-
теля замерла на превосходныхъ страницахъ, какія только являлись нѣтъ подъ
его пера. По отзыву Диккенса и Троллопа послѣдній романъ Тэккерей, кро-
мѣ отдѣльныхъ замѣчательныхъ сценъ, не смотря на свою недоконченность,
представляетъ произведение почти цѣльное. Печатавъ этотъ романъ, мы со-
чли не безынтереснымъ сообщить читателямъ біографическій очеркъ Тэкке-
рея, оставленный по книгѣ Тейлора, только-что вышедшій въ свѣтъ. Ред.

мейство Тэккерей не всегда жило въ Индіи: первый изъ предковъ его, о которомъ сохранились извѣстія и который считается родоначальникомъ этой фамиліи, былъ докторъ Томасъ Тэккерей, занимавшій мѣсто главнаго наставника въ учебномъ заведеніи Гарроу и много способствовавшій славѣ этого заведенія. Память этого человѣка до сихъ поръ чтится тамошними жителями, какъ память почтеннаго ученаго и хорошаго человѣка. Онъ оставилъ послѣ себя шесть сыновей, изъ которыхъ одинъ, между прочимъ, былъ пасторомъ въ Петербороу; младшій сынъ этого семейства былъ дѣдъ знаменитаго романиста. Съ этого времени начинаются переселенія нѣкоторыхъ членовъ фамиліи Тэккерей въ Индію; отецъ автора «Ярмарки Тщеславія» отправился туда въ 1797 г. и оставался тамъ до самой смерти, до 1815 года, года ватерлооской битвы, исторія которой такъ удивительно сплетена съ исторіею «Ярмарки Тщеславія». Такимъ образомъ будущій романистъ остался безъ отца на четвертомъ году и жилъ въ Индіи до 1817 г. съ матерью, которая жива до сихъ поръ и пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ и веселымъ, бодрымъ характеромъ, вошедшимъ даже въ пословицу въ ихъ семействѣ.

Итакъ въ то время, когда Тэккерей увидѣлъ Англію, ему было всего семь лѣтъ. Воспоминаніе объ Индіи живо сохранилось въ его памяти, онъ часто говорилъ о ней въ своихъ сочиненіяхъ и постоянно желалъ снова посѣтить ее. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Калькутты, присталъ къ острову св. Елены, и здѣсь Тэккерей издали видѣлъ Наполеона, гулявшаго въ саду. „Это онъ — крикнулъ Тэккерей его черный слуга — это Бонапартъ! Онъ каждый день съѣдаетъ трехъ барановъ и похищаетъ всѣхъ дѣтей!“

Въ Англіи Тэккерей отдали подъ покровительство его дѣда, имѣвшаго хорошее состояніе и жившаго въ небольшомъ мѣстечкѣ подлѣ Чаннингъ-Борнема. На двадцатомъ году онъ поступилъ въ чартерюзское училище и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ этого заведенія, пользовавшагося въ то время довольно обширною извѣстностью. Тэккерей всегда съ любовью вспоминалъ, какъ въ разговорѣ, такъ и въ своихъ сочиненіяхъ, объ этомъ училищѣ, и еще за двѣ недѣли до смерти былъ тамъ, по своему обыкновенію, на празднованіи годовщины смерти Томаса Сэттона, основателя этой школы. „Тэккерей — пишетъ одинъ изъ очевидцевъ — сидѣлъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ въ красивой старой часовнѣ. Оттуда онъ прошелъ въ комнату начальника заведенія для слушанія проповѣди, и въ то время, какъ онъ напеча-

вился къ оратору, его встрѣтили такими искренними рукоплесканіями, какими только картезіанскіе монахи могутъ награждать человека, обезсмертившаго ихъ училище. За обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ со своимъ другомъ и сотрудникомъ по „Пончу“, Джономъ Личемъ, и въ юмористическомъ спичѣ произнесъ тостъ за благородное заведеніе, которое онъ украсилъ своею литературною славой и сдѣлалъ популярнымъ въ своихъ сочиненіяхъ.“

Изъ Чартергоуза Тэккерей перешелъ въ учебное заведеніе Троицы (Trinity College), въ Кембриджъ, гдѣ товарищами его были, между прочимъ, знаменитый ученый Кемблъ и извѣстный поэтъ Теннисонъ. Съ этимъ послѣднимъ онъ былъ друженъ до самой смерти и оставался однимъ изъ восторженнѣйшихъ почитателей его произведеній. Жизнь Тэккерей въ этомъ училищѣ замѣчательна тѣмъ, что тутъ обнаружился первые, конечно слабые, начатки его дѣятельности. Въ это время ему было только 18 лѣтъ. Въ сообществѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, онъ началъ издавать журналъ подъ заглавіемъ: «Сяобсъ; журналъ литературный и ученый». Содержаніе каждаго номера было небогатое и легкое, и состояло изъ шутокъ и юмористическихъ очерковъ въ стихахъ и прозѣ; какъ ни незначительны были эти произведенія, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже тогда пробивались зародыши того юмора, которымъ отличались слѣдовавшія за ними журнальныя статьи будущаго романиста. Тутъ же онъ началъ заниматься живописью — занятіе, котораго не оставилъ до самой смерти, хотя вся дѣятельность его въ этомъ отношеніи не выходила за предѣлы рисованія каррикатуръ и разныхъ юмористическихъ сценъ.

Въ 1831 году, онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми англичанами, отправился въ Веймаръ, гдѣ въ то время жилъ Гете. «Моимъ наслажденіемъ въ то время — говоритъ Тэккерей — было рисовать каррикатуры для дѣтей» — привычка, съ которою онъ никогда не разставался. Много лѣтъ спустя, когда онъ пользовался уже громкою извѣстностью, онъ снова посѣтилъ Веймаръ, и тутъ съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что многія изъ его каррикатуръ сохранились; но еще съ большею гордостью онъ рассказывалъ, что въ 1831 году самъ великій Гете смотрѣлъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Недавно вышла прекрасная біографія Гете, написанная Льюисомъ (Lewes); въ ней авторъ помѣстилъ интересное письмо къ нему Тэккерей объ этомъ періодѣ его жизни и объ обществѣ, въ которомъ онъ находился. По словамъ его, великій герцогъ и герцогиня принимали молодыхъ англичанъ съ

самымъ милымъ радушіемъ, и приглашенія на обѣды, балы и рауты сдѣланысь одно другимъ. Таккерей удалось купить шлягу Шиллера; онъ сдѣлалъ ее частью своего придворнаго костюма, и она висѣла у него въ комнатѣ до самой его смерти, для того, какъ говорилъ онъ, чтобы напоминать ему о лучшихъ дняхъ его молодости. Но самое интересное мѣсто въ этомъ письмѣ Таккерей то, въ которомъ онъ рассказываетъ о своемъ свиданіи съ Гете, — рассказъ, бросающій довольно яркій свѣтъ на личность этого поэта-аристократа. «Въ 1831 г. — пишетъ Таккерей — Гете жилъ въ совершенномъ отдаленіи отъ свѣта, но тѣмъ не менѣе желалъ, чтобы иностранцы встрѣчали въ его домѣ радушный пріемъ. Чайный столъ его невѣстки былъ всегда накрытъ для насъ. Мы проводили за нимъ цѣлые часы въ самыхъ приятныхъ разговорахъ и занятіяхъ музыкою. Мы прочли безконечное число разсказовъ и стихотвореній на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ... Гете постоянно оставался въ своихъ комнатахъ, куда допускались только немногіе избранные; но онъ всегда освѣдомлялся о всемъ, что происходило въ его домѣ и интересовался всѣми иностранцами... Я очень хорошо помню смущеніе, съ которымъ я, девятнадцатилѣтній юноша, получилъ давно желанное увѣдомленіе, что *господинъ тайный совѣтъ* желаетъ видѣть меня. Эта почетная аудіенція происходила въ маленькой пріемной его покоевъ, заставленной сверху до низу древними фигурами и барельефами. На немъ былъ длинный сюртукъ изъ толстаго сукна и бѣлый галстукъ; въ петлѣ сюртука — красная ленточка. Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ Раухъ представилъ его въ своихъ статуеткахъ. Цвѣтъ лица его былъ очень свѣтелъ и свѣжъ; глаза — необыкновенно темны, пронзательны и блестящи. Я почти испугался этого взгляда и помню, что сравнилъ его съ взглядомъ героя романа «Мельмотъ Скиталецъ», которымъ насъ пугали въ дѣтствѣ... Голосъ Гете былъ очень звученъ и приятенъ. Онъ началъ спрашивать меня обо мнѣ, и я отвѣчалъ, какъ могъ. Помню, что меня сначала удивило, а потомъ отчасти обрадовало, когда услышалъ, что онъ произносилъ французскія слова не совсѣмъ хорошо. *Vidi tantum*. Послѣ этого я видѣлъ его всего два раза: одинъ, когда онъ прохаживался въ своемъ саду въ *Frauenplan*, другой — когда онъ садился въ коляску, одѣтый въ сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и съ фуражкой на головѣ. Въ это время онъ ласкалъ прелестнѣйшую, бѣлокурую дѣвочку, свою внучку, которая давно уже лежитъ въ могилѣ. Нѣкоторые изъ насъ, по-

лучавшіе изъ Англіи книги и журналы, посылали ихъ ему, и онъ внимательно просматривалъ ихъ. «Fraser's Magazine» тогда только что началъ издаваться, и я помню, что онъ интересовался тѣми прекрасными гравюрами, которые нѣкоторое время появлялись на страницахъ этого изданія. Но въ одномъ изъ его номеровъ была помѣщена весьма злая карриатура Роджерса; увидѣвъ ее, повѣтъ, какъ мнѣ рассказывала потомъ г-жа Гете, гнѣвно отбросилъ книгу и сказалъ: «Они хотятъ представить изъ меня урода», хотя, правду сказать, я не видѣлъ ничего яснѣе, величественнѣе и *здоровѣе* выраженія великаго старика Гете. Не смотря на то, что солнце его склонилось къ закату, небо, окружавшее его, было спокойно и свѣтло, и проливало блескъ на этотъ маленький Веймаръ. Въ каждой изъ этихъ милыхъ гостиныхъ разговоръ всегда шелъ объ искусствахъ и литературѣ... При дворѣ бесѣды были крайне пріятливы, просты и изящны. Великая герцогиня, женщина съ весьма замѣчательными способностями, съ удовольствіемъ принимала отъ насъ книги, сужала насъ своими и благосклонно разговаривала съ нами о нашихъ литературныхъ вкусахъ и стремленіяхъ... Съ того времени прошло уже двадцать пять лѣтъ, въ теченіи которыхъ я познакомился съ бесконечно-разнообразными экземплярами человѣческой породы, но никогда я не встрѣчалъ общества болѣе простаго, гуманнаго, благороднаго и изящнаго, какъ общество милой, маленькой столицы, Саксоніи, гдѣ жили добрый Шиллеръ и славный Гете, и гдѣ оба они похоронены.

Въ это время ничто не могло навести на предположеніе, что изъ Тэекерей не только выйдетъ знаменитый писатель, но что и вообще онъ посвятить себя литературной дѣятельности. Напротивъ того, все свое время онъ посвящалъ живописи; онъ рѣшился сдѣлаться живописцемъ, и долго съ большимъ прилежаніемъ стремился къ осуществленію своего плана. Еще въ 1848 г. онъ проводилъ дѣлые дни въ Луврѣ, копируя картины извѣстныхъ художниковъ. Но и въ этихъ занятіяхъ сказалось врожденное, сатирическое свойство его натуры; — серьезныя работы ему рѣшительно не давались и въ характерѣ его дарованія (конечно, не въ степеніи) было много сходнаго съ характеромъ Гогарта, знаменитаго англійскаго каррикатуриста.

Литературная карьера Тэекерей началась въ 1884 г. сотрудничествомъ въ журналѣ „Fraser's Magazine“; но и тутъ онъ является не собственно писателемъ, такъ какъ разсужденія о живописи играли въ этихъ первыяхъ статьяхъ его почти главную роль. Впрочемъ, были въ нихъ подробности и о Франціи, въ которой

онъ питалъ особенную привязанность; большую часть времени въ этомъ періодѣ своей жизни онъ проводилъ въ Парижѣ, и оттуда посылалъ свои корреспонденціи въ Лондонъ. Воспоминаніе объ этихъ дняхъ никогда не оставляло Тэккерей, и нѣкоторыя подробности своего тогдашняго пребыванія въ Парижѣ онъ изобразилъ въ своемъ позднѣйшемъ романѣ: „Странствованія Филиппа по свѣту.“ Онъ жилъ весьма скромно, въ Латинскомъ кварталѣ, и вращался преимущественно въ обществѣ студентовъ и художниковъ. Впослѣдствіи, когда громкая слава его уже распространилась по свѣту, онъ снова посѣтилъ Парижъ, и тутъ щедро помогалъ бѣднымъ художникамъ и литераторамъ, да и вообще всѣмъ, кто дѣйствительно терпѣлъ лишения. О добрыхъ дѣлахъ его въ то время ходитъ не мало анекдотовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, рассказанный очевидцемъ: „Разъ, утромъ, войдя въ спальню Тэккерей, я увидѣлъ, что онъ кладетъ золотыя монеты въ коробочку для пилюль, на крышкѣ которой было написано: *prendre вѣ случаѣ нужды*.—Что это вы дѣлаете?—спросилъ я.—Да вотъ—отвѣчалъ онъ—я нашелъ въ Парижѣ одного старика, который говоритъ, что онъ очень боленъ и не знаетъ, что ему дѣлать; и подозреваю, что ему нужно именно это лекарство, и вотъ почему докторъ Тэккерей намѣревается предпринять этотъ способъ леченія. Пойдемте вмѣстѣ къ нашему больному.“

Привязанность Тэккерей къ Франціи основывалась, впрочемъ, не на сочувствіи его къ французскому порядку вещей того времени. Статьи, которыя онъ писалъ въ то время, заключали въ себѣ, между прочимъ, строгое и пылкое осужденіе политическихъ, соціальныхъ и литературныхъ недостатковъ Франціи; главными предметами его нападокъ были: реакціонное правленіе Людовика-Филиппа, июльское правительство и знаменитая хартія 1830 г. Онъ съ удовольствіемъ жилъ въ Парижѣ собственно потому, что Парижъ въ то время считался раемъ молодыхъ художниковъ. Владѣя хорошимъ состояніемъ (20 т. ф.), молодой Тэккерей проводилъ дни въ Луврѣ, а вечера въ обществѣ французскихъ артистовъ, или дома, за сочиненіемъ восторженныхъ корреспонденцій о парижскихъ художественныхъ выставкахъ, или—разборовъ произведеній французскихъ писателей, или—маленькихъ рассказовъ изъ жизни французскихъ художниковъ, и т. п.

Но среди этихъ занятій живописью любовь къ литературѣ все болѣе и болѣе усиливалась въ немъ, и живописецъ все болѣе и болѣе уступалъ мѣсто писателю. Что касается до характера его литературной дѣятельности въ это время, то уже теперь будущій

романистъ начиналъ сказываться въ Тэkkerей; по крайней мѣрѣ, въ своихъ библиографическихъ статьяхъ, которые онъ писалъ для англійскихъ и американскихъ журналовъ, онъ отдавалъ предпочтеніе повѣствовательной литературѣ предъ всѣми другими отраслями ея. Въ это время вышли записки Пиквикскаго клуба „Диккенса“. Я увѣренъ—писалъ Тэkkerей—что человекъ, который черезъ сто лѣтъ захочетъ написать исторію нашего времени, поступитъ несправедливо, если отброситъ, какъ пустое произведеніе, эту великую современную исторію „Пиквика“. Въ ней заключаются вѣрные характеры подъ вымышленными именами, — и подобно „Родерику Рандому“ *), стоящему ниже ея, и „Томъ-Джонсу“ **), далеко превосходящему ее, она даетъ намъ о государственной и народной жизни Англій понятіе гораздо вѣрнѣе того, которое можно извлечь изъ болѣе громкихъ и достовѣрныхъ описаній“.

Тэkkerейу было двадцать три года, когда онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ „Fraser's Magazine“, — журнала, пользовавшагося въ то время громадною извѣстностью какъ въ Англій, такъ и въ другихъ европейскихъ странахъ. Да это и не удивительно, потому что сотрудниками его были извѣстный въ настоящее время подъ псевдонимомъ Берри Конвалля романистъ Вальтеръ Проктеръ, Робертъ Соути, Уильямъ Энсвортъ, Самуилъ Коль-риджъ, Джемсъ Гоггъ, Томасъ Карлейль и др. Въ такой-то кружокъ попалъ Тэkkerей при самомъ началѣ своей литературной карьеры; но статьи его, носившія въ себѣ признаки истиннаго таланта, проходили незамѣченными, и имя его оставалось рѣшительно не извѣстнымъ для публики, тѣмъ болѣе что онъ долго писалъ подъ различными псевдонимами. Первый псевдонимъ, принятый имъ, былъ—Чарльзъ Йеллоуплешъ (Yellowplosh); —статьи Тэkkerей, относящіяся къ этому времени, имѣли характеръ критико-право-описательный.

Къ 1836 г. относится первая встрѣча Тэkkerей съ Диккенсомъ. Тэkkerей явился къ знаменитому романисту съ предложеніемъ — нарисовать картины для „записокъ Пиквикскаго клуба“, выходившихъ въ то время вторымъ изданіемъ. Диккенсъ и не подозревалъ, конечно, что передъ нимъ стоялъ человекъ, литературной славѣ котораго суждено было сравняться съ его собственною, если не превзойти ее. Для него Тэkkerей былъ довольно дѣягель-

·) Романъ Смоллета.

··) Романъ Фильдингга.

мысль сотрудиномъ английскихъ журналовъ, а какъ художникъ, не имѣвшимъ никакого значенія. Предложеніе Тэккерей было отвергнуто. Рассказываютъ, что когда это случилось, будущій авторъ „Пенденниса“ сказалъ Диккенсу: „хорошо же, если вы не хотите, чтобъ я рисовалъ, я стану писать“—и съ этой минуты рѣшился соперничать съ знаменитымъ романистомъ. Другіе опровергаютъ справедливость этого анекдота тѣмъ обстоятельствомъ, что Тэккерей началъ серьезно заниматься литературой только годъ черезъ два послѣ этого происшествія и что въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ ему приходилось упоминать о Диккенсѣ, онъ всегда относился къ нему съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ (въ это время Тэккерей писалъ подъ псевдонимомъ Мивель-Анджело Титмарша) на художественной выставкѣ появился портретъ Диккенса; въ рецензіи по поводу этого портрета, Тэккерей говорилъ, между прочимъ, вотъ что: „какой свѣтлый умъ разлитъ въ глазахъ этого человѣка и въ его широкомъ лбу! Ротъ, можетъ быть, слишкомъ широкъ и губы слишкомъ толсты; но улыбка весьма кротка и обличаетъ великодушный характеръ. Если бы Бальзакъ, этотъ многоточный физиономистъ, могъ осмотрѣть эту голову, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, объяснилъ бы каждую черту лица и нашелъ бы, что носъ твердъ и хорошо расположенъ, а ноздри широки и толсты, какъ у всѣхъ гениальныхъ людей (таково правило Бальзака). Прошедшее и будущее каждаго человѣка—говорить Жанъ-Поль—написано на его лицѣ. Я полагаю, что мы можемъ обѣщать этому человѣку блестящую будущность. Въ лицѣ его не видно ни малѣйшаго душевнаго ослабленія, ни малѣйшаго чувства усталости, ни малѣйшаго сознанія упадка силъ. О, Боцъ! *) дай богъ, чтобъ ты долго еще царствовалъ въ твоемъ комическомъ царствѣ; дай богъ, чтобъ мы долго еще платили тебѣ подати, по три ли пенса въ недѣлю или по шиллингу въ мѣсяцъ,—это все равно. Могущественный государь! Титмаршъ, униженѣйшій изъ твоихъ слугъ, повергаетъ къ твоимъ царственнымъ ногамъ обѣтъ вѣрности и скромную дань своего восхваленія“.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ Тэккереевскихъ статей того времени, относившееся къ Диккенсу; оно было написано по поводу „Святочныхъ рассказовъ“ этого послѣдняго **). „Эта книга—

*) Извѣстный псевдонимъ Диккенса.

**.) Отрывки изъ этихъ „Святочныхъ Рассказовъ“ были напечатаны въ „Русскомъ Словѣ“ прошедшаго года.

говорилъ Теккерей—сочинена человекомъ, стоящимъ во главѣ всѣхъ современныхъ юмористовъ Англїи; молодымъ человекомъ, спокойно занявшимъ первое мѣсто между всеми своими друзьями и удержавшимъ за собою это мѣсто. Подумаемъ обо всемъ, чѣмъ мы одолжены Диккенсу за послѣднія шесть лѣтъ, объ этомъ длинномъ рядѣ счастливыхъ часовъ, которые онъ заставилъ насъ провести, о милыхъ и веселыхъ товарищахъ, съ которыми онъ познакомилъ насъ; о его невольномъ смѣхѣ, великодушномъ остроумїи, о той открытой, мужественной, гуманной любви, которую онъ научилъ насъ чувствовать! Каждый мѣсяць этихъ годовъ приносилъ намъ какой нибудь дорогой даръ этого прелестнаго гения... Эта книга, по моему мнѣнію, есть благодѣяніе, оказанное всей націи, и каждый мужчина или каждая женщина, читающіе ее, должны смотрѣть на нее какъ на личное одолженіе, сдѣланное имъ авторомъ. Недавно я слышалъ, какъ о ней разговаривали двѣ женщины; обѣ они были незнакомы между собою, ни одна изъ нихъ не знала автора, а между тѣмъ и та, и другая сказали о немъ: да благословитъ его Богъ!.. Какъ долженъ быть счастливъ писатель, способный внушать такіа чувства“?

Въ 1836 г. Теккерей захотѣлось попробовать свои силы на издательскомъ поприщѣ, мы называемъ эту попытку первую, потому что вышеупомянутое изданіе „Сноба“ было ничто иное, какъ студенческая шутка. Для осуществленія своего плана онъ сошелся съ своимъ тестемъ, майоромъ Смитомъ; составилъ капиталъ въ 60 т. ф., раздѣленный на акціи въ 10 ф. каждая,—и 15 сентября 1836 г. появилась въ Лондонѣ новая газета подъ заглавіемъ: „Constitutional and Public Ledger“. Впрочемъ, Теккерей оставилъ себѣ въ новомъ изданіи довольно скромную роль; онъ взялъ на себя обязанность парижскаго корреспондента, (потому что, тотчасъ по выходѣ перваго номера, снова уѣхалъ въ Парижъ); редакторомъ же былъ сдѣланъ Леманъ Бланшаръ. Направленіе газеты было ультра-либеральное; она требовала полной свободы печати, расширенія народной подачи голосовъ, вотировки законовъ посредствомъ баллотирования, сокращенія сроковъ парламентскихъ засѣданій, равенства всѣхъ гражданскихъ правъ и религіозной свободы. Нѣсколько вліятельнѣйшихъ членовъ либеральной партїи, въ томъ числѣ Гротъ, Молесвортъ, Юкъ и полковникъ Томпсонъ, обѣщали поддерживать газету и содѣйствовать ея распространенію. Письма Теккерей, которыя онъ подписывалъ буквами: „Т. Т.“, были не особенно замѣчательны. Главнѣйшій предметъ ихъ составляли нападки на іюльское правительство,

а направленіе ихъ было энтузіастически-либеральное. 8 октября онъ писалъ изъ Парижа: „Къ счастью, мы довольно сильны для того, чтобы не бояться открытой вражды, ;
 ;
 но если радикализмъ, по ихъ мнѣнію, грѣхъ, то онъ существуетъ не только за Альпами, но и за британскимъ каналомъ“. Не смотря, однако, на всѣ старанія участниковъ и повровителей газеты, успѣхъ ея былъ далеко не блистательный. Въ 1837 г. издатели уже увидѣли себя въ необходимости превратить издание, и послѣдній номеръ ея вышелъ 1-го іюля этого года. Въ этомъ неудачномъ дѣлѣ Таккерей потерялъ почти все, что оставалось ему отъ его состоянія.

Къ этому же времени относится женитьба его на дѣвицѣ Шау; отъ этого брака родились двѣ дочери, старшая изъ которыхъ недавно выступила на литературное поприще романомъ „Елисавета“ *) обличающимъ весьма замѣчательное дарованіе. Въ 1837 г. онъ переехалъ изъ Парижа въ Лондонъ, и тутъ все прилежнѣе и прилежнѣе занимался литературою, хотя все еще не приступалъ къ какому нибудь серьезному произведенію и не появлялся въ публикѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Въ это время онъ сотрудничалъ въ „Times“ (гдѣ между прочимъ, написалъ статью о Фильдингѣ), въ „Torch“, въ „Partlenon“ и главнымъ образомъ въ „Fraser's Magazine“, гдѣ его „Jellowplush Papers“ начали обращать на себя нѣкоторое вниманіе публики. Но до мало-мальски значительной извѣстности было еще далеко. Литературная дѣятельность его въ этомъ періодѣ (1837-40 г.) на нѣкоторое время остановилась вслѣдствіе страшнаго семейнаго несчастія: его нѣжно любимая жена сошла съ ума. Въ это время онъ напечаталъ въ „Fraser's Magazine“ длинный рассказъ подъ заглавіемъ „The slabby genteel“, но не кончилъ его, пораженный тяжелымъ горемъ.

Въ 1840 году онъ собралъ нѣкоторыя изъ прежде напечатанныхъ статей своихъ и издалъ ихъ особымъ сборникомъ, подъ заглавіемъ: „The Paris Sketch Book“, и подъ псевдонимомъ Титмарша. Книга эта не слишкомъ замѣчательна въ литературномъ отношеніи; интересно въ ней предисловіе, обрисовывающее съ извѣстной стороны личность знаменитаго романиста. Предисловіе это обращено къ парижскому портному Арцу, которому и посвящена вся книга по слѣдующей оригинальной причинѣ. Послѣ прекращенія газеты „Constitutionel“ Таккерей, потерявшій въ этомъ

*) Русскій переводъ этого романа печатается въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“.

дѣль, какъ мы уже замѣтили, почти все свое состояніе, очутился въ Парижѣ, въ довольно затруднительномъ положеніи; въ такое время кредиторы особенно усердно посѣщаютъ своихъ должниковъ. Однимъ изъ такихъ кредиторовъ Теккерея оказался вышеупомянутый Арецъ; въ одно прекрасное утро онъ явился къ своему должнику съ счетомъ и получилъ въ отвѣтъ, что немедленная уплата долга почти невозможна. «О, въ такомъ случаѣ не безпокойтесь—замѣтилъ обязательный кредиторъ—если вы нуждаетесь въ деньгахъ, что весьма помятно, когда живешь на чужой сторонѣ, то у меня есть тысяча франковъ, которые вполнѣ къ вашимъ услугамъ». Великодушное предложеніе было тотчасъ же принято; замодавещъ отказался даже отъ процентовъ. Теккерей не забылъ этого поступка и рѣшился посвятить пертному свою первую книгу. Болѣе значительный, хотя тоже далеко не громкій, успѣхъ выпалъ на долю изданнаго въ 1841 году сборника подъ заглавіемъ: «Комическіе рассказы и очерки, изданные и иллюстрированные Микель-Анджелло Титмаршемъ» и перепечатанную особымъ изданіемъ «Jellowplush Papers». Имя Титмарша мало по малу приобрѣтало извѣстность, которая особенно усилилась въ 1841 году, послѣ напечатанія рассказа: „Исторія Самуила Титмарша и великаго Гоггарта Даймона“; впрочемъ, извѣстностью это имя пользовалось не въ массѣ публики, а въ кружкѣ тѣхъ людей, которые обладали тонкимъ критическимъ чутьемъ и сразу могли оцѣнить неподдѣльное дарованіе. Такъ извѣстный критикъ Стерлингъ писалъ своей матери: „Я получилъ двѣ первыя части „Гоггарта Даймонда“ и читаю ихъ съ крайнимъ наслажденіемъ. Можно ли найти что нибудь лучше у Фильдинга или Гольдеманта? Этотъ человѣкъ обладаетъ гениальнымъ талантомъ, и можетъ написать образцовыя произведенія, которыя будутъ жить очень долго и улаждать миллионы еще неродившихся читателей. Въ каждой изъ этихъ страницъ больше правды и естественности, чѣмъ во всѣхъ произведеніяхъ ...са, взятыхъ вмѣстѣ“. За „Исторіей Самуила Титмарша“, печатаніе которой окончилось въ 1843 году, послѣдовала „Книга ирландскихъ очерковъ“ (Irish Sketch Book), обратившая на себя большаго вниманія; въ это же время Теккерей, все подъ псевдонимомъ Титмарша, напечаталъ „Приключеніе Берри Линдонъ“, — рассказъ, который многіе считаютъ однимъ изъ его оригинальнѣйшихъ произведеній; но окончательная извѣстность имени Титмарша установилась только въ 1845 году, послѣ появленія книги: „Описаніе путешествія отъ Корнвилля до Баира чрезъ Лиссабонъ, Аѳины, Константинополь и Іерусалимъ,

совершеннаго на пароходахъ полуостровитянской (Petalgal) и восточной лондонки; составлено М. А. Титмаршемъ, авторомъ „Irish Sketch Book“ и проч. Сочиненіе это было сдѣлано въ пуэтизмѣ, которое Тэкерей совершилъ въ 1844 году. Книга была очень хорошо принята публикой, и съ авторъ заговорили. Тутъ въ первый разъ имя Тэкерей появилось въ печати: хотя сочиненіе было издаеъ съ именемъ Титмарша, но модъ предисловіемъ была подписана: „В. М. Тэкерей“. Вотъ что писалъ въ то время одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ: „Кто такой Титмаршъ?—такова формула, въ которой избытокъ публики обнаруживаетъ свое нетерпѣніе открыть знаменитый недостатокъ. Кто такой Микель-Анджело Титмаршъ?—таковъ вопросъ, который слышится теперь повсюду“...

Основаніе въ 1841 г. „Попча“ имѣло большое вліяніе на развитіе таланта и распространеніе славы Тэкерей. Онъ сдѣлался ревностнымъ сотрудникомъ этого журнала. Публика все болѣе и болѣе уважала имя Тэкерей, и запросъ на его произведенія увеличивался; рядъ статей модъ заглавіемъ „James'Diary“ читался съ большимъ удовольствіемъ.

Но все это было только прологомъ къ великой славы. Она началась въ началѣ 1847 г. съ появленіемъ первой части „Ярмарки Тщеславія“. Этотъ романъ печатался помѣсячно и окончился въ июлѣ 1848 г. Друзья Тэкерей и всѣ, сдѣлавшіе за его литературной карьерой съ особеннымъ интересомъ, приняли „Ярмарку Тщеславія“ съ восторгомъ и предсказали ей блестящую будущность; но критическіе журналы отнеслись къ первымъ номерамъ ея довольно холодно. Особенное вниманіе публики обратилось на новое произведеніе только послѣ разбора, напечатаннаго въ „Edinburgh Review“ послѣ выхода первыхъ одиннадцати номеровъ журнала, гдѣ помѣщалось оно. «По нашему мнѣнію—писалъ рецензентъ — „Ярмарка Тщеславія“ — произведеніе, хотя еще неоконченное, но стоящее неизмѣримо выше всѣхъ другихъ произведеній того же автора. Громадную прелесть этого произведенія составляютъ полное отсутствіе манерности и аффектаціи какъ въ стилѣ, такъ и въ содержаніи, задушевная откровенность, съ которою авторъ относится къ читателю, полная безпечность, съ которою онъ позволяетъ своимъ мыслямъ и чувствамъ идти ихъ естественнымъ путемъ, какъ будто совершенно увѣренный, что не скажетъ ничего грязнаго или недостойнаго, ничего такого, что потребовало бы вуаированія, псаломы или прикрытія приличною одеждою... Съ другой стороны, онъ никогда не настан-

взвѣтъ слишкомъ сильно на чемъ бы то ни было, не прибѣгаетъ къ слишкомъ усиленной разработкѣ; онъ сыплетъ свои тончайшія замѣчанія и счастливіишія объясненія, какъ Бокингамъ сыпать свои жемчуги, и предоставляетъ внимательному наблюдателю подобрать ихъ. Его эффекты всегда здравы, цѣлостны, законны, — и намъ нѣтъ надобности прибавить, что въ его произведеніяхъ мы никогда не встрѣчаемся съ физическими ужасами писателей школы Евгенія Сю или мимодрамагическими злодѣями... Его пабось (хотя не такой глубокой какъ пабось Диккенса) необыкновенно изященъ, можетъ быть больше потому, что онъ по видимому борется съ нимъ и какъ будто стыдится, что публика замѣтитъ его сентиментальное настроеніе; но попытка его являться въ этихъ случаяхъ сатирикомъ или философъ остается бесполезною попыткою; и читая его, мы не разъ съ удивленіемъ видимъ подтвержденіе той истины, что изящная и добрая натура, при самой высокой гордости своихъ умовъ, все-таки платитъ дань сердцу“.

Со времени появленія „Ярмарки Тщеславія“ слава Таккерей начала быстро возрастать. Во время печатанія этого романа онъ нашелъ время надать „святоточный“ рассказъ подъ заглавіемъ: „Наша Улица“, который появился въ декабрѣ 1847 г., а послѣ Рождества потребовалъ уже второго изданія. Въ 1849 г. онъ далъ публикѣ „Пенденниса“, „доктора Бѣрча“ и „Розенку и Розенцу“. Во время печатанія „Пенденниса“ въ журналахъ „Morning Chronicle“ и „Examiner“ появились разборы этого произведенія; по поводу нѣкоторыхъ замѣчаній рецензентовъ, Таккерей написалъ редактору „Morning Chronicle“ замѣчательное письмо о „достоинствѣ литературы“, которое мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь съ небольшими сокращеніями:

„М. Г. Въ руководящей статьѣ вашей газеты отъ 3 числа вы рассуждаете о литературныхъ пенсіонахъ и „status“ литераторовъ въ нашемъ отечествѣ, и подкрѣпляете ваши доводы извлеченіями изъ романа „Пенденнисъ“, печатающагося въ настоящее время. Вы всегда встрѣчали мои сочиненія такъ благосклонно, что если теперь вамъ показалось необходимымъ возстать противъ нихъ или ихъ автора, то я не оспариваю вашего права порицать меня и ни на минуту не сомнѣваюсь въ дружескомъ расположеніи и честности моего критика; и хотя я могъ бы опровергнуть справедливость вашего обвиненія противъ меня, но рѣшился пройти его молчаніемъ, потому что въ душѣ былъ

совершенно спокоенъ на этотъ счетъ. Но другая, весьма почтенная и извѣстная газета воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы подвергнуть обезужденно вопросу, поднятѣй въ вашей руководящей статьѣ; она высказывается въ пользу пенсіоновъ для литераторовъ точно такъ же, какъ вы востаете противъ нихъ; и единственный пунктъ, въ которомъ „Examiner“ и „Chronicle“ сходятся, по несчастью касается меня; обѣ руководящія статьи подвергаютъ меня общему осужденію: „Chronicle“ за то, что я раздѣляю пагубный предрасудокъ противъ литераторовъ, „Examiner“ за то, что я „унижаюсь до поддержанія этого предрасудка въ общественномъ мнѣніи и выставляю въ карикатурѣ моихъ литературныхъ собратьевъ для того, чтобы польстить „нелитературному классу“. Обвиненія „Examiner“ противъ человека, который, сколько ему извѣстно, никогда не стыдился своей профессіи и ни одной написанной имъ строки, (которые только своею неудовлетворительностью въ литературномъ отношеніи конфузили его), бездоказательны. Обвиненія въ томъ, что я „унижаюсь до лести“ какому нибудь сословію — я слышу въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ пишу; что касается до изводимого на меня преступленія „лести нелитературному классу насмѣшками надъ моими литературными собратьями, то оно, если бы я дѣйствительно былъ повиненъ въ немъ, доказывало бы не только мою низость, но и глупость, на что я, право, не способенъ. Редакторъ „Examiner“, можетъ быть, подобно другимъ писателямъ, пишетъ въ торопяхъ и не думая о послѣдствіяхъ, къ которымъ могутъ привести нѣкоторыя изъ его мнѣній. Если я унижаюсь до лести чѣмъ бы то ни было предрасудкамъ изъ-за своего собственнаго интереса, то я ни больше ни меньше, какъ бездѣльникъ и мошенникъ; такое заключеніе естественно выводится изъ мнѣнія, высказаннаго „Examiner“, и я не унижусь до опроверженія этого мнѣнія, потому что оно само по себѣ нелѣпно. Я не согласенъ съ тѣмъ, что значительное число тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ „Examiner“ обозначаетъ общимъ названіемъ „нелитературнаго класса“, можетъ испытывать малѣйшее удовольствіе въ присутствованіи при униженіи или поруганіи литераторовъ. На какомъ основаніи обвинять „нелитературный классъ“ въ такой неблагодарности? Если писатель доставляетъ читателю удовольствіе или пользу, то конечно читатель будетъ имѣть хорошее мнѣніе о человѣкѣ, оказывающемъ ему такіа услуги. Какой разумный человѣкъ, каковы бы ни были его политическія убѣжденія, не встрѣтитъ съ уваженіемъ и

удовольствиемъ того сотрудника „Examiner“, о которомъ ваша газета сказала, что онъ „заставляетъ всю Англiю смѣяться и думать!“... Развѣ хоть одинъ писатель написавшій хорошую книгу—будь это повѣсть, исторiя, романистъ, ученый — потерялъ свою репутацiю вслѣдствiе занятiя литературой или наукой? Нѣтъ, совершенно напротивъ, эти занятiя доставляли ему друзей, сочувствiе, рукоплесканiя, деньги... То великодушное довѣрiе къ литераторамъ, та любовь къ нимъ, которыми отличается вся наша читающая нацiя, такъ ясно обнаруживаются каждый день въ нашей странѣ, что обвинять этотъ классъ такъ же нельзя, какъ—позвольте мнѣ быть откровеннымъ—неблагодарно. Вслѣдствiе чего рабочiя мастерскiя въ большихъ провинциальныхъ городахъ наполняются народомъ, когда литераторы присутствуютъ на ихъ празднествахъ? Развѣ каждый, сколько нибудь замѣчательный писатель, не имѣетъ своихъ друзей и своего кружка, своихъ соотенъ или тысячъ читателей?... Литературное занятiе не нользуется у насъ дурной славой; никому нѣтъ надобности осмѣивать его; ни одинъ человекъ, кто бы онъ ни былъ, не теряетъ своего социальнаго положенiя, когда предается этому занятiю... Деньги, зарабатываемыя главнѣйшими изъ нихъ, не такъ велики, какъ тѣ, которыя выдаются людямъ другихъ сословiй — пасторамъ, судьямъ, опернымъ пѣвицамъ и актерамъ; точно также они никогда не получали звѣздъ и орденовъ, и не дѣлались перами и губернаторами острововъ, подобно многимъ военнымъ. Награду за это занятiе нельзя вѣзрить суммою полученныхъ денегъ, потому что одинъ тратилъ цѣлую жизнь изученiя и труда на составленiе книги, которая не окупаетъ ему даже типографскихъ расходовъ, а другой прiобрѣтаетъ деньги нѣсколькими небольшими томиками. Но, оставивъ въ сторонѣ деньги, я нахожу, что социальное вознагражденiе литератора такое, какимъ оно заслуживаетъ быть и не хуже вознагражденiя всѣхъ другихъ людей, занимающихся ремеслами... Что касается до обвиненiя въ томъ, что я будто бы раздѣляю пагубный предрасудокъ противъ моихъ собратiй по занятiю, (въ чемъ меня можно упрекнуть такъ же справедливо, какъ упрекнуть Фильдинга, что изображенiемъ Персона Трелибара онъ хотѣлъ посмѣяться надъ церковью), — то позвольте вамъ замѣтить, что прежде, чѣмъ высказать такое мнѣнiе, вамъ бы слѣдовало подождать окончанiя моего романа... Что я возстаю противъ обыкновенiя дѣлать долги, пьянствовать, вести беспорядочную жизнь, шарлатанствовать, лгать и тому подобныхъ привычекъ литераторовъ, — въ этомъ я сознаюсь, точно такъ же,

какъ въ томъ, что сѣлось надъ притязаніями на званіе литератора тѣхъ людей, которые пишутъ разныя салонныя политическіе эссеетоны для провинціальныхъ *globe touchés*; но я не чувствую ни малѣйшей злобы при описаніи этой слабости и не думаю, что врежу кому нибудь, раскрывая выше приведенные пороки. Развѣ они никогда не существовали между литераторами? Развѣ дарованія этихъ послѣднихъ никогда не приводились въ оправданіе ихъ безразсудства, а ихъ пороки никогда не выставались, какъ послѣдствія этихъ дарованій? Единственная мораль, которую я, какъ писатель, хотѣлъ вложить въ описанія, послужившія предметомъ нашего протеста, состояла въ томъ, что долгъ литератора, какъ и всякаго другаго человѣка—вести правильную и трезвую жизнь, любить свое семейство и платить свои долги... Мнѣ кажется, что литераторы, вмѣсто того, чтобы обвинять публику въ преслѣдованіи нашего сословія и насмѣшкахъ надъ нимъ, поступали бы гораздо лучше, если бы носили въ душѣ глубокое убѣжденіе, что они такіе же хорошіе люди, какъ и всѣ другіе, и не заводили бы жалкихъ споровъ о вопросѣ, который всѣ здравомыслиице люди должны считать рѣшеннымъ. Если я сижу за вашимъ столомъ, то считаю своего сосѣда равнымъ себѣ, а себя равнымъ ему! Если бы я вдругъ обратился къ нему съ словами: „и. г., я литераторъ, но желаю бы чтобъ вы знали, что я ничѣмъ не хуже васъ,“—то какъ вы полагаете, кто изъ насъ подвергнулъ бы сомнѣнію достоинство званія литератора: мой сосѣдъ, желавшій спокойно пообѣдать, или литераторъ, возбудившій этотъ вопросъ! И я полагаю, что если сатирическій писатель выставляетъ одного литератора безразсуднымъ человѣкомъ, а другаго—паразитомъ, то его не только нельзя обвинить въ желаніи унижить свое сословіе, но слѣдуетъ согласиться, что онъ дорожитъ честью этого сословія. Если между нами нѣтъ безразсудныхъ людей и паразитомъ, въ такомъ случаѣ моя сатира несправедлива; но если такіе люди существуютъ, то они подлежатъ сатирѣ точно такъ же, какъ люди другихъ сословій. Я никогда не слышалъ, что сословіе адвокатовъ сочло себя оскорбленнымъ, когда въ «Пончѣ» вошло описаніе мистера Девена, никогда не платившаго долговъ,—или что изображеніе Стиггинса въ «Шоквигѣ» было принято за оскорбленіе всѣхъ диссидентовъ, или что всѣ прокуроры Англіи пришли въ негодованіе, когда прочли знаменитый разсказъ: «Квиркъ, Геммонъ и Снепъ.» Такъ неужели же сатира должна обходить только насъ, литераторовъ, потому что мы безгрѣшны, или потому что мы не хотимъ допу-

стиль насмѣшки надъ собою? Если бы каждое дѣйствующее лицо въ разсказѣ было представителемъ цѣлаго сословія, а не отдѣльной личности, если бы писатель былъ поставленъ въ необходимость противопоставлять каждому дурному лицу лицо хорошее, доброе, и постоянно поддерживать борьбу между добродѣтелью и порокомъ, — сочиненіе романовъ сдѣлалось бы невозможнымъ, потому что они выходили бы невыносимо глупыми и неестественными, и на долю сочинителей и читателей такихъ произведеній выпала бы очень жалкая участь. Примите, и. г. и пр.»

Вообще, отличительною чертою характера Тэкерей было то, что нападки на его произведенія раздражали его, и что онъ не умѣлъ скрывать это раздраженіе, когда несправедливая ванадка появлялась въ вліятельномъ журналѣ. Онъ тотчасъ же возражалъ, когда видѣлъ, что дѣло стоитъ возраженія. Вслѣдствіе этого онъ нѣсколько разъ соорился съ главнѣйшими изъ англійскихъ журналовъ.

Въ 1851 г. Тэкерей явился передъ публикой въ совершенно новомъ свѣтѣ: онъ отырыгъ рядъ публичныхъ чтеній, и успѣху ихъ онъ главнымъ образомъ обязавъ тѣмъ большимъ состояніемъ, которое оставилъ послѣ себя. Первыми предметами этихъ чтеній были этюды объ англійскихъ юмористахъ; подъ эту категорію онъ подвелъ Свифта, Конгрева, Аддисона, Стиля, Приора, Ге, Поша, Гогарта, Смоллета, Фильдинга, Стерна и Гольдсмита. Успѣхъ этихъ чтеній былъ блестящій; все лучшее общество Лондона, всѣ образованнѣйшіе люди жадно стремились послушать и нѣнне величайшаго изъ современныхъ юмористовъ о юмористахъ только что прошедшаго времени. — Тэкерей не ограничился однимъ Лондономъ; онъ читалъ и во многихъ другихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Единбургѣ. Былъ онъ также въ Оксфордѣ, и къ времени пребыванія его въ этомъ городѣ относится забавный анекдотъ, рассказанный англійскими газетами. Для того, чтобы имѣть право публично читать въ Оксфордѣ, надо было испросить позволеніе мѣстнаго начальства. Должность оксфордскаго канцлера исполнялъ въ это время человекъ, проникнутый чиновничьимъ духомъ, и потому никогда не слыхавшій о такихъ пустякахъ, какъ «Ярмарка Тщеславія» и «Пенденнисъ». Между этимъ чиновникомъ и Тэкереемъ произошелъ слѣдующій интересный разговоръ: — чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ. — Мое имя — Тэкерей. — Это я вижу по вашей визитной карточкѣ. — Я прошу позволенія прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій. — А, вы чтець! о какихъ же предметахъ намѣрены вы

читать — религиозныхъ или политическихъ. — Ни о тѣхъ, ни о другихъ; я литераторъ. — Что же, вы уже написали какое нибудь сочиненіе? — Да, я авторъ «Ярмарки Тщеславія». — Вѣроятно диссидентская книга: имѣетъ ли она что нибудь общее съ сочиненіемъ Джона Буниана? — Не совѣмъ; я написалъ тоже «Шенденнса». — Никогда не слыжалъ объ этихъ книгахъ; но, по всей вѣроятности, это хорошія книги. — Я былъ также сотрудникомъ «Понча». — «Понча!» а что-то слышалъ о «Пончѣ»; это, кажется, очень неприличныя журналъ.

Скоро послѣ того Тэккерей получилъ приглашеніе пріѣхать читать въ Америку. Американцы приняли его отлично. Тѣ, которые были знакомы съ его сочиненіями, нашли автора въ чтецѣ; тѣ же, которые не знали ихъ, были, по словамъ одного американскаго рецензента, «очарованы въ чтецѣ тѣмъ, что составляло прелесть автора — неподдѣльною любовью къ человѣчеству, нѣжностью, кротостью, гениальнымъ полетомъ фантазіи, грустными тономъ правды, соединеннымъ съ тѣми быстрыми ударами сатиры, которые, подобно молніи, освѣщаютъ въ то же самое время какъ исчезаютъ.» Куда онъ ни появлялся, вездѣ встрѣчалъ самый радушный пріемъ и слушателей, собравшихся вокругъ него съ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Въ 1852 г. литературная слава его усилилась появленіемъ романа: „Приключеніе Гевриха Эсмонда“, въ которомъ авторъ подражалъ слогомъ и даже образомъ мыслей писателямъ времени королевы Анны, — времени, всегда служившаго предметомъ особеннаго сочувствія Тэккерей. Этотъ романъ мало извѣстенъ русской публикѣ; сколько намъ извѣстно, мы не имѣемъ полного перевода его. Между тѣмъ образованнѣйшіе англичане смотрятъ на него, какъ на лучшее произведеніе романиста; вотъ, напримеръ, что говоритъ о немъ извѣстный писатель Тролопцъ: „Эсмондъ болѣе всѣхъ другихъ сочиненій удовлетворилъ критическому вкусу тѣхъ, которые сами объявили себя опытными критиками. Что касается до меня, то я сознаюсь, что смотрю на Эсмонда, какъ на первѣйшій и лучшій романъ на англійскомъ языкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ, по моему мнѣнію, не имѣетъ подобнаго себѣ. Въ немъ столько полноты исторической, столько глубины и такое отсутствіе того оттѣнка неестественности, который портитъ, можетъ быть, всѣ остальные наши историческіе романы, что онъ стоитъ рѣшительно выше всѣхъ произведеній въ этомъ родѣ. И кромѣ этого, онъ полонъ почти божественной нѣжности, — нѣжности, до которой не достигалъ ни одинъ поэтъ.“

Въ Эсмондѣ, болѣе чѣмъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, Теккерей достигъ высшей степени совершенства въ искусствѣ анализировать предметъ до самой глубины его, не оскорбляя изящнаго вкуса.“

За „Эсмондомъ“ послѣдовали (въ 1855 г.) „Ньюкомы“, этотъ великолѣпнѣйшій правописательный романъ. Всемирная слава Теккерей окончателно упрочилась, — и онъ вмѣстѣ съ Диккенсомъ сталъ твердою ногою во главѣ современной повѣствовательной литературы. — Кстати о Диккенсѣ: въ 1858 г. ничтожное событіе, о которомъ мы считаемъ даже лишнимъ рассказывать, поспорило двухъ знаменитыхъ романистовъ, находившихся до тѣхъ поръ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Къ счастью, эта ссора прекратилась не задолго до смерти Теккерей, и Диккенсъ хоронилъ своего дорогаго собрата съ чувствомъ самой искренней дружбы...

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Теккерей было основаніе въ 1860 году журнала: „Корнгильскій Магазинъ“. Мысль объ изданіи этого журнала была, можетъ быть, слѣдствіемъ успѣха Диккенсова журнала. Извѣстно, какой блестящій успѣхъ выпалъ на долю „Корнгильскаго Магазина“, въ короткое время успѣвшаго приобрести нѣсколько десятковъ тысячъ подписчиковъ. Въ „Корнгиллѣ“ были, между прочими произведеніями Теккерей, напечатаны и „Странствованія Филиппа“. Но еще не прошло шести мѣсяцевъ со дня начатія изданія, какъ знаменитый редакторъ началъ чувствовать то, что онъ называлъ „шипани“ своего новаго званія. Его заваливали рукописями, всевозможными бездарности мучили его предложеніемъ своихъ услугъ, въ оскорбительныхъ письмахъ тоже не было недостатка; однимъ словомъ, Теккерей испытывалъ то, что знакомо всѣмъ, имѣвшимъ несчастье взвалить на себя редакторскую обузу. „Исключая истинно злыхъ людей — писалъ несчастный Теккерей — я думаю, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, желающаго имѣть враговъ. Но здѣсь, въ этой редакторской должности, избѣжать этой участи невозможно... Дѣлай, что хочешь, будь невиненъ или виновенъ, великодушенъ или жестокъ, — всегда найдутся и А, и Б, и В, и Г, которые будутъ ненавидѣть тебя...“ — „Теккерей — говоритъ Тролоупъ — никогда не могъ рѣшиться сказать какому нибудь честолюбивому писакѣ, что его желаніе попасть въ литераторы было напрасно; тѣмъ менѣе отваживался онъ на такую смѣлость, когда ему предлагала услуги женщина. Письма этихъ людей, какъ онъ самъ рассказывалъ, были иглы, вонзавшіяся въ его тѣло. И онъ гово-

рилъ правду... Тэккерей не доставалю рѣзости, требуемой редакторскимъ званіемъ, и потому, по истеченіи втораго года, онъ отказался отъ него⁴. Не, какъ извѣстно, онъ до самой смерти оставался постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала.

До самой смерти! Да, великая дѣятельность приближалась къ концу, и смерть подходила быстрыми шагами. Никто не ожидалъ этого удара. Еще за недѣлю до смерти онъ провожалъ на кладбище одного изъ своихъ родственниковъ; еще за нѣсколько дней его видѣли въ клубѣ веселымъ и свѣжимъ. Но смерть его нельзя назвать вполнѣ скоростипною. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ спазмами въ желудкѣ, соединенными со рвотою. 23-го декабря утромъ, съ нимъ повторился обыкновенный припадокъ, и весь день онъ чувствовалъ себя очень нехорошо. На слѣдующій день, въ девять часовъ утра, его камердинеръ вошелъ къ нему съ чашкою кофе и засталъ его лежащимъ на спинѣ съ руками, раскинутыми поверхъ одѣяла; но онъ не обратилъ на это вниманія, потому что Тэккерей обыкновенно приходилъ въ такое изнеможеніе послѣ своихъ припадковъ; черезъ нѣсколько времени слуга воротился и, увидѣвъ, что кофе не тронуть, приблизился къ кровати и тутъ узналъ, что жизнь его господина прекратилась. Доктора объясняютъ его смерть измѣненіемъ крови въ мозгъ, вслѣдствіе разрыва артерій отъ рвоты и прибавляютъ, что мозгъ умершаго былъ очень великъ и вѣсилъ не меньше 58 съ половиною унцовъ (?).

Тэккерей умеръ на 53 году жизни; могучая рука остановилась какъ разъ въ то время, когда изъ подъ пера, которое она держала, выходило произведеніе, долженствовавшее, можетъ быть, превзойти все другія произведенія великаго писателя. Это—романъ его „Джизсъ Дюваль“, предлагаемый теперь читателямъ нашего журнала. „Тэккерей — писалъ Диккенсъ — былъ въ полнѣйшемъ развитіи своего таланта въ то время, когда писалъ этотъ романъ. Въ отношеніи серьезнаго чувства, проицательныхъ обращеній, характеровъ, подробностей и милой картинности, разбросанной повсюду, это, по моему мнѣнію, самое лучшее изъ всехъ его произведеній. Что онъ самъ такъ думалъ, что онъ сильно привязался къ этой работѣ и много трудился надъ нею — ясно доказываетъ каждая страница... Весьма замѣчательно, что, вслѣдствіе странной постройки романа, нѣсколько существенныхъ подробностей, обыкновенно заканчивающихъ произведеніе такого рода, здѣсь сгруппированы въ началѣ, и поэтому въ отрывкѣ

есть приблизительная законченность, какъ бы для удовлетворенія любезнѣйшему читателю относительно связей интересныя личностей романа, которымъ врядъ ли были бы обрисованы лучше, если бы авторъ предвидѣлъ, что умретъ до окончанія романа“.

Ударъ, произведенный извѣстiемъ о смерти Тэкерей, былъ всеобщий и громадный; его не только читали, какъ гениальнаго писателя, но и горячо любили, какъ превосходнаго во всѣхъ отношенiяхъ человека. Во всѣхъ замѣткахъ, написанныхъ по поводу его кончины, господствуетъ самое горячее сочувствiе къ его душевнымъ качествамъ, собиравшимъ вокругъ него цѣлыя толпы друзей и поклонниковъ. „Въ глубинѣ сердца каждаго, кто зналъ Тэкерей — пишеть Тролоппъ — останется теперь пустота, и не исчезнетъ она до самой смерти его. Тэкерей любили почти такъ, какъ любятъ женщину, нѣжно и мечтательно; въ разлукѣ съ нимъ, о немъ не переставали думать, какъ объ источникѣ радости, которую нельзя анализировать, но которая доставляетъ душѣ великое утѣшенiе. Его любили потому, что сердце его равнялось нѣжностью сердцу женщины“.— „О важнѣйшихъ его качествахъ — говоритъ Диккенсъ — о теплотѣ въ дружескихъ отношенiяхъ, спокойной терпѣливости, лишенной всякаго эгоизма заботливости о ближнихъ, широкой благотворительности, нечего и говорить: они всѣмъ извѣстны“.— „Пусть — сказано въ „Пончѣ“ — другiе говорятъ о его блистательномъ умѣ, страшной силѣ его сатиры, тонкой наблюдательности, богатствѣ его таланта, объ его юморѣ и стройномъ спокойствiи его разума; скорбящiе друзья, пишущiе эти строки, вспоминаютъ о его любящей натурѣ, о его широкомъ сердцѣ и всегда раскрытой рукѣ, простотѣ, откровенности, привѣтливости честнаго, благодушнаго, правдиваго джентльмена, которыя описать невозможно такъ, какъ бы желали тѣ, которые его коротко знали“.

Заключимъ этотъ краткiй очеркъ слѣдующими задушевными словами Тролоппа: „Мы видѣли его лежащимъ въ его простой могилѣ въ концѣ прошлаго года; мы видѣли, какъ его собраты по литературѣ одинъ за другимъ становились на камень, положенный около могилы, чтобы бросить послѣднiй взглядъ на гробъ, скрывшiй его тѣло. Глубокая грусть овладѣла всѣми. Не одно лицо твердыхъ, непривыкшихъ къ сердечнымъ измѣненiямъ людей покраснѣло отъ слезъ. Могила была такъ же проста, какъ и печаль этой минуты. Въ такихъ случаяхъ лучше, чтобы похороны совершались безъ пышности или атрибутовъ славы. Но теперь, когда прошли недѣли, почитатели англiйской литературы желаютъ

видѣть и въкоторыя приготовленія къ возведенію этому человѣку памятника въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ставимъ памятники нашимъ великимъ людямъ. Необходимо, чтобы бюстъ Токкера былъ выставленъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ“.

Счастлива та страна, у которой есть такіе писатели, и счастливъ писатель, живущій въ той странѣ, гдѣ граждане чтутъ своихъ литературныхъ дѣтелей наравнѣ съ своими народными героями!

Ш. В.



ДЕНИСЪ ДЮВАЛЬ.

ГЛАВА I.

РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО МОЕГО СЕМЕЙСТВА.

На зло моей женѣ, которой очень не нравятся шутки въ дѣлѣ родословныхъ, я однажды нарисовалъ родословное дерево моихъ предковъ, и на верхушкѣ его изобразилъ Клода Дюваля, капитана и головорѣза временъ Карла II, повѣшеннымъ за шею. Но этимъ я только хотѣлъ подшутить надъ моей супругой и моимъ сыномъ. Никто изъ насъ, Дювалей, на сколько мнѣ извѣстно, не былъ повѣшенъ. Мальчигомъ мнѣ не разъ случилось испытывать сладость веревки, но она не затягивала мнѣ шеи. Что же касается преслѣдованій, вынесенныхъ во Франціи моими предками за протестантскую вѣру, которую мы приняли съ давнихъ временъ и упорно исповѣдывали, то эти преслѣдованья не навлекли на насъ смерти; счастливые многихъ своихъ единовѣрцевъ, мы отдѣлывались штрафами, бѣдностью и изгнаніемъ изъ отечества.

Цѣлому свѣту извѣстно, какъ изувѣрство Людовика XIV изгнало изъ Франціи въ Англію многія семейства, сдѣлавшіяся вѣрными подданными Великобританіи. Въ числѣ этихъ выходцевъ былъ и мой дѣдъ съ женою. Они поселились въ Уинчельси, въ графствѣ Соссексѣ, гдѣ со временъ королевы Ели-

заветы и страшной Варроломеевской ночи стояла французская церковь. Въ трехъ миляхъ, въ мѣстечкѣ Рай, находилась другая колонія нашихъ соотечественниковъ съ церковью же, другой *fester burg*, въ которомъ, подѣ защитю Британіи, мы свободно могли исповѣдывать вѣру нашихъ отцовъ и пѣти пѣсни нашего Сіона.

Мой дѣдъ былъ старшиной и уставщикомъ Уинчельской церкви, пасторомъ которой былъ *Monsieur* Денисъ, отецъ контръ-адмирала сэра Питера Дениса, баронета, моего благодушнаго покровителя. Сэръ Питеръ находился вмѣстѣ съ Энсономъ на знаменитомъ *Центурионѣ* и обязанъ своимъ первымъ повышеніемъ этому великому мореходцу. Вы всѣ, безъ сомнѣнія, помните, что никто другой, какъ капитанъ Денисъ, доставилъ нашу добрую королеву, Шарлотту, изъ Штаде въ Англію, послѣ девяти-дневнаго бурнаго переѣзда (7-го сентября 1761 г.). Ребенкомъ меня возили въ его домъ, находившійся въ Гритъ Ормандъ-Стритѣ, въ Лондонѣ; бывалъ я также и въ замкѣ адмирала, Валенсъ, близъ Уэстергама въ Кентѣ, гдѣ жилъ полковникъ Уольфъ, отецъ знаменитаго генерала Джемса Уольфа, достославнаго поборителя Квебека.

Отецъ мой, имѣвшій склонность къ кочевой жизни, случайно находился въ Дуврѣ въ 1761, во время проѣзда уполномоченныхъ, отправлявшихся для подписанія трактата о мирѣ, извѣстномъ подѣ именемъ парижскаго мира.

Когда судьба столкнула его съ этими двестльменами, онъ былъ въ ссорѣ съ своей матерью, — такого же взбалмошнаго характера, какъ и онъ самъ, и добивался какою нибудь должности. Мистеръ Дюваль, родители котораго были изъ Альзаса, говорилъ по англійски, по французски и по нѣмецки.

Мистеръ — нуждался въ довѣренномъ приближенномъ лицѣ, которое хорошо владѣло бы языками; отецъ мой предложилъ свои услуги и былъ принятъ, благодаря преимущественно ходатайству капитана Дениса, корабль котораго стоялъ въ то время близъ Дувра.

Очутившись въ Парижѣ, отцу моему, нужно же было побывать въ нашей родинѣ Альзасѣ, и, имѣя всего на всего двѣ гинеи въ карманѣ, онъ, какъ водится, разсудилъ за благо влюбиться въ мою мать и жениться на ней. *Monsieur* *mon père*,

сдается мнѣ, былъ блуднымъ сыномъ; но онъ считался у своихъ родителей единственнымъ дѣтищемъ, оставшимся въ живыхъ, и когда онъ, голодный и безъ гроша, возвратился въ Уинчельси съ женою на рукахъ, они закололи лучшаго откормленнаго тельца и приютили обоихъ скитальцевъ. Мать моя, вскорѣ послѣ замужества, получила отъ родителей своихъ во Франціи небольшое наслѣдство, и съ величайшею нѣжностью ухаживала за моею бабушкой во все время продолжительной болѣзни, которая свела почтенную леди въ могилу. О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, я лично ничего не зналъ, будучи въ ту пору двухъ или трехлѣтнимъ ребенкомъ; я спалъ и кричалъ, ѣлъ и пилъ, росъ и подвергался разнымъ дѣтскимъ недугамъ, точь въ точь, какъ и другіа, подобныя мнѣ, милныя крошки.

Мать моя была женщина горячаго нрава, ревнивая, вспыльчивая и властолюбивая, но великодушная по природѣ и умѣвшая прощать. Я имѣю основаніе думать, что батюшка мой доставлялъ ей слишкомъ много случаевъ упражняться въ этой послѣдней добродѣтели, такъ какъ, въ теченіе своей недолгой жизни, онъ, то и дѣло, попадался въ бѣду. Во время рыболовной экспедиціи къ берегамъ Франціи съ нимъ случилось какое-то несчастіе; онъ вернулся домой, чтобы умереть, и былъ похороненъ въ Уинчельси; но причина его смерти оставалась мнѣ неизвѣстною до той поры, пока мой добрый другъ, сэръ Питеръ, не открылъ мнѣ ее много лѣтъ спустя, когда и самого меня постигли неудачи.

Я родился въ одинъ день съ его королевскимъ высочествомъ, герцогомъ Йоркскимъ, т. е. 13 августа 1763 года, и былъ извѣстенъ между мальчишками въ Уинчельси подъ именемъ епископа оснабрукскаго. У насъ, могу васъ завѣрить, между французскими и англійскими мальчишками происходила не одна отчаянная стычка. Дѣдъ мой, помимо своего званія старшины и уставщика французской церкви въ Уинчельси, былъ цирюльникомъ по ремеслу, и мнѣ самому, коли ужъ вы хотите знать, не разъ приходилось на моемъ вѣку пудрить и завивать голову какого нибудь джентльмена, и брать его за носъ и брить. Не изъ тщеславія говорю я, что мнѣ случалось сбивать мыло и орудовать щеткой. Но, что пользы скрывать это? Tout se

сѣait, какъ говорятъ французы. Да вотъ хоть бы сэръ Гёмфри Говардъ, который служилъ вмѣстѣ со мною младшимъ лейтенантомъ на *Мелеартъ*; онъ увѣряетъ, будто происходитъ отъ Норфолькскихъ Говардовъ; но отецъ его былъ бапшашникомъ, и мы прозвали его Гёмфри Снобъ.

Во Франціи очень немногія знатныя дамы сами кормятъ дѣтей своихъ грудью; малютокъ отдаютъ на воспитанье женамъ фермеровъ, и они пользуются такимъ образомъ хорошими кормилицами и лучшимъ, быть можетъ, уходомъ, чѣмъ у своихъ сухопарыхъ матерей. Мать моей матери, жена честнаго лотарингскаго фермера (потому что я первый изъ своей семьи сдѣлался дворяниномъ и избралъ себѣ девизомъ *fecimus ipsi* не изъ гордости, а изъ чувства признательности къ своей счастливой звѣздѣ), вскормила Клариссу де-Виомениль, дѣвицу знатнаго лотарингскаго рода; нѣжная дружба продолжала связывать молочныхъ сестеръ долгое время—даже послѣ замужества обѣихъ. Матушка перѣехала въ Англію женою *monsieur* шоп рара; *mademoiselle* де-Виомениль пристроилась замужъ на родинѣ. Она принадлежала къ протестантской вѣтви дома Виоменилей, бѣднѣйшей вслѣдствіе того, что представители ея оставались вѣрны своей религіи. Остальные члены семейства были католики и состояли въ великомъ почетѣ при Версальскомъ дворѣ.

Вскорѣ, послѣ прибытія моей матери въ Англію, она узнала, что любезная ея молочная сестра Кларисса выходитъ замужъ за протестантскаго дворянина, Виконта де-Барръ: то былъ единственный сынъ графа Савернскаго, камергера его польскаго величества короля Станислава, отца французской королевы. *Monsieur* де-Савернь, по женитьбѣ сына, отдалъ ему свой домъ въ Савернѣ, и здѣсь новобрачная чета провела нѣсколько времени. Я не говорю молодая чета, потому что Виконтъ де-Барръ былъ двадцатью пятью годами старше своей жены; послѣдней, въ то время, когда родители выдали ее замужъ, было всего осмнадцать лѣтъ. Такъ какъ у матушки было слабое зрѣніе, или, сказать правду, она не совсѣмъ бойко читала, то на мою долю, когда я былъ мальчикомъ, всегда приходилось разбирать посланія Виконтессы къ ея молочной сестрѣ, ея доброй Урсулѣ; и не разъ моей головѣ больно доставалось отъ матуш-

киной скалки, хотя я и старался читать, какъ можно лучше. Она вообще не скупилась на колотушки, не баловала ребенка, и, вѣроятно благодаря этому-то обстоятельству, я и выросъ такимъ молодцомъ: ростъ мой теперь—шесть футовъ и два дюйма безъ каблучковъ, а вѣсомъ я—до пятнадцати стонговъ, какъ оказалось въ прошлый вторникъ, когда меня свѣсили вмѣстѣ съ нашей свиньею. Примѣчанье: окороки моего сосѣда въ Даръ-Коттеджѣ лучшіе въ цѣломъ Гампшайрѣ.

Я былъ такъ молодъ, что не могъ понимать всего, что читалъ матушкѣ; но я помню, что матушка обыкновенно раздражалась ворчаньемъ въ своемъ обычномъ рѣзкомъ тонѣ (она ростомъ и голосомъ походила на гренадера и въ заключеніе имѣла красивые черные усики).—«Итакъ, восклицала матушка: она страдает! та biche несчастна; у нея дурной мужъ. Онъ скотина, да и всѣ мужчины скоты». И при этомъ она сердито взглядывала на дѣдушку, который былъ скромнымъ маленькимъ человѣчкомъ, трепеталъ передъ своею невѣсткой и находился у нея въ строгой повиненіи. Вслѣдъ за тѣмъ матушка начинала божиться, что поѣхала бы на родину, на помощь къ своей Biche, но не знаетъ на кого оставить этихъ двухъ болвановъ? Последнее относилось къ дѣдушкѣ и ко мнѣ. Къ тому же madame Дюваль была необходима дома. Она многимъ дамамъ убирала головы съ большимъ вкусомъ, на французскій манеръ, и умѣла не хуже любаго цирюльника въ цѣломъ графствѣ брить, завивать, стричь волосы и надвизывать косичку. Дѣломъ дѣдушки и подмастерья было завивать парики. Когда я жилъ дома, я былъ еще слишкомъ малъ для этой работы, и потому меня уволили отъ нея, и отправили въ превосходную школу—гимназію Поака, въ Рай. Тамъ я научился говорить по англійски, какъ настоящій британецъ, (вѣдь я и былъ имъ отъ рожденья); а не такъ какъ мы говорили дома, гдѣ у насъ было въ употребленіи странное альзасское нарѣчіе, состоявшее изъ смѣшенія французскаго съ нѣмецкимъ. У Поака же я позанился немного латынью и имѣлъ въ первые два мѣсяца великое множество дракъ. Помню, что мой покровитель пришелъ однажды провѣдать меня въ голубомъ съ бѣлымъ мундирѣ, шитомъ золотомъ, въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ штанахъ. Съ нимъ вмѣстѣ пришли два офицера. «Гдѣ тутъ Денисъ Дюваль?» спросилъ онъ, загля-

дывая въ классную комнату, между тѣмъ, какъ всѣ мальчики переглядывались съ изумленіемъ, при видѣ такого важнаго джентльмена. Юный Денисъ въ эту самую минуту стоялъ на скамьѣ въ наказаніе за драку, если не ошибаюсь; на одномъ глазѣ у него красовался синякъ, величиною съ выпущенное яйцо. «Денису не мѣшало бы давать своимъ кулакамъ поменьше воли прогуливаться по носамъ другихъ мальчиковъ,» проговорилъ учитель, а капитанъ подарилъ мнѣ семи-шиллинговую монету, отъ которой, помнится, у меня въ тотъ же вечеръ осталось всего два пенса. Все время моего пребыванія въ школѣ Поака я имѣлъ квартиру и столъ у мистера Роджа, торговца, который имѣлъ бакалейную лавку въ Рай, и въ то же время промышлялъ на морѣ: онъ имѣлъ долю въ рыболовномъ суднѣ, и въ сѣти его попадалась самая *странная рыба*, какъ вы вскорѣ услышите. Онъ былъ важнымъ лицомъ между Уэсманцами, и я ходилъ съ нимъ въ его собственную церковь, но, въ эту раннюю пору моей молодости, я разсѣянно относился къ этимъ священнымъ и глубоко знаменательнымъ обрядамъ; я былъ вѣтренымъ мальчикомъ и ни объ чемъ не думалъ, кромѣ волчковъ, обручей и кегель.

Капитанъ Денисъ былъ очень привѣтливый, живой господинъ; онъ спросилъ у учителя, мистера Котса, какъ называется по латыни *вэкація* и выразилъ надежду, что мистеръ Котсъ позволитъ мальчикамъ погулять. На это предложеніе всѣ мы, мальчишки, отвѣчали одобрительнымъ возгласомъ; что же касается до меня, то капитанъ Денисъ воскликнулъ; «Мистеръ Котсъ, я насильно вербую этого молодца съ подбитымъ глазомъ въ свое распоряженіе и намѣреваюсь взять его съ собою обѣдать въ гостинницу Звѣзды». Нечего и говорить, что я очень охотно соскочилъ съ своей лавки и послѣдовалъ за покровителемъ. Онъ отправился вмѣстѣ со мною и двумя офицерами въ гостинницу Звѣзды. Послѣ обѣда они велѣли подать себѣ пуншу на цѣлую крону, и хотя я и отказался отъ этого напитка, имѣя къ рому и водкѣ неодолимое отвращеніе, тѣмъ не менѣе мнѣ было пріятно сидѣть въ обществѣ джентльменовъ, которыхъ, по видимому, забавляла моя ребяческая болтовня. Капитанъ Денисъ спросилъ у меня, чему я учусь, и я поспѣшилъ блеснуть передъ нимъ моимъ небольшимъ запасомъ знаній. Помнится

мнѣ, что я велерѣчиво толковалъ о Корделии либо Корнелии Непотѣ, и по всѣмъ вѣроятіямъ страшно важничалъ. Онъ спросилъ у меня, нравится ли мнѣ мистеръ Роджъ, у котораго я имѣлъ квартиру и столъ. Я объявилъ, что не слишкомъ-то его долюбиваю, и особенно терпѣть не могу миссъ Роджъ и ихъ подмастерье, преимущественно за то, что они всегда... тутъ я остановился. «Но соръ изъ избы не годится выносить», проговорилъ я; у насъ въ школѣ это не водится.

На вопросъ, къ чему готовятъ меня родные,—я отвѣчалъ, что хочу быть морякомъ, но только морякомъ въ офицерскомъ чинѣ, чтобы сражаться за короля Георга. Если это мнѣ удастся, я всѣ свои призовыя деньги привезу домой и отдамъ Агнесѣ, т. е. почти всѣ, и только немножко оставлю себѣ.

— Такъ ты любишь море, и катаешься по нему иногда? спросилъ капитанъ Денисъ.

— Какъ же, я бывалъ на ловлѣ. Мистеръ Роджъ держитъ лодку пополамъ съ дѣдушкой, и я помогаю чистить ее; меня научили править рулемъ, и много мнѣ доставалось колотушекъ, когда я правилъ не въ ту сторону. Говорятъ, что я хорошій кормчій. Глазъ у меня вѣрный, и я хорошо запоминаю мысы, береговыя скалы и тому подобныя вещи.

Тутъ я назвалъ нѣсколько мѣстъ, на нашемъ берегу и даже французскомъ.

— Какую же рыбу вы ловите? спросилъ капитанъ.

— О сэръ, этого я не могу сказать, мистеръ Роджъ не велитъ.

При этомъ отвѣтѣ джентльмены разразились громкимъ хохотомъ. *Имъ-то* хорошо было извѣстно, въ какую игру играетъ мистеръ Роджъ, хотя я въ простотѣ своей и не понималъ ея.

— Такъ ты не хочешь глотнуть пунша? спросилъ капитанъ Денисъ.

— Нѣтъ, сэръ, я далъ себѣ торжественное обѣщаніе не брать его въ ротъ, съ той самой поры, какъ я видѣлъ миссъ Роджъ такую странною.

— А часто миссъ Роджъ бываетъ странною?

— Да, чтобъ ей пусто было. И тогда она всячески ругается, сбѣгаетъ внизъ, бьетъ чашки и блюдечки, и дерется съ подмастерьемъ и... но я ничего больше не скажу, не годится. Я никогда не сплетничаю, никогда.

Такъ болталъ я съ моимъ покровителемъ и его пріятелями: они заставили меня снѣтъ имъ французскую пѣсенку, потомъ нѣмецкую, смѣялись и видимо потѣшались моими прыжками и ужимками. Капитанъ Денисъ проводилъ меня до моей квартиры, и я рассказалъ ему, какъ изъ всѣхъ дней въ недѣлѣ больше всего люблю воскресенье, т. е. одно воскресенье черезъ каждыя двѣ недѣли, потому что я тогда, рано утромъ, отправляюсь пѣшкомъ къ матушкѣ и дѣдушкѣ въ Уинчельси, и выдаюсь съ Агнесой.

Но кто же, скажите, была эта Агнеса? Имя ея въ настоящую минуту Агнеса Дюваль, и она сидитъ возлѣ меня за своимъ рабочимъ столикомъ. Встрѣча съ нею произвела переворотъ моей жизни. Подобный выигрышъ въ жизненной лоттерей достается на долю очень немногимъ. Все, что я ни сдѣлалъ хорошаго, было внушено желаніемъ осчастливить ее. Безъ нея я, быть можетъ, на вѣки остался бы въ той темной средѣ, въ которой родился, и не зналъ бы, что значить быть честнымъ и счастливымъ, но мой добрый ангель, что сидитъ теперь рядомъ со мною, во время явился ко мнѣ на помощь. Всѣмъ, что я имѣю, я ей обязанъ; но за то и я отдаю ей все, что имѣю, а больше этого кто же можетъ дать? .

ГЛАВА II.

ДОМЪ ГРАФОВЪ САВЕРНСКИХЪ.

Mademoiselle де-Савернъ была родомъ изъ Альзаса, гдѣ семейство ея занимало несравненно высшее положеніе, нежели почтенный старшина протестантской церкви, отъ котораго произошелъ ея покорнѣйшій слуга. Мать ея была урожденная Виомениль, отецъ ея былъ изъ знатнаго альзасскаго рода, графовъ де-Барръ и де-Савернъ. Старый графъ де-Савернъ былъ еще живъ и состоялъ камергеромъ при дворѣ его польскаго величества короля Станислава въ Нанси, когда сынъ его, Виконтъ де-Барръ, человекъ уже не молодой, привезъ въ

эту веселенькую маленькую столицу свою цвѣтущую молодую жену.

Графъ де-Савернъ, бодрый и веселый старичекъ, представлялъ совершенную противоположность своему угрюмому, суровому сыну. Домъ графа въ Нанси былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и веселыхъ домовъ. Протестантизмъ старика былъ далеко не строгій. Онъ даже всѣмъ завѣдомо сожалѣлъ, что во Франціи нѣтъ монастырей для благородныхъ дѣвицъ протестантскаго исповѣданья, каковыя существуютъ по ту сторону Рейна, куда бы онъ могъ сбыть своихъ двухъ дочерей. Дѣвицы де-Савернъ были некрасивы собою и имѣли злой, сварливый нравъ, черту, общую имъ съ братомъ, барономъ де-Барръ.

Въ молодости своей monsieur де-Барръ служилъ и умѣлъ отличиться. Онъ былъ въ дѣлѣ противъ англичанъ подъ Гастенбекомъ и Лауфельдомъ, и въ обоихъ сраженіяхъ, выказалъ храбрость и воинскія дарованія. Протестантское вѣроисповѣданье было ему помѣхою къ повышенію въ арміи. Онъ вышелъ въ отставку, вѣрный своей религіи, но озлобленный, и вовсе не раздѣлялъ пристрастія своего добродушнаго старика отца къ висту и музыкѣ. Появленіе его за ужиномъ на пріятельскихъ вечеринкахъ отца имѣло такое же дѣйствіе, какъ появленіе мертвеца на веселомъ пиршествѣ. Monsieur де-Барръ посѣщалъ эти собранія только въ угожденіе своей молодой женѣ, которая скучала и чувствовала себя несчастной въ пустынномъ наследственномъ замкѣ Савернскомъ, избранномъ виконтомъ для своей резиденціи въ первое время женитьбы.

Нравъ онъ имѣлъ грозный, и былъ вспыльчивъ до нельзя. Будучи человѣкомъ строгой нравственности, онъ каждый разъ послѣ этихъ припадковъ гнѣва, жестоко мучился. Печально было его существованіе, въ которомъ гнѣвъ и угрызения совѣсти непрерывно чередовались: всѣ домашніе трепетали передъ нимъ, и всѣхъ болѣе бѣдная молоденькая жена, которую онъ увезъ изъ тихаго роднаго селенія, для того только, чтобы мучить ее своими взрывами бѣшенства и раскаянья. Нерѣдко она искала убѣжища у стараго графа Савернскаго въ Нанси, и добродушный, себялюбивый старичекъ дѣ-

лалъ вѣсны понятки защитить свою бѣдную, молоденькую невѣстку. Вслѣдъ за подобными размолвками приходили письма отъ барона, въ которыхъ онъ призывалъ небо въ свидѣтели своего раскаянъя, доходявшаго до крайнихъ предѣловъ самоуниженія. Эти супружескія распри проходили по одному и тому же заведенному порядку. Дѣло начиналось припадкомъ бѣшенства. Вслѣдъ за тѣмъ супруга отправлялась искать защиты у батюшки-свекора, въ Нанси; ее нагоняли письма, исполненныя выраженіями раскаянъя, и наконецъ появлялся самъ раскаявшійся преступникъ, отчаянье и самообвинительныя вонни котораго были нестерпимѣ самыхъ припадковъ бѣшенства. По прѣшествіи немногихъ лѣтъ, мадамъ де-Барръ стала почти безвыѣздно жить у свекора въ Нанси, и лишь изрѣдка появлялась въ сумрачномъ Савернскомъ замкѣ своего супруга.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ несчастный этотъ бракъ оставался бездѣтнымъ. Почти одновременно съ злополучною кончиною короля Станислава (сгорѣвшаго у собственнаго камня) умеръ и старый графъ Савернскій. Сынъ его увидѣлъ себя наследникомъ отцовскаго имени и титула, и только. Наслѣдственное имѣніе было значительно разстроено, вслѣдствіе рачительности и безопасности покойнаго графа, къ тому же изъ него предстояло удѣлить приданое дѣвцамъ де-Савернь, помилымъ сестрамъ стараго графа.

Отель въ Нанси былъ на время занертъ, и новый графъ Савернскій съ женою и съ сестрами удалелся въ свой замокъ. Съ своими сосѣдями, католиками, суровый протестантъ имѣлъ мало общенія; общество, посѣщавшее его скучный домъ, ограничивалось почти исключительно протестантскими священниками, пріѣзжавшими изъ-за Рейна. На лѣвомъ берегу Рейна, присоединенномъ къ французской территоріи только въ недавнее время, господствовало смѣшеніе французскаго и нѣмецкаго языковъ; на послѣднемъ графъ Савернскій былъ извѣстенъ подъ именемъ Herr von Zabern. Въ первое время послѣ смерти отца характеръ Гера фонъ Цаберна, быть можетъ, немного и смятчился, но вскорѣ онъ сталъ угрюмѣ и вспыльчивѣ, чѣмъ когда либо.

Савернь былъ маленькій провинціальныи городокъ. Посреди главной площади красовался старый полуразвалившійся замокъ

графовъ, а отъ нея тянулись двѣ красивыя улицы: За замкомъ разстились мрачныя сады, подстриженные и вытнутыя въ прямую линію по старинной французской модѣ; за садовой оградой лежали лѣса и поля, принадлежавшіе лѣ помѣстья Севернаго дома. Эти лѣса и поля окаймлялись другими большими лѣсами, который нѣкогда тоже былъ собственностью графовъ, но были куплены у послѣдняго безпечнаго владѣльца, монсеньорами де-Роганъ, князьями Имперіи, Франціи и Церкви; кардиналами и архіепископами Страсбургскими. Между послѣдними и ихъ утрюкимъ сосѣдомъ—протестантомъ было мало взаимнаго расположенія. Не одни религіозныя вопросы стояли между ними, но и охотничьи интересы. Графъ Саверскій любилъ ружейную охоту и, рыскал по своимъ рѣденымъ лѣсамъ съ парой тощихъ собакъ и ружьемъ за спиною, нерѣдко встрѣчался съ пышною охотою Монсеньора Кардинала, который, какъ и подобаетъ настоящему принцу, выѣзжалъ не иначе, какъ съ егерями и трубачами, съ цѣлою сворою собакъ и въ сопровожденіи цѣлой свиты дворнягъ, одѣтыхъ въ ливреи его дома. Между сторожами его святѣйшества и единственнымъ лѣсничимъ града происходили частыя столкновенія. «Передай твоему господину, что я застрѣлю перваго человѣка въ красныхъ штанахъ, который ступитъ на мои владѣнія» сказалъ графъ Саверскій при одномъ изъ этихъ столкновеній, поднимая только что подстрѣленную имъ куропатку; и сторожъ зналъ, что суровый дворянинъ не задумается привести свою угрозу въ исполненіе.

Взаимная непріязнь сосѣдей не замедлила повлечь за собою процессъ. Можно было поручиться, что бѣдному провинціальному дворянину трудно будетъ тягаться въ страсбургскихъ судахъ съ такимъ могущественнымъ противникомъ, какъ архіепископъ провинціи. Я не законникъ, и потому не могу сказать, что именно послужило поводомъ къ отиртыію между двумя джентльменами непріязненныхъ дѣйствій: былъ ли то споръ о границахъ въ странѣ, гдѣ не существовало межевыхъ изгородей, или же о лѣсахъ, о правѣ охоты и рыбной ловли? Впослѣдствіи я познакомился съ секретаремъ кардинала; то былъ аббатъ, нѣкто господинъ Жармель. Онъ говорилъ мнѣ, что графъ Саверскій былъ безразсудный, заносчивый человѣкъ, что на-

зывается во Франціи *mauvais coucheur*, и радъ былъ малѣйшему предлогу поссориться.

По случаю этихъ ссоръ графъ Савернскій по-неволѣ долженъ былъ имѣть свиданья съ своими адвокатами и стряпчими въ Страсбургѣ, и онъ на цѣлые дни отлучался изъ дома, гдѣ его бѣдная жена, по всѣмъ вѣроятіямъ, не слишкомъ тосковала въ его отсутствіи. Въ одну-то изъ этихъ поѣздокъ въ главный городъ провинціи, онъ встрѣтилъ одного своего бывшаго товарища, съ которымъ вмѣстѣ бился подъ Гастенбекомъ и Лауфельдомъ, барона де-Ламоть. Ламоть, подобно младшимъ емновымъ во многихъ знатныхъ семействахъ, готовился поступить въ духовное званіе, но смерть старшаго брата избавила его отъ постриженія и семинаріи, и онъ поступилъ въ армію, гдѣ ему была обезпечена хорошая протекція.

Дѣвицы де Савернъ видали въ старину этого барона де-Ламоть въ Нанси. Про него шла самая худая слава: онъ былъ игрокъ, интриганъ, дуэлистъ и кутила.

Мнѣ сдается, что злые языки старыхъ дѣвъ не щадили доброе имя и многихъ другихъ господъ; слыхалъ я и про другія страны, гдѣ на дѣвицъ точно такъ же трудно угодить. Я могу представить себѣ, какъ графъ Савернскій выходилъ изъ себя, возражая сестрамъ: «такъ что-жъ? развѣ у каждаго изъ насъ нѣтъ своихъ недостатковъ? Почему звать, на сколько все это клевета? Или уже мы, впадши разъ въ заблужденіе, не можемъ раскаяться? Я знаю, что онъ буйно провелъ свою молодость, но вѣдь не онъ первый, не онъ послѣдній. Мы и прежде видали примѣры, что грѣшники обращались на путь истины и, что до меня касается, я не отвернусь отъ этого грѣшника». — А лучше бы было, если бы онъ отвернулся отъ меня, сказалъ мнѣ Ламоть, много лѣтъ спустя. Но ужъ видно судьба его была такая.

Итакъ, въ одно прекрасное утро графъ Савернскій возвращается изъ Страсбурга съ своимъ новымъ пріятелемъ: онъ представляетъ барона де-Ламоть женѣ и сестрамъ, старается придать своему жилищу, по возможности, веселый видъ, достаетъ для гостя лучшій вина изъ своего погреба, вынимаетъ лучшую посуду къ столу. Много лѣтъ спустя, я познакомился съ барономъ лично; то былъ высокий, смуглый, красивый мужъ-

чина съ хитрымъ взглядомъ, мягкимъ голосомъ и изящными манерами. Что же касается до графа Савернсаго, то онъ былъ низенькій, черненькій, невзрачный человѣчекъ; такъ, по крайней мѣрѣ, слыхалъ я отъ моей матушки. Впрочемъ, мистриссъ Дюваль не любила его за дурное обращенье съ ея *Vicé*; когда же моей почтенной родительницѣ случалось не влюбить человѣка, она не могла допустить въ немъ ни одного хорошаго качества; за то она постоянно утверждала, что баронъ де-Ламотъ былъ съ головы до ногъ настоящимъ джентльменомъ.

Дружба между двумя джентльменами завязалась не на шутку; баронъ де-Ламотъ во всякое время былъ принимаемъ въ Савернскомъ замкѣ съ распростертыми объятіями, и одна изъ комнатъ называлась его комнатою. Онъ былъ въ то же время знакомъ съ заклятымъ врагомъ графа, кардиналомъ, и нерѣдко пріѣзжалъ въ замокъ одного прямо изъ замка другаго. Смѣясь, рассказывалъ онъ о томъ, какъ Монсиньоръ злится на своего сосѣда. Онъ желалъ примиренія между обоими домами: давалъ графу Савернскому весьма благоразумные совѣты и указывалъ ему на опасность, которой онъ подвергается, раздражая такого могущественнаго врага. Бывали примѣры, что добрыхъ людей и за меньшія вины подвергали пожизненному заключенію. Кардиналъ могъ выхлопотать *lettre de cachet* противъ своего несправимаго противника. Вдобавокъ онъ могъ довести графа до раззоренія штрафами и судебными издержками. Споръ между ними былъ неравный, и слабѣйшей сторонѣ предстояла неминуемая гибель, въ случаѣ если эти несчастныя распри не прекратятся. Миѣніе госпожъ де-Савернъ, на сколько онѣ отваживались его высказывать, совершенно совпадало съ миѣніемъ барона де-Ламотъ, и онѣ стояли за примиреніе съ сосѣдомъ. Родные мадамъ де-Савернъ, узнавъ объ этихъ распряхъ, умоляли графа прекратить ихъ. Одинъ изъ этихъ родственниковъ, баронъ де-Виомениль, получивъ назначеніе на важный военный постъ въ Корсикѣ, сталъ звать графа съ собою. Какой бы то ни было уголокъ земнаго шара представлялъ для графа болѣе безопасное убѣжище, чѣмъ его собственный домъ, гдѣ у воротъ караулил его неумолимый и всемогущій врагъ. Де-Савернъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ своего родственника.

Онъ снялъ со стѣны свой Лауфельдскій мечъ и пистолеты,

гдѣ они висѣли въ теченіи двадцати лѣтъ, привелъ въ порядок свои домашніи дѣла, созвалъ торжественно всю свою семью и, поручивъ ее колыбноприклоненно покровительству всеблагаго промисла, отправился въ путь, чтобы присоединиться къ штабу французскаго генерала.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ его отъѣзда, и много лѣтъ спустя послѣ его женитьбы, жена написала ему, что имѣетъ надежду сдѣлаться матерью. Суровый человѣкъ, чувствовавшій себя до сихъ поръ глубоко несчастнымъ и считавшій неплодіе своей жены наказаніемъ божіимъ за какое нибудь свое или ея преступленіе, былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ. У меня еще до сихъ поръ хранится нѣмецкая библія, бывшая у него въ употребленіи; въ этой библіи записана на нѣмецкомъ языкѣ трогательная молитва, сочиненная имъ; онъ призываетъ благословеніе божіе на имѣющаго родиться ребенка и выражаетъ надежду, что божья благодать будетъ пребывать въ младенцѣ, что онъ станетъ залогомъ мира, любви и согласія въ семействѣ. По видимому, онъ твердо былъ увѣренъ, что у него родится сынъ. Цѣлью всѣхъ его надеждъ и стремленій было скопить, по возможности больше, для этого ребенка. У меня были въ рукахъ многія изъ писемъ, писанныхъ имъ изъ Корсики женѣ и сохранныхъ ею. Онѣ были наполнены странными, мелочными подробностями, казавшимися воспитанія этого нерожденнаго сына. Онъ предписывалъ въ домашнемъ быту соблюденіе экономіи, доходящей до скарденности, и высчитывалъ, какую сумму можно будетъ отложить въ десять, въ двадцать лѣтъ, такъ чтобы ожидаемому наслѣднику досталось состояніе, достойное его древняго имени. Въ случаѣ если самъ онъ будетъ убитъ на войнѣ, онъ завѣщалъ женѣ своей придерживаться той же системы строжайшей экономіи, такъ чтобы ребенокъ, по достиженіи совершеннолѣтія, могъ появиться въ свѣтъ, не ударивъ лицомъ въ грязь. Въ этихъ письмахъ, помнится мнѣ, о событіяхъ компаніи упоминалось вкратцѣ; главное содержаніе ихъ составляли молитвы, вычисленія и предсказанія, имѣвшія предметомъ своимъ ребенка, и наставленія, изложенныя языкомъ суровой религіи писавшаго.

При рожденіи ребенка на свѣтъ, вмѣсто мальчика, такъ

страстно ожидаемаго бѣднымъ отцомъ, появилась дѣвочка и все семейство, какъ мнѣ рассказывали, до того растерялось, что не знало, какъ извѣстить объ этомъ главу дома.

Но отъ кого же я это знаю? Отъ того самаго человѣка, который говорилъ, что лучше бы ему было никогда не встрѣчаться съ графомъ де-Савернь, отъ того человѣка, къ которому бѣдный графъ привязался горячею дружбою, человѣка, который таинственнымъ сдѣленіемъ обстоятельствъ сталъ виновникомъ бѣдствій для людей, которыхъ онъ по своему, эгоистически, но искренно любилъ. Говорилъ же онъ со мною въ такое время, когда у него не могло быть желанія меня обманывать.

Итакъ властелинъ замка ушелъ на войну; молодая *chatelaine* осталась одна въ своемъ печальномъ теремѣ, подъ надворомъ двухъ непривѣтливыхъ дуэнтъ. Моя добрая матушка, когда ей въ позднѣйшія времена случалось говорить объ этихъ событіяхъ, всегда принимала сторону своей *Viche* противъ дѣвицъ де-Барръ и ихъ брата, и постоянно увѣряла, что притѣсненія дуэнтъ въ связи съ несноснымъ характеромъ самого графа, его многорѣчивостью и страстью во все вмѣшиваться, были причиною многихъ печальныхъ событій. Графъ де-Савернь, рассказывала матушка, былъ маленькій человѣчекъ, любившій наслаждаться звуками собственнаго голоса и разглагольствовавшій съ утра до ночи. Онъ цѣлый день суетился. Онъ свѣшивалъ свой кофе, считалъ куски сахара, и ни одинъ пирогъ не могъ испечься на его скромной кухнѣ безъ того, чтобы онъ его не понюхалъ. Утромъ и вечеромъ онъ говорилъ домашнимъ проповѣди, и продолжалъ проповѣдывать и *они каведры*, ко всему примѣняя предписанія закона съ неизсякаемымъ многословіемъ. Веселость въ обществѣ такого человѣка была невозможна безъ лицемѣрія. Жена и сестры его должны были скрывать свою скуку, принимать довольный видъ, и съ кажушимся участіемъ слушать его, когда онъ проповѣдывалъ. Что касается до дѣвицъ де-Барръ, то онѣ привыкли слушать своего брата, какъ главу семейства, съ благоговѣнною покорностью. У нихъ было множество хозяйственныхъ занятій; онѣ завѣдывали варкой и печеньемъ, соленьемъ и стиркой; были у нихъ и нескончаемыя работы по канвѣ; словомъ, жизнь маленькаго замка вполнѣ удо-

влетворяла ихъ. Лучшаго онѣ не видали. Даже при жизни отца въ Нанси некрасивыя женщины мало выѣзжали въ свѣтъ и состояли чѣмъ-то въ родѣ экономокъ въ услуженіи его сіятельства.

Мадамъ де-Савернъ въ первое время по вступленіи въ эту семью не слишкомъ возмущалась своимъ зависимымъ положеніемъ. Она прядла и бѣлила, вышивала большія работы, хлопотала по хозяйству и скромно выслушивала проповѣди его сіятельства. Но пришла пора, когда ея занятія перестали интересовать ее, проповѣди показались нестерпимо скучными; когда между ею и ея господиномъ стали возникать столкновенія, и бѣдняжка выказала признаки нетерпѣнія и неповорности. Непокорность повлекла за собою страшныя домашнія бури и стычки. За стычками слѣдовали раскаянье, примиреніе, прощеніе и лицемѣріе.

Какъ уже было сказано, графъ Савернскій любилъ наслаждаться звуками собственнаго разбитаго голоса и разглагольствовать передъ собраніемъ своихъ домашнихъ. Регулярно, каждый вечеръ, у него съ барономъ де-Ламотъ происходили религиозныя споры, въ которыхъ гугенотъ-графъ льстилъ себя увѣренностью, что онъ постоянно побиваетъ бывшаго воспитанника семинаріи. Я не присутствовалъ, разумѣется, на этихъ спорахъ, такъ какъ я въ первый разъ побывалъ во Франціи только двадцать пять лѣтъ спустя; но я вижу въ воображеніи графиню, склоненную надъ своими пальцами, двухъ старыхъ дуэнтъ, раскладывающихъ карты, и жаркій бой, кипящій между двумя церквами въ лицѣ ихъ защитниковъ, сошедшихся въ старомодной маленькой гостиной Савернскаго отеля. «Пусть мнѣ въ будущей жизни будетъ отказано въ прощеньи и въ свиданьи съ тѣми, кого я любилъ и погубилъ на землѣ, говорилъ мнѣ баронъ де-Ламотъ въ одну глубокознаменательную минуту своей жизни, если между Клариссою и мною произошло что либо предосудительное; вся вина наша была въ томъ, что мы скрывали отъ ея мужа привязанность, которую чувствовали другъ къ другу. Три раза я уходилъ изъ ихъ дома, но этотъ несчастный Савернъ каждый разъ привозилъ меня обратно, а я слишкомъ былъ радъ воротиться. Я допускалъ его говорить по цѣлымъ часамъ, признаюсь, для того только, чтобы мнѣ можно было оставаться возлѣ Клариссы. Отъ времени

до времени я долженъ былъ ему отвѣчать, и выкапывалъ уцѣлѣвшіе у меня въ памяти остатки семинарской учености, чтобы возражать на его проповѣди. По всѣмъ вѣроятіямъ, я часто отвѣчалъ не впопадъ, потому что мысли мои уносились далеко отъ той чепухи, которую городилъ бѣднякъ, но ему такъ же невозможно было измѣнить мои убѣжденія, какъ измѣнить цвѣтъ моей кожи. Такъ проходили часы за часами; для другихъ они были бы нестерпимо скучны; но не таковы они были для меня. Я не промѣнялъ бы этотъ сумрачный, маленькій замокъ на роскошнѣйшій дворецъ въ Европѣ. Видѣть Клариссу, вотъ все, чего я желалъ. Денисъ! Есть на свѣтѣ какая-то роковая сила, которой мы всѣ повинемся: съ той минуты, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ, я почувствовалъ, что въ ней моя судьба. Подъ Гастенбекомъ я застрѣлилъ англійскаго гренадера, который, если бы не я, прикололъ бѣднаго Саверна штыкомъ. Приподнимая его съ земли, я сказалъ самому себѣ: рано или поздно я пожалѣю, что встрѣтился съ этимъ человѣкомъ. То же самое, Денисъ, я почувствовалъ, когда увидѣлъ тебя». Слушая несчастнаго, я припомнилъ съ своей стороны то странное, непріятное ощущеніе, похожее на ужасъ и на предчувствіе близкой бѣды, которое пробѣжало по мнѣ, когда я въ первый разъ увидѣлъ его красивое лицо, отмѣченное какъ бы рукою самой судьбы.

Я отъ всего сердца вѣрю словамъ, сказаннымъ мнѣ барономъ де-Ламотъ въ такое время, когда у него не было интереса лгать, я убѣжденъ въ невинности графини де Савернъ. Бѣдная женщина! Если она и согрѣшила мыслью, то она такъ страшно поплатилась за свой проступокъ, что мы смиренно надѣмся, что грѣхъ этотъ не будетъ ей зачтенъ. Она не была вѣрна своему мужу, хотя и не измѣнила ему фактически. Она трепетала передъ нимъ, но имѣла скромность улыбаться и казаться веселой; за это лицемѣріе, полагаю, ни одинъ мужъ и ни одинъ проповѣдникъ ее не осудитъ. Я видѣлъ въ Вестъ-Индіи, какъ одного невольника жестоко били за то, что у него былъ угрюмый видъ; мы требуемъ отъ нашихъ негровъ, чтобы они не только повиновались намъ, но и чувствовали себя счастливыми.

Я подозреваю, что графъ Савернскій, отправляясь въ Кор-

силу, поступилъ такъ отчасти по совѣту своего друга, барона де-Ламотъ. Когда онъ уѣхалъ, баронъ не являлся болѣе въ отель, гдѣ начальство надъ маленькимъ гарнизономъ, покинутымъ своимъ естественнымъ комендантомъ, перешло къ старому школьному товарищу барона, состоявшему пасторомъ и проповѣдникомъ въ Килѣ, на нѣмецкомъ берегу Рейна; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Кларисса обманывала этого джентльмена и своихъ обѣихъ золовокъ и поступала въ отношеніи ихъ съ весьма предосудительною скрытностью.

Не смотря на смертельную вражду, существовавшую между двумя савернскими домами, т. е. между только-что отстроенымъ замкомъ кардинала въ Паркѣ и отелемъ графа въ маленькомъ городкѣ, въ каждомъ изъ домовъ знали приблизительно обо всемъ, что случалось въ другомъ. Во время пребыванія кардинала въ Савернѣ до дѣвицъ де Барръ доходили подробныя свѣденія обо всѣхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ онѣ не принимали участія. Развѣ у насъ, по сию сторону канала, не повторяется та же исторія? Сосѣдки мои, миссъ Прайсъ, знаютъ, какъ нельзя лучше, какія блюда подаются у меня за обѣдомъ; сколько я получилъ дохода, во что обошлось послѣднее платье моей жены и на сколько мой сынъ, капитанъ Скепгрессъ *) задолжалъ у портнаго. Безъ сомнѣнія дѣвицы де Барръ получали столь же подробныя свѣденія обо всемъ, что дѣлалось при дворѣ принца-кардинала. Что за игра шла въ этомъ замкѣ, что за роскошь тамъ была, что за развратныя развратницы пріѣзжали изъ Страсбурга, что за представленія, что за маскарады тамъ давались, что за оргіи тамъ происходили! Дѣвицы де Барръ знали обо всѣхъ этихъ ужасахъ до самомагнѣнныя подробностей, и замокъ кардинала казался имъ замкомъ злого людоеда. По вечерамъ мадамъ де Савернъ могла видѣть изъ своей маленькой темной башни всѣ шестьдесятъ оконъ кардинальскаго дворца, сверкающія огнями. Въ лѣтнія ночи звуки грѣховной музыки доносились изъ этого дома, гдѣ давались балы и даже театральныя представленія. Графинѣ было запрещено ея мужемъ посѣщать эти собранія, но изъ ливнички въ городѣ многіе ходили во дворецъ кардинала и до графини не

*) Scaregrace — повѣса, сорванецъ.

могли не доходить слухи обо всемъ, происходившемъ тамъ. Не смотря на запрещеніе графа, его садовникъ охотился тайкомъ въ дѣсахъ кардинала; человекъ два изъ прислуги успѣли украдкою побывать во дворцѣ во время бала; собственная горничная графини ходила туда; наконецъ и сама графиня почувствовала преступное желаніе туда отправиться, подобно тому, какъ первая прародительница графини ощутила желаніе съѣсть запрещенный плодъ. У графини Савернской была одна бойкая, молодая прислужница, свѣтлые глазки которой любили заглядывать въ сосѣдскіе сады и парки, и которая успѣла снискать расположеніе одного изъ слугъ архіепископа. Черезъ эту-то женщину узнавала графиня обо всѣхъ пирахъ, балахъ, обѣдахъ и, о ужасъ! драматическихъ представленіяхъ, дававшихся кардиналомъ. Она узнала, что свита его святѣйшества выѣзжаетъ на охоту въ ливреѣ его дома; что кушаетъ онъ на серебрѣ, и что за стуломъ каждаго гостя стоитъ по ливрейному лакею. Онъ выписалъ изъ Страсбурга французскихъ комедіантовъ. Что можетъ быть потѣшнѣе этого новаго Мольера? А «Сидъ»-то какъ хорошъ!

Чтобы бывать на всѣхъ этихъ увеселеніяхъ, Марта должна была имѣть въ обоихъ домахъ покровительствующую руку для свободнаго входа и выхода; она должна была обманывать этихъ старыхъ драконовъ, дѣвицъ де Баррѣ: она должна была имѣть возможность тихонько шмыгнуть изъ воротъ, и также тихо шмыгнуть въ нихъ обратно. Она рассказывала госножѣ обо всемъ видѣнномъ, передавала ей въ дѣйствіи драматическія представленія, описывала наряды дамъ и кавалеровъ. Графиня де Савернъ не могла до-сыта наслушаться рассказовъ своей горничной. Когда Марта отправлялась на одинъ изъ такихъ праздниковъ, графиня снабжала ее разными бeadѣлушками для наряда, но въ то же время, когда пасторъ Шноръ и старыя дѣвы судили и редили о происходившемъ въ большомъ Савернѣ съ такимъ видомъ, какъ будто огненный дождь долженствовалъ истребить эту новую Гоморру и всѣхъ находящихся въ ней,—она сидѣла скромно и молча слушала ихъ ворчанье и проповѣди. Но въ самомъ ли дѣлѣ она слушала? Каждый вечеръ пасторъ поучалъ братію въ замѣтъ, старыя дѣвы болтали, но бѣдная графиня ни на что не обращала вниманія. Мысли ея уносились въ большой Са-

вернь, духъ ея постоянно виталь за этимъ лѣсомъ. Отъ времени до времени приходили письма изъ дѣйствующей арміи, отъ графа Савернскаго. Въ этихъ письмахъ говорилось, что было дѣло съ непріателемъ. Прекрасно. Графъ остался живъ и невредимъ. Благодареніе Богу. Вслѣдъ за тѣмъ мрачный супругъ читаль своей бѣдной, молоденькой женѣ мрачную проповѣдь; мрачныя сестры и домовый священникъ пускались по поводу ея въ коментаріи. Однажды, послѣ сраженія подъ Кальви, графъ Савернскій, который особенно воодушевлялся въ минуты опасности, описаль, какъ онъ въ этомъ сраженіи находился на волосокъ отъ смерти; капеланъ воспользовался этимъ поводомъ, чтобы прочитатъ благочестивому собранію краснорѣчивую проповѣдь о смерти и грозящихъ намъ опасностяхъ, о спасеніи въ настоящей жизни и въ будущей, и увы! оказалось, что бѣдная графиня не слыхала ни одного слова изъ этой проповѣди. Мысли ея не слѣдили за проповѣдникомъ; не слѣдили онѣ и за полкомъ капитана Виомениля подъ Кальви; онѣ уносились въ дворецъ большаго Саверна; ей грезились балы, комедіи, музыка и изящные молодые люди, съѣзжавшіеся на пиры кардинала изъ Парижа, изъ Страсбурга и изъ имперскихъ владѣній за Рейномъ.

Духъ искушитель нашептываль: «вкуси»; соблазнительное яблоко висѣло такъ близко, что его можно было достать рукою. и легко угадать, что изо всего этого вышло. Однажды, вечеромъ, когда всѣ въ домѣ спали, графиня Савернская, въ плащѣ и капюшонѣ, въ сопровожденіи служанки, укутанной подобнымъ же образомъ, безъ шума прокралась къ калиткѣ, помѣщавшейся на заднемъ дворѣ замка. Тутъ ее ожидалъ экипажъ и возница, по видимому, хорошо знавшій, кого ему предстоитъ везти, и куда. Черезъ полчаса ѣзды по прямымъ аллеямъ Савернскаго парка, экипажъ остановился у воротъ замка. Тутъ возница соскочилъ съ козелъ, передалъ возжи вышедшему на встрѣчу слугѣ, а самъ повелъ обѣихъ женщинъ видимо коротко ему знакомыми ходами на хоры большой залы, въ которой сидѣло множество дамъ и кавалеровъ, и на концѣ которой была устроена сцена съ занавѣсомъ. По сценѣ сновали взадъ и впередъ мужчины и женщины, и говорили стихами. О боже! то была комедія, одно изъ тѣхъ восхитительныхъ грѣховныхъ

представлений, на которыя ей запрещено было ѣздить, и которыя ей такъ хотѣлось видѣть! Послѣ комедіи былъ назначенъ балъ, на которомъ актеры должны были танцовать въ тѣхъ же костюмахъ, въ какихъ появлялись на сценѣ. Многие изъ гостей были уже въ маскахъ, и въ дождь, ближайшей къ сценѣ, сидѣлъ самъ монсиньоръ кардиналъ, окруженный нѣсколькими масками. Графиня Савернъ видала его и прежде, когда онъ съ своею кавалькадою возвращался съ охоты. Что касается до содержанія комедіи, то для нея такъ же трудно было бы дать о немъ отчетъ, какъ передать содержаніе проповѣди пастора Шнора, слышанной ею за нѣсколько часовъ передъ этимъ. Франтенъ шутилъ съ своимъ господиномъ Дамисомъ; Жерантъ запираетъ на ключъ всѣ двери своего дома, и ворча отправляется спать; сцена совсѣмъ темнѣла, Матурина бросала изъ окна веревочную лѣстницу и спускалась по ней вмѣстѣ съ своею госпожею Эльмирой; Франтенъ придерживалъ лѣстницу, и Эльмира, слегка вскрикнувъ, бросилась въ объятія monsieur Дамиса; господинъ и слуга, госпожа и служанка пѣли веселый квартетъ, въ которомъ игривыми красками изображались людскія слабости; допѣвъ его, они направлялись къ гондолѣ, которая дожидалась ихъ у ступеней, спускавшихся къ каналу. Итакъ, покойной имъ ночи. Когда же старикъ Жерантъ, проснувшись отъ этого шума, выходилъ въ ночномъ колпакѣ и видѣлъ удаляющуюся лодку, все собраніе громко хохотало надъ безсильною злобою несчастнаго старика. То была поистинѣ забавная комедія; она и до сихъ поръ нравится публикѣ, и играется какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ.

Комедія смѣнилась баломъ. Не желаетъ ли графиня танцовать? Не откажется ли благородная графиня Савернская танцовать съ кучеромъ? Въ танцевальной залѣ много масокъ и домино; не она первая появится въ нихъ. Но развѣ на ней маска и домино? Выше было уже сказано, что она укуталась въ плащъ и въ капюшонъ; а развѣ плащъ не то же домино? Развѣ къ тому, и къ другому не надѣвается капюшонъ? Неужто же женщины не носятъ масокъ дома, точно такъ же, какъ и въ Родотто?

Здѣсь возникаетъ другой вопросъ. Знатная дама довѣряется

кучеру, который везет ее во дворец заклятого врага ее мужа. Кто же этот возница? Да кому же и быть имъ, какъ не злополучному барону де-Ламотъ. Съ самаго дня отъѣзда графа, онъ и не думалъ удалиться отъ графини. на слишкомъ далекое разстояніе. На зло капеланамъ, дуэнтамъ, сторожамъ и запорамъ онъ ухитрился поддерживать съ нею сношенія. Какъ это ему удалось? Съ помощью какихъ обмановъ, подкуповъ и военныхъ хитростей? Несчастная чета уже давно предстала передъ своего судью; оба потерпѣли жестокое наказаніе... но я не хочу говорить подробно о ихъ проступкахъ; я не желаю исполнять роль Фигаро и держать фонарь и лѣстницу, пока Альмавива взбирается къ Розинѣ въ окно. Бѣдная, запуганная, слабая женщина! Страшно поплатилась она за свою, безъ сомнѣнія великую, ошибку.

Почти ребенкомъ вышла она за графа де Савернъ, котораго не знала и не любила; родители приказали ей идти замужъ, и она по-неволѣ должна была повиноваться. Она была продана и послѣдовала за своимъ господиномъ. Вначалѣ она перенесла свою участь довольно покорно. Если она и плакала, то слезы ея скоро высыхали; если она и ссорилась съ мужемъ, то вскорѣ снова мирилась съ нимъ. Она не помнила зла, и въ вротости и покорности не уступала любому невольнику Ямайки или Барбадоса. Я убѣжденъ, что ни одинъ невольникъ не осуждалъ такъ скоро своихъ слезъ, не цѣловалъ такъ охотно руку надсмотрщика, только что нанесшаго ему ударъ, — какъ эта женщина. Но, само собой разумѣется, вы не станете требовать отъ одного и того же человѣка и безотвѣтной покорности и искренности. Что до меня касается, я могъ бы назвать вамъ одну даму, которая повинуется только тогда, когда ей угодно; и по чести, чуть ли не самъ я нахожусь вынужденнымъ передъ нею лицемерить, трепетать и улыбаться.

Когда приблизилось время родовъ графини Савернской, рѣшено было, что она поѣдетъ въ Страсбургъ, гдѣ она могла рассчитывать на лучшую врачебную помощь; и здѣсь-то, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзда ея мужа въ Корсику, родила она ему дочь, Агнесу де Савернъ.

Какой-то тайный страхъ, смятеніе и угрызеніе совѣсти овла-

дѣлѣ несчастной женщины. Она писала: моей матери, которая въ то время была единственной повѣренной ея тайнъ. (но не всѣхъ) «О Урсула! Я боюсь этого себѣтїя. Я могу умереть. Я думаю и надѣюсь, что умру. Въ эти долги дни, которые я прожила безъ него, я научилась съ такимъ ужасомъ ожидать его возвращенїя, что мнѣ кажется, что я сойду съ ума, когда увижу его. Знаешь ли, что постѣ сраженїя подъ Кальви, когда я прочла, что много офицеровъ было убито, я подумала: не убитъ ли въ томъ числѣ и графъ Савернскій? Я пробѣжала списокъ убитыхъ, и не нашла въ немъ его имени; и, вѣришь ли, сестра моя? я не обрадовалась! Неужели я стала такимъ чудовищемъ, что мужу своему желаю... Нѣтъ. Пусть ужъ лучше я умру. Я не могу отираться во всемъ этомъ пастору Шнору; онъ такъ глупъ, что не понимаетъ меня. Онъ такой же, какъ мой мужъ: вѣчно донимаетъ меня только однѣми проповѣдями.»

«Слушай, Урсула! Только никому не сказывай. Я была на одной проповѣди. О, то было съ самымъ дѣлѣмъ божественно. То не была скучная проповѣдь одного изъ нашихъ пасторовъ. О, какъ онѣ мнѣ надобѣли! Говорилъ человекъ святой жизни, епископъ французской — не нашей *нѣмецкой* — церкви, именно, епископъ Амьенскій, который въ настоящее время гоститъ у принца-кардинала. Имя епископа господишь де-Ламотъ. Онъ родственникъ того самаго господина, который часто бывалъ у насъ за послѣднее время, и который спасъ жизнь моему мужу въ сраженїи, о чемъ вѣчно толкуетъ monsieur де-Савернь.»

«Какъ великолѣпенъ соборъ. Я была въ немъ вечеромъ. Вся церковь была точно усыяна звѣздами, а музыка напоминала небо. Какое сравненїе съ тѣмъ, что я оставила дома; тамъ этотъ пасторъ Шноръ и тотъ, другой, что вѣчно проповѣдывалъ, когда былъ дома! Несчастный! Неужели онъ и тамъ проповѣдуетъ, въ Корсику? Въ такомъ случаѣ я жалю о тѣхъ, которые его слушаютъ. Когда ты будешь писать мнѣ, смотри не проговорись о соборѣ. Драконы ничего объ этомъ не знаютъ. Ахъ, какъ онѣ стали бы бранить меня, если бы узнали! Какъ же онѣ мнѣ надобѣли, эти злыя вѣдьмы! Посмотрѣла бы ты на нихъ въ эту минуту: онѣ воображаютъ, что я пишу моему

мужу. Ахъ, Урсуса! Когда мнѣ приходится писать ему, то я по цѣлымъ часамъ сижу надъ бумагой. Я ничего не нахожу сказать, а что говорю, выходитъ ложью. То ли дѣло, когда я пишу тебѣ! Перо само собою ходитъ по бумагѣ. Не успѣю оглянуться, какъ уже цѣлый листъ исписанъ. Тоже самое бываетъ, когда я пишу... Если я не ошибаюсь, вонъ та гадкая вѣдьма заглядываетъ черезъ очки въ мое письмо. Такъ то, добрая сестра моя, я пишу его сіятельству графу!»

Къ этому письму былъ прибавленъ нѣмецкій постскриптувъ, въ которомъ акушеръ графини, видимо по ея желанію, извѣщаетъ матушку о рожденіи *ребенка* женскаго пола, и о томъ, что мать и дочь здоровы.

Эта дочь сидитъ въ настоящую минуту передо мною, тоже съ очками на носу и спокойно просматриваетъ порсмутскую газету, въ которой, я надѣсь, она въ скоромъ времени прочитаетъ о производствѣ господина Скепгресь, ея сына. Она промѣняла свое знатное имя на мое, не громкое, но честное. Милая моя! Твои глаза уже не тѣ блестящія, какими я ихъ помню въ былыя времена; твои черныя кудри посеребрились. На мою счастливую долю досталась обязанность отвращать опасности отъ этой головы. Когда я гляжу на нее, и вижу ее отдыхающею въ нашей тихой пристани, счастливою и спокойною подъ конецъ нашего бурнаго плаванья по житейскому морю, чувство безпредѣльной благодарности наполняетъ все существо мое, и сердце мое поетъ хвалебный гимнъ.

Первые дни жизни Агнесы Савернской ознаменовались событіями, которыя имѣли странное вліяніе на всю ея будущность. Около ея маленькой колыбели готовилась разыгратъ драма съ двойною, даже тройною интригой. По странному стеченію обстоятельствъ, смерть, преступленіе, мщеніе, угрызеніе совѣсти и тайна обступили колыбель этого невиннаго и чистаго существа, столь же невиннаго и чистаго въ настоящую минуту, какъ и въ тотъ день, когда чуть ли не мѣсячнымъ ребенкомъ, она начала знакомиться съ превратностями житейскими.

На вышеупомянутомъ письмѣ къ моей матери, написанномъ графиней Савернскою наканунѣ рожденія ея ребенка и оконченнымъ ея акушеромъ, выставлено 25-е ноября 1768 года.

Мѣсяцъ спустя Марта Зебахъ, горничная графини, писала матушкѣ по нѣмецки, что госпожа ея жестоко пострадала отъ горячки, такъ что даже разсудокъ ея помрачился на нѣкоторое время, и доктора отчаявались въ самой ея жизни. Дѣвочки де-Барръ хотѣли кормить ребенка съ рожка, но онѣ были не-ловкія няньки, и ребенокъ оставался очень плохъ, пока снова не попалъ на попеченіе матери. Въ настоящую минуту графиня Савернская стала спокойнѣе и чувствовала себя гораздо лучше. Во время болѣзни она страшно страдала и въ бреду постоянно звала свою молочную сестру, чтобы та защитила ее отъ какой-то воображаемой опасности.

Какъ ни малъ я былъ въ то время, когда писались эти посланія, я живо помню полученіе слѣдующаго за тѣмъ письма. Оно и теперь еще лежитъ у меня въ столѣ; рука, писавшая его въ лихорадочномъ жару, теперь охладѣла; чернила за эти пятьдесятъ лѣтъ успѣли выцвѣсть. Я помню, какъ матушка воскликнула по нѣмецки (она всегда говорила по нѣмецки въ минуты сильнаго душевнаго волненія): Боже правый! Голубка моя сошла съ ума! И въ самомъ дѣлѣ, странный бредъ заключается въ этихъ полинявшихъ строкахъ.

«Урсула, писала она (я не желаю выписывать сполна безумныя рѣчи несчастной женщины) послѣ того, какъ родился мой ребенокъ, нечистая сила хотѣла отнять его у меня. Но я боролась и крѣпко прижимала къ себѣ свою дѣвочку, и теперь они болѣе не могутъ погубить ее. Я понесла ее въ церковь. Со мною была и Марта; онъ тоже былъ тамъ, какъ и всегда, готовый защитить меня отъ нечистой силы. По моему желанію, ее окрестили Агнесою, и меня тоже окрестили Агнесою. Не странно ли, что я окрестилась двадцати двухъ лѣтъ отъ роду? Агнеса первая и Агнеса вторая! Но, хотя имя мое и измѣнилось, сама я не измѣнилась для моей Урсулы. Имя мое теперь Агнеса Кларисса де-Савернъ, урожденная де-Віомениль».

Она дѣйствительно крестилась вмѣстѣ съ дочерью въ римско-католическую вѣру, въ то время, когда еще не вполне владѣла своимъ разсудкомъ. Поступила ли она такъ подъ вліяніемъ помѣшательства? Подумала ли она объ этомъ шагѣ прежде, чѣмъ на него рѣшилась? Познакомилась ли она съ католическими духовными въ Савернѣ, или же обращенію ея

содѣйствовали другія побудительныя причины, помимо тѣхъ споровъ, которые при ней происходили между ея мужемъ и барономъ де-Ламотъ? Въ этомъ же письмѣ несчастная женщина продолжаетъ: «Вчера къ моей постели подошли два челоуѣка съ золотыми вѣнцами на головахъ. На одномъ изъ нихъ были священническія одежды; другой былъ прекрасенъ и покрытъ стрѣлами. Они сказали мнѣ: имена наши — святой Фабианъ и святой Севастіанъ. Завтра день св. Агнесы, и она будетъ ожидать васъ въ церкви.»

Я никогда не могъ дознаться, какъ доподлинно было дѣло. Протестантскій священникъ, съ которымъ я сошелся въ послѣдствіи, могъ только принести мнѣ свою метрическую книгу и показать, что онъ того же самаго младенца окрестилъ не Агнесою, а Августиною. Марты Зебахъ не было въ живыхъ. Ламотъ въ разговорѣ со мною не касался этого эпизода въ жизни злополучной графини. Должно полагать, что образа и картины, видѣнныя ею въ церквахъ, сильно подѣйствовали на ея воспаленный мозгъ. Доставъ вѣроятно гдѣ нибудь католическій календарь или святцы, она начиталась ихъ, узнала, въ какіе дни какіе святые празднуются, и не совсѣмъ еще оправившись отъ умственного своего разстройства и не подлежа еще полной отвѣтственности за свои поступки, отправилась съ дочерью въ соборъ и приняла тамъ крещеніе.

Теперь, само собою разумѣется, несчастная женщина должна была болѣе, чѣмъ когда либо, лгать и таяться. Нечистою силою были никто иныя, какъ старыя дѣвы, слѣдившія за каждымъ ея поступкомъ, и имъ-то прежде всего ей необходимо было отвести глаза. Но, развѣ она не то же самое дѣлала и прежде, когда ѣздила тайкомъ во дворецъ кардинала въ Савернъ? Я живо представляю себѣ ея положеніе: куда бы она ни пошла, всюду преслѣдовалъ ее рововой, свербающій взглядъ этого Ламота. Бѣдная Ева! Она еще не была потеряна безвозвратно; я въ этомъ увѣренъ; но змѣй этотъ неотвязно увивался за нею, и ей суждено было умереть отъ его ядовитаго прикосновенія. Кто возьмется предугадать таинственный ходъ судьбы! Годъ спустя послѣ того времени, къ которому относится мой рассказъ, Страсбургскими улицами проѣзжала прелестная принцесса Имперскаго дома, уни-

Бающаяся и цвѣтущая, прѣвѣтствуемая звономъ колоколовъ, пушечными выстрѣлами, гирляндами, знаменами и кликами толпы. Кто бы подумалъ, что послѣднее свое путешествіе эта принцесса совершитъ въ безобразной телѣжкѣ, и телѣжка свезетъ ее на эшафотъ? Графиня Савернской оставалось жить всего только годъ, и ее ожидалъ не менѣе трагичный конецъ.

Я слыхалъ отъ докторовъ, что рожденіе ребенка во многихъ случаяхъ влечетъ за собою умственное разстройство матери. Графиня де-Савернь оставалась нѣсколько времени въ этомъ горячешномъ состояніи; хотя въ ней и уцѣлѣло сознание своихъ поступковъ, тѣмъ не менѣе она не могла считаться отвѣтственною за нихъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ она очнулась какъ будто отъ сна, сохранивъ страшное воспоминаніе о случившемся. Я не беру на себя объяснить, подъ вліяніемъ какихъ галлюцинацій или уступая какимъ увѣщаніямъ, жена непреклоннаго дворянина-протестанта отправилась въ Римско-католическую церковь и окрестилась тамъ вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ. Впослѣдствіи она никогда не могла припомнить, какъ это случилось. Страшный ужасъ овладѣлъ ею, когда она стала раздумывать о случившемся, и глубокую ненависть почувствовала она къ мужу, виновнику всѣхъ ея страданій и опасеній. Съ замирающимъ сердцемъ стала она ожидать его возвращенія. Она прижимала къ себѣ ребенка и запирала всѣ двери на замокъ, чтобы кто не похитилъ у нея этого ребенка. Протестанскій капеланъ и протестантки волонеры съ беспокойствомъ слѣдили за нею; они приписывали ея странный образъ дѣйствій остаткамъ умственнаго разстройства; призывали докторовъ, которые прѣвѣжали, соглашались съ ними и прописывали рецепты; сама больная принимала ихъ то высокомерно, насмѣшливо и оскорбительно, то со слезами и видимымъ страхомъ, смотря по причудливому настроенію своего духа. Было тутъ надъ чѣмъ призадуматься.

Отъ времени до времени сестры писали ея мужу въ Корсику, осторожно извѣщая его о состояніи графини. Онъ, съ своей стороны, немедленно отвѣчалъ имъ, съ своимъ обычнымъ многословіемъ, цѣлыми фоліантами общихъ мѣстъ. Узнавъ, что у него родилась дочь, онъ выразилъ покорность вѣлѣніямъ судьбы, и принялся исписывать цѣлыя стопы бумаги настав-

леніями о ея пищѣ, одеждѣ, физическомъ и религіозномъ воспитаніи. Ребенку дали имя Агнесы? Онъ былъ бы довольнѣе, если бы ее назвали именемъ его матери, Барбарою. Въ одномъ изъ писемъ несчастнаго джентльмена попались мнѣ наставленія о томъ, какъ варить кашку для ребенка и какую діету должна соблюдать кормилица. Онъ писалъ, чтобы его въ скоромъ времени ожидали домой. Корсиканцы были всюду разбиты. Будь онъ католикъ, онъ давнымъ давно былъ бы пожалованъ королевскимъ орденомъ. *Monsieur de Biomenil* не терялъ еще надежды исходатайствовать ему орденъ Воинской Доблести (орденъ, основанный его величествомъ лѣтъ десять тому назадъ для протестантовъ). Въ этихъ письмахъ (которые впоследствии были потеряны по несчастному случаю на морѣ) графъ довольно скромно отзывался о личныхъ своихъ заслугахъ, (я убѣжденъ, что онъ былъ человекъ замѣчательной храбрости) и только тогда и не вдавался въ скучное многословіе, когда говорилъ о собственныхъ своихъ достоинствахъ.

Каждая почта приносила новыя письма отъ графа. Война приближалась къ концу, а съ ея окончаніемъ слѣдовало ожидать и возвращенія его домой. Онъ былъ въ восторгѣ отъ мысли, что увидится съ дочерью и станетъ ея руководителемъ на пути добра и правды. По мѣрѣ того, какъ умственные способности графини прояснялись, страхъ ея становился все сильнѣе и сильнѣе, а съ нимъ вмѣстѣ росла и ненависть ея къ мужу. Она не знала, куда укрыться отъ мысли о его возвращеніи и страшномъ признаніи, съ которымъ она неизбежно должна будетъ предстать предъ него. Какъ! жена заклятаго протестанта перешла въ католическую вѣру, и даже окрестила въ эту вѣру его ребенка? Она чувствовала, что онъ убьетъ ее, когда узнаетъ о случившемся. Не зная на что рѣшиться и видѣ себя отъ страха, она отправилась къ крестившему ее священнику. Аббатъ Жаржель (секретарь его святѣйшества) зналъ ея мужа, но онъ увѣрилъ ее, что у кардинала довольно могущества, чтобы защитить ее отъ всѣхъ протестантовъ Франціи, взятыхъ вмѣстѣ. Должно думать, что она имѣла свиданія и съ самимъ кардиналомъ. Хотя объ этомъ не упоминается въ письмахъ ея къ моей матери.

Походъ кончился. *Monsieur-de-Во* и *monsieur-de-Biomenil*, оба съ высокою похвалою отзывались въ письмахъ своихъ о по-

веденіи графа Савернскаго. Не обращая вниманія на его протестантское вѣроисповѣданіе, они изъявляли готовность употребить все свое вліаніе въ его пользу.

Приближался день возвращенія графа. Этотъ день насталь. Я вижу въ воображеніи, какъ храбрый дворянинъ съ трепещущимъ сердцемъ взбирается по ступенямъ скромнаго дома, въ которомъ семейство его жило въ Страсбургѣ со дня рожденія ребенка. Какъ часто видалъ онъ этого ребенка во снѣ; какъ онъ молился о немъ и о своей женѣ, то во время ночнаго бдѣнія на бивуакахъ, то стоя, спокойный и преданный исполненію долга, подъ непріятельскимъ огнемъ.

Онъ входитъ въ комнату и видитъ только испуганныя лица двухъ слугъ, да блѣдныя растерянные лица своихъ старыхъ сестеръ.

— Гдѣ же Кларисса и ребенокъ? спрашиваетъ онъ.

Мать и ребенокъ исчезли. Куда? Этого тетки не знали.

Ударъ паралича не такъ страшно перевернулъ бы несчастнаго, какъ роковое извѣстіе, которое трепещущіе домашніе приуждены были сообщить ему. Впослѣдствіи я видѣлъ господина Шнора, того самаго нѣмецкаго пастора, которому была поручена, въ отсутствіи графа, должность капелана въ графскомъ замкѣ. «Когда графиня Савернская ко времени родовъ уѣхала въ Страсбургъ, рассказывалъ мнѣ пасторъ Шноръ, я возвратился къ своимъ обязанностямъ въ Килѣ. Я радъ былъ снова очутиться у своего спокойнаго домашняго очага, потому что пріемъ, сдѣланный мнѣ высокородною дамою, былъ далеко не радушень. Много мнѣ пришлось вынести насмѣшекъ и колкихъ словъ отъ графини, каждый разъ, какъ я, по долгу службы, являлся къ столу. Повѣрите ли, сэръ, она поднимала меня на смѣхъ даже въ присутствіи своихъ слугъ. Она называла меня своимъ тюремщикомъ. Она передразнивала мою манеру ѣсть и пить. Она зѣвала во время моихъ проповѣдей, и восклицала: «Oh, que c'est bête!» Когда же я начиналъ пѣть псалмы, она вскрикивала и перебивала меня: «Извините меня monsieur Шноръ, но право отъ вашего фальшиваго пѣнья у меня голова болитъ;» такъ что мнѣ становилось затруднительно приступать къ этой части богослуженія. Какъ только я начиналъ пѣть, самые слуги принимались смѣяться надо мною.»

«Жизнь моя была поистинѣ мукою, но я терпѣливо выносила всѣ эти пытки, какъ по чувству долга, такъ изъ привязанности къ графу. Когда ея сіятельство слегла въ постель, я почти не пропускала ни одного дня, чтобы не явиться къ сестрицамъ графа и не осведомиться о здоровьи графини и ея ребенка. Я и крестилъ младенца. Мать его по болѣзни не могла присутствовать при обрядѣ; но она прислала сказать мнѣ черезъ дѣвицу Марту, что я могу дать ребенку, какое мнѣ угодно, имя, но что она будетъ звать его Агнесою. Это случилось 21 января, въ тотъ самый день, когда католическая церковь празднуетъ память св. Агнесы, и я помню, что въ то время меня поразило это совпаденіе обстоятельствъ.»

«Когда графъ явился ко мнѣ рассказать, что жена его бѣжала и взяла ребенка съ собою, онъ былъ, какъ потерянный; волосы его изъ черныхъ сдѣлались сѣдыми, въ лицѣ и движеніяхъ его была видна безумная скорбь. Онъ принесъ съ собою клочекъ бумаги, надъ которымъ въ изступленіи рвался и плакалъ. То разражался онъ страшными проклятіями, то призывалъ назадъ свою жену, свою дорогую, заблудшую овечку, обѣщая простить ей все, лишь бы она возвратилась и возвратила ему его ребенка. Вопли и стоны его были такъ жалобны, что они самого меня глубоко растрогали. Когда же я, изъ принесенаго имъ клочка бумаги, узналъ, что графиня оставила ту вѣру, которую отцы наши такъ доблестно исповѣдывали въ скорбяхъ, въ заточеніи, на войнѣ, среди гоненій и убійствъ, то я почувствовалъ себя потрясеннымъ не меньше самого графа.»

«Мы возвратились черезъ мостъ обратно въ Страсбургъ и направились въ соборной церкви; при входѣ въ нее, мы встрѣтились съ Аббатомъ Жоржель. Аббать, который меня зналъ, при видѣ моемъ, сдѣлалъ неудачную попытку улыбнуться. Отъ природы онъ былъ блѣденъ лицомъ, но когда я сказалъ: «это его сіятельство графъ Савернскій»—его лицо слегка зарумянилось.

— Гдѣ она? спросилъ несчастный графъ, хватая Аббата за руку.

— Кто? спросилъ аббать, вѣтаясь немного назадъ.

— Гдѣ моя дочь? Гдѣ моя жена? крикнулъ графъ.

— «Silence, monsieur! остановивъ его аббатъ. Вспомните, въ какомъ вы мѣстѣ.

«Въ эту самую минуту изъ алтара донеслось до насъ пѣніе, и бѣдный графъ остолбенѣлъ, какъ громомъ пораженный. Ми стояли возлѣ самой купели. Шатаясь, онъ прислонился къ одной изъ колоннъ храма, и надъ своею его головою прашлось изображеніе св. Агнесы.

«Не было человѣческой возможности оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ его отчаянья. «Графъ, проговорилъ аббатъ, я сочувствую вашему огорченію. Этотъ ударъ постигъ васъ такъ неожиданно, но я... я надѣюсь, что это все такъ случилось для вашего же блага.»

— Такъ вы знаете о случившемся? спросилъ графъ.

«Тутъ аббатъ принужденъ былъ, замолчать, сознавая, что онъ точно знаетъ о случившемся. Какъ же было и не знать ему, когда онъ самъ совершилъ обрядъ, отлучившій несчастную графиню отъ церкви ея отцовъ.

«Графъ, съ отчаяніемъ на лицѣ, потребовалъ метрическую книгу, которая подтвердила роковое извѣстіе. Въ ней мы прочитали, что 21-го января 1769, въ день св. Агнесы, ея сестельство Кларисса, графиня Савернская, урожденная де Виомениль, имѣя отъ роду двадцать два года, и Агнеса, единственная дочь графа Савернскаго и его супруги, были окрещены и приняты въ нѣдра католической церкви въ присутствіи двухъ свидѣтелей, подписи которыхъ тутъ же находились.

«Графъ сталъ на колѣни и склонился надъ метрической книгой, произнося что-то такое, что скорѣе походило на проклятіе, чѣмъ на молитву. Въ эту самую минуту отошла служба въ алтарѣ, и Монсеньоръ, окруженный духовенствомъ, вышелъ въ ризницу. Тогда сэръ, графъ Савернскій, вскочилъ на ноги, выхватилъ мечъ, и, грозясь на кардинала кулакомъ, произнесъ пеступленную рѣчь, призывая проклятія на ту церковь, представителемъ которой былъ принцъ-архіепископъ.

— Гдѣ моя овечка, которую вы отняли у меня? сказалъ онъ словами пророка къ нечестивому царю.

«Кардиналъ гордо возразилъ ему, что обращеніе графини Савернской было не его дѣломъ, а дѣломъ самого неба, и доба-

видь: вы были для меня дурнымъ сосѣдомъ, милостивый государь, но тѣмъ не менѣе я желаю вамъ добра, и потому надѣюсь, что и вы послѣдуете ея примѣру.

«При этихъ словахъ графъ окончательно потерялъ терпѣніе; въ неистовыхъ рѣчахъ нападалъ онъ на римскую церковь, призывалъ проклятія на голову кардинала и пророчилъ ему, что настанетъ день, когда его гордыня получитъ достойное наказаніе. Противъ Рима и его заблужденій онъ разразился цѣлымъ потокомъ словъ, которыя у него, къ сожалѣнію, были всегда наготовѣ.

«Я долженъ сознаться, что принцъ Луи де-Роганъ отвѣчалъ въ этомъ случаѣ съ немалымъ чувствомъ собственного достоинства. Онъ замѣтилъ, что подобныя слова въ храмѣ оскорбительны и неумѣстны; что въ его власти было бы арестовать графа и требовать его наказанія, какъ богохульца и поносителя церкви; но что, изъ уваженія къ бѣдственному положенію графа, онъ готовъ забыть необдуманная и дерзкія слова, сказанныя имъ; что же касается графини Савернской, то онъ сумѣетъ защитить ее и ея ребенка отъ гоненій, которыя могъ бы навлечь ей похвальный ея поступокъ. «Не безъ труда, продолжалъ пасторъ Шноръ, удалось мнѣ уговорить несчастнаго графа выйти изъ церкви. Я успѣшилъ его увести, потому что рѣзкія выраженія графа могли насъ обоихъ втравить въ бѣду. Почти обезумѣвшаго отвелъ я его домой, гдѣ насъ ожидали благородныя дѣвицы, его сестры. Испуганныя его страшнымъ видомъ, онѣ умоляли меня не покидать его.

«Графъ снова отправился въ ту комнату, гдѣ жила его жена съ дочерью, и при видѣ разныхъ бездѣлушекъ, напоминавшихъ ему о той и другой, предался такому отчаянью, что вчужѣ было жалко смотрѣть. На комодѣ валялся маленькій чепчикъ, принадлежавшій ребенку. Онъ схватилъ его; покрывая поцѣлуями и орошая слезами, обращался къ отсутствующей женѣ, умоляя ее возвратить ему ребенка и общаясь все простить. Онъ спряталъ чепчикъ у себя на груди и принялся перерывать всѣ комоды, шкапы и книги, отыскивая указаній, которыя могли бы навести на слѣдъ бѣжавшей. Я былъ вполне убѣжденъ—и сестры графа были одного со мною мнѣнія, что графиня укрывается вмѣстѣ съ ребенкомъ въ какомъ нибудь

монастырѣ, что кардиналъ знаетъ мѣсто ея убѣжища, и что всѣ усилія протестанта-мужа отыскать ее будутъ тщетны. Могло случиться, что, наслутивъ своимъ убѣжищемъ—я зналъ графиню за женщину причудливую и легкомысленную, и уже никакъ не предполагалъ въ ней того, что католики называютъ призваніемъ къ монастырской жизни—итакъ, могло статься, что она сама черезъ нѣсколько времени покинетъ монастырь. Основываясь на этой шаткой надеждѣ, я старался, какъ умѣлъ, утѣшить графа. Но, онъ, за минуту передъ тѣмъ готовый на всепрощеніе, въ слѣдующую за тѣмъ минуту дышалъ гнѣвомъ. Онъ скорѣе соглашался видѣть дочь свою мертвою, чѣмъ католичкою. Онъ говорилъ, что пойдетъ къ королю—нужды нѣтъ, что король окруженъ развратницами,—и потребуетъ суда. Во Франціи еще довольно дворянъ протестантовъ, въ которыхъ еще не въ конецъ подавленъ древній духъ; сильный ихъ сочувствіемъ, онъ станетъ требовать удовлетворенія за свою обиду.

«У меня было смутное подозрѣніе, отъ котораго я впрочемъ старался отдѣлаться, считая его несправедливымъ, что въ бѣгствѣ графини было замѣшано третье лицо. Подозрѣнія мои падали на человѣка, которому графъ въ былыя времена выказывалъ большое расположеніе и который во мнѣ самомъ успѣлъ возбудить участіе. Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда графа, я прогуливался позади Савернскаго замка, какъ вдругъ на полѣ, смежномъ съ лѣсами кардинала, показался этотъ самый человѣкъ съ ружьемъ черезъ плечо. То былъ баронъ де-Ламотъ.

«Онъ сказалъ мнѣ, что гостить въ настоящее время у кардинала, освѣдомился о здоровьи Савернскихъ дамъ и поручилъ засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе. Смѣясь, рассказалъ онъ мнѣ, что не былъ допущенъ въ домъ, когда на дняхъ явился къ нимъ съ визитомъ, и замѣтилъ, что, какъ старый товарищъ графа, считалъ себя въ правѣ разсчитывать на лучший приемъ. Въ то же время онъ выразилъ сожалѣніе объ отъѣздѣ графа, «какъ вамъ извѣстно, продолжалъ онъ, я ревностный католикъ; у насъ съ графомъ часто бывали весьма серьезные разговоры, въ которыхъ мы касались вопросовъ, раздѣляющихъ наши церкви. Я убѣжденъ, что мнѣ

удалось бы обратить его въ нѣдра католической церкви». При этомъ я, смиренный сельскій настоятель, не убоился возвысить голосъ въ защиту истины, и у насъ завязался въ высшей степени занимательный разговоръ, въ которомъ сила аргументаціи осталась на моей сторонѣ.»

«Я всегда былъ влохой ѣздокъ, продолжалъ добрый старый священникъ свой безыскусственный разговоръ. Когда мнѣ, въ должности капелана и демоправителя, случалось соизумлять графиню Савернской въ ея прогулкахъ верхомъ, она, бывало, каждый разъ далеко опередитъ меня, увѣряя, что для нея трястись моей клерикальной рысцою нестерпимо. Надо вамъ сказать, что у нея была яро красная амазонка, вълѣдствіе чего ее можно было издалека отличить; и мнѣ казалось, что я видѣлъ ее разговаривающею съ господиномъ, сидѣвшимъ на сѣрой лошади и одѣтымъ въ кафтанъ травянисто-зеленаго цвѣта. Когда я спросилъ ее, съ кѣмъ это она разговаривала, она отвѣчала мнѣ: «M. le pasteur, вамъ во снѣ приснилась сѣрая лошадь и зеленый кафтанъ. Если вы приставлены ко мнѣ шпиономъ, то старайтесь, по крайней мѣрѣ, поспѣвать за моею лошадыю, или призовите себѣ на помощь старыхъ барышень.» Дѣло въ томъ, что графиня постоянно ссорилась съ этими старыми барышнями; да и то сказать, обѣ онѣ были презыма и пресварливыя. Онѣ обращались со мною, съ настояремъ реформатской церкви аугсбургскаго исповѣданія, какъ съ лакеемъ, и заставляли меня вкушать хлѣбъ мой въ униженіи. Графиня же, при всей своей гордости, легкомысленности и вспыльчивости, умѣла порою быть такой ласковой и привѣтливой, что никто противъ нея не могъ устоять. Да, сэръ, продолжалъ настоятель, эта жеищица, умѣла войти въ душу, и когда она скрылась, я такъ сокрушался о ней, что завистливыя старыя золовки сочинили, будто самъ я былъ въ нее влюбленъ. Фу, ты! придетъ же этакая непотребность въ голову!

«Въ первый же день своего злополучнаго пріѣзда, графъ открылъ нѣчто такое, что всѣ мы проглядѣли, и сестры его при всемъ своемъ любопытствѣ и я, даромъ что я человекъ не дюжинной проникательности. Въ письменномъ столѣ ея сѣятельства, между кучею разорванныхъ бумагъ, нашелся вло-

чекъ бумаги, на которомъ было написано ея рукою: «Урсула, тиранъ возвр...» и ничего болѣе.

— Ага! воскликнула графъ, она отправилась въ Англiю къ своей молочной сестрѣ. Скорѣе, скорѣе, лошадей! Не прошло двухъ часовъ, какъ онъ ужъ былъ въ сѣдлѣ и отправлялся въ дальнiй путь.»

ГЛАВА III.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

Однажды вечеромъ, во время лѣтнихъ вакацiй, я сидѣлъ дома на моемъ маленькомъ стулѣ. На дворѣ лилъ ливнемъ дождь. Въ нашу цирюльню обыкновенно и по вечерамъ навѣдывались посѣтители, но въ этотъ разъ никого не было. Я, промнителъ, жомалъ голову надъ латинской грамматикой, за которую матушка засаживала меня каждый разъ, какъ я приходилъ изъ школы. Тамъ сидѣли мы, каждый за своимъ занятiемъ, какъ вдругъ по пустынной улицѣ послышался шумъ шаговъ. Мы прислушиваемся — шаги приближаются и останавливаются у нашей двери.

— Г-жа Дюваль, вотъ мы и пришли, говорить чей-то голосъ за дверью.

— Ah, bon Dieu! восклицаетъ матушка и сильно блѣднѣетъ. Вслѣдъ за тѣмъ я слышу крикъ ребенка. Боже! какъ у меня вѣззался въ памяти этотъ ребяческiй крикъ!

Дверь отворяется, врывающiйся вѣтеръ чуть не задуваетъ обѣ наши свѣчи, и въ комнату входятъ...

Входятъ двентльженъ и подаетъ руку дамѣ, укутанной съ ногъ до головы въ шали и плащи; за ними идетъ служанка съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ, позади всѣхъ слѣдуетъ лодочникъ Дмерсанъ.

Мать моя испускаетъ сильнiй крикъ, и съ восклицанiемъ: «Кларисса, Кларисса!» бросается къ дамѣ, обнимаетъ ее и осыпаетъ страстными ласками. Ребенокъ жалобно кричитъ. Нянюшка силится усюкочить его. Незнакомецъ снимаетъ шля-

пу, отряхиваетъ съ нея дождевую воду и глядитъ на меня. Тутъ то по мнѣ пробѣжало какое-то странное сотрясеніе ужаса. Такое сотрясеніе я испыталъ раза два въ моей жизни. Человѣкъ, вызвавшій его во мнѣ однажды, былъ моимъ врагомъ и кончилъ плохо.

— Переѣздъ нашъ былъ очень бурный, проговорилъ незнакомецъ по французски, обращаясь къ моему дѣду. Мы пробыли на морѣ четырнадцать часовъ, графиня жестоко страдала во время переѣзда и очень ослабѣла.

— Твои комнаты готовы, нѣжно проговорила мать. Бѣдная моя Viche! Нынѣшнюю ночь ты заснешь спокойно; теперь тебѣ нечего бояться.

За нѣсколько дней передъ этимъ, я видѣлъ, какъ матушка вмѣстѣ съ служанкою хлопотала на верху, убирая комнаты и разставляя въ нихъ лучшую мебель. На вопросъ мой, кого она ожидаетъ, я получилъ пощечину и приказаніе замолчать. Но видимо, незнакомцы-то и были ожидаемые посѣтители: изъ разговора матушки я узналъ, что даму зовутъ графиней Савернскойю.

— А это твой сынъ, Урсула? проговорила дама. Какой онъ у тебя большой! А моя-то мозглавая, все плачетъ.

— Ахъ ты моя милая крошка, воскликнула моя матушка, схвативъ ребенка, который заплакалъ громче прежняго, испугавшись «развѣвающихся перьевъ и високаго шлема» г-жи Дюваль, которая въ то время носила высокіе головные уборы, и въ воинственности вида ужъ конечно не уступала никакому Гектору.

Я помню, что меня непріятно поразилъ грубый отзывъ блѣдной дамы о своемъ ребенкѣ. Я всегда любилъ дѣтей, и люблю ихъ даже до глупости, (чему можетъ служить доказательствомъ мое обращеніе съ собственнымъ моимъ повѣсою) и никто не скажетъ, чтобы я былъ жестокъ съ моими товарищами въ школѣ и затѣвалъ драки не иначе, какъ съ оборонительною цѣлью.

Мать моя подала на столъ угощеніе, какое случилось въ домѣ, и пригласила гостей къ своей скромной трапезѣ. Какія мелочныя подробности запечатлѣлись въ моей памяти! Я помню, что меня, какъ истаго мальчика, страшно разсмѣшило замѣчаніе дамы: *Ah c'est ça du thé? je n'en ai jamais*

gouté. Mais c'est très mauvais, n'est ce pas, M. le Chevalier? Какъ видно, въ Альзасѣ чай еще не былъ введенъ въ употребленіе. Матушка осадила мою веселость своимъ обычнымъ прикосновеніемъ къ моимъ ушамъ. Добрая душа дня не пропускала, не подвергнувъ меня этой исправительной мѣрѣ. Графиня вскорѣ удалилась въ свою комнату, гдѣ матушка постлала для нея свое лучшее бѣлье, и гдѣ была тоже приготовлена постель для служанки Марты, которая унесла туда плачущаго ребенка.

У насъ въ домѣ было обыкновеніе утромъ и вечеромъ молиться сообща, всей семьей, при чемъ дѣдушка весьма краснорѣчиво читалъ за насъ молитвы. Но когда въ этотъ вечеръ онъ раскрылъ свою библию и велѣлъ было мнѣ прочитать изъ нея главу, матушка сказала: «Нѣтъ. Бѣдная Кларисса устала и ей надо лечь въ постель.» И прѣзжая дама пошла ложиться. Когда я приступилъ къ обычному чтенію, я помню что слезы покатались по лицу моей матери и она воскликнула: «Mon Dieu, mon Dieu! ayez pitié d'elle!» Когда я же я хотѣлъ запѣть нашъ вечерній гимнъ: *Nun ruhen alla Wälder*, она велѣла мнѣ замолчать, говоря что наша верхняя жилица устала и хочетъ спать. И она сама отправилась на верхъ посмотреть, не нужно ли чего гостѣ, а мнѣ велѣла проводить незнакомаго джентльмена къ нашему сосѣду, булочнику Биллисъ, у котораго была для него приготовлена квартира. Я пошелъ съ нимъ, болтая по дорогѣ; первое ощущеніе ужаса, пробѣжавшее по мнѣ при его появленіи, вскорѣ изгладилось.

Никогда я не забуду ужаса и удивленія, овладѣвшихъ мною, когда матушка сказала мнѣ, что наша гостья папистка. Въ нашемъ городѣ жили два джентльмена этого исповѣданья; но они мало имѣли сношеній съ тѣмъ смиреннымъ классомъ общества, къ которому принадлежали мои родители. Человѣка два котлика было похоронено въ запущенномъ участкѣ сада древняго аббатства, въ которомъ было мѣсто погребенія монаховъ, еще задолго до Генриха VIII. Вообще католики были въ нашемъ городѣ на перечетъ.

Незнакомый джентльменъ былъ первый папистъ, съ которымъ мнѣ довелось вступить въ разговоръ. Помню, прогуливаясь съ нимъ по городу и показывая ему разныя достопримѣчательности, я спросилъ у него: «А сами вы жгли протестантовъ?»

—Какъ же, отвѣчалъ онъ, звѣрски улыбаясь. Я нѣсколько человѣкъ ихъ изжарилъ и потомъ съѣлъ. При этихъ словахъ я отшатнулся отъ его блѣднаго, ослабляющагося лица съ тѣмъ же старымъ чувствомъ ужаса, какъ и при первомъ нашемъ свиданьи.

Наша гостья была очень больна; на блѣдныхъ щекахъ ея рдѣлись по красному пятну; по цѣлымъ часамъ просиживала она молча, боязливо оглядываясь по сторонамъ. Матушка не спускала съ нея глазъ, и сама казалась не менѣе перепуганною. Временами графиня не могла слышать крикъ своего ребенка и отсылала его отъ себя. Временами же она прижимала его къ себѣ, уносила въ свою комнату и заиралась съ нимъ. По ночамъ она бродила по всѣмъ комнатамъ. Я спалъ въ маленькой коморкѣ, рядомъ съ комнатой моей матери. Помню, что меня однажды ночью разбудилъ голосъ графини, кричавшей у матушкиной двери: «Урсула, Урсула, скорѣе лошадей, я должна бѣжать! Онъ ѣдетъ сюда, я знаю что онъ ѣдетъ!» Матушка и горничная графини съ трудомъ уговорили ее возвратиться въ свою спальню. Гдѣ бы она не находилась, при каждомъ крикѣ ребенка она вскакивала съ мѣста и бросалась къ нему. Но при всемъ томъ, она не любила его; черезъ минуту она бросала его на постель, а сама шла къ обну и глядѣла на море. По цѣлымъ часамъ сиживала она у окна, притаившись за занавѣской, какъ будто скрываясь отъ кого-то.

Аптекарь часто приходилъ къ намъ, качалъ, глядя на нашу гостью, головою и прописывалъ лекарство. Лекарство не помогало. Бессонница продолжалась. Графиня была постоянно въ лихорадочномъ состоянii: безсвязно отвѣчала она на предлагаемые ей вопросы, плакала и смѣялась безъ всякой видимой причины. Она отталкивала подаваемые ей кушанья, хотя они были лучшія, какія только бѣдная матушка могла состряпать; отсылала моего дѣда въ кухню и запрещала ему имѣть дерзость при себѣ садиться. Съ матушкой она была то капризна, то ласкова, попеременно, и жестоко бранилась съ ней, если матушка строго обращалась со мною. Г-жа Дюваль боялась своей молочной сестры. Она, царившая надъ всѣми въ домѣ, становилась кроткой и покорной передъ бѣдной полоумной женщиной.

Баронъ де-Ламеть жилъ по прежнему на своей квартирѣ, и только приходилъ къ намъ. Я принималъ его за двоюроднаго брата графини, онъ и самъ себя выдавалъ за него, и я рѣшительно не понималъ, что значили слова нашего настора, мистера Бареля, когда онъ пришелъ однажды къ матушкѣ и сказалъ ей: *Fi donc!* за славное ты дѣло принялась, *madame* Дюваль, ты, старшая дочь нашей церкви!

— Какое такое дѣло? спросила матушка.

— Ты укрываешь нечестіе и потворствуешь грѣху. И онъ назвалъ по имени грѣхъ, обозначенный въ седьмой заповѣди.

Я былъ слишкомъ молодъ, чтобы понять значеніе сказаннаго имъ слова. Но, не успѣлъ онъ договорить его, какъ матушка, вооружившись мискою съ супомъ, воскликнула: «Убирайтесь-ка вы, милостивый государь, по добру по здорову; а то, я не посмотрю, что вы пасторъ, и спроважу вамъ весь этотъ супъ въ вашу скверную рожу, да и миску туда же.» Она была такъ страшна въ эту минуту, что пасторъ поспѣшилъ ретироваться.

Вскорѣ за тѣмъ дѣдушка возвратился домой. Онъ казался перепуганнымъ не менѣе своего *командира*, мистера Бареля, и сталъ выговаривать матушкѣ, за чѣмъ она такъ дерзко отвѣтила пастырю церкви. «Въ цѣломъ городѣ, продолжалъ онъ, только и толковъ, что о тебѣ и объ этой несчастной графинѣ.»

— Цѣлый городъ не болѣе, какъ старая сплетница, возразила госпожа Дюваль, топнувъ ногою и... чуть было я не сказала: *покручивая свой усъ...* Какъ? эти французишки поднимаютъ гвалтъ изъ за того, что я приняла къ себѣ свою молочную сестру? По ихнему предосудительно приютить у себя бѣдную, безумную, умирающую женщину? Ахъ они трусы, трусы! Слушай, *petit papa*; если ты у себя въ клубѣ позволишь, кому бы то ни было, слово сказать про твою невѣстку, и не поколотишь того человѣка, то я сама съ нимъ расправлюсь.» И, по чести, я убѣжденъ, что дѣдушкина невѣстка сдержала бы свое слово.

Чуть ли не мое собственное простодушіе было отчасти причиною того безчестья, которому подверглась моя бѣдная матушка. Какъ-то разъ, къ намъ заглянула сосѣдка, госпожа

Крошку, и спросила у меня, какъ поживаетъ наша жилица и ея двоюродный братъ, графъ?

— Madame Кларисса плохо поправляется, отвѣчалъ я, покачивая головою съ глубокомысленнымъ видомъ; что же касается до джентльмена, то онъ вовсе не графъ и не родня ей, г-жа Крошку.

— А! такъ онъ ей не родня! проговорила сосѣдка. И вѣсть эта быстро разнеслась по городу. Когда въ слѣдующее воскресенье мы отправились въ церковь, пасторъ Барель сказалъ такую проповѣдь, что вся церковь стала на насъ оглядываться, и бѣдная матушка вся покраснѣлась, какъ ракъ, только что вынутый изъ кипятка. Я не вполнѣ сознавалъ важность сдѣланнаго мною проступка, но знаю, что матушка по своему лиху отблагодарила меня за него. На свистъ палки (самъ я въ подобныхъ случаяхъ закусывалъ языкъ и не издавалъ ни звука), вошла наша больная; вырвала палку у матушки изъ рукъ и самою ея оттолкнула на другой конецъ комнаты съ такою силой, какой отъ нея нельзя было и ожидать. Она схватила меня въ свои объятія, и принялась прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ, бросая на матушку гнѣвные взгляды.

— Бить роднаго ребенка! повторяла она. Чудовище! Чудовище! Стань на колѣни и проси прощенья; если же ты этого не сдѣлаешь, то, даю слово, что велю отрубить тебѣ голову.

За объдомъ она подозвала меня и велѣла сѣсть возлѣ себя. «Епископъ! обратилась она къ дѣдушкѣ, моя статсъ-дама сегодня провинилась. Она позволила себѣ бичевать маленькаго принца скорпиономъ, котораго я вырвала у нея изъ рукъ. Герцогъ! если она это еще разъ сдѣлаетъ, я повелѣваю вамъ отсѣчь ей голову». И съ этими словами она схватила большой столовый ножъ и принялась имъ размахивать, захохотавъ тѣмъ страннымъ хохотомъ, который бѣдную матушку постоянно вводилъ въ слезы. Она, бѣдняжка, всѣхъ насъ величала герцогами и принцами. Герцогомъ она постоянно называла барона де-Ламотъ, протягивала ему руку и говорила: «преклоните колѣна, сэръ, и цѣлуйте нашу царственную руку». И де-Ламотъ, съ грустнымъ, лицомъ, становился на колѣни и исполнялъ эту печальную церемонію. Однажды дѣдушка, который

былъ плѣшивъ, и на этотъ разъ безъ парика, работалъ въ саду подъ ея окномъ; вдругъ она, улыбаясь, подозвала его и, когда бѣдный старикъ подошелъ, вылила ему на лысину цѣлое блюдечко съ чаемъ, проговоривъ: ставлю тебя и помазую епископомъ Сень-Денисскаго аббатства.

Горничная Марта не могла вынести постоянныхъ заботъ и ухода, требуемыхъ состояніемъ ея госпожи. Безъ сомнѣнія, обязанности ея показались ей еще болѣе тягостными, съ тѣхъ поръ, какъ новая госпожа, и притомъ очень строгая и повелительная, была поставлена надъ нею въ лицѣ г-жи Дюваль. Мать моя любила командовать надъ всѣми; она ходила за графиней, ходила за ея дочерью, и страстно любила и ту, и другую. Но она любила по своему и ревновала ихъ ко всякому, кто становился между ею и предметами ея любви. Нечего говорить, не сладка была жизнь ея подчиненныхъ.

Послѣ трехъ мѣсяцевъ Марта объявила, что хочетъ возвратиться домой. Матушка обозвала ее неблагодарною тварью, но рада радешенька была отъ нея избавиться. Она постоянно утверждала, что Марта воруетъ разные наряды, кружева и побрякушки, принадлежащія ея госпожѣ. Въ недобрый часъ эта Марта покинула нашъ домъ. Я убѣжденъ, что она была привязана къ своей госпожѣ, и любила бы ребенка, если бы матушка не оттолкнула ее отъ него своимъ суровымъ вмѣшательствомъ.

Между французскимъ и англійскимъ берегомъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время поддерживалось постоянное сообщеніе посредствомъ маленькихъ лодокъ, которыя, я имѣю поводъ думать, перевозили всякія позволенные и непозволенные клади. Дѣдушка былъ хозяиномъ небольшого *рыболовнаго* судна, пополамъ съ однимъ лиддскимъ уроженцемъ, Томасомъ Грегсонъ. Наши лодки довели Марту до пол-дороги и передали ее встрѣчной французской лодкѣ, которая доставила ее въ Булонь.

Едва она ступила на набережную, первымъ лицомъ, попавшимся ей на встрѣчу, былъ господинъ ея, графъ Савернскій, только что пріѣхавшій въ этотъ самый день въ Булонь.

Онъ кинулся къ ней; она вскрикнула и отшатнулась назадъ, но толпа нищихъ, обступившая ее сзади, помѣшала ея от-

ступленію. Ребенокъ, живъ ли ребенокъ? было первымъ вопросомъ графа.

— Ребенокъ живъ и здоровъ. Благодареніе Богу!

Однимъ камнемъ стало меньше на сердцѣ бѣднаго отца.

— Госпожа твоя живетъ у своей молочной сестры въ Уинчельси?

— Да, ваше сіятельство.

— Баронъ де-Ламоть тоже въ Уинчельси?

— Д... О нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство.

— Не лги! Онъ не покидалъ ее во время путешествія. Они останавливались въ однихъ и тѣхъ же гостинницахъ. Г-нъ ле-Брэнъ, купецъ, 34 лѣтъ отъ роду, сестра его, г-жа Дюбуа, 24 лѣтъ, съ ребенкомъ женскаго пола на рукахъ и горничная оставили здѣшній портъ 20 апрѣля, на англійскомъ рыболовномъ суднѣ «Мери» изъ Рай. Ночь передъ тѣмъ, какъ сѣсть на корабль, они провели въ гостинницѣ «Escu de France». Я былъ увѣренъ, что отыщу ихъ.

— Клянусь вамъ всѣми святыми, я ни на минуту не оставляла графиню во время путешествія.

— Ты только теперь ее оставила? Довольно. Какъ названіе той лодки, на которой ты приѣхала въ Булонь?

Въ эту самую минуту подошелъ одинъ изъ матросовъ, служившихъ на этой лодкѣ, и подалъ Мартѣ, забытый ею узелокъ. Графъ велѣлъ ему идти за собою въ гостинницу, обѣщаясь дать ему заранѣе на водку.

— Хорошо ли онъ обходится съ нею? спросилъ онъ по дорогѣ у горничной.

— *Dame!* Мать родная не могла бы быть нѣжнѣе съ своимъ дѣтищемъ.

Сопровождаемый Мартою, лодочникомъ и наемщицами кландей, графъ пришелъ въ гостинницу. Тутъ служанка гостинницы рассказала ему, что у нихъ же останавливалась г-жа Дюбуа съ братомъ; она, бѣдненькая, смотрѣла такою больною, и всю ночь проговорила, не смыкая глазъ. Братъ ея останавливался во флигелѣ, что направо черезъ дворъ.

— Вамъ, сударь, досталась та самая комната, въ которой она ночевала. И какъ же ея дѣвочка плакала! Посмотрите, окна выходятъ на гавань....

— На какой сторонѣ постели спалъ ребенокъ?

— Вотъ на этой.

Графъ Савернскій взглянулъ на то мѣсто, которое указала служанка, наклонился головою къ подушкѣ и горько заплакалъ. По загорѣлому лицу рыбака тоже катились слезы. *Le pauvre homme, le pauvre homme*, повторялъ онъ.

— Пойдемте ко мнѣ въ комнату, обратился графъ къ рыбаку. Взрывъ чувства миновался, и онъ былъ совершенно спокоенъ.

— Ты знаешь въ Уинчельси домъ, изъ котораго пріѣхала эта женщина?

— Знаю.

— Ты отвозилъ туда господина съ дамой?

— Да.

— Ты помнишь этого человѣка?

— Какъ нельзя лучше.

— Возьмешься ли ты за тридцать луидоровъ отправиться нынче же въ море, переправить пассажира и отдать письмо барону де-Ламотъ?

Лодочникъ согласился. Въ моемъ письменномъ столѣ лежитъ письмо, полинявшія, пятидесятилѣтнія строки котораго я всякій разъ пробѣгаю не безъ волненія. Вотъ оно:

«Кавалеру Франчуа Жозефу де-Ламотъ въ Уинчельси, въ Англии.

«Я зналъ, что отыщу васъ. Я съ самаго начала зналъ, гдѣ вы скрываетесь. Не заболѣй я въ Нанси тяжелою болѣзнию, я настигъ бы васъ двумя мѣсяцами ранѣе. Послѣ всего, что произошло между нами, я знаю, что это приглашеніе будетъ для васъ равносильно повелѣнію пріѣхать, и что вы явитесь на него съ тою же поспѣшностью, съ какою явились выручать меня отъ англійскихъ штыковъ подъ Гастенбекомъ. Между нами, баронъ, дѣло идетъ на жизнь и на смерть. Я надѣюсь, содержаніе этого письма вы сохраните въ тайнѣ и не замедлите послѣдовать за моимъ посланнымъ, который доставитъ васъ ко мнѣ.

Графъ Савернскій.

Письмо это пришло къ намъ вечеромъ, когда все наше семейство было въ сборѣ въ передней комнатѣ магазина. У

меня на колѣняхъ сидѣла малютка, которая знать никого не хотѣла, кромѣ меня. Въ этотъ вечеръ графиня была довольно спокойна, ночь стояла тихая, и окна были открыты. Дѣдушка читаетъ свою книгу, графиня и г-нъ де-Ламотъ играли въ карты, хотя первая, увы! не могла играть долѣе десяти минутъ сряду. Вдругъ раздался стукъ въ дверь. Услышавъ его, дѣдушка отложилъ свою книгу.

— Что тамъ такое? проговорилъ онъ. *Entrez. Comment, c'est vous Bidois?*

— *Oui, c'est bien moi, patron*, отвѣчалъ Бидуа здоровенный малый, въ сапогахъ и курткѣ, съ рыбимъ хвостомъ, висѣвшимъ до самыхъ пятокъ. *C'est la le petit du pauvre Jean Louis? Est il genti, le pti patron!* И глядя на меня, онъ теръ себѣ рукою переносицу.

Въ эту самую минуту графиня вскрикнула три раза, захотала и заговорила: «а! это мой мужъ воротился съ войны. Вонъ онъ у окна. Здравствуйте, ваше сіятельство! здравствуйте. У васъ дочка родилась, гадкая-прегадкая, которую я совсѣмъ таки, совсѣмъ, совсѣмъ не люблю! *Ah, c'est mon mari qui revient de la guerre. Il est là, à la croisée. Bon jour M. le Comte! Bon jour. Vous avez une petite fille bien laide, bien laide, que je n'aime pas du tant, pas tant, pas du tant.* Онъ тутъ, я видѣла его у окна. Вотъ онъ, вотъ онъ! Спрячьте меня отъ него, онъ убьетъ меня, онъ убьетъ меня!»

— Успокойтесь, Кларисса, замѣтилъ де-Ламотъ, которому, безъ сомнѣнія, успѣли наскучить вскригиванья и сумасбродныя выходки бѣдной женщины.

— *Calmez-vous, ma fille*, протянула матушка изъ сосѣдней комнаты, гдѣ она стирала.

— Не вашу ли милость зовутъ кавалеромъ де-Ламотъ, спросилъ Бидуа.

— *Après, monsieur*, отвѣчалъ баронъ, гордо взглянувъ на него изъ-за картъ.

— Въ такомъ случаѣ у меня къ вашей милости есть письмо. И матросъ подаль барону вышеприведенное письмо.

Этотъ Ламотъ не разъ видѣлъ смерть лицомъ къ лицу въ разныхъ отчаянныхъ стычкахъ. Хладнокровнѣе его не было игрока въ ту страшную игру, въ которой участвуютъ сталь и

свинецъ. Онъ спокойно положилъ полученное письмо въ карманъ, окончилъ партію съ графиней и, сказавъ Бидуа, чтобы онъ шелъ за нимъ на его квартиру, распростерся съ нами. Бѣдная графиня строила домики изъ вартъ и оставляла происходившее вокругъ нея безъ вниманія.

Странныя должности справлялъ я въ то время, къ которому относится мой разсказъ. Дѣдушка приучалъ меня къ своему ремеслу. Нашъ подмастерье посвящалъ меня въ тайны благороднаго искусства завиванья париковъ; я бѣгалъ по городу съ порученіями отъ матушки, и въ то же время былъ приставленъ, въ качествѣ няньки, къ графининой дочкѣ, которая, какъ уже было сказано, любила меня всѣхъ больше въ домѣ. Въ первый разъ, когда я вышелъ съ малюткой на улицу, таща ея маленькую телѣжку, я имѣлъ великое сраженіе съ уличными мальчишками, которые вздумали смѣяться надо мною; маленькая Агнеса сидѣла въ своей телѣжкѣ и сосала пальчикъ. Драка была въ самомъ разгарѣ, когда къ намъ подошелъ докторъ Бернардь, ректоръ англійской церкви св. Филиппа, въ которой онъ намъ, французамъ, позволялъ справлять богослуженіе, пока наша собственная церковь перестроивалась. Докторъ Бернардь почему-то не жаловалъ всю нашу семью (впослѣдствіи я узналъ, что у него были на то уважительныя причины) и, само собою разумѣется, пользовался въ свою очередь нерасположеніемъ всѣхъ нашихъ. Быть можетъ, одною изъ причинъ, ожесточившихъ противъ него мою матушку, было то обстоятельство, что его большой парикъ завивался въ другой цирюльнѣ.—Ахъ вы, маленькіе негодяи, сказалъ онъ, подходя къ намъ, мальчишкамъ. Я всѣхъ васъ засажу подъ арестъ и велю высѣчь моему сторожу. (Докторъ Бернардь занималъ въ то же время высшую муниципальную должность). Этотъ маленькій французскій цирюльничекъ вѣчно чтонибудь да напроказитъ.

— Они смѣялись надо мною, сэръ, кричали мнѣ вслѣдъ: «нянька, нянька», и хотѣли опрокинуть телѣжку; не могъ же я все это стерпѣть. Я обязанъ защищать эту бѣдную крошку, которая сама защититься не можетъ, продолжалъ я, воодушевляясь. Мать ея больна, нянька бѣжала, и у нея нѣтъ другаго покровителя, бромъ меня и «Notre Père qui est aux cieux»; при

этихъ словахъ я поднялъ руку къ небу, точь въ точь, какъ дѣлывалъ дѣдушка. Когда эти мальчишки обижаютъ ее, я долженъ съ ними драться.

Докторъ провелъ рукою по глазамъ, пошарилъ у себя въ карманѣ и далъ мнѣ долларъ.

— Приходи-ка къ намъ въ ректорскій домъ, дитя мое, сказала мистриссъ Бернардъ, которая была съ мужемъ. И взглянувъ на ребенка, она добавила: «бѣдная малютка, бѣдная малютка!»

Между тѣмъ, докторъ, держа меня за руку и обратившись къ мальчишкамъ, сказалъ: «слушайте вы, мальчишки! Если я еще узнаю про васъ, что вы такъ малодушны и бьете этого молодца за то, что онъ исполняетъ свою обязанность, не будь я Томасъ Бернардъ, если я васъ не велю высѣчь своему стогрожу. Эй, ты, Томасъ Каффинъ, сейчасъ мирись съ маленькимъ французомъ». Я объявилъ, что готовъ во всякое время мириться и драться, когда только Томасу Каффину угодно, и вслѣдъ за тѣмъ снова занялъ свой лошадиный постъ и потащилъ маленькую телѣжку по Сондгету.

На другой день, послѣ посѣщенія французскаго лодочника Бидуа, я везъ маленькую телѣжку по направленію къ фермѣ, хозяинъ которой былъ большой пріятель моего дѣдушки и держалъ у себя голубей, до которыхъ я ребенкомъ былъ большой охотникъ. Тутъ ко мнѣ подошелъ незнакомый господинъ; лицо его я не могу припомнить, но помню, что онъ заговорилъ со мною на томъ же смѣшанномъ, французско-нѣмецкомъ нарѣчій, на которомъ говорили матушка и дѣдушка.

— Это ребенокъ госпожи фонъ-Цабернъ? спросилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Агнеса, Агнеса! Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, сколько радостей и печалей успѣли мы извѣдать съ того дня, когда твой отецъ опустился на колѣни, возлѣ маленькой телѣжки, гдѣ спала его дочь! Долго глядѣлъ онъ на ребенка, но не коснулся его губами. Малютка проснулась, улыбаясь, и протянула къ нему ручки, но онъ отвернулся съ чѣмъ-то похожимъ на стонъ.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Бидуа; съ нимъ былъ еще другой человекъ, по видимому англичанинъ.

— А мы васъ всюду ищемъ, ваше сіятельство, сказалъ онъ. Прибой начался, и намъ пора ѣхать.

— Баронъ въ лодкѣ? освѣдомился графъ Савернскій.

— Il est bien là, отвѣчалъ лодочникъ. И они удалились, не оглядываясь назадъ.

Весь этотъ день матушка была тиха и добра. Казалось, у нея что-то лежало на сердцѣ. Несчастная графиня то болтала и смѣялась, то плакала по своему обыкновенію. Когда дѣдушка за вечерней молитвой затянулъ было свою кантату, матушка толкнула его ногою и проговорила: *Assez bavardé comme ça, mon père*, и, откинувшись въ креслѣ, спрятала голову въ фартукъ.

Весь слѣдующій день она была очень молчалива, то и дѣло плакала и читала нашу большую нѣмецкую библію. Со мною она была ласкова; она сказала мнѣ своимъ густымъ голосомъ: «ты у меня добрый мальчикъ, Денникинъ». Рѣдко гладила она меня такъ нѣжно по головѣ, какъ въ этотъ разъ. Въ эту ночь наша больная была очень безпокойна. Она хохотала и пѣла такъ громко, что прохожіе останавливались на улицѣ и прислушивались.

Въ этотъ вечеръ я поздно засидѣлся, такъ какъ—дѣло не бывалое!—меня не отсылали спать. Наши стѣнные часы шкпѣли, собираясь пробить двѣнадцать, какъ вдругъ, по пустынной улицѣ послышались шаги.

Матушка вскочила; на ней лица не было, когда она бросилась отодвигать засовъ у двери. «*C'est lui!*» проговорила она, съ широко раскрытыми глазами, и баронъ де-Ламотъ вошелъ, блѣдный, какъ мертвецъ.

Въ эту самую минуту надъ нашими головами запѣла графиня, которую вѣроятно разбудилъ бой часовъ. Де-Ламотъ вздрогнулъ и сталъ еще блѣднѣе прежняго, когда матушка съ искаженнымъ лицомъ заглянула ему въ глаза.

— Il l'a voulu, проговорилъ онъ, и опустил голову на грудь. А на верху распѣвала графиня свои безумныя пѣсни.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА.

27-го іюня текущаго 1769 года графъ Савернскій прибылъ въ г. Булонь и остановился въ гостинницѣ «Ecu de France», въ которой въ то же время стоялъ маркизь дю-Кенъ-Менвиль, начальникъ эскадры во флотѣ его величества. Графъ Савернскій не былъ лично знакомъ съ маркизомъ дю-Кеномъ, но, напомнивъ маркизу то обстоятельство, что знаменитый предокъ его, адмиралъ дю-Кенъ былъ того же реформатскаго исповѣданія, къ которому принадлежалъ и графъ, его сіятельство просилъ маркиза быть его секундантомъ въ дуэли, которую плачевныя обстоятельства дѣлали неизбѣжною.

Въ то же время графъ Савернскій изложилъ маркизу причины своей ссоры съ кавалеромъ Францискомъ-Іосифомъ де-Ламотъ, бывшимъ офицеромъ субизскаго полка, проживающимъ нынѣ въ Англіи, въ городѣ Уинчельси, въ графствѣ Соссексъ. Сообщенное графомъ было такого свойства, что маркизь дю-Кенъ вполне призналъ за графомъ право требовать удовлетворенія отъ господина де-Ламотъ.

Въ ночь на 29-е іюня была отправлена лодка съ посланнымъ и письмомъ отъ графа Савернскаго. Въ этой же лодкѣ г. де-Ламотъ возвратился изъ Англіи.

Нижеподписавшійся графъ де-Бериньи, стоящій съ полкомъ своимъ въ Булони, будучи знакомъ съ г. де-Ламотъ, согласился быть его секундантомъ въ предстоявшемъ поедингѣ.

Поединокъ состоялся въ 7 часовъ утра, на песчаномъ прибрежьи, въ разстояніи полумили отъ Булонскаго порта. Избраннымъ оружіемъ были пистолеты. Оба дворянина были исполнены спокойствія и самообладанія, какъ и подобаетъ офицерамъ, отличившимся на королевской службѣ и рядомъ сражавшимся въ былыя времена съ врагами Франціи.

Передъ началомъ поединка, г. де-Ламотъ сдѣлалъ четыре шага впередъ и, опустивъ пистолетъ и положивъ руку на сердце, проговорилъ: «Призываю Бога въ свидѣтели и клянусь честью дворянина, что я неповиненъ въ томъ обвиненіи, которое взводитъ на меня графъ Савернскій.»

Графъ Савернскій отвѣчалъ: «баронъ де-Ламотъ, я не взво-

диль на васъ никакого обвиненія; но если бы оно и такъ было, вѣдь вамъ ничего не стоитъ солгать.»

Г. де-Ламоть вѣжливо поклонился свидѣтелямъ, и съ выраженіемъ скорѣе печали, чѣмъ гнѣва на лицѣ, возвратился на свое мѣсто, назначенное ему въ десяти шагахъ отъ противника.

При данномъ знакѣ оба противника выстрѣлили разомъ. Пуля графа Савернскаго задѣла прядь волосъ на вискѣ г. де-Ламоть; пуля же послѣдняго попала графу въ правую сторону груди. Графъ Савернскій съ минутою постоялъ на ногахъ, и упалъ.

Секунданты, докторъ и г-нъ де-Ламоть подошли къ раненому. Г-нъ де-Ламоть, поднявъ руку къ верху, снова повторилъ: «Небо мнѣ свидѣтель, что извѣстная особа невинна.»

Казалось, графъ Савернскій хотѣлъ что-то сказать; онъ приподнялся съ земли, опираясь на одну руку; но могъ только выговорить: «Вы, вы....»

Кровь хлынула у него горломъ, онъ упалъ навзничъ и, послѣ непродолжительной агоніи, испустилъ духъ.

Слѣдуютъ подписи: Маркизь дю-Кенъ-Менвиль.

Начальникъ эскадры во флотѣ его величества.

Кавалерійскій бригадиръ, графъ де-Бериньи.

ГЛАВА IV.

со дна бездны.

Послѣднюю ночь свою на землѣ графъ Савернскій провелъ въ маленькой харчевнѣ въ Уинчельси, въ которой останавливались рыбаки, въ томъ числѣ и Бидуа. Съ послѣднимъ графъ успѣлъ разговориться во время переѣзда изъ Булони; онъ открылъ ему часть своей тайны и, не касаясь самой причины своей ссоры съ господиномъ де-Ламоть, сказалъ ему, что поединокъ между ними неизбеженъ и что смерть, которая

завтра же постигнетъ этого человѣка, будетъ только справедливою карою.

Поединокъ состоялся бы въ ту же ночь, но баронъ де-Ламоть потребовалъ нѣсколько часовъ отсрочки для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ; онъ выразилъ желаніе стрѣляться на французской землѣ, такъ какъ въ Англіи тотъ изъ противниковъ, который остался бы въ живыхъ, могъ подвергнуться серьезнымъ неприятностямъ.

Что же касается до графа Савернскаго, то онъ объявилъ, что всѣ распоряженія его уже сдѣланы. Приданое его жены отходило къ ея дочери; собственное его состояніе отказывалось его родственникамъ, ребенку же онъ ничего не оставлялъ. Въ его кошелекѣ было всего нѣсколько монетъ. «Tenez, проговорилъ онъ, вотъ мои часы. Въ случаѣ моей смерти, я завѣщаю ихъ тому маленькому мальчику, который спасъ моего... т. е. ея ребенка». И голосъ графа на этихъ словахъ оборвался, и слезы закапали у него изъ глазъ.

Въ ту самую минуту, какъ я пишу, я слышу стукъ этихъ часовъ на моемъ столѣ. Цѣлые полвѣка они были моимъ неразлучнымъ товарищемъ. Я помню мой ребяческій восторгъ, когда Бидуа вручилъ мнѣ ихъ и передалъ матушкѣ подробности поединка.

— Вы видите, въ какомъ она состояніи, говорилъ г-нъ де-Ламоть моей матушкѣ. Мы разлучены такъ же безвозвратно, какъ если бы смерть постигла одного изъ насъ. Жениться ли мнѣ на ней? Я готовъ, если вы думаете, что я могу быть ей полезенъ. Пока у меня останется гиней, я готовъ дѣлить ее съ нею. Мое состояніе рушилось, отъ моего прикосновенія, точно такъ же, какъ рушились мои привязанности, мои надежды. На мнѣ лежитъ какое-то провлятіе и все, что я ни люблю, подпадаетъ тому же проклятію.

И дѣйствительно, печать Каина лежала на челѣ этого несчастнаго человѣка; но временами попадались люди, которые чувствовали къ нему состраданіе, и въ числѣ-то ихъ была моя суровая мать.

Здѣсь будетъ у мѣста разказать, какимъ образомъ я спасъ ребенка и заслужилъ благодарность бѣднаго графа Савернскаго. Безъ сомнѣнія ему разказалъ этотъ случай Бидуа, во время ихъ

печальнаго переѣзда. Дважды вечеромъ я спалъ, какъ умѣютъ спать только дѣти; не помню по какому случаю, матушки не было дома. Когда она воротилась и зашла провѣдать свою *Vische*, ни графини, ни ребенка не обазалось въ комнатѣ.

Я видѣлъ неподражаемую Сиддонсъ въ Макбетѣ, когда она, блѣдная отъ ужаса, проходитъ по потемнѣвшей сценѣ послѣ убійства короля Дунбана. Выраженіе ужаса на лицѣ моей матери не уступало ей въ трагичности, когда я, вскочивъ со сна, увидѣлъ ее передъ собою. Какъ было знать, куда бѣжала бѣдная безумная графиня вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ? Быть можетъ она кинулась въ трясину, въ море...

— Вставай-ка, мой сынъ, и пойдемъ искать ихъ, проговорила она хриплымъ голосомъ. Я побѣжалъ на квартиру къ барону де-Ламотъ и засталъ его въ обществѣ двухъ джентльменовъ (мимоходомъ будь сказано, двухъ католическихъ священниковъ). Гости и хозяинъ съ одной стороны, мы съ матушкой съ другой, разбрелись въ разныя стороны, по разнымъ дорогамъ отыскивать бѣжавшую.

Матушка напала на настоящій слѣдъ. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли приближавшуюся къ намъ блѣлую фигуру, рѣзко выступавшую среди обружающей темноты, и слышали голосъ, пѣвшій пѣсни.

— Ah mon Dieu! воскликнула матушка. Gott sey dank, я не zapomню всѣхъ выраженій благодарности, которыми она облегчала свое сердце. Мы узнали голосъ графини.

Когда мы подошли поближе, она узнала насъ при свѣтѣ нашего фонаря и принялась передразнивать ночнаго сторожа, голосъ котораго бѣдная такъ часто слыхала во время своихъ бессонныхъ ночей. «Двѣнадцать часовъ пробило, на небѣ звѣзды», протянула она, и залилась своимъ обычнымъ хохотомъ, который такъ тяжело было слушать.

Она была въ бѣлой блузѣ, распущенные волосы падали ей на спину и на блѣдныя щеки.

Она была безъ ребенка. Матушка затряслась всѣмъ тѣломъ; фонарь до того дрожалъ у нея въ рукѣ, что я боялся, что она его уронитъ.

Она поставила фонарь на землю, сняла свою шаль и окутала ею графиню, которая принялась улыбаться своей ребяче-

своей улыбкой и проговорила: *c'est bon, c'est chaud ça; ah, que c'est bien!*»

Взглянувъ случайно на ноги графини, я замѣтилъ, что одна изъ нихъ разута. Матушка сама, страшно взволнованная, обняла и уговаривала графиню: «скажи мнѣ, мой ангелъ, скажи мнѣ, моя дорогая, куда ты дѣла ребенка?»

— Ребенка? Какого ребенка? Ужь не этого ли щенка, который только и дѣлаетъ, что кричитъ? Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до дѣтей. Отведите меня въ постель сію же минуту, сударыня! Какъ смѣете вы водить меня на улицу съ босыми ногами?

— Скажи мнѣ, милая, куда ты ходила? продолжала матушка, стараясь успокоить ее.

— Я была въ большомъ Савернѣ; на мнѣ было домино. Я сейчасъ же узнала кучера, даромъ что все лице его было окутано, кромѣ носа. Я представлялась монсиньору кардиналу; я присѣла ему вотъ такъ...

Она часто бредила про этотъ балъ, чуть ли не единственный, видѣнный ею въ теченіе всей ея жизни, этой недолгой и печальной жизни. Когда я вспоминаю ея грустную повѣсть, сердце мое надрывается, точно при видѣ страданій ребенка.

Тутъ я замѣтилъ, что подолъ ея платья замоченъ въ водѣ и покрытъ пескомъ. «Матушка, матушка, воскликнулъ я, она была у моря».

— Ходила ты къ морю, Кларисса? спросила матушка.

— *J'ai été au bal; j'ai dansé, j'ai chanté. J'ai bien reconnu mon cocher.* Только вы не сказывайте графу, что я тамъ была, пожалуйста не сказывайте.

Внезапная мысль озарила мою голову. Графиня, которой я вовсе не боялся и которая любила порой мою болтовню, ходила иногда гулять со мною и съ ребенкомъ, котораго я возилъ въ телѣжкѣ. Мы обыкновенно отправлялись на берегъ моря; тамъ былъ утесъ, на которомъ графиня сидѣла по цѣлымъ часамъ.

— Вы, матушка, ведите ее домой, проговорилъ я, дрожа съ ногъ до головы. Фонарь отдайте мнѣ, я пойду, я пойду... и не договоривъ, я побѣжалъ, какъ изъ лука стрѣла. Пробѣжавъ нѣсколько ярдовъ по направленію къ тому мѣсту, къ ко-

тому относились мои догадки, я увидѣлъ какой-то бѣлый предметъ, валявшійся на дорогѣ. То была туфля графини. Для меня стало ясно, что она была здѣсь.

Я бѣжалъ со всѣхъ ногъ, спускался къ берегу. Около этого времени взошла луна и серебромъ залила все море. Серебристыя волны прибоемъ затопляли песокъ. Не вдаль была и скала, на которой мы такъ часто сживали; на скалѣ подъ открытымъ небомъ спокойно спалъ ребенокъ. Слезы застилаютъ передъ моими глазами строги, которыя я пишу... Моя малютка просыпается. Она ничего не знала о грозномъ морѣ, которое съ каждымъ валомъ все ближе и ближе придвигалось къ ней; но когда я подошелъ, она узнала меня и, улыбаясь, привѣтствовала меня своимъ дѣтскимъ лепетомъ. Я взялъ ее на руки и пошелъ съ моей милою ношею домой.

Молва о моихъ приключеніяхъ разнеслась по городу и доставила мнѣ нѣсколько новыхъ знакомыхъ, которые были добры ко мнѣ и много принесли мнѣ пользы въ послѣдующей жизни. Я былъ слишкомъ молодъ и многого не понималъ, что вокругъ меня дѣлалось; но теперь я не утаю отъ васъ, что дѣдушка мой смиренное ремесло цирюльника связывалъ и съ другими, менѣе безгрѣшными промыслами. Что скажете вы, напримѣръ, о церковномъ старшинѣ, отдающемъ деньги въ ростъ на короткіе сроки и за большіе проценты? Коли говорить правду, и дѣдушкина невѣстка любила туго набитый кошелекъ и была не слишкомъ разборчива въ средствахъ наживы.

Баронъ де-Ламотъ былъ щедръ, какъ настоящій баринъ; онъ платилъ намъ порядочную сумму за содержаніе графини Савернской. Онъ понималъ, что онъ довелъ ее до настоящаго бѣдственнаго положенія. Его увѣщанія заставили ее покинуть вѣру отцовъ своихъ и бѣжать отъ мужа; онъ былъ виновникомъ несчастной дуэли; безвинно ли, нѣтъ ли, онъ былъ причиною всѣхъ ея несчастій и положилъ себѣ по возможности облегчать ихъ. Не смотря на стѣсненное положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ своею расточительностью, онъ щедрою рукою давалъ деньги на воспитанье маленькой Агнесы, когда она осталась круглою сиротою и родные отказались отъ нея.

Дѣвицы де-Барръ, положительно не хотѣли признать ее за

дочь своего брата и отказывались расходоваться на ея воспитанье. Родственники со стороны ея матери тоже от нея отступились. До нихъ дошли тѣ же слухи; а вы знаете, какъ легко увѣриться въ томъ, чему хочется вѣрить. Винодность графини была дѣломъ очевиднымъ. Ребенокъ родился въ отсутствіи ея мужа. Когда онъ написалъ, что ѣдетъ домой, она бѣжала, не имѣя силъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу; несчастный графъ Савернскій погибъ отъ пули того человѣка, который лишилъ его чести. Баронъ де-Ламотъ могъ только письменно протестовать противъ этой клеветы; онъ не могъ лично явиться въ Лотарингію, гдѣ успѣлъ кругомъ задолжать. «Какъ бы то ни было, Дюваль, говорилъ онъ мнѣ впослѣдствіи, когда я протянулъ ему руку и отъ души простилъ ему все,—какъ ни безумны и ни опрометчивы были мои поступки, я ни разу не допустилъ, чтобы ребенокъ этотъ въ чемъ нибудь нуждался; я давалъ ей средства жить въ довольствѣ въ то время, когда мнѣ самому подчасъ нечего было ѣсть».

Отъ кого узнала графиня Савернская про смерть своего мужа? Матушка была убѣждена, что она случайно услышала рассказъ лодочника, Бидуа, который сообщилъ намъ всѣ подробности этого событія, сидя за стаканомъ вина, въ нашей гостиной. Комната графини приходилась прямо надъ нами, а дверь была отворена. Бѣдняжка первый разъ сердилась, когда запирали ея дверь. Она была въ такомъ состояніи, что довольно равнодушно отнеслась къ этому ужасному событію. Мы и не подозрѣвали, что она знаетъ о немъ до тѣхъ поръ, пока одинъ случай не заставилъ ее высказаться. Однажды вечеромъ къ намъ зашелъ сосѣдъ и рассказалъ объ одномъ потрясающемъ зрѣлищѣ, видѣнномъ имъ на дорогѣ. Онъ видѣлъ женщину, сожженную на кострѣ за убійство мужа. Графиня Савернская, которая постоянно сохраняла величавый видъ и смотрѣла настоящей *grande dame*, спокойно замѣтила при этомъ: «Коли такъ, моя добрая Урсула, то и меня сожгутъ на кострѣ. Вѣдь мужъ мой, ты знаешь, былъ убитъ изъ за меня. Баронъ отправился въ Корсику и убилъ его». И она, улыбаясь и кивая головою, окинула взглядомъ присутствующихъ и расправила свое бѣлое платье влажными горячими руками.

При этихъ словахъ бѣдный баронъ откинулся назадъ въ креслѣ, точно самого его поразила пуля.

— Покойной тебѣ ночи, сосѣдъ Маріонъ, простонала матушка, видишь она нынѣшній вечеръ очень плоха. Пойдемъ, моя милая, я уложу тебя въ постель, обратилась она къ графинѣ, и бѣдняжка пошла за моей матерью, низко присѣдая всему собранію и приговаривая: Да, да, да, меня сожгутъ, непременно сожгутъ.

Мысль эта овладѣла ею вполне и больше ее не покидала. Она провела очень безпокойную ночь и болтала безъ умолку. Матушка и горничная просидѣли съ нею до утра, и всю эту ночь до меня доносились ея крики, пѣсни и болѣзненный хохотъ.

Въ эту раннюю пору моей молодости я, какъ и слѣдовало ожидать, повиновался старшимъ и не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, что вокругъ меня дѣлалось. Матушкиными пинками я не обижался; что же касается до высшаго наказанія, которое совершалъ надо мною дѣдушка посредствомъ розги, хранившейся у него въ шкапу, то оно рѣдко выпадало на мою долю и постоянно сопровождалась скучными проповѣдями, которыя дѣдушка читалъ въ промежуткѣ между каждами двумя ударами. Мало по малу для меня становилось очень ясно, что эти добрые люди пользовались во всемъ околослѣдствіемъ незавидною славою. Но я, въ простотѣ своего сердца, чтилъ отца своего и мать свою, то есть, не отца, а дѣдушку, такъ какъ батюшки давно не было на свѣтѣ.

Я зналъ, что дѣдушка, какъ и многіе другіе жители Рай и Уинчельси, имѣетъ долю въ рыболовномъ суднѣ. Нашъ лодочникъ Стоксъ бралъ меня раза два съ собою въ море, и эта прогулка мнѣ очень понравилась. Но, какъ оказалось впоследствии, мнѣ вовсе не слѣдовало о ней болтать. Однажды за ужиномъ я вздумалъ было рассказывать заглянувшему къ намъ сосѣду, какъ мы выѣхали поздно вечеромъ, какъ обогнули утесъ, извѣстный подъ названіемъ Бычачьей Головы, какъ окликнулъ французскій лодочникъ Бидуа, ждѣвшій съ своей лодкой изъ Булони и какъ потомъ... я хотѣлъ было пуститься въ дальнѣйшія подробности дѣла, но дѣдушка (который, прежде чѣмъ

сѣсть за столъ, прочиталъ очень длинную молитву) отшотчивалъ меня такимъ ударомъ по лицу, что я слетѣлъ со стула.

Баронъ, случившійся тутъ же за столомъ, засмѣялся надъ моимъ несчастіемъ, и его насмѣшка показала мнѣ обиду же самого удара. Къ ударамъ матушки и дѣдушки я успѣлъ привыкнуть; но отъ человѣка, однажды оказавшаго мнѣ ласку, я не могъ сносить такой перемѣны обращенія, а баронъ де-Ламотъ былъ до этихъ поръ всегда ласковъ со мною. Счастливый случай, помогшій мнѣ спасти нашу дорогую малютку, доставилъ мнѣ расположеніе барона. Когда онъ бывалъ у насъ, я цѣплялся за полы его платья и, забывая свой прежній страхъ, болталъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Этотъ человѣкъ, отмѣченный, казалось, рукою самой судьбы, внушилъ мнѣ что-то похожее на привязанность. Какъ теперь вижу я его блѣдное лицо, вижу его загадочный взглядъ, устремленный на бѣдную графиню и на ея ребенка. Мои пріятели назвали бы этотъ взглядъ дурнымъ глазомъ и стали бы обороняться отъ него посредствомъ заклинаній. Любимую цѣлью нашихъ прогулокъ съ нимъ былъ домъ одного фермера, находившійся на разстояніи мили отъ Уинчельси. У этого фермера были всевозможныя породы голубей, и между прочими одна рѣдкая порода, извѣстная подъ именемъ *гонцовъ*. Эти гонцы, какъ сказывали мнѣ, могутъ перелетать огромныя пространства и, куда бы ихъ ни завезли, возвращаются въ то мѣсто, гдѣ ихъ вскормили.

Однажды, когда мы были въ гостяхъ у мистера Перро, къ нему прилетѣлъ изъ за моря одинъ изъ такихъ голубей. Перро осмотрѣлъ его, потрепалъ и, обращаясь къ барону, сказалъ: «на немъ ничего нѣтъ; значить, все тамъ на старомъ мѣстѣ». А на это баронъ отвѣтилъ ему: «с'est bien». Когда мы шли домой, баронъ разсказалъ мнѣ все, что зналъ о голубяхъ, а зналъ онъ о нихъ, надо признаться, очень немного.

Что значили эти слова, «на немъ ничего нѣтъ»? Въ простотѣ своего сердца я спросилъ объ этомъ у барона. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что птицы эти приносятъ иногда извѣстія, которыя пишутся на клочкѣ бумаги и подвязываются имъ подъ крылья. Перро же сказалъ, что нѣтъ ничего, потому что дѣйствительно ничего не было.

— А! такъ онъ иногда получаетъ письма черезъ своихъ

голубей? спросилъ я. Баронъ пожалъ плечами и взялъ щепотку табаку изъ своей щегольской табакерки. «Что тебѣ было намереніи отъ *rara* Дюваля за неумѣстную болтовню? сказалъ онъ серьезно. Приучайся держать свой язычекъ за зубами, Denis шоп gatçon. Если Богъ продлитъ тебѣ вѣку, и ты станешь выбалтывать все, что видишь, плохо тебѣ будетъ жить.

Я не умѣю сказать вамъ въ точности, черезъ сколько дней или недѣль послѣ этихъ событій болѣзнь графини Савернской пришла къ той развязкѣ, къ которой рано или поздно приходять всѣ наши страданія. Во все время ея послѣдней болѣзни отъ нея не отходили два католическихъ священника, присутствіе которыхъ въ нашемъ домѣ было причиною великаго соблазна для протестантскаго населенія нашего города. Я не помню подробностей самой смерти графини, но помню мое удивленіе, когда, проходя мимо ея комнаты, я увидѣлъ двѣ свѣчи, зажженныя передъ ея постелью, увидѣлъ патеровъ, отдающихъ ей послѣдній долгъ, и барона де-Ламотъ, стоящаго на колѣняхъ съ выраженіемъ глубокой скорби на лицѣ.

Въ день похоронъ вокругъ нашего дома собралась цѣлая толпа народа, и поднялся страшный шумъ. Нашлись люди, которымъ безпрестанное хожденіе черезъ нашъ порогъ католическихъ священниковъ показалось личною обидою, и въ ту самую ночь, когда предполагалось увести гробъ изъ дому и священники исполняли въ комнатѣ усопшей послѣдніе обряды, окна этой комнаты были разбиты цѣлымъ градомъ каменьева, и слышались крики толпы: «намъ не надо папства, долой священниковъ!»

Дѣдушка совсѣмъ растерялся при этой грозной демонстраціи и принялся бранить свою невѣстку, за чѣмъ она подвергается его опасности и гоненіямъ. «Silence, miserable, рѣзко отвѣтила ему матушка. Убирайся ты лучше въ кухню и пересчитывай тамъ свои деньги!» Матушку не такъ-то легко было запугать.

Баронъ де-Ламотъ сохранялъ наружное присутствіе духа, но былъ очень разстроены. Дѣла могли принять плохой оборотъ. Мы находились, такъ сказать, въ осадномъ положеніи. Составъ нашего гарнизона былъ слѣдующій: два католическихъ священника, сильно перепуганныхъ; дѣдушка, забившійся подъ кро-

вать или въ другое какое-то мѣсто, равно неудобное для дѣйствія; матушка и баронъ де-Ламотъ, сохранявшіе пока свои мыслительныя способности при себѣ, и наконецъ маленький Денисъ Дюваль, мѣшавшій безъ сомнѣнія всѣмъ и каждому. Маленькой дочери графини не было тогда при насъ; домашніе сочли за лучшее удалить ее на время изъ дома и ее взяла къ себѣ Мистриссъ Уэстонъ, жена одного изъ немногихъ джентльменовъ католиковъ, жившихъ въ нашемъ городѣ.

Мы не безъ опасеній поджидали катафалкъ, который долженъ былъ вскорѣ пріѣхать за тѣломъ графини; толпа не соглашалась очистить улицу, оба выхода которой она загородила баррикадами. До сихъ поръ толпа выражала свое неудовольствіе только бросаньемъ камней въ окна; но общее настроеніе было таково, что можно было ожидать и худшаго.

Баронъ де-Ламотъ подозвалъ меня и сказалъ: «помнишь ты, Денисъ, намеднишняго голубя-гонца, у котораго ничего не было подъ крыломъ?» Сама собою разумѣется, я помнилъ его.

— Ты будешь моимъ гонцемъ: Я тебѣ дамъ не письмо, но словесное порученіе. Вѣдь, ты умѣешь хранить тайну? (Я сохранилъ тогда его тайну но хочу рассказать вамъ ее теперь, такъ какъ открытіе ея, ручаюсь вамъ, никому уже болѣе не повредить).

— Ты знаешь домъ мистера Уэстона?—Еще бы мнѣ было не знать домъ, въ которомъ находилась Агнеса, лучший домъ въ пѣломъ городѣ? Онъ указалъ мнѣ еще, кромѣ дома мистера Уэстона, домовъ восемь или десять, въ которые я долженъ былъ зайти и сказать: «Макрель идетъ, собирайтесь всѣ, сколько васъ ни есть». И я отправился по указаннымъ домамъ, повторяя эти слова. Когда же у меня спрашивали, куда собираться, я отвѣчалъ: «къ нашему дому», и отправлялся далѣе.

Послѣдній и самый красивый домъ былъ домъ мистера Уэстона. Онъ составлялъ часть древняго аббатства. Мнѣ на встрѣчу попалась сама мистриссъ Уэстонъ, расхаживавшая взадъ и впередъ съ плачущимъ ребенкомъ, котораго она никакъ не могла уговорить.

— Агнеса, Агнеса, позвалъ я ребенка, и онъ притихъ въ ту же минуту, улыбаясь и протягивая мнѣ рученки.

Мужчины вышли изъ гостиной, въ которой сидѣли за сво-

ими трубками и спросили у меня довольно грубо, что мнѣ надо? «Макрель идетъ, отвѣчалъ я, и нужно, чтобы всѣ были въ сборѣ передъ домою Петра Дюваля, цирюльнига». Одинъ изъ нихъ, злобно улыбаясь, отвѣчалъ: хорошо! и, приправивъ отвѣтъ свой ругательствомъ, захлопнулъ мнѣ передъ носомъ дверь.

Путь мой изъ аббатства лежалъ мимо ректорскаго дома, и кто же бы вы думали попался мнѣ на встрѣчу? Да никто иной, какъ самъ докторъ Бернардъ въ своемъ кабриолетѣ.

— Что, маленькій карапузикъ, обратился онъ ко мнѣ, — съ рыбной ловли, что-ли, возвращаешься?

— Ахъ нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ я. Я ходилъ по домамъ съ однимъ порученіемъ.

— Съ какимъ же такимъ порученіемъ, дружокъ?

Я передалъ ему то, что мнѣ было велѣно сказать про Макрель и пр. но добавилъ, что по имени никого не назову, потому что баронъ запретилъ мнѣ выдавать эти имена. Далѣе я рассказалъ ему, что передъ нашимъ домою стоитъ толпа людей и что они бьютъ у насъ окна.

— Бьютъ окна? По какому же это случаю?

Я передалъ ему въ чемъ было дѣло.

— Отведи Долли въ конюшню; да смотри, Симмюэль, ничего не говори барынѣ. Я, мальчуганъ, пойду съ тобою.

Пока я ходилъ съ порученіями, пріѣхалъ катафалкъ. Скопище передъ нашимъ домою увеличилось и приняло еще болѣе угрожающій характеръ. При появленіи катафалка въ толпѣ поднялся страшный ревъ.

— Тише, стыдитесь! Будетъ вамъ драть горло! Дайте похоронить покойницу, слышалось нѣсколько голосовъ въ толпѣ. То была голоса *рыбаковъ промышляющихъ ловлею макрелей*; къ нимъ вскорѣ присоединилось маленькое общество мистера Уэстона. Но что могла подѣлать эта горсть рыбаковъ противъ многочисленной и сильно разсвирѣпѣвшей толпы горожанъ? Подходя къ нашему дому мы увидѣли большое стеченіе народа, загромождавшее оба конца улицы; у нашей двери среди толпы стоялъ высокій катафалкъ съ развѣвающимися черными перьями.

Нечего было и думать, чтобы катафалкъ могъ пробѣжать сквозь скопище народа, обступившее оба выхода улицы, если это скопище не разоидется.

Мы съ докторомъ Бернардомъ повернули въ безлюдный переулокъ, который примыкалъ къ саду позади нашего дома, и вошли садовою калиткою. Проходя черезъ кухню, мы были напуганы человѣкомъ, который неожиданно выскочилъ изъ котла и закричалъ: «Сжальтесь, помогите, спасите меня отъ этихъ злодѣевъ!» То былъ мой дѣдушка; при всемъ моемъ уваженіи къ старичкамъ, (я и самъ теперь въ почтенныхъ лѣтахъ и имѣю внучатъ) я долженъ сознаться, что особа моего дѣдушки въ настоящемъ случаѣ была въ высшей степени комична.

— Спасите мой домъ, спасите мое имущество! вопилъ мой предокъ, Докторъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ него и пошелъ далѣе.

На порогѣ черной кухни намъ попался г-нъ де-Ламотъ. Ah, c'est toi, mon garçon, сказалъ онъ мнѣ. Я знаю, что ты исполнилъ мое порученіе; наши всѣ въ сборѣ». Онъ поклонился мистеру Бернаду, который отвѣчалъ ему такимъ же церемоннымъ поклономъ. Вѣроятно баронъ, занимая свой наблюдательный постъ въ мезонинѣ, видѣлъ прибытіе своихъ сторонниковъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ вооруженъ: за поясомъ у него были пистолеты, съ боку висѣла шпага.

Въ комнатѣ позади магазина мы застали двухъ католическихъ священниковъ и четырехъ носильщиковъ, которые пріѣхали съ катафалкомъ. Люди эти пробрались въ нашъ домъ при неистовыхъ крикахъ толпы, которая преслѣдовала ихъ ругательствами, свистами и даже, если не ошибаюсь, палками и камнями. Когда мы вошли, матушка подносила имъ водки. Ее очень удивило появленіе ректора въ нашемъ домѣ; отношенія между его преподабіемъ и нашимъ семействомъ были довольно натянуты.

Онъ отвѣсилъ низкій поклонъ католическимъ духовнымъ. — Джентльмены, проговорилъ онъ, — какъ ректоръ здѣшняго прихода и судья нашего графства я пришелъ сюда предупредить непріязненныя дѣйствія и, въ случаѣ опасности, раздѣлить ее съ вами. Я слышалъ, что усопшую предполагаютъ похоронить на старомъ кладбищѣ. Мистеръ Трестльсъ, готовы ли вы тронуться въ путь?

Всѣ сборы были окончены, и носильщики пошли на верхъ за своею печальною ношею.

— Эй вы, отворайте дверь! командоваль докторъ.

Присутствующіе попятились.

— Дайте-ка, я отворю, вызвалась матушка.

— И я, *parbleu!* воскликнулъ баронъ, хватаясь за рукоятку своей шпаги.

— Я думаю, сэръ, что въ настоящемъ случаѣ я могу быть полезнѣе васъ, холодно замѣтилъ докторъ. Если джентльмены, мои собратья, готовы, мы тронемся изъ дома. Я пойду впереди всѣхъ, въ качествѣ ректора этого прихода.—Матушка вынула дверные засовы и онъ вышелъ съ непокрытой головою.

Едва отворилась дверь, какъ цѣлый содомъ криковъ, воплей и проклятій ворвался въ наши сѣни; но ректоръ невозмутимо и твердо остановился на порогѣ.

— Сколько тутъ между вами моихъ прихожанъ? Пускай отойдутъ къ сторонѣ всѣ тѣ, которые ходятъ въ мою церковь, началъ онъ смѣло.

Ему отвѣчали криками: намъ не надо папства, долой священниковъ, долой ихъ, долой! и другими словами ненависти и угровы.

— Прихожане французской церкви, всѣ ли вы тутъ? продолжалъ ректоръ.

— Мы всѣ тутъ, долой папство! ревели французы въ отвѣтъ.

— На томъ основаніи, что васъ гнали сто лѣтъ тому назадъ, вы въ свою очередь хотите сдѣлаться гонителями. Этому-ли учить васъ ваша библія? Меня этому не учить она. Когда перестраивали вашу церковь, я васъ охотно допустилъ въ свою и позволилъ вамъ совершать въ ней ваше богослуженіе. А вы такъ-то отплачиваете за оказанную вамъ ласку? Стыдъ и срамъ вамъ! да, повторяю, стыдъ и срамъ! Не думайте запугать меня! Роджеръ Гукеръ, я вѣдь знаю тебя, бродяга и воръ эдакой! Кто помогаль твоей женѣ и дѣтямъ, пока ты сидѣлъ въ тюрьмѣ?.. А ты какъ смѣешь, Томасъ Флинтъ, становиться въ ряды гонителей? Если ты будешь мѣшать погребенію, я завтра же засажу тебя подъ арестъ; не будь мое имя Бернадъ, если я этого не сдѣлаю.

Тутъ послышались крики: «да здравствуетъ докторъ, да здравствуетъ ректоръ!»

Я подозрѣваю, что такъ усердствовали одни *макрэм*, которые къ этому времени, подошли со всѣхъ сторонъ и не были подобно остальнымъ рыбакамъ одержимы нѣмотою.

— Теперь, господа, не угодно ли вамъ будетъ идти впередь;—обратился ректоръ къ чужеземнымъ священникамъ, которые выступили довольно смѣло, сопровождаемые барономъ де-Ламотъ. Слушайте, друзья и прихожане, люди англиканской церкви и диссентеры! Эти два священника иноземнаго диссентерскаго исповѣданья пришли проводить тѣло одной усопшей сестры своей до сосѣдняго кладбища, подобно тому какъ и вы, иноземцы и диссентеры, беспрепятственно хоронили своихъ усопшихъ. Я намѣренъ сопутствовать этимъ джентльменамъ до могилы, которая уже готова для принятія тѣла. Я буду отстаивать ея прахъ до тѣхъ поръ, пока его съ миромъ не предадутъ землѣ. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что самъ я надѣюсь въ свое время опочить въ мирѣ.

Тутъ толпа громкими восклицаніями привѣтствовала мужественнаго ректора. Крики негодованія утихли. Погребальная процессія построилась въ порядокъ и направилась къ кладбищу, лежавшему за зданіемъ аббатства. Ректоръ шелъ между двумя католическими священниками.

По окончаніи обряда баронъ де-Ламотъ подошелъ къ ректору.

— *Monsieur le docteur*, сказалъ онъ ему, вы показали себя героемъ; вы предупредили кровопролитіе...

— Я душевно радуюсь этому, сэръ, отвѣчалъ ректоръ.

— Вы спасли жизнь двухъ почтенныхъ служителей алтаря и избавили отъ поруганія смертные останки той...

— Печальная повѣсть которой извѣстна мнѣ, сэръ, проговорилъ докторъ какимъ-то строгимъ голосомъ.

— Я не богатъ, но позволите ли вы мнѣ вручить вамъ этотъ кошелекъ для раздачи вашимъ бѣднымъ?

— Сэръ, мой долгъ велитъ мнѣ принять его, отвѣчалъ ректоръ. Въ кошелькѣ было сто луидоровъ, какъ я узналъ отъ него впоследствии.

— Позволите ли вы мнѣ, сэръ, пожалть вашу руку, воскликнулъ несчастный баронъ съ умоляющимъ выраженіемъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ докторъ, пряча обѣ руки за спиною. На вашихъ рукахъ я вижу то, что не смывается пожертвованьемъ нѣсколькихъ гиней.

Ректоръ говорилъ самымъ чистымъ французскимъ языкомъ.

— Покойной ночи, сынъ мой, обратился онъ ко мнѣ. Лучшее, что я могу пожелать тебѣ, это — освободиться отъ вліянія этого человѣка.

— Monsieur! воскликнулъ баронъ, машинально хватаясь за рукоятку шпаги.

— Если я не ошибаюсь сэръ, въ послѣдній разъ вы показали свое искусство на пистолетахъ? проговорилъ докторъ Бернардъ и направился къ калиткѣ своего дома. Баронъ де-Ламоть стоялъ, какъ громомъ пораженный.

ГЛАВА V.

МОЯ ПОВЪДКА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Каковы бы ни были отношенія доктора Бернарда къ старшимъ членамъ моего семейства, но къ намъ, младшимъ, т. е. къ маленькой Агнесѣ и ко мнѣ, онъ выказывалъ большое расположеніе. Онъ вообще считалъ себя человѣкомъ, чуждымъ всякихъ предубѣжденій и простиралъ свою либеральность въ отношеніи католиковъ до того, что свелъ знакомство съ семействомъ Уэстонъ. Маленькая Агнеса почти живья жила у этихъ Уэстоновъ, которые были къ ней очень внимательны. Они слыли въ околдкѣ за людей достаточныхъ, жили хорошо, держали свой экипажъ и верховыхъ лошадей. Жизнь они вели очень уединенную; но это, быть можетъ, потому, что по сосѣдству жило очень мало дворянскихъ католическихъ семействъ. Тѣ же дворяне католики, которые проживали въ Эронделѣ и Слиндонѣ были слишкомъ высокаго полета, чтобы знаться съ простыми сквайрами, которые только и умѣли, что охотиться на лисицъ да барышничать лошадьми. Г-нъ де-Ламоть, бывший джентльменомъ съ ногъ до головы, сошелся съ этими

людьми на довольно короткую ногу; но дѣло въ томъ, что у него были съ ними общіе интересы, о чемъ я началъ догадываться лѣтъ съ десяти или двѣнадцати. Я часто ходилъ въ аббатство на свиданье съ моею мадемой Агнесой. Она росла настоящей барышней, у нея были всевозможные учителя, по преимуществу тѣ иностранцы съ выстриженными маковками, которые живьями жили въ аббатствѣ. Ростомъ она была такъ высока, что матушка цоговаривала, что пора ей пудрить волосы. Другая рука должна была потомъ убѣлить эти волосы, но черные ли, сѣдые ли они мнѣ равно дороги....

Я по прежнему ходилъ въ Райскую школу и жилъ на хлѣбахъ у мистера Роджа и его цянчужки дочери. Я мечталъ о поприщѣ моряка, но докторъ Бернардь былъ сильно противъ этого и соглашался со мною только на томъ условіи, что я совсѣмъ покину Рай и Уинчельси, и поступлю на королевскую службу, подъ покровительствомъ добраго сэра Питера Дени.

Послѣ смерти графини Савернской г-нъ де-Ламотъ поселился въ нашихъ верхнихъ комнатахъ. Онъ отличался неутомимою дѣятельностью, то и дѣло ѣздилъ то верхомъ, то въ лодкѣ съ нашими рыбаками.

Комната маленькой Агнесы въ нашемъ домѣ всегда была для нея наготовѣ; и когда она прѣзжала къ намъ, ее принимали какъ принцессу; но большую часть времени она проводила въ аббатствѣ, у мистриссъ Уэстонъ. Она царила вездѣ, и въ аббатствѣ, и въ цирюльнѣ, и въ ректорскомъ домѣ, гдѣ мистеръ и мистриссъ Барнардь были, какъ и всѣ мы, ея покорнѣйшими слугами.

Тутъ будетъ у мѣста сказать вамъ, что я сдѣлался членомъ англиканской церкви, благодаря матушкѣ, которая разсорила съ нашими французскими протестантами, преслѣдовавшими ее за то, что она даетъ у себя притонъ панжстамъ. Нашъ пасторъ, мистеръ Барель, постоянно изобличалъ ее въ своихъ проповѣдяхъ. Что касалось до меня, то я, какъсь, оставался довольно равнодушенъ къ проповѣдямъ вообще; довольно было съ меня и дѣдушкиныхъ проученій, которыми онъ угощалъ насъ по полчаса утромъ и вечеромъ. Проученія эти я впускалъ въ одно ухо и выпускалъ въ другое. Однажды, помнится мнѣ, по поводу помоды, сострадающей матушкой изъ свиного сала

и бергамота, я уличилъ его въ безсовѣстной лжи. Онъ, именно, хотѣлъ завѣрить покупателя, что эта помада получена имъ прямо изъ Франціи отъ парикмахера самого Дофина. Покупатель уже совсѣмъ готовъ былъ раскошелиться, но я замѣтилъ: «сахъ, дѣдушка, вы вѣрно не про ту помаду говорите; я самъ видѣлъ, какъ матушка готовила ее собственными руками». Заплакалъ дѣдушка отъ этихъ словъ моихъ. Онъ объявилъ, что я уморю его и просилъ, чтобы добрые люди смиллись надъ нимъ и ужъ пришибли его разомъ. «И неужто, вопилъ онъ, не найдется медвѣдя, который откусилъ бы голову этому выродку и избавилъ бы свѣтъ отъ такого чудовища?» Пока дѣдушка съ плеткою въ рукѣ сокрушался о своихъ порокахъ и въ промежуткахъ своей рѣчи подчивалъ меня плеткой по плечамъ, на порогѣ цирюльни показался докторъ Бернадъ, проходившій мимо нашего дома. Плетка мигомъ выпала изъ дѣдушкиныхъ рукъ, и онъ принялся улыбаться и раскланиваться, освѣдомляясь о адоровѣи его преподобія. Мѣра моего терпѣнья переполнилась: утромъ и вечеромъ меня угощали проповѣдями и каждый божій день ударами плетги.

— Посудите, сэръ, воскликнулъ я, заливаясь горячими слезами, какъ могу я почитать моего дѣдушку и матушку, когда дѣдушка такъ безсовѣстно лжетъ? И я рассказалъ, какъ было дѣло, при чемъ дѣдушка, не имѣя возможности опровергнуть меня, ограничивался тѣмъ только, что бросалъ на меня убійственные взгляды.

— Послушайте, г. Дюваль, строго началъ докторъ Бернадъ. Мнѣ болѣе извѣстно про васъ и про ваши дѣла, чѣмъ вы думаете. Мой совѣтъ вамъ — не притѣснять этого ребенка и бросить дѣло, которое васъ до добра не доведетъ. Знаю я, куда летаютъ ваши голуби и откуда они прилетаютъ; рано или поздно я доберусь до васъ, и тогда не идите вы отъ меня пощады, которой сами вы не хотѣли оказать этому ребенку. Я знаю, что вы...

Знаете ли вы какое слово докторъ Бернадъ шепнулъ на ухо моему дѣдушкѣ, уходя изъ лавки? Не назвалъ ли онъ его ханжею? Если назвалъ, та foi! онъ не далежъ былъ отъ истины. Но дѣло въ томъ, что онъ назвалъ его контробандистомъ, и названіе это, ручаюсь вамъ, приличествовало сотнямъ людей

среди нашего прибрежнаго населенія. Наши пріатели «Макрели», явившіеся на зовъ барона де-Ламоть занимались тѣмъ же промысломъ, и самъ баронъ участвовалъ въ ихъ экспедиціяхъ и стычкахъ съ таможенною стражею. Къ тому же почтенному братству принадлежала мужская половина семейства Уэстоновъ, и я могъ бы назвать вамъ имена первыхъ купцовъ и банкировъ въ Кэнтербри, Дуврѣ и Рочестрѣ, которые занимались этимъ промысломъ.

Привычка моя болтать обо всемъ, что было у меня на умѣ, навлекла мнѣ много неприятностей въ дѣтствѣ, но избавила меня въ то же время отъ большихъ золъ. Что вы подѣлаете съ мальчуганомъ, который если не такъ, то иначе да проболтается, о чемъ слѣдовало бы умолчать. Добрый ректоръ Бернардь и мой покровитель сэръ Питеръ Дени (который былъ большой пріатель съ ректоромъ) часто подшучивали надъ этою особенностью моего характера и заливались хохотомъ, слушая мои рассказы. Если не ошибаюсь, у ректора былъ по этому поводу серьезный разговоръ съ матушкой, потому что она сказала: «онъ правъ; не пуцу я больше мальчика шататься съ этимъ народомъ. Надо попытаться взростить хоть одного честнаго человѣка въ семьѣ».

На ректорѣ лежала обязанность собирать ренту за свой факультетъ въ Оксфордѣ, который владѣлъ значительною земельною собственностью въ нашемъ графствѣ; два раза въ годъ ѣздилъ ректоръ въ Лондонъ, чтобы сдавать эти деньги. Въ тѣ времена поѣздка въ Лондонъ была далеко не безопаснымъ дѣломъ; если вы потрудитесь заглянуть въ *Gentleman Magazine*, то вы въ каждой мѣсячной хроникѣ найдете по одному или по два описанія грабежей, случившихся на большой дорогѣ. Въ школѣ у насъ только и разговоровъ было, что о разбойникахъ и о подвигахъ ихъ по большимъ дорогамъ. Такъ какъ мнѣ часто приходилось отправляться изъ дому въ Рай почти что ночью, чтобы поспѣть рано утромъ въ классы, то я счелъ за нужное купить пару маленькихъ пистолетовъ и началъ упражняться въ стрѣльбѣ изъ нихъ потихоньку отъ матушки, мистера Роджа и школьнаго учителя. Однажды, когда я разсуждалъ съ однимъ школьникомъ товарищемъ о томъ, чтобы мы стали дѣлать въ случаѣ нападенія, курокъ моего пистолета спу-

стился и пуля оторвала полу у платья моего собесѣдника. Это приключеніе сдѣлало меня болѣе осмотрительнымъ, и съ той поры я сталъ заряжать свои пистолеты не пулями, а дробью.

Около Михайлова дня 1776 года докторъ Бернардь сказалъ мнѣ: «Слушай пріятель Денисъ! Если твоя матушка позволить, то мнѣ хочется свозить тебя въ Лондонъ повидаться съ твоимъ крестнымъ отцемъ, сэромъ Питеромъ Дени. Я ѣду на дняхъ съ факультетскими деньгами, лошадей мы беремъ пополамъ съ сосѣдомъ Уэстономъ; такимъ образомъ не пройдетъ недѣли, какъ ты увидишь Тауеръ и восковыя издѣлія мистриссъ Сольмансъ.

Само собою разумѣется, я запрыгалъ отъ радости при этомъ предложеніи. Во всю ночь я не смыкалъ глазъ и все думалъ объ ожидающемъ меня удовольствіи; у меня было нѣсколько денегъ, и я задумалъ закупить Агнесѣ столько игрушекъ, сколько обыкновенно привозилъ ей баронъ. Поднявшись до свѣта, я принялся укладывать свои пожитки въ небольшой чемоданъ. Я зарядилъ дробью свой маленькій пистолетъ, засунулъ его въ боковой карманъ, и въ случаѣ встрѣчи съ разбойникомъ положилъ влѣпить ему цѣлый зарядъ дробинъ въ лицо. Почтовая карета стояла въ конюшнѣ ректора, недалеко отъ нашего дома. Слуга доктора, Браунъ, чистилъ экипажъ при свѣтѣ фонарей, когда къ конюшенной двери подошелъ мистеръ Денисъ Дюваль. Боже, да скоро ли разсвѣтетъ? А! вотъ и лошади ѣдутъ изъ гостиницы королевской головы, а съ ними Паско, кривой почтальонъ. «Послушай-ка, Браунъ, вотъ мой чемоданъ, куда бы только помѣстить его?» говорилъ я. А мой чемоданъ былъ объемомъ всего съ изрядной величины яблочный пирогъ. Въ одинъ скачекъ очутился я въ каретѣ, и вотъ мы катимъ къ ректорскому дому. Мнѣ кажется, цѣлая вѣчность проходитъ въ ожиданіи ректора; наконецъ онъ выходитъ, дожевывая свой поджаренный хлѣбъ. «Браунъ, не подсобить ли тебѣ укладываться», говорю я, и, представьте, всѣ смѣются! Но я такъ счастливъ, что по мнѣ, пожалуй, пускай смѣются. Я вижу огромный чепецъ добрѣйшей мистриссъ Бернардь, кивающей намъ изъ окна гостиной. Карета наша трогается и, проѣхавъ около сотни ярдовъ, останавливается у аббатства. У окна аббатства стоитъ моя маленькая Агнеса въ бѣломъ платьѣ и

въ чепчикѣ съ голубыми лентами, изъ подъ котораго выбиваются кудри. А вотъ и слуга мистера Уэстона выходитъ съ чемоданомъ; за нимъ слѣдуетъ господинъ его мистеръ Джемсъ Уэстонъ, добродушнѣйшій изъ двухъ братьевъ. Никогда не забуду я моего восторга при видѣ двухъ пистолетовъ, которые онъ сунулъ въ карманы кареты. Живъ ли теперь Томми Чапманъ, сынъ аптекаря въ Уэстегетѣ и помнить ли онъ, какъ я кивалъ ему головою изъ каретнаго окна? Онъ вытряхалъ на порогѣ цыновку въ то время, когда моя милость въ обществѣ своихъ благородныхъ друзей прокатила мимо аптеки его отца.

Первая станція Гамстривъ. Гостиница медвѣдя; въ нашу карету запрягаютъ сѣрую лошадь, да гнѣбую; я очень хорошо помню это обстоятельство. Вторая станція, Эшфордъ; третья станція... третьей-то я не помню, потому что заснулъ. Четвертая станція Медфортъ; гостиница Колокола.—«А тутъ и пообѣдать можно», говоритъ докторъ Бернардь, и я выпрыгиваю изъ кареты.

Докторъ Бернардь любилъ располагаться на дорогѣ со всевозможными удобствами. Я думалъ, что онъ вѣкъ недокурить своей трубки, и пока онъ наслаждался ею, я успѣлъ заглянуть и на кухню, и на голубятню, и въ конюшню; наконецъ, потерявъ таки даромъ не мало времени, мы отправились въ дальнѣйшій путь.

Большую часть дороги у ректора съ мистеромъ Уэстономъ происходила полемика о преимуществахъ ихъ обоюдныхъ религій. Я подозреваю, что мистеръ Бернардь нарочно съ этою цѣлью и предложилъ мистеру Уэстону мѣсто въ своей каретѣ, потому что споръ между двумя церквами представлялъ для него неизсякаемый интересъ. Къ вечеру этого дня юный Денисъ Дюваль заснулъ на плечѣ доктора Бернарда и проснулся только отъ внезапной остановки.

Мы находились среди пустынной мѣстности; у окна кареты я увидѣлъ человѣка на лошади.

— Подайте-ка намъ вонъ тотъ ящикъ, и ваши деньги, проговорилъ онъ грубымъ голосомъ. О радость! Мы имѣли дѣло съ настоящимъ разбойникомъ!

Мистеръ Уэстонъ поспѣшно выхватилъ свои пистолеты.— «Вотъ я тебя какими деньгами награжу, мошенникъ, отвѣчалъ

онъ и, приставивъ дуло къ головѣ негодяя въ упоръ, спустилъ курокъ. О ужасъ! пистолеть осѣлся. Онъ встрѣлилъ изъ другаго: новая осѣчка!

— Какой это мерзавецъ успѣлъ приготовить эту штуку, проговорилъ онъ, совсѣмъ растерявшись.

— Живѣе, продолжалъ герой большой дороги, вынимайте-ка ваши...

Слѣдующее слово, слышавшееся за тѣмъ, было страшное проклятіе; дѣло въ томъ, что я въ эту минуту успѣлъ выхватить свой маленькій пистолеть, который былъ заряженъ дробью и весь зарядъ всадилъ разбойнику въ лицо. Разбойникъ зашатался, и мнѣ повезло, что онъ сейчасъ выпадетъ изъ сѣдла. Тутъ испуганный почтальонъ погналъ лошадей, и мы понеслись голопомъ. «Не оставовится ли намъ и не захватить ли съ собою этого негодяя, сэръ?» обратился я къ ректору. Но при этомъ мистеръ Уэстонъ толкнулъ меня съ какою-то досадою и сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, начинается темнѣть, намъ надо скорѣй убираться отсюда». Я былъ въ такомъ восторгѣ при мысли, что я, маленькій мальчикъ, застрѣлилъ настоящаго разбойника, что хвастовству моему не было границъ. Приѣхавъ въ Лондонъ, мы отправились въ Ормондъ-Стритъ, гдѣ мой повровитель жилъ въ великолѣпномъ домѣ, и гдѣ жена его, леди Дени, приняла меня чрезвычайно ласково. Нечего и говорить, что дѣло съ разбойникомъ было снова поднято, и я получилъ въ воздаяніе за свою храбрость, какъ отъ самого себя, такъ и отъ другихъ, подобающую дань похвалъ.

Не утаю отъ васъ, что у сэра Питера Дени мнѣ было отведено помѣщеніе вивзу, въ комнатѣ экономки, мистрисъ Джагико. Но я такъ полюбился миледи, что она то и дѣло призывала меня наверхъ, брала меня съ собою вататься и приставляла даже ко мнѣ лакея. Этому лакею поручила она показать мнѣ всѣ достопримѣчательности города и свозить меня въ театръ.

Мое приключеніе съ разбойникомъ попало въ газеты и дошло даже до ушей моего всешлюстивѣйшаго монарха. Гуляя однажды съ сэромъ Питеромъ въ Кьюскомъ саду, я удостоился лицезрѣть его величество, — прогуливавшася въ обществѣ королевы, принца Уэльскаго, тески моего, епископа оснабру-

сваго и двухъ или трехъ принцессъ. Ея Величество милостиво поклонилась сэру Питеру и вступила съ нимъ въ разговоръ. Добрѣйшій изъ монарховъ, взглянувъ при этомъ на своего вѣрноподаннаго и покорнѣйшаго слугу, проговорилъ: «Какъ, такъ? Это тотъ самый маленькій мальчикъ, что выстрѣлилъ въ разбойника? Выстрѣлилъ ему въ лице. Въ лице ему выстрѣлилъ!» Король спросилъ у сэра Питера, къ чему я готовлюсь, и сэръ Питеръ отвѣчалъ, что я надѣюсь быть морякомъ на службѣ его величества.

Могу васъ завѣрить, что, возвратившись домой, я былъ принятъ съ великимъ почетомъ. Въ Рай и въ Уинчельси множество людей приставали ко мнѣ съ распросами о томъ, что говорилъ король. По возвращеніи домой мы узнали, что съ мистеромъ Джозефомъ Уэстономъ случилось большое несчастье. Въ самый день нашего отъѣзда онъ отправился на охоту, и перелѣзая черезъ изгородь, зацѣпилъ ружейнымъ замкомъ за сучекъ; ружье выстрѣлило несчастному джентльмену прямо въ лице и всадило ему множество дробинокъ въ лѣвую щеку и въ глазъ.

— Боже правый! Зарядъ дрови въ лице? Какое странное стеченіе обстоятельствъ! — воскликнулъ докторъ Бернардь, бывшій у насъ на другой день нашего приѣзда въ гостяхъ.

— Глядя на васъ, *docteur*, можно падумать, что вы это сдѣлали, смѣясь проговорилъ баронъ де-Ламотъ. Сколько разъ говаривалъ я ему: «эй смотри, Уэстонъ, подстрѣлишь самъ себя, таская такъ неосторожно ружье.» У него одинъ былъ отвѣтъ, что ему на роду не написано погибнуть отъ пули.

— Но, знаете ли вы, баронъ, что докторъ Бледсъ вынулъ у него изъ глаза лоскутки крепа и тринадцать или четырнадцать дробинокъ? Какъ великъ былъ твой зарядъ, Денни, которымъ ты выстрѣлилъ въ разбойника?

— *Quid autem vides festucam in oculo fratris tui*, докторъ, проговорилъ баронъ. Славное ученіе! только какое оно, протестантское или папистское? На это ректоръ опустилъ голову и проговорилъ: Баронъ, вы уличили меня, я былъ неправъ глубоко неправъ.

Де-Ламотъ сталъ подсмѣиваться надъ подозрѣніями ректора. «Священники и женщины всѣ на одинъ покровъ, прошу у васъ

извиненія, добрѣйшая мадамъ Дюваль, какъ тѣ, такъ и другія смерть любятъ посплетничать и всегда готовы предполагать въ ближнемъ дурное. Я же говорю вамъ, что сто разъ видалъ Уэстона съ ружьемъ, и онъ всегда былъ неостороженъ, перелѣзая черезъ заборы.»

— Но доскутки крепа...

— Фу, ты! Да, вѣдь, онъ же былъ въ траурѣ. И не стыдно тебѣ, Дени, выводить такія сплетни? лучше выбрось изъ головы такія мысли; не дѣлай себѣ Уэстона врагомъ. Если бы кто про меня это сказалъ, я застрѣлилъ бы его.

— Но если бы это была правда?

— Parbleu! Тѣмъ болѣе я бы его застрѣлилъ! воскликнулъ баронъ, топнувъ ногою.

Въ первый же разъ, когда онъ увидѣлъ меня безъ свидѣтелей, онъ снова возвратился къ этому разговору.

— Слушай-ка, Деннисаль, сказалъ онъ; ты теперь становишься большимъ мальчикомъ; помни мой совѣтъ: приучайся держать языкъ за зубами. Твои подозрѣнія относительно мистера Джозефа и безумны, и преступны. Помнишь тотъ разъ, когда я воротился домой и ты схватилъ меня за руку, а я вскрикнулъ и началъ ругаться? Не отпираюсь, я самъ тогда былъ раненъ.

— Но вѣдь я же тогда никому ничего не сказалъ, сэръ?

— Да, я долженъ отдать тебѣ справедливость, ты никому ничего не сказалъ. И спасибо тебѣ за это. Такъ-то, мой миленькій, приучайся не все говорить, что знаешь.

Баронъ де-Ламотъ держалъ въ ту пору трехъ лошадей; онъ сорилъ деньгами, задавалъ у себя на верху славныя пирушки и никогда не спорилъ съ матушкой изъ за счетовъ, которые она на него писала. Я старался слѣдовать его совѣту и держать языкъ на привязи. «Славнаго гуся, Денни, принесли къ вамъ,» говорила мнѣ подчасъ мистриссъ Бернардъ.

— Такъ точно, сударыня, гусь очень хорошій.

— Часто у барона бываютъ обѣды?

— Онъ ни одного дня не пропуститъ безъ обѣда, сударыня.

— А что видается съ Уэстонами?

— Да, сударыня, отвѣчалъ я на этотъ разъ съ глубокимъ вздохомъ. Причину этого вздоха я вамъ, пожалуй, открою.

Дѣло въ томъ, что хотя мнѣ было всего тринадцать лѣтъ, а Агнесъ восемь, я любилъ ее всею силою души моей. То была единственная женщина, которую я любилъ, какъ мальчикомъ такъ и взрослымъ мужчиной. Я пишу эти слова въ моемъ Ферпортскомъ кабинетѣ, между тѣмъ, какъ моя старушка дремлетъ противъ меня надъ своей книгою, ожидая сосѣдей, которые должны придти къ чаю и составить робберъ. Когда моя чернила всё выдутъ и небольшой рассказъ мой допишется до конца, и колокола сосѣдней церкви, которые теперь призываютъ къ вечерней молитвѣ, будутъ звонить по усопшемъ Денисѣ Дювалѣ, тогда прошу васъ, добрые сосѣди, припомнить, что я не любилъ ни одной женщины, кромѣ этой дамы, и оставьте подлѣ меня мѣстечко и для нея, когда настанетъ и ея очередь.

Въ послѣднее время Агнеса все рѣже и рѣже показывалась въ нашемъ домѣ. На другой день послѣ достопамятной поѣздки въ Лондонъ, я явился въ аббатство, набивъ себѣ карманы подарками для нея. Лавей впустилъ меня довольно вѣжливо въ сѣни, но объявилъ, что миссъ уѣхала кататься съ мистриссъ Уэстонъ, и что я могу посылку свою оставить, а самъ уйти.

Но, вѣдь, мнѣ хотѣлось *отдать* лично свою посылку. Въ эти двѣ недѣли разлуки Агнеса у меня ни разу не выходила изъ головы. Я имѣлъ при себѣ маленькую памятную книжку, въ которой записалъ по французски все, видѣнное мною въ Лондонѣ. (При этомъ, я долженъ вамъ покаяться, что дѣло не обошлось у меня безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ.) Мнѣ хотѣлось прочитать эти записки Агнесѣ.

На слѣдующій день я опять отправился въ аббатство, но меня опять не допустили къ *mademoiselle de Севернъ*. Къ вечеру однако я получилъ отъ нея записку, въ которой она благодарила своего «милаго брата за чудесную книжку», и это было мнѣ большимъ утѣшеніемъ. На другой день рано утромъ я отправился въ школу, и всю недѣлю проработалъ прилежно, чтобы сдержать слово, данное доктору Бернару. Казалось, желанная суббота, день покоя, никогда не настанетъ для меня, но, въ свое время она-таки настала и я зашагалъ по дорогѣ въ Уинчельси съ быстротою, на какую только были способны мои ноги.

Я нѣсколько разъ ходилъ въ аббатство, но все безуспѣшно. Наконецъ слуга объявилъ мнѣ: «у насъ адѣсь некому стричь волосы, намъ не пушно ни помады, ни мыла, понимаете ли вы?» и захопнулъ у меня подъ носомъ дверь. Я былъ ошеломленъ этой дерзостью, и внѣ себя отъ бѣшенства и негодованья отправился къ мистриссъ Барнардъ и рассказалъ ей о случившемся. Я сказалъ ей, что люблю маленькую Агнесу больше всего на свѣтѣ. (Всѣ добрыя женщины свахи въ душѣ. Добройшаа мистриссъ Барнардъ не замедлила разгадать состояніе моего духа, и была тронута моею юношеской страстью.) Слушая меня, эта почтенная женщина не разъ отирала слезы. Но этимъ не ограничилось ея участіе. Она пригласила меня къ чаю въ первую же среду, и кого же бы вы думали я встрѣтилъ у нея, когда пришелъ? Да кому же и быть, какъ не маленькой Агнесѣ, которая краснѣя подошла ко мнѣ, поставила мнѣ для поцѣлуя свою маленькую щечку и принялась плакать. И какъ же она плакала! Въ этой комнатѣ насъ рюмило трое: пятидесятилѣтняя дама, тринадцатилѣтній мальчикъ и семилѣтняя дѣвочка. Ну, а что же бы вы думали произошло вслѣдъ за тѣмъ? Какъ и слѣдовало ожидать, пятидесятилѣтняя дама вспомнила, что забыла на верху свои очки и что ей надо за ними сходить. Тогда маленькая дѣвочка принялась рассказывать своему Денни, какъ она тосковала по немъ, и какъ на него всѣ сердиты въ аббатствѣ, такъ что даже имя его запрещено произносить. «Въ особенности золь на тебя мистеръ Джозефъ, который, съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ случилось это несчастье, сталъ просто невыносимъ. Разъ, когда ты приходилъ къ намъ, онъ стоялъ за дверью съ кнѹтомъ; онъ хотѣлъ впустить тебя въ домъ и избить до полусмерти; помѣшали ему только мистриссъ Уэстонъ да мистеръ Джемсъ, который сказалъ: «полно тебѣ дурить, Джо». Должно быть ты что нибудь сдѣлалъ этому мистеру Джозефу, что онъ такъ сердитъ на тебя, дорогой Денни. Какъ онъ только имя твое услышитъ, выходитъ изъ себя и такъ ругается, что страшно слушать».

— Такъ онъ караулилъ меня съ кнѹтомъ? переспросилъ я. Въ такомъ случаѣ я знаю, что мнѣ дѣлать: я всюду буду ходить съ пистолетомъ. Ужь я на своемъ вѣву подстрѣлилъ од-

ного молодца, и если кто другой осмѣлится угрожать мнѣ, я съумѣю и отъ этого оборониться.

Моя дорогая Агнеса рассказала мнѣ, что всѣ въ аббатствѣ къ ней очень добры — только мистера Джозефа она терпѣть не можетъ; что въ ней ходятъ очень хорошіе учителя, всѣ изъ духовныхъ, и задаютъ ей уроки, которые она учитъ наизусть, прогуливаясь взадъ и впередъ по огородной дорожкѣ; (я зналъ этотъ огородъ, зналъ стѣну, составлявшую часть стараго монастырскаго здания, зналъ и дорожку, замыкавшуюся грушевымъ деревомъ.) Она добавила, что каждое утро въ одинадцать часовъ ходитъ по этой дорожкѣ и учитъ уроки.

Тутъ мистриссъ Барнардъ, отыскавъ свои очки, возвратилась въ комнату. «А теперь дѣтки, пора и по домамъ, замѣтила намъ добрая старушка».

Передъ отправленіемъ въ школу я успѣлъ осмотрѣть старую стѣну, изъ за которой возвышалось грушевое дерево. Вскрабавшись на стѣну, я заглянулъ въ огородъ. «Такъ вотъ она дорожка, на которую Агнеса ходитъ учить свои уроки?» подумалъ я... Въ скоромъ времени мистеръ Денисъ Дюваль выучилъ этотъ урокъ наизусть, и прилагалъ его къ дѣлу.

Однажды, во время рождественскихъ вакацій, когда на дворѣ стоялъ сильный морозъ, маленькая Агнеса не вышла въ огородъ учить свои уроки; да и то сказать, только идиоту могло придти въ голову, что она выйдетъ изъ дому и въ такую погоду. За то по тропинкѣ, бѣлѣвшей инеемъ, прогуливался Джозефъ Уэстонъ съ повязкою на глазу. Къ несчастію у него оставался цѣль еще другой глазъ, которымъ онъ меня увидѣлъ. Въ ту же минуту меня оглушило страшное ругательство и мимо моей головы пролетѣлъ кирпичъ, брошенный съ такою силою, что если бы онъ попалъ въ меня, то вышибъ мнѣ и глазъ и мозгъ изъ головы. Въ одно мгновеніе я слѣзъ со стѣны на улицу. Надъ моей головой пролетѣло еще нѣсколько кирпичей, адресованныхъ на мое имя, но къ частію они не попали въ цѣль.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ УМЕРШАГО ЛИТЕРАТОРА).

I.

ОЧАСТЛИВАЯ ПРОБА ПЕРА.

Это было лѣтъ пять-шесть тому дваздцать, т. е. въ ту горячую пору русской жизни, когда все бросились въ прогрессъ, все принялись читать, писать и рассуждать, позабывши при этомъ главное — мыслить. Кто не помнитъ, съ какою жадностью все набросились тогда на различные журналы и газеты, какъ нарасквять покупалась всякая печатная дребедень, какъ возникали и падали одинъ за другимъ всевозможные «Смѣхи,» «Бубенчики,» «Рододендроны,» «Весельчани,» «Орлы,» и проч. и проч? Аферисты, издававшие подобныя листки, обращались съ публикой довольно нагло: они просто насильно навязывали свои произведенія проходящимъ по улицамъ, распространяли ихъ черезъ дворниковъ, черезъ лакеевъ и кухарокъ, просили на бѣдность, тыкая въ лицо благотворителя «Смѣхъ,» или «Весельчакъ,» или «Орла,» — словомъ, употребляли все подходы, чтобы зашибить хоть какуюнибудь деньгу. Впрочемъ, нѣкоторые изъ подобныхъ издателей пробовали вести дѣло правильнымъ образомъ, т. е. выступали передъ публикой сначала съ какиминибудь сборникомъ и затѣмъ уже предпринимали изданіе листка, по содер-

жанію совершенно сходнаго съ поименованными выше, но обусловленнаго и подпиской въ такихъ-то и такихъ-то книжныхъ магазинахъ, и выходами въ извѣстные сроки.

Объ редакторѣ и сотрудникахъ одного изъ листовъ послѣдняго сорта я и намѣренъ распространиться теперь. Интереснымъ такое дѣло считаю потому, что листокъ этотъ процвѣталъ въ Москвѣ, слѣдовательно своеобразнаго и характернаго въ немъ было вдоволь.

Я тогда только что кончилъ курсъ въ университетѣ и поступилъ чиновникомъ въ одну изъ канцелярій. Служилъ я безъ жалованья, въ ожиданіи будущихъ благъ, и должность моя состояла въ томъ, что два раза въ недѣлю я отправлялся на дежурство къ начальнику, при которомъ состояла канцелярія: бѣгалъ изъ его квартиры въ канцелярію, принималъ отъ просителей просьбы, игралъ съ начальническими дѣтьми, исполнялъ порученія жены начальника и проч. Служба, признаться, хорошая — легкая, одно только плохо: жалованья не даютъ, а родные не особенно помогаютъ.

Въ канцеляріи я познакомился, между прочимъ, съ однимъ писцомъ, челоуѣкомъ очень старательнымъ и крайне добродушнымъ. Какъ-то мы разговорились съ нимъ, что называется *по душѣ*.

— Что вы не пишете ничего? спросилъ меня писецъ. (Егоровымъ звали)

— Да не даютъ ничего; все больше для посылокъ да справокъ употребляютъ, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, я не то хочу сказать; я хочу сказать: отчего вы литературой не займетесь? спросилъ Егоровъ.

Признаться, подобный вопросъ мнѣ показался очень страннымъ, потому что отъ Егорова я такой прыти не ожидалъ.

— Выгодное дѣло-съ, добавилъ онъ.

— Не пробовалъ, не пробовалъ, замѣтилъ я.

— Вамъ стыдно не попробовать, вы кончили курсъ въ университетѣ; я вонъ на шѣдный грошъ обученъ, и то посягаю — и ладно выходить.

— Да гдѣ же это?

— Тутъ есть, видите-ли, еженедѣльный журналецъ, «Глазъ» прозывается.

— Слышалъ.

— Слышали. Ну, такъ вотъ въ немъ я веду внутренней отдѣлъ: изъ газетъ выписываю, самъ сочиняю, — впрочемъ, больше выписываю.

— Что же вы за это получаете?

— Рублей двадцать, а то двадцать пять въ мѣсяцъ придется. Мнѣ-то оно, занятъ-то, видите-ли, плевое дѣло, въ добрый часъ будь сказано, а все поддержка, все деньги бѣдному человѣку пригодятся. — Такъ, попробуйте-ка, Иванъ Ивановичъ, обратился ко мнѣ Егоровъ: — въ беллетристическомъ родѣ махните, или серьезную статью — какъ тамъ за благоразсудится, только чтобы размѣры, знаете, не очень велики были, потому у насъ всего два листа въ номерѣ.

— Хорошо, я попробую. Благодарю васъ за добрый совѣтъ. Мы разстались.

Черезъ недѣлю мы опять встрѣтились съ Егоровымъ, и я вручилъ ему небольшой рассказъ изъ народнаго быта. Въ слѣдующее дежурство, когда я проходилъ за чѣмъ-то черезъ комнату, гдѣ занимался внутренней обзорѣватель, онъ подошелъ меня къ себѣ.

— А, здравствуйте. Ну что, какъ? обратился я къ Егорову.

— Съ васъ магарычи нужно.

— Что такое?

— Редакторъ принялъ вашу статью. Это, говоритъ, такой талантъ, что мы публику двумя, тремя его рассказами попробемъ вотъ какъ!

Егоровъ показалъ, какъ будетъ пробрана публика.

— Въ нынѣшнемъ номерѣ будетъ отпечатанъ, прибавилъ обзорѣватель.

— Это не дурно, съ удовольствіемъ замѣтилъ я.

— Мы было, признаться, опасались за нынѣшній выпускъ, распространялся Егоровъ: — да ваша статейка, спасибо, выручила.

— За что же вы опасались?

— Материалу совсѣмъ нѣтъ. Со стороны никто не несетъ; сотрудники тоже какъ-то неаккуратно поставляютъ: вонъ поэтъ трети сутки, съ позволенія сказать, безъ заднихъ ле-

жить; сотрудникъ по критическому отдѣлу съ женой подражался, палець вывихнулъ, писать не можетъ, — просто хотъ волкомъ вой. — А ваша-то статья, редакторъ говоритъ, того... зазнобиста.

Я, разумѣется, съ свойственной всѣмъ молодымъ авторамъ скромностью, отрицалъ *зазнобистость* своего разсказа, но Егоровъ и слышать не хотѣлъ.

— Полноте, полноте, развѣ я не вижу, что вы талантъ. Я и самъ когда-то стыдился своей литературной дѣятельности; какъ вы же, краснѣлъ, когда меня называли писателемъ не безъ таланта; но теперъ ничего, привыкъ....

Послѣ нѣкотораго молчанія Егоровъ прибавилъ:

— Номеръ нашего журнала выйдетъ въ воскресенье; если угодно, въ воскресенье мы и отправимся съ вами къ редактору: онъ желаетъ съ вами познакомиться. Если же не хотите въ воскресенье, то отправьтесь къ нему какъ нибудь поутру: до часу онъ бываетъ дома. Живетъ онъ тамъ-то.

Въ воскресенье однако я не отправился къ редактору, а пошелъ къ нему во вторникъ.

II.

РЕДАКТОРЪ.

Сапоговъ жилъ подѣ Новинскимъ, въ собственномъ домѣ. Это былъ отставной гусарь или уланъ, выдавшій виды на своемъ вѣку и успокоившійся наконецъ на литературѣ потому же, почему промотавшійся въ конецъ купеческій сынъ успокоивается на мѣстѣ цѣловальника, мелкаго прикащика и проч., — т. е. Сапоговъ думалъ какъ нибудь прокормиться литературою. Домъ, въ которомъ жилъ редакторъ «Глаза», дѣйствительно принадлежалъ ему, но былъ давно заложень и перезаложень; кредиторы ежечасно осаждали квартиру несчастнаго гусара, и только безпримѣрная находчивость и изворотливость спасали его отъ ямы, въ которую, по московскому обычаю, бросаютъ должниковъ.

Когда я вошелъ на дворъ, на меня съ острейшимъ ринулась громадная собака. Въ другое время, особенно недѣли за двѣ, я бы съ удовольствіемъ отдалъ себя кровожадному псу на пожираніе, но теперь, когда во мнѣ кричала какой-то талантъ, когда мнѣ нужно было получить гонорарій за статью, — о, теперь чувство самосохраненія сотней голосовъ заговорило во мнѣ! Я схваталъ съ земли нѣсколько камней и принялся ими поражать своего врага. Врагъ отступилъ, наполняя воздухъ страшнымъ лаемъ. Въ окнѣ деревяннаго флигеля показалась чья-то голова.

— Что вамъ нужно? спросила голова.

— Андрей Ивановичъ Сапоговъ дома?

— А какъ объ васъ сказать?

— Скажите: такой-то. Я назвалъ свою фамилію.

— Пожалуйста къ крыльцу, сейчасъ доложу.

Я подошелъ крыльцу. На двери, снаружи, висѣлъ замокъ. Черезъ минуту окликавшая меня изъ окна голова вывернулась откуда-то изъ за угла и принялась отпирать.

— Для чего вы запираете снаружи?

— Да ходять разныя черти — отъ нихъ больше. Какъ замокъ-отъ онъ увидитъ, такъ и думаетъ, что никого дома нѣтъ.

«Это не дурно придумано», размышлялъ я, входя въ прихожую.

— Пожалуйста въ залу, сейчасъ сами выдутъ, пригласилъ меня лакей.

Зала была крайне незавидна: стѣны облуплены, крашеный полъ вытертъ, мебелировка самая бѣдная; только портретъ накого-то не то турка, не то араба и бросался въ глаза среди этой ровненькой, сѣренькой обстановки. На столѣ, приткнутомъ къ окошку, валялось нѣсколько номеровъ различныхъ газетъ и двѣ или три книжки. Въ ожиданіи самого я принялся разсматривать книжки и увидѣлъ, что это «*Journal pour rire*,» изъ котораго, какъ оказалось впоследствии, редакторъ выбиралъ каррикатуры, а также пользовался остроуміемъ для своихъ фельетоновъ.

— Здравствуйте, обратился ко мнѣ Сапоговъ, выходя изъ другой комнаты.

Мы пожали руки.

— Очень радъ васъ видѣть. А ваша статейка, батюшка, вотъ что...

Сапоговъ послалъ воздушный поцѣлуй.

— Очень пріятно слышать, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. У васъ, знаете, тѣма этой наблюдательности, юморъ здоровенный, а главное — вы безпощадны въ анализѣ. Увѣряю васъ, что когда читаешь вашу статейку, да дойдешь до этихъ, такъ сказать, пикантныхъ психологическихъ мѣстъ — страхъ беретъ! «Да остановись же, наконецъ, думаешь про себя:—вѣдь дальше анализъ не можетъ идти; вѣдь это значитъ Диккенса зашибить, въ грязь втоптать!» Но вы все роете, все роете, и въ концѣ концовъ дѣйствительно убиваете всѣхъ беллетристовъ. Клянусь вамъ!

Я только кланялся.

— Я вѣдь, батюшка, старый литераторъ, я понимаю это дѣло вотъ какъ...

Опять воздушный поцѣлуй.

— Мнѣ Николай Ивановичъ Гречъ еще недавно писалъ, чтобы я перебирался въ Петербургъ, потому что, говорить, на васъ только и надежда: видите, говорить, какой разладъ идетъ въ литературѣ, какая дрянь ползетъ на верхъ. Вотъ порази меня громъ на семь мѣстъ, если вру!

Я, разумѣется, повѣрилъ.

— Но объ этомъ поговоримъ послѣ; а теперь обратимся опять къ вашей статьѣ. Я, разумѣется, почистилъ ее нѣсколько, потому что, надѣюсь, вы согласитесь, что я это дѣло немного больше васъ понимаю. Но въ одномъ мѣстѣ я даже сдѣлалъ такъ нѣкоторое измѣненіе. Это, если помните, именно то мѣсто, когда вы говорите о появленіи становаго пристава на сельскомъ праздникѣ: я, видите ли, вмѣсто становаго вставилъ одного изъ здѣшнихъ квартальныхъ—продернуть нужно было... Я, впрочемъ, прибавилъ при этомъ, что квартальный, молъ, въ отпуску находится.

— Видите ли, послѣдующія-то сцены едва ли будутъ естественны послѣ этой поправки?

— Естественны, увѣряю васъ. Вотъ жалко номера у меня пѣтъ подъ руками, а то бы я вамъ показалъ. Я вѣдь все это

подогвалъ подь общій колоритъ: такъ замазалъ, замазалъ, туманомъ этакимъ покрылъ....

Мы помолчали.

— Вы вмѣстѣ съ Егоровымъ служите?

— Да.

— Славный малый этотъ Егоровъ: работающій такой, смиренный, толковый. Однѣхъ недостатковъ въ теперешней молодежи— за направлениемъ за какимъ-то гонятся. А почему гонятся? потому что бродятъ еще, не уходились, не относятся къ дѣлу практически, а носятъ гдѣ-то тамъ, на седьмомъ небѣ. Они все думаютъ, что можно задаться какой угодно мыслью да и проводить ее въ публику, не обращая вниманія на то, желаетъ публика этого или нѣтъ. Наконецъ, люди подобные мнѣ, т. е. люди, глубоко изучившіе журнальное дѣло, хорошо понимаютъ, что долбить одно и то же невозможно, силъ не хватитъ. Вѣдь если я говорю, напримѣръ, въ настоящее время въ тонѣ купечества, то это ничего не значитъ: принесите мнѣ статью противъ купцовъ, но принесите статью хлесткую— я помѣщу ее съ удовольствіемъ, потому что я знаю, что если я двѣсти подписчиковъ изъ купцовъ потерялъ, за то пятьсотъ приобрѣлъ между дворянами. Вотъ какъ-съ!

— Опять-же, помолчавъ, продолжалъ Сапоговъ: небрежность какая-то въ дѣлу явилась въ нынѣшнихъ молодыхъ писателяхъ. Вонъ у меня есть поэтъ Дѣдиновъ; талантъ вотъ какой! (Сапоговъ развелъ руками) Живописуетъ, какъ никто; картинами забрасаетъ васъ; образы такіе схватить, что просто морозъ по кожѣ подираетъ... А вѣдь десяти строкъ къ номеру не можетъ поставить. Положимъ—страсть, увлеченіе, болѣзнь,—но вѣдь все это допускается въ извѣстныхъ размѣрахъ, всему границы должны быть. Вѣдь только тогда и получишь отъ него что нибудь, когда возьму его къ себѣ, вытрезвлю хорошенько да выдержу дня два-три вонъ на томъ диванѣ.

Редакторъ указалъ диванъ, на которомъ совершается вытрезвленіе поэта.

— Вотъ для нынѣшняго, напримѣръ, номера я заказалъ ему стихотвореніе, рассказалъ какъ и что, все, все объяснилъ,—

такъ вѣтъ, и тутъ-то онъ сумѣлъ отнестись къ дѣлу небрежно. Начало, напримѣръ, таково:

„Гаснулъ день на западѣ багряномъ,
Изъ пера точились мысли,
Предо мной, въ волненьи будто пьяномъ,
Изъ рѣки русалки вышли“...

— Ну что это такое? спрашиваю его. Понимаешь-ли ты, говорю, всю мелкость, всю копѣчность своего таланта? Понимаешь-ли, что, прочитавши это четырехстишіе, каждый въ правѣ назвать тебя дряннымъ поэтишкой, и понимаешь-ли ты, что, поставивши вмѣсто «изъ пера» — «со пера», ты сразу бьешь въ Пушкины? Ну, какъ объяснилъ, такъ чуть на шею не бросается—благодарить. Такъ-то-съ!

Сапоговъ прищолкнулъ языкомъ.

— Такъ вамъ, обратился онъ ко мнѣ, слѣдуетъ за пять-сотъ двадцать три строки десять рублей сорокъ шесть копѣекъ: я плачу по двѣ копѣйки за строку. Вотъ сейчасъ мы вамъ и деньги выдадимъ.

Редакторъ вышелъ въ другую комнату и черезъ минуту вернулся.

— Вотъ-съ.

Я началъ откланиваться.

— Пожалуйста, пожалуйста, заходите. По воскресеньямъ у меня пріемные дни, всѣ сотрудники бываютъ—прошу.

— Тамъ шорникъ пришелъ, возопилъ лакей.

— Вѣдь говорилъ тебѣ, чтобы никого не принимать, накинудся на него Сапоговъ.

— Да что же я буду дѣлать? Черезъ задній ходъ ломится, чуть дверь не выперъ: «я и то, говорить, почитай годъ хожу.»

Редакторъ дѣлалъ знаки своему предателю-слугѣ, но тотъ не понималъ.

— Съ этимъ нужно расквитаться, ворчалъ valet de chambre.

— Сейчасъ, сейчасъ. Такъ прощайте; заходите.

Мы разстались.

III.

СОТРУДНИКИ.

Въ слѣдующее же воскресенье я посѣтилъ редакцію «Глаза». Засѣданіе происходило въ той же самой комнатѣ, въ которой нѣсколько дней назадъ принималъ меня Сапоговъ. Редакція, въ полномъ своемъ составѣ, была такова: Сапоговъ, поэтъ Дѣдиковъ, внутренній обозрѣватель Егоровъ, критикъ и историкъ Стрижовъ, полицейскій сыщикъ, какъ сборникъ всевозможныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для журнала, и еще двѣ-три личности, тоже принимавшія участіе въ журналѣ, хотя и не принадлежавшія къ числу постоянныхъ сотрудниковъ.

Поэтъ Дѣдиковъ былъ высокій, плотный мужчина, лѣтъ двадцати пяти, съ оплывшею физиономіею, грубымъ, сыплымъ голосомъ и безсмысленными глазами. Старый, изорванный подъ мышками фракъ, бѣлый нѣкогда жилетъ и кусокъ какой-то тряпки вмѣсто галстука, составляли весь его незатѣйливый костюмъ. Глядя на его мускулистыя руки и широкія плечи, мнѣ какъ-то невольно приходила въ голову мысль о невозможности пребыванія лирики съ ея безплотными, эфирными образами въ такомъ массивномъ тѣлѣ. Можетъ быть, эта мысль была и парадоксальна, но тѣмъ не менѣе она назойливо лѣзла въ голову. Особенно странными казались мнѣ сочетанія различныхъ «русалокъ», «теремовъ и чертоговъ съ жарь-птицами», «шопотовъ ручьевъ и обаятельнаго лепета звѣздъ» съ бальзамной вождой, которую, по словамъ Дѣдикова, нужно запивать квасомъ, и убійственными грогами, о которыхъ, сладострастно мечталъ онъ.

Критикъ и историкъ Стрижовъ во взглядахъ на бальзамную совершенно сходилъ съ редакціоннымъ поэтомъ, хотя былъ значительно постарше его, безпрестанно хмурилъ брови и, слушая разговоръ другихъ, съ достоинствомъ произносилъ «утверждаю» или «отрицаю». Это былъ отставной чиновникъ, въ родѣ тѣхъ, какіе сочиняютъ у Иверскихъ воротъ просьбы. Видъ онъ имѣлъ крайне непривлекательный и хотя, по

словамъ редактора, былъ семи пядей во лбу, однако особеннаго умственнаго превосходства надъ своими товарищами не выказалъ даже и тогда, когда Сапоговъ заявилъ, что если бы ему дали нѣсколько почистить сочиненія Гоголя, то онъ бы изъ нихъ недурную штучку сдѣлалъ.

Объ Егоровѣ, какъ объ безцвѣтной личности, не распространяюсь.

Сыщикъ имѣлъ наружность свирѣбую, кровожадную, именно такую, какую я привыкъ соединять съ личностями составителей газетныхъ статей подъ рубрикою: «убійства, грабежи поджоги и проч.» Это былъ дѣйствительно кодексъ уголовщины; факты, одинъ другаго ужаснѣе, одинъ другаго кровянѣе, лѣзли изъ него десятками. Разказы свои онъ украшалъ и дополнялъ различными, очень характерными жестами, показывая, на примѣръ, какъ перерѣзываютъ горло, бьютъ кистенемъ, распарываютъ брюхо, и проч.

Двѣ личности, засѣдавшія тутъ же, мало принимали участія въ общемъ разговорѣ, потому объ нихъ я не буду говорить; точно также считаю излишнимъ прибавлять здѣсь чтонибудь и объ самомъ редакторѣ Сапоговѣ, о которомъ уже сказалъ достаточно.

Когда я вошелъ, сыщикъ о чемъ-то съ паэосомъ распространялся.

— А, вотъ и новая наша звѣзда, обратился ко мнѣ редакторъ.

Тутъ онъ меня презнакомилъ съ сотрудниками.

— Интересные факты Максимъ Максимычъ рассказываетъ, замѣтилъ мнѣ Сапоговъ, когда процедура знакомства кончилась и я усѣлся.

— Такъ продолжайте, Максимъ Максимычъ.

— Вотъ-съ, продолжалъ сыщикъ:—приходимъ мы, оцѣпили. Время стояло, знаете, этакое скверное—грязища по колѣно.—Стучи! говорю одному изъ полицейскихъ. Постучалъ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ мужской голосъ.—Отворяй, говорю.—«А что ты за человѣкъ?»—Отворяй, говорю, и конецъ! «Пряди завтра,» говоритъ.—Ломай дверь! Нажали—выворотили... Сейчасъ фонаремъ освѣтили—входимъ въ сѣни... Тутъ

другая дверь, въ горницу: ту томе вышесли... И стоитъ онъ передъ нами вотъ съ этакимъ ножищемъ.

Сыщикъ отмѣрилъ руками чуть не сажень.

— Ну, ребята, говорю своимъ:—приступай! Бросились мы на него шестеро, сразу ножъ вышибли, подмяли его подъ себя, да и давай, и давай... сколько душѣ было угодно. Не даромъ, молъ, мы вокругъ тебя мѣсяцъ ходили. Такъ отволтожили, такъ отволтожили, что просто, Андрей Ивановичъ, я отъ роду такой бучки не видывалъ.

— Это ловко! воскликнулъ Дѣдииковъ.

— Хрипять каналья—задохся. Ну, связали и представили.

— Срашная вещь! трагическій случай! съ воодушевленіемъ изрекъ Сапоговъ.—Вотъ если бы вы, обратился онъ къ Дѣдиикову, сдумѣли уловить эти драматическія подробности въ стройные образы и этакъ поэмку бы составили—чудно бы было! Тогда бы мы, клянусь вамъ, не отбились отъ подписчиковъ!

Редакторъ щелкнулъ языкомъ.

— Андрей Ивановичъ! того бы... подмигнулъ поэтъ.

— Ну вотъ, вы только все объ водкѣ.

— Вѣдь съ малой Ордынки шелъ.

— Водки просите, а писать не пишете.

— Я напишу, Андрей Ивановичъ.

— Это я давно слышу.

— Ей богу, Андрей Ивановичъ, напишу! — Вонъ хоть для него, для новаго сотрудника, пошлите, указалъ Дѣдииковъ на меня.

Сапоговъ улынулся и вышелъ.

— Васъ какъ зовутъ? спросилъ меня поэтъ.

— Иванъ Ивановичемъ.

— Ваня, значить. У насъ вѣдь, братъ, между сотрудниками нѣтъ этихъ различныхъ титулованій да отчествъ, у насъ просто: Ваня, такъ Ваня, Костя, такъ Костя, Яшка, такъ Яшка,—вотъ какъ у насъ!

Друзья! природою самую
Назначень наслажденью срокъ:
Цвѣты и бабочки весной,
Зимой же виноградный сокъ...

напѣвалъ редакціонный поэтъ вполголоса.

— Ну что, господа, читали его-то штуку? обратился вернувшийся редактор къ сотрудникамъ и указалъ на меня.

— Дивная, дивная! чудная! восхитительная! раздались голоса.

— Помилуйте, такая штука, что просто...

Раздался воздушный поцѣлуй.

Я только краснѣлъ отъ стыда.

— Штука-съ вотъ какая! добавилъ редакторъ. Встрѣчаю я на дняхъ Петра Иваныча Лапотникова, ужъ какой, кажется, знатокъ въ литературномъ дѣлѣ, такъ и тотъ совершенно очумѣлъ. «Ты, говорить, плутовать начинаешь, обратился ко мнѣ:—изъ Диккенса переводишь да и выпускаешь потомъ съ подписью какого-то небывалаго автора.»—Помилуй, говорю, это новый талантъ; это, говорю, наша надежда, это перлъ современной не только русской, но и европейской литературы!— «Нѣтъ, говорить, не надуешь; такихъ геніевъ еще неспособна произвести русская жизнь; это просто удачная выборка и хорошій переводъ изъ Диккенса или Эжени Сю.» Такъ и не увѣрилъ.

— Вещь первый сортъ! похвалилъ сыщикъ.

Принесли водку.

Поэтъ обращался съ графинами такъ ловко и свободно, какъ едва-ли обращался онъ съ своей лирой, выжимая изъ ея вѣщихъ струвъ небесные звуки. Критикъ держался посолѣднѣе, т. е. поступалъ въ дѣлѣ отравленія себя алкоголемъ съ большимъ тактомъ, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ. Сыщикъ глоталъ заразъ по двѣ рюмки, утиралъ губы рукавомъ и за тѣмъ отходилъ въ сторону и пучилъ глаза на портретъ араба или турка, приставленный къ стѣнѣ; потомъ, какъ бы надумавшись, снова подходилъ, снова глоталъ двѣ рюмки и опять къ арабу. Темныя личности, не принадлежавшія къ числу коренныхъ сотрудниковъ, на этотъ разъ просвѣтлѣли и уничтожали водку наилучшимъ образомъ. Егоровъ и я оказались умѣреннѣе другихъ. Сапоговъ ничего не пилъ.

Черезъ полчаса какихънибудь языки развязались. Начали припоминать прежніе кутежи, посылались рассказы о различныхъ, почти небывалыхъ исторіяхъ пьянства, изъ которыхъ

одна гласила, какъ двое московскихъ литераторовъ ѣздили въ Петербургъ и выпили на желѣзной дорогѣ водки по полутораста рюмокъ, другая—какъ офицеръ выпилъ заравъ двѣ дюжины шампанскаго; вытащили на сцену и известнаго екатерининскаго богатыря, моряка Лукина, и т. д. и т. д.

— Эй, ты... Вавюшка! крикнулъ мнѣ поэтъ.

— Что такое?

— Чокнемся.

— Не могу.

— А за галстухъ, хочешь, вылью, пригрозилъ поэтъ, наступая.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня этого нельзя, вступился Сапоговъ. Между моими сотрудниками я не желаю распри.

— Я вѣдь пошутилъ, Андрей Ивановичъ, бессмысленно ворячая бѣлками и пошатываясь лепеталъ Дѣдиковъ.

— Знаю я, какъ вы шутите, продолжалъ редакторъ. Помните исторію съ Желваковыми: тоже пошутили, а рука до сихъ поръ кривая.

— Да вѣдь это ужъ такой случай вышелъ.— Андрей Ивановичъ! пожалуйста-ка сюда. Дѣдиковъ отвелъ Сапогова въ сторону и что-то горячо началъ объяснять ему.

— Да вѣдь надуете? спрашивалъ его Сапоговъ.

— Клянусь же, нѣтъ!

— Вамъ только дай...

— Увѣряю васъ, что зыньче же вечеромъ явлюсь и залагу на диванъ, а завтра буду работать.

— Да вѣдь вы слова не держите.

— Теперь сдержу.

— Смотрите же.

Сапоговъ вышелъ въ другую комнату, а потомъ, возвратившись, сунулъ что-то поэту въ руку.

Сотрудники между тѣмъ совершенно развинтились и мнѣ, признаться, приходила въ голову очень курьезная мысль: заставить бы ихъ, думалъ я, именно въ эту минуту составить номеръ журнала. А минута была дѣйствительно замѣчательная. Такъ: критикъ принялся трактовать объ эстетикѣ, для чего безпрестанно сгибалъ палецъ и выводилъ имъ на стѣнѣ непонятные гіероглифы. Поэтъ приставалъ къ Сапогову,

убѣждая его откровенно высказать свое мнѣніе о томъ, кто выше: онъ—Дѣдиковъ—или Байронъ? И когда Сапоговъ урезонивалъ поэта оставить подобный вопросъ, потому что этого дѣла *смаху* разрѣшить нельзя, то Дѣдиковъ ложился на диванъ и объявлялъ себя умершимъ, «потому что, говорилъ онъ, поэты, мировое значеніе которыхъ не признается, должны постараться скорѣе умереть». Темныя личности до того расходились, что грозили написать по тысячѣ романовъ и драмъ, увѣряя что плодовитостью онѣ превзойдутъ Кальдерона, а гениемъ Шекспира. Сыщикъ все возился съ своимъ арабомъ, котораго безпрестанно цѣловалъ въ губы, приговаривая: «ты Сметанку привелъ.. ты первую скаковую арабскую лошадь привелъ въ Россію... а вотъ я тебя за это поцѣлую»...

— Ты отлочно пишешь... Ваня! ты тоже гений, теребилъ меня Дѣдиковъ за пуговицу:—А я все-таки выше тебя.. все-таки выше... Хоть Андрей Иваныча спроси... Я пьяница, потому я меньше гений, чѣмъ ты... а все-таки я выше... Спроси Андрея Иваныча... Ты фраза, а я мысль... ты пейзажъ, а я сильный характеръ... я колоритъ... я все, безсвязно бормоталъ поэтъ.

— Пусти, дай мнѣ съ нимъ объясниться, отпихивалъ поэта критикъ и валился на меня.

— Постой, постой, я еще не все высказалъ, упирался Дѣдиковъ.

— Ты ужъ поговорилъ — уступи теперь другому, наставлялъ критикъ.

— А вотъ! поэтъ показалъ кулакъ, величиною съ ведро.

— Ну, противъ такихъ литературныхъ приемовъ я—пассъ! проговорилъ противникъ и принялся выводить зигзаги ногами, расхаживая по комнатѣ.

— Ты Аполлонсва-критика знаешь? спрашивалъ меня Дѣдиковъ.

— Господа! пропзнесъ Сапоговъ: — извините, мнѣ нужно ѣхать.

— Знаешь Аполлонова?

— Въ домъ домой нужно идти.

— Нѣтъ, не домой, а въ таверну «Льва и Слона» пойдемъ. У меня теперь деньги есть... закучу... у-ахъ!

Скоро мы вышли изъ редакціи и направились на Плющиху, гдѣ и находилась таверна «Льва и Слона», посѣщаемая редакціей и неизвѣстно почему такъ прозванная ею.

IV.

ТАВЕРНА «ЛЬВА И СЛОНА».

На Плющихѣ мы вошли въ грязную пивную лавку. Тотчасъ спросили пива, и бесѣда полилась рѣкою.

— А вѣдь вы на насъ съ сожалѣніемъ смотрите, обратился ко мнѣ критикъ. Впрочемъ, будемъ говорить другъ другу— ты? Меня Сашей зовутъ. Такъ, ты на меня да и вообще на всѣхъ насъ съ сожалѣніемъ смотришь?

— Почему же такъ?

— Потому что мы дѣйствительно жалки, потому что намъ высказываться не дають въ журналѣ, насъ жмутъ, насъ редакторъ эксплуатируетъ.

— То есть, какже все это? Я вѣдь журнальнаго дѣла не понимаю, потому совершенно не знаю отношеній между редакторомъ и сотрудниками.

— Я вотъ, напримѣръ, высказаться не могу откровенно передъ публикой, не могу мысли свои провести такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы... Я хочу, напримѣръ, показать публикѣ, что я второй Бѣлинскій, а мнѣ вдругъ приказываютъ молчать... т. е. не молчать, а говорить объ такихъ вещахъ... ну да, объ такихъ предметахъ, гдѣ я никоимъ образомъ не могу упомянуть о своемъ значеніи въ русской литературѣ.

— Да, это жалко.

— Не жалко, а просто убійственно для меня? Я ужь раза три чуть не наложилъ на себя руки. Вы читали... охъ! т. е. ты читалъ романы Воскресенскаго?

— Читалъ.

— Ну что, каковы?

Я посмотрѣлъ въ лицо критика и увидѣлъ, что нужно похвалить.

— Отличные, отвѣчалъ я.

— Поди, поцѣлуй меня... ты понимаешь дѣло.

Мы поцѣловались.

— Я вѣдь собственно не критикъ, а историкъ. Я, братъ, Карамзина, Полеваго, Погодина, Соловьева, какъ свои пять пальцевъ знаю. Это я только для Андрея Иваныча въ критику пошолъ, потому дѣло очень легкое, а журналу услуга и польза.

— Ты опять его отбилъ у меня, забормоталъ поэтъ, отпихивая критика и наступая на меня.

— Постой, дай мнѣ высказать свои убѣждения.

— Ну-ну!

Поэтъ приставилъ къ носу критика кулакъ.

— Вотъ противъ этого не могу, изрекъ послѣдній, отступая. — Не могу, не могу, потому ты въ полемикѣ сильнѣе меня.

— Сашка! поди сюда! крикнулъ Дѣдиковъ.

Сашка приблизился.

— Поцѣлуй русскаго Байрона.

Они поцѣловались.

— Ну, теперь ступай.

— Ты Аполлонова знаешь? спросилъ меня поэтъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Это первый русскій критикъ. Я съ нимъ знакомъ. Такъ не знаешь?

— Нѣтъ.

— Вотъ этотъ такъ пьеть!

Поэтъ головой замоталъ. Потомъ онъ выдушилъ на меня глаза.

— Тебѣ Сапоговъ ничего не говорилъ?

— Особеннаго ничего, отвѣчалъ я.

— Про политику ничего?

— Нѣтъ, ничего.

— То-то, то-то.

— А что?

— Да такъ. Онъ политическій отдѣлъ открываетъ въ своемъ журналѣ, такъ я думалъ, что онъ тебѣ его предложить.

— Да я, батюшка мой, ровно ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслю.

— То-то, смотри. Политическій отдѣлъ я хочу за собой оставить, потому не совѣтую кому нибудь конкурировать со мной.

Поэтъ показалъ ведро.

Я улыбнулся.

— Не смѣйся, братъ. Я человекъ рѣшительный: если захочу, такъ по владиміркѣ пройдуся, а ужь отищу.

Въ то время, какъ я поочередно объяснялся то съ критикомъ, то съ поэтомъ, остальные члены редакціи завели между собою ожесточенный споръ о томъ, кто изъ нихъ больше приноситъ пользы журналу.

— Я своими рассказами только и поддерживаю, толковала одна темная личность.

— Врешь, моя повѣсть дала сто подписчиковъ! горячилась другая.

Поэтъ очнулся и насторожилъ уши.

— Пойдемте-ка, послушаемъ, что они говорятъ, потащилъ онъ меня.

— Что у васъ за споръ? спросилъ Дѣдиковъ.

— Да такъ, между собою.

— Знаете, что я вамъ скажу господа, гремѣлъ поэтъ:— намъ нужно Сапогова прижать.

— Прижать, прижать, раздалися голоса.

— Мы его поставимъ въ слѣдующія отношенія къ сотрудникамъ: во-первыхъ, онъ долженъ прибавить по полукопѣйкѣ за строку, во-вторыхъ, въ пріемные дни для сотрудниковъ заставимъ устраивать обѣды, а не то, чтобы штофъ водки поставилъ—да и конецъ! Нѣтъ, ты, братъ, намъ такіе пиры будешь закатывать, какихъ и во снѣ никому не снилось!

— Bravo! bravo, Дѣдиковъ! Ай да Костяшка,—молодецъ!

— А теперь, господа, я вамъ совѣтую поскорѣе допивать пиво и идти туда, сблизиться съ народомъ.—Тамъ мы матеріала прихватимъ для своихъ статей.

Сотрудники разомъ опорожили стаканы и перебрались въ общую комнату, гдѣ свирѣпствовалъ какой-то бандуристъ, наполняя воздухъ дикими аккордами своего инструмента. Та-

бачный дымъ, точно чадъ какой, переизвѣлся изъ одного конца въ другой; десятокъ голосовъ отхватывалъ какую-то русскую пѣсню; два-три мужичонка, окруженные толпою зрителей, топтались на одномъ мѣстѣ, едва передвигая пьяными ногами.

— Вотъ она, Русь-то широкая! съ увлеченіемъ крикнула редакция, причемъ поэтъ и критикъ стали другъ протѣивъ друга въ позу, намѣреваясь отколотъ тренака.

— Дорогу! дорогу! слышалось вокругъ.

Пользуясь всеобщей сумятицей, мы съ Егоровымъ скрылись.

— Превеселый народъ! замѣтилъ мнѣ внутренній обозратель, когда мы вышли на улицу.

Я молчалъ.

— А вѣдь этотъ Дѣдииковъ громадный талантъ. Андрей Ивановичъ говоритъ, что если бы ему отъ воды отстать, онъ сразу зашибъ бы всѣхъ современныхъ поэтовъ. Онъ, впрочемъ, и въ прозѣ отлично пишетъ. «Иногда, говоритъ, кѣтъ темы, а нависаетъ просить, такъ я возьму нѣсколько повѣстей что ли, рассказовъ, да по нимъ и накачаю. Вонъ, говоритъ, на примѣръ, по «Семейной Хроникѣ» и по другимъ дѣтство свое описалъ.»

Мы разстались.

V.

ЕЩЕ ОБЪ РЕДАКТОРѢ. СМЕРТЬ ЖУРНАЛА.

Какъ ни чудодѣйственна казалась мнѣ редакция «Глаза», но дѣла мои шли еще чудодѣйственнѣе, потому я, волею-неволею, принужденъ былъ по временамъ писать кое-что, чтобы получать хоть какія нибудь деньжонки. Приемные дни я посѣщалъ довольно рѣдко, но у Сапогова бывалъ иногда.

Пришло дѣто. Дѣла Сапогова шли очень плохо, потому что подписка была крайне плоха, а перехватить деньжонокъ гдѣ нибудь на сторонѣ не удавалось. Онъ сталъ задерживать да-

же тѣ крошечныя суммы, какія приходилось получать намъ, «сотрудникамъ», за работу. (Сотрудникомъ Сапоговъ называлъ каждого, кто хоть строчку напечаталъ въ его журнальцѣ.) Нерѣдко редакторъ скрывался даже отъ насъ и приказывалъ слугѣ говорить, что онъ или уѣхалъ куда нибудь, или смертельно болѣнъ, и потому не принимаетъ.

Разъ, помню, задержалъ онъ у меня гонорарій больше мѣсяца по выходѣ того нумера, въ которомъ была помѣщена статья. Долго, бесполезно ходилъ я къ нему, наконецъ — надоѣло ждать, потому что нужда въ деньгахъ была крайняя. Я пришолъ именно въ тотъ день, когда Сапоговъ долженъ былъ ѣхать въ типографію. Постучалъ. Вышелъ слуга.

— Что: дома?

— Спитъ.

— А когда встанетъ?

— Не знаю. Болѣнъ ужъ очень, всю ночь ворочался.

— Подождать нельзя?

— Никого пускать не велѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ я подожду здѣсь.

Я взобрался на лѣстницу, приставленную къ сѣновалу, и принялся ждать, рѣшившись, во что бы то ни стало, добиться своей цѣли.

Слуга долго посматривалъ на меня въ окошко, наконецъ, видя, что я непреклоненъ, отворилъ дверь.

— Трубочку не угодно-ли?

— Давайте.

Слуга скрылся и черезъ нѣсколько времени опять появился съ трубкой.

— Что, скоро встанетъ?

— Да вѣдь Богъ его знаетъ.

— Вы скажите ему, что я дожидаюсь.

— Скажу-съ. Газету не угодно-ли?

— Дайте какую нибудь.

— Да у насъ только одна и есть — «Полицейскія», потому за другими разными тутъ къ барину хожу... Есициановъ что-ли зовутъ.

— Давайте что нибудь.

Началъ я покуривать трубку да почтывать «Полицейскія

Вѣдомости». Около часа просидѣлъ на лѣстницѣ, вычитывая разныхъ гувернантокъ, сани, дрожки, мыла, воззвѣвъ къ благотворительности, мертвыя тѣла, неизвѣстно кому принадлежащія, вызовы приставовъ за полученіемъ старыхъ сапогъ, и изорванной шапки съ ушами, объявленія о неизвѣстно кѣмъ произведенной покражѣ тысячъ въ пять, и проч. и проч. Наконецъ слуга опять показался на крыльцѣ и пригласилъ меня къ барину.

— Вотъ вы все говорите: за чѣмъ не пускаю, — смотрите-ка, какъ разорался, когда узналъ, что на дворѣ даже дожидаетесь: спровадилъ бы, говорить, какъ нибудь.

— Я вошелъ въ залъ.

— Пожалуйте сюда, голубчикъ, приглашалъ меня слабымъ голосомъ Сапоговъ изъ слѣдующей комнаты.

Пробрался дальше.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Извините, все не собрался расплатиться съ вами — все болѣнь.

— Да, я ужъ разъ пять-шесть былъ у васъ.

— Вотъ, вотъ все денегъ жду. Тутъ разные коммиссіонеры взяли цѣлыя тысячи нумеровъ, на нижегородскую повезли, туда, сюда — а денегъ, каналы, не платятъ.

— Нельзя-ли мнѣ-то получить, Андрей Ивановичъ?

— Вамъ непременно, непременно отдамъ.

Онъ кликнулъ слугу и послалъ его куда-то.

Двѣ-три минуты мы толковали о какихъ-то пустякахъ.

Вдругъ послышался ожесточенный стукъ въ наружную дверь.

Сапоговъ поблѣднѣлъ.

— Голубчикъ! обратился онъ ко мнѣ. Пожалуйста выйдите въ прихожую и посмотрите, кто тамъ?

Я посмотрѣлъ. У двери стоялъ какой-то господинъ, повидному мастеровой.

— Мастеровой должно быть какой нибудь.

Сапоговъ еще больше поблѣднѣлъ.

— Ну, пусть его стучитъ, рѣшительно изрекъ редакторъ.

Долго колотила чуйка въ дверь, наконецъ утомилась.

— Подите, голубчикъ, посмотрите.

— Ушолъ, донесъ я, возвратившись.

— Ужасно подлый народъ: знаютъ, что при смерти бо-
лѣтъ — нѣтъ лѣзутъ таки! Однако нужно собираться въ ти-
нографію.

— Вамъ работа хорошая есть, обратился ко мнѣ Сапо-
говъ, расчесывая волоса. Дѣло, видите ли, вотъ какого рода:
поѣзжайте вы съ нашимъ поэтомъ Дѣдиковымъ къ Троицъ-
Сергію и опишите тамъ праздникъ, который будетъ на дняхъ.
Вы можете съ нимъ раздѣлить работу такъ, что онъ, напри-
мѣръ, будетъ писать первую половину, а вы вторую. А ма-
териалу, батинька мой, тамъ тьма: все картины, все картины—
жанръ прелестнѣйшій. Я бы, видите, его одного послалъ,
да боюсь сопьется, а вы-то будете удерживать.

— Это какъ-то трудно, замѣтилъ я.

— Вы знаете Андрея Ивановича Сапогова? торжественно
вопросилъ меня редакторъ.

Я недоумѣвалъ.

— Если Андрей Ивановичъ что совѣтуетъ вамъ, то, увѣ-
рю васъ, онъ всегда совѣтуетъ то, что вы въ силахъ ис-
полнить. Я не говорю вамъ: полѣзайте на небо, а предлагаю
самую обыкновенную вещь, которая кромѣ того принесетъ
вамъ значительный гонорарій.

— Но у меня денегъ нѣтъ.

— Да вотъ сейчасъ получите отъ меня.

— Эти мнѣ нужны.

— Ну, какъ угодно. Сами упускаете капиталъ изъ рукъ.

Скоро слуга воротился и я имѣлъ удовольствіе получить
деньги. Нѣсколько времени я не посѣщалъ Сапогова, потому
что нашелъ себѣ занятіе другаго рода.

Въ одинъ прекрасный день встрѣчаю на улицѣ Егорова.

— Слышали? спросилъ онъ меня.

— Что?

— «Глазъ» погибъ; Андрей Ивановичъ неизвѣстно куда
скрылся.

— Давно ли?

— Недѣли три тому назадъ.

— Ну, вы-то что же?

- Я въ другой редакціи работу нашелъ.
— Гдѣ это?
— Тутъ другой журналъ есть. Всѣ лучшіе сотрудники «Глаза» перешли вмѣстѣ со мной: и Дѣдиковъ, и Стрижовъ, и еще тѣ двое.
— А сыщикъ?
— И онъ тоже ходитъ. Богатѣйшіе матеріалы приносятъ! Примыкайте-ка и вы къ намъ.
— Я вѣдь не пишу больше.
— Жалко, жалко; а то бы по прежнему заглян: — повеселились бы, уже на ходу добавилъ Егоровъ.
-

Нужно ли прибавлять, что этииъ «Записки умершаго литератора» и оканчиваются?

М. Морозовъ.

ТЪМА.

(изъ Байрона).

I had a dream, which was no tall a dream...

Я видѣлъ сонъ; то былъ не полный сонъ...
Померкло сїянье солнца; звѣзды,
По вѣчному пространству въ темнотѣ,
Погасшія и оцущью блуждали;
И въ воздухъ безлунномъ вся земля
Холодная и черная висѣла;
Заря пришла, но дня не принесла,
И ужасомъ охваченные люди
Забыли все волненія страстей,
И все сердца наполнились одною
Молитвою—о свѣтъ для земли.
Дворцы царей, и троны, и избушки,
И все мѣста, гдѣ человекъ живетъ,

Все дѣлалось огня добычей; люди
 Жгли города и вокруг своихъ домовъ
 Пылающихъ собирались, чтобъ другъ другу
 Еще хоть разъ успѣть взглянуть въ лицо;
 И счастливы были, кто жилъ вблизи волкана
 И факеловъ сверкающихъ его.
 Последняя и робкая надежда
 У всѣхъ людей осталася: они
 Зажгли лѣса, но гордые деревья
 И рушились, и тлѣли съ быстротой,
 И съ трескомъ вдругъ стволы ихъ исчезали,
 И снова тѣма царяла на землѣ.
 Былъ мраченъ видъ людей при этомъ свѣтѣ
 Отчаянья, когда по временамъ,
 Какъ молнія, ихъ озаряло пламя.
 Одни изъ нихъ лежали на землѣ
 И плакали, закрывъ лицо руками;
 А у другихъ мелькала на губахъ
 Какая-то безстрастная улыбка,
 И съ ней они сдѣлали, прислонясь
 Щекой къ рукѣ; тутъ многіе поспѣшно
 Горючія собирали вещества
 И ихъ въ костры бросали, и смотрѣли
 Съ безумною тоской на темный сводъ—
 Исчезнувшей вселенной мрачный саванъ,
 И снова вдругъ съ проклятьями они
 Кидались ницъ и, вою, скрежетаали.
 Испуганная стаи хищныхъ птицъ
 Безсильными крылами били землю;
 И дикій звѣрь смирялся и робѣлъ;
 И ползали шипящія ехидны
 Среди толпы, не жаля никого,
 И пищу онѣ служили людямъ;
 И вновь зажглась кровавая война,
 Умолкшая лишь на одно мгновенье;
 За каждую, малѣйшую кроху
 Вновь начали платить все люди кровью;
 И порознь все садилсся, и пасть
 Со злобою суровой наполняли.
 Любовь прошла безслѣдно; вся земля
 Одну лишь мысль собой осуществляла,
 Одну лишь мысль, и это было—смерть,
 Безславная и близкая! Терзали

Голодные страданія людей,
 И падали они и умирали,
 И кости ихъ, и мясо безъ гробовъ
 Валялися; изсохшій становился
 Добычею изсохшаго; собаки
 Своихъ господъ кусали; лишь одна,
 Какъ вѣрный другъ, у трупа господина
 Легла, и птицъ, животныхъ и людей
 Въ почтительномъ держала разстояннѣ,
 Пока отъ мукъ голодныхъ все они
 Не высохли, иль жадно къ новымъ трупамъ
 Направились; она жъ не отошла,
 И жалобно стонала, и лизала
 Съ отчаяньемъ глубокимъ руку ту,
 Которая ей не могла отвѣтить
 Приветливо,—и скоро умерла.
 А голодъ все въ толпѣ распространялся;
 Отъ города большаго одного
 Въ живыхъ еще осталось только двое,
 И были то враги; сошлись они
 У тлѣющихъ остатковъ алтаря,
 Гдѣ множество вещей священныхъ было
 Набросано; и кипулись они,
 И начали костлявыми руками,
 Дрожа, скорѣй, тотъ пепель разрывать,
 И вызвало ихъ слабое дыханье
 Изъ подъ золы пычотожный огонекъ;
 Тогда они взглянули другъ на друга,
 И вскрикнули, и умерли. Въ нихъ жизнь
 Взаимное убило отвращенье,
 И умерли они, не зная, кто
 Былъ тотъ, на чьемъ челѣ ужасный голодъ
 Напечатлѣлъ одно лишь слово: «врагъ»
 Миръ опустѣлъ. Всесильный, многолюдный
 Въ былые дни, теперь онъ грудой сталъ,
 Лишенною временемъ различныхъ года,
 Деревьевъ, травъ, и жизни, и людей.
 Онъ грудой сталъ холодной смерти, въ хаосъ
 Окаменѣлой грязи перешель.
 Застыло все,—моря, озера, рѣки
 И океанъ; на ихъ безмолвномъ днѣ
 Движенья нѣтъ; суда гниютъ на морѣ,
 И мачты ихъ валятся по кускамъ
 И падаютъ въ безмолвныя пучины.

Въ гробахъ лежать морскія волны; мѣсяць—
Ихъ господинъ, скончался прежде ихъ.
Завянули въ гниломъ пространствѣ вѣтры,
И облака пропали; бесполезны
Онѣ для тьмы;—а ея былъ весь мiръ.

И. Шейбергъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

УЧЕНАЯ ОДНОСТОРОННОСТЬ.

(Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева.
т. XIII. 1863.)

Въ концѣ своей «Исторіи Цивилизаціи въ Англіи» Бёкля помѣстилъ списокъ сочиненій, которыми онъ пользовался. Списокъ этотъ можетъ служить превосходнымъ указателемъ для составленія весьма полной бібліотеки. Какихъ сочиненій не приведено Бёклемъ! — всевозможныя біографіи, исторіи, историческія монографіи, статистики, географіи, геологіи, мемуары, анатоміи, путешествія, философіи, патологіи, физиологіи, френологіи, мифологіи, зоологіи, метеорологіи. Тутъ и Вольтеръ, и Руссо, и Либихъ, и Кювье, и Адамъ Смитъ, и Гельвскій, и Бишопъ. Однимъ словомъ, всевозможные представители всѣхъ знаній, всѣхъ общественныхъ вопросовъ, всего, что интересовало человѣчество до сихъ поръ. Списокъ источниковъ, приводимыхъ г. Соловьевымъ въ XIII томѣ, да и въ прежнихъ, нѣсколько скромнѣе. Дворцовые разряды, приказныя дѣла, акты историческіе, юридическіе, архивныя дѣла разныхъ министерствъ, полное собраніе законовъ — вотъ его источники. Изъ авторовъ — Кошкинъ, Посошковъ, Оларій.

Но вѣдь Бёкля и не было никакой необходимости рыться въ архивной пыли; всѣ архивныя документы и источники англичанами уже собраны и разобраны; у нихъ въ дѣлѣ исторіи можетъ быть только чистая работа, т. е. иная группировка фактовъ и иное ихъ объясненіе сравнительно съ прежнимъ. Совсѣмъ другой трудъ русскаго

историка. Наши правительственные архивы только съ недавняго времени сдѣлались доступны ученымъ историкамъ, да и то не всѣ и не для всѣхъ; историческіе матеріалы у насъ только еще собираются и разрабатываются; многого еще не найдено, а многого и не знаютъ, гдѣ искать. Наша работа идетъ вчернѣ, мы собиратели и сортировщики матеріаловъ — такое справедливое возраженіе можетъ сдѣлать ииѣ патриотическій читатель. Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же сборники матеріаловъ называть исторіями?

Это замѣчаніе мы вовсе не относимъ къ исторіи Россіи г. Соловьева. Его исторія—дѣйствительная исторія. У него есть методъ и даже вполне выработанное воззрѣніе на сущность историческихъ событій и отношеній, такъ что всѣ новые факты очень удобно группируются у него въ мѣстахъ, отведенныхъ имъ заранѣе. По односторонности предвзятой идеи, г. Соловьева можно отнести къ школѣ доктринеровъ, хотя во всемъ остальномъ г. Соловьевъ не имѣетъ никакого сходства ни съ Ройе-Колларомъ, ни съ Гизо, ни съ Барантомъ; а по методу — къ исторической школѣ, къ которой принадлежатъ также Шлоссеръ и Гервинусъ, и съ которыми г. Соловьевъ не имѣетъ никакого сходства.

Причину такого одинокаго положенія русскаго ученаго, задумавшаго написать громадную исторію громаднаго государства, нужно искать въ тѣхъ личныхъ особенностяхъ, которыя не дозволяли ему сдѣлаться ни Бѣклемъ, ни Шлоссеромъ, ни Гервинусомъ. Этихъ объясняется совершенно удовлетворительно, почему въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» не понадобилось цитировать ни одного изъ тѣхъ писателей, на которыхъ ссылается Бѣкль и оказалось возможнымъ ограничиться исключительно разными алтами и архивными дѣлами; и вмѣстѣ съ тѣмъ, почему, принадлежа къ одной школѣ съ Шлоссеромъ и Гервинусомъ, г. Соловьевъ не могъ подняться на одну съ ними высоту, какъ историческій писатель.

Г. Соловьевъ сформировался какъ ученый, и задумалъ писать «Исторію Россіи» въ то счастливое время, когда не только Москва и славянофилы, но и Петербургъ, и всѣ вообще русскіе были глубоко убѣждены въ превосходствѣ всего русскаго и благоговѣли предъ громадностью и военнымъ могуществомъ своей земли. Патриотизмъ этотъ принималъ тогда особенныя формы. Привожу одинъ образецъ его изъ «литературныхъ воспоминаній» Панаева. Однажды Загоскинъ пригласилъ Панаева къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ онъ очень усердно

угадалъ своего гостя вникъ. «Каково вино-то? приговаривалъ онъ: «букетъ-то какой!» Вино показалось Панаеву, дѣйствительно, недурнымъ, и онъ похвалилъ его. «Ну, а какое это вино?» спросилъ Загоскинъ.—«Не знаю, отвѣчалъ Панаевъ—лафитъ кажется?» «Ахъ, вы европейцы!» вскрикнулъ Загоскинъ—«лафитъ! лафитъ!.. Нѣтъ, милый, я съ Дёпре съ вашими не имѣю знакомства... Это вино чисто-крымское, изъ винограда, соврѣвшаго на русской почвѣ... Чѣмъ оно хуже вашего лафита?.. Да и Дёпре-то вишь вѣдь надуваетъ, я думаю, васъ: онъ продастъ вишь въ три-дорога то же крымское, выдавая вамъ его за какой нибудь шато-ла-розъ, а вы смакуете, да восхищаетесь... Пора намъ страхнуть съ себя иностранную дурь!» На другой разъ Загоскинъ повезъ Панаева на Воробьевы горы, чтобы показать ему «Москву во всей красотѣ.» Приѣхали. «Дѣйствительно, картина была великолѣпная», говоритъ Панаевъ.—«Ну, что... что скажете, милый — спросилъ Загоскинъ взволнованнымъ голосомъ: — какова наша Бѣлокаменная-то съ золотыми маковками? Вѣдь нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такого вида. Шевыревъ говорить, что Римъ походитъ немного на Москву, — можетъ быть, но это все не то!.. Смотри, смотри!.. Ну, Бога ради, какъ же настоящему-то русскому человѣку не любить Москвы?.. Иванъ-то Великій какъ высится... Господи!.. Вонъ вправо-то Симоновъ монастырь; вонъ глава Донскаго монастыря влѣво...» Загоскинъ снялъ очки, вытеръ слезы, наворачнушіяся у него на глазахъ, схватилъ Панаева за руку и сказалъ: — «Ну, что, бьется ли твое русское сердце при этой картинѣ?» Панаевъ былъ взволнованъ.—«Благодарю васъ, сказалъ онъ Загоскину: я никогда не забуду этого вечера.» Загоскинъ обнялъ его и поцѣлывалъ: — «ты настоящій русский, ты нашъ,—только ты, пожалуйста, не увлекайся этими завиральными идеями, которыя начинаютъ быть въ ходу. Бѣлинскій вишь—малый умный, да сердца у него нѣтъ, русскаго-то сердца...»

Мы нарочно привели въ такой подробности этотъ случайно попавшійся намъ отрывокъ, чтобы показать, какого размѣра и характера былъ патріотическій энтузіазмъ у неглупыхъ людей того времени. Не всѣ, разумѣется, увлекались въ такой степени, какъ Загоскинъ, Аксаковы; не всѣ были такіе горячіе славянофилы; но тѣмъ не менѣе славянофильство жило во всѣхъ, въ каждомъ билась славянская жилка, и всякій русскій при извѣстныхъ условіяхъ могъ быть доведенъ безъ труда до подобнаго же энтузіазма. Завиральныя идеи,

жившія въ головѣ Бѣлинскаго и его кружка, и еще въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ, составляли исключеніе, но вѣдь за то же онѣ и были завиральныя...

Г. Соловьевъ не избѣгнулъ тоже вліянія окружающей его среды, да и какъ было его избѣгнуть. Не для всѣхъ это было возможно. Но у г. Соловьева было довольно силы, чтобы не попасть въ самый водоворотъ славянофильства, благодаря, разумѣется, вліянію той науки, которой онъ посвятилъ себя. Г. Соловьевъ выработалъ въ себѣ многія качества, необходимыя для того, чтобы быть хорошимъ историкомъ. Онъ отличается огромнымъ трудолюбіемъ, большой начитанностью сочиненій, специально относящихся до его предмета, онъ не лишенъ безпристрастія и способности опредѣлять степень достоверности историческихъ источниковъ, и при всемъ томъ онъ не избѣгнулъ извѣстной доли славянофильства. Его поразила громадность русскаго материка, громадность средствъ Россіи и величіе ея исторической задачи въ предполагаемомъ будущемъ вліяніи на судьбы міра. Правда, подобнымъ же энтузіазмомъ погрѣшаютъ и лучшіе историки Германіи—Шлоссеръ, Нейманъ, Гервинусъ, но въ нихъ это чувство имѣетъ иную основу и другое направленіе, чѣмъ въ нашихъ славянофилахъ и ихъ послѣдователяхъ, особенно прежняго времени.

Взглядъ историка, сформировавшійся подъ вліяніемъ впечатлѣнія громадности и военного могущества Россіи, опредѣлялъ, разумѣется, и весь характеръ его ученой дѣятельности. Отвѣтъ на вопросъ, почему Россія такъ велика и сильна, являлся, повидному, безъ всякихъ затрудненій. Поверхностнаго чтенія лѣтописей и другихъ источниковъ было достаточно, чтобы понять, какъ усиленіе Москвы способствовало росту государства. Слѣдовательно для болѣе подробнаго указанія условій и обстоятельствъ роста оставалось только разобрать акты, лѣтописи, архивы, и исторія готова. И вотъ, предпринимается громадная черная работа чтенія архивныхъ дѣлъ и всевозможныхъ историческихъ источниковъ, упоминающихъ о какихъ бы то ни было историческихъ фактахъ; составляются миллионы выѣтокъ, выписокъ на отдѣльныхъ лоскуткахъ и на цѣльныхъ листахъ, все это сортируется, связывается,—и составляется наконецъ исторія.

Чтеніе дѣлъ и актовъ удовлетворяетъ, повидному, вполне, ибо представляетъ полную возможность слѣдить за развитіемъ всякаго историческаго событія, начиная съ его зарожденія и доводя его до

последняго конца. Историкъ въ этомъ видитъ даже огромную заслугу. Онъ полагаетъ, что исполнить свою задачу вполне, если угадать, какъ развивались и какъ вытекали одні событія изъ другихъ. Ничего, что во всѣхъ этихъ событіяхъ повторяется одно и то же, что сначала Ивана побилъ Петръ, потомъ Петра Иванъ, потомъ Ивана опять Петръ и т. д. Историкъ всякій разъ разыщетъ, за что и почему подрались Иванъ и Петръ, и объяснить это подробно читателю. Но архивныя дѣла молчатъ о многомъ; изъ нихъ можно понять только внѣшнюю сторону событій и механическій ходъ ихъ; поэтому-то большая часть исторій только и говоритъ, что о внѣшнихъ событіяхъ. Но какъ же въ такомъ случаѣ разрѣшаетъ историкъ вопросы, на которые нѣтъ отвѣтовъ въ архивахъ? Очень просто: онъ ихъ или совсѣмъ не разрѣшаетъ, или разрѣшаетъ невѣрно.

Историкъ, полагавшій, что для него совершенно не нужно ни послѣднихъ философскихъ ученій, ни выводовъ экономистовъ и социалистовъ, ни естественныхъ наукъ и всей той массы знаній, какую выработала западная Европа въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ и тѣмъ пользовался Бекъ при составленіи своей исторіи; историкъ, полагавшій, что для него совершенно достаточно углубиться въ архивныя дѣла и разные историческіе и юридическіе акты, и добросовѣстнымъ подборомъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ ограничившій свою дѣятельность — такой историкъ не отличается ничѣмъ отъ чиновника, составляющаго докладъ или выписку изъ дѣла. Единственная разница между ними въ объемѣ, а отнюдь не въ качествѣ труда. Мы не думаемъ утверждать, чтобы г. Соловьевъ подобно чиновнику, имѣлъ намѣреніе составить докладъ по исторіи Россіи; но точно также не находимъ въ его трудѣ, особенно въ первыхъ десяти томахъ, такихъ указаній, по которымъ бы можно заключить, то онъ владѣетъ тѣми знаніями, какія необходимы историкъ для широкаго, всесторонняго взгляда на судьбу описываемаго имъ народа. Хотя г. Соловьевъ и назвалъ свое сочиненіе «Исторіей Россіи», но оно въ дѣйствительности есть исторія російскаго государства. Обстоятельство это случилось исключительно отъ того, что историкъ или не желалъ воспользоваться послѣдними успѣхами знаній, считая достаточнымъ для своего труда себя того, чему онъ учился въ первой молодости, или не былъ въ состояніи усвоить тѣ понятія, которыя помогли Бекъ составить себѣ такую громкую извѣстность.

А между тѣмъ, съ первыхъ страницъ исторіи олазывалась уже не-

обходимость объяснять многія стороны народной и государственной жизни по источникамъ иного свойства, чѣмъ архивныя дѣла. Г. Соловьевъ знаетъ это очень хорошо, точно такъ же, какъ и то, что большую часть объясненій нужно искать въ отношеніи человѣка къ окружающей его природѣ. Но что такое природа и какъ найти и опредѣлить вѣрно это отношеніе? Въ первыхъ томахъ г. Соловьевъ не придавалъ этому вопросу того широкаго значенія, какое онъ далъ ему въ тринадцатомъ, хотя, правда, и здѣсь широта тоже не особенная. Объ этомъ приходится жалѣть тѣмъ болѣе, что историкъ представлялся превосходный случай взглянуть критически на все прошлое Россіи. Царствованіемъ Алексѣя Михайловича замыкалась древняя Русь; послѣ него, по словамъ г. Соловьева, начинается эпоха преобразования. Почему же понадобилась это эпоха? За чѣмъ преобразования? Развѣ было что нибудь худое прежде? А если было, то въ чемъ именно и откуда могло явиться худое? Ясно, что для полнаго пониманія и разъясненія читателю необходимости петровскихъ реформъ и ихъ характера слѣдовало углубиться въ самыя причины зла, создавшаго причины реформы. Историкъ слѣдовало произвести самое тщательное судебное слѣдствіе надъ прошедшей жизнью Россіи во всѣхъ ея мелочахъ и подробностяхъ, и показать, какимъ образомъ и отъ какихъ причинъ добродушные славяне, пользовавшіеся въ древности такой хорошей репутаціей за свою кротость, доброту и честность, отличавшіеся умѣренной жизнью, дошли наконецъ до такого безобразія, что отецъ пересталъ вѣрить сыну, а сынъ отцу; что явились кляуза, доносъ и клевета; что пьянство и вяточничество развратили всѣ сословія — мужчинъ и женщинъ; что дружинники, нѣкогда пировавшіе съ Владиміромъ за однимъ столомъ, превратились въ униженнѣйшихъ холоповъ, наушниковъ и утратили всякое чувство собственнаго достоинства; что насміе ограничилось въ систему, и каждый сильный притѣснялъ слабого; что правды не существовало, и искать ея было негдѣ; что народъ страдалъ отъ нищеты: не было ни торговли, ни промышленности, ни ремесль, ни искусство; образованія не существовало ни между высшими, ни между низшими. Читатель вправѣ ожидать и требовать отъ историка отвѣта на эти вопросы, и историкъ было удобно удовлетворить справедливое любопытство читателя. Историкъ могъ безбоязненно углубиться въ самыя причины, вызвавшія ломку стараго зданія, и объяснить ихъ вполне.

Г. Соловьевъ и не отказывается удовлетворить любопытству читателя; первая глава XIII тома, глава въ 225 страницъ, даже и озаглавлена: «Россія передъ эпохою преобразаванія». Ель ней-то мы теперь и обращаемся, и читатель увидитъ самъ, на сколько громкое заглавіе соотвѣтствуетъ сущности изложенія.

«При первомъ взглядѣ на карту Европы, такъ начинается г. Соловьевъ, насъ поражаетъ различіе между двумя ея неровными половинами, западною и восточною. На западѣ земля развѣтвлена, острова и полуострова, на западѣ горы, на западѣ много отдѣльныхъ народовъ и государствъ; на востокѣ сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этомъ, что двѣ, столько разнящіяся между собою, половины Европы должны были имѣть очень различную исторію. Мы знаемъ, какъ выгодны для быстроты развитія общественной жизни сосѣдство моря, длинная береговая линія, умѣренная величина рѣзко ограниченной государственной области, удобство естественныхъ внутреннихъ сообщеній, разнообразіе формъ, отсутствіе громадныхъ подавляющихъ разиѣровъ во всемъ, благоустраивающее воздухъ, безъ африканскаго зноя и азіятскаго мороза: эти выгоды отличаютъ Европу передъ другими частями свѣта; на эти выгоды указываютъ, какъ на причину блестящаго развитія европейскихъ народовъ, ихъ господства надъ народами другихъ частей свѣта. Но, указывая на эти выгоды, должно разумѣть только западную Европу, ибо восточная ихъ не имѣетъ; природа для западной Европы, для ея народовъ была мать; для восточной, для народовъ, которымъ суждено было здѣсь дѣйствовать, — мачиха». Все это г. Соловьевъ говорить какъ бы не отъ себя: онъ употребляетъ выраженія — мы знаемъ... на эти выгоды указываютъ... очевидно, что онъ повторяетъ чужія мысли, и по нѣкоторымъ фразамъ мы подозрѣваемъ тутъ даже влияніе Бѣляя. Но дѣло не во влияніи, а въ томъ, что чужія мысли въ настоящемъ случаѣ нейдутъ рѣшительно къ дѣлу. Г. Соловьевъ думаетъ, что разная природа создала и разницу въ историческихъ судьбахъ Россіи и западной Европы. Но гдѣ же эта великая разниаца? Мы не отвергаемъ, что климатъ западной Европы много мягче нашего; но во-первыхъ, не слѣдуетъ думать, что нынѣшній европейскій климатъ былъ такимъ же и въ древности. Пруссія была нѣвегда покрыта лѣсомъ не хуже нашего восточнаго края; сырость болотъ, дожди, морозы не во время — вотъ климатъ прежней Пруссіи. Только культура страны создала климатическія измѣненія,

дѣлающія мнѣшнюю Пруссію страной благораспоряденной. Ясно, что не климатъ дѣйствовалъ на человѣка, а человѣкъ на климатъ. Въ древности разница въ климатъ, напримѣръ, Россіи и Пруссіи была меньше, чѣмъ теперь. Это объясняется просто одной культурой. Пруссаки осушили свои болота, укрѣпили свои летучіе пески, расчистили заглохшіе лѣса, обработали землю, насадили фруктовыя деревья; мы же въ это время только расчищали свои лѣса мѣстами, и небрежнымъ обращеніемъ съ лѣсами и ручьями создали болота въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не было. Во многихъ мѣстностяхъ мы не улучшили, а ухудшили почву, и по мѣрѣ того, какъ Германія въ своей культурѣ шла впередъ, мы во многихъ случаяхъ шли назадъ, и изъ прежней лѣсной почвы создали пустыри, пожарища и болота. Разумѣется, климатъ Греціи, Италіи, Испаніи гораздо благораспоряденнѣе климата петербургской или новгородской губерній, но только что же изъ этого? Мы не думаемъ, чтобы разница была такъ велика, чтобы русскій, по причинѣ лѣтняго жара и зимняго холода, находился въ обстоятельствахъ, много болѣе неблагоприятныхъ для своей экономической дѣятельности, чѣмъ грекъ, испанецъ, или итальянецъ. Г. Соловьевъ говоритъ объ африканскомъ зноѣ и сибирскомъ морозѣ, но не объясняетъ, относится ли этотъ зной и морозъ къ западной Европѣ или къ Россіи. Сколько намъ известны климатическія условія Европы, мы не знаемъ въ ней нигдѣ такихъ крайностей холода и тепла; а если въ юго-восточныхъ степныхъ мѣстностяхъ нашего отечества климатъ и отличается рѣзкимъ континентальнымъ характеромъ, то мы и тутъ не видимъ причины его неблагоприятнаго вліянія на нашу исторію, а скорѣе даже находимъ противное — эти степныя мѣстности составляютъ житницу Россіи; своимъ хлѣбомъ, саломъ, мясомъ, шкурами они давали, напротивъ, возможность сближенія съ западомъ и поддерживали главнѣйше заграничную торговлю черноморскихъ и петербургскаго портовъ. Г. Соловьевъ говоритъ о подавляющихъ размѣрахъ во всемъ; какіе же это подавляющіе размѣры, и въ чемъ? Въ индѣйской, а мѣстами и въ американской природѣ есть точно многое подавляющее. Тамъ есть лѣса, гдѣ деревья втрое выше нашихъ самыхъ высокихъ сосенъ; тамъ есть лѣса, гдѣ деревья вшестъ разъ толще нашихъ самыхъ толстыхъ дубовъ; тамъ есть горы втрое выше самыхъ высокихъ Альпъ; тамъ есть рѣки, похожія на наши морскіе проливы; тамъ живутъ львы, носороги, бегемоты, слоны; тамъ есть человѣкообразныя

обезьяны; такъ бабочки и жуки бываютъ иногда величиной съ нашихъ воробьевъ. Но что же подобнаго представляеть Европа и въ чемъ видно подавляющее вліяніе ея природы, чтобы имъ обусловливалась въ такой степени разница въ исторической судьбѣ запада и востока? Близнать западной Европы, разумѣется, лучше нашего, природа тамошняя богаче, но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы для западной Европы она была бы такой чадолюбивой матерью, а для Россіи такой злой мачихой, какъ это утверждаетъ г. Соловьевъ. Природа страны чрезвычайно важна въ исторической судьбѣ народа, это несомнѣнно; но она можетъ не значить ничего, если другія условія исторической жизни дѣйствуютъ враждебно. Самая щедрая природа не приноситъ иногда народу никакихъ выгодъ, а иногда и при бѣдной природѣ-мачихѣ люди возвышаются до поразительной высоты во всѣхъ сторонахъ своей народной жизни.

Эта природа-мачиха даетъ г. Соловьеву поводъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: «Конечно, для славянина, т. е. преимущественно для русскаго, есть сильное искушеніе предположить, что племя, которое при всѣхъ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ умѣло устоять, окруженное варварствомъ, умѣло сохранить свой европейско-христіанскій образъ, образовать могущественное государство, подчинить Азію Европѣ, что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовныхъ силъ, и естественно рождается вопросъ: племя германское, поставленное въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, сумѣло ли бы сдѣлать тоже самое?» Возможность подобнаго вопроса объясняется двумя причинами: славянофильствомъ и незнакомствомъ съ естественными науками. Правда, г. Соловьевъ прибавляетъ, что «непріятное восхваленіе своей національности, какое позволяютъ себѣ нѣмецкіе писатели, не можетъ увлечь русскихъ послѣдовать ихъ примѣру». Но эта прибавка теряетъ всякое значеніе послѣ того, какъ восхваленіе уже сдѣлано, хотя и въ формѣ вопроса. Почему же г. Соловьевъ думаетъ, что нѣмцы глупѣе и менѣе энергичны, чѣмъ русскіе, и сомнѣвается, чтобы они были въ состояніи вынести все то, что вынесли мы? Германцы и славяне два родственныхъ племени индо-европейскаго происхожденія. Мы ничего не знаемъ о ихъ существованіи въ миоценовомъ или въ палеоценовомъ періодѣ, но мы знаемъ то, что во времена историческія люди того и другаго племени не представляли никакой разницы ни въ строеніи, ни въ емкости черепа; во всей ихъ наружности и въ образѣ жизни сохранились род-

ствонныя черты. Германцы зашли дальше на западъ, славяно—на востокъ. Одни выработали стройнѣе государственныя учрежденія, создали науку и тѣ чудеса промышленности, культуры и цивилизаціи, которыми поражаетъ особенно англо-саксонское племя въ Европѣ и въ Америкѣ; а другіе, по выраженію г. Соловьева, «умѣли сохранить свой европейско-христіанскій образъ». Сравнивать подобныя разнородныя величія совершенно невозможно, точно такъ же, какъ и вычислять потери силъ германцевъ и славянъ,—у первыхъ для достиженія тѣхъ успѣховъ цивилизаціи, при которыхъ они встали въ главѣ міроваго прогресса; у вторыхъ—въ борьбѣ съ разными разрушительными вліяніями, при чемъ имъ удалось только сохранить свой «европейско-христіанскій образъ». Такъ какъ оба племени одного происхожденія и совершенно одинаковыхъ наружныхъ формъ, то и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы каждое изъ этихъ племенъ не могло бы сдѣлать того, что сдѣлало другое. Англо-саксы, поселившись въ мѣстахъ крайняго европейскаго востока, разумѣется, не пришли бы къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя они создали въ Англіи, а тоже только сохранили бы свой «европейско-христіанскій образъ». — И для чего понадобился историкъ подобный вопросъ? А между тѣмъ, если бы онъ былъ сдѣланъ не по суетному чувству, а какъ вопросъ научный, то сколько бы историкъ могъ связать своимъ читателямъ поучительнаго! Стояло только сдѣлать, хотя бы небольшую, параллель въ развитіи характера, учреждений и образованія у германцевъ и у славянъ. Это уяснило бы намъ еще больше и эпоху Петра I, и необходимость предпринятыхъ имъ реформъ. Мы узнали бы тогда, почему нѣмцы изжили весь свой вѣкъ, не дѣлая ничего подобнаго петровскому перевороту, а мы не могли обойтись безъ него. Мы узнали бы, какииъ путемъ совершался европейскій прогрессъ, какими внутренними силами и какииъ ихъ проявленіемъ создавалась цивилизація и народное развитіе, и было ли у насъ что нибудь подобнее, или же, напротивъ, мы только сохраняли «свой европейско-христіанскій образъ», а когда пришлось намъ сблизиться съ родственными намъ нѣмцами, съ которыми мы давно уже разстались, то мы увидѣли, что обыкновеннымъ шагомъ догнать ихъ нельзя, а непременно нужно прыгнуть. Въ этой параллели историкъ могъ бы воспользоваться съ большими успѣхомъ вліяніемъ природы, чѣмъ это онъ сдѣлалъ въ началѣ, или на страницѣ 52, гдѣ онъ говоритъ о каменной и деревянной Европѣ. Г. Соловьевъ молчасть,

что, определяя характеристику западной и восточной Европы на томъ, что одна каменная, а другая деревянная, онъ объединить вполне главный характеръ исторической жизни запада и востока. Отсюда тотъ торжественный тонъ, съ которымъ историкъ трактуетъ объ этомъ предметѣ. «Камень, такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ скрыли свои гнѣзда западные мужи, и отсюда владѣли мужиками, камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и приобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все определено, благодаря камню; благодаря камню, поднимаются рукотворныя горы, громадныя, вѣковѣчныя зданія. На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня, все ровно, нѣтъ разнообразія народностей, и потому одно, небывалое по своей величинѣ, государство». Ужь будто бы все это произошло отъ камня? Будто бы феодализмъ явился потому, что въ Германіи есть горы? Будто бы самостоятельность среднего сословія создавалась только тѣмъ, что люди выстроили себѣ каменные дома? И что это за удивительныя горы, обладающія такимъ необычайнымъ качествомъ измѣнять, подобно волшебной силѣ, все міросозерцаніе людей и сообщать имъ характеру стойкость и независимость? Каменными и деревянными жилищами г. Соловьевъ объясняетъ также осѣдлость нѣмцевъ и подвижность русскихъ, такъ легко бросавшихъ свои дома и города. Разумѣется, историкъ не извѣстно, что Германія въ древности была гораздо богаче лѣсами, чѣмъ Россія, что даже и теперь Германія богаче насъ въ этомъ отношеніи, что въ XV и XVI столѣтіяхъ правительства Германіи издавали самыя строгія постановленія о сбереженіи лѣсовъ и заставляли народъ строить каменные дома вмѣсто деревянныхъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи, что каменные твердыни возводили только рыцари. Слѣдовательно усидчивость нѣмцевъ нужно искать не въ ихъ каменныхъ домахъ, которыхъ у нихъ тогда не было, точно такъ же, какъ бродяжничество русскаго населенія не въ его деревянныхъ пестройкахъ, а въ какихъ нибудь другихъ причинахъ. Естественныя условія и богатства страны обнаруживаютъ несомнѣнно большое вліяніе на развитіе характера и на экономическую дѣятельность народа, но странно намъ и деревомъ объяснять то, что зависитъ совершенно отъ иного. «На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня, все ровно, нѣтъ разнообразія народностей, и потому одно, небывалое по своей величинѣ, государство.» Совершенно справедливо, что

государство по величинѣ небывалое, но за тѣмъ все остальное невѣрно. Прежде всего сошлемся на Австрію, гдѣ десятки самыхъ разнообразныхъ народностей — отъ венгерцовъ до итальянцевъ, раздѣленные горами и морями, образовали одно государство, слѣдовательно для этого ровнинность и отсутствие камня не составляютъ, очевидно, непремѣнной необходимости; наконецъ несправедливо и то, чтобы на восточной равнинѣ не было разнообразія народностей; намъ кажется напротивъ, что ни одно государство въ мірѣ не представляетъ такого разнообразія въ этомъ отношеніи, какъ Россія. Вотъ сравненіе съ Австріей. Государство это составляютъ: баварцы, австрійцы, швабы, франконы, верхне-саксонцы, трансильванцы, саксонцы, чехи, поляки, русины, словены, венды, кроаты, сербы, болгары, итальянцы, румыны, волохи, молдоване, греки, албанцы, молдавы, арияне, цыгане, евреи — итого 25 племенъ и ихъ отраслей. Въ Россіи же — великоруссы, малоруссы, бѣлоруссы, поляки, сербы, болгары, литовцы, нѣмцы, валахи, греки, албанцы, евреи, армяне, калмыки, татары, поганцы, киргизы, башкиры, меншеряки, тептяры, ланландцы, финляндцы, корелы, эсты, ливы, черемисы, вотяки, зыряне, вогулы, пермяки, мордва, самоѣды, лопари, чудь, воль, чувашы, латыши, шведы, цыгане, арнауцы, бухарцы, грузины, индійцы, керивалпани, осатаппы, персіяне, трухменцы, французы-колонисты, хивинцы, черкесы—итого 50 племенныхъ различій; если же вѣрять Берггаузу, то ихъ у насъ 111, считая разумѣется, такія подраздѣленія, какъ еврейскость, савакотъ и т. п. Впрочемъ, можетъ быть г. Соловьевъ не считаетъ финское племя, съ его подраздѣленіями и другихъ инородцевъ, жившихъ тогда въ сосѣдствѣ съ русскими, за народности, потому что численный перевѣсъ былъ значительно на сторонѣ великорусскаго племени, и его колонизація на востокъ и сѣверъ не встрѣчала слишкомъ упорнаго противодѣйствія со стороны этихъ племенъ?

Во всякомъ случаѣ нужно согласиться съ тѣмъ, что относительно вліянія природы на развитіе государственной жизни Россіи Г. Соловьевъ обнаруживаетъ довольно оригинальное пониманье. По его мнѣнію, она вліяетъ не на отдѣльнаго человѣка, сообщая ему тѣ или другія личныя качества, вслѣдствіе того или другаго направленія его экономической дѣятельности и устройства домашняго быта, а вселяетъ въ цѣлыя массы особыя политическія убѣжденія и стремленія, такъ что кто поселится въ горахъ, тотъ сейчасъ построитъ собѣ

замокъ и надѣнеть латы, и жители равнины, какъ бы она ни была велика, а поселившеся племя какъ бы ни было мало, непременно разбредутся по ея безконечному пространству. Но за чѣмъ же имъ брести, когда имъ хорошо дома, когда у нихъ есть средства существованія, когда никто ихъ не беспокоитъ, не разоряетъ, не обижаетъ! Что за непонятное стремленіе въ странствованію и бродяжничеству, порождаемое исключительно восточной европейской равниной! Отчего другія равнины не возбуждаютъ въ людяхъ охоты блуждать вѣчно съ мѣста на мѣсто? Возьмите въ примѣръ хоть Америку. Люди, пріѣхавшіе туда, размѣстившись по восточному берегу до Аллеганскихъ горъ и, съѣвъ разъ на мѣсто, не обнаруживали никакого желанія бросать свои дома и перебираться въ огромныя равнины, лежащія между Миссисипи и Аллеганями. Уходили туда или новые европейскіе поселенцы, или тѣ изъ членовъ старыхъ колоній, которые не находили достаточныхъ средствъ для существованія на родинѣ. И уходили они совсѣмъ не потому, что тамъ была равнина; они пошли бы точно также и въ горы, потому что ихъ манила не равнинность, а необходимость найти новые источники для существованія. Даже кочующіе, постушескіе народы, кажется, ужъ достаточно привыкшіе къ бродячей жизни, и тѣ переходятъ съ мѣста на мѣсто не по страсти къ переселенію, а по хозяйственнымъ соображеніямъ. Калмыкъ съ своимъ стадомъ остается на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока его стаду есть чѣмъ кормиться; будь запасы корма нескончаемы—калмыкъ пересталъ бы кочевать. Но славяне, когда ихъ застала исторія, разстались уже съ кочевымъ бытомъ; они земледѣльцы, они строятъ себѣ постоянныя прочныя жилища, а отчего же они вдругъ покидаютъ ихъ—одни идутъ на югъ, въ степи; другіе забираются на сѣверъ и востокъ въ лѣса, строятъ новые поселки, разчищаютъ новыя пашни? Какія условія быта прикрѣпляли американскихъ колонистовъ къ ихъ долинамъ, а русскихъ заставляли брести въ стороны? Нельзя сказать, чтобы г. Соловьевъ оставлялъ этотъ вопросъ совершенно безъ вниманія; у него можно найти отвѣтъ, но всѣ его отвѣты, когда дѣло не касается величины и государственной силы московскаго государства, помѣщаются въ углахъ страницъ, весьма коротко, какъ будто бы авторъ чувствуетъ, что не его дѣло говорить о подобныхъ вещахъ. Главную же его задачу составляетъ прослѣдить до мелочей, какъ росла Россія и почему она такая большая. Задачу эту г. Соловьевъ выполняетъ не дурно.

Разумѣется, и тутъ встрѣчаются иногда объясненія не всегда понятныя; напримѣръ, историкъ повторяетъ свою мысль о старыхъ и новыхъ городахъ. Теорія старыхъ и новыхъ городовъ потребовалась для того, чтобы показать, почему стала расти сила сѣверной Россіи и свершился переходъ отъ стараго удѣльнаго порядка къ новому. «Мы видѣли, говоритъ г. Соловьевъ, что вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, перемѣщеній и усобицъ, власть княжеская являлась чѣмъ-то непостояннымъ, замѣняющимся и во сколько она ослабѣла чрезъ это, во столько выиграло значеніе старшаго города въ волости, который представлялъ власть постоянную. Такимъ образомъ въ землѣ подлѣ власти княжеской являлась другая власть, и чѣмъ чаще въ которой землѣ мѣнялись князья, и чѣмъ съ меньшими силами приходили они какъ искатели волости, стола, тѣмъ болѣе поднималось значеніе другой, постоянной власти города. Но какъ скоро на сѣверѣ князь сдѣлалъ первую попытку установиться, сдѣлаться властью постоянною, то естественно онъ прежде всего долженъ былъ столкнуться съ властію старшаго города. Чтобы одолѣть этихъ враговъ князья оставляли старые города и устранивали свой столъ въ пригородахъ. Такъ Андрей Боголюбскій водворился во Владимірѣ, Ярославъ Всеволодовичъ, оставивъ Новгородъ, утвердился въ Торжкѣ. Низложенъ былъ старый вѣчевой городъ, и на сѣверѣ водворилось однообразіе: все города новые незначительные; великіе князья живутъ въ своихъ опричнинахъ, въ своихъ наследственныхъ городкахъ, то въ Переяславлѣ, то въ Твери, то въ Костромѣ, то въ Москвѣ.» Понятно, что г. Соловьевъ говоритъ здѣсь не о новыхъ и старыхъ постройкахъ т. е. не о домахъ, составлявшихъ города, а о тѣхъ понятіяхъ и стремленіяхъ, какія находились въ жителяхъ этихъ городовъ. Если это такъ, то ловко придуманная теорія не разъясняетъ нисколько сущности вопроса, для разрѣшенія котораго она изобрѣтена. Историкъ говоритъ, что власть княжеская начала слабѣть, или другими словами, стала усиливаться власть народа, и какъ земская сила имѣла своимъ представителемъ городъ, какъ мѣстный центръ, то понятно, что съ усиленіемъ народной силы увеличилась власть города. Но князьямъ это не понравилось; чтобы ослабить земство или его представителя—старый городъ, князья уходили жить въ пригороды и при помощи этихъ младшихъ городовъ одолѣли старшіе. По видимому такъ; а между тѣмъ не то. Земство не усиливалось; о немъ нѣтъ нигдѣ и рѣчи, а усиливалось городское боярство и городскія сословія, имѣвшія своимъ

вѣча. Князьямъ это не нравилось и они подписывали себѣ преданныхъ людей въ другихъ городахъ. Теперь кажется такъ: — и князьямъ хочется власти, и хочется ей городамъ, но не всѣмъ, а только главнымъ, желающимъ разыгрывать роль Новгорода. Но гдѣ же тутъ помощь новыхъ городовъ? тѣмъ болѣе, что г. Соловьевъ говоритъ самъ, что князья живутъ въ своихъ опричнинахъ и въ насльдственныхъ городахъ, слабыхъ по числу населенія? Городаки тутъ ничего не значать, ничего не значить и противождѣйствіе нѣкоторыхъ изъ жителей старыхъ городовъ, ибо сила все-таки на сторонѣ князя и большинство населенія стоитъ за него, а не за бояръ. Сопротивлялся или нѣтъ старые города, живи или не живи въ нихъ князья, исходъ былъ бы одинъ, и борьба съ князьями была невозможна. Почему именно переѣздъ изъ одного мѣста въ другое давалъ такую силу? Сила жила сама по себѣ и гдѣ ни находишь князь, онъ достигъ бы своего — припомните исторію Новгорода и дѣйствіе тамонней московской партіи — князь поддерживался большинствомъ, и отъѣздъ его изъ стараго города не дѣлалъ ровно никакихъ измѣненій въ понятіяхъ жителей его княженія. Очень можетъ быть, что князья оставляли города, гдѣ ихъ встрѣчали часто непріятности и удалялись въ мѣста, гдѣ имъ было спокойнѣе — и только. Для всего этого не нужно никакой теоріи старыхъ и новыхъ городовъ, потому что сила Андрея Боголюбскаго или Всеволода III заключалась не въ какихъ нибудь ничтожныхъ пригородахъ, а въ ихъ военной власти, въ поддержкѣ народа, въ княжескомъ положеніи. Если великій Новгородъ, владѣвшій сравнительно огромными средствами, оказалъ такое ничтожное сопротивленіе Ивану III и выставилъ такое огромное число приверженцевъ московскаго царя, то какое же сопротивленіе могъ обнаружить ничтожный, бѣдный Ростовъ въ борьбѣ съ братьями Андрея? Мы полагаемъ, что историкъ потратилъ совершенно даромъ свои силы на изобрѣтенія теоріи старыхъ и новыхъ городовъ; когда все дѣло объясняется просто безъ всякихъ ухищреній: — сила всездѣ сила, и она сдѣлаетъ свое, будетъ ли князь жить въ Ростовѣ или во Владимірѣ. Въ г. Соловьевѣ замѣтны вообще художественскія стремленія; онъ любитъ торжественный языкъ, внѣшній формализмъ, звучныя слова и сопоставленіе понятій въ видѣ отдѣльныхъ словъ, заключающихъ, по его мнѣнію, глубокой историческій смыслъ, напримеръ — каменная и деревянная Европа, мужи и мужики, лѣсъ и степь (т. е. осѣдлая русь и казачество), старые и новые го-

рода. Какъ глубоко заставляетъ задумываться каждое такое слово, заключающее уже само въ себѣ отвѣтъ на величайшіе историческіе вопросы! Не правда ли читатель?

Впрочемъ двумя страницами дальше, именно на 26 — г. Соловьевъ начинаетъ говорить противъ себя. Въ Россіи все было тогда бѣдно и слабо, «безъ возможности самостоятельной жизни, безъ возможности защиты при встрѣчѣ съ какою бы то ни было силою. Посмотримъ, что иногда происходило въ городѣ, относительно довольно значительномъ? Жители прячутся, затворяются ставни домовъ, запираются лавки: въ городъ въѣхалъ прикащикъ сосѣдняго богатаго землевладельца, окруженный толпою подвластныхъ ему крестьянъ, и похваляется всякою похвалбою на горожанъ.» Если довольно значительный городъ не имѣетъ никакой возможности защититься отъ прикащика съ толпой крестьянъ, то какъ же ему устоять въ борьбѣ съ княземъ, сильнымъ и своимъ самовластіемъ, и дружиной, и денежными средствами!

«Эта слабость, говоритъ дальше г. Соловьевъ, вела къ тому, что всѣ и во всемъ обращались къ Москвѣ, туда посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широта взгляда, сознание своего положенія и отсюда могущественныя побужденія упорно охранять одно и отвергать другое зависятъ отъ сосредоточенія большихъ массъ въ одной мѣстности съ сильною и разнообразною дѣятельностію... Наоборотъ, когда части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особою жизнью, не связаны раздѣленіемъ занятій, когда нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію, когда сообщенія затруднительны, сознания общихъ интересовъ нѣтъ, то раздробленныя такимъ образомъ части приводятся въ связь, стягиваются правительственною централизаціею, которая тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе внутренняя связь; централизація выполняетъ недостатокъ внутренней связи, условливается этимъ недостаткомъ и, разумѣется, благотѣльна и необходима, ибо безъ нея все бы распалось и разбредлось: это хирургическая повязка на больномъ членѣ, страдающемъ потерю внутренней связи, внутренней сплоченности.» Совершенно справедливо. Но какъ же эта хирургическая повязка дѣйствовала? На сколько она помогла развитію общественной жизни, раздѣленію занятій, образованію земскихъ и городскихъ интересовъ, созданію городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію, общей силѣ и богатству? Эта повязка, по смыслу словъ г. Соловьева,

должна была создать все то, отсутствіе чего вызвало ее необходимость, и исчезнуть сама собой, когда разрозненные члены сrustутся. Какъ же она помогла общему росту, выздоровленію и благоденствію частей?

Прежде всего, однако, нужно опредѣлить, о какихъ частяхъ говорить историкъ, потому что игривое сравненіе московской власти съ хирургической повязкой не объясняетъ еще дѣла. Если съ хирургической повязкой сравнивается московское единовластіе, то очевидно, что вопросъ касается не той Руси, въ которой существовали древляне, поляне, ильменскіе славяне, а Руси болѣе къ намъ близкой, когда и древляне, и ильменскіе славяне превратились въ русскихъ и когда въ странѣ былъ уже одинъ государь — московскій. Русскіе этого времени тянули всѣ къ одному центру — Москвѣ; тамъ жилъ великій князь, а потомъ царь; тамъ жилъ митрополитъ, а потомъ патриархъ. Вся Русь была связана единствомъ православія, вся Русь гнушалась латинянь, вся Русь считала поганымъ ѣсть съ этими людьми изъ одной посуды, жениться на латинскихъ женщинахъ, значить по духу Русь составляла уже одно цѣлое, связанное общими всѣми идеями и единствомъ взгляда. Кто не хотѣлъ подчиниться этимъ понятіямъ, тотъ уходилъ на Украину. Слѣдовательно очевидно, что связь частей заключалась не въ томъ, чтобы новгородцамъ, владимірцамъ, рязанцамъ, смоленцамъ и т. д. внушить мысль о принадлежности ихъ къ одному православію съ Москвой и о признаніи надъ собой московскаго князя. Оставалось значить устроить какую-то другую связь. Какую же? Г. Соловьевъ отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ, хотя онъ и затемнилъ свой отвѣтъ во второй его половинѣ. Г. Соловьевъ говоритъ: «когда части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особою жизнью» — но что значить особою жизнью? Части народонаселенія, разбросаны онѣ или нѣтъ, всегда и вездѣ живутъ особою экономической жизнью, каждая деревня, въ какомъ хотиге государствѣ, живетъ въ этомъ отношеніи особою жизнью, потому что о политической особности, когда сложилось московское единовластіе, говорить уже не приходится, и, разумѣется, г. Соловьевъ говорить не о политическомъ единствѣ. Поэтому здѣсь слѣдуетъ видѣть только неточность выраженія историка, которая и разъясняется дальше тѣмъ, что историкъ говорить о частяхъ «несвязанныхъ раздѣленіемъ занятій»; это

значить, что населеніе не развилось на столько экономически, чтобы въ немъ создались двѣ противоположныя дѣятельности — городская, какъ фабричная и промышленная, и сельская, какъ чисто земледѣльческая, производящая сырье; слова «нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію,» очевидно относятся къ предыдущей фразѣ и служатъ къ ея разъясненію. Все это понятно, и кажется ясно, что историкъ говорить о хирургической повязкѣ, какъ имѣющей цѣлью развитіе экономическое благосостояніе, помочь промышленной и фабричной дѣятельности и производству сырья, необходимаго для фабрики, и облегчить все промышленное и торговое движеніе устройствомъ легвихъ сообщеній. Однимъ словомъ, историкъ хочетъ сказать, что повязка была нужна для водворенія матеріальнаго благосостоянія. Посмотримъ на факты.

Богатымъ человѣкомъ въ древней Россіи былъ только одинъ великій князь; въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ его силы — всея землей распоряжался онъ; кому хотѣлъ, тому ее и давалъ; всѣ доходы со всего государства шли въ казну княжескую. «Польскіе магнаты, говорить г. Соловьевъ, рассуждая о выборѣ московскаго царя въ короли, говорили, что этотъ выборъ имъ невыгоденъ, потому что московскій царь богатъ, и потому переведеть всю служащую у нихъ шляхту въ службу къ себѣ.» Это безусловное право на землю дало возможность князю создать особое служилое сословіе раздачей имъ земель, въ вознагражденіе за службу. Но земля давалась не въ собственность, поэтому и могла быть отнята, когда человѣкъ не оказывалъ князю тѣхъ услугъ, коихъ отъ него ожидали. Отношеніе служилыхъ людей къ царю предъ эпохой преобразованія г. Соловьевъ описываетъ подробно. Мы будемъ говорить о самыхъ знатныхъ и самыхъ близкихъ къ государю. Прямое назначеніе ихъ было чисто военное, и они сохранили вполнѣ древній дружинный характеръ, хотя по приказанію царя исполняли вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя гражданскія должности. Вся эта служня, какъ выражается г. Соловьевъ, должна быть постоянно на лицо при государѣ. Съ раняго утра собирается она во дворецъ; старики ѣдутъ въ экипажахъ, молодые верхомъ. Еще далеко отъ крыльца одни выходятъ изъ экипажей, другіе слѣзаютъ съ лошадей и идутъ пѣшкомъ. Менѣе знатные останавливаются на постельномъ крыльцѣ и здѣсь ждутъ, не будетъ ли какого приказанія. Это большею частью молодые люди, дѣти менѣе знатныхъ отцовъ. Между этой молодежью

мы замѣчаемъ прежде всего стольниковъ, служба ихъ — подавать къ царскому столу кушанье при торжественныхъ обѣдахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ назначаютъ посланниками къ иностраннымъ дворамъ, посылаютъ воеводами по городамъ, въ приказы. Всѣхъ стольниковъ будетъ человекъ 500. Вмѣстѣ съ стольниками дожидаются на крыльцѣ стряпчие. Дворяне московскіе дожидаются тоже на крыльцѣ. Только дѣти болѣе знатныхъ людей, и слѣдовательно болѣе приближенныхъ къ царю, могутъ входить въ комнаты. На крыльцѣ же дожидаются и дьяки т: е: главная канцелярская сила, то, что въ наше время изображается всевозможными секретарями.

Бояре, окольпичіе и думные люди на крыльцѣ не останавливаются, а входятъ во дворецъ, въ переднюю. Быть въ «передней» великое отличіе, котораго добиваются люди съ великимъ усердіемъ и выпрашиваютъ его иногда у царя, какъ милость. Но и тутъ есть свои счастливицы — ближніе бояре. Они «улуча время» входятъ въ комнату: мѣсто завѣтное для тѣхъ, кто не смѣетъ переступить за порогъ передней.

Наконецъ выходитъ великій государь, и всѣ кланяются ему въ землю. Принявъ бояръ и переговоривъ съ ними, о чемъ было нужно, царь отправляется къ обѣднѣ и потомъ принимается за дѣла. Если же встрѣчались дѣла болѣе важныя, то государь созывалъ думу. Всѣ призванные садятся по мѣстамъ, и когда усадутся въ порядкѣ, «государь объявляетъ свою мысль, и приказываетъ, чтобы бояре и думные люди, помысливъ, къ тому дѣлу дали способъ.» Тутъ всякій, кто имѣетъ способъ въ головѣ, объявляетъ свою мысль, а иные «брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуется многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе грамотѣ неучены.» Понятно, что способы, являвшіеся въ головахъ думныхъ людей, не отличались ни особенной силой сообразительности, ни знаніями; недостатокъ того и другаго пополнялся недоувѣрчивостью, подозрительностью, и явившимся вслѣдствіе того обычаемъ тянуть безконечно всякое пустое, ничего не стоящее дѣло и придавать ему важность, какъ будто бы рѣчь шла о гибели всей страны. «Московская волокита», составившая себѣ такую громкую извѣстность въ судебныхъ и тяжбныхъ дѣлахъ, примѣнялась и ко всѣмъ остальнымъ. Тянули вездѣ и во всемъ, тянули безконечно, и было сущимъ несчастіемъ для человека завести какое бы то ни было ничтожное

дѣло съ московскими думными людьми и дьяками, или попасть по какому нибудь случаю въ ихъ руки.

Нельзя сказать, чтобы и военные обязанности исполнялись боярами и служилыми людьми съ большимъ успѣхомъ. Когда прежніе дружинники, переставъ перебѣгать отъ одного князя къ другому, столпились около московскаго государя и получили отъ него за службу помѣстья, то вмѣстѣ съ тѣмъ они лишились и своего воинственнаго характера. Прежде въ дружину шель человекъ по личному желанію, значить люди болѣе подвижныя, болѣе рѣшительнаго характера, охотники подраться; съ новымъ же порядкомъ всякій боярскій сынъ, всякій дворянинъ обязанъ былъ нести военную службу. Человекъ облѣнился, обседѣлся дома, завелся семействомъ, не имѣеть никакой охоты быть воиномъ, не умѣеть владѣть оружіемъ, а служить все-таки долженъ, потому что иначе лишится помѣстья, а съ нимъ и средствъ существованія. Какой же воятель могъ выходить изъ подобнаго человека! И вотъ служилые люди стали измышлять всякіе способы, чтобы отдѣлываться какъ нибудь отъ военной службы. Притворялись больными, бѣгали, прятались, задаривали воеводу, чтобы ихъ отпустили домой и т. д. Поэтому полкъ служилыхъ людей XVII вѣка сравнивали совершенно справедливо съ стадомъ. У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, кольями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади не годятся, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣеть, не только что выстрѣлять въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ татаръ и дивятся, ставяъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили—ничего! Нѣтъ поличенія о томъ, чтобы непріятеля убить, одна забота — какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай Боже рану нажать легкую, чтобы немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время боя того и смотреть, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долину, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними, будто также съ бою ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: «Дай богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать.» Если это извѣстіе даже и преувеличено, и у служи-

лыхъ людей было вдвое больше храбрости и военного умѣнья, то даже и въ такомъ случаѣ московское воинство было плохо.

Не всѣ однако окольничіе, думные дворяне и дьяки находили себѣ мѣста въ приказахъ, многіе служилые люди оставались безъ мѣстъ: вотъ они и бьютъ челомъ въ воеводы повормяться. Челобитная исполнена. «Радъ дворяншиъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая и кормъ сытный. Радуетя жена: ей также будутъ приносы, радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дяюшки и тетюшки земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуетя вся дворня — ключники, подгальтные будутъ сыты; прыгають малые ребята — и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ: ему также будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу.» Такимъ картиннымъ образомъ старается г. Соловьевъ изобразить радость воеводы и его семейства. Не радуются только тѣ, къ кому ѣдетъ воевода. Начинается кормленіе и всякіе приносы, къ этому присоединяется исполненіе разныхъ государственныхъ обязанностей. «Нужны ли деньги, и фискальная система всею тяжестью падаетъ на промышленный людъ городской, немногочисленный и небогатый, что, разумѣется, также служатъ сильнымъ препятствіемъ къ обогащенію; народъ раззоряется не будучи богатымъ.» «Бѣгутъ! вопять мірскія челобитныя царю: дворы брошены, пусты, намъ платить нельзя, помираемъ на правѣхъ.» И вотъ начинается охота за бѣгущими. «Гоньба за челоуѣкомъ, за рабочею, промышленною силою въ обширномъ, но бѣдномъ и пустынномъ государствѣ дѣлается существеннымъ занятіемъ правительства; ушелъ — поймать его и прикрѣпить къ мѣсту, чтобы работалъ, промышленялъ и платилъ.» За побѣгъ назначена смертная казнь. Но вѣдь для этого нужно сначала поймать — а гдѣ тутъ ловить въ степи и въ лѣсу! Бѣжать, разумѣется, заманчивѣе, чѣмъ оставаться дома, потому что и сельчанамъ, и городскимъ обитателямъ жить было очень трудно. Вотъ слова г. Соловьева о бытѣ тяглыхъ людей: «на дворѣ изба, да баня съ передбанникомъ, да клѣтъ съ подгальтомъ, да подпогребница; все это нехитрое строеніе стоитъ иногда три рубля. Зимю въ избѣ тепло, но лѣтомъ въ иныхъ городахъ бывало очень холодно. Наступить весна, проглянетъ нѣскольکو теплыхъ дней, по городу и посаду уже ходятъ бирючн и кричатъ: «казано накрѣпко, чтобы избѣ и мылень никто не топилъ; вечеромъ

поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить, подѣлайте печи въ огородахъ и на поляхъ мѣстахъ въ землѣ, подалше отъ хоромъ, отъ вѣтру; печи огородите и лубьями ушитите гораздо.» По воеводскому приказу запечатають избу и баню, надобно жить въ влѣти; завернуть холода, а во многихъ мѣстахъ они закрывали часто, люди трясутся отъ холода, иному и горячимъ согрѣться нельзя, печь въ огородѣ развалилась, а новой сласть нельзя: нѣтъ ни одного камельщика и кирпичника, всѣ выгнаны въ Москву на работы городовыя и царскія. Ни щей сварить, ни хлѣба испечь негдѣ, и отъ той стужи и отъ хлѣбной пужи расходятся люди отъ своихъ домовъ, живутъ по волостямъ и деревнямъ.»

Сказавъ ранѣе, что богатымъ челоѣкомъ древней Руси былъ одинъ только московскій князь, мы забыли представить доказательства. Теперь пополняемъ этотъ пропускъ. На государевомъ казенномъ дворѣ было челоѣкъ 100 портныхъ и скорняковъ; шили они платья и шубы какъ для царя и его семейства, такъ и для подарковъ. Царь дарилъ шубы, сукно, кашки и таѣты не только значнымъ, но дворянамъ, стряпчимъ, жильцамъ, конюхамъ, пѣвчимъ и т. д., съ казеннаго двора отпускалось сукно стрѣльцамъ, донскимъ казакамъ, духовенству. Болѣе 18,000 духовныхъ перебивають въ годъ на казенномъ дворѣ за сукнами. Деньги на все это собиравлись съ посадскихъ, съ таможенъ, откуповъ и съ угодій. На дворцовые расходы поступало въ годъ до 120,000 рублей, и завѣдывалъ ими приказъ большаго дворца. Приказъ этотъ вѣдалъ дворы: сытенный, кормовой, хлѣбный, житный. Изъ погребовъ сытеннаго двора выходило ежедневно по 100 ведеръ вина и по 400 и 500 ведеръ пива и меду. Кому же шло все это? Иностраннымъ посламъ съ ихъ сватами и русскимъ людямъ, пользовавшимся царскимъ жалованьемъ, которое считалось великою честью. На кормовомъ дворѣ готовилось каждый день болѣе 3,000 блюдъ, и посылались «подачи» боярамъ, думнымъ людямъ и спальникамъ. Забудутъ ли кого при обносѣ, челоѣты царю: «вины на себѣ не вѣдаю никакой, а въ подачѣ передъ своею братьею обезчещенъ.» Рыбныхъ запасовъ выходило въ годъ болѣе чѣмъ на 100,000 руб. На житномъ дворѣ было 300 житницъ; хлѣбъ всякихъ сортовъ свозился изъ дворцовыхъ селъ, изъ понизовыхъ городовъ. Для молока, смѣтаны и сыровъ содержалось на слотномъ дворѣ 200 коровъ. Фруктовыхъ садовъ царскихъ было больше 50. Вина изъ Астрахани доставлялось болѣе 1000

ведеръ. Въ конюшенномъ приказѣ находилось болѣе 40,000 лошадей. Въ вѣдѣніи приказа тайныхъ дѣлъ—пусть читатель не пугается этого страшнаго названія—Алексѣй Михайловичъ завелъ его для переписки, о которой не хотѣлъ чтобы всѣ знали, отсюда шла его корреспонденція къ довѣреннымъ людямъ — находились кречеты, ястребы, соколы, и для прокорма ихъ былъ устроенъ особый голубятный дворъ, имѣвшій болѣе 100,000 голубиныхъ гнѣздъ. Когда Алексѣй Михайловичъ уѣзжалъ въ загородныя села, чтобы поохотиться, то поѣздки эти совершались такимъ образомъ: «шествіе открывалъ постельный возокъ, при которомъ ѣхали постельничій и стряпчій съ ключемъ, съ ними 300 жильцовъ, по три въ рядъ, въ цвѣтномъ платьѣ на лошадяхъ по всякой ратной сбруѣ. За жильцами 300 конныхъ стрѣльцовъ, по 5 въ рядъ; за стрѣльцами 500 рейтаръ, за ними 12 стрѣлковъ съ долгими пищалями. За стрѣлками конюшеннаго приказа дьякъ, потомъ государевы сѣдла, жеребцы, аргамаки, кони и иноходцы, 40 лошадей подъ сѣдлами. Передъ государемъ у кареты бояринъ, подлѣ кареты по правую сторону окольникій. Самъ царь въ англійской каретѣ шестернею, лошади съ нѣмецкими перьями, на еозницахъ кафтаны бархатныя и шапки бархатныя съ соболемъ и перьями. Съ царемъ въ каретѣ четверо бояръ. Царевичъ ѣхалъ въ «избушкѣ» шестернею, съ нимъ сидѣли дядьки его и окольникій; за нимъ бояре, окольникіе, стольники и ближніе люди, около избушки стрѣльцы. За царевичемъ ѣхала царица въ каптанѣ въ 12 лошадей, съ нею мамы и боярыни; за царицею царевны большія и меньшія также въ каптанахъ, окруженныхъ стрѣльцами; за царевнами боярыни верховыя, казначей, карлицы, постельницы; всего каптановъ 50.» Въ цѣломъ, поѣзды эти представляли, вѣроятно, весьма красивое зрѣлище, особенно среди той жалкой обстановки — пустынныхъ, невоздѣланныхъ пространствъ и бѣдныхъ раззоренныхъ деревушекъ, которыя встрѣчались по сторонамъ дороги. Иностранцы имѣли полное основаніе удивляться богатству московскаго царя.

Но кромѣ царя, былъ въ древней руси еще богатъ. «Подлѣ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, свѣтской знати, вообще не богатой и не сильной предъ богатствомъ и силою великаго государя, были землевладѣльцы другаго рода, богатые, сильные и самостоятельныя, — то были монастыри... Вдалекѣ, въ глуши, но обыкновенно на господствующемъ красивомъ мѣстѣ строился монастырь. Духовная сила

необходимо въ скоромъ времени привлекала въ себя средства матеріальныя; святой основатель служить въ ветхихъ крашенниныхъ рясахъ, преемники его облакаются въ золото... Монастыри становятся богатыми землевладельцами, имущество которыхъ не отчуждается, не раздѣляется. Одинъ только богатый землевладелецъ, монастырь, живетъ отдѣльною, самостоятельною жизнью...»

Вотъ картина экономическаго быта XVII вѣка, какъ ее рисуетъ г. Соловьевъ. Цитируемый имъ Крижаничъ говоритъ о русской жизни того времени еще опредѣлительнѣе. Русскіе того времени имѣли о себѣ и о своихъ способностяхъ и силахъ чрезвычайно высокое мнѣніе, и оттого смотрѣли съ презрѣніемъ на иностранцевъ. «Главный вредъ для общаго блага, говоритъ Крижаничъ, происходитъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ, когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми». «Русскихъ людей тяготила страшная бѣдность: Крижаничъ указываетъ на богатѣйшія западныя государства, указываетъ и на то, почему они такъ богаты: Англія и Нидерланды потому богаты, что тамъ разумъ у народа хитръ, морскія пристанища и торги отличныя, цвѣтетъ всякое ремесло, земледѣліе и обширная морская торговля; еще славнѣе и счастливѣе бываетъ государство, когда въ немъ при этомъ и законы хороши, какъ на примѣръ во Франціи (здѣсь Крижаничъ, кажется, увлекся любовью къ Франціи). А Россія? При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ, она со всѣхъ сторонъ заперта для торговли; мажо въ ней торговыхъ городовъ; нѣтъ дорогихъ произведеній; умы народа тупы и косны, нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; русскіе не умѣютъ вести дальнюю торговлю ни сухимъ путемъ, ни по морю; купцы русскіе не учатся даже ариметикѣ: оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоятъ ихъ обмануть. Русскій человекъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; книгъ у него никакихъ нѣтъ—ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышленъ, самъ себя не хочетъ добра сдѣлать... исторіи русскій человекъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы его презираютъ... Вдѣмъ мы нечисто, деньги прячемъ въ ротъ. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: «если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свинной хлѣвъ: потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада»..

Неумѣнне изъясняться, лѣнь, пьянство и расточительность — главными нашими природными свойствами; отъ расточительности происходитъ жестокость относительно подчиненныхъ. У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія, не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ. Великое наше народное несчастіе—это неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но все по окраинамъ и пропастямъ блуждаютъ. То у насъ правительство въ конецъ распущено, господствуетъ своеволие, безпорядокъ, то ужъ черезъ чуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безпорядкаго и распутнаго государства, какъ польское, и нѣтъ такого крутаго правительства, какъ въ Россіи. Расплодился въ русскомъ народѣ премеркшіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными. А отчего все это происходитъ? Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей или палачей. А сами эти цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ какъ должно исполнять своихъ обязанностей, нужда заставляетъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ. Такимъ образомъ люди, привывши все дѣлать тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы на войнѣ, дѣлаются склонны ко всякой нелюдности, нескромности и нечистотѣ: не умѣютъ они цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми».

Въ этой одной страницѣ Крижаничъ обрисовалъ положеніе русскаго общества гораздо полнѣе и понятнѣе, чѣмъ г. Соловьевъ дѣлаетъ то же самое на сотняхъ страницъ. Крижаничъ смотритъ на вещи прямо, смотритъ и въ корень; тогда какъ наши историки глядятъ на весь міръ и на дѣла людей съ высоты известной, усвоенной ими теоріи. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что г. Соловьевъ знакомъ съ философіей Гегеля и въ этомъ, разумѣется, видимъ великое его несчастіе. Если бы не теоріи историковъ прошедшаго столѣтія, если бы не метафизика, да не ученіе о разумности всего существующаго—то, разумѣется, г. Соловьевъ писалъ бы нѣсколько иначе,

по крайней мѣрѣ онъ избѣгалъ бы противорѣчій. Теперь же онъ то смотритъ на вещи такъ, какъ они есть, и черное называетъ чернымъ, а зеленое зеленымъ; такъ что, прочитавъ его рассказы о томъ, какъ народъ, при всеобщемъ своемъ полномъ желаніи прокоринить восводъ, никакъ не могъ успѣть въ этомъ и только что онъ успѣлъ ублажить одного, какъ являлся на смѣну ему другой, болѣе голодный; какъ народъ терпѣлъ отъ подъячихъ, цѣловальниковъ, разныхъ видовъ старость, прикащиковъ и прочихъ; какъ эти притѣснители народа терпѣли въ свою очередь отъ тѣхъ, кто стоялъ выше ихъ; какъ высшіе терпѣли отъ еще болѣе высшихъ и т. д. — прочитавъ все это составляешь себѣ заключеніе о томъ, что дѣла должны быть шли нехорошо, и людямъ едва ли нравились подобные порядки. Или, найдя у г. Соловьева извѣстіе объ общей бѣдности, поскорбишь и даже вздохнешь о бѣднякахъ, которые мерзли среди лѣта и не смѣли варить себѣ щей. А прочитавъ Крижанича и удостовѣреніе г. Соловьева, что этотъ славянскій патріотъ вовсе не злорадуется надъ Россіей, а напротивъ любитъ ее всей душой, — видишь, что мѣра зла была дѣйствительно очень и очень велика. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей наивности думаешь, что и историкъ такого же мнѣнія о смыслѣ всѣхъ этихъ фактовъ, потому что онъ утверждаетъ тоже, что вездѣ было невѣжество, притѣсненіе, бѣдность, отсутствіе всякой справедливости. И что же! Оказывается, что такой безпристрастный, по видимому, историкъ, какъ г. Соловьевъ, подшутилъ надъ легковѣріемъ читателя. Да, подшутилъ. Онъ увѣрялъ сначала, что хирургическая повязка нужна для того, чтобы явились большіе промышленные города, чтобы создались дороги, развились гражданскія и политическія понятія, и народъ получилъ образованіе. Мы замѣтили выше, что это мнѣніе вполне справедливо. Но вотъ прошло почти триста лѣтъ, и вдругъ Крижаничъ увѣряетъ, что нѣтъ въ странѣ ни промышленности, ни торговли, ни образованія, вездѣ ложь, несправедливость, утѣсненіе и крайняя бѣдность. Тогда мы обращаемся снова къ г. Соловьеву и просимъ объяснить его, почему онъ обѣщалъ намъ, что хирургическая повязка свяжетъ весь организмъ въ одно цѣлое, дастъ ему силу и здоровье, а на дѣлѣ оказывается, что этого не случилось. Если бы въ подобной вещи увѣрялъ насъ не ученый смертный, то мы, разумѣется, не особенно бы огорчились, что слова его не оправдались; неученые люди, какъ извѣстно, ошибаются легко; но насъ увѣ-

рядъ извѣстныхъ историкъ московской школы, пишущій двадцати-томную исторію. Что же это значить, и какъ понять такое противорѣчіе? Очень просто. Когда историкъ приводит голые факты, нѣющіе частное значеніе, и дѣлаетъ изъ нихъ частные выводы, то онъ очень соболѣзнуетъ о томъ, когда встрѣчаетъ людское страданіе, и не называетъ его счастьемъ. Голодъ считаетъ онъ дѣйствительнымъ голодомъ и соглашается, что голодать северно, холодъ кажется ему тоже холодомъ, и т. д. Но когда онъ, отдѣлившись отъ земли, уносится въ сферы высокихъ научныхъ соображеній и глядитъ съ облаковъ на человѣческую жизнь, то голодъ, холодъ, самоуправство воеводъ, московская волокита — все это скрывается отъ него въ туманѣ, онъ ищетъ на землѣ темныхъ пятенъ, долженствующихъ изображать большіе промышленные города, ищетъ дорогъ, каналовъ и рѣкъ, загражденныхъ судами и обозами, поражается безпредѣльностью огромной равнины, и, вслѣдствіе слабаго знакомства съ естественными науками и съ медициной, уподобляетъ землю человѣческому тѣлу и загорается желаніемъ производить надъ нею хирургическія операціи. Это больше ничего, какъ несдержанные порывы воображенія, увлеченнаго ошибочными представленіями. Но стоять только историкъ оставить высшія сферы и встать на землю, — онъ опять начинаетъ смотрѣть на вещи болѣе правильно, и рассказываетъ о фактахъ, какими онъ ихъ видитъ. Какъ историкъ фактовъ, г. Соловьевъ безукоризненъ, онъ не скрываетъ ни одного; но за то, когда ему является охота давать фактамъ общее значеніе, то историкъ становится совѣмъ инымъ человѣкомъ: рассужденіе его расходится съ дѣйствительностью и толковать съ нимъ рѣшительно невозможно. Хирургическая повязка необходима, говоритъ историкъ, вы видите члены слабы и больны; они укрѣпятся и выростутъ. Потомъ оказывается, что организмъ сталъ еще слабѣе; вы замѣчаете это историкъ и выражаете сомнѣніе въ дѣйствительности его средства; вы хотите доискаться до причины неудачнаго леченія и, чтобы не слишкомъ огорчать г. Соловьева, вы замѣчаете ему, что не было ли какихъ нибудь частныхъ неудобствъ въ покровѣ повязки; но историкъ стоитъ на своемъ и упорно отстаиваетъ свое хирургическое леченіе; это становится уже досадно. Наконецъ вы убѣждаетесь, что съ нѣкоторыми людьми разсуждать серьезно невозможно, отходите отъ ученаго хирурга и обращаетесь къ сообщаемымъ имъ фактамъ, чтобы

самому доискиваться до ихъ смысла, не полагаясь на московскую ученость.

У этой учености въ ея изслѣдованіяхъ есть свой особенный при- емъ: г. Соловьевъ весьма тщательно слѣдитъ за ходомъ событій и ведетъ ихъ въ строгой послѣдовательности, такъ что читатель можетъ слѣдить безъ перерыву за постепеннымъ развитіемъ какого нибудь историческаго явленія, но все это только одна внѣшняя сторона. Вы нигдѣ не найдете у историка указанія на основныя побужденія и причины, вызвавшія то или другое обстоятельство; взгляды историка скользятъ только по поверхности, но не углубляются въ самую суть жизни. Люди подобныхъ свѣтскихъ способностей отличаются обыкновенно любовью къ внѣшнему блеску, къ риторическимъ украшеніямъ, къ громкимъ фразамъ, а г. Соловьевъ расположенъ преимущественно къ торжественному изложенію:—«Русская земля всколебалась и замутилась, (такъ начинается онъ II главу), русскій народъ, послѣ восьмивѣковаго движенія на востокъ, круто началъ поворачивать на западъ;» въ первой главѣ историкъ обвинялъ народъ въ безнравственности и говорилъ, что причиной ея были: «застой, коснѣніе, узкость горизонта» (стр. 158), а со второй главы народъ вдругъ повернулъ на западъ. Да онъ и теперь-то еще не глядитъ туда, гдѣ же ему было проникнуться вдругъ желаніемъ познакомиться съ западнымъ образованіемъ. Или можетъ быть, г. Соловьевъ понимаетъ подъ именемъ народа то, что понималъ Людовикъ XIV, въ такомъ случаѣ мы беремъ назадъ свое слово, но все-таки замѣтимъ, что и этотъ народъ повернулся тоже не особенно круто. Наши сношенія съ Европой начались еще при Иванѣ III и постепенно усиливались;—что же удивительнаго, что у Алексѣя Михайловича явились на окнахъ часы, а Матвѣевъ завелъ домашній театръ? Мы даже готовы понять слова г. Соловьева самымъ выгоднымъ для него образомъ, мы готовы вѣрить, что онъ не имѣетъ во взглядахъ ничего общаго съ Людовиномъ XIV и что говорить искренно, что банкротство экономическое и нравственное требовало новаго пути собственно для народной жизни. Но при всей готовности обнаружить такую уступчивость, мы должны отъ нея отказаться, потому что г. Соловьевъ вовсе не желаетъ, чтобы мы навязывали ему свои мнѣнія. «Прежде всего, говорить онъ, нужно было выйти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и усилиться; чтобы разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ, нужно было море; про-

биться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ; съ оружіемъ въ рукахъ нужно было свести старые счеты, освободиться отъ татарской дани, которую платили въ Крымъ подъ именемъ поминогъ, нужно было слѣдовательно выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости; чтобъ поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы, нужно было выучиться всякимъ искусствамъ и ремесламъ». Всѣ эти мысли будутъ справедливы, если вмѣсто отжившей теоріи Кольбера, которой держится г. Соловьевъ, поставить новѣйшія экономическія понятія. Но что же тогда останется отъ мыслей г. Соловьева, спрашиваетъ читатель. Такъ какъ подобный вопросъ слишкомъ щекотливаго свойства, то, чтобы не дать на него рѣзкаго прямаго отвѣта, мы постараемся отвѣтить на него разборомъ теоріи г. Соловьева.

Общая мысль историка, что нужно было разбогатѣть и усилиться, совершенно вѣрна. Но какъ и чѣмъ? «Чтобы разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ, нужно было море». Будто бы? Островъ Мадагаскаръ, напримѣръ, окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ, однако нельзя сказать, чтобы жители его были богаты; путешественники напротивъ увѣряютъ, что при всемъ климатическомъ и почвенномъ богатствѣ острова населеніе его находится въ полной нищетѣ. И отчего г. Соловьеву захотѣлось богатѣть непременно посредствомъ торговли? И почему, завладѣвъ моремъ, сейчасъ же явилась бы и торговля? Мы думаемъ, что прежде всего нужно, чтобы народъ производилъ что нибудь, т. е. создавалъ предметы мѣны; есть что мѣнять — будетъ и торговля; а если у народа нѣтъ достаточнаго количества хлѣба, если онъ ходитъ безъ сапоговъ, если его одежда едва прикрываетъ его наготу, то такому народу нужно думать не о заграничной торговлѣ, а о томъ, чтобы производить для самого себя предметы первой необходимости. Если же народъ производитъ столько, что, имѣя все, что ему нужно изъ главныхъ предметовъ, можетъ удѣлить избытокъ своего производства, въ такомъ случаѣ онъ устроитъ торговлю съ своими сосѣдями, не имѣя даже моря. Вотъ у китайцевъ остается много чая, за собственнымъ употребленіемъ, они и везутъ его къ сосѣдямъ, не обнаруживая особенной заботливости о томъ, что ихъ не соединяетъ съ Россіей море. Не смотря на семисотверстную пустыню, отдѣляющую Кяхту отъ населенныхъ мѣстностей Китая, наша торговля съ этимъ государствомъ

развилась до весьма почтеннаго размѣра. Въ южной Азіи и въ сѣверо-восточной Африкѣ существуетъ весьма живой обмѣнъ, не смотря на пустыни, раздѣляющія торгующіе народы. Разумѣется, море удобнѣе для торговыхъ сношеній, чѣмъ пустыня; но если его нѣтъ, а у людей есть, что мѣнять, торговля устроится непремѣнно; а вотъ у мадагаскарцевъ, которымъ и самимъ-то ѣсть нечего, торговля сношенія съ другими народами не являются, не смотря на обиліе воды и всѣ удобства для мореплаванія.

Если бы подъ именемъ народа г. Соловьевъ понималъ всю массу населенія, то онъ, разумѣется, не высказалъ бы подобнаго меркантильнаго взгляда; но, раздѣляя экономическія воззрѣнія министра финансовъ Людовика XIV, было весьма естественно повторять мысли, давно оказавшіяся негодными. Наша торговля въ XVII вѣкѣ была не особенно блистательна; но все-таки она производилась и съ Персіей, и съ западной Европой; мѣняли, что было можно мѣнять и чего было у насъ въ излишкѣ, напримѣръ поташъ, селитру, медъ, воскъ, мѣха. Торговля эта приносила мало выгоды массѣ населенія; крестьянинъ жилъ на своей пашиѣ, жилъ въ лѣсу или въ степи, отбывая только личныя повинности; нужда его была велика и за всѣми повинностями у него едва оставалось кое-что на собственный прожитокъ. Самъ же г. Соловьевъ говоритъ, что нищета и притѣсненіе заставляли людей бѣгать, и что «гоньба за челоуѣкомъ, за рабочею силою было существеннымъ занятіемъ правительства». Что выигрывалъ подобный бѣгунъ, все имущество котораго было на немъ, отъ заграничной торговли, когда онъ нуждался въ хлѣбѣ, въ домѣ, въ спокойной жизни, въ возможности трудиться безъ помѣхи. Не море нужно было такому челоуѣку, а увѣренность, что никто не помѣшаетъ ему добывать себѣ насущный хлѣбъ. Очевидно, что первая потребность населенія страны заключалась въ томъ, чтобы дать ему отдыхъ, доставить людямъ возможность остановиться на мѣстѣ, не мѣшать ему трудиться. Если бы г. Соловьевъ понималъ такимъ образомъ законъ экономическаго развитія, онъ не смѣшалъ бы слѣдствіе съ причиною; но по своей манерѣ замѣчать только внѣшніе признаки того или другаго явленія, историкъ упустилъ изъ виду основную экономическую силу и возложилъ свои надежды на купцовъ и на заграничную торговлю. Купцы, г. Соловьевъ, не производятъ ничего; они только мѣняютъ то, что создали другіе. На этихъ-то другихъ и слѣдуетъ обращать вниманіе, когда хотятъ возвысить богатство страны. Знаете

ли, какія причины создали нашу нынѣшнюю промышленность и сдѣлали возможной заграничную торговлю, въ которой вы видите единственное экономическое спасеніе? Создала ихъ осѣдлость населенія. Когда со второй четверти прошедшаго столѣтія крестьянину нашему стало легче, чѣмъ ему было въ прежніе вѣка; когда его перестали разорять въ такой степени, какъ прежде, разными внѣшніи и внутренніи причины, у него явилось больше времени для труда — и трудъ его сталъ успѣшнѣе. Переимѣну эту сдѣлали улучшенія въ администраціи, уничтоженіе внутреннихъ заставъ и внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ; однимъ словомъ, предоставленіе народу большей экономической свободы. Все, что вы видите теперь въ промышленномъ и торговомъ богатствѣ Россіи, г. Соловьевъ, все это только результатъ той болѣе спокойной жизни, которая стала возможна для массы населенія съ прошедшаго столѣтія. Не море помогло въ этомъ случаѣ, а единственно болѣе удовлетворительный внутренній порядокъ.

Г. Соловьевъ полагаетъ, что богатство и море мы могли взять только военной силой, изученіемъ ратнаго искусства, постройками крѣпостей; но послѣ того, что мы уже сказали, едва ли нужно доказывать ошибочность этой мысли. Отъ войны никто никогда не богатѣлъ, хотя несомнѣнно завоеванія доставляли во многихъ случаяхъ новые источники производства. Завоеваніе Мексики неоспоримо принесло первое время большія выгоды Испаніи. Но г. Соловьевъ говоритъ не о завоеваніи Мексики и Перу. Ему нужна сила, чтобы побить татаръ и заставить ихъ отказаться отъ поминокъ. Что же, это хорошо: то, что мы не будемъ имъ платить, останется у насъ; только мы не понимаемъ одного, какимъ образомъ, прибавившись съ оружіемъ въ рукахъ къ морю, мы станемъ богаче? Война сама по себѣ не увеличиваетъ народныхъ производительныхъ средствъ, а напротивъ, ихъ ослабляетъ — это г. Соловьевъ можетъ прочесть въ любомъ курсѣ политической экономіи; море, какъ мы уже говорили, тоже не значить ничего для бѣднаго, нуждающагося народа, тѣмъ болѣе, если оно лежитъ гдѣ нибудь на дальнемъ концѣ страны, и не измѣняетъ континентальнаго характера государства. А между тѣмъ и военная сила, при всей своей убыточности вообще, можетъ быть убыточна болѣе или менѣе, т. е. болѣе или менѣе раззорительна для страны, и такимъ образомъ способствовать въ нѣкоторой степени возвышенію народнаго благосостоянія, хотя отрицательнымъ образомъ. На это обстоятельство историкъ не обратилъ никакого вниманія въ

своихъ экономическихъ соображеніяхъ, хотя обстоятельство это весьма много способствовало возвышенію матеріальнаго благосостоянія Россіи. Какъ бы ни былъ тяжелъ для народа новый военный порядокъ XVIII столѣтія, онъ былъ все-таки много легче порядка XVII вѣка. У насъ въ это время свершилось подобное же явленіе, какъ въ западной Европѣ въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, когда было введено тамъ постоянное войско. Нашъ прежній порядокъ отбыванія военной повинности ставилъ рѣшительно всякаго въ несчастное положеніе. Ни одинъ служилый человѣкъ не былъ убѣжденъ въ прочности своего земельнаго владѣнія, потому что получалъ помѣстье за службу и могъ его лишиться легко. Можетъ ли быть какая ибудь прочность въ экономическихъ предпріятіяхъ при такой неувѣренности въ своей осѣдлости. Землевладѣлецъ жилъ изо-дня въ день съ безпечностью, свойственной всѣмъ людямъ, находящимся въ подобномъ положеніи. Совершенно также терпѣлъ и земледѣлецъ. Вновь организованное постоянное войско на европейскій образецъ создало и для землевладѣльцевъ и для земледѣльцевъ небывалую до того времени осѣдлость. Людямъ стало спокойнѣе, потому что на войну рисовалъ идти не всякій, а только нѣкоторые; всѣ, кто остался дома, могли посвятить себя экономическимъ предпріятіямъ съ полной увѣренностью, что ихъ не оторвутъ ни отъ пашни, ни отъ верстага, и что отъ нихъ не отнимутъ землю. Вообще г. Соловьевъ не обращаетъ почти никакого вниманія на землю, какъ на основной экономической элементъ; онъ погруженъ весь въ созерцаніе военнаго могущества и его внѣшнихъ проявленій. При такомъ недостаткѣ проницательности нѣтъ ничего удивительнаго, что несущественному, но рѣзко бросающемуся въ глаза, дается большое значеніе, а на важное, по которому нужно счумѣть найти и подмѣтить, не обращается никакого вниманія. И искусствамъ, и ремесламъ хочеть учить г. Соловьевъ Россію только для того, чтобы прокладывать дороги, прорывать каналы, чтобы поднять этимъ торговлю и богатство. Совершенный Кольберъ! Но Кольберъ имѣлъ основаніе высказывать подобныя вещи, потому что онъ жилъ въ концѣ XVII столѣтія; но какъ же повторять то же самое въ концѣ XIX вѣка, спустя ровню сто лѣтъ послѣ появленія системы Адама Смита и послѣ обнаруженія всѣхъ недостатковъ ученія этого великаго преобразователя экономической науки. Читатель приходитъ въ недоумѣніе отъ подобной отсталости и можетъ объяснить ее только тѣмъ, что въ числѣ историческихъ источниковъ г. Со-

жовьева упоминаются лишь Кошихины, Олеарин и Крижаничы; ну а въ ихъ время, разумѣется, не было на свѣтѣ даже и дѣда Адама Смита.

Общее счастье есть совокупность отдѣльныхъ благосостояній, общее богатство есть совокупность отдѣльныхъ богатствъ и общая сила есть совокупность отдѣльныхъ силъ. Когда каждый отдѣльный человѣкъ развитъ умственно, когда онъ силенъ и здоровъ, когда ему хорошо и весело, когда онъ не знаетъ нужды, доволенъ и счастливъ, тогда и вся совокупность людей, составляющихъ извѣстное общество или государство, образуетъ счастливое, сильное и богатое цѣлое. Римляне думали иначе, оттого ихъ государство и исчезло. Послѣ Бэкона и научнаго метода, выработаннаго естествознаніемъ, судить по римски уже нельзя, по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто посвящаетъ себя наукѣ, а тѣмъ болѣе исторіи. Историкъ тогъ же натуралистъ; ему нельзя приняться за свое дѣло съ заранѣе готовой идеей времени римскаго могущества и думать дедуктивнымъ способомъ, подводя частное подъ свою готовую теорію, и принося его въ жертву общему. Историкъ прежде всего долженъ знать человѣка, какъ физиологическую единицу, какъ часть окружающей его природы; историкъ долженъ знать отъ какихъ условій зависятъ возможно-совершенное развитіе отдѣльнаго лица въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи; для этого онъ долженъ быть знакомъ съ естественными науками и съ тѣмъ методомъ, съ каковыми онѣ доходятъ до истины; онъ долженъ знать вновь выработанныя юридическія и экономическія понятія, и принявшись съ такимъ запасомъ знаній за свои историческія изслѣдованія, придетъ, разумѣется, къ самостоятельнымъ результатамъ, которые безъ сомнѣнія будутъ непохожи на выводы историковъ XVII и XVIII столѣтій. Если же историкъ не хочетъ слѣдовать этому пути, если онъ не нуждается въ естественныхъ наукахъ, не хочетъ знать ни статистики, ни экономическихъ и юридическихъ теорій, разумѣется, новѣйшаго времени, то не трудно предвидѣть, какого рода исторія выйдетъ изъ его труда. Въ исторіи этой явится много новыхъ фактовъ, исторія явится весьма многотомная, новые матеріалы дадутъ ему возможность обрисовать иначе, чѣмъ у прежнихъ писателей, нѣкоторыя отдѣльныя личности и событія, но въ цѣломъ, въ характерѣ и въ духѣ всего изложенія она будетъ повтореніемъ того, что уже всѣмъ давно извѣстно изъ существующихъ исторій. Что выигрываетъ отъ этого масса читающей публики и всѣ образованные люди? Приобрѣтутъ ли они новую

мысль, новое общее понятіе? На сколько новая исторія расширить ихъ круговоръ противъ исторіи Карамзина? Отвѣчать на это можно только отрицательно. За чѣмъ же началась въ такомъ случаѣ новая исторія, когда была хороша и старая? Нѣтъ, отвѣчаетъ историкъ, старая была нехороша, многіе факты были тогда еще неизвестны, многія событія были изложены не вѣрно. Но что имъ за нужда до того, отвѣчаетъ читатель историкъ, былъ ли Дмитрій Донской храбръ или трусливъ, былъ ли Никонъ такимъ великимъ человѣкомъ, какимъ рисовали его прежде, или такая нравственная ничтожность, какимъ онъ является у г. Соловьева.

Мы не отвергаемъ необходимости вѣрнаго разъясненія характера историческихъ личностей, потому что этимъ уясняется и характеръ ихъ исторической дѣятельности; но мы считаемъ гораздо важнѣе точное изслѣдованіе собственно хода общественной жизни и цивилизаціи народа. Отдѣльныя историческія личности могутъ имѣть громадное вліяніе на судьбу народа, они могутъ сильно помогать или мѣшать общему развитію; въ полстолѣтія можно разорить и отодвинуть народъ назадъ до того, что онъ и въ двѣсти лѣтъ не поправится отъ подобнаго погрома. Г. Соловьевъ (не историкъ) въ своей статистикѣ Смоленской губерніи говоритъ, что Смоленская губернія и до сихъ поръ не можетъ поправиться отъ 1812 года. Филиппъ II убилъ Испанію до того, что она только теперь начинаетъ проявлять нѣкоторые признаки жизни. Разорить страну легко, и какъ только удалось уронить одно поколѣніе и довести его до тупости, безсмыслия и равнодушія къ общественной жизни, то за нимъ пойдетъ цѣлый рядъ поколѣній подобныхъ же свойствъ, потому что отцы воспитываютъ своихъ дѣтей въ своихъ понятіяхъ и приучаютъ ихъ къ своему порядку жизни. Когда обстоятельства не мѣняются, то народъ цѣлые вѣка можетъ стоять на самой низшей степени развитія, онъ можетъ быть вѣчно бѣденъ и глухъ. Однако мы видимъ, что, не смотря на все зло, внесенное нѣкоторыми личностями, европейскіе народы идутъ впередъ. Отчего же зависить этотъ прогрессъ? Какъ совершается борьба народа съ гнетущими его обстоятельствами? На сколько отдѣльная личность, вносящая зло, зависитъ сама отъ хода всей народной жизни, когда она подчиняется ей и когда она ее осмѣливается? Возьмемъ примѣръ: что въ жизни Ивана III или Ивана Грознаго было чисто ихъ личное и произвольное, и что зависѣло отъ вліянія народной жизни и внѣшнихъ событій? Когда идетъ на

страну съ войной осѣдъ только потому, что ему нечего дѣлать, какъ напиримѣръ или татары, то мы видимъ, что борьба неизбежна: какой ни будь правитель у страны, а отразить неприятели онъ долженъ. Въ внутренней жизни народа могутъ быть тоже обстоятельства, которыя дѣйствуютъ на правителя съ подобной же неотразимой силой и заставляютъ его поступать непремѣнно извѣстнымъ образомъ. Есть такія общія стремленія, противъ которыхъ не можетъ идти никакой сильный правитель. Петръ I принужденъ былъ наконецъ услабить пытки и казни, потому что продолжать ихъ въ томъ же размѣрѣ было неудобно. Не есть опять случаи, когда отдѣльная личность дѣйствуетъ безгранично, увлекаясь вполне своими страстями и наклонностями. Такъ Иванъ IV травилъ людей медвѣдями, запрудилъ Волховъ тѣлами новгородцевъ. Гдѣ корень подобныхъ безумствъ, чѣмъ и какъ опредѣляются отношенія подобныхъ личностей ко всей массѣ населенія? Что во всемъ этомъ составляетъ исторію, т. е. событія независяція отъ личности, и что составляетъ произволь лица, одного или многихъ? Въ чемъ и какъ проявляется народъ, какъ прогрессивная сила, и какъ онъ создаетъ исторію, потому что хотя Филиппъ II и отодвинулъ Испанію, но она опять пойдетъ впередъ? Вотъ вопросы, на которые мы бы желали найти отвѣты у ученыхъ историковъ. Мы имъ очень благодарны за отдѣльные и весьма интересные факты, но голые факты насъ не удовлетворяютъ, насъ не удовлетворяетъ даже связанное изложеніе событий и излишняя подробность, ведущая только къ многотомности. Соловьева исторія Россіи будетъ, разумѣется, гораздо больше всемірной исторіи Шлоссера, но Шлоссера, не смотря на его относительную краткость, мы все-таки предпочитаемъ Соловьеву.

Если же историкъ не хочетъ быть изслѣдователемъ, если отдѣльные факты нужны ему не для выводовъ, а только для подтвержденія заранее составленной имъ идеи, то онъ легко впадетъ въ противорѣчія, какъ это и случилось съ г. Соловьевымъ. Онъ будетъ находиться вѣчно между двумя противоположными началами общественной жизни — самоуправленіемъ и централизацией, не зная какъ ихъ примирить, кому отдать предпочтеніе, и какой сдѣлать выводъ. Историкъ перестаетъ быть ученымъ, онъ становится публицистомъ и человѣкомъ партіи. Къ такому ученому не можетъ быть довѣрія. Замѣчаніе это относится только къ общимъ выводамъ, соображеніямъ и заключеніямъ историка; ибо всѣ они извѣстны уже впередъ

и не надобно обладать особенной прозорливостью, чтобы опредѣлить, какъ историкъ взглянетъ на то или на другое событіе, дойдетъ ли до него очередь въ пятнадцатомъ или въ двадцатомъ томѣ. Характеръ изложенія эпохи преобразованія (въ слѣдующихъ томахъ) тоже ясенъ. Г. Соловьевъ будетъ придерживаться мыслей Брижанича. Нельзя сказать, чтобы мысли Брижанича были неправильны; многое изъ того, что онъ предлагаетъ дѣйствительно полезно, но его программа все-таки неудовлетворительна и ужъ ни въ какомъ случаѣ не должна бы служить руководящей нитью историкѣ XIX в., для оцѣнки событій конца XVII и начала XVIII столѣтія. Потому, что г. Соловьевъ въ принципахъ вполне согласенъ съ Брижаничемъ, и самыя событія, предшествовавшія эпохѣ преобразованія, изложены и объяснены имъ такъ, что важнѣйшимъ дѣломъ оказывается приобрѣтеніе моря, устройство арміи и флота, каналы, дороги. Понятно, что съ этого начнется и преобразование. Но мы полагаемъ, что такой программы еще недостаточно для полной оцѣнки эпохи. Указывая на подобныя нужды, историкъ выводилъ ихъ не изъ общихъ потребностей всей страны, а скорѣе изъ потребностей политическихъ. Но кромѣ политическихъ у страны были еще нужды чисто экономическія; кромѣ правительственной жизни у нея была жизнь народная. Этой-то послѣдней г. Соловьевъ почти и не коснулся, такъ что, зная вполне, что нужно государству въ его чисто политическихъ нуждахъ, мы не находимъ у г. Соловьева указаній на то, что нужно ему для удовлетворенія потребностей народныхъ. Такимъ образомъ историкъ даетъ читателю возможность понять дѣло только въ половину, и это дѣлается, разумѣется, не преднамѣренно, но просто потому, что онъ и самъ не видитъ исторической жизни Россіи въ полной ея совокупности.

Не смотря однако на недостатокъ въ г. Соловьевѣ всесторонняго образованія, необходимаго историкѣ, не смотря на недостатокъ въ немъ широкаго взгляда на историческую жизнь страны, судьбы которой онъ описываетъ, г. Соловьевъ принесъ все-таки большую пользу русской исторіи разработкой многихъ новыхъ источниковъ и обнаруженіемъ многихъ новыхъ фактовъ. Сдѣланнаго г. Соловьевымъ не придется уже дѣлать другимъ, и будущему историкѣ останется только воспользоваться готовымъ сырымъ матеріаломъ, чтобы обработать его съ большей широтой взгляда, не пренебрегая пособіемъ тѣхъ знаній, которыя служили съ такимъ успѣхомъ Бѣблю.

Н. Шелгуновъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Байронъ въ переводѣ русскихъ поетовъ, изданномъ подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. Т. I. Спб. 1864. — Зоологическіе очерки или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ Карла Фогта. Перев. подъ редакцію В. Ковалевскаго. Т. I. Спб. 1864. — Единство рода человѣческаго, Катрежа. Переводъ А. Д. Ми—хно. Москва. 1864. — Метаморфозы человѣческаго рода, Катрежа. Перев. А. М — на. Москва. 1864. — О сословіи адвокатовъ, сочиненіе Гейдельбергскаго профессора К. Ю. А. Миттермайера, съ дополненіемъ Паракена. Изданіе Бартенева и Ведринскаго. Спб. 1864. — Новѣйшее состояніе тюремъ въ Англіи и опыты англичанъ надъ системою одиночнаго заключенія. А. Миттермайера. Спб. 1863. — Разказы изъ записокъ стариннаго письмоводителя. А. Высоты. Спб. 1864. — Матеріалъ для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма. Спб. 1864.

Любопытно было бы опредѣлить, въ какой мѣрѣ возрастаетъ наше умственное развитіе за каждый мѣсяцъ; говоря проще, сколько здравыхъ понятій попадаетъ въ головы моихъ соотечественниковъ, и отсюда переходитъ въ самую жизнь. Въ этомъ собственно и состоитъ главная задача моего библиографическаго обзорѣнія, потому что каждая новая книга возбуждаетъ во мнѣ единственный серьезный вопросъ: въ какой степени она будетъ полезна своимъ читателямъ и прибавитъ ли хоть крупицу человѣческаго смысла къ ихъ умственному убожеству? Вопросъ этотъ является передо мной въ видѣ отвращающаго сомнѣнія, и я начинаю плохо вѣрить, чтобы публика раздѣляла мой утилитарный взглядъ на литературу; по крайней мѣрѣ, не изъ чего не видно, чтобы публика отличалась особенной разборчивостью въ оцѣнкѣ предлагаемой ей духовной пищи. «Скушаетъ все», говоритъ коварный книгопродавецъ, заворачывая въ одинъ пакетъ

«Взбаламученное море» г. Писемскаго съ сочиненіями Бѣлинскаго; и дѣйствительно, пакетъ доходить по своему назначенію и пожирается съ одинаковымъ аппетитомъ. Судя также потому, что на одну хорошую книгу приходится по десяти глупыхъ и на одну дѣльную идею по сту самыхъ нелѣпыхъ, я окончательно убѣждаюсь, что публикѣ нѣтъ никакого дѣла до качества тѣхъ плодовъ, которые производятъ на потребу ея нашъ литературный вертоградъ. «Все пожреть», думаетъ про себя г. Ап. Григорьевъ, перепечатывая свои статьи изъ Москвитянина то въ «Якорѣ», то въ «Эпохѣ». Впрочемъ, обвинять публику за ея критическую неспособность я вовсе не намѣренъ; когда сильно раздраженъ аппетитъ, тогда некогда разбирать, что чистое зерно и что мякина. Въ этомъ случаѣ я не смѣю ничего сказать противъ публики и литературы, съ одной стороны желаніе все поѣдать, а съ другой готовность удовлетворять ему—совершенно равномѣрны.

Но количество потребляемыхъ нами матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, еще не составляетъ хорошаго питанія. Если набивать желудокъ каждый день рѣпой и горохомъ, не употребляя другой, болѣе питательной пищи, то развитіе организма должно приостановиться и здоровье пострадать. По отношенію къ духовнымъ продуктамъ, тотъ же законъ остается въ силѣ, съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что ихъ перерабатываетъ не желудокъ, а мозгъ. Масса идей, воспринимаемыхъ человѣкомъ, сама по себѣ ничего не значить. Можно завалить голову, какъ чуланъ, всевозможными знаніями, и остаться отъявленнымъ глупцомъ. Чтобы не ходить далеко, въ средневѣковую глушь, достаточно вспомнить, что въ числѣ современныхъ юристовъ и педагоговъ есть много людей, очень пачитанныхъ, съѣвшихъ цѣлыя библіотеки разнаго ученаго суррогата и въ то же время крайне недалекихъ, или до того отупѣвшихъ, что всякая новая идея отскакиваетъ отъ нихъ. При этомъ я не могу не вспомнить своего почтеннаго наставника, который виѣлъ поистинѣ ослиное терпѣніе десять лѣтъ сряду повторять одиѣ и тѣ же лекціи, т. е. одиѣ и тѣ же слова и мысли, и притомъ мысли чужія. Понятно, что отъ такой массы знанія путнаго нечего ждать; и если притомъ оно усваиваетъ дурное направленіе, тогда оно дѣлается положительно вреднымъ: во-первыхъ потому, что на него даромъ затрачиваются человѣческія силы, и во-вторыхъ потому, что вмѣсто развитія умственныхъ способностей, оно окончательно притупляетъ естественную

энергію ихъ. Юноша, просидѣвшій нѣсколько лѣтъ надъ долбленіемъ греческой грамматики, за тѣмъ, чтобы потомъ ни разу не встрѣтить въ ней никакой надобности, очень жалокъ, и еслибъ все это время онъ потертовалъ на ческу льна или на выдѣлываніе сыромятной кожи, то въ результатѣ онъ остался бы въ большемъ выигрышѣ. Къ сожалѣнію, исторія человѣческаго развитія представляетъ бездонный смуть, въ которомъ совершенно безплодно потыгло великое множество самыхъ разнообразныхъ силъ. Можно указать на цѣлый рядъ вѣковъ, прожитыхъ людьми въ такой духотѣ, въ такомъ мракѣ, что какъ будто они только за тѣмъ и являлись на бѣломъ свѣтѣ, чтобы коптить небо. Ни одного изобрѣтенія, ни одной плодотворной идеи, ни малѣйшаго стремленія къ улучшенію своей жизни, а между тѣмъ во всей Европѣ шло неугасимое оубреніе Аристотеля и Платона, и докторскіе диспуты оканчивались чуть не петасовкой. Самые счастливые въ это время были тѣ, кто плотно ѣлъ и вдоволь спалъ, а самые несчастные—это ученые мужи, истязавшіе себя какимъ-то подобіемъ науки. Искренно убѣжденные въ томъ, что они дѣлаютъ дѣло и прокладываютъ новые пути своему потомству, они завалили его талнишъ отвратительнымъ хламомъ, что надо было употребить нѣсколько столѣтій и нѣсколько гениальныхъ умовъ на разчистку этого мусора, котораго цѣлыя пирамиды остались нетронутыми и по настоящую пору.

Такимъ образомъ количество идей, безъ строгаго выбора направленія ихъ и прямого приложенія къ жизни, для моего обозрѣнія не будетъ имѣть никакой цѣны. Я вовсе не обрадуюсь, что нынѣшній мѣсяць явилось много новыхъ книгъ, если только изъ нихъ окажется болѣе негодныхъ, чѣмъ годныхъ; напротивъ съ восторгомъ буду привѣтствовать тотъ мѣсяць, который дастъ хоть одно сочиненіе или даже одну страничку, бросающую искру новаго свѣта и честной мысли. Нечего и говорить, что не часто придется восторгаться, и потому читатель можетъ быть спокоенъ, что я не надоемъ ему взысканіи моего лирическаго энтузіазма. Вертоградъ, который мнѣ суждено обозрѣвать, воспитываетъ не однихъ райскихъ птицъ, но и скотевъ, не одни золотые яблody юга, но и степной репейникъ, котораго, конечно, найдется гораздо больше, чѣмъ золотыхъ яблодовъ. И если изъ уваженія къ справедливости мнѣ иногда придется неимать за хвостъ какую нибудь моврую курицу, величающую себя самоодовольно коршуномъ только потому, что она усѣлась на чужихъ

высокихъ нашествияхъ, то пусть читатель не обижается, что я безъ всякой церемоніи стащу эту курицу на землю и оборву ей послѣдній грязный хвостъ. Кромѣ того, для очищенія собственной совѣсти мнѣ необходимо условиться еще въ одномъ пунктѣ: не стану я заниматься преимущественно личностями, какъ бы онѣ ни были интересны по своему безобразію, и надѣюсь сдержать свое общаніе свято, развѣ только ужъ зло дойдетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая мнѣ надобность и что поучительнаго скажетъ мой листокъ, если я докажу, что такой-то господинъ не болѣе, какъ литературный проходецъ, открывшій свою лавочку для надувательства простаковъ и людей темныхъ. Когда я знаю и раскрою какое нибудь гаденное направление, то всѣ порожденія его, само собою разумѣется, должны соответствовать его запаху и вкусу; объ этомъ нечего и распространяться. Если черви подтачиваютъ корабль, то надо уничтожать не червей, а самую причину гніенія. Червей только разворошишь, а пользы никакой; гдѣ есть мокрота и плѣсень, тамъ они всегда будутъ. За чѣмъ же я буду раздражать себя и читателя, когда напередъ извѣстно, что такая полемика ничего не можетъ прибавить, кромѣ бранныхъ словъ, которыми и безъ того богатъ русскій лексиконъ, украшенный въ послѣднее время еще новыми сокровищами изъ подъ пера гг. Каткова и Щедрина. И могу ли я состязаться съ ними на этомъ поприщѣ, когда у каждаго изъ нихъ вся соль и острота состоятъ изъ неистощимаго запаса разнообразнѣйшей брехотни. Мнѣ и прежде казалось, что наша критика, по разнымъ журнальнымъ закоулкамъ, совершенно напрасно тратитъ свою желчь на личныя объясненія и перепалки. вмѣсто того, чтобы обратиться прямо къ источнику уродливаго явленія, она вытаскиваетъ на свѣтъ мелкую или крупную литературную тлю и ну—перевортываетъ ее на всѣ стороны. «Вотъ эта тля, обличаетъ наша глубокомысленная критика, еще вчера заключалась въ коконѣ, а сегодня уже летаетъ и рафинируетъ свою слюнку въ какое-то подобіе яда; у этой тли нѣтъ ни сердца, ни мозга, ни даже жала, а есть щупальцы, съ помощью которыхъ она карабкается на верхъ и хватается добычку, и все-таки съверная кусаетъ, да еще какъ кусаетъ-то», и т. д. Но что же изъ этого слѣдуетъ? И что тутъ новаго для читателя? Кому же неизвѣстно, что въ самомъ воздѣланномъ вертоградѣ раной тли много, и если она не одарена способностію кусать, то навѣрное то-чить. А между тѣмъ, она ужасно обижается, когда ее раздражаютъ,

и мнѣ случалось на своемъ вѣку видѣть порядочныхъ львовъ, иску-
санныхъ до крови гадинами. Стонеть и рвется бѣдный левъ, скучно
и больно ему, а ничего не можетъ подѣлать съ нападающими на
него пасткомыми. Будь онъ во сто разъ сильнѣе и въ миллионъ
разъ осторожнѣе, а все-таки не уберется,* и тля съумѣетъ пожи-
виться на счетъ его добраго мяса. Потому, на основаніи опыта, под-
крѣпляемаго на половину сѣдой моей головой, совѣтую молодымъ
писателямъ не трогать тли, не задирать ея легионовъ, а спокойно
разчищать и выносить изъ нашего духовнаго вертограда кучи сора,
въ которомъ разводится тля.

Вотъ и Байронъ былъ не изъ числа ручныхъ птицъ, а не мало
натерпѣлся отъ разныхъ мошекъ и букашекъ своего времени. Когда
онъ жилъ въ Италіи, далеко отъ знаменитыхъ іоркскихъ свиней и
своихъ милыхъ соотечественниковъ, когда всѣ личныя отношенія и
даже воспоминанія его почти были порваны, ему часто приходилось
испытывать такія горькія минуты, какія можетъ испытывать только
оскорбляемый геній. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ къ сво-
ему издателю, мистеру Мёррей:

“... давно не волновалась моя кровь отъ такого бѣшенства, какъ по по-
лученіи вашихъ извѣстій; съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Англію, — и
если бы не языкъ ея, на которомъ я пишу, давно бы забылъ ее. — мнѣ
не случалось испытывать такого мрачнаго вечера, какъ вчера, когда я
раскрылъ ваши письма. Кажется, нѣтъ клеветы и ненависти, которыми
бы я не подвергался въ глазахъ моихъ враговъ, хотя я ихъ никогда не
видѣлъ и никогда не желалъ видѣть. Все, что можетъ изобрѣсти наглая
ложь, не стѣсняемая никакимъ приличіемъ мнѣнія, все это говорится и
пишется обо мнѣ. Нѣтъ! я все еще мало презираю это безстыдное
общество, у котораго сердце чувствуетъ совсѣмъ не то, что говоритъ
языкъ, и которому не достаётъ даже смѣлости выслушать правду“ *).

Это писалъ Байронъ по поводу отвратительныхъ пасквилей, рас-
пространяемыхъ на его счетъ наемнымъ поэтомъ Соутеемъ, который
въ тяжеловѣсныхъ виршахъ представлялъ Байрона въ видѣ са-
таны-развратителя и доносилъ на его лучшія произведенія. Но не
одны Соутей и подобные ему филистеры вливались въ великаго
поэта; противъ него была почти вся пресса, руководимая педантами
въ бѣлыхъ галстукахъ, всѣ Тори, воспитанные подъ вліяніемъ ре-

*) Byron's life. Letters and Journals. 1851, стр. 373.

акии и державшіеся за нее, какъ за якорь своего спасенія; противъ него были всё Тартюфы, которыхъ наружный ригоризмъ, соединенный съ внутреннею распущенностію, стѣснялъ всякое свободное проявленіе чувства и ума. Тѣ же самые старые лицеѣры, которые съ спокойною совѣстію набивали свои карманы грабительствами въ Индіи и Ирландіи, не могли простить поэту за то, что его Люциферъ слишкомъ вольнодумствуетъ и за то, что его Донъ-Жуанъ ведетъ себя неприлично передъ Гандой. Дышать среди этого общества многимъ было не подъ силу; но Байронъ поступилъ откровеннѣе другихъ и бросилъ свое отечество, пожелавъ ему «спокойной ночи». Но это не забавило его ни отъ клеветы, ни отъ преслѣдованій. Когда онъ въ Италіи являлся въ общественной залѣ, то англійскія леди и джентльмены выходили вонъ, нашептывая про себя: *a public sinner* (публичный грѣшникъ). А публичный грѣшникъ, какъ будто на зло добродѣтельной рутинѣ, бросался во всё крайности раздражительной натуры, истощалъ свое здоровье, искалъ опасностей и, неудовлетворенный окружающею его жизнію, старался создать себѣ свое собственное существованіе, болѣе полное и правильное, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Его гордый и глубоко негодующій умъ сдѣлалъ изъ борьбы задачу жизни, а изъ поэзіи — вопіющій протестъ противъ современнаго положенія общества. Байронъ объявилъ себя за будущее и съ неумолимымъ сомнѣніемъ отнесся къ настоящему. Поэтому на всѣхъ его герояхъ и поэтическихъ образахъ лежитъ печать демоническаго разрушенія и разъѣдающей тоски. Тѣмъ справедливо замѣчаетъ, что во всѣхъ поэмахъ Байрона изображается одна личность, одинъ колоссальный типъ, поставленный въ различные положенія. «Чайльдъ Гарольдъ, Лара, Гяуръ, Корсаръ, Маноредъ, Сарданапалъ, Каинъ, его Тассъ и Дантъ всегда одинъ и тотъ же человекъ, но въ разныхъ костюмахъ, среди различныхъ мѣстностей и съ различными выраженіями, подобно тому, какъ это дѣлають живописцы, рисующіе по одной модели пятьдесятъ портретовъ, измѣняя въ нихъ только одежду, внѣшнюю обстановку и положенія» *). Не смотря однакожъ на однообразіе изображаемыхъ характеровъ, на ихъ танцевальную драпировку, они не выходятъ изъ предѣловъ возмож-

*) Histoire de la Littérature Anglaise, par H. Taine. 1863. T. 3, стр. 540. N. В. Рекомендуетъ эту книгу тѣмъ, кто желаетъ поближе познакомиться съ полной исторіей англійской литературы. Здѣсь онъ найдетъ множество прекрасныхъ страницъ, написанныхъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла.

наго, подобно безплотному сатанѣ Мильтона или фантастическимъ привидѣніямъ Данта. Байронъ въ высшей степени реальный поэтъ, но въ его поэзіи такъ много общечеловѣческихъ элементовъ, — надеждъ и отчаянія, скорби и радости, ненависти и любви, страданій и счастья, что для нея всякая національная мѣрка была бы слишкомъ узкой. И въ этомъ-то общечеловѣческомъ взглядѣ на жизнь — вся сила Байрона и его могущественное вліяніе на міръ. «Гдѣ только, говоритъ Шелли, человѣку становится невыносимо душно, Байронъ всегда будетъ читаться, кто бы этотъ человѣкъ ни былъ, — англичанинъ, французъ или италіанецъ». Какъ есть сарказма Гейне не спрячется ни одинъ мѣдный лобъ, будетъ ли онъ принадлежать нѣмцу или русскому, такъ поэзія Байрона найдетъ себѣ откликъ у всякаго мыслящаго человѣка. Такихъ людей, какъ Гейне и Байронъ, не забываютъ долго и любятъ ихъ глубоко.

Въ прошлой книжкѣ «Рус. Слова» мы съ удовольствіемъ встрѣтили изданіе сочиненій Гейне въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей П. И. Вейнберга. Если это изданіе будетъ продолжаться такъ же хорошо, какъ начато, то мы желаемъ ему колѣсничнаго успѣха. Въ переводахъ гг. Михайлова и Вейнберга публика дѣйствительно познакомится съ настоящимъ Гейне, не изуродованнымъ и не сочиненнымъ нашими кѣнтами, подобно изданію Байрона, вышедшаго первымъ томикомъ изъ подъ редакціи г. Н. Гербеля. Прежде чѣмъ г. Гербель возчувствовалъ особенную симпатію къ автору «Манюреда», еще нѣкогда бряцалъ на своей собственной лирѣ. Въ бряцаніи этомъ, между прочимъ, говорилось:

.....

 И если звукъ трубы предъ дѣломъ
 Насъ вновь къ штавартамъ призоветъ,

Тогда отважные Июмцы,
 Мы вновь помчимся на враговъ,
 И пусть извѣдаютъ безумцы,
 Все та жель въ насъ играетъ кровь!

Все также ль гибельны удары,
 Какъ прежнихъ рукъ — въ былые дни!...
 И все ль мы прежніе гусары,
 Какими знали насъ они *)!

*) Отголоски. Стихотвореніе Н. Гербеля. Спб. 1858. Стр. 92—93.

Не знаю, какъ другіе, а что касается до г. Гербеля, то могу поручиться, что онъ остался все такииъ же гусаромъ, какъ это видно по его собственнымъ переводамъ изъ Байрона и вообще по изданію этого поэта. Въ одномъ небольшомъ томикѣ г. Гербель собралъ самыхъ разнокалиберныхъ переводчиковъ великаго поэта, въ числѣ которыхъ рядомъ стоятъ Гнѣдичъ и Лермонтовъ, Козловъ и Случевскій, Жуковский и Полежаевъ, гг. А. Майковъ и Заринъ, г. Д. Михаловскій и самъ Н. В. Гербель. Легко себѣ представить, какой концертъ долженъ выйдти изъ этого подбора нашихъ лириковъ. Послѣ прекраснаго перевода Лермонтова (Душа моя мрачна) вы вдругъ попадаете на дубовые вирши Гнѣдича или послѣ безобразной передѣлки Фета, сочиненной имъ отъ своего чрева на счетъ Байрона, читаете переводъ г. Ѳ. Берга, переводъ, въ которомъ уже вовсе не видите Байрона, а какую-то странную помѣсь его съ г. Бергомъ. Тамъ, гдѣ Байронъ мыслить и выражаетъ свою мысль стихомъ сильнымъ и яснымъ, русскій лирикъ нанизываетъ въ одну строфу нѣсколько звучныхъ словъ, въ которыхъ нельзя доискаться никакого смысла. Объяснимся примѣрами. Стихотвореніе: *Она идетъ*—напечатано въ изданіи г. Гербеля въ двухъ переводахъ г. Д. Михаловскаго и г. Н. Берга. Во-первыхъ, мы не понимаемъ, почему понадобилось г. Гербелю представлять два перевода, а не одинъ,—разумѣется лучший по его редакторскому благоусмотрѣнію, и почему онъ не предпочелъ ихъ выбросить изъ самой книжки оба, потому что и тотъ, и другой одинаково плохи. Приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ того и другаго:

И много граціи своей
 Краса бы эта потеряла,
 Когда бы тѣмъ подбавить къ ней,
 Когда бъ луча не доставало
 Въ чертахъ и ясныхъ и живыхъ,
 Подъ черной тѣнью косъ густыхъ *)

Д. Михаловскій.

Однимъ лучомъ, одною тѣнью болю,
 И безымянной нѣтъ уже красы,
 Что сладостно покоилась дотолъ
 Въ волнахъ ея изъѣженной косы,

*) Байронъ въ переводѣ русскихъ поетовъ, стр. 5 и 6.

И на челѣ возвышенномъ сіяла,
Гдѣ кроткая и тихая мечта
Таинственно для смертныхъ начертала,
Что свѣтлая скрижаль ея чиста.

Н. Бергъ.

Читатель навѣрное скажетъ, что выписанные нами стихи передаютъ два разныхъ стихотворенія Байрона; такъ и я подумалъ въ первый разъ, но, развернувъ подлинникъ, убѣдился, что гг. Д. Михайловскій и Н. Бергъ изволятъ потѣшаться надъ однимъ и тѣмъ же стихотвореніемъ Байрона. Оба они порютъ такую чушь, какая не могла зайти въ голову Байрона даже во снѣ. Ну развѣ Байронъ могъ сказать: *подъ черной тѣнью*, когда ему, шестилѣтнему мальчику, было уже извѣстно, что другой тѣни, кромѣ *черной*, и не бываетъ на свѣтѣ. А откуда это взялась *свѣтлая скрижаль* у г. Н. Берга, когда о ней нѣтъ и помину у Байрона? И что эта за свѣтлая скрижаль? Очевидно, что всю эту бессмыслицу *таинственно начертала* мечта г. Н. Берга, а мечта Гербеля напечатала ее. Вотъ стихи Байрона въ ихъ настоящемъ видѣ:

One shade the more, one ray the less,
Had half impair'd the nameless grace
Which waves in every raven tress;
Or softly lightens o'er her face;
Where Thoughts serenely sweet express
How pure, how dear their dwelling place.

Въ буквальной переводѣ будетъ такъ: «Одною тѣнью больше, однимъ лучемъ меньше,—тогда не было бы и половины той невыразимой граціи, которая волнуется въ каждомъ черномъ локонѣ или тихо свѣтитъ на ея лицѣ, — гдѣ ясная и тихая мысль выражаетъ, какъ чисто, и какъ прелестно чело, заключающее эту мысль». Гдѣ же тутъ *изнѣженныя и густыя косы, черныя тѣни, свѣтлая скрижаль, таинственныя начертанія* и тому подобная ерунда? Байронъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы писать всякій вздоръ и слишкомъ хорошо образованъ, чтобы бросать пустыя слова на вѣтеръ.

Теперь посмотримъ, какъ истязуютъ Байрона г. Фетъ и Козловъ:

О СОЛНЦЕ ГЛАЗЪ БЕЗСОННЫХЪ.

О солнце глазъ безсонныхъ! Звѣздный лучъ,
 Какъ слезно ты дрожишь межъ дальнихъ тучъ...
Сопутникъ млы, блестящій стражъ ночной,
 Какъ по быломъ тоска сходна съ тобой...
 Такъ свѣтитъ намъ блаженство давнихъ лѣтъ,
 Горять, а все не грѣть этотъ свѣтъ;
Подруга думъ воздушная видна,
 Но далеко—ясна, но холодна.

А. Фетъ.

Безсонное солнце, въ туманъ луна!
 Горюшь ты далеко, грустна и блѣдна.
 При тускломъ мерцаньи мракъ ночи страшнѣй,
 Какъ въ памяти радость утраченныхъ дней.
 Минувшее блещетъ межъ *горестныхъ тучъ,*
 Но сердца не грѣть *томительный лучъ,*
И радость былая, какъ ночью луна,
 Видна, но далеко,—ярка, но хладна.

И. Козловъ.

Если читатель не повѣритъ намъ на слово, то пусть потрудится самъ обратиться къ оригиналу, и онъ увидитъ, что г. Фетъ и Козловъ сочинили свои собственные стихотворенія, но желая выдать ихъ за произведенія Байрона, и тѣмъ благовиднѣе прикрыть свое вранье, приписали ихъ знаменитому поэту. Но что же смотрѣла редакция г. Гербеля, помѣщая ихъ въ своемъ арлекинскомъ изданіи? Точно также истязуютъ Байрона гг. Случевскій, А. Майковъ, Ѳ. Бергъ, Н. Гербель и tutti quanti. Мы могли бы сдѣлать исключеніе въ пользу «Шильонскаго узника» Жуковскаго, еслибъ онъ не разбавилъ его своей сахарной водицей, и въ пользу «Сарданапала» г. Зарина, еслибъ въ переводѣ его не попадались такіа поэтическія вольности, которыя самая добродушная эстетика должна отнести къ числу бессмыслицъ, и еслибъ стихъ его хоть въ сотой доли передавалъ силу и выразительность оригинала. Но все же переводъ г. Зарина гораздо лучше галлюцинацій г. Фета и Козлова.

Съ какою же цѣлю г. Гербель предпринялъ изданіе Байрона въ переводѣ русскихъ поэтовъ! «Русская читающая публика, говоритъ

издатель, нуждается въ полныхъ переводахъ великихъ иностранныхъ писателей, и готова поощрить своимъ вниманіемъ всякую *добросовѣстную* къ тому попытку». Вотъ этой-то настоятельной потребности и удовлетворяетъ г. Гербель. Что нуждается русская публика въ полномъ переводѣ Байрона, какъ она нуждается и во многомъ другомъ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но едва ли она нуждается въ такой жалкой помѣси Берговъ, Майковыхъ, Случевскихъ съ Байрономъ, какую предлагаетъ намъ г. Гербель. Кому есть досугъ и у кого есть охота наслаждаться прекрасными стихами Байрона, тотъ никакъ не насладится ими въ такихъ деревянныхъ виршахъ, какъ переводы гг. Михаловскаго, Берговъ, Случевскаго и самого г. Гербеля. А кто хочетъ познакомиться съ міросозерцаніемъ Байрона, тому было бы гораздо полезнѣе прочесть его, не въ перестроенъ сборникѣ русскихъ поэтовъ, а въ цѣльномъ и хорошемъ прозаическомъ переводѣ. Но изданіемъ г. Гербеля не достигается ни та, ни другая цѣль, т. е. публика, не знающая иностранныхъ языковъ, будетъ знакомиться не съ Байрономъ, а съ разными отечественными пѣнтами, и вмѣсто наслажденія должна почувствовать отвращеніе къ нелѣпому набору словъ, выдаваемыхъ за идеи Байрона. Перевести его одному, конечно, трудно, даже при огромномъ талантѣ переводчика; но я полагаю, что и нѣтъ никакой надобности непременно переводить все, до послѣдней строчки великаго поэта. Нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній, какъ напримѣръ, Еврейскія мелодіи самъ Байронъ называлъ «пласивыми причитаньями», написанными по заказу его друга, Дугласа Каннерди. Влюбленный въ графиню Гиціоли, Байронъ многое написалъ и по ея заказу, не придавая никакого значенія своимъ минутнымъ и случайнымъ впечатлѣніямъ. Все это можно было бы и не переводить, потому что вся прелесть и весь гений Байрона заключается въ десяти или двѣнадцати капитальныхъ его произведеніяхъ. Эти произведенія, хорошо воспроизведенныя на русскомъ языкѣ, дѣйствительно знакомятъ съ авторомъ Донъ-Жуана и доставляютъ читателю, вмѣстѣ съ наслажденіемъ формами выраженія, и богатое содержаніе, а все остальное можно безобидно сложить въ историческій чуланъ А. Д. Галахова или г. Грота и Лонгинова. Но еслибъ г. Гербель захотѣлъ, во что бы то ни стало, дать намъ не премѣнно всего Байрона, до послѣдней его записки къ портному или повѣренному по дѣламъ, то онъ могъ бы раздѣлить трудъ между двумя или тремя хорошими переводчиками. Такое заданіе, провѣрен-

ное и исправленное опытной редакціей, имѣло бы право называться переводомъ Байрона. Въ ожиданіи же такого изданія, я совѣтую г. Гербелю заняться бряцаніемъ на лирѣ во славу Изюмцевъ, а Байрона не трогать и арлекина изъ него не дѣлать.

Имя Карла Фогта, одно изъ самыхъ популярныхъ именъ въ Германіи и давно извѣстное Европѣ, у насъ почти новое имя. Только въ послѣднее время русская публика начала знакомиться съ этимъ знаменитымъ натуралистомъ и, судя по быстрому распространенію его сочиненій, стала интересоваться имъ. Если только этотъ интересъ возбужденъ не одной новизной впечатлѣнія, какъ это постоянно случается съ нашими ребяческими увлеченіями, а сознаниемъ современнаго значенія естественныхъ наукъ, то Карлъ Фогтъ будетъ на своемъ мѣстѣ. Главное достоинство этого разносторонняго ума заключается въ томъ, что онъ умѣетъ говорить съ большинствомъ публики о такихъ предметахъ, которые въ рукахъ нѣмецкихъ филистеровъ теряютъ всякую цѣну и популярность, — и говорить такъ, какъ этого требуетъ знаніе живое и доступное болѣе обширному кругу читателей. Въ этомъ случаѣ Карлъ Фогтъ оказывалъ естественнѣе огромную услугу. Я говорю *огромную* потому, что самые полезные дѣятели нашей эпохи тѣ, кто захватываетъ подъ свое умственное вліяніе наибольшій кругъ людей, желающихъ просвѣтить себя. Знаніе перестаетъ быть привилегіей, какъ право жить становится правомъ каждаго. Современная наука въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей стремится именно къ тому, чтобы придать своимъ открытіямъ социальный характеръ, чуждый всякаго бесплоднаго педантства, и обобщать ихъ въ большинство общества. Слѣдовательно, приложеніе знанія къ жизни дѣлается главнѣйшей задачей науки. И потому такіе люди, какъ Карлъ Фогтъ, заслуживаютъ полнаго нашего уваженія; они засыпаютъ своими трудами ту пропасть, которая доселѣ раздѣляетъ «чернь непросвѣщенную» отъ ея просвѣтителей, украшенныхъ докторскими колпаками.

Популяризація естествознанія съ каждымъ днемъ чувствуется больше и больше и общается въ близкомъ будущемъ великолѣпные результаты. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе природы и такія открытія, какъ Дарвина, должны занять въ умственномъ развитіи человечества первое мѣсто. Всѣмъ, что есть путнаго у насъ въ настоящую минуту, мы обязапы этимъ открытіямъ. Открытія Гали-

лея, Коперника, Гарвея, Ньютона и ихъ послѣдователей подвигали Европу съ каждымъ годомъ на нѣсколько сотъ лѣтъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, какъ она развивалась прежде. Теперь нѣтъ ни одного замѣчательнаго изобрѣтенія, ни одной попытки къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія, которыя бы такъ или иначе не соединялись съ прогрессомъ естествознанія. Всякая лепта, положенная въ эту сокровищницу, даетъ обильный процентъ.

«Зоологическіе очерки» Карла Фогта представляютъ не болѣе, какъ бѣглыя замѣтки, писанныя авторомъ по поводу его изслѣдованій надъ морскими животными. Это рядъ писемъ, въ которыхъ передаются живыя впечатлѣнія натуралиста, съ любовью преданнаго своему дѣлу; всякая рѣдкая находка въ области изучаемаго имъ предмета, всякое счастливое наблюденіе, сдѣланное на пути его изысканій, всякая удачная экскурсія, предпринятая молодымъ ученымъ, однимъ словомъ все, что радовало, печалило, занимало его, все, что мѣшало его труду или облегчало его, — записывалось въ этихъ замѣткахъ. Впродолженіе дня Карлъ Фогтъ работалъ, а ночью садился за письмо и сообщалъ въ немъ всѣ свои дневныя впечатлѣнія. Какъ впечатлѣнія, они не имѣютъ ничего систематическаго, ничего рутинно-школьнаго, но тѣмъ-то они и хороши, что составляютъ безыскусственную, простую и задушевную бесѣду умнаго человѣка. Здѣсь читатель постоянно переходитъ отъ одного предмета къ другому, отъ описанія картинной галлерей Ватикана къ морской бури или отъ бернской революціи къ описанію медузы средиземнаго моря. И надо имѣть талантъ Карла Фогта, чтобы придать интересъ самымъ мелкимъ и, по видимому, давно извѣстнымъ вещамъ. Интересъ этотъ главнымъ образомъ поддерживается тѣмъ, что авторъ, погруженный въ свои спеціальныя работы по естествознанію, не выпускаетъ однакомъ изъ виду ни человѣка, ни общественной жизни народа, среди котораго ему приходится жить. Такъ напримѣръ заговоривъ о нѣмецкомъ единствѣ, авторъ пишетъ :

Большой цехъ ученыхъ, которые прежде всего желаютъ быть учеными и только послѣ людьми, именно главнымъ образомъ виноваты въ томъ, что наука не проникаетъ въ народъ. Это ихъ вина, хотя и не созвательная, что наше юношество вмѣсто того, чтобы съ ранняго возраста принятыя за естественныя науки, нравственно отупляется склоненіями шенза и спряженіями ~~тотто~~, прежде нежели получаетъ возможность съ усмѣлкой протестовать противъ подобной системы. Обык-

Отд. II.

новенно говорятъ, что наша эпоха есть цвѣтъ естественныхъ наукъ, что не только науки, стоящія съ ними въ тѣсной связи, но и философія и теологія ожидаютъ теперь своего возрожденія съ точкой цвѣтін точныхъ знаній. Но какъ только это однажды признано, почему же не опирають всю нашу жизнь на этотъ фундаментъ, чтобы твердо стоять на немъ, самостоятельно идти впередъ и развивать изъ него будущее всей нашей жизни.

Такъ какъ изслѣдованія Карла Фогта производились на двухъ пунктахъ — на берегу Атлантическаго океана, въ окрестностяхъ Сэнъ-Мало, и у Средиземнаго моря — въ Ниццѣ, то въ «Очеркахъ» его заключается описаніе тѣхъ группъ морскихъ животныхъ, которыя принадлежатъ этимъ мѣстностямъ. На западномъ берегу Франціи онъ изучалъ преимущественно моллюсковъ, а у берега Ниццы рыбъ. По богатству и разнообразію матеріаловъ Средиземное море гораздо болѣе удовлетворяло молодого натуралиста, чѣмъ Атлантическій океанъ.

«Домъ, гдѣ мы живемъ, пишетъ Карлъ Фогтъ, построенъ у самаго моря и задней стѣной прислоненъ къ крутому утесу замка, разделяющаго городъ какъ бы на двѣ половины. Солнце каждое утро приветствуетъ насъ первыми лучами, а опускаясь въ море, посылаетъ намъ послѣдніе. Къ западу тянется широкая, полукруглая бухта, мало по малу переходящая въ антибскій мысъ, скалы котораго какъ будто выходятъ прямо изъ моря — такъ далеко къ югу тянется эта полоса. Утесъ ницкаго замка тоже образуетъ значительный выступъ, такъ что изъ нашего окна мы можемъ видѣть всю бухту и большую часть города. Песчаный берегъ спускается отъ домовъ подъ поверхность моря, и мы можемъ слѣдить на нѣсколько миль разстоянія за этимъ стѣпнымъ пескомъ, который, по видимому, отдѣляется отъ уровня воды только узкою лшіею пвнящихся волнь. У болѣе отдаленныхъ домовъ видны по большей части только верхніе этажи, подошва же ихъ закрыта желтоватою зеленою апельсинныхъ садовъ, тянущихся узкою полосой вдоль берега. Апельсинныя деревья покрыты спѣлыми плодами, ярко-желтый цвѣтъ которыхъ, въ соединеніи съ сочною зеленою листвей, представляетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи совершенно особенный зеленый оттъпокъ, отчасти похожій на цвѣтъ нашихъ лѣсныхъ деревьевъ въ началѣ осени, но гораздо болѣе яркій и свѣжій...

«Вѣчно волнующееся море придаетъ этой и безъ того богатой мѣстности новую прелесть. Пейзажъ безъ воды, по словамъ Брилья-Саварена, тоже, что десертъ безъ сыра. Но между водою и водою есть разница; расположимъ одинъ и тотъ же ландшафтъ на берегу озера или моря — видъ будетъ далеко не одинаковый. Я не знаю еще, кому отдать преимущество — Средиземному морю или океану, такъ какъ они

до такой степени отличаются другъ отъ друга, что почти невозможно прожестки рѣшительный приговоръ. Уже самый цвѣтъ ихъ совершенно различенъ. На океанѣ глубокая синева, которая, пожалуй, можетъ поспорить въ чистотѣ съ синевою неба; на Средиземномъ морѣ болѣе зеленоватый оттѣнокъ, особенно сильно обнаруживающійся во время волненія. На Средиземномъ морѣ почти всегда полное спокойствіе, едва замѣтный прибой волнъ и никакихъ измѣненій въ границѣ береговой линіи; на океанѣ безпрестанныя волны, старающіяся каждую минуту измѣнить видъ берега, сдѣлать его совершенно неузнаваемымъ. Можно почти сказать, что различіе между классицизмомъ и романтизмомъ высказалось даже въ этихъ двухъ моряхъ, омывающихъ западные и южные берега нашего материка...

„Нигдѣ на свѣтѣ нельзя найти такого богатаго разнообразія рыбныхъ породъ, какъ въ Ниддѣ, гдѣ югъ и сѣверъ такъ сказать протягиваютъ другъ другу руки и имѣютъ своихъ главнѣйшихъ представителей. Въ какихъ нибудь восемь дней ты увидишь здѣсь больше рыбъ и притомъ живыхъ, чѣмъ на всемъ европейскомъ материкѣ, хоть бы ты пѣздилъ его отъ сѣвера къ югу. По видимому, наблюденія надъ живыми рыбами представляютъ мало интереса, такъ какъ, вслѣдствіе твердой чешуйчатой оболочки, фигура ихъ меньше измѣняется, да и остальные характеристическія черты, отличающія одну породу отъ другой, заключаются болѣею частью въ твердыхъ, почти неизмѣняющихся частяхъ. Но съ другой стороны, нѣтъ въ жизни ничего болѣе постояннаго, какъ удивительные металлическіе цвѣта, которыми перелпвается чешуя болѣею части рыбъ. Многія изъ нихъ измѣняютъ эти цвѣта даже въ минуту своей смерти, и вотъ почему Агассисъ при изданіи своихъ рисунковъ прѣсноводныхъ рыбъ, раскрашивалъ ихъ по живымъ, плававшимъ въ водѣ, экземплярамъ. Это явленіе было также извѣстно древнимъ римлянамъ, и они главнымъ образомъ придавали такую высокую цѣну *Molius*, что измѣненіе цвѣтовъ его въ минуту борьбы съ смертію составляло для нихъ забавное зрѣлище. Поэтому на рынкѣ никакимъ образомъ нельзя было бы узнавать рыбъ, сохраняющихся въ музеяхъ, если бы судить только на основаніи цвѣта. Блестящій красный цвѣтъ, яркій желтый, небесно-голубой и свѣтло-зеленый, покрывающіе тѣла многихъ изъ этихъ рыбъ, переходятъ въ грязно-желтый при опущеніи ихъ въ спиртъ, и только по болѣе или меньшей густотѣ оттѣнка можно догадываться о прежнемъ ихъ различіи».

Я привелъ здѣсь довольно длинный отрывокъ изъ книги Фогта за тѣмъ, чтобы показать, какая огромная разница во взглядахъ на природу любознательнаго натуралиста и какого нибудь поэта, мечтающаго у береговъ того же моря и подбирающаго рифмы вмѣсто идей и фактовъ. У перваго каждое слово взвѣшено, провѣрено опытомъ

и дать знаніе, — а у втораго вѣсто мыслей — безжизненные образы и произвольные образы. Первый говоритъ прямо уму и развиваетъ наше мышленіе; второй тѣшитъ праздное воображеніе и щекочетъ ухо. Для перваго природа служитъ неистощимымъ источникомъ сознательнаго наслажденія и каждымъ своимъ явленіемъ открываетъ цѣлый рядъ новыхъ наблюденій, а для втораго это мертвая и сухая книга, надъ которой можно только предаваться пустымъ эстетическимъ изліяніямъ. Поэтому истиннымъ художникомъ или поэтомъ въ наше время можетъ быть только тотъ, кто изучаетъ красоту физическаго міра не въ однихъ внѣшнихъ ея образахъ, а въ самой сущности явленій и осмысливаетъ ихъ своимъ сознаниемъ.

Не смотря на то, что «Зоологическіе очерки» К. Фогта, относящіяся къ 1845 и 1846 годамъ, нѣсколько опоздали своимъ русскимъ переводомъ, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ отъ нѣкоторыхъ взглядовъ уже давно отказался, а изученіе морскихъ животныхъ далеко подвинулось впередъ, все-таки эта книга по своему общедоступному изложенію пригодится нашей публикѣ и особенно нашимъ молодымъ натуралистамъ. Переводъ «Зоологическихъ очерковъ», за исключеніемъ нѣкоторыхъ странныхъ галлицизмовъ и грамматическихъ промаховъ, очень хорошъ, несравненно лучше безграмотнаго перевода сочиненій Катрфажа, о которыхъ мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Катрфажъ, профессоръ музея натуральной исторіи, принадлежитъ къ числу тѣхъ старыхъ натуралистовъ, которые на досугѣ любятъ пофилософствовать о матеріяхъ важныхъ. Задавшись какойнибудь теоріею, основанною на одной гипотезѣ, они предпринимаютъ для подтвержденія этой теоріи разнообразныя изысканія и въ каждомъ открываемомъ явленіи ничего больше не видятъ, какъ оправданіе своей любимой теоріи. При долгомъ и напряженномъ сосредоточеніи ума на одной и той же идеѣ, у этихъ людей образуется своего рода мономанія. Какъ больному глазу, наблюдающему сквозъ микроскопъ, предметъ представляется не такимъ, какииъ онъ на самомъ дѣлѣ, а такимъ, какъ воспринимается впечатлѣніе его большимъ глазомъ, такъ и натуръ-философы смотрятъ на природу сквозъ свои собственные очки. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намёка на открытіе того или другаго закона, они видятъ его во всемъ блескѣ и уродуютъ факты, какъ только угодно имъ. До рѣшенія вопроса могутъ добраться только будущія поколѣнія, а имъ кажется этотъ вопросъ давно уже рѣшеннымъ, и весь живой міръ становится ничѣмъ другимъ, какъ олицетвореніемъ

ихъ идеѣ. Отсюда возникали самыя чудовищныя системы, самыя нелѣпныя теоріи, которыя заводили натуралистовъ въ такія темныя лѣса, что наконецъ не было никакого выхода. Надо было броситься или въ мистицизмъ или остановиться на какомъ нибудь *производителюмъ пятнышко* или яичкѣ. Но являлся гениальный умъ, вооруженный новыми фактами и глубокимъ анализомъ ихъ, открывавъ дѣйствительный смыслъ въ перетолкованныхъ вкривь и вкось явленіяхъ, и вся вредная работа обращалась въ пыль. Теперь стало ясно, что всѣ прежніе законы и теоріи, существовавшіе только въ воображеніи, были чистыя иллюзіи. Таюю дорожкой дошелъ Катрфаажъ до своего знаменитаго вывода о жизненномъ колоретѣ и въ концѣ концовъ придумалъ какую-то *эссенцію*, управляющую самою жизнью... Главной задачей Катрфаажа было доказать единство рода человѣческаго посредствомъ метаморфозъ и произвольнаго зарожденія. Вопросъ этотъ нѣкогда служилъ яблокомъ раздора между натуралистами. Одни стояли за полигенизмъ, другіе за монотенизмъ (происхожденіе человѣческаго рода отъ одной пары), наконецъ Атассисъ доказывалъ, что для каждаго типа людей былъ особенный центръ происхожденія или зоологическій поясъ. Полемика между этими тремя лагерями шла довольно живо; фактами и возраженіями противники не скупились, но къ положительному выводу, какъ водится, ни къ какому не пришли. Теорія Катрфаажа о произвольномъ зарожденіи опрокинута Пастеромъ. И пока естествознаніе не раздвинетъ шире своего горизонта и не приобрѣтетъ новыхъ фактовъ, болѣе существенныхъ для нашего современнаго знанія, такіе вопросы останутся за предѣлами опыта, и слѣдовательно въ мѣрѣ мечты и гипотезы. Поэтому, послѣ появленія книги Дарвина, сочиненія Катрфаажа мы должны считать совершенно лишними въ нашей литературѣ и если принять во вниманіе ихъ изъ рукъ вонъ плохой переводъ, то и негодными. Остается пожалѣть о бумагахъ, затраченной издателемъ совершенно непроизводительно.

Ни одна отрасль знанія не отличалась такою неподвижностію въ своемъ развитіи, какъ юридическія науки. Послѣ римскаго права, признавасяго идеаломъ совершенства и основаннаго на принципѣ рабства и угрозы наказаніемъ, юриспруденція не далеко ушла какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Юристы были всегда послѣдними,

на которых отражалось влияние умственного движения народов. В других сферах знания давно уже были уничтожены или подкопаны те самые предрассудки, которые оставались во всей своей целости в юридических кодексах. Так, например, сжигание человека на костре или переламывание пог и рук у преступника еще в XVI веке вызывало горячие протесты со стороны мыслящих людей, а между тем эти бесполезные муки производились в начале XIX столетия и под разными другими формами удержались в уголовных законодательствах до настоящей минуты. История смертной казни, перебившая тысячи различных видов, всего лучше доказывает, как медленно идея права сливается с действительной жизнью народов. Кроме того, идея права, выражаемая положительными законами, лежала на самых шатких основаниях и испытывала самые произвольные толкования. В теории она постоянно стремилась к какому-то вечному и непоколебимому принципу справедливости, а на деле подвергалась простой случайности и личным взглядам каждого. Так, закон Англии еще недавно посылал малолетнего вора, укравшего несколько шиллингов, на виселицу, а закон Америки того же преступника наказывал только трехдневным заключением в тюрьму. Поэтому, если бы виновного, положив в разбой, стали судить на основании разных уголовных законов европейских государств, то в одном его приговорили бы к смерти, в другом к ссылке и каторжной работе, в третьем к тюремному заключению на 10 лет, а в четвертом—на 40 и т. д. Причина такого колебания идеи права, по мнению Бентама, заключается в том, что юридическая теория ошибалась на счет своей коренной основы и принимала пустую фикцию за что-то положительное и конкретное; симпатию или антипатию, как чисто личные и индивидуальные свойства, она смешивала с принципом вечной справедливости. Так, если законодателю меланхолического и раздражительного характера нравилось преследовать за религиозные мнения и жечь людей только потому, что они не признают господствующей веры, то юристы спешили оправдать такую склонность абстрактной идеей справедливости; а так как абстрактная идея может перетолковываться на всевозможные лады, то, разумеется, с этой точки зрения право человека объяснялось так, как было выгодно тому, кто его объяснял. Таким образом метафизический взгляд на право, благодаря новейшим открытиям реальных знаний, оказывается ни-

куда негоднымъ. И потому самые отсталые юристы начинаютъ сомнѣваться въ его достоинствѣ и переходятъ къ историко-положительному методу въ изслѣдованіи криминальныхъ явленій.

Преступленіе есть явленіе общественное, прямо вытекающее изъ тѣхъ социальныхъ условій, подъ влияніемъ которыхъ развивался и дѣйствовалъ преступникъ. Какъ медицина, для распознаванія болѣзни, должна искать причины ея во внѣшнихъ явленіяхъ, которымъ подчиняется организмъ, такъ и хорошій юристъ для объясненія преступленія долженъ обратиться къ изученію общественнаго устройства, и здѣсь искать законовъ, управляющихъ всеми нашими дѣйствіями и поступками. Но становясь на эту единственную твердую почву, мы тотчасъ убѣждаемся, что всеми нашими индивидуальными и общественными отношеніями руководитъ великій принципъ пользы, т. е., *стремленія достигнуть возможно большаго счастья для возможно большаго числа людей*. Нѣтъ сомнѣнія, что многія общества поступаютъ совершенно на оборотъ этому стремленію, но тутъ уже виновать не принципъ, а грубое и тупое непониманіе своихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Разсматривая преступленіе съ этой точки зрѣнія, мы находимъ, что тамъ, гдѣ этотъ принципъ глубже проникаетъ въ общественную жизнь, число преступленій меньше, а тамъ, гдѣ онъ слабѣе развитъ, число преступленій больше. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ совершаетъ преступленіе вовсе не изъ удовольствія, а по необходимости, вслѣдствіе того же роковаго закона, по которому въ извѣстномъ обществѣ является столько-то больныхъ и калѣкъ. При этомъ надо замѣтить, что цѣфра преступниковъ и людей, пораженныхъ органическими недостатками, во всѣхъ европейскихъ обществахъ почти одинакова. Такъ, наприимѣръ, возьмемъ Францію за 1851 годъ, когда народонаселеніе ея простиралось до 35,783,170:

сумасшедшихъ	44,970
глухонѣмыхъ	29,512
слѣпыхъ	37,662
хромыхъ	75,063
горбатыхъ	44,619
Итого	231,826
Преступниковъ	228,512

Теперь еслибъ мы стали слѣдить за измѣненіями отношеній между этими цифрами, то увидѣли бы, что число преступленій и орга-

нческих недостатковъ имѣются параллельно, т. е. тѣмъ менѣе большихъ при неблагоустроенномъ состояніи общества, тѣмъ менѣе и преступниковъ, и обратно. Слѣдовательно, изученіе преступленія должно идти рядомъ съ изученіемъ органическихъ болѣзней общества. Если голодный годъ увеличиваетъ массу болѣзней, то онъ въ то же время увеличиваетъ и массу преступленій. Во время эпидемическихъ заразы и повального мора преступленія возростають въ соответственной пропорціи числу заболѣвающихъ. Все это заставило думать, что преступникъ и болѣзнь—одно и то же существо, органически испорченное, и требующее паталогическаго леченія. Для нашего времени эта истина слишкомъ нова и потому не дается въ толкъ современнымъ юристамъ, но когда естествознаніе освѣтитъ своими великими открытіями эту темную область, никто не станетъ осмѣривать этой истины.

Такимъ образомъ, матеріальное благосостояніе общества оказываетъ главнѣйшее вліяніе на количество и качество преступленія. Гдѣ человеку живется лучше, тамъ онъ проявляетъ менѣе наклонности сдѣлаться преступникомъ; тамъ, гдѣ ему хуже, преступленій совершается больше; иначе говоря, чѣмъ лучше общественный порядокъ вещей, тѣмъ криминальныя явленія повторяются рѣже. Во Франціи, невпримѣръ, послѣ Coup d'Etat Наполеона III, народное благосостояніе стало падать, а число преступленій возрастать. Такъ въ 1851—1855 число преступниковъ противъ собственности, сравнительно съ 1826—1830 года, увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, а преступленія противъ порядка государственнаго управленія утроились. Слѣдовательно, уголовное положеніе Франціи теперь гораздо хуже, чѣмъ было за тридцать лѣтъ прежде. Точно такія же данныя представляются по каждому виду преступленій въ связи съ тѣми общественными условіями, которыя вліяютъ на отдѣльныя явленія уголовщины. Если известная причина, порождавшая преступленіе, перестаетъ дѣйствовать, то и слѣдствіе ея исчезаетъ. За тотъ же періодъ времени во Франціи свобода совѣсти завоевала себѣ новыя права, и преступленія противъ религіи уменьшились болѣе чѣмъ на половину. Я не имѣю здѣсь мѣста разбирать подробно общественные элементы, изъ которыхъ слагается уголовная статистика того или другаго народа, — къ этому интересному предмету я возвращусь еще не разъ, а теперь спѣшу поговорить о сочиненіяхъ Миттермайера.

Не понимаю, почему Миттермайеръ удостоился особеннаго вниманія вѣстныхъ юристовъ и издателей, почему они предпочли его всяко-

му другому нѣмецкому рутинеру, въ родѣ, наприимѣръ, господина Коха, читающаго третій десятокъ лѣтъ о римскихъ Пандектахъ. Отъ современнаго юриста требуется знаніе не однихъ законовъ Юстиніана и кодексовъ виртенбергскихъ, баварскихъ и прусскихъ; современному юристу, если только онъ претендуетъ на знаменитость, надо стоять въ уровень съ тѣми идеями, которыя выработаны положительными науками. Если онъ изучаетъ право, какъ явленіе общественное, то ему нечего дѣлать съ метафизической тамъ, гдѣ нужны факты и строгіе выводы социальнаго характера. Человѣческія дѣйствія иначе нельзя изучать, какъ въ связи съ тѣми законами, которые даютъ направленіе всей нашей жизни, а законы эти лежатъ во внѣшней природѣ и общественныхъ отношеніяхъ. Но Миттермайеръ дальше Пандектовъ не ушелъ, — это видно по его книжкамъ, переведеннымъ на русскій языкъ; онъ держится метафизическаго воззрѣнія на право и дѣлитъ человѣческіе поступки на двѣ группы: нравственные и безнравственные, декламируя на эту тему все, что ни забредетъ въ голову. Поэтому-то Миттермайеръ является защитникомъ такихъ отсталыхъ вопросовъ, какъ сословіе адвокатовъ и пенитенціарная тюремная система. Прими эту роль на себя г. Рождественскій или одинъ изъ братьевъ Баршевыхъ, мы не сказали бы ничего, но въ знаменитомъ Миттермайерѣ намъ кажется это очень страннымъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что его издаютъ на русскомъ языкѣ, какъ новость, какъ юридическую звѣзду первой величины. Но это вовсе не звѣзда, а желтый, потертый листъ, отвалившійся отъ Пандектовъ.

Разсужденіе Миттермайера о «Сословіи адвокатовъ» поражаетъ своими нелѣпостями. Авторъ старается доказать необходимость корпораціи и монополіи этого сословія. Ему кажется, что безъ адвокатовъ нѣтъ спасенія ни правосудію, ни государству, ни подсудимому. Разумѣется, если есть хлѣбный амбаръ, то крысы непременно будутъ; если есть судъ, то защитники обвиняемаго всегда найдутся. И едва ли кто, кромѣ юриста, можетъ сомнѣваться въ томъ, что лучший защитникъ подсудимаго самъ же подсудимый. Представимъ себѣ, что онъ хорошо знакомъ съ формальной стороной судопроизводства, — а сущность своего дѣла онъ конечно знаетъ лучше всякаго адвоката, — то почему же такому подсудимому не предоставитъ право защищать себя или поручить свой процессъ, кому онъ найдетъ лучше? Нѣтъ, говоритъ Миттермайеръ, онъ непременно долженъ обратиться къ

адвокату, потому что сословіе это только тѣмъ и существуетъ, чтобы защищать подсудимыхъ. Но почему же медики, отсылающіе на тотъ свѣтъ никакъ не хуже адвокатовъ, не могутъ сказать того же самаго, что никто не смѣетъ умереть, не заплативъ аптегѣ и доктору извѣстной пошлины? Доводы, приводимые Маттермайеромъ въ пользу обязательнаго участія адвокатовъ, слишкомъ извѣстны, чтобы приводить ихъ здѣсь; они повторяются едва ли не со времени ІХ вѣка нашей эры. И никто лучше не разбивалъ этихъ доводовъ, какъ Бентамъ, изъ котораго мы и заимствуемъ слѣдующія строки:

„Сословіе адвокатовъ имѣетъ одни общіе интересы, диаметрально противоположные интересамъ тяжущихся; стремясь къ охраненію этихъ интересовъ, адвокаты дѣйствуютъ противъ публики съ преимуществомъ, какое имѣетъ регулярная армія надъ поселянами какойнибудь деревни. Въ Англіи это зло доведено до высшей степени, потому что здѣсь сословіе адвокатовъ неразрывно связано съ сословіемъ судей. Судьи были прежде адвокатами; они приносятъ съ собою предубѣжденія своей прежней профессіи, къ которой всегда сохраняютъ пристрастіе; отсюда происходитъ постоянный союзъ между судьей и врагами лицъ, вѣрныхъ его погеченію. Желательно, чтобы адвокатъ и судья находились въ естественной оппозиціи и зорко слѣдили другъ за другомъ. Къ несчастію вмѣсто этого они находятся въ естественномъ союзѣ, даже можно сказать, въ постоянномъ сообщничествѣ. И судья, и адвокатъ дружно поддерживаютъ злоупотребленія, изъ которыхъ одинъ извлекаетъ выгоды, а другой извлекаетъ. Судья, обогатившись на счетъ недостатковъ законодательства, не рѣшится отнять средства къ тому же у тѣхъ, кто вступаетъ на его прежнее поприще. Ему и въ голову не приходитъ нападать на систему, которой онъ главнымъ образомъ одолженъ своимъ значеніемъ и съ которою онъ слился. Отъ судей нельзя ожидать преобразования законодательства.

«Это сообщничество тѣмъ опаснѣе, что оно почти непримѣтно скрывается подъ особенными названіями. Родственные и дружескія связи, считаемыя столь опасными для судей, далеко не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ тѣми, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ первомъ случаѣ опасность представляется случайно и рѣдко, въ последнемъ она постоянна; такъ она очевидна, и потому есть возможность ея остерегаться,— здѣсь она, подобно вредоноснымъ испареніямъ, скрыта отъ взоровъ и непримѣтно поражаетъ своимъ ядомъ» *).

Это говоритъ не гейдельбергскій филистеръ, а дѣйствительно зна-

*) О судоустройствѣ, Бентама. Спб. 1860. стр. 103 — 104.

менитый юристъ, самъ бывший адвокатомъ, но озадаченный страшными злоупотребленіями этого сословія, онъ отвернулся отъ него и объявилъ ему непримиримую войну, веденную имъ въ продолженіе всей его жизни. Но Миттермайеру корпорація англійскихъ адвокатовъ кажется верховъ юридическаго совершенства. Съ его несчастной точки зрѣнія такъ и должно казаться

«Чѣмъ болѣе адвокаты, говорить онъ, пользуются довѣріемъ въ народѣ, тѣмъ чаще будетъ случаться, по англійскому обычаю, что частныя лица, прежде нежели они совершатъ важное юридическое дѣйствіе, посоветуются съ опытнымъ адвокатомъ».

Но кто же не знаетъ, что самая темная сторона въ юридической жизни Англій заключается именно въ томъ, что тамъ слишкомъ часто приходится обращаться къ адвокату, что при самомъ лучшемъ судоустройствѣ, какое только есть въ Европѣ, англійскіе трибуналы наполнены всевозможными ялузами и ябедами. Только монополія адвокатскаго сословія могла довести здѣсь процессы до такой дороговизны, что бѣдному человѣку гораздо легче быть повѣшеннымъ, чѣмъ отдать себя въ руки адвоката. А эти постоянныя стачки, проволоочки дѣлъ, не смотря на полный гласный судъ, эта жадность придавать самому простому случаю юридическое значеніе, — откуда все это, какъ не отъ корпоративнаго духа, связывающаго адвокатовъ въ одно сильное сословіе? Только тотъ судъ можно назвать добросовѣстнымъ судомъ, который рѣдко нуждается въ адвокатѣ и рѣшаетъ дѣло коротко и просто; но для корпораціи адвокатовъ весьма выгодно усложнять юридическія формальности и держать публику въ полномъ невѣденіи ихъ. Возбуждать процессы изъ самыхъ незначительныхъ случаевъ, раздувать ихъ до колоссальныхъ размѣровъ, поддерживать въ народѣ наклонность къ судейскимъ ябедамъ и сутяжничеству, — все это служить дѣломъ для привилегированнаго адвоката. Всякая монополія — зло, но монополія суда есть самое злѣйшее зло.

Не лучше смотреть Миттермайеръ и на тюремное одиночное заключеніе. Въ книгѣ своей: «Новѣйшее состояніе тюремъ въ Англій», онъ приходитъ въ неописанный восторгъ отъ того, что пенитенціарная система не только устрашаетъ своимъ наказаніемъ, но и исправляетъ преступника, что посадить человѣка въ однуую кѣтку и заставить его молчать нѣсколько лѣтъ или нѣсколько мѣсяцевъ есть величайшее благодѣаніе, предложенное криминалистами грѣхови ому

люду. Эта система, как плод ложно-понятой филантропіи, порожденной къ своей очереди эгоистическими неправдами, основана на томъ нелѣпомъ понятіи, что преступника надо удалить отъ всякаго сообщества съ подобными ему людьми и исправить. Поэтому протестантская нравственность нашла пенитенціаріи гуманнѣйшимъ изобрѣтеніемъ и покрыла Европу десятками тысячъ кѣтокъ, въ которыя запираются здоровые люди, а выпускаются съумасшедшими, или апатичными. На нихъ надѣваются что-то въ родѣ намордниковъ, чтобы они не могли видѣть другъ друга, имъ строго запрещается говорить и въ случаѣ непослушанія исправляютъ розгами, верченіемъ колеса, лишеніемъ пищи и тому подобными мѣрами. Цѣль исправленія, разумѣется, не достигается, потому что одиночное заключеніе противорѣчитъ всѣмъ условіямъ здоровой жизни, а преступника надо прежде лечить, а потомъ уже исправлять. Совершенно на оборотъ поступаетъ одиночная тюрьма. Она разстраиваетъ самыя крѣпкіе организмы и 10 человѣкъ на 100 дѣлаетъ идиотами или галлюцинаторами. Арестантъ, лишенный общества, естественно сосредоточивается на одной какой нибудь мысли и, разрывая ее среди глубокаго одиночества, доходитъ наконецъ до помѣшательства; если кромѣ того ему запрещаютъ чѣмъ нибудь заниматься, то при долгомъ заключеніи онъ теряетъ мускульную силу, впадаетъ въ апатію, и выходитъ изъ тюрьмы беспомощнымъ калѣкой. Такимъ образомъ вмѣсто исправленнаго преступника готовится обществу вредный нищій, или маленькій ворышка обращается въ отъявленнаго потомъ злодѣя. Молчаніе убиваетъ энергію мысли, потому что говорить и мыслить—два отправления физиологически тѣсно связанныя. Какъ велико это наказаніе можно судить потому, что рѣдкій преступникъ выдерживаетъ его во всей строгости и охотнѣе подвергается дисциплинарнымъ высканіямъ, чѣмъ полному повиновенію. Криминалисты-филантропы не могли придумать болѣе варварской кары, какъ молчаніе, потому что имъ стѣсняется одна изъ самыхъ сильныхъ потребностей человѣческаго организма, одна изъ самыхъ могущественныхъ привычекъ. Какъ ни тяжело чesать пеньку цѣлые годы, но, по увѣренію тюремныхъ смотрителей, это ничего не значить сравнительно съ молчаніемъ. Къ чему же могутъ служить душеспасительныя проповѣди, когда у преступника отнимаютъ возможность мыслить? И есть ли хоть капля здраваго смысла въ томъ, что доведутъ человѣка до крайняго раздраженія, ожесточатъ его до звѣрскаго состоянія, и потомъ требуютъ смиренія и раскаянія? И

можно ли придумать что нибудь хуже, безнравственнѣе, какъ отнять у человѣка умъ и оправдывать это гуманними цѣлями? Убивать человека — жестоко, но дѣлать его сумасшедшимъ еще хуже. А между тѣмъ одиночное заключеніе представляетъ неопровержимые факты сильнѣйшаго разрушенія здоровья преступникомъ. Вслѣдствіе этого криминалисты стали нападать на самое устройство тюремъ, думая, что арестанты страдаютъ психическими болѣзнями отъ недостатка воздуха, отъ сырыхъ помѣщеній, отъ дурной пищи. Нѣтъ сомнѣнія, что все это имѣетъ свою долю вреднаго вліянія, но не въ этомъ главное дѣло. Пенитенціальная или филладельфійская тюрьмы устроены превосходно, потрачены на нихъ огромныя суммы, обставлены онѣ всевозможными гигиеническими удобствами, и все-таки 30% ихъ населенія окончательно погибаетъ для общества: одни сходятъ съ ума, другіе впадаютъ въ болѣзненную меланхолю, третьи чахнутъ физически. Въ Россіи, если не ошибаюсь при Александрѣ I, была попытка завести въ Сибири что-то похожее на пенитенціальную тюрьму, но она не привилась у насъ, къ величайшему счастью нѣсколькихъ тысячъ сосланныхъ. Страшно подумать, какими губительными послѣдствіями могло сопровождаться одиночное заключеніе среди суроваго климата этого полудняго края, съ нашими инвалидами сторожами и съ тѣмъ копѣчнымъ содержаніемъ, какое получаетъ нашъ арестантъ. Тутъ всякая гильотина была бы облегченіемъ участи заключеннаго.

Вотъ эту-то систему поддерживаетъ Миттермайеръ и, на переکورъ всѣмъ фактамъ, видитъ въ ней благодѣтельное учрежденіе.

Очень любопытные случаи уголовной практики заключаются въ «Разсказахъ стариннаго письмоводителя» г. А. Высоты. Эстетическая критика должна, отнестись съ полнымъ презрѣніемъ къ этой книжкѣ, потому что здѣсь нѣтъ ни торжественнаго стиля академическихъ рѣчей, ни возвышенныхъ лирическихъ чувствъ, ни мѣстныхъ колоритовъ, ничего такого, что услаждаетъ душу читателя. Это — голое, сыроемъ представленное обличеніе, почерпнутое изъ канцелярій кварталальныхъ надзирателей, частныхъ приставовъ и, какъ выражается авторъ, «судейскихъ ершей». При чтеніи «Разсказовъ» г. Высоты прямо попадаешь въ компанію разныхъ наутовъ, сыщиковъ, взяточниковъ, убійць, откупщиковъ и тому подобныхъ героевъ, удивляешься, какъ это могъ авторъ на 139 страницахъ крупной печати собрать столько равной мерзости, благопріобрѣтенной имъ изъ житейскихъ опытовъ. Еслибъ у насъ было гласное

судопроизводство и судебные процессы печатались бы въ особенномъ органѣ, тогда г. Высота не имѣлъ бы надобности писать рассказы о похожденияхъ «судейскихъ ершей». Все это мы прочитали бы въ болѣе полномъ и обстоятельномъ видѣ въ официальной газетѣ. Но пока у насъ нѣтъ ни открытаго суда, ни обнародованія процессовъ, то «Записки стариннаго писмоводителя» имѣютъ свою прелесть. Онѣ наглядно доказываютъ, какія сокровища должны скрываться въ архивахъ нашихъ судовъ и канцелярій, сколько интересныхъ сюжетовъ пропадаетъ тамъ даромъ для нашихъ драматурговъ, романистовъ и обличителей. И все это—замѣтите—лежитъ въ самородкахъ, безъ всякихъ «красныхъ вымысловъ», со всей суровой правдой дѣйствительности. Вотъ напримѣръ первый рассказъ—«Мертвое тѣло».

«Это было давно!..., говоритъ авторъ. Гмъ... да... точно... Ну да въ которомъ бы тамъ году ни было, только было, а именно когда служилъ въ нашемъ губернскомъ городѣ квартальнымъ надзирателемъ Илья Петровичъ Шельмобитовъ, а я писмоводителемъ у него былъ... Жила, знаете, въ ту пору у насъ въ кварталѣ, въ деревянномъ домикѣ на канавкѣ, мизерную квартиренку нанимала одна старушка, такъ—себѣ, хапжа, баронессою Ропень прозывалась. Жила она одиночкою, никого къ себѣ не принимала, дома, что называется, никогда не сидѣла, все по городу болталась... Ну-съ, такъ въ одно утро входитъ къ намъ въ контору дворникъ того дома, гдѣ жила старушонка, да и говорить, что баронесса наша куда-то пропала; недѣля съ двѣ какъ въ квартиру свою не является. «Ну пропала, такъ и пропала, думаемъ себѣ съ Ильей Петровичемъ,—шутъ съ ней». Отобрали, разумеется, отъ дворника свидѣние: когда молъ, что и какъ: пошли въ квартиру старухи, опечатали ея имущество и, нечего дѣлать—надо правду сказать,—при этомъ потомъ не оказалось серебрянаго кофейника да пары столовыхъ ложекъ, которыя были у баронессы; и по порядку донесли объ отлучкѣ баронессы начальству, стало и дѣлу конецъ».

Далѣе мы передадимъ для краткости своими словами рассказъ г. Высоты. Между тѣмъ, какъ пропала безъ вѣсти баронесса, у берега рѣки Нары было найдено мертвое тѣло женщины, лежавшее въ сундукѣ. Началось слѣдствие. Начальство поручило Шельмобитову розыскать. Пошлипросы и допросы, осмотрѣли квартиру баронессы, подозрѣвая, что мертвое тѣло принадлежитъ ей. При осмотрѣ квартиры Шельмобитовъ попалъ на пару башмаговъ и чепчикъ точно такіе же, какіе были на мертвой женщинѣ. Илья Петровичу толь

ко этого и нужно было; теперь онъ болѣе не сомнѣвался, что мертвое тѣло—сама баронесса Ропень.

«Баста, говоритъ Шельмобитовъ, вѣрно! и толковать печего... ты, бутылочная голова (это мнѣ-то), пиши актъ!»

За тѣмъ оставалось рѣшить другой вопросъ: кто убилъ и положилъ въ сундукъ старую баронессу? Походилъ, подумалъ Шельмобитовъ надъ этимъ вопросомъ, да и говорить, обращаясь къ своему письмоводителю.

— Какъ ты думаешь, кто убилъ бабу? — А Богъ его знаетъ, отвѣчаю я. — А я такъ опять положительно тебѣ скажу, что это дѣло дворника, вилялъ шельма бурлаками при обыскѣ, — ты это замѣтилъ?...

Такимъ образомъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія соображенія и желая поскорѣе угодить начальству, Илья Петровичъ рѣшилъ, что убійца никто иной, какъ дворникъ. Притянули бѣднягу мужика въ контору и поставили его передъ свѣтлое лицо Шельмобитова для допроса. Илья Петровичъ, какъ слѣдуетъ строгому начальству, принялъ видъ дикобразный, глаза выпучилъ, брови насупилъ и говорить дворнику зычнымъ и грознымъ голосомъ:

— А! такъ это ты?...—Я, батюшка, я, ваше в-дѣе. — Ну, хорошо... Такъ рассказывай, какъ ты ее уходилъ? — Кого уходилъ ваше в-дѣе?! — Да баронессу-то. Самъ вѣдь только-что сказалъ мнѣ, что ты... — Господь съ вами, ваше в-дѣе! Вы меня окликнули, такъ я и отозвался — Экъ куда стрѣльнулъ! Хитерь, братъ. Одумался, да поздно. Господа! слышали?—Въ конторѣ въ это время кой-кто былъ—Слышали, говорятъ.— Ну такъ ты (это мнѣ-то), говоритъ Илья Петровичъ, пиши сейчасъ же актъ о сознаніи, синми съ него показаніе, не подпишется — разчеркнись, что по упорству подписаться не согласился, а его шельму въ часть для содержанія въ секретномъ номерѣ, да живо! Когда готово будетъ, скажи мнѣ: надо ѣхать, доложить объ этомъ начальству»...

Актъ былъ написанъ, дворника, доведеннаго «до чистосердечнаго признанія», спровадили въ секретную арестантскую, а Шельмобитовъ отправился докладывать по начальству.

«Что тамъ было, продолжаетъ авторъ, какъ онъ докладывалъ, этого я не знаю: темна вода во облацѣхъ; только послѣ доклада Илья Петровича велѣно было бабу похоронить, имущество баронессы взять подъ

присмотръ полиціи, а не дѣлу произвести строжайшее слѣдствіе... Производила его комиссія, нарочно для сего наряженная. Въ числѣ слѣдователей находился и Илья Петровичъ. Парень и при слѣдствіи ту же пѣсню запѣлъ: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, виновныйъ ни въ чемъ. Однако такъ сбили его съ толку, запутали какими-то, богъ знаетъ, разнорѣчивыми показаніями и... представили дѣло въ судъ на рѣшеніе. А судъ, принявъ во вниманіе разнорѣчіе показаній парня при слѣдствіи и собственное сознаніе въ кварталѣ, призналъ его виновнымъ при упорномъ заперательствѣ въ убійствѣ баронессы Ропенъ, а потому положилъ... ну да что вамъ и разсказывать, что за убійство полагається.

„Не выдержалъ парень, въ тюрьмѣ и умеръ. Нашлись земляки, похорошили его кое-какъ на кладбищѣ и на могилѣ поставили большой деревянный крестъ. А Илья Петровичъ хвастался, что произвелъ успѣшный розыскъ и довелъ убійцу до чистосердечнаго сознанія. Такъ-то, батенька!..“

Но черезъ полгода является къ тому же Шельмобитову баронесса Ропенъ, та самая, которую считалъ Илья Петровичъ убитою, и предъявляетъ квартальному неотразимыя доказательства, что она дѣйствительно баронесса Ропенъ, возвратившаяся съ богомолья. Шельмобитовъ нѣсколько растерялся, но, походявъ и недумавъ, рѣшилъ, что надо молчать, а баронессу перетаскать въ другой кварталъ, подалеже отъ сосѣдей, которые ее знали. Рѣшено и сдѣлано.

«Такъ дѣло и заглохло, заключаетъ писмоводитель. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и никто ничего объ этомъ не знаетъ. Я получилъ отъ Ильи Петровича за молчокъ пятьдесятъ толкачей, — молчалъ, куда могъ. Самъ же онъ и по настоящее время благоденствуетъ, успокоился совершенно.»

Въ такомъ характерѣ и всѣ отдѣльные разказы г. Высоты: «Темное дѣло», «Кража», «Починка крыши», «Судейскій ершъ и полицейскій карась» и проч. Авторъ не претендуетъ ни на талантъ, ни на литературное достоинство своего разказа, но предметъ говорить самъ за себя такъ краснорѣчиво, что выкупаешь всѣ недостатки авторской посредственности.

Книжонка: «Матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго ингилизма» эта принадлежатъ къ числу тѣхъ безобразныхъ компіляцій, въ которыхъ помѣщаются чужія слова и мысли, понадерганные изъ разныхъ газетныхъ статей и профессорскихъ диссертаций. Это что-то похожее на ночную пляску вѣдьмъ Шекспировскаго Мак-

бета, или употребляя болѣе точное сравненіе, что-то смахивающее на сырую похлебку, въ которую брошены кусочек свиного хвоста, персиковая косточка, ослиное копыто, половина рѣдьки и т. п. Все это сварено на оосорножъ огнѣ и предложено публикѣ подъ названіемъ «Матеріаловъ для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма». Если авторъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе разоблачить матеріалистическій нигилизмъ, то онъ отнесся бы къ своему предмету не такъ, какъ Илья Петровичъ Шельмобитовъ отнесся къ мертвому тѣлу баронессы Ропецъ. Собрать разную брань подъ видомъ доводовъ и возраженій еще не значить поразить своихъ враговъ.

Но авторъ наконецъ долженъ успокоить нашихъ публицистовъ, которые, какъ извѣстно, ведутъ происхожденіе нигилизма отъ «Отцовъ и Дѣтей» г. Тургенева, и слѣдовательно страшатъ насъ этой заразой, какъ явленіемъ еще небывалымъ въ лѣтописяхъ человѣчества. Успокойтесь, господа, и читайте «матеріалы для разоблаченія»; вѣдь вы увидите, что первый матеріалистъ былъ Будда,—лопни у меня утроба,—если не самъ Будда (см. стр. 46). А кто бы, вы думали, былъ первымъ нигилистомъ?—Лукіанъ, тотъ самый Лукіанъ, который «какъ воронъ летаетъ надъ полемъ язычества, усѣянномъ трупами и безпрестанно повторяетъ злорадно мелодію атеизма. «Вотъ этотъ-то воронъ и есть первый нигилистъ, а отъ него по нисходящей линіи народились и прочіе нигилисты, даже тѣ, съ которыми считаетъ священнымъ долгомъ сражаться не только авторъ «матеріаловъ», но и фельетонистъ «Современника». Такъ вотъ оно какъ! Доселѣ мы думали, что нигилизмъ родился недавно, а выходитъ, что онъ уже существуетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и считаетъ своимъ прародителемъ старика Лукіана. Да и не одинъ Лукіанъ стоитъ въ разрядѣ этихъ мальчишекъ; есть и другіе почтенные старики, какъ напримѣръ, Юмъ, Гельвецій, Вольтеръ, отчасти даже Беконъ и Ньютонъ были нигилистами. Вона куда хватилъ авторъ «Матеріаловъ!»

Теперь, если угодно знать, откуда это «тлетворное дыханіе» завелось у насъ—авторъ сейчасъ удовлетворитъ ваше любопытство.

„Рѣдкій молодой человекъ, побывавшій за границей (а ихъ не мало,) не выпесетъ *отъ туда* (правописаніе сохраняю авторское) хотя начатковъ этихъ уродливыхъ ученій, обольстительныхъ для юнаго ума. На родинѣ, гдѣ есть уже закваска и между болѣе зрѣлыми людьми, началь-
Отд. II.

ныя идеи матеріализма разрабатываются, дополняются, распространяются въ кружкахъ молодыхъ людей* и т. д.

Въ заключеніе прибавимъ, что послѣ такихъ сочиненій, какъ «Таинственный эликсиръ», «Искусство выигрывать въ карты», «Искусство нравиться женщинамъ», и тому подобныхъ искусствъ, намъ уже давно не приходилось читать такой ерунды, какъ «Материалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма».

Г. В.

БАЮЩИЙСЯ, НО НЕ РАСКАЯВШИЙСЯ ФЕЛЬЕТОНИСТЪ
«СОВРЕМЕННОГО».

«Такъ-то, дитя мое, все преуспѣваетъ въ этомъ свѣтѣ, говорилъ Гейне мюнхенской служанкѣ; тупость становится ироніей, неудавшееся лизоблюдство — сатирой... наконецъ и ты сдѣлаешься Аспазіей новыхъ Аеинъ». Говоря это, Гейне, конечно, не зналъ, что будетъ дѣлаться въ нашей литературѣ, до которой ему еще меньше было дѣла, чѣмъ до мюнхенской служанки; ему, конечно, и во снѣ не снились знаменитыя афоризмы фельетониста «Современника» о *чашѣ* и о томъ, что *яйца курицы не учатъ*. Но Гейне, какъ гениальный человѣкъ, — а гениальные люди обладаютъ даромъ предугадыванія, провидѣлъ въ лицѣ своей мюнхенской собесѣдницы и фельетониста «Современника», въ особенности его похождения въ мартовской книжкѣ этого журнала... Дѣйствительно, «все преуспѣваетъ въ этомъ свѣтѣ». Прежде бывало, если проврется какойнибудь недалый фельетонистъ, въ родѣ Никиты Безрылова, то онъ ужъ стоитъ на своемъ и ведетъ дѣло прямо, на-чисто. Послѣ отвратительнаго фельетона садится писать отвратительный романъ, и называетъ его «Взбаламученное море». Это значить быть послѣдовательнымъ, не робѣть мальчишекъ и не показывать имъ шатанія

ума. Той же методы придерживались и другіе публицисты, которые поклялись истребить нигилизмъ для блага отечества. Ну что жъ? Тутъ и разсуждать не о чемъ. Съ одной стороны благо отечества, а съ другой послѣдовательность убѣжденій, противъ чего и рожномъ прать трудно.

Но не такъ поступаетъ фельетонистъ «Современника»; онъ видимо преуспѣваетъ дальше всѣхъ. Послѣ неприличной его выходки противъ молодаго поколѣнія въ январской книжкѣ, онъ началъ оправдываться въ мартовской. Какъ онъ попалъ съ своимъ оправданіемъ изъ кудька въ рогожку — это мы увидимъ ниже, а теперь скажемъ о нашихъ личныхъ отношеніяхъ къ фельетонисту «Современника». Январская выходка его, пересыпанная за неимѣніемъ не только аттической, но и сольвычегодской соли, разными грязенькими намеками и глумленіемъ надъ тѣмъ, что вовсе не дѣло ума фельетониста, заставила насъ предостеречь его... Мы ни слова не говорили, когда онъ предавался своимъ невиннымъ упражненіямъ; сколько душѣ его угодно, онъ могъ потѣшать публику разными Трефандосами и каплуновымъ населеніемъ Глупова; онъ могъ хоть каждый день изобрѣтать разныя смѣхотворныя слова для развлечения своихъ читателей, которые въ старину поручали эту обязанность въ нѣсколько другой формѣ Балакиревымъ; все это выходило очень занятно и для головы не обременительно. Но вотъ ему улыбнулась въ перспективѣ какая-то полная чаша, и онъ вѣроятно *по чувству врожденной ему скромности*, не желая прихлебывать изъ нея одинъ, сталъ приглашать вмѣстѣ съ собою и другихъ; куряныя свои принципы, которыхъ онъ могъ держаться про себя, онъ началъ навязывать и своимъ читателямъ. Все это вызвало насъ на объясненіе съ фельетонистомъ «Современника».

Зашѣтка «Рус. Слова» не прошла даромъ. Фельетонистъ «Современника» посвятилъ намъ въ мартовской книжкѣ весь свой фельетонъ, изъ котораго мы окончательно убѣдились, что *чаша* дѣйстви-тельно полна, но что въ ней заключается не нектаръ, а какая-то желтая жидкость. Цѣлые ручьи этой жидкости были вылиты на насъ разсерженнымъ фельетонистомъ; обруганы мы всѣ такимъ казарменнымъ стилемъ, какому могъ позавидовать самъ покойный «Весельчакъ». Во первыхъ всѣ мы названы *вислоухими*, и *юродствующими*, что повторяется, по меньшей мѣрѣ, разъ двадцать; за тѣмъ слѣдуютъ *crescendo*—*наскудные, либерально-размазистые, драм-*

ное болотное население, ежидные, чибисы, драбаны, минуты, и еслибъ отъ подобныхъ остротъ не пахло саломъ курдючнаго барана, то мы могли бы выписывать ихъ еще дальше. Во-вторыхъ «Рус. Слово», осмѣлившееся напомнить о приличіи фельетонисту «Современника», названо имъ *невиннымъ, разухабистымъ ораномъ невинной нигилистской ерунды*. Все это, разумеется; не ново и занисствовано изъ «Зановы», которая въ последнее время даже поощряеть фельетониста «Современника» на поприщѣ его краснорѣчія, сугубо пріятнаго для фельдфебелей-юмористовъ. Въ-третьихъ, какъ водится, мы обруганы *мальчиками*, что уже вовсе не остроумно, потому что въ числѣ этихъ мальчиковъ есть люди лѣтъ за сорокъ; но и эту остроуту предвосхитили у фельетониста «Отечеств. Записки», выбравшія насъ *грудными младенцами*, а «Оса» пошла еще дальше и поразила насъ прозваніемъ *птенцовъ*. Таими-то остроумными эпитетами наполненъ весь фельетонъ. Мы ожидали, что намъ отвѣтять на вопросы, поразяснять на счетъ чаши и куриныхъ принциповъ, на счетъ пляска и пѣнія нигилистки, разсѣивающей трупы, но фельетонистъ только вскользь коснулся своей чаши, — при чемъ на ланитахъ его замѣтно выступила краска, — а другіе пункты прошелъ величественной фигурой молчанія. Впослѣдствіи, говорить, изяснимъ все это, такъ какъ прежде, чѣмъ разсуждать о предметахъ серьезныхъ, надо хорошенько потереть лобъ. Но мы знаемъ, что и впослѣдствіи фельетонистъ ничего не скажетъ, потому что сколько ни три лобъ, а изъ него ничего не извлечешь, кромѣ словъ: *разухабистые* и *либерально-размазистые*. Такимъ образомъ въ результатѣ всего фельетона, направленаго противъ насъ, осталась одна ругань. Въ этомъ отношеніи мы нисколько не удивляемся изобрѣтательности фельетониста; вся его литературная карьера состояла изъ того, чтобы къ крошечнымъ мыслишкамъ привѣшивать пудовыя гири разной брани, которая на нашемъ рынкѣ продается за самыя мысли. Другихъ достоинствъ мы и не признавали за добродушнымъ юмористомъ. Но насъ удивляетъ то, какимъ образомъ редація журнала, всегда отличающагося тактомъ, позволила открыть у себя вмѣсто легкаго литературнаго отдѣла какой-то балаганъ, наполненный кривляньями и буфонствомъ. Къ чему этотъ безпредметный гамъ и стонъ, тамъ, гдѣ читатели привыкли ожидать мысли, гдѣ долейка изъ-за мнѣній никогда не превращалась въ мелкое раздраженіе какого-то канцелярскаго самолюбія. Вѣдь люди, на мѣстѣ которыхъ

теперь отхватывает своего трепана фельетонистъ, не клеветали на своихъ оппонентовъ только потому, что они расходились съ ними во мнѣнїяхъ. Вѣдь такіе благородные дѣтели, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ, спорѣ согласились бы тысячу разъ замолчать, чѣмъ чернить своего противника изъ-за угла и вывертываться съ помощью одной ругани. Что сходить съ рукъ какойнибудь «Занозѣ», гдѣ сплошная глупость покрываетъ собой все, то едва ли сойдетъ въ такомъ журналѣ, какъ «Современникъ»; и мы еще разъ предупреждаемъ его, что есть границы униженія, за которыми возвратитъ прежнее сочувствіе уже будетъ не легко... Вѣдь нашло же «Русское Слово» возможность не смѣшивать уважаемыхъ нами сотрудниковъ «Современника» съ чужой овцой, попавшей въ ихъ кругъ. Нельзя же предполагать, чтобъ у насъ не доставало тѣхъ самыхъ самыхъ огарковъ, которыми швыряетъ въ насъ фельетонистъ. Объ этомъ, кажется, слѣдовало бы подумать почтенной редакціи.

Но мы съужѣли бы перенести личные оскорбленія, и на ругань фельетониста стыдились бы отвѣчать, еслибъ не замѣтили въ его нартовскомъ фельетонѣ желанія устроить себѣ лазейки тамъ, гдѣ ихъ не должно быть. И такъ какъ эта манера — выходить изъ воды сухимъ сдѣлалась почти общею въ журналистикѣ послѣдняго времени, то оставлять ее безъ вниманія никакъ не слѣдуетъ. Посмотрите, что за маскарадъ идетъ среди бѣлаго дня; одинъ увѣряетъ, что онъ намѣренъ идти по пути прогресса задомъ напередъ; другой объявляетъ, что онъ либераль — умѣренный на три унціи современнаго либерализма, а третій только на двѣ. Такимъ образомъ, дробя либерализмъ на унціи, каждый выгораживаетъ себѣ мѣстечко потеплѣе и, на случай нужды, можетъ всегда прибавить или убавить нѣсколько унцій, такъ что и волки сыты, и овцы цѣлы. Точното же и въ отношеніи къ молодому поповичю; можно обругать его à la Бзрыловъ, и тотчасъ же прибавить: «вѣдь я не всѣхъ, не огуломъ, а только зловредную часть ея, и притомъ безъ всякаго злостнаго умысла, а такъ сдуру и мноюходомъ.» Потомъ ужъ если очень заврался, то можно прикинуться благородно негодующимъ и сказать: «ну, разумѣется, не поняли меня; вѣдь это предметъ еще слишкомъ деликатный, и говорить о немъ ясно не всегда удобно. Наконецъ, можно сослаться и на срочную журнальную работу, отъ которой трудно и требовать, *чтобы писатель былъ всегда ясенъ и изобразителенъ*; и такъ какъ подобныя увертки иногда принимаются въ уваженіе отъ дѣтей десяти-лѣтняго

возраста, то отчего же не попробовать вывернуться и мужу, если ужъ приходится очень жутко. Такимъ образомъ, устранивая себѣ лазейку, можно всегда съ нѣкоторымъ удобствомъ отступить. Такъ дѣлалось прежде, такъ дѣлается и теперь. Вотъ, напримѣръ, какъ изъяснилось «Время» въ 1862 году:

«... Но мы ненавидимъ пустыхъ, безмозглыхъ крикуновъ, позорящихъ все, до чего они ни дотронутся, марающихъ всю чистую, честную идею уже однимъ тѣмъ, что они въ ней участвуютъ; свистуновъ, свистящихъ изъ хлѣба и только для того, чтобы свистать; вызъжающихъ верхомъ на чужой, украденной фразѣ, какъ верхомъ на палочкѣ, и подхлестывающихъ себя маленькимъ кнутикомъ рутиннаго либерализма».

Это говорилось въ юмористическомъ объявленіи г. М. Достоевскаго въ сентябрѣ 1862 года. А въ мартѣ 1864 въ юмористическомъ фельетонѣ «Современника» говорится вотъ что:

«... Но безъ сомнѣнія всего болѣе способствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и юродствующие, которые съ ухарскою развязностію прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ... Однимъ своимъ участіемъ они дѣлаютъ неузнаваемымъ всякое дѣло, до котораго прикасаются, подобно тому, какъ мухи лѣтотъ въ одну минуту засиживаютъ какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную.. Итъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, котораго они не засидѣли бы».

Не знаемъ, вывертывался ли г. Достоевскій срочной журнальной работой, не всегда позволяющей изъясняться изобразительно, но, подобно фельетонисту «Современника», и онъ обезпечилъ себѣ лазейку. И что это за изумительное сходство между этими двумя русскими юмористами! Если одинъ скажетъ: *безмозглые*, то другой въ *pendat* ему изъяснится: *вислоухіе*. А развѣ *кнутикъ рутиннаго либерализма* не такъ же остроумень, какъ *засиживание дѣла*? А развѣ здѣть верхомъ на фразѣ, какъ на палочкѣ, не столь же смѣхотворно, какъ *прикомандировывать себя съ ухарскою развязностію къ дѣлу*? Однимъ словомъ, сходство полнѣйшее не только въ остроуміи, но и въ глубинѣ мысли. Но вотъ въ чемъ разница. Хотя г. Достоевскій и оставилъ себѣ лазейку, но отступленія такого рода были уже открыты въ журнальной тактикѣ и протягиваніе руки къ чашѣ сдѣлалось не совсѣмъ удобнымъ, Помнится, г. Антоновичъ, разбирая «Отцы и дѣти» Тургенева, на счетъ лазеекъ писалъ такъ въ «Современникѣ»:

„Защитники г. Безрылова старались оправдать его знаменитый фельетонъ и представляли дѣло въ такомъ видѣ, будто бы онъ грязно и цинически издѣвается не надъ самыми принципами, а только надъ уклоненіями отъ нихъ, и когда онъ говоритъ, напримѣръ, что эманципация женщины есть требованіе для нея полной свободы въ разгульной и развратной жизни, то выражалъ этигь не свое собственное понятіе объ эманципации, а понятіе другихъ, которыя онъ хотѣлъ будто бы осмѣять, и что онъ вообще говорилъ только о злоупотребленіяхъ и перетолкованіяхъ современныхъ вопросовъ. Найдутся, быть можетъ, охотники, которые посредствомъ такого же натянутого приема захотятъ оправдывать и г. Тургенева, скажутъ, что, изображая молодое поколѣніе въ смѣшномъ, карикатурномъ и даже вѣлпомъ видѣ, онъ имѣлъ въ виду не молодое поколѣніе вообще, не лучшихъ его представителей, а только самыхъ жалкихъ и ограниченныхъ его дѣтей“.

Если г. Антоновичъ такъ строго отнесся къ типу Базарова (хотя между Базаровымъ и героями безрыловскаго фельетона по меньшей мѣрѣ такое же различіе, какое, напримѣръ, между г. Косицей и носовымъ платкомъ Гейне), то какъ же онъ долженъ былъ бы отнестись къ фельетонисту «Современника», еслибъ фельетонистъ стоялъ на мѣстѣ Тургенева? Но какъ бы ни отнесся г. Антоновичъ, а лазейки уже давно обнаружены, и желающіе проскочить въ нихъ рискуютъ увязнуть. Поэтому опытъ научилъ насъ не вѣрить на слово, когда говорятъ намъ, что я-де «и въ прошломъ году отнюдь не притворялся и высказывалъ свои мнѣнія съ полною откровенностію... И если я выражалъ свою мысль не всегда одинаково рельефно, то это происходило во-первыхъ отъ того, что сюжетъ самъ по себѣ еще слишкомъ деликатенъ, а во-вторыхъ отъ того, что при срочной журнальной работѣ трудно и требовать, чтобы писатель былъ всегда одинаково ясенъ и изобразителенъ». Но не особенно успѣли вы, г. фельетонистъ, въ изобразительности и на этотъ разъ; иначе вы изяснились бы нѣсколько *порельефнѣе* на счетъ слѣдующей вашей фразы: «А Россія даже не подозрѣваетъ, существуютъ ли они, эти новаго рода социалисты, взирающіе на жизнь, какъ на увеселительное представленіе съ пѣніемъ и плясками?» Что это за социалисты новаго рода? Ну а вы стараго или средняго, и такъ же серьезно взираете на жизнь, какъ ваши Трефандосы? А что это такое за Мошешоты, напутствующіе изъ своего далека? И изъ какаго № «Московскихъ Вѣдомостей» вы позаимствовались этими изобразительными фразами? Если все это изображено въ видахъ лазейки, то Богъ съ

вами и пользуйтесь ею на здоровье, но ужь тогда не морочьте почтеннѣйшую публику, будто ваша философія такого рода, что *хладнокровно и безъ увлеченій* нельзя и говорить о ней. А очень было бы любопытно послушать васъ, когда бы вы стали философствовать. Тутъ-то, я думаю, напустили бы свѣту, — хоть ставни закрывай!

Нѣтъ, ужь лучше раскаяться бы вамъ чистосердечно и сполна, въ томъ убѣжденіи, что половинна покаянія хуже самого заперательства. Тогда не нужно было бы прибѣгать ни къ лазейкамъ, ни къ философіямъ, о которыхъ нельзя говорить безъ «огня въ очахъ» и безъ натиранія лба. А еще было бы лучше, еслибъ вы оставили въ покоѣ молодое поколѣніе, которое и безъ васъ удостоивается слишкомъ предусмотрительныхъ попеченій со стороны нашей журналистики. Не много пользы молодому поколѣнію отъ нашихъ комплиментовъ, но и нѣтъ надобности глумиться надъ нимъ или представлять его какимъ-то пугаломъ, передъ которымъ декламируются разныя филиппики разными фельетонистами. Къ чему это самопожираніе Отантянъ, когда мы еще не дошли до такой крайней необходимости? Если молодое поколѣніе быстрѣе воспринимаетъ новыя идеи, то это понятно; все молодое воспримчивѣе и любознательнѣе. Если оно предпочитаетъ честный трудъ сгибашю спины въ разныхъ переднихъ, то и это понятно; передъ нимъ еще только открывается жизнь, и оно не хотѣло бы израсходовать ее попусту. Если оно, почти разутое и пѣшикомъ, идетъ по всѣмъ направленіямъ Россіи въ университеты, то и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; оно хочетъ учиться и мыслить, чтобы не надувать и не эксплуатировать. Если въ его стремленіяхъ есть много неугаданныхъ цѣлей, не сбывшихся надеждъ, даромъ потраченныхъ силъ и увлеченій, если въ средѣ его есть и жалкіе Кирсановы и Кургинины, то все же въ общемъ оно лучше насъ съ вами, фельетонистъ «Современника», и по выродкамъ его еще нельзя произносить приговоръ надъ цѣлымъ поколѣніемъ. Видано ли гдѣ нибудь, чтобы журналистика издѣвалась надъ той частью общества, съ которой она находится въ естественной связи и отъ которой она должна ожидать лучшихъ своихъ дѣятелей. Если молодое поколѣніе еще не разжилось на столько, чтобы сморкаться въ батистовы платки и одѣваться у Шармера, то это между прочимъ оттого, что оно слишкомъ долго читало ваши фельетоны и мало занималось серьезно. Во всякомъ случаѣ ставитъ

ему въ упрекъ это обстоятельство еще нелишнее, чѣмъ считать васъ аристократомъ... Правда, требованія его не велики, но они болѣе существенны, чѣмъ наши; оно жаждетъ не бесплодно жить, какъ изжили свой вѣкъ почтенные отцы, и въ этомъ требованіи нельзя отказать ему. Никакая рутинна не устоитъ противъ силы вещей, если эта сила вошла въ колею своего развитія. Такъ перестанемъ же нянчить надъ молодымъ поколѣніемъ и предоставимъ его собственнымъ его стремленіямъ и ошибкамъ. На чьей сторонѣ молодость и будущее, на сторонѣ тѣхъ всегда будетъ и успѣхъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦІЯ. Выборы 21-го Марта. — Мнѣніе г. Геру о ихъ значеніи. — Походъ господъ сенаторовъ противъ свободы мысли. — Борьба сословія правительственныхъ судей съ судомъ присяжныхъ. — ГЕРМАНИЯ. Подвиги пруссаковъ и австрійцевъ въ Даніи. — Значеніе лондонскихъ конвенцій по шлезвиг-голштинскому вопросу. — Способъ рѣшенія этого вопроса, предложенный французскимъ правительствомъ. — Взглядъ на него національ — и реформистрейна. — Остроумная статья объ этомъ предметѣ, написанная Карломъ Фохтомъ. — Урокъ, данный цивилизованной Европѣ Гавайскими островами. — ВЕНГРИЯ. Голодъ. — Строгія мѣры правительства для предупрежденія мятежа. — МЕКСИКА. Новый ея императоръ отказывается отъ своихъ наследственныхъ правъ на австрійскій престолъ. — Соглашеніе его съ Людовикомъ Наполеономъ III. — Новый мексиканскій заемъ. — Лига испано-американскихъ республикъ противъ нашествія французовъ. — ИТАЛІЯ. Политическій застой въ народѣ, замѣнявшій прежній энтузіазмъ. — Мнѣніе оптимистовъ объ этомъ предметѣ. — Уравненіе поземельной подати. — Итальянскіе людоеды XIX вѣка. — Болѣзнь палы. — Преслѣдованіе гарибальдійцевъ. — Желаніе Пьемонта освободиться отъ южныхъ провинцій. — АНГЛІЯ. Пріемъ, сдѣланный англичанами Гарибальдя. — Обращеніе ихъ съ Мадзини. — Происки торіевъ. — АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Положеніе военныхъ дѣлъ. — Значеніе новаго набора

Французскіе избиратели снова дѣйствовали на переборъ своему правительству и въ сѣверномъ департаментѣ, и въ департаментѣ Сены. Въ Камбрѣ, братъ префекта полиціи, г. Боатель, котораго первое избраніе не было утверждено, такъ какъ оно соединялось съ плутовскими маневрами, побѣжденъ былъ своимъ конкурентомъ, господиномъ Стивенаромъ. На этотъ разъ администрація объявила, что она сохранитъ нейтралитетъ между своимъ бывшимъ протече

и его противникомъ. Такой-же нейтралитетъ она обѣщалась сохранять и въ Парижѣ; однакожъ г. Леви, занимающій общественную должность, выступилъ въ качествѣ кандидата, по просьбѣ или скорѣй по приказанію императора, а господину Пинару поручено было собрать, съ своей стороны, голоса приверженцевъ правительства. Итакъ, положено было, что правительство выставить своихъ кандидатовъ; но вмѣсто того, чтобы объявить ихъ громогласно кандидатами императора, оно ихъ выпускало на арену исподтишка и, въ нѣкоторомъ родѣ, анонимнымъ образомъ; предвидя вѣрное поражение, оно скрыло своихъ солдатъ за оградой оффиціального нейтралитета, который, однакожъ, никого не въ состояніи былъ ввести въ обманъ.

Однакожъ, такъ какъ воздержаніе правительства отняло у борьбы ея главный интересъ, то весьма многіе избиратели, съ своей стороны, также воздержались отъ выборовъ. Изъ 70,810 избирателей, означенныхъ по описи, явились передъ урной только 42,277, т. е. 59%. Это воздержаніе произвело еще другой результатъ, а именно раздробленіе коалиціи различныхъ оппозицій, республиканскихъ и орлеаннстскихъ, которыя, не имѣя болѣе передъ собою признаннаго противника, должны были раздѣлиться на свои составныя части. И вотъ это-то раздѣленіе партій и составляетъ главный интересъ выборовъ 21-го апрѣля.

Въ каждомъ округѣ около дюжины кандидатовъ различныхъ отѣнковъ рекомендовали себя выбору избирателей. Большая часть изъ нихъ представляли не болѣе, какъ свои личные честолюбивые виды, и только нѣкоторые домогались чести быть представителями извѣстной партіи или извѣстнаго мнѣнія.

Гг. Карно и Гарнье-Пажесь, которые, благодаря своей извѣстности, имѣли огромный перевѣсъ надъ прочими конкуррентами, не пользуются большою популярностью. Роль, которую они играли лично, не очень значительна. Господинъ Карно преимущественно извѣстенъ, какъ сынъ своего отца, а г. Гарнье-Пажесь—какъ братъ своего брата. Но въ качествѣ лицъ, принадлежавшихъ въ 1848 году, они имѣли значеніе этого года; даже для передовой партіи они означали ошибки этой эпохи. Господинъ Гарнье-Пажесь, прозванный *сорокъ пять сантимовъ*, соединилъ свое имя съ черезъ-чуръ знаменитымъ налогомъ, который такъ сильно повредилъ популярности новаго правительства въ глазахъ сельскаго населенія. Что касается

господина Карно, то отъ него менѣе, чѣмъ отъ кого-либо другаго, слѣдовало ожидать, что онъ въ настоящее время приметъ званіе депутата, такъ какъ онъ уже два раза, въ 1852-мъ и въ 1857-мъ году отказывался засѣдать въ палатѣ. Въ первый разъ онъ для того именно и былъ избранъ республиканскою партіею, чтобъ отказать отъ присяги имперіи. Дѣйствительно, 29-го мая 1852 года, г. Карно, избранный въ Парижѣ, подписался вмѣстѣ съ двумя другими лицами подъ письмо, адресованное на имя президента законодательнаго корпуса,—письмо такого содержанія:

«Избиратели Парижа и Ліона отыскали насъ въ нашемъ уединеніи или заточеніи.

«Мы имъ благодарны за то, что они вспомнили, что наши имена сами собою протестуютъ противъ уничтоженія общественной свободы.

«Но мы не полагаемъ, чтобъ наши избиратели хотѣли заставить насъ засѣдать въ законодательномъ корпусѣ, лишенномъ возможности возстановить нарушенное право.

«Мы отвергаемъ безнравственную теорію умалчиваній и такъ называемыхъ заднихъ мыслей, и отказываемся отъ присяги, требуемой отъ депутатовъ при вступленіи ихъ въ законодательный корпусъ»...

Избранный вторично въ 1857 году, г. Карно снова отказался отъ присяги. Его поведеніе отличалось гордостью, правда; но оно должно было бы остаться послѣдовательнымъ. Отказавшись отъ присяги два раза, г. Карно все-таки наконецъ согласился присягнуть. Этимъ онъ осудилъ свою собственную партію, произнесъ приговоръ надъ самимъ собою и подвергся неприятымъ размышленіямъ относительно безнравственной теоріи умалчиваній и такъ называемыхъ заднихъ мыслей.

Вотъ почему многія изъ лицъ, принадлежащихъ къ оппозиціи, ни за что не желали имѣть депутатами господъ Карно и Гарнье-Пажеса, и болѣе благопріятствовали «рабочей» кандидатурѣ господина Толена, или точнѣе—кандидатурѣ Толена, работника, избраніе котораго, по ихъ мнѣнію, должно было льстить самолюбію простаго народа и придать ихъ движенію, въ нѣкоторомъ родѣ, социалистическій оттѣнокъ.

Что касается до умѣренныхъ и до политиковъ партіи дѣйствія, то они всѣми силами старались содѣйствовать избранію господина Лабуаэ, члена института. Этотъ полу-либеральный буржуа отличается

своею ученостью, пользуется хорошею репутаціею и, кромѣ того, извѣстенъ, какъ партизанъ selfgovernment'a и какъ переводчикъ сочиненій Чаннинга, знаменитаго унитарнаго проповѣдника Соединенныхъ Штатовъ. Избраніе господина Лабулэ имѣло бы послѣдствія: оно освободило бы передовую партію отъ необходимости присягнуть имперіи и заставило бы буржуазію идти далѣе на пути оппозиціи.

Таковы были разсужденія въ нѣдрахъ красной партіи. Что касается до буржуазіи и до синихъ республиканцевъ, то они молчали и оставались почти въ совершенномъ бездѣйствіи. Не имѣя своего собственнаго принципа, они чувствовали, что сбились съ дороги. До этого времени они могли нападать на знамя правительства, но съ тѣхъ поръ, какъ это знамя исчезло, они не имѣли болѣе ни центра, ни точки соединенія. Поэтому они оставались въ свѣей налать, и вотъ почему такъ значительно увеличилось число лицъ, воздержавшихся отъ выборовъ (этихъ лицъ было одиннадцатью тысячами болѣе, чѣмъ въ 1862 году). Прежде отъ подачи голосовъ воздерживались люди передовой партіи, а теперь безмолствовали и умѣренные.

Восхищенное оборотомъ, какой приняли дѣла, правительство хотѣло увеличить суматоху въ рядахъ оппозиціи, и съ этою цѣлью запретило совѣщательныя сходки избирателей, допускавшіяся прежде. Весьма было естественно, что народъ, пользующійся, какъ говоритъ правительство, верховною властію, народъ, называемый *Peuple Souverain*, и который долженъ произносить свой приговоръ, вкладя бюллетени въ избирательную урну, что этотъ народъ, приступая къ такому важному акту, желалъ дѣйствовать не съ завязанными глазами. Извѣстна была исторія паденія этого права сходокъ, для котораго нѣкогда произведена была революція. Извѣстно было также, что декретомъ требовалось для публичныхъ сходокъ, какого бы рода онѣ ни были, испрашивать предварительно разрѣшенія правительства. Но всѣ были далеки отъ мысли, что правительство заставитъ полицію вторгнуться въ частныя дома, съ тѣмъ, чтобы изгнать оттуда избирателей, лично приглашенныхъ хозяевами, и которые бесѣдовали между собою о предстоявшихъ выборахъ.

Это была весьма ловкая выходка. Герцогъ Персины въ 1862 году потерялъ избирательное сраженіе, потому что хотѣлъ кандидатовъ императора навязать народу насильственно. Его преемникъ, г. Буде, принялъ радикально противоположную систему: онъ вы-

велъ императорскихъ кандидатовъ на сцену исподтишка; въ случаѣ ихъ неожиданной побѣды, онъ бы торжествовалъ, а въ случаѣ ихъ вѣроятнаго пораженія, онъ бы не подвергался никакой отвѣтственности. Эта тактика представляла одно только неудобство: она въ самомъ основаніи опровергла аргументъ правительственныхъ ораторовъ, которые вмѣшательство администраціи въ дѣла выборовъ оправдывали обязанностью ея руководить всеобщею подачею голосовъ. Извѣстно, что всякая обязанность признается вслѣдствіе своего собственнаго авторитета, независимо отъ послѣдствій, какія она можетъ имѣть. Но вмѣшиваться въ дѣла выборовъ тогда, когда есть надежда на торжество, и отказываться отъ этого вмѣшательства, когда предстоитъ несомнѣнное пораженіе, это значить не исполнять обязанность, а прибѣгать къ уловкѣ. Но—замѣтимъ еще разъ—главная выгода этой тактики состояла въ томъ, что оппозиціи представился случай раздѣлиться на свои многочисленныя составныя части и обнаружить, такимъ образомъ, ихъ относительную силу, и что данъ былъ отвѣтъ господину Руге, который во время преній объ адресѣ воскликнулъ: Наконецъ, скажите, кто же вы?

Тактикѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, какъ нельзя болѣе, помогала раздоръ, немедленно возникшій между журналами оппозиціи. Принято было за аксіому, что избраніе девяти оппозиціонныхъ депутатовъ навязано было населенію Парижа коалиціею журналовъ. На этотъ разъ каждый журналъ дѣйствовалъ отдѣльно и выбиралъ для себя особаго протезѣ въ числѣ двухъ дюжинъ кандидатовъ, которые въ одно и то же время домогались чести быть избранными въ депутаты. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ напрасно не остался вѣренъ своей тактикѣ до конца; онъ обнаружилъ свою игру, представивъ въ послѣдній моментъ, передъ самыми выборами, господина Леви, какъ кандидата императора. Наканунѣ открытія выборовъ, циркуляры господина Фредерика Леви объявляли «*позднюю кандидатуру*» достопочтеннаго мера, который не рѣшался выступить раньше». Такъ какъ г. Леви рѣшился представиться выбору своихъ соотечественниковъ такъ поздно, то спрашивается, по какому праву имя его могло попасть въ списокъ кандидатовъ, который семь дней тому назадъ долженъ былъ считаться оконченнымъ и ни для кого уже болѣе недоступнымъ? Незаконность такого поступка тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что одинъ депутатъ красной партіи, который рѣшился присягнуть, подвергся со стороны администраціи весьма строгому обращенію. Дѣло

въ томъ, что г. Бансель далъ въ парижской ратушѣ предварительную присягу, которая требуется отъ всякаго кандидата, желающаго поступить въ законодательный корпусъ. Первый пунктъ сенатскаго рѣшенія, отъ 17 февраля 1858 года, предписывающій эту формальность, гласитъ: «Письменная присяга только въ томъ случаѣ признается дѣйствительною, когда она содержитъ слова: «Присягаю въ повиновеніи конституціи и въ вѣрности императору». Въ присягѣ же, представленной отъ имени господина Банселя, слова оказались перемѣшанными. Господинъ Бансель, дѣйствительно, присягнувъ въ повиновеніи и въ вѣрности, но, вѣроятно потому, что не былъ предваренъ—онъ предложилъ императору повиновеніе, слѣдующее конституціи, а конституціи—вѣрность, слѣдующую императору. Ратуша отказалась принять эту присягу, объявивъ ее недѣйствительною, и ни за что не соглашалась допустить исправленіе этой ошибки, подтѣмъ предложивъ, что уже было поздно; но шесть дней спустя, не оказалось позднимъ принять присягу кандидата, которому благопріятствовалъ г. Буде. Такой поступокъ находили страннымъ.

Какъ бы то ни было, исторія Банселя и Леви была только одною изъ подробностей, которая въ сущности не измѣнила общаго положенія дѣлъ—многочисленности кандидатуръ, раздѣленія оппозиціи на разныя группы, борьбы, возникшей между предводителями ихъ, разногласія оппозиціонныхъ журналовъ, и невозможности соглашенія, разъясненія взаимныхъ недоразумѣній и примиренія партій,—невозможности, происшедшей вслѣдствіе строгихъ мѣръ, принятыхъ полиціею противъ всякихъ сходовъ избирателей.

И однакожъ изъ этого положенія дѣлъ, столь невыгоднаго для оппозиціи, вышло совершенное пораженіе его превосходительства, г. министра внутреннихъ дѣлъ *), и послѣ того всѣ воскликнули: въ

*) Гг. Пинаръ и Леви получили вдвоємъ 11,509 голосовъ изъ 42,277 (т. е. 27 проц.) противъ 30,768 (т. е. 73 проц.), данныхъ кандидатамъ оппозиціи. Побѣдителями были гг. Карно и Гарнье-Пажесь, получившіе всего 27,995 голосовъ, а 2,773 голоса достались другимъ кандидатамъ оппозиціи.

Окончательный результатъ выборовъ выражается такимъ образомъ;
Изъ всеобщаго числа голосовъ получили:

Гг. Карно и Гарнье-Пажесь	68 проц.)	73 проц.
Другіе кандидаты оппозиціи	7 проц.)	
Гг. Пинаръ и Леви		27 проц.

Итого. 100

этомъ виновать г. Буде! Какъ оправдались притчи Соломона, въ которыхъ говорится, что успѣхъ не всегда на сторонѣ ловкихъ, а побѣда не всегда на сторонѣ сильныхъ! Въ этомъ виновать г. Буде! Какъ не видѣлъ онъ, что, запрещая сходки избирателей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ разыгратъ взаимному соперничеству партій и препятствуетъ имъ разсориться другъ съ другомъ окончательно?! Какъ не видѣлъ онъ, что, заставляя молчать людей, готовыхъ другъ друга бранить, онъ предоставляетъ народъ внушеніямъ инстинкта, и что въ такомъ случаѣ изъ числа всѣхъ представленныхъ кандидатовъ выборъ долженъ пасть на тѣхъ, которыхъ имена наиболѣе извѣстны избирателямъ. При всеобщей подачѣ голосовъ, необходимы имена, которыя имѣютъ значеніе, которыя пользуются извѣстностью и могутъ служить знаменемъ для народа. За недостаткомъ именъ новыхъ, избиратели должны обратиться къ старымъ. Нѣтъ ни одного новаго политическаго дѣятеля; ни одинъ новый талантъ не проявляется на сценѣ, которая, по правдѣ сказать, даже и не существуетъ. Чтѣ же дѣлать народу при всеобщей подачѣ голосовъ? Онъ по необходимости долженъ обратиться къ прошедшему, къ событію, которое ознаменовало себя въ исторіи, какъ послѣдняя эпоха національной жизни и свободы; въ 1864 году онъ долженъ обратиться къ воспоминаніямъ 1848-го.

Господинъ Эмиль Жиарденъ, главный редакторъ «Прессы», журнала оппозиціи, одинъ изъ тѣхъ лицъ, которыя удостоились быть приглашенными ко двору въ Компьень и въ Тюльери, не задумался сдѣлать строгое замѣчаніе господину Буде по поводу его ошибки. «О, непоследовательность!» говоритъ онъ:—«вотъ вамъ и справедливое наказаніе за попытки уничтожить свободу народа! Выходить на дѣлѣ, что правительство неволью сдѣлалось защитникомъ кандидатуръ господъ Карно и Гарнье-Пажеса, что оно обезпечило ихъ успѣхъ, не дозволивъ эти кандидатуры подвергнуть испытанію, при которомъ, по всей вѣроятности, онѣ бы пали сами собою!»

А вотъ и неожиданный переворотъ! Послѣ сраженія оказалось, что имена побѣдителей переимѣнили свое значеніе. Гг. Карно и Гарнье-Пажесъ наконецъ стали представлять передовую партію, которая всѣми силами старалась воспрепятствовать ихъ избранію. Это событіе любопытно, и однакожъ оно вытекаетъ изъ самой логики вещей. Отчаяніе побѣжденныхъ увеличило результаты побѣды. Журналы правительства сами громко воскликнули: «Кандидаты передо-

вой демократіи, кандидаты партіи войны и революціи, торжествуютъ еще разъ!» Они съ воплемъ признаютъ, что либеральное правитель-ство императора нашло на выборахъ только десять тысячъ голосовъ, вооруженныхъ противъ партіи безпорядка, организованной, какъ армія, всегда готовая на бой; десять тысячъ голосовъ — противъ революціи, суматохи и анархіи, и противъ парламентскаго либерализма и неурядицы; всего десять тысячъ голосовъ — противъ социализма, который былъ бы отрицаніемъ всѣхъ принциповъ. Многіе изъ приверженцевъ имперіи даже совѣтуютъ подвергнуть всеобщую подачу голосовъ строгимъ ограниченіямъ.

Оказывается, что избраніе господъ Карво и Гарнье-Пажеса означаетъ признаніе республики и отрицаніе имперіи. Республиканцы объ этомъ не думали, но имперіалисты сами подтвердили это значеніе, и имъ нельзя не вѣрить. Такое сужденіе было ложнымъ, но оно теперь сдѣлалось истиннымъ. Прежде оно подразумѣвалось только нѣкоторыми, а теперь превратилось въ предметъ всеобщей вѣры и приобрѣло силу закона. Всего яснѣе это мнѣніе высказывается журналомъ оппозиціи «Opinion Nationale», который избралъ своимъ назначеніемъ сдѣлать либеральною имперію и имперіализировать Францію. Господинъ Геру, редакторъ этого журнала, все свое счастье и честолюбіе полагаетъ въ этой противорѣчивой роли: домогаться свободы посредствомъ деспотизма. Онъ видитъ, что корабль, несущій судьбу Бонапартовъ, ныряетъ между подводными камнями, и съ удивительной откровенностью и ясностью выражаетъ свою досаду и свое отчаяніе по этому поводу въ замѣчательной статьѣ, которая всѣми считается знаменательною. Эта статья составляетъ событіе, которое уже три недѣли служитъ предметомъ разговора для населенія, обыкновенно отличающагося забывчивостью. Вотъ она:

«Всеобщая подача голосовъ произнесла свой оракулъ 21 марта. Темень-ли этотъ приговоръ? Нисколько; нѣтъ надобности долго думать, чтобы понять его смыслъ и значеніе.

«На послѣднихъ іюньскихъ выборахъ общественное мнѣніе было воодушевлено; оно требовало болѣе свободы, и для олицетворенія этого желанія оно указывало на людей различныхъ оттѣнковъ либеральной оппозиціи. Теперь, недовольное тѣмъ, что оно не получило ожидаемыхъ уступокъ, оно ищетъ своихъ избранниковъ въ мирѣ воспоминаній, чуждомъ тому политическому началу, подъ которымъ мы живемъ.

«Но пусть не скажутъ, что общественное мнѣніе было увлечено или возбуждено журналами. Въ іюнѣ мѣсяцѣ такой аргументъ могъ еще быть довольно правдоподобнымъ: журналы тогда имѣли—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось—большое вліяніе на успѣхъ выборовъ. На этотъ разъ не было ничего подобнаго. Въмѣсто того, чтобы согласоваться и соединиться, журналы раздѣлились въ своихъ мнѣніяхъ. Явилось множество весьма различныхъ кандидатуръ. Журналы были увлечены потокомъ общественнаго мнѣнія, или побѣждены; не они выдумали кандидатуру господина Карно: они ее получили готовою. Что касается до кандидатуры г. Гарнье-Пажеса, то мы возставали противъ нея съ самаго начала; «Siècle» присоединился къ ней не тотчасъ, и за невозможностью дѣйствовать иначе. Итѣкъ ясно, что въ этотъ разъ нельзя ставить ни въ славу, ни въ укоръ журналамъ успѣхъ, одержанный господами Карно и Гарнье-Пажесомъ.

«Эти два почтенные кандидата, въ своей *profession de foi*, выражали принципы, согласные съ нашими. Было ли это обстоятельство причиною ихъ успѣха? Откровенно говоря, мы этого не думаемъ. Они дали присягу и добровольно стали на почву законную и конституціонную, и поэтому никто не имѣетъ права заподозрить ихъ намѣренія. Что же касается до ихъ избирателей, то на счетъ ихъ не должно дѣлать себѣ иллюзій: они преимущественно хотѣли почтить своимъ выборомъ двухъ членовъ правительства 1848 года, двухъ слугъ республики. Желаете ли знать глубокой смыслъ вчерашнихъ выборовъ? Они означаютъ сильное негодованіе. Вотъ истина, и только.

«Мы, быть можетъ, имѣемъ особое право объяснить правительству смыслъ избранія господъ Карно и Гарнье-Пажеса, такъ какъ мы принуждены сознаться, что неудача, испытанная администраціею, обрушилась и на насъ. Журналъ «*Opinion Nationale*» побѣжденъ; его опередили. Онъ полагалъ, что одного члена временнаго правительства будетъ достаточно; ему дали двухъ. Онъ соглашался на изъявленіе уваженія этому правительству, но протестовалъ противъ его апофеозы. Не смотря на то, совершена была апофеоза. Онъ говорилъ о либеральной имперіи, ему отвѣтили республикой. Журналъ «*Opinion Nationale*» побѣжденъ. Какъ же иначе? Вся его политика опровергнута, всѣ его надежды уничтожены. Онъ совѣтовалъ императорскому правительству дать народу свободу. Онъ надѣялся, что

имперія, послѣ пятнадцати лѣтъ ожиданія и тщетныхъ усилій, наконецъ перестанетъ дѣлать насилье желаніямъ римлянъ и предоставитъ въ Римѣ мірскую власть паны ея собственной судьбѣ. Журналъ «Opinion Nationale» полагалъ, что императорское правительство, поощривъ Польшу, признавъ ея права, сдѣлавъ въ ея пользу воззваніе къ человѣчеству и обратившись при этомъ къ тексту трактатовъ и къ высшимъ интересамъ цивилизаціи и европейскаго равновѣсія, рѣшится принять въ этомъ дѣлѣ участіе вооруженною рукою. Въ три года имперія истощила всю свою рѣшимость и энергію на мексиканскую экспедицію, это несчастное и непопулярное предпріятіе, стоившее уже много жертвъ людьми и деньгами, и которое — такъ надо думать — готовить въ будущемъ еще не одну неприятность.

«Мы переходили отъ одной нерѣшительности къ другой и наконецъ дошли до того, что всѣ континентальныя державы теперь дѣйствуютъ за одно противъ насъ, противъ нашихъ принциповъ и противъ нашихъ протестовъ, и что Англія предпочитаетъ подвергнуться униженіямъ, чѣмъ соединить свою судьбу съ пашею. Это такое же положеніе, въ какомъ была Франція при Людовикѣ-Филиппѣ, если исключить англійскій союзъ. Мы находимся въ какомъ-то кругѣ, который все болѣе и болѣе уменьшается, и все болѣе и болѣе становится замкнутымъ. Придется или разбить его, или подвергнуться цѣлому ряду поражений, униженій и обидъ, которыя для народнаго самолюбія не долго будутъ выносимы.

«Съ одной стороны, скудость въ надѣленіи народа свободою, а съ другой — нерѣшительность во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, очевидно подчиняемыхъ контролю англійской политики, и проявленіе въ официальныхъ кругахъ тѣхъ невозможныхъ доктринъ, которыя требуютъ отъ власти принятія строгихъ мѣръ противъ заблужденій свободной мысли, — вотъ, по нашему мнѣнію, обстоятельства, побудившія вчера избирателей двухъ округовъ Парижа обратить свои взоры къ прошедшему, и подать голосъ въ пользу двухъ членовъ временнаго правительства 1848 года, въ пользу двухъ представителей республики.

«Это была жестокая манифестація, признаемся. Не мало найдется людей, которые постараются уменьшить или увеличить значеніе ея въ глазахъ правительства: одни съ тѣмъ, чтобы усыпить администрацію и заставить ее предаться опасному спокойствію, а другіе

съ тѣмъ, чтобы напугать ее картиною пробужденія революціонныхъ страстей и промсковь со стороны вѣчныхъ враговъ порядка.

«Что касается насъ, не принадлежащихъ ни къ числу агентовъ безпорядка, ни къ числу усыпителей правительства, то мы откровенно признаемъ, что это двойное избраніе имѣеть значеніе, какого мы и не ожидали, и что оно обнаруживаетъ существованіе въ народѣ чувства неудовольствія и нетерпѣнія, болѣе сильныхъ, чѣмъ мы полагали, и проявленіе оппозиціонныхъ мнѣній, которыхъ порывъ не переставалъ увеличиваться въ продолженіе года.

«Императорское правительство иногда было столь благоразумно, что сознавалось въ своихъ ошибкахъ. Да не закроетъ оно глаза и въ этотъ разъ! Бываютъ положенія, которыхъ сохранить долѣе нельзя и изъ которыхъ слѣдуетъ выйти, во что бы то ни стало; бываютъ люди, оказывающіеся подъ конецъ несостоятельными, и отъ которыхъ надо освободиться; бываютъ льготы, уступка которыхъ представляется опасною, но которыя тѣмъ не менѣе необходимы; бываютъ, наконецъ, рѣшенія, откладываемыя со дня на день, но которыя общественное мнѣніе требуетъ настойчиво. Всеобщая подача голосовъ произнесла свой приговоръ; напрасно было бы возмущаться ея изрѣченіемъ. Правительства, образованія и ведущія свое начало отъ верховной власти націи, отъ воли народа, могутъ печалиться, видя, что управленіе общественнымъ мнѣніемъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ; но они далеки отъ мысли бороться противъ этого мнѣнія; они видятъ въ манифестаціяхъ, противныхъ ихъ цѣлямъ, не болѣе, какъ совѣтъ, предостереженіе, одинъ изъ тѣхъ симптомовъ, которые служатъ откровеніемъ для опытнаго глаза государственнаго человѣка.»

Мы нарочно такъ много распространились о выборахъ 21-го марта, потому что это событіе служитъ одною изъ ступеней, которыми опредѣляется медленное, но постоянное паденіе бонапартистской системы во Франціи.

По замѣчанію господина Геру, однимъ изъ явленій, не мало содѣйствовавшихъ настроенію избирателей антиправительственнымъ образомъ, былъ вопль, поднятый сенаторами, получающими каждый тридцать тысячъ франковъ въ годъ, — вопль, который, казалось, раздавался съ того свѣта, отъ покойныхъ приверженцевъ реставраціи. Кто бы подумалъ, что въ 1864 году найдется во Франціи чело-

вътъ, серьезно жалующійся на существованіе у насъ чрезмѣрной свободы печати? И однакожь такой человѣкъ дѣйствительно нашелся. Въ сенатъ поступила просьба нѣкоего господина Мерлена, отставнаго артиллерійскаго капитана, въ которой онъ обвиняетъ наше правительство въ преступномъ единомысліи съ безнравственною пресою, обвиняетъ на томъ основаніи, что романъ «le Maudit» читается съ жадностью.

Его высокопреосвященство, кардиналъ Бонншозъ, имѣлъ честь изложить это дѣло. Его рѣчь, служащая достойнымъ отголоскомъ циркулярныхъ посланій несчастнаго Пія IX, есть протяжный вопль, крикъ ужаса по поводу нападеній на свѣтскую власть папы и на злоупотребленія католическаго духовенства; а что еще важнѣе: эта рѣчь содержитъ въ себѣ доносъ, адресованный на имя полиціи. По мнѣнію высокопреосвященнаго оратора, геній зла и виновники общественнаго бѣдствія нападаютъ на священниковъ, на папу и на религію; если бы они нападали на общество прямо, обратившись къ нему лицомъ къ лицу, то встрѣтили бы жандармовъ, полицейскихъ чиновниковъ, императорскаго прокурора, ассизный судъ. Такъ какъ они хотятъ достигнуть ниспроверженія соціального порядка (т. е. гнѣлаго клерикальнаго), такъ какъ они желаютъ произвести всеобщее волненіе, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить своимъ страстямъ, своимъ честолюбивымъ замысламъ и своимъ прихотямъ (новое одобреніе на многихъ скамьяхъ), то они прибѣгаютъ къ уловкѣ, и для завоеванія земнаго царства нападаютъ на царство небесное. Они нападаютъ на религію и на тѣхъ, которые служатъ ей на землѣ. — Я бы не распространялся такъ много объ этомъ предметѣ, господа сенаторы, еслибъ не давно не прочелъ одной статьи въ журналѣ «Siècle», которая была перепечатана многими провинціальными газетами. Эта статья озаглавлена: «Что говорится вслухъ, и что думается тайкомъ». Она исполнена оскорбительныхъ нападокъ на папу и на епископовъ. Нашъ святой отецъ представленъ въ ней самозванцемъ, лицемеромъ! Такимъ же обидамъ подверглась и вся католическая іерархія! — Повѣрьте, господа сенаторы, мы бы не жаловались, еслибъ дѣло касалось насъ однихъ. Мы посвятили себя защитѣ истины, и должны съ твердостью переносить преслѣдованіе (о! высокопреосвященный мученикъ, достойный сенаторъ); но мы обращаемъ вниманіе правительства на распространеніе въ публикѣ нѣкоторыхъ

книгъ, пускаемыхъ въ продажу мелкими торговцами. Мы бы желали, чтобъ администрація имѣла надзоръ за раздачею права на содержаніе книжныхъ лавокъ. Почему книгопродавцевъ не подвергнуть такимъ-же правиламъ, какія существуютъ для аптекарей? Развѣ книжные магазины не содержатъ въ себѣ лекарства и яды для души, подобно тому, какъ аптеки содержатъ лекарства и яды для тѣла?... (Громкое одобреніе на многихъ скамьяхъ. Многіе сенаторы подходятъ къ его высокопреосвященству съ поздравленіями).

Тщетно г. Делангль защищалъ правительство, которое, по его замѣчанію, достаточно заботится объ укрощеніи вольнодумства; сенатъ утверждалъ, что въ этомъ отношеніи могло бы быть сдѣлано болѣе. Тщетно г. де-Ройе, который годился бы въ агенты Джеффориса, или для котораго Джеффорисъ могъ бы служить агентомъ, съ гордостью указывалъ на цѣлый арсеналъ оборонительныхъ оружій противъ своеволия мысли; на строгія гарантіи, требуемыя отъ издателей и книгопродавцевъ; на законы 1819, 1822, 1848, 1849, словомъ всякихъ годовъ и всякихъ формъ, законы, опредѣляющіе наказаніе за оскорбленіе общественной нравственности и религіи, за нарушеніе благочинія и т. д., наконецъ, на предварительную цензуру, которой подвергаются изданіе и продажа рисунковъ и гравюръ, театральныя представленія, а равно и разноска сочиненій. Этого было мало для его высокопреосвященства, г. кардинала де-Бонншозъ, для г. барона де-Шапюи-Монлавиль, знаменитаго въ лѣтописяхъ «Трибунальной газеты», для г. виконта Артюра де-ла-Геронниеръ, который однакожъ считается главою официальныхъ либераловъ имперіи и котораго журналъ «La France» признаетъ государственнымъ человекомъ.

Между тѣмъ господа сенаторы, пожуривши правительство, которое каждому изъ нихъ платило по тридцати тысячъ франковъ въ годъ, чувствовали, что чего-то не достаетъ для довершенія ихъ удовольствія. Министерство отказалось прочесть имъ просьбу, которая служила предметомъ такихъ важныхъ преній. Наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій этихъ господъ, докладчикъ началъ читать:

«Господа сенаторы,

«Рапортъ господина министра юстиціи, представленный императору, бросаетъ яркій свѣтъ на несчастное состояніе нравственности нашей страны. Къ несчастію, въ немъ нѣтъ ничего преувеличеннаго... Тридцать лѣтъ тому назадъ тяжкая рана заставила меня выйдти въ

отставку, и я избралъ для себя мѣсто мѣ жительства этотъ маленькій живописный городъ въ Вождскомъ департаментѣ. Здѣсь я слѣдилъ съ глубокою печалью за быстрымъ развитіемъ всѣхъ общественныхъ пороковъ, на которые указываетъ документъ господина министра. Всеобщее пьянство (отрицаніе), воровство, распутство, прелюбодѣніе, кровосмѣшеніе, и проч., и проч., — все это теперь, въ порядкѣ вещей; число незамужнихъ матерей почти равняется числу матерей, находящихся замужемъ. (Ропотъ). Нѣкоторыя изъ первыхъ имѣютъ отъ семи до восьми дѣтей. (Воскличанія).

«...Я видѣлъ, какъ возростало зло...

— Довольно! довольно! Не читайте далѣе! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Рядомъ съ избирательною борьбою и съ походомъ господъ сенаторовъ противъ общественной безнравственности, вниманіе публики въ значительной степени обращала на себя драма, разыгрывавшаяся въ ассизномъ судѣ, въ Эксѣ.

Морисъ Ру, слуга одного монпельскаго жителя, господина Армана, найденъ былъ запертымъ въ погребѣ. Судя по обвинительному акту, несчастный лежалъ на полу, обращенный лицомъ внизъ, хрипѣлъ и едва обнаруживалъ нѣкоторые признаки жизни. Шея его была крѣпко стянута веревкой, узлы которой глубоко врѣзались въ тѣло; другою веревкою связаны были за спиною руки пациента, а ноги одна къ другой привязаны носовымъ платкомъ, съ первоначальными именованными литерами подсудимаго. Веревка вокругъ шеи и отсутствіе петли для прикрѣпленія ея, могли сначала внушить мысль, что несчастный самъ себя хотѣлъ умертвить, но состояніе его рукъ и ногъ, связанныхъ крѣпко на крѣпко, не допускали подобнаго предположенія.

Морисъ Ру находился въ опасномъ положеніи; ему, очевидно, оставалось жить только нѣсколько мгновеній. Первый докторъ, призванный къ нему на помощь, замѣтилъ, что большая часть тѣла пациента помертвѣла и что пульсъ его бьется едва замѣтнымъ образомъ. Несчастный находился въ такомъ безчувственномъ состояніи, что даже не дрогнулъ рѣсницами, когда къ его главному яблоку прикоснулись пальцемъ. Надо было прежде всего возвратитъ его къ жизни. На другой день изслѣдователи могли, не подвергая больнаго опасности, приступить къ нему съ допросами. Морисъ Ру совершенно потерялъ голосъ, но онъ умѣлъ читать. При помощи представленнаго

ему алфавита, онъ обозначилъ имя своего господина, Армана, котораго обвинялъ въ покушеніи на убійство.

Всѣ жители города Монпелье до того были убѣждены въ дѣйствительности этого преступленія, что, для доставленія подсудимому безпристрастныхъ присяжныхъ судей, дѣло перенесено было въ монпельескаго ассизнаго суда въ Эссскій.

Въ опроверженіе этого обвиненія, защитники Армана, знаменитые парижскіе адвокаты, указали на множество противорѣчій, обнаружившихся въ показаніяхъ свидѣтелей. Они полагали, что слуга самъ себѣ могъ связать руки за спиною. Одинъ знаменитый — и хотѣлъ сказать извѣстный — врачъ, г. Тардіе, увлеченный, какъ говоритъ онъ, исключительно любовью къ истинѣ, нарочно пріѣхалъ изъ Парижа въ Эссъ, съ тѣмъ, чтобы опровергнуть медицинскія донесенія, на которыхъ основывалось обвиненіе подсудимаго. Между учеными медиками завязался споръ, представляющій мало назидательнаго. Свидѣтели съ обѣихъ сторонъ взаимно противорѣчили другъ другу. Арманъ и Ру, на очной ставкѣ, прозвали другъ друга гнѣвными, ядовитыми взглядами. Президентъ ассизнаго суда выказывалъ въ отношеніи къ подсудимому пристрастіе, недостойное судьи. Ру и Арманъ находились въ одинаково выгодномъ положеніи; слуга пользовался покровительствомъ духовныхъ особъ, а его господинъ былъ ярый реакціонеръ, увѣрявшій, что онъ въ 1848 году спасъ общество отъ нападеній коммунистовъ. Словомъ, можно было бы подумать, что народная поговорка: каковъ господинъ, таковъ и слуга, нарочно была составлена по поводу такого господина, какъ Арманъ, и такого слуги, какъ Морисъ Ру. Казалось, что именно такихъ людей имѣлъ передъ собою царь Филиппъ, когда онъ произнесъ такого рода приговоръ: подсудимый, убирайся вонъ изъ Македоніи, какъ можно скорѣе, и подъ опасеніемъ смерти не смѣй возвращаться! А ты истецъ, бѣги вслѣдъ за нимъ!

— «Вамъ теперь предстоитъ сдѣлать выборъ между двумя людьми», сказалъ президентъ въ заключеніе своей рѣчи, обратившись къ присяжнымъ. — «Если вы вѣрите Морису Ру, то вы осудите Армана; если же вы подсудимаго оправдаете, то потому, что въ вашихъ глазахъ Морисъ Ру — гнусный клеветникъ!»

Присяжные, принужденные такимъ образомъ произнести категорическій приговоръ, не могли, подъ опасеніемъ быть несправедливыми, присудить Армана къ галерамъ. Они поэтому оправдали его во всѣхъ

отношеніяхъ. Но судья, вѣрившіе въ виновность подсудимаго, приговорили его къ уплатѣ Морису Ру двадцати тысячъ франковъ штрафа за удары, *неловко нанесенные* слугѣ.

Помилуй Богъ! немедленно воскликнули при этомъ случаѣ: — ужели удары полнѣмъ въ затылокъ могутъ быть наносимы неловко?! Арманъ либо невиненъ, либо онъ дѣйствительно убійца, но ни въ какомъ случаѣ его нельзя назвать неловкимъ! — Общественное мнѣніе было взволновано. Въ рѣшеніи правительственныхъ судей увидѣли уничтоженіе приговора суда присяжныхъ—учрежденія, подъ которое администрація подкапывается всѣми возможнымъ средствами. Дѣйствительно, сословіе официальныхъ судей очень хорошо поняло, что между нимъ и присяжными происходитъ борьба на смерть. Если въ вопросахъ техническихъ и практическихъ, каковы напримѣръ рассматриваемые въ коммерческихъ судахъ, и въ вопросахъ деликатныхъ, касающихся высшей нравственности и требующихъ приговора жизни или смерти подсудимаго, судъ присяжныхъ, состоящій изъ гражданъ, избранныхъ свободно или назначенныхъ по жребію, предпочитается суду людей, занимающихся правосудіемъ по профессіи, то не представляется особой надобности сохранять специальныхъ судей для простыхъ вопросовъ гражданского суда, или для тѣхъ, которые касаются исправительной полиціи; дѣла послѣдняго рода мало по малу забираются въ руки комиссарами, назначаемыми правительствомъ, которые рѣшаютъ ихъ по своему.

Общественное мнѣніе увидѣло въ рѣшеніи правительственныхъ судей Экса нападеніе на спасительное учрежденіе суда присяжныхъ. Оно взволновано, и на всѣхъ пунктахъ Франціи оно настоятельно требуетъ отмѣны приговора провансальскаго суда.

Надо замѣтить, что оправданіе Армана встрѣчено было въ Эксѣ воступленными криками радости, а въ Монпелье — громкимъ, продолжительнымъ ропотомъ. Нѣкоторые свидѣтели здѣсь подвергались нападеніямъ черни; въ толпѣ происходили драки; бойцы кидали другъ въ друга камнями. Опасаются мятежа и стычки съ правительствомъ; въ настоящее время Монпелье находится въ нѣкотораго рода осадномъ положеніи.

Въ Шлезвигѣ и Голштиніи дѣла затянулись. Между тѣмъ, какъ на театрѣ войны люди убиваютъ другъ друга и жгутъ города, дипломаты англійскіе, австрійскіе и другіе написали цѣлые томы корреспонденцій, тѣмъ болѣе длинныхъ, что онѣ отличаются отсутствіемъ всякихъ идей. Наконецъ лордъ Пальмерстонъ, желавшій, во что бы то ни стало, оправдать свою бездѣятельность, достигъ своей цѣли: его предложеніе относительно конференціи принято, не только безъ заключенія перемирія, но и безъ предварительнаго указанія тѣхъ основаній, на которыхъ должны производиться переговоры. Извѣстно, что подобнаго рода конференціи ведутъ къ тому, чтобы сдѣлать войну и болѣе упорною и болѣе продолжительною: болѣе упорною потому, что удары, наносимые непріятелю на полѣ сраженія, признаются на конференціяхъ новыми положительными аргументами, а болѣе продолжительною потому, что всякая перемиѣна въ успѣхѣхъ оружія измѣняетъ основаніе переговоровъ, которые безпрестанно должны начинаться снова. Но Пальмерстону нужно было имѣть возможность объявить въ парламентѣ извѣстіе о принятіи конференцій: онъ этимъ защититъ себя отъ нападенія торіевъ, послѣ возвращенія ихъ въ палату, по окончаніи пасхальныхъ вакацій.

Либеральная и демократическая Германія *Національ-* и *Реформ-ферейна* мало по малу соглашается съ этимъ способомъ рѣшенія спора. Карлъ Фохтъ, одинъ изъ предводителей демократической партіи и одинъ изъ пяти администраторовъ покойной Германской имперіи 1848 года, въ своей остроумной брошюрѣ: «Указанія на современное состояніе дѣлъ» выражается такимъ образомъ:

«Лордъ Пальмерстонъ уже въ 1848 году предложилъ единственно возможное рациональное рѣшеніе спорнаго вопроса. Его предложеніе было остроумно, и вотъ почему оно не было понято ни профессорами, ни датчанами, ни политическими людьми другихъ государствъ.

«Нѣсколько времени тому назадъ, это предложеніе было возобновлено и возбудило всеобщее негодованіе въ Германіи, какъ будто рѣчь шла объ измѣнѣ Гагерна. И однакожь это рѣшеніе, въ болѣе обширной формѣ, есть единственное безвредное для всѣхъ. Очищайте Шлезвигъ совершенно отъ всѣхъ солдатъ; пусть германцы остаются на Эйдерѣ, а датчане въ Кенигсау. Народонаселеніе въ этихъ земляхъ такъ спокойно, такъ миролюбиво и такъ терпѣливо, что нѣтъ надобности опасаться здѣсь беспорядковъ.

«Велите собрать голоса въ каждомъ приходѣ подъ руковод-

ствомъ безпристрастныхъ комиссаровъ, подъ руководствомъ центральной комиссіи, состоящей изъ людей, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ великихъ державъ. Предложите два вопроса — одинъ на датскомъ языкѣ: хотите ли принадлежать къ Даніи? а другой на нѣмецкомъ: хотите ли принадлежать къ Германіи? Хотите ли составлять единый или раздѣльный Шлезвигъ? Соберите голоса въ каждомъ приходѣ, проведите пограничную черту на картѣ и устраняйте барьеры.

«За тѣмъ въ той части, которая желаетъ быть нѣмецкою, велите произвести вотировку по вопросамъ: хотите ли герцога Фридриха? личнаго союза и короля Христіана? или государства совершенно независимаго? Ратификуйте за тѣмъ резолюцію большинства населенія. Кто не доволенъ будетъ такимъ рѣшеніемъ, пусть кричитъ въ свое удовольствіе. Такихъ людей въ странѣ найдется немного. Но о комъ же идетъ дѣло, если не о мѣстныхъ жителяхъ?»

«Нѣмцы много потерпѣли въ Шлезвигѣ отъ политики, хотѣвшей ихъ преобразовать въ датчанъ, и много проклинали эту политику. Ужели мы послѣ этого подвергнемъ себя такимъ же проклятіямъ со стороны датчанъ по поводу какого-то сомнительнаго права на наследство и въ пользу наследника какой бы то ни было фамиліи? Мы бы такимъ образомъ приготовили для себя предметъ угрызеній совѣсти, сѣверную Венецію, которая насъ покинула бы въ минуту опасности въ пользу своей непризнанной, подавленной національности, подобно тому, какъ южная Венеція, безъ сомнѣнія, покинетъ Австрію, навязанную ей насильственно.»

Все это очень просто и намъ всегда казалось, что съ этого именованія и слѣдовало бы начать. Но выходитъ на оборотъ: надо было напередъ, и теперь еще нужно, стрѣлять другъ въ друга изъ пушекъ, надо убивать людей штыками, сжигать дома и грабить города! Иначе нельзя! Всякій разъ, какъ только возникаетъ какой нибудь споръ между отдѣльными лицами или между цѣлыми народами, раздается одинъ и тотъ же крикъ: подеремся напередъ, а потомъ уладимъ наши обоюдныя дѣла! По этому случаю мы просимъ позволенія упомянуть объ извѣстїи, полученномъ съ Тихаго океана. Оно здѣсь будетъ кстати. Вотъ оно:

«Ратификаціи торговаго и дружественнаго трактата, заключеннаго между Бельгією и Гавайскими островами, обоюдно обмѣнены въ Лондонѣ уполномоченными той и другой стороны, господиномъ ванъ-де-

Вейеръ, и сэромъ Джонъ Боурингъ. Одна глава этого трактата содержитъ условіе, что въ случаѣ, если между обѣими странами возникнетъ какое нибудь несогласіе которое не можетъ быть устранено дружественно дипломатическою перепискою, то споръ рѣшается постороннею державою, для предупрежденія бѣдствій войны. Подобная же глава встрѣчается въ трактатахъ Гавайскихъ острововъ съ Испаніею и Италіею».

Слѣдовательно Гавайцы гораздо дальше европейцевъ ушли въ здравыхъ понятіяхъ о томъ, какъ надо улаживать спорныя дѣла.

Послѣ предложенія, сдѣланнаго французскимъ правительствомъ, всѣ умы настроены на мирный ладъ. Призракъ великой войны, которая должна была явиться въ свѣтъ весною, когда распускаются цвѣты, исчезъ еще разъ. По видимому, и этотъ годъ будетъ годомъ мира. Въ такомъ случаѣ, надо полагать, что будущему зимю возобновятся тѣже опасенія и тѣже воинственные приготовленія которыя производились прежде.

Какъ бы то ни было, положеніе Европы все еще неопредѣленно. Равновѣсіе державъ все еще не установилось. Мы знаемъ направленіе, какое принимаютъ событія, но мы не знаемъ дороги, по которой они пойдутъ. За исключеніемъ принциповъ, которые вѣчны, все подвержено случаю.

Вотъ уже два года сряду въ Венгїи неурожай. Причина его— совершенное отсутствіе дождей. Засуха истребила хлѣбъ на поляхъ и травы на лугахъ. Равнины Тейсса, которыя народная поговорка прозвала обильной житницею Венгрии, теперь представляютъ пустыню. Стада, составлявшія богатство этого пастушескаго народа, погибли. Община, считавшая у себя тридцать тысячъ головъ скота, теперь имѣетъ ихъ не болѣе тысячи. Земледѣльцы, за недостаткомъ корма, убивали своихъ быковъ и своихъ барановъ. Прекрасныя лошади продавались по три франка штука. Болѣзни и суровая зима увеличивали бѣдствіе, которое и безъ того уже, казалось, достигло крайнихъ предѣловъ. Говорятъ, что теперь толпы голодныхъ людей блуждаютъ по селамъ: и мужчины, и женщины, и дѣти, блѣдные, исхудалые, страшные на видъ, бродятъ по дорогамъ и въ из-

неможені падають у пороговъ домовъ. При самомъ началѣ бѣдствія, образовались частныя благотворительныя комитеты, но правительство велѣло ихъ закрыть. Общины просили позволенія заключить займы, но въ этой просьбѣ имъ было отказано. Министръ объ этомъ подумаетъ, говорили въ Вѣнѣ. Онъ одинъ имѣетъ право принимать мѣры противъ народнаго бѣдствія. Между тѣмъ время уходило, бѣдность грозила сдѣлаться все болѣе и болѣе страшною, а мѣръ противъ нея не принималось никакихъ. Наконецъ, вслѣдствіе требованій народнаго мнѣнія, рейхсратъ вотировалъ заемъ въ пятьдесятъ четыре милліона франковъ, изъ которыхъ часть назначалась на покупку сѣмянъ для посѣва.

Но этотъ заемъ былъ почти бесполезенъ для несчастной Венгріи. Хлѣбъ, прибрѣтенный покупкой, оказался такого дурнаго качества, что онъ вообще не могъ быть употребленъ для посѣва. Что касается денегъ, розданныхъ бѣднымъ, то онѣ немедленно отпята были сборщиками податей, разосланными по деревнямъ для сбора недоимокъ. Такимъ образомъ, этотъ заемъ, который долженъ былъ облегчить всеобщую бѣдность, сдѣлалъ ее еще болѣе невыносимою.

Къ засухѣ, къ голоду, къ болѣзнямъ, къ холодамъ присоединились строгости полиціи. Потому ли, что недостатокъ продовольствія довелъ народъ до крайности и что при перспективѣ войны между Австріею и Италіею можно было опасаться инсurreкціи, или потому, что правительство строгими мѣрами хотѣло предупредить всякую возможность мятежа, произеодились частые аресты, которые привели жителей въ ужасъ и отчаяніе. 15-го марта въ Пестѣ произошло въ родѣ демонстраціи, вызвавшей вмѣшательство вооруженной силы.

Австрія не хотѣла компрометировать себя въ дѣлѣ эрцгерцога Мексимилиана. Онъ получилъ отъ нея позволеніе собрать для себя, на свой собственный счетъ, шесть тысячъ волонтеровъ. Такое же позволеніе дано было ему, еще до этого времени, правительствами бельгійскимъ и французскимъ. Но Австрія вовсе не думаетъ принять на себя отвѣтственность относительно трона, воздвигнутаго въ Мексикѣ по фантазіи его величества, императора Людовика Наполеона III. Доказательствомъ, однакожъ, что судьба не перестаетъ покровительствовать императорско-французскому правительству служить то обстоятельство, что этому правительству удалось найти че-

ловѣна который считаетъ за счастье взвалить на себя отвѣтственность за бонапартскую экспедицію.

Мексиканская имперія, говорятъ, устроена; это—имперія, составленная изъ груды серебра, если вѣрить выраженію, которое пошло въ ходъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. 9-го апрѣля эрцгерцога Максимилианъ долженъ былъ принять мексиканскую депутацію, которая хотѣла окончательно предложить ему корону. 10-го апрѣля новый императоръ долженъ былъ проститься съ своимъ прежнимъ отечествомъ, вооружиться особымъ благословеніемъ святаго отца, папы, и отправиться въ чудодѣйственную имперію Монтезумы. Дѣло это предполагалось кончить раньше, но оно замедлилось по разнымъ причинамъ. Первый день сѣтой пасхи заранѣе назначенъ былъ для официального принятія господъ Гуттиерезъ-дела-Эстрада.

Въ Тюльери оба императора, французскій и мексиканскій, по видному, сошлись, какъ нельзя лучше. По словамъ одного официального журнала, тамъ, гдѣ взаимное недовѣріе хотѣло диктовать слово *условіе*, неожиданное измѣненіе довѣрчивости заставило написать слово *соглашеніе*. Это соглашеніе состоялось съ той и другой стороны, въ нѣкоторомъ родѣ, добровольно, какъ относительно вопроса о командованіи французскими войсками, такъ и относительно болѣе деликатнаго вопроса о церковныхъ имуществахъ. Нашлись любезные льстецы, повторявшіе изрѣченіе, столько же ложное, какъ и знаменитое: между Мексикой и Франціею нѣтъ болѣе Атлантическаго океана.

Однакожь, между тѣмъ какъ покровитель и его протежè сходились другъ съ другомъ, дѣла между двумя братьями относительно вопроса о наследствѣ на австрійскій престолъ шли дурно. Эрцгерцога Максимилианъ соглашался отказаться отъ этого престола за свое потомство, но не за самого себя. Между Вѣной и Парижемъ начался оживленный споръ. Обѣ стороны производили взаимную перестрѣлку телеграммами. Послы ѣздили изъ одной столицы въ другую, взадъ и впередъ. Съ одной стороны посылался генералъ Фроасаръ, а съ другой графъ Мейзембургъ. Наконецъ, младшій братъ уступилъ старшему; онъ и не могъ поступить иначе.

Но любопытнѣе всего то, что будущее мексиканское правительство нашло благосклонныхъ англійскихъ капиталистовъ, согласившихся быть его кредиторами. Лондонскій домъ Глинъ и Мильсъ пред-

ложить свои услуги для осуществленія новаго мексиканскаго займа. Цѣна этого займа полагалась на 63 по 6%, т. е. всего по 10% приблизительно. Условія, предлагавшіяся графу Зиши госпожиномъ Лейнгомъ и его друзьями, были еще болѣе выгодны. Въмѣсто того, чтобы сдѣлаться маклерами въ этомъ дѣлѣ, эти господа изъявили готовность кредитовать отъ себя лично, назначая цѣну займа въ 68, и выдавая немедленно гораздо болѣе значительный задатокъ, чѣмъ тотъ, который предлагался господами Глинъ и компанією. Но такое соглашеніе почему-то не понравилось господину Фульдъ, и въ угоду этому министру отвергнуто было вѣрное для невѣрнаго. Но можно ли поступить иначе, когда рассчитываешь на чудо?!

Еслибъ мы руководствовались одними предположеніями, то находили бы, что новой имперіи грозитъ великая опасность. Дѣло въ томъ, что идея относительно лиги испано-американскихъ республикъ противъ нашествія французовъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ умѣхъ. Приглашеніе на коломбійскій конгрессъ, сдѣланное перуанскимъ правительствомъ, было принято въ Чили съ энтузіазмомъ. Республики южной Америки, Мексика и Сантъ-Доминго, приглашены будутъ посылать на конгрессъ депутатовъ съ своей стороны. Но эрцгерцогъ рассчитываетъ на серебряные рудники въ Копалъ, рассчитываетъ на французскихъ зуавовъ и на иностранный легионъ, рассчитываетъ на счастливую звѣзду Бонапарта, — наконецъ рассчитываетъ на чудо!

Послѣ войны съ Австрією и послѣ неаполитанской революціи, Италия мало по малу пришла въ какое-то безчувственное состояніе, которое представляетъ рѣзкій контрастъ съ ея прежнимъ энтузіазмомъ. Время великихъ движеній прошло, и самые мелкіе расчеты руководятъ піемонтскою политикою. Правительство Виктора-Эммануила заботится объ одномъ только, а именно о томъ, чтобы составить въ палатѣ сплошное большинство, между тѣмъ, какъ народъ совершенно равнодушенъ къ парламентаризму вообще, и къ палатѣ, и къ министерству въ частности. Пессимисты въ отчаяніи, а оптимисты полагаютъ, что если нація не удостоиваетъ кабинетъ серьезнаго вниманія, то потому, что кабинетъ этого не стоитъ. Между

тѣмъ, говорятъ они, Италия устрояется въ матеріальномъ отноше-
ніи, единство водворяется въ умахъ, согласіе устанавливается въ
интересахъ, и страна собираетъ силы для неизбежной войны противъ
Австріи. Неаполитанцы развиваются умственно. Бурбоны, въ видѣ
мѣры политической гигиены, закрыли неаполитанскій университетъ,
и народъ былъ такъ же невѣжественъ, какъ феллахи на Нилѣ.
Теперь въ Неаполѣ считается 11,000 студентовъ, посѣщающихъ
публичные курсы, не включая въ то число 5,000 *) другихъ мо-
лодыхъ людей, не внесенныхъ въ университетскіе списки, но кото-
рые съ жадностью изучаютъ Либиха, Мишле и Фарадея. И не
только достаточные классы, но и бѣдные жители утоляютъ свою
жажду къ познаніямъ; всѣ школы для взрослыхъ и воскресныя на-
полнены учениками.

Чтобы водворить нѣкотораго рода единство между различными
провинціями Италии, теперь дѣятельно занимаются уравниемъ по-
земельной подати, — мѣра не слишкомъ пріятная для тѣхъ, у которыхъ
администрація увеличиваетъ налоги. Дѣло въ томъ, что бюджетъ
піемонтской монархіи никакъ не можетъ быть названъ экономиче-
скимъ; и въ дѣлѣ дипломатіи, и въ дѣлѣ военныхъ вооруженій она
расходуетъ немовѣрныя суммы. Истребленіе разбойничества въ Не-
аполѣ стоитъ почти столько же денегъ, сколько понадобилось бы
для уничтоженія пауперизма въ южныхъ провинціяхъ. Для этого
нужны были бы инженеры путей сообщенія, антрепренѣры, строящіе
шоссе и желѣзныя дороги, фабриканты и земледѣльцы. Въмѣсто это-
го, въ Калабрию и Базиликату посланы войска въ числѣ девяноста
тысячъ человекъ. Въ этихъ земляхъ порядокъ и безопасность не су-
ществовали никогда. Ошибочно было бы полагать, что разбойниче-
ство появилось здѣсь въ одно время съ піемонтскимъ парламен-
томъ. Разбойники такъ же мало могутъ быть импровизированы,
какъ военный или торговый флотъ, или какъ регулярная армія.
Эндемическое разбойничество есть результатъ предшествовавшего со-
стоянія дѣлъ и вѣковыхъ учрежденій. Министерству знаетъ очень
хорошо, что ему стоитъ только топнуть ногою, чтобы заставить изъ
сѣверной Италиі отправиться цѣлымъ легионамъ волонтеровъ, кото-

*) Эти цифры представлены Францомъ Пульци въ Deutsche Jahrbücher и
Маркомъ Монье въ Revue Germanique. Господинъ Петручелли-делла-Гаттина,
членъ парламента и неаполитанецъ, котораго объ этомъ спрашивалъ вашъ
корреспондентъ, находитъ эти числа преувеличенными.

рые вскорѣ усмирили бы страну; но такая мѣра представляется ему болѣе вредною, чѣмъ самое зло, потому что волонтеры, истребивъ разбойниковъ, легко могли бы напасть на французскихъ и папскихъ зуавовъ. А между тѣмъ крайне необходимо, чтобъ правительство приняло мѣры дѣйствительныя, а не только строгія, для уничтоженія этого разбойничества, служащаго позоромъ для Италіи и для Европы.

Процессъ четырехъ разбойниковъ, захваченныхъ въ Генуѣ на французскомъ пароходѣ и съ французскими паспортами, возбудилъ ужасъ. Мы узнали, что Чиприано-ла-Гала, его братъ Джіона, Папа и д'Аванзо схватили одного стараго священника и потребовали за него выкупъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Можно было послать къ нимъ только десять тысячъ. Тогда разбойники отрѣзали несчастному ухо, разгрызли этотъ органъ зубами и послали въ даръ семейству плѣнника, съ словами: завтра вы получите голову своего родственника. Дѣйствительно, на другой день они несчастнаго изранили книжалами и живаго зарыли въ землю. Подъ предлогомъ оргіи, Джіона пригласилъ одного изъ своихъ друзей въ свою берлогу и тамъ изрѣзалъ его въ куски. Онъ отрубилъ ему голову и всунулъ ей трубку въ ротъ. Разбойники разрѣзали торсъ несчастнаго на куски и сжарили на рашперѣ и съѣли его ляжки и икры. Одинъ изъ нихъ, прозванный La Veschiegella, или *маленькой старухой*, взялъ одинъ изъ этихъ кусковъ и въ продолженіе двухъ дней носилъ его на шеѣ, въ видѣ ожерелья. «Будутъ говорить», воскликнулъ президентъ ассизнаго суда, — «что въ XIX вѣкѣ, въ нашей Италіи существовала шайка людоедовъ и что эти канибалы называли себя защитниками престола и алтаря!» — Дѣйствительно, не было недостатка въ папегирикахъ, которыми наши французскіе клерикальные журналы удостоивали этихъ разбойниковъ; «Osservatore Romano» представилъ ихъ, какъ геройскихъ защитниковъ Бурбоновъ и какъ рыцарей Папы! — Правда, господа іезуиты и реакціонеры, мы были объ васъ довольно дурнаго мнѣнія, но теперь находимъ, что вы клеветеете на самихъ себя; довольно того, что вы считаете въ своихъ рядахъ Люи-Велльота, господина виконта де-Фаллу и этого добраго господина Тартюа; вы не имѣете надобности присоединять сюда Чиприано и Джіона-ла-Гала! Предоставьте ихъ галерамъ; мы васъ вовсе не просимъ, чтобъ вы дали этимъ извергамъ почетное мѣсто въ своей ризницѣ!

Что касается папы, то онъ серьезно боленъ. На парижской биржѣ даже распространилось было извѣстіе о его смерти; но оно оказалось преждевременнымъ. Австрія, Франція и Италия имѣютъ каждая свои замыслы; пяти тысячи интригъ пересѣкаютъ одна другую; монахи, иезуиты и монсиньоры рыскаютъ по разнымъ направленіямъ; римскій комитетъ, съ своей стороны, общается намъ своего рода представленіе. Это, быть можетъ, будетъ любопытное зрѣлище. — Во всякомъ случаѣ, будущій конклавъ, долженъ будетъ имѣть дѣло съ драгунами господина Монтебелло.

При такомъ стеченіи обстоятельствъ, италіанское правительство болѣе, чѣмъ когда-либо, опасается дѣятельности національной партіи, которая, не смотря на неудачу, испытанную при Аспромонте, не перестала имѣть лозунгомъ: Римъ или смерть. Гарибальди и его друзья находятся подъ надзоромъ полиціи; она съ большимъ скандаломъ захватила у господина Адриенна-Лемми, извѣстнаго друга Гарибальди, сумму въ двѣ тысячи и нѣсколько сотъ франковъ, которая считается результатомъ тайной подписки, составленной знаменитымъ центральнымъ унитарнымъ комитетомъ. Его превосходительство, военный министръ, генералъ де-ла-Ровере, человекъ тѣмъ болѣе сильный въ дѣлѣ дисциплины, что самъ никогда не имѣлъ случая отличиться на полѣ битвы, подозрѣваетъ гарибальдійцевъ въ подстрекательствѣ солдатъ регулярнаго войска къ дезертировкѣ, и поэтому послалъ всѣмъ полковникамъ арміи циркулярное предписаніе подвергнуть экс-волонтеровъ такому же строгому надзору, какому подверглись бы австрійскіе шпіоны. Министры до того увѣрены, что личность Гарибальди бросаетъ на нихъ тѣнь, что они предпочли бы превратить Италію въ рабыню Австріи или въ презрѣнную вассалку Франціи, чѣмъ видѣть ее торжествующею, благодаря герою Вультурна и Марсалы. Между тѣмъ реакціонеры и революціонеры стрѣляютъ другъ въ друга, каждый съ своей стороны. Еслибъ дѣло шло о приготовленіи новаго Новарскаго сраженія, то нельзя было бы дѣйствовать лучше. Ни *il signor Monghelli*, ни *il signor Ratazzi*, ни *il signor Reguzi*, словомъ ни одинъ изъ наследниковъ Кавура не захотѣлъ бы цѣною Венеціи, ни цѣною Рима дать народному герою случай посвятить себя еще разъ своему отечеству и совершенно даромъ оказать Виктору-Эммануилу какую нибудь великую услугу. «Я не такъ богатъ, чтобы могъ принимать даромъ статьи», говорилъ одинъ весьма извѣстный журналистъ. Савойская монархія не чувствуетъ

себя достаточно сильною для того, чтобы принимать от простаго гражданина такой крупный подарокъ, каково королевство Обѣихъ Сицилій. Поэтому монархія Пьемонтская заплатила Гарибальди за его труды по силамъ: такъ какъ она не могла заставить его принять орденъ Мавривіа и св. Лазаря, то она влѣпила ему пулю въ ногу, и такъ какъ она не могла сдѣлать его фельдмаршаломъ, то она превратила его въ калѣку. Что прикажете дѣлать? Каждый благодаренъ по своему. Первая красавица въ мірѣ можетъ дать только то, что имѣетъ!

Впрочемъ, если пьемонтское правительство стремится къ войнѣ, то это потому, что оно скорѣй чувствуетъ себя способнымъ сражаться съ австрійцами, чѣмъ пріобрѣсть любовь итальянцевъ. Оно не въ состояніи освоить себѣ этотъ великій полуостровъ по недостатку не столько матеріальной силы, сколько интеллектуальной и нравственной. Въ немъ замѣтно не отсутствіе военной храбрости, но отсутствіе того, что называется отвагой. Это правительство господствуетъ надъ Италією и однакожь оно едва можетъ быть названо итальянскимъ. Въ Туринѣ всѣ очень хорошо сознаютъ, что между людьми, занимающими высокое мѣсто въ общественной іерархіи, существуетъ вліятельная партія, которая проклинаетъ присоединеніе къ Пьемонтскому королевству южныхъ провинцій и считала бы себя счастливою, еслибъ могла освободиться отъ нихъ приличнымъ образомъ. Италія слишкомъ велика для Пьемонта. Эту истину народъ понялъ очень хорошо, и она оригинально выразилась въ этомъ *Ritornello*, который переходитъ изъ устъ въ уста:

«Vince al lotto Gianduja' un elefante
Nato a Marsala, a Napoli cresciuto.
O Sant' Antonio, che ne fa tante
Prendete vi la grazia, io la rifiuto.
Una bestia così grave e così gigante
Che mi rovescia con un suo starnuto!

Fosse un cavallo, un cane od un caniglio
O qualche presidente del consiglio,
Fosse un carcioso che si può mangiare
Foglia per foglia,—quando più mi pare—
Ma un elefante! con quei dent sai
Mi mangia me, se non lo mangio lui!» *)

*) Джіандуя (пиемононецъ, по преимуществу, пиемононецъ, съ хвостомъ назадъ, съ саблею у ногъ и съ огромною шляпою на головѣ), Джіандуя выигралъ въ лотерею слона, который родился въ Марсалаѣ и выросъ въ Неаполѣ.

Энтузиазмъ, обнаруженный англичанами къ герою, побѣжденному при Аспромонте, представляетъ рѣзкій контрастъ съ злостью коломанду туринскаго правительства въ отношеніи къ Гарибальди. Пріемъ, сдѣланный этому человѣку въ Англии, принимаетъ размѣры историческаго событія.

Гарибальди ожидали въ Соутамптонѣ. Канонеры стояли у своихъ пушекъ, звонари у своихъ колоколовъ. На частныхъ домахъ и на публичныхъ зданіяхъ приготовлены были флаги, которые должны были развѣваться въ честь знаменитаго гостя. Все это были такого рода приготовленія, которыхъ очень боится этотъ герой, олицетворяющій въ себѣ скромность. Опасались, что онъ пріѣдетъ въ воскресенье, въ такой день, когда религіозность запрещаетъ англичанамъ производить торжественныя манифестаціи. Дѣйствительно, Гарибальди избралъ для своего прибытія воскресенье. Однакожъ, когда распространилось извѣстіе, что *Raynon* находится въ виду Соутамптона, немедленно къ нему на встрѣчу отправленъ былъ буксирный пароходъ. Генералъ находился въ своей каютѣ, когда къ нему прибѣжали друзья позать ему руку. Онъ лежалъ на диванѣ, потому что все еще страдаетъ отъ раны, полученной при Аспромонте; онъ ходитъ не иначе, какъ опираясь на палку. Какъ только корабль подъѣзжалъ къ берегу, воздухъ огласился громкими восклицаніями. Гарибальди въ эту минуту находился на палубѣ. Стоявшіе на берегу изступленными криками требовали, чтобы онъ взошелъ на кожушъ. Онъ исполнилъ ихъ желаніе, испросивъ на то предварительно позволеніе капитана. Какъ только онъ показался на верху, восторженные крики удвоились; дамы замахали платками, глаза всѣхъ присутствующихъ заблестали отъ слезъ. Явился мэръ и предложилъ Гарибальди гостепрѣмство города Соутамптона. Восторги доходили до изступленія. Въ эту минуту къ герою, столь вроткому и скромному,

О, святой Антоній, мой покровитель (говорить днѣ), право, ты черезъ-чуръ милостивъ. Бери свой подарокъ, я не хочу его имѣть!

Что мнѣ дѣлать съ такимъ огромнымъ, чудовищнымъ животнымъ? Ему стоитъ чихнуть, чтобы повергнуть меня на землю!

Еслибъ это была лошадь, или собака, или кроликъ, или какой нибудь первый министръ, или хоть артишокъ, который можно ѣсть мало по малу по личику, тогда — дѣло другое...

Но вѣдь это слонъ! Онъ своими длинными зубами меня съѣстъ, если я его не съѣмъ!

подходить предестная молодая дѣвушка, англичанка. Голосомъ звучнымъ и на чистомъ итальянскомъ языкѣ она поздравляетъ его съ счастливымъ приѣдомъ и почти становится на колѣни, чтобы пожать ему руку.

Изъ Соутамптона Гарибальди перѣхалъ въ Лондонъ. Прежде тѣмъ онъ явился сюда, англійская аристократія, столь искусная въ изворотахъ своей внутренней политики, приготовила ему торжество, которымъ сдѣлала его игрушкой въ своихъ рукахъ и потомъ постаралась поскорѣ выпроводить его изъ Лондона. Во что бы то ни стало, этой аристократіи надо было отвлечь вниманіе народа отъ освободителя Италіи и поставить его въ положеніе рыцаря, являющагося на условленный турниръ. Все было сдѣлано для того, чтобы конфисковать его у націи, которой сочувствіе къ Гарибальди слишкомъ было извѣстно и Тори, и Вигамъ. «Триумфальное шествіе итальянскаго патриота по улицамъ Лондона, говоритъ газета «Star», было усѣяно тѣмъ же терніемъ, которое разсыпалось подъ ногами лучшихъ англійскихъ людей, и такъ какъ клевета часто бываетъ благороднѣе самой любезности, то послѣднее средство противъ народныхъ любимцевъ иногда употреблялось съ успѣхомъ». Такимъ образомъ самый торжественный и по видимому самый искренній приемъ былъ обращенъ въ орудіе аристократической интриги; но общественное мнѣніе все таки сдѣлало свое дѣло.

Когда Гарибальди явился въ Лондонъ, толпа собралась на огромномъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ народные кварталы Кенсингтона и Ламбета, и на большихъ улицахъ офиціального квартала парламента и парковъ. Большая часть партикулярныхъ домовъ украшены были флагами и гирляндами. Особенная роскошь замѣтна была въ окрестностяхъ станціи Найпъ-Эльмсъ, воксала Кенсингтона, Вестминстерскаго моста и въ прелестной улицѣ Pall-Mall, гдѣ преимущественно отличился Реформъ-клубъ, дворецъ аристократическихъ вивовъ.

На станціи Найпъ-Эльмсъ компанія желѣзныхъ дорогъ отвела особенное мѣсто для зрителей и брала по одной гиней (6 р. 56 к. с.) за билетъ для входа. Изъ тридцати тысячъ человѣкъ, изъявившихъ желаніе, только пять тысячъ, болшему частію дамы, получили такой билетъ и право стоять въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, въ ожиданіи прибытія Гарибальди.

Какъ только онъ показался, его встрѣтили изступленными криками радости. Онъ получилъ адреса отъ комитета Сити и отъ рабочихъ. Одна молодая дама у самой платформы импровизировала въ честь его маленькую рѣчь, которая не была означена въ программѣ.

За тѣмъ Гарибальди былъ поведенъ или, лучше сказать, понесенъ въ карету герцога Сутерлендскаго, въ которую запряжены были четыре лошади. Герцогъ и его супруга гостили у него на островѣ Капрерѣ, и Гарибальди общался отдать имъ визитъ въ Лондонѣ. Онъ казался совершенно здоровымъ, хотя и прихрамывалъ немножко. Одѣтъ онъ былъ въ своемъ красномъ дорожномъ плащѣ, покрытомъ сѣрымъ кашпономъ, а на головѣ у него была черная поярковая шляпа.

Мистеръ Поттеръ, представитель ассоціаціи «Trade's Union», объявилъ, что полтораста тысячъ рабочихъ будутъ провожать Гарибальди по улицамъ Лондона, и эта армія въ полторасто тысячъ человѣкъ дѣйствительно шла за героемъ Италіи, давила и тармошила его на всѣ руки. Что касается до толпы зрителей, до любопытныхъ, прибѣжавшихъ со всѣхъ концовъ Англіи, съ тѣмъ, чтобы привѣтствовать его, то числа ихъ нельзя и опредѣлить.

Депутаты могущественной рабочей ассоціаціи «взаимной помощи *мстническихъ*», признающіе себя потомками Робинъ Гуда, знаменитые «Outlaw», находились во главѣ кортежа. Представители италіанской колоніи шли впереди кареты генерала. За тѣмъ слѣдовали кареты членовъ комитета Сити и лицъ, желавшихъ присоединиться къ демонстраціи. Начало кортежа вступало на Вестминстерскій мостъ, когда карета Гарибальди выѣзжала изъ улицы Wandsworth-road. Толпа двигалась вдоль улицъ; дома опустѣли; лавки были заперты; воспитанники школъ распущены. Вдоль всей дороги, по которой долженъ былъ проѣзжать Гарибальди, окна были усеяны дамами, державшими въ рукахъ букеты. Это обыкновенная исторія всѣхъ вообще большихъ овацій.

И для кого дѣлались всѣ эти почести, всѣ эти искреннія изъясненія восторга? — Для человѣка, не имѣющаго ни богатства, ни высокаго сана, для человѣка, который не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, и который въ своей странѣ теперь еще находится подъ надзоромъ полиціи!

Поѣздка продолжалась болѣе пяти часовъ. Народъ на рукахъ по-

несъ Гарибальди въ золоченые салоны Стэсфордъ-Гоуза. Толпа продолжала стоять передъ отелемъ и равномлась только около полуночи.

Съ этого дня начался рядъ празднествъ и банкетовъ, у Пальмерстона, у Глэдстона, въ Реформъ-клубѣ. Самые знатные члены англійской аристократіи, болѣе всѣхъ отличающейся гордостью, одинъ за другимъ приходили съ изъявленіями почтенія къ Джузеппе Гарибальди. Это были герцогъ Веллингтонъ, лордъ Гросвеноръ, лордъ Шеотсбѣри, лордъ Кемпбелль, графъ Дерби, знаменитый д'Израэли и tutti quanti. Даже королевскій принцъ Англіи сдѣлалъ визитъ италянскому герою. Гарибальди приглашенъ былъ присутствовать въ совѣтъ Сити и представленъ парламенту. Англійскій народъ и депутаціи отъ разныхъ обществъ собрались въ Стеклянномъ дворцѣ, съ тѣмъ, чтобы предложить гостю почетную шпагу. Городъ Лондонъ поднесъ ему дипломъ гражданина Сити въ золотомъ ларцѣ.

Какой человѣкъ обыкновенный не былъ бы ослѣпленъ такимъ пышнымъ приѣмомъ, какое сердце не растаяло бы отъ всей этой хвалы, отъ этихъ шумныхъ овацій, отъ столькихъ залоговъ деликатнаго вниманія, обнаруживаемаго всѣмъ, что только есть въ Англіи богатаго, могущественнаго, вліятельнаго и любезнаго! Но Гарибальди, конфискованный въ нѣкоторомъ родѣ англійскою аристократіею, остался тѣмъ, чѣмъ былъ, скромнымъ патриотомъ, человекомъ, вѣрнымъ своимъ кореннымъ политическимъ убѣжденіямъ. Какъ въ Капрерѣ, онъ вставалъ въ пять часовъ утра, ѣлъ за завтракомъ кусокъ хлѣба и нѣсколько изюминъ, и за тѣмъ отдавалъ визитъ лорду Пальмерстону, а отсюда шелъ на могилу италянскаго поэта и изгнанника Уго Фосколо.

За тѣмъ всѣ значительные города Англіи посылали къ Гарибальди письма и депутаціи, съ просьбою, чтобъ онъ удостоилъ ихъ визита. Лондонская аристократія, наконецъ стала опасаться братскаго сближенія англійскихъ рабочихъ съ революціонерами континента. Отъ императора французовъ и императора Австріи поступали представленія въ лондонскій кабинетъ, съ ясными намеками на то, что пребываніе Гарибальди въ Англіи имѣетъ политическое значеніе. Тогда приступлено было къ рѣшительной мѣрѣ. Обратились къ самому Гарибальди: Глэдстонъ долженъ былъ сдѣлать ему представленія, а любезная хозяйка, герцогиня Соутерлендская, намекнуть своему знаменитому гостю, что цѣль его путешествія до-

стигнута, что онъ успѣлъ возбудить симпатію англичанъ къ Италиі и что дальѣйшее путешествіе его по Англіи можетъ поставить страну, оказавшую ему такое великодушное и такое восторженное гостепрѣимство, въ весьма непріятное отношеніе не только къ правительству французскому и австрійскому, но и къ королю Виктору Эммануилу. Дѣйствительно, во всемъ Лондонѣ одинъ только посланникъ италіянскаго короля, по видимому, не зналъ о прибытіи въ Англію бывшаго диктатора обѣихъ Сицилій. Какъ только Гарибальди понялъ, что его присутствіе въ тягость другимъ, ему оставалось одно: объявить, что онъ намѣренъ ѣхать. Глэдстонъ немедленно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и сообщилъ нижней палатѣ, что италіянскій патриотъ, утомленный безпрестанными представленіями, рѣшился возвратиться къ своимъ пенатамъ.

Эта новость весьма не поправилась англійскому народу, который хотѣлъ приготовить для Гарибальди торжественный пріемъ во всей странѣ. Возникли всеобщіе протесты по этому случаю, и образовались митинги для изъявленія народнаго негодованія (*indignation-meetings*). Самый многочисленный изъ нихъ собрался въ Примрозъ-гиллѣ. Въ немъ было шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, роптавшихъ на лорда Пальмерстона. Въ этомъ назидательномъ занятіи они были прерваны инспекторомъ полиціи, и за тѣмъ разогнаны дюжиною полицейскихъ агентовъ. Болѣе всѣхъ кричали Тори. Имъ было досадно, что Виги совершенно завладѣли особою Гарибальди и успѣли, благодаря этому обстоятельству, возвратитъ себѣ популярность. Среди восторженныхъ криковъ слышалось и имя Пальмерстона, произносившееся въ видѣ аккомпанимента. На улицахъ прибиты были тысячи плакатовъ: Да здравствуетъ Гарибальди! Да здравствуетъ Пэмъ (Пальмерстонъ)! Тори, чтобы отмстить герцогу Соутерлендскому, разглашали его страсть, которая намъ представляется, однакожъ, весьма невинною и даже похвальною. Дѣло въ томъ, что этотъ молодецъ — пожарный, по призванію; онъ любитъ бѣгать съ каскою пожарнаго на головѣ и съ спасительнымъ канатомъ вездѣ, гдѣ только вспыхиваетъ пожаръ. Говорятъ, что однажды онъ поспѣшно всталъ со стола, чтобы отправиться тушить огонь съ людьми пожарной команды, къ числу которыхъ онъ принадлежитъ и изъ которыхъ никто не превосходитъ его въ усердіи, смѣлости и предпримчивости. Мы знаемъ примѣръ подобной же страсти. Недавно въ Лондонѣ существовала танцственная собака, встрѣчавшаяся на

всѣхъ пожарахъ. Въ какомъ бы кварталѣ города ни вспыхивалъ огонь, эта черная собака находилась тамъ или немедленно прѣзжала на пожарной трубѣ, испуская восторженный лай. Она оказала много пользы; нерѣдко она будила спавшихъ сторожей и вела ихъ на мѣсто, гдѣ происходило несчастіе. Откуда она являлась? Гдѣ она жила? Чѣмъ питалась? Никто этого не зналъ. Она была геніемъ, руководившимъ пожарныхъ. Неизвѣстно, жива-ли она еще и не составляетъ ли съ нею герцогъ Соутерлендскій на одномъ и томъ-же прищѣ чести. Прибавимъ, что эта страсть, по видимому, эндемическая у ньюйоркцевъ, которые большіе охотники до пожарныхъ трубъ, подобно тому, какъ наши щеголи Жюкей-клуба охотники до лошадей.

Но возвратимся къ Торіямъ. Одинъ изъ ихъ органовъ, наиболѣе пользующійся довѣріемъ публики, Стэндаръ, по нашему мнѣнію, весьма хорошо резюмируетъ исторію приѣма, котораго удостоился Гарибальди со стороны Вигговъ. Вотъ это описаніе:

«Прибывъ въ Англію, Гарибальди, при самомъ вступленіи своемъ въ Соутамптонъ, былъ встрѣченъ людьми смышленными, которые самымъ гостепріимнымъ образомъ высадили его на островъ Уайтъ. Потомъ значительный коной изъ лицъ, принявшихъ на себя быть его руководителями, доставилъ его въ Лондонъ, на станцію Найнъ-Элмсъ, и оттуда, по улицамъ, наполненнымъ многочисленною толпою, — въ Стаффордъ-Гоузъ. Отъ этого пункта, какъ отъ центра, движенія Гарибальди шли радіусами по разнымъ направленіямъ, но всегда подъ наблюденіемъ его директоровъ. Виги сдѣлали изъ него своего гостя; они позволяли ему принимать депутаціи, но всегда въ присутствіи надзирателей, которые были при немъ постоянно и сопровождали его въ Сити и въ стеклянный дворецъ. Онъ едва былъ свободенъ одну минуту. Министерство на его счетъ сдѣлалось популярнымъ. Такъ шла дѣла въ продолженіе пятнадцати дней; наконецъ одинъ изъ членовъ кабинета отправился къ италіянскому патріоту и сказалъ: Любезный генераль, мы васъ очень любимъ, вы это знаете; мы не отказывали вамъ въ своемъ гостепріимствѣ, но согласитесь сами — теперь будетъ съ васъ, и вы сдѣлаете хорошо, если отправитесь во свояси; притомъ ваше здоровье такъ слабо, что вы не въ состояніи перенести всѣ эти безпокойства! На это Гарибальди отвѣтилъ, не упоминая вовсе о состояніи своего здоровья: Я прѣехалъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать визитъ всей англійской націи, а не только одной ея части...

— Положите, возразилъ Гладстонъ: — сдѣлайте еще три, чьтыре визита, пока будете собираться въ дорогу.

— Но я не знаю, кому отдать предпочтеніе, зашѣталъ Гарибальди.

— Въ такомъ случаѣ, уѣзжайте тотчасъ-же, чтобъ не обидѣть никого, отвѣчалъ министръ.

— Хорошо, сказалъ Гарибальди: — Я бы нисколько не желаю вамъ мѣшать.

— Итакъ, прощайте! желаю вамъ счастливаго пути, милый, знаменитый другъ!

Досада нашихъ французскихъ бонапартистовъ разразилась безсильнымъ крикомъ:

«Мы думали, восклицаетъ журналъ *la France*, — мы думали сначала, что оваціи, дѣлаемыя герою Марсалы, были только фантазією Англіи. Теперь мы должны сознаться, что дѣло это имѣетъ болѣе серьезный видъ. Люди, столь разсудительные, какъ англичане, не дѣлаютъ манифестацій безъ побудительныхъ причинъ. Какое-же значеніе имѣетъ это странное зрѣлище, котораго мы были свидѣтелями по ту сторону канала?...

«Привѣтствовать Гарибальди восторженными криками значитъ возбуждать европейскую войну и назначить ей добычею папу, котораго наши войска защищаютъ въ Римѣ.

«Въ этомъ заключается вся тайна овацій, дѣлаемыхъ въ Англіи челоуѣку, въ которомъ мы не отрицаемъ ни храбрости, ни энергии, но который не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ нашихъ враговъ.

«Англія потѣшается; она потѣшается своею эксцентричностью; ей пріятно играть огнемъ, который не можетъ ее сжечь и который угрожаетъ одному только континенту.»

Такъ разсуждаетъ г. де-ла-Героньеръ.

Старый журналъ *Constitutionnel* представилъ доказательство пылости своего воображенія. Онъ торжественно объявилъ своимъ подписчикамъ, къ ихъ великому ужасу; что герцогъ и герцогиня Соутерлендъ хотятъ высадить Гарибальди не на островъ Капреръ, а въ Анконѣ, съ тѣмъ, чтобы напасть на французскую берегательную армію съ тыла. Одинъ оффиціозный вѣнскій журналъ, свѣдущій не менѣе знаменитаго *Constitutionnel*'я, сообщилъ извѣстіе, будто бы полученное изъ вѣрнаго источника, что Гарибальди посѣтилъ Англію

съ тѣмъ, чтобы принять начальство надъ одною частію англійскаго флота, назначенную для дѣйствій на Адриатическомъ морѣ, тогда какъ сынъ его Менотти долженъ предводительствовать Балтійскою эскадрою!!

«Union» сильно негодуеть на англійскій народъ, который съ энтузіазмомъ встрѣчаетъ Гарибальди,» этого поджигателя, съ костылемъ въ рукѣ, это живое знамя громаднаго заговора противъ европейскаго общества.»

Англійское министерство, сильно пострадавшее отъ нападеній Дерби, д'Израэли и другихъ, снова усилилось, благодаря превосходному бюджету, представленному канцлеромъ казначейства, который началъ рядъ блистательныхъ финансовыхъ реформъ и можетъ гордиться тѣмъ, что на 200 милліоновъ уменьшилъ подати и соотвѣтственно тому увеличилъ доходы своихъ соотечественниковъ, ибо мнѣніе, что каждый су, сбереженный по бюджету, вдвое болѣе приноситъ выгоды странѣ,—это мнѣніе, еще со временъ Вобана, сдѣлалось аксіомой въ политической экономіи. Господинъ Глэдстонъ принималъ эту истину за основаніе своихъ мѣръ. Замѣтивъ, что доходъ отъ пошлинъ скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается, онъ немедленно совратилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы чрезъ увеличеніе общественнаго богатства косвеннымъ образомъ возвратить бюджету то, что у него отнимется вслѣдствіе сокращенія налоговъ. Уменьшивъ таможенные пошлины, онъ до того увеличилъ количество привоза и вывоза товаровъ, что казна оказалась въ большой выгодѣ, по случаю этой великодушной и разумной мѣры. Пять лѣтъ сряду налоги сокращались, и съ каждымъ новымъ сокращеніемъ ихъ, страна, освобожденная отъ бремени, подымалась на новую ступень благосостоянія. Чѣмъ менѣе какое-либо государство требуетъ податей, тѣмъ болѣе увеличивается его казна. Никогда еще ввозъ и вывозъ товаровъ Великобританіи не достигалъ такой значительной степени, какъ въ послѣднее время.

Въ апрѣлѣ 1863 года, когда Глэдстонъ представилъ свой проектъ бюджета, онъ опредѣлилъ доходы въ 1,787,250,000 франковъ, а расходы — въ 1,693,725,000; при чемъ оставался излишекъ въ 93,525,000 франковъ. Этотъ излишекъ онъ сократилъ на 82 милліона, сохранивъ такимъ образомъ для бюджета 1,705,250,000 франковъ. При этомъ оставалось еще въ нѣкоторомъ родѣ для запаса около 9 милліоновъ. И что же? Весь годовой доходъ простирался

до 1,755,225,000 франковъ. Собрано было больше, а расходовано меньше, чѣмъ предполагалось. Избытокъ дохода составляетъ 60 милліоновъ, а государственный долгъ уменьшенъ на 80 милліоновъ. На 1864—65 годъ г. Глэдстонъ полагаетъ расходы въ 1,672,000,000 франковъ а доходы въ 1,736,000,000; при чемъ представляется излишекъ въ 64 милліона. Большая часть этого излишка немедленно употреблена на уничтоженіе налога по предметамъ потребленія бѣднаго класса и на сбавку одного пенни съ налога, падающаго на людей богатыхъ. Послѣ такого сокращенія, Глэдстонъ сохраняетъ еще по бюджету излишекъ дохода въ 6 милліоновъ. Вотъ какимъ образомъ съ года на годъ все болѣе и болѣе обогащается не только бюджетъ государства, но и бюджетъ гражданина, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается сумма государственнаго долга, бывшая прежде колоссальною. Расходы свращаются и доходы увеличиваются!

Было бы кстати помѣстить портреты Глэдстоновъ во всѣхъ министерствахъ финансовъ!

Палата общинъ занималась отношеніями Англійи къ Китаю и Новой-Зеландіи. Вы помните исторію Лея и Осборна, которые купили эскадру, съ тѣмъ, чтобы, подъ болѣе или менѣе воображаемымъ покровительствомъ князя Кунга, регента китайской имперіи, дѣйствовать противъ мятежныхъ Тайпинговъ. Такъ какъ князь Кунгъ отказался подписать договоръ, заключенный на его имя, то пришлось продать эскадру, купленную на деньги императорской приморской таможни, которую англичане, какъ извѣстно, уже успѣли захватить въ свои руки. Купцы покорили британской коронѣ Индію; купцы-же теперь, держа въ одной рукѣ аршипы, а въ другой револьверъ, ежедневно все болѣе и болѣе тѣсными рядами стремятся къ покоренію Китая. Мы имѣемъ теперь дѣло маіора Гордона. Позволеніе, данное англійскимъ солдатамъ и морякамъ, вступить на службу китайскаго правительства было потомъ отмѣнено; но тѣ, которые уже находились въ этой службѣ, полагали, что эта новая мѣра до нихъ не касается.

Такимъ образомъ, маіоръ Гордонъ, съ товарищами, сражался съ тайпингами, которые, — надо замѣтить—находились подъ начальствомъ другаго англичанина, генерала Бѣрговайна. Маіоръ Гордонъ осадилъ Сушо, защищаемый инсургентами. Онъ принудилъ гарнизонъ къ сдачѣ города, обѣщавшись честнымъ словомъ щадить жизнь солдатъ и имущество жителей. Тайпинги не довѣрились бы китай-

скимъ имперіалистамъ; но они думали, что могутъ положиться на честь англійскаго офицера.

Такимъ образомъ, городъ былъ сданъ Гордону, который, въ свою очередь, передалъ его Футая. Послѣдній началъ производить тамъ убійства и грабежи—занятіе, на которое всегда находятъ мастера, какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Китаѣ. Эти злодѣянія возбуждали всеобщій ужасъ. И такъ рыжіе англичане оказались обыкновенными вл�твопреступниками. Мятежные тайшиги были возмущены; китайскій имперіалистскій народъ былъ возмущенъ; главнокомандующій британскими войсками также, а маіоръ Гордонъ—само собою разумѣется—былъ возмущенъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Это, однакожъ, не помѣшало ему немедленно начать снова свою службу подъ начальствомъ Футая, котораго пекинскій воргъ награждалъ знакомъ отличія.

Годъ за годъ глава великобританскаго кабинета посылаетъ въ Китай инструкціи, съ тѣмъ, чтобы въ виду цѣлаго міра объявить, что Англія намѣрена сохранить нейтралитетъ въ гражданской войнѣ, опустошающей Небесную имперію; годъ за годъ палата общинъ изъявляетъ свое неудовольствіе, болѣе или менѣе искреннее, при видѣ соотечественниковъ, такъ мало уважающихъ приказанія центрального правительства. А между тѣмъ, маіоръ Гордонъ спокойно продолжаетъ брать города, съ тѣмъ, чтобы Футай опустошалъ ихъ огнемъ и мечемъ, а генералъ Броунъ доставляетъ боевые запасы для арміи, которая своихъ плѣнныхъ привязываетъ къ столбу для того, чтобы содрать съ нихъ кожу, или обезглавливаетъ ихъ тупыми ножами.

И все это, говорятъ, дѣлается въ интересахъ англійской торговли, въ интересахъ опиума, шелка и чая!

Дѣла Новой Зеландіи также обращали на себя вниманіе англійской палаты. Штукера и нарѣзные пушки произвели свое дѣйствіе: маоры были разбиваемы въ нѣсколькихъ стычкахъ, и мѣстные журналы говорятъ, что теперь можно приступить къ умиротворенію страны.

Это умиротвореніе должно состоять не болѣе, не менѣе, какъ въ отнятіи у туземцевъ земли, составлявшей ихъ собственность,—мѣра, неизбежнымъ слѣдствіемъ которой будетъ истребленіе этихъ несчастныхъ.

Надо замѣтить, что Англія содержитъ въ Новой Зеландіи на свой

собственный счетъ 10,000 солдатъ и что она ежегодно доставляетъ туда 25 милліоновъ франковъ, не получая въ вознагражденіе за это ни одного рекрута, ни одного лярда контрибуціи. Законодательное собраніе колоніи опредѣляетъ и распускаетъ свое министерство, издаетъ и отиѣняетъ свои законы, и придерживается своей политики, нисколько не обращая вниманія на интересы и желанія старыхъ жителей Европы. «Презрѣніе, обнаруживаемое къ намъ зеландскими поселенцами, — явленіе невѣроятное!» восклицаетъ Таймсъ, съ негодованіемъ. — «Въ дѣломъ міръ нѣтъ мѣста, гдѣ бы насъ менѣе уважали, чѣмъ въ нашей колоніи. Метрополія, правда, опредѣляетъ генералъ губернатора, но этотъ сановникъ не имѣетъ никакой опредѣленной власти, и всѣ попытки герцога Ньюкестльскаго сдѣлать изъ него настоящаго вице-короля уничтожены были мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ».

Взбѣшенная непріязненными дѣйствіями туземцевъ, ново-зеландская палата, въ пылу гнѣва, прибѣгла къ жестокой мѣрѣ, которая казалась бы возмутительною, еслибъ не совершалась за 5000 миль отъ насъ. Эта мѣра заключается въ конфискаціи отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ гектаровъ земли, принадлежащей туземцамъ. Несчастные подвергаются лишенію своей собственности по одному лишь подозрѣнію, что они принимаютъ участіе въ мятежѣ. Имъ даже не даютъ времени ни доказывать своей невиновности, ни просить пощады. Собственно вѣсь дѣло идетъ о конфискаціи не только земель тѣхъ туземцевъ, которые взяли за оружіе, но и всей вообще территоріи Новой Зеландіи, какими бы уроженцами она ни была занята. Забудьте, что эта мѣра совершается вопреки самымъ торжественнымъ договорамъ, ко вреду тѣхъ мѣстныхъ природныхъ жителей, которые остались вѣрными англичанамъ, и даже въ ущербъ многимъ европейцамъ. Министръ признался, что нѣтъ возможности защищать такое жестокое рѣшеніе законодательнаго собранія, и однакожъ онъ потребовалъ, чтобы британскій парламентъ ратификовалъ эту мѣру присылкою новыхъ войскъ и новыхъ субсидій.

Приходится снова согласиться, что англичане проявляютъ справедливость и гуманность только въ отношеніи къ своимъ согражданамъ, жителямъ старой Англіи, и развѣ еще къ другимъ европейцамъ, и что имъ стоитъ только имѣть дѣло съ природными жителями странъ, находящихся на другомъ полушаріи, чтобы быть несправедливыми и жестокими.

Перейдемъ къ Америкѣ.

При взглядѣ на телеграфическія депешн, доставляемыя агентствомъ Рейтера и которыя приходятъ къ намъ въ болѣе или менѣе опущенномъ видѣ, подумаешь, что какой-то чародѣй превратилъ солдатъ обѣихъ армій въ мирныя картонныя фигуры, и что война сдѣлалась простымъ параднымъ маневромъ, годнымъ для того только, чтобы забавлять зѣвакъ. Гилльморъ — такъ надо полагать, судя по депешамъ, — бросаетъ бомбы въ Чарльстонъ ради потѣхи своихъ солдатъ и солдатъ Борегара; Лонгстритъ и Фостеръ другъ съ другомъ играютъ въ жмурки въ разныхъ закоулкахъ горъ восточнаго Теннесси; Шерманъ, во главѣ тридцати тысячъ человекъ, прогуливается въ равнинахъ Миссиссипи и, не встрѣчая нигдѣ непріятеля, велитъ убивать птицъ; прибывъ на границы Алабамы, онъ играетъ въ барры; потомъ возвращается съ своей маленькой прогулки на протяженіи пяти сотъ километровъ, преслѣдуемый китайскими тѣнами; Фаррагѣтъ, лежа на боку въ своемъ кораблѣ, думаетъ, что онъ осаждаетъ Мобиль. Судя по депешамъ, война теперь не болѣе, какъ сновидѣніе, и вѣрно только, что рабовладѣльческая аристократія стоитъ твердо и непоколебимо.

Вотъ что заставляютъ думать телеграммы въ утѣшеніе глупцамъ. Однакожъ, да позволено намъ будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ пользу истины. Правда, что Гилльморъ не пытался взять городъ и рейдъ, укрѣпленные лучше, чѣмъ былъ укрѣпленъ Севастополь; правда, что Фостеръ, остановленный дурнымъ состояніемъ дорогъ, не преслѣдовалъ Лонгстрита, который удалился неизвѣстно куда, и что Фаррагѣтъ не могъ завоевать фортъ Поуелль. Съ своей стороны, Шерманъ, направлявшійся, вѣроятно, въ Сельму, этотъ арсеналь рабовладѣльцевъ въ Алабамѣ, тщетно ожидалъ на границахъ этого штата кавалерію Грирсона, который увидѣлъ проходъ запертымъ превосходными силами непріятеля. Но, по крайней мѣрѣ, онъ не даромъ прождалъ цѣлую недѣлю; онъ снялъ рельсы желѣзныхъ дорогъ на протяженіи трехъ сотъ километровъ и разрушилъ виадукты нанося такимъ образомъ неисправимый вредъ рабовладѣльцамъ, которые теперь лишены средствъ получить продовольствіе и содержать значительныя силы въ штатѣ Миссиссипи. Кромѣ того, возвращаясь съ своей военной прогулки, Шерманъ привезъ съ собою восемь тысячъ негровъ, которые наканунѣ еще были рабами, а те-

перь сдѣлались свободными. Изъ числа ихъ, тысяча человѣкъ уже получили оружіе и теперь сражаются за свободу своего племени.

Притомъ не подлежитъ сомнѣнію, что за спокойствіемъ, царствующимъ теперь на театрѣ войны, вскорѣ наступитъ шумъ большихъ битвъ. Пусть рабовладѣльцы пытаются сдѣлать нападеніе на Кентукки и Теннесси, съ тѣмъ, чтобы отклонить бурю, которая готова надъ ними разразиться; или пусть сохранять они оборонительное положеніе, съ тѣмъ, чтобы выиграть время; федералы могутъ теперь производить атаку во многихъ чувствительныхъ пунктахъ южной конфедераціи и принудить такимъ образомъ мятежниковъ вступить въ бой. Генераль Грентъ, произведенный въ главнокомандующіе войсками уніи, не такой человѣкъ, чтобы сидѣть, сложа руки; если онъ согласился принять на себя огромную отвѣтственность веденія войны, то съ условіемъ, чтобы не оставаться въ Вашингтонѣ. Первымъ его дѣйствіемъ было заставить президента подписать указъ о новомъ рекрутскомъ наборѣ въ двѣсти тысячъ человѣкъ, которые, бывъ присоединены къ пяти тысячамъ солдатъ, набранныхъ недавно, и къ прежнимъ войскамъ, доведутъ численность арміи Соединенныхъ Штатовъ болѣе, чѣмъ до одного милліона людей. Этой многочисленной арміи рабовладѣльцы могутъ противопоставить только около трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, а когда битвы и походныя болѣзни сначала ослабятъ, а потомъ истребятъ это войско мятежниковъ, останутся одни невольники, которыхъ придется гнать въ бой кнутомъ, и которые тогда встрѣтятся лицомъ къ лицу съ неграми, уже свободными, вступившими въ число волонтеровъ.

Новый наборъ въ двѣсти тысячъ человѣкъ есть фактъ величайшей важности. Онъ имѣетъ назначеніе ускорить не только покореніе мятежныхъ штатовъ, но и уничтоженіе невольничества въ штатахъ, преданныхъ уніи, но которые еще не были освобождены отъ этого бича. Дѣйствительно, Кентукки и Теннесси, которые въ силу своихъ, правъ, какъ штаты верховные, могли сохранить свои «особыя учрежденія» и еще имѣютъ до пяти сотъ тысячъ невольниковъ, теперь должны доставить для федеральной арміи около тридцати тысячъ солдатъ. Но такъ какъ въ рабовладѣльческихъ земляхъ бѣлыхъ волонтеровъ не имѣется столько, чтобы удовлетворить требуемому числу, то придется дополнить его рекрутами изъ негровъ. Это будетъ новымъ ударомъ для невольничества, потому что каждый темнокожій

солдаты дѣлаются свободными вмѣстѣ съ своими семействами. Захотятъ ли или нѣтъ плантаторы Кентукки, но они должны будутъ лишиться своихъ невольниковъ.

Для нихъ будетъ лучше, если они добровольно откажутся отъ права владѣнія рабами, какъ поступили ихъ собратья въ трехъ другихъ штатахъ. Конвентъ разныхъ областей восточной Виргиніи, находящаяся во власти уніонистовъ, недавно вотировала немедленное уничтоженіе невольничества. Арканзасъ, недавно покоренный вновь, также вычеркнулъ въ своей конституціи слово: рабство. Наконецъ, избиратели Луизианы выбрали губернатора, благопріятствующаго немедленной эмансипаціи невольниковъ. Въ настоящее время осталось всего четыре штата, которые должны еще измѣнить свою конституцію въ смыслѣ аболіціонномъ: это Мариландъ Делаваре, гдѣ рабство существуетъ только по имени, Кентукки и Теннесси, гдѣ законъ о рекрутствѣ уничтожить дѣян невольничества

Очевидно, что хотя солдаты обѣихъ непріязненныхъ другъ другу армій не рѣзались на поляхъ битвы, тѣмъ не менѣе послѣдній мѣсяцъ прошелъ не безъ пользы для великаго соціальнаго переворота сѣверной Америки.

Жакъ Лесорель.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Характеристика фактовъ, подлежащихъ вниманію современнаго лѣтописца. — Статистическія данныя. Необычайная роскошная плодовитость. — Роспись государственныхъ приходовъ и расходовъ на 1864 годъ. Англо-голландскій заемъ. — Болтовня «Биржевыхъ Вѣдомостей». Пятнадцатилѣтнее бездѣйствіе С. Петербургской городской Думы. — Неправильное пониманіе общественныхъ выгодъ и нуждъ. — Страхование. Устройство мостовыхъ. — Кривошеи и весьма чувствительные разговоры о необходимости гимназій въ Петербургѣ и острѣйшіе выводы о бывшихъ въ свѣтскихъ школахъ. — Мѣры къ удешевленію цѣны на печеный хлѣбъ — Общія основанія проекта «Общества женскаго труда». — Общество для улучшенія быта рабочихъ подъ названіемъ „Улей“.

Безспорно, что начальный русскій лѣтописецъ Несторъ поставленъ былъ въ несравненно болѣе выгодныя условія, чѣмъ лѣтописецъ современный. Несторъ былъ идеалистъ и даже пожалуй отчасти поэтъ: онъ писалъ свою лѣтопись въ тиши монастырской келіи, гдѣ, какъ птица, для своего удовольствія, писалъ не для современниковъ, а для отдаленнаго потомства, судъ котораго хотя и бываетъ строже, но за то не даетъ себя чувствовать такъ непосредственно больно. Оговорившись просьбою, чтобы потомство читало его *«исправляя, а не клмая, аще что грѣшныи худо написаашъ»*, Несторъ могъ совершенно спокойно, объективно отнестись къ записываемымъ имъ давнопрошедшимъ фактамъ. Смыслъ этихъ давнопрошедшихъ фактовъ успѣлъ выясниться весьма опредѣленно, они не могли непосредственно дѣйствовать на лѣтописца своими случайными хорошими или дурными сторонами. Лѣтописецъ стоялъ вдалекѣ отъ этихъ фактовъ, въ такомъ разстояніи, что факты весьма рельефно рисовались

передъ нимъ со всѣми своими деталями. Оставалось только записывать прошедшіе факты, не вдаваясь ни въ какія ретроградныя или либеральныя измышленія; ибо эти измышленія не могли повести ни къ какимъ реальнымъ результатамъ.

Въ совершенно иныя условія поставленъ лѣтописецъ современный. Несторъ спокойно черпалъ матеріалы, какія находилъ для себя нужными, изъ хроникъ Георгія Грѣшнаго (*ἀμνηρόλης*); современный лѣтописецъ не имѣетъ права черпать все, что вздумаетъ, онъ долженъ руководствоваться большимъ благоразуміемъ при выборѣ фактовъ, характеризующихъ современную жизнь. Да и фактовъ этихъ весьма немного: жизнь русскаго человѣка сказывается очень глухо, въ рѣдкія минуты; потому что живетъ русскій человѣкъ скромно, живетъ «*по маленьку*». Вслѣдствіе этого лѣтописцу современному большею частію приходится имѣть дѣло съ такими фактами, которые не заключаютъ въ себѣ ничего характеристичнаго, и такъ же точно знакомать съ русскою жизнію, какъ и съ китайскою; приходится записывать и анализировать факты въ родѣ того, что «такого-то числа крестьянка Матрена Галкина разрѣшилась отъ бремени тройнею и осталась въ живыхъ... такого-то числа найденъ на улицѣ мертвымъ неизвѣстнаго званія человѣкъ... такого-то числа въ Москвѣ сбѣялся слонъ, который и былъ убитъ нижними чинами пожарной команды» и т. д. и т. д. Очевидно, что какимъ бы остроуміемъ ни обладалъ лѣтописецъ, изъ подобныхъ фактовъ онъ не можетъ вывести никакихъ соображеній о состояніи современной русской жизни.

Другаго рода записанные факты требуютъ еще большей осторожности и труда; потому что факты эти искажены, многое въ нихъ подсочинено и прибавлено, и отсюда является необходимость возстановить записанный фактъ въ его первоначальномъ видѣ прежде, чѣмъ дѣлать на основаніи этого факта, какія бы то ни было, соображенія. Мы уже и не говоримъ здѣсь о числовыхъ данныхъ, сообщаемыхъ нашими отечественными статистиками. Недавно въ одномъ статистическомъ отчетѣ мы прочитали, что въ такомъ-то уѣздѣ такой-то губерніи въ 1862 г. было раскольниковъ: мужскаго пола 324 и женскаго пола 572; потомъ въ отдѣлѣ о родившихся сказано, что родилось раскольниковъ въ 1863 г. въ томъ же уѣздѣ, 893; слѣдовательно выходитъ, что въ теченіи одного года каждая раскольница родила почти двоихъ дѣтей — плодовитость рас-

колынища слишкомъ невѣроятная... Прошу покорно дѣлать серьезныя выводы на основаніи такихъ нелѣпныхъ данныхъ.

Въ № 125 «Биржев. Вѣдом.» помѣщенъ Сводъ росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ на 1864 годъ. Изъ этой росписи оказывается, что въ 1864 году правительство ожидаетъ получить доходъ въ слѣдующихъ цифрахъ: отъ прямаго налога (подати и за право торговли: 45,182,615 руб. 5¹/₂ коп. Косвенные налоги сборы, акцизы и пошлины): 175,366,437 руб. 4³/₄ коп. Правительственныя регалии: 997,064 руб. 19³/₄ коп. Отъ казенныхъ имуществъ: 45,443,244 руб. 76³/₄ коп. Поступленія разнаго рода 37,603,202 руб. 27 коп. Доходы Закавказскаго края 3,453,642 руб. 18¹/₄ коп. Оборотныхъ поступленій: 8,366,856 руб. 88¹/₄ коп. Экстраординарныхъ ресурсовъ: 46,486,128 руб. 46¹/₄ коп. Всего ожидаемаго дохода въ 1864 году: 363,099,190 руб. 86¹/₂ коп. Мы приводимъ здѣсь цифру чистаго дохода, выключая изъ валоваго дохода издержки взиманія доходовъ, которыя составляютъ громадную цифру. Всего валоваго дохода должно было получиться 401,094,798 руб. 63 коп. слѣдовательно 37,995,607 руб. 76¹/₂ коп. приходится на издержки взиманія доходовъ. Цифра громадная. Особенно громадныя издержки идутъ на взиманіе доходовъ съ правительственныхъ регалій, такъ что цифра издержекъ на взиманіе дохода почти ровняется самому доходу, получаемому съ этой статьи. Именно: правительственныя регалии даютъ валоваго дохода 14,676,434 руб. 86 коп.; на полученіе же этихъ 14 мил. доходовъ издерживается слишкомъ 13 мил. руб., именно 13,679,370 руб. 66¹/₄ коп. и такимъ образомъ вмѣсто слишкомъ 14 мил. дохода правительство получаетъ всего 997,064 руб. 19³/₄ дохода.

Цифры расходовъ государственныхъ, предстоящихъ въ 1864 году, слѣдующія: государственный долгъ 59,637,803 руб. Высшія государственныя учрежденія: 1,203,454 руб. Вѣдомство святѣйшаго синода: 5,341,942 руб. Министерство императорскаго двора: 7,755,443 руб. Министерство иностранныхъ дѣлъ: 2,094,063 руб. Военное 119,950,702 рубли. Морское министерство 21,584,339 рублей. Министерство финансовъ: 58,446,868 руб. Министерство государственныхъ имуществъ: 9,119,201 руб. Распорядительный комитетъ южныхъ поселеній: 179,344 руб. Министерство внутреннихъ дѣлъ: 12,125,564 руб. Министерство народнаго просвѣщенія: 6,244,022 рублей. Главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ здацій

25,162,775 руб. Главное управленіе почтъ : 11,374,337 рублей. Министерство юстиціи : 6,489,666 руб. Государственный контроль : 326,258 руб. Главное управленіе государственнаго коннозаводства 594,800 руб. Расходы Закавказскаго края : а) производимыя изъ мѣстныхъ сего края доходовъ : 3,453,642 руб. и б) производимыя изъ доходовъ государственнаго казначейства : 162,735 р. На недоборъ въ доходахъ : 4,000,000 руб. Оборотные расходы : 8,366,856 руб. Расходы по военнымъ обстоятельствамъ : 37,380,975 рублей. Всего расходовъ въ 1864 году предстоитъ : 401,094,798 р. 63 к. с. Приводимъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ передовой статьи «Биржевыхъ Вѣдомостей».

«Не болѣе какъ въ полгода времени», говорится въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», *мы* (!) явились предъ Европою во всеоруженіи, съ многочисленною и сильною арміею, снабженною парѣзнымъ оружіемъ, съ крѣпостями, укрѣпленными стальными пушками огромнаго калибра, съ Кронштадтомъ, обшитымъ броней, съ грозными (?) мониторами, съ механическими фабриками для постройки панцирныхъ судовъ и съ заводами для литья стальныхъ пушекъ. Все это совершилось такъ быстро и въ такое время, когда для подавленія мятежа въ Польшѣ потребовались огромныя жертвованія, когда денежный и торговый кризисъ тяготѣлъ надъ средствами государственнаго казначейства, когда наконецъ кредитъ нашъ за границею, вслѣдствіе вышеозначенныхъ обстоятельствъ, значительно ослабѣлъ. Эти энергическія мѣры глубокой предусмотрительности ознаменовали дѣйствія правительства при первой опасности для цѣлости имперіи и оправдались, какъ нельзя лучше. Лишь только военныя силы наши оказались вполне надежными и достаточными для отраженія сильнаго непріятели, и по мѣрѣ того, какъ интересы отечественныя для всѣхъ и каждаго въ Россіи стали выше всѣхъ возможныхъ интересовъ, тогда на *всѣхъ* (?) дипломатіи голосъ нашъ получилъ то значеніе, которое присуще ему, какъ голосу могучей и великой державы. Недовѣріе и брань иностранной прессы не помѣшали Россіи возвысить его, внушая къ себѣ уваженіе самообладаніемъ, духомъ единства и готовностію на защиту своего достоинства. Итакъ *мы* приготовились къ войнѣ въ то время, когда такъ сильно желали мира. Мы достигли именно того, чего желали — мы достигли мира... Очевидно, что въ смыслѣ экономическомъ займы, которые *мы* принуждены были сдѣлать съ военною цѣлью, не могутъ содѣй-

ствовать матеріальному благосостоянію народа, но долги эти произошли отъ необходимости удовлетворить требованіямъ политическимъ, нисколько не зависѣвшимъ отъ положенія нашего государственнаго кредита...» и т. д.

3-го апр. послѣдовалъ высочайшій указъ на имя г. министра финансовъ о заключеніи, черезъ посредство амстердамскихъ банкировъ Голе и К°, внѣшняго займа въ 70,800,000 гульденовъ или 6,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Новый заемъ вносится въ государственную долговую книгу подъ названіемъ *амло-голландскаго займа*. Билеты этого займа въ сто фунтовъ стерлинговъ и въ тысячу нидерландскихъ гульденовъ выдаются на имя предъявителя (au porteur). Платежъ процентовъ по займу съ 20 марта (1 апр.) 1864 года. Билеты пятипроцентные, каждый изъ нихъ снабженъ 20 купонами, выплачиваются проценты въ Амстердамѣ и Лондонѣ. Для погашенія назначается особый фондъ, который долженъ составлять ежегодно одинъ процентъ съ нарицательнаго капитала. По мѣрѣ погашенія фондъ будетъ увеличиваться процентами, причитающимися на билеты, вышедшіе изъ обращенія, по тиражу. Слѣдуемый по билету, вынѣтому по тиражу, капиталъ, по желанію предъявителя будетъ уплачиваться или нидерландскими гульденами въ Амстердамѣ у банкировъ Голе и К°. или фунтами стерлинговъ въ Лондонѣ у банкировъ Берингъ и К°. По прошествіи перваго десятилѣтія на билеты, оставшіеся въ обращеніи, будутъ выданы новые купоны.

Въ 1-мъ № «Извѣстій Спб. Общей Городской Думы» помѣщенъ обзоръ пятнадцатилѣтней дѣятельности этой Думы, со времени открытія ея въ 1846 году. Изъ этого обзора видно, что Дума отечески заботилась о благосостояніи города и его обитателей, хотя благосостояніе это понимала слишкомъ односторонне, слишкомъ по своему (больше ревновала по части чистоты въ скотобойняхъ), и что по этому случаю возбуждалось множество вопросовъ, которые большею частію тагъ при одномъ возбужденіи и остались, и только немногимъ посчастливилось получить практическое примѣненіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Думѣ очень вредилъ черезъ-чуръ бюрократическій способъ веденія дѣлъ и множество самыхъ ненужныхъ формальностей. Обыкновенный процессъ въ этомъ случаѣ такого свойства: въ Общей Думѣ возбуждается какой нибудь важный вопросъ, напримѣръ о скотобойняхъ, о рынкахъ и т. п. Общая Дума передаетъ возбужденный вопросъ на обсужденіе особой комиссіи. Особая комиссія первымъ

своимъ долгомъ считаетъ смѣту сдѣлать, и когда эта смѣта сдѣлана, — на что уходитъ очень много времени, ибо нельзя же все такъ вдругъ сообразить, — составленная смѣта представляется на разсмотрѣніе Общей Думы. Общая Дума разсматриваетъ и рекомендуетъ комиссіи пригласить къ себѣ для обсужденія смѣты еще специалистовъ дѣла. Специалисты дѣла, по истеченія также не малаго срока времени, приглашаются, разсматриваютъ, дополняютъ, а иногда даже и не дополняютъ, а такъ только разсматриваютъ изъ любопытства, и все это опять передается на обсужденіе Общей Думы. Общая Дума находитъ нужнымъ навести еще кой-какія справки: дескать по пословицѣ: «десять разъ примѣрь, а разъ отръжь». Комиссія десять разъ примѣряетъ, а рѣзать все-таки не рѣшается: передаетъ въ Общую Думу, которая находитъ нужнымъ дополнить представляемое еще кой-какими свѣденіями. Кой-какія свѣденія доставляются, но Общая Дума все еще помалчиваетъ, или предлагаетъ «опыты сдѣлать». Ну, а ужъ какъ начнутъ опыты дѣлать, такъ и затянутъ безконечную канитель. Такъ съ 1856 года стали дѣлаться опыты пневматическаго отопленія нѣкоторыхъ городскихъ зданій, на производство чего отпускалось ежегодно *болѣе 410 саж. дровъ* (это на опыты?..). Въ 1859 году (т. е. черезъ три года) предоставлено Распорядительной Думѣ *позаботиться о скорѣйшемъ окончаніи опытовъ...* (Стр. 11). Но позаботилась ли Дума объ окончаніи трехлѣтняго дѣланія опытовъ (вотъ химики-то!) и вышелъ ли какой толкъ изъ этого дѣланія опытовъ — неизвѣстно. Извѣстно только, что «въ то же время увеличенъ отпускъ дровъ на отопленіе полицейскихъ будокъ». (4-й отч. стр. 26).

Этотъ бюрократическій способъ веденія дѣлъ сильно вредитъ при рѣшеніи многихъ насущныхъ вопросовъ. Общая Дума передаетъ дѣло комиссіи, комиссія Общей Думѣ, та опять препровождаетъ комисіи, и такъ все это колесомъ какинь-то и идетъ. А тамъ смотришь, хоть съ грѣхомъ пополамъ, а кой-какъ, благодаря Бога, пятнадцать лѣтъ и прожили.

Такимъ образомъ было поступлено съ страхованіемъ. «Уже въ 1847 году Дума обратила вниманіе на этотъ важный вопросъ и въ особой комиссіи составила проектъ. Въ трехлѣтіе 1853—1855 г. (т. е. черезъ восемь лѣтъ) Дума *собрала всѣ нужныя свѣденія* (?), и въ 1858 году окончательно *обсудила* (?) проектъ (т. е. черезъ 11 лѣтъ). Въ послѣднее трехлѣтіе проектъ одобренъ, и *въ настоя-*

щее время (черезъ 17 лѣтъ) *вопросъ этотъ составляетъ предметъ занятій особой комиссіи*. (Стр. 22—23). Значитъ, мы имѣемъ всѣ шансы надѣяться, что если 11 лѣтъ обсуживался проектъ, то лѣтъ этакъ черезъ пятьдесятъ, Богъ дастъ, вопросъ и разъяснится.

«При разсмотрѣніи росписи на 1848 годъ Дума нашла, что число частныхъ рынковъ въ столицѣ не соотвѣтствуетъ ея обширности и населенію; почему учрежденъ былъ особый комитетъ для *начертанія* (?) правилъ объ умноженіи въ С.-Петербургѣ рынковъ; эти правила *вскорѣ* (!) были составлены, и планы, и смѣты были препровождены въ 1852 году (т. е. черезъ 4 года, это называется «*вскорѣ*») на заключеніе Общей Думы. Въ настоящее время (т. е. черезъ 17 лѣтъ) поступило 8 проектовъ объ устройствѣ частныхъ рынковъ, которые (т. е. рынки?) и разсматриваются въ особомъ комитетѣ». (Стр. 14).

«Устройство мостовыхъ обратило на себя вниманіе Думы *вскорѣ* послѣ ея открытія (1846 г.), и уже въ первое трехлѣтіе она ходатайствовала о постепенномъ замощеніи еще невымощенныхъ улицъ; вслѣдствіе чего, тогда же, на этотъ предметъ были *составлены проекты и смѣты* (?); въ то же время она полагала отдѣлить изъ суммы, ассигнуемой на ежегодный ремонтъ мостовой, до 3,000 руб. на замощеніе улицъ передъ домами бѣдныхъ обывателей, и съ 1849 года сумма эта ежегодно отдѣлялась». Последнее соображеніе, какъ нельзя болѣе, разумно; но дѣло въ томъ, что черезъ 7 лѣтъ спросили у Думы: «не представляется ли возможнымъ на будущее время прекратить отпускъ этихъ денегъ? Дума положила отиѣнить...» Почему? спрашиваете вы: одно распоряженіе уничтожается другимъ, значитъ одно изъ нихъ непременно случайно. «При разсмотрѣніи росписи на 1859 годъ, Дума замѣтила, что по крайне небрежному состоянію мостовыхъ большей части улицъ столицы, *пропѣздъ по нимъ, въ особенности передъ домами казенныхъ вѣдомствъ сдѣлался не безопаснымъ...*» Эта послѣдняя фраза въ особенности хороша: *пропѣздъ передъ домами казенныхъ вѣдомствъ сдѣлался не безопаснымъ...* Словомъ, дѣло является весьма серьезнымъ, жизнь человѣческая подвергается опасности передъ домами казенныхъ вѣдомствъ, а между тѣмъ, черезъ 17 лѣтъ Дума только «положила ходатайствовать о принятіи самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ: конному побужденію тѣхъ мѣстъ...» и т. д. (Стр. 17).

Но очевидно, что тутъ мало одного ходатайства и побужденія: нужны мѣры болѣе дѣйствительныя. Особенно тяжело дасть себя чувствовать эта медленность Думы, по части нетерпящихъ отлагательства мѣропріятій, жителямъ Петербургской стороны, не смотря на то, что они платятъ городскіе повинности наравнѣ съ прочими жителями Петербурга, и слѣдовательно имѣютъ полное право требовать къ себѣ одинаковаго вниманія Думы. А Дума о нихъ-то какъ будто совершенно не заботится, и вслѣдствіе этой незаботы Петербургская сторона почти совершенно неудобна для жизни, и обитатели ея подвергаются постоянно самымъ неприятымъ сюрпризамъ. Одинъ изъ таковыхъ обитателей Петербургской стороны недавно горько жаловался въ «Голосѣ», и даже въ отчаяніи просилъ о помощи самого Андрея Александровича Краевского. «Пріѣзжайте», говоритъ, «сами посмотрѣть, или пришлите когонибудь...» Какъ будто Андрей Александровичъ прапорщикъ путей сообщенія, и какъ будто можетъ быть польза отъ того, что онъ посмотритъ?.. Съ тѣмъ пріѣдетъ, съ тѣмъ и уѣдетъ: ничего тутъ не подѣлаешь... Наконецъ, с. петербургскій военный генералъ-губернаторъ предложилъ Распорядительной Думѣ озаботиться, какъ можно скорѣе, устройствомъ мостовыхъ и водосточныхъ трубъ на Петербургской сторонѣ, совершенно справедливо доказывая необходимость скорѣйшихъ мѣръ тѣмъ, что Петербургская часть платитъ наравнѣ съ прочими частями оцѣночный сборъ и другія повинности, которыя, въ общей массѣ городскихъ доходовъ, идутъ на устройство центральныхъ частей города. На это предложеніе послѣдовало до крайности забавное и юмористическое заключеніе комиссіи:

«Комиссія, не въ первый уже разъ обсуждающая вопросъ о необходимости улучшить положеніе Петербургской части, не могла придти къ желаемому результату по причинамъ, *отъ думы независящимъ* (?). Въ настоящее время вопросъ этотъ не можетъ еще быть разрѣшенъ удовлетворительно на томъ основаніи, что благоустройство Петербургской части требуетъ многихъ соображеній и изслѣдованій. *Употребленіе же нынѣ значительнаго капитала на устройство кой-гдѣ плохой (?) мостовой и подземельныхъ столичныхъ трубъ безъ правильной системы (!?) повлечетъ лишь городъ въ безполезную затрату денегъ, нисколько не улучшивъ положеніе сей части города*». (№ 6-й, стр. 278).

Это, преисполненное тонкаго юмора, заключеніе комиссіи напо-

минаетъ намъ отвѣтъ палатѣ, данный министромъ какого-то крошечнаго государства, когда палата спросила этого министра: почему, не смотря на вводимыя повсюду превосходныя усовершенствованія во флотѣ, флотъ ихъ крошечнаго государства остается въ своемъ первоначальномъ, неуклюжемъ видѣ? На это министръ отвѣчалъ палатѣ съ надлежащею твердосію: флотъ нашего крошечнаго государства дѣйствительно остается въ первоначальномъ и даже неуклюжемъ видѣ; но это вызвано весьма серьезными и разумными соображеніями. Сначала придумали строить корабли болѣе удобной конструкции, и всѣ государства начали перестраивать корабли по новому способу, затрачивая огромныя капиталы. Мы не строили, вполнѣ увѣренные, что скоро выдумаютъ болѣе совершенныя корабли. Такъ и случилось. Скоро выдумали броненосныя судна, и всѣ опять начали строить броненосныя судна. Мы не строили и броненосныхъ судовъ, оставаясь въ увѣренности, что человѣкъ хитрѣе чорта, и выдумаетъ еще нѣчто лучшее. Такъ и случилось: всѣ государства опять начали затрачивать огромныя капиталы на устройство новыхъ кораблей. Но мы опять не принимаемъ этихъ новыхъ улучшеній: ибо кто же можетъ поручиться, что черезъ двадцать лѣтъ теперешніе совершенныя корабли окажутся никуда негодными, такъ какъ будутъ изобрѣтены лучшіе? Не выгодиѣ ли гораздо намъ еще пообождать немного?...

Также забавно мыслить и комиссія Думы: дескать плохо дѣлать — не стоитъ; а хорошо дѣлать — почему мы знаемъ, что это хорошо, что на дняхъ же не выдумаютъ новый способъ устройства мостовыхъ? А мы лучше пообождемъ, да денжата попридержимъ: дѣло-то попокойше выйдеть...

И вотъ Дума обращается къ инымъ дѣламъ, измышляетъ нѣчто, начинаетъ смѣты дѣлать, справки наводитъ, разговариваетъ много, хотя впрочемъ большею частію дѣло ограничивается одними разговорами и дальше реторика нейдетъ. Задаетъ себѣ какимъ нибудь невиннѣйшимъ вопросомъ, да и практикуется въ краснорѣчіи. «Вотъ», размышляетъ Дума, «по набережной Екатерининскаго канала возы съ сѣномъ останавливаются для продажи: не взимать ли съ таковыхъ торговцевъ хоть копѣйки по три съ воза? А чай большія деньги зашибтъ можно»...

И вотъ, задавшись такимъ вопросомъ, Дума думаетъ, думаетъ,
Отд. III.

соображаетъ, съ законами справляется и убѣждается наконецъ, что взимать деньги съ «промышленности, свойственной крестьянскому быту» — дѣло, противное закону, словомъ: кончаетъ на томъ, съ чего слѣдовало бы начать.

А то задается Дума такимъ вопросомъ: «губернскій секретарь Василій Андреевъ мундштуки особенные изобрѣлъ для куренія сигаръ и папирсъ на улицахъ, и говоритъ намъ этотъ механикъ, губернскій секретарь, что если мы будемъ накладывать клейма на его мундштуки и слѣдить, чтобы всѣ курили только изъ мундштуковъ губернскаго секретаря, нами заклеянныхъ, то за такое наше добродѣтельное распоряженіе губернскій секретарь будетъ платить намъ по полтора рубля отъ каждаго мундштука — деньги большія. Какъ тутъ быть, что дѣлать?..»

И вотъ, Дума опять думаетъ, соображаетъ, высчитываетъ и, узнавши, что по закону «куреніе табаку, сигаръ и папирсъ на улицахъ воспрещается», отказываетъ изобрѣтателю мундштуковъ, т. е. опять такъ кончаетъ тѣмъ, съ чего слѣдовало бы начать.

И много, очень много времени уходитъ на рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, въ особенности если еще по специальности вопроса понадобится справки наводить, спрашивать отзывы у разныхъ частныхъ лицъ, да побуждать эти лица къ доставленію свѣдѣній, а и вопросъ то самъ по себѣ такой, что только смѣхъ возбуждаетъ, ну и выходить въ концѣ концовъ самая юмористическая забава. Такъ случилось съ возбужденнымъ вопросомъ «о составленіи правилъ для обезпеченія пассажирской кледи на частныхъ пароходахъ». Вопросъ этотъ разъясняется весьма удобно безъ всякихъ справокъ и проволочекъ. Большая часть пароходовъ, особенно пароходовъ легкыхъ, въ Петербургѣ, не имѣютъ никакой возможности страховать пассажирскіе кледи, такъ какъ пароходы эти построены исключительно для перевозки пассажировъ, а не кледей, почему у нихъ неустроены даже трюмы для кледей. Притомъ, на пароходы, совершающіе небольшіе рейсы, пассажиры являются за нѣсколько минутъ до отхода ихъ, съ узелками, портсакнами и небольшими чемоданчиками, которые и остаются при нихъ, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ, — какая же тутъ возможность страховать? Вопросъ, какъ говорю я, рѣшается весьма просто безъ всякихъ длинныхъ справокъ; но Дума поступаетъ иначе.

Она беретъ правила николаевской желѣзной дороги относительно страхованія владѣй, и разсылаетъ эти правила ко всевозможнымъ пароходнымъ обществамъ, даже къ купцу Тайвани, который возить на своихъ легкихъ пароходикахъ на Крестовскій и въ Хуторокъ, съ требованіемъ, чтобы всѣ эти общества дали отзывы: не могутъ ли они руководствоваться правилами николаевской желѣзной дороги относительно страхованія владѣй. Увидѣли конечно пароходныя общества сразу, что дѣло неудобное, что Дума шутки шутить, а потому и сами въ своихъ отзывахъ отшучиваются самымъ юмористическимъ образомъ. Ответы нѣкоторыхъ обществъ въ высшей степени забавны. Такъ общество волжско-донской желѣзной дороги и пароходства по Дону и Азовскому морю, отвѣчало, что «имѣеть право открыть страховое отдѣленіе и правленіе, по указанію опыта (?), приметъ мѣры къ обезпеченію пассажирской влады».

Бъломорская компанія и общество буксирнаго пароходства Транзитъ вообразили, что Дума прислала имъ правила въ видѣ подарка, а потому и отвѣчали, что онѣ *приняли правила николаевской желѣзной дороги къ сведенію.*

Ростокская пароходная контора рѣзко отвѣтила Думѣ, что «эти правила до нея не касаются». А *товарищество Соважъ и Мирнонь* пренаивно бухнуло, что «пассажиры ихъ пароходовъ *уверены* (?) въ безопасности ихъ влады, почему страхованіе и не нужно (?)».

Собравши всѣ эти отзывы, увидѣла Дума, что вопросъ и возбуждать-то не слѣдовало, какъ положительно неудобный къ осуществленію,—и такимъ образомъ опять таки кончила тѣмъ, съ чего слѣдовало начать... Въ концѣ концовъ остались одни разговоры, реторика, да груда исписанной бумаги.

Но это было бы еще ничего, если бы Дума забавлялась краснорѣчіемъ при рѣшеніи вопросовъ объ изобрѣтенныхъ губернскимъ секретаремъ мундштукахъ и т. п., тутъ еще степень зла не особенно велика. Но дѣло въ томъ, что Дума нерѣдко ограничивается непростительно одними разговорами при рѣшеніи самыхъ насущныхъ вопросовъ. Возбужденъ былъ вопросъ о необходимости устройства на счетъ города двухъ прогимназій. Необходимость такого устройства чувствуется самымъ нагляднымъ образомъ. Не смотря на то, что въ

последніе два года въ Петербургѣ открыты сверхъ прежнихъ пяти гимназій, еще двѣ новыя, одно уѣздное училище преобразовано въ прогимназію и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ разрѣшено открыть заведенія съ курсомъ гимназическимъ; не смотря на то, что нѣсколько классовъ при гимназіяхъ раздѣлено было на параллельныя отдѣленія, — число всѣхъ, желавшихъ поступать въ эти заведенія, такъ велико, что въ принятіи всѣхъ не оказывается никакой возможности. Такимъ образомъ, вопросъ о необходимости открытія новыхъ гимназій становится весьма опредѣленно. Дума поняла это, взялась сначала за дѣло горячо; пошли, какъ водится, смѣты да выкладки, назначили даже жалованье и инспекторамъ, и сторожамъ, опредѣлили и количество стульевъ, и цѣну этихъ стульевъ, да на стульяхъ какъ-то дѣло и застряло. А между тѣмъ, сколько разговору было, какія хорошія рѣчи говорили гласные, какія благородныя чувства изливали, съ большимъ жаромъ проводя ту либеральную мысль, что, дескать, науки полезны и что «за битаго двухъ небитыхъ даютъ» и что *кому же, какъ не городскому управленію предстоитъ прежде всего взяться за дѣло образованія, и твердою рукою (?) повести его къ пользѣ многочисленнаго фабричнаго, ремесленнаго и вообще рабочаго класса?* (№ 2, 91). Заявлено также, что необходимо было бы и воскресныя школы устроить, хотя наши прежнія воскресныя школы, какъ сказано въ одной изъ рѣчей, *вслѣдствіе неудовлетворительности ихъ направленія, закрыты, по распоряженію правительства впередъ до составленія новыхъ соображеній объ основаніяхъ, на которыхъ они могли бы быть учреждены съ болшею пользою* (Ibid). Словомъ, много всякой всячины говорилось въ данныхъ рѣчахъ. А это ужъ непростительно: тутъ видѣть дѣло не о мундштукахъ, изобрѣтенныхъ губернскимъ секретаремъ...

Непростительно со стороны Думы отыгрываться веселыми словечками и расточать непрошеное и бесплодное соболѣзнованіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимы самыя скорыя мѣры. Такъ отыгралась непростительно Дума въ отвѣтъ на предложеніе генералъ-губернатора относительно скорѣйшаго изысканія средствъ къ первоначальному призрѣнію лицъ, заболѣвающихъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Число такихъ больныхъ въ послѣднее время особенно начало значительно увеличиваться: въ теченіи 1863 года въ частныхъ

лечебницахъ Штейна, Лоренца и Гейкинга цифра пожъшанныхъ была громадная, именно 1,299 больныхъ. Изъ видовъ помъшательства самая большая часть больныхъ принадлежала къ *врачному помъшательству*: 90, и къ *неистовству*: 54; самая меньшая цифра къ *горделивому помъшательству*: 7.

Между тѣмъ, не смотря на такую громадную цифру пожъшанныхъ, при полиціи существуетъ пріютъ, устроенный только на 12 кроватей, а потому полиція принуждена размъщать вновь прибывающихъ больныхъ въ пріемныхъ покоехъ при частяхъ, а чаще всего въ арестантскихъ комнатахъ и карцерахъ. Очевидно, что такой способъ содержанія, или вѣрнѣе, *заключенія* больныхъ, употребляемый полицією, искусственно увеличиваетъ степень страданія тѣхъ несчастныхъ, которымъ болѣе всего необходимы свѣтъ, чистый воздухъ и человѣчный надзоръ.

Для прекращенія указанныхъ неудобствъ, которыя могутъ сопровождаться весьма тяжелыми послѣдствіями, потребовали у Думы отпуска 8940 р. сер. на увеличеніе первоначальнаго помъщенія умалишенныхъ. Но комиссія отвѣтила, что *источника къ покрытію предстоящаго расхода указать не можетъ*, хотя и прибавляетъ слезливо, что «долгомъ считаетъ доложить собранію гг. гласныхъ, что если городъ иногда *расходуетъ значительныя суммы на предметы, не составляющіе насущной потребности* (что за наивность!), то едва ли представится возможность возразить противъ отпуска нѣсколькихъ добавочныхъ тысячъ рублей сереб., когда дѣло касается «первѣйшей обязанности» городского общества, — подать руку помощи страждущимъ лицамъ бѣднѣйшаго класса, устройство участи которыхъ лежитъ на нравственной отвѣтственности...» и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, Дума опять оыгралась хорошими словечками, реторикою и обильнымъ изліяніемъ добродѣтельныхъ чувствъ!... И къ чему это желаніе сейчасъ же себѣ пьедестальчикъ построить, эта старческая, ненужная слезливость? Говорятъ о дѣлѣ, спрашиваютъ денегъ, требуютъ исполненія «первѣйшей обязанности городского общества»; а городское общество вмѣсто денегъ, *руку помощи страждущимъ* предлагаетъ, вмѣсто дѣла, нюши распускаетъ, да по части превыспреннихъ чувствій прохаживается. И что за наивнѣйшая отговорка: *источника къ покрытію предстоящаго расхода*

да комиссія указать не можетъ, хотя даѣе и говорится, что городъ расходуетъ иногда значительныя суммы на предметы, не составляющіе насущной (?) потребности. И какъ не найти источника для выдачи 8940 р. сер.? Вѣдь нашла же Дума, и очень скоро нашла, источникъ для выдачи пособія вдовѣ пристава Кузьмина, вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Моллеріусъ, который получалъ ежегодно на службѣ по 2500 р. сер.? Вѣдь нашла же дума источникъ для выдачи театральной дирекціи 28,541 р. 42 к. сер., на украшеніе Петровскаго парка 3400 р. сер.? Пусть бы ужъ лучше Петровскій паркъ подождалъ украшаться до тѣхъ поръ, пока жизнь бѣдныхъ семействъ не будетъ гарантирована отъ бѣшеныхъ припадковъ неистово помѣшанныхъ.

Такимъ образомъ, то положеніе, которое мы предпослали нашему краткому обзору пятнадцатилѣтней дѣятельности Думы, оказывается совершенно справедливымъ. Дума заботилась о нашемъ благосостояніи; но благосостояніе это понимала слишкомъ по своему, прибѣгая къ отчаянной фразистикѣ, какъ бы желая припорить себя къ дѣлу. Вредила также много Думѣ какая-то странная идеализація тѣхъ средствъ, какими владѣетъ общество. Мы, напр., совершенно согласны а priori, что нельзя требовать достиженія нравственныхъ результатовъ отъ мѣръ исключительно административныхъ: это значило бы вводить добродѣтель силою. Но въ то же время нельзя въ вопросахъ экономическихъ разсчитывать исключительно на возвышенныя чувства и благородныя побужденія. А Дума разсчитываетъ исключительно на эти средства въ вопросѣ такой серьезной важности, какъ мѣры къ положенію цѣны на печеный хлѣбъ, оговариваясь тѣмъ либеральнымъ положеніемъ, что она не желаетъ стѣснять «начала свободнаго развитія промышленности»; а желаетъ только «поставить дѣйствія торговцевъ въ условія умеренности, публичности (?) и общественнаго (!) контроля».

По состоянію хлѣбнаго рынка естественныхъ причинъ дороговизны печенаго хлѣба не существуетъ, значить все зависитъ отъ произвола торговцевъ. Цѣны на хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ не возвышаются, а понижаются. Такъ съ 1862 года по августъ мѣсяць 1863 г., при продажи муки съ барокъ и владовыхъ, на хлѣбной пристани за кулъ муки такъ называемой обдирной 9-ти пудоваго вѣса платилось отъ

9 р. 60 к. до 10 руб., а за куль муки обыкновенной ржаной, также 9-ти пудоваго вѣса отъ 8 р. 50 к. до 9 р. Изъ муки обдирной выпекается печенаго хлѣба среднимъ числомъ $12\frac{1}{2}$ пуд. или 500 фунтовъ. Слѣдовательно печеный хлѣбъ обходился хлѣбопекамъ по 2 к. за фунтъ, или 80 к. за пудъ, а продавали они по $2\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ или по 1 р. за пудъ. Изъ муки ржаной обыкновенной выпекается хлѣба также $12\frac{1}{2}$ пуд. или 500 фунтовъ; обходился онъ почти по $1\frac{3}{4}$ к. за фунтъ, а продавался по $2\frac{1}{4}$ и по $2\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ. Слѣдовательно торговцы брали пользы по $\frac{1}{2}$ коп. на фунтъ изъ муки какъ обдирной, такъ и обыкновенной, т. е. изъ куля 9-ти пудоваго вѣса, стоющаго 8 р. 50 к. и 10 р. или $1\frac{3}{4}$ и $2\frac{1}{2}$ к. фунтъ, получалось хлѣбомъ $12\frac{1}{2}$ пуд. по $2\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ, всего 12 р. 50 к. или 4 р. и 2 р. 50 коп. сверхъ покупной цѣны на куль муки.

Съ Августа мѣсяца 1863 года цѣны на муку понизились значительно, и въ настоящее время стоятъ слѣдующія цѣны: мука обдирная отъ 7 р. до 7 р. 50 к. за куль 9-ти пудоваго вѣса, мука же обыкновенная, ржаная того же вѣса отъ 5 р. 60 к. до 6 р. за куль. По этимъ цѣнамъ хлѣбопекамъ обойдется печеный хлѣбъ изъ муки обдирной, изъ которой выпекается $12\frac{1}{2}$ пуд. или 500 фунт. по $1\frac{1}{2}$ к. за фунтъ или по 60 к. за пудъ; а изъ муки обыкновенной по $1\frac{1}{4}$ к. за фунтъ, или 50 к. за пудъ. Продавая же печеный хлѣбъ того или другаго сорта по прошлогоднимъ и теперешнимъ цѣнамъ, т. е. по $2\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ, получается пользы на 500 фунтовъ печенаго хлѣба изъ куля муки обдирной не $\frac{1}{2}$ коп., а 4 коп. на фунтъ или 70%, т. е. 5 р. и 5 р. 50 к. сверхъ покупной цѣны на куль, стоющій 7 р. и 7 р. 50 к.; а изъ муки обыкновенной, пользы $1\frac{1}{4}$ к. на фунтъ, или 115%, т. е. 6 р. 50 к. и 6 р. 90 к. сверхъ покупной цѣны на куль, стоющій 5 р. 60 к. и 6 р. Процентъ получается слишкомъ немилосердный, слишкомъ растовщицкій, и вся тяжесть этого падаетъ главнымъ образомъ на бѣднѣйшій классъ тружениковъ, какъ самыхъ многочисленныхъ потребителей ржанаго хлѣба. Произвождъ торговцевъ самый наглый и беззаастѣнчивый дѣлается очевиднымъ: материалъ дешевъ, а продуктъ изъ него дорогъ.

Опять таки спрашиваемъ: какія же должны быть употреблены мѣры

противъ этой наглої эксплуатаціи производителями потребителей. Мы видѣли, что и мѣры Думы:— достигнуть дѣйствительныхъ результатовъ при помощи общественнаго контроля, все это мѣры неудобно-осуществимыя, бесплодная идеализація, и потому должны быть оставлены. Предлагали было снова прибѣгнуть къ таксѣ, установивши ее такъ, чтобы производители пользовались только 25% противу цѣны на муку. За этими цѣнами на муку легко слѣдить на хлѣбномъ рынкѣ, и цѣны эти съ накидною 25% могутъ печататься даже нѣсколько разъ въ мѣсяцъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» для руководства продавцевъ. Но эта мѣра, весьма удобная съ перваго раза, оказывается также недѣйствительною; потому что невозможно съ полною справедливою опредѣлить надбавочные проценты, въ расчетъ которыхъ должны войти главнымъ образомъ расходы на приготовленіе печенаго хлѣба, какъ то: на наемъ квартиръ и людей, на дрова и проч., такъ какъ цѣны на эти предметы не всегда согласуются съ движеніемъ цѣпъ на муку. Цѣны на муку могутъ стоять однѣ и тѣ же, а цѣны на дрова и квартиры могутъ подняться до баснословной цѣны. Подобныя бѣшенныя скачки у насъ явленіе весьма обыкновенное.

Итакъ, конецъ концовъ тотъ, что нѣтъ никакихъ мѣръ для прекращенія произвола торговцевъ, и мы нѣсколько не обвиняемъ Думу, что, не смотря на все свое стараніе, она не пришла ни къ чему, не додумалась ни до чего; потому что и не могла ни до чего додуматься. Мы прямо говоримъ, что нѣтъ никакихъ мѣръ, что мѣры репрессивныя оказываются недѣйствительными тамъ, гдѣ преступленіе является, какъ результатъ слишкомъ сложныхъ причинъ. Противъ произвола лавочниковъ мы можемъ предложить очень радикальную по принципу мѣру, это — устройство общественныхъ пекарень, въ которыхъ могъ бы готовиться печеный хлѣбъ и продаваться по настоящей его стоимости безъ надбавки обременительныхъ, ростовщичьихъ процентовъ. Но мѣра эта оказывается не больше, какъ идеализацію при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительною стороною жизни. Чтобы возможно было уничтожить произволъ продавцевъ хлѣба посредствомъ устройства общественныхъ пекарень, необходимо, чтобы существовало общество, котораго у насъ нѣтъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы народонаселеніе наше не относилось съ такимъ равнодушіемъ къ

нарушенію своихъ правъ, какъ оно это дѣлаетъ обыкновенно. Даже вопросъ объ эксплуатаціи производителями нечестнаго хлѣба потребителей былъ возбужденъ полиціею, а не обществомъ, которое въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, относилось къ дѣлу съ самымъ непростительнымъ индифферентизмомъ. Дескать, *стоитъ* ли толковать о какойнибудь лишней половинѣ копѣйки, да Богъ съ ними, пусть наживаются и т. д. Этотъ крайній индифферентизмъ приводитъ къ результатамъ весьма печальнымъ. Кто самъ не уважаетъ свои права, тотъ никогда не заставитъ уважать эти права другихъ. Недавно, въ какой-то иностранной газетѣ рассказывалось объ одномъ богатомъ вельможѣ, и въ доказательство его гражданской честности приводилось то, что этотъ человѣкъ, не смотря на свое богатство и свою щедрость, часто велъ упорно процессы изъ за нѣсколькихъ оранговъ. Очевидно, что двигающею причиною въ этихъ случаяхъ была не корысть, а *уваженіе къ своему праву*. У насъ подобныхъ случаевъ не бываетъ, а если и ведутся иногда незначительные процессы, то развѣ только субъектами, сидящими въ долговомъ отдѣленіи, для того, чтобы имѣть возможность прогуливаться въ суды читать выписки изъ дѣлъ; или же подобныя процессы ведутся добрыми остряками отъ нечего дѣлать... А чтобы мы уважали свои права и отстаивали энергично нарушеніе этихъ правъ, — въ этой добродѣтели едва ли насъ можно упрекнуть.

Объ руку съ этимъ неуваженіемъ собственныхъ правъ стоитъ другой нашъ недостатокъ: непониманіе своихъ *выгодъ*. Непоминаніе это въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходитъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ нечѣпости, что близорукимъ людямъ кажется изумительною добротою, безкорыстіемъ, ширью славянской природы. Но очевидно, что это вовсе не безкорыстіе, и не ширь природы; а просто до крайности нечѣпное пониманіе истинныхъ выгодъ, дѣйствительнаго блага. А въ основаніи экономическихъ предпріятій долженъ лежать расчетъ и честно, разумно понятая выгода: только такая предпріятія могутъ существовать прочно и приносить обществу дѣйствительную выгоду. Вотъ почему мы съ такимъ полнѣйшимъ сочувствіемъ относимся къ составляющемуся у насъ «Обществу женскаго труда», имѣющему цѣлю доставить трудъ женщинамъ, и тѣмъ устранить тѣ нравственныя и экономическія неудобства, которыя происходятъ отъ

неправильнаго положенія женщины. Нельзя не согласиться вполне съ честностію и разумностію доводовъ, которые приводятъ учредители, относительно необходимости устроить женскій трудъ на прочныхъ основаніяхъ. Вотъ что между прочимъ говорится въ «Проектъ Устава Общества женскаго труда:»

«Одно изъ самыхъ трудныхъ положеній въ нашемъ обществѣ есть положеніе женщины.

Большая часть занятій для нея закрыты не по неспособности ея къ нимъ, а по непривычкѣ общества видѣть женщину на мѣстѣ, которое обыкновенно занимаютъ мужчины.

Отсюда вытекають послѣдствія, весьма вредно отзывающіяся на нашемъ благоустройствѣ.

1) Значительное число нравственныхъ и умственныхъ силъ, которыя могли бы быть употреблены женщинами на общественное дѣло, пропадаютъ даромъ.

2) Находящіяся въ нищетѣ женщины увеличиваютъ собою число лицъ, которымъ общество обязано помогать совершенно непроизводительно для себя.

3) Случается, что женщины, попадая въ подобное затруднительное положеніе, обращаются къ безнравственнымъ средствамъ для доставленія себѣ возможности существованія. Онѣ или прямо продаютъ себя всякому встрѣчному, или употребляютъ самыя недостойныя средства, чтобы вступить въ бракъ и свалить на мужа заботу о своемъ существованіи и о существованіи дѣтей своихъ.

4) Трудность для женщины обезпечить себя собственными силами унижаетъ женщину въ глазахъ мужчины, при недостаточной образованности послѣдняго. Онъ смотритъ на женщину въ семьѣ, какъ на существо вполне зависимое отъ его произвола, на существо низшее и т. п.

5) Имѣя исключительное право на большинство общественныхъ занятій, мужчины, не получившіе образованія, бесполезно тратятъ физическія свои силы на занятія, не требующія вовсе такихъ силъ; между тѣмъ они могли бы съ гораздо большею пользою для общества направить свою дѣятельность на другую работу, раздѣливъ свои нынѣшнія занятія съ женщинами.

Всѣ эти неудобства нравственныя и экономическія побуждаютъ устроить общество, которое бы имѣло въ виду устроить женскій трудъ на болѣе прочныхъ основаціяхъ.

Общество имѣетъ цѣлю:

1) Доставить трудъ женщинамъ, т. е. указать мѣста, гдѣ требуется женскій трудъ, давать имъ работы въ различныхъ сферахъ дѣятельности, доступныхъ для женщинъ въ настоящее время, и вообще служить посредникомъ между лицами, нуждающимися въ женскомъ трудѣ и предлагающими его.

2) Изыскивать, кромѣ нынѣ существующихъ сферъ женской дѣятельности, еще такія, гдѣ женскій трудъ теперь не участвуетъ, но могъ бы быть допущенъ съ большею или равною пользою, чѣмъ трудъ мужской.

3) Ходатайствовать о допущеніи женщинъ къ такимъ родамъ дѣятельности.

4) Приглашать женщинъ, ищущихъ, при посредствѣ общества, труда,—составлять артели для различныхъ предпріятій и содѣйствовать устройству этихъ артелей, въ случаяхъ надобности, денежными ссудами въ размѣрахъ, сообразныхъ съ объемомъ и важностію того предпріятія, для котораго устраивается артель, и тогда, когда возвращеніе ссуды гарантируется большею или меньшею вѣроятностію успѣха предпріятія.

5) Доставить участницамъ общества средства изучать тѣ предметы, которыми онѣ желаютъ заниматься, если при этомъ изученіи имѣются въ виду какія либо практическія цѣли.

6) Открывать торговыя и промышленныя заведенія и проч. съ цѣлю доставленія женщинамъ труда.

7) Выдавать пособія нуждающимся женщинамъ — членамъ общества, когда въ данное время нельзя прискаты для нихъ какого либо занятія; эти пособія возвращаются обществу, когда лица, ихъ получившія, достали себѣ занятія и имѣютъ возможность возвратить сдѣланное имъ пособіе.

§ 3. Денежныя средства, необходимыя для выполненія означенныхъ цѣлей общества, составляются:

1) Изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ общества.

2) Изъ 2% взноса со всякаго лица, получившаго занятія по

ходатайству общества, съ тѣхъ денегъ, которыя оно получило чрезъ посредство общества. Если занятія получены годовые, то 2% счисляются съ годового найма; если занятія получены на меньшій срокъ, то съ этого срока; если они единовременны, то съ цѣны полученной работы; а также и изъ процентовъ, получаемыхъ на капиталъ, отданный въ ссуду артелямъ.

3) Изъ пожертвованій вообще лицами, сочувствующими цѣли общества. Кроме того, общество, для усиленія своихъ денежныхъ средствъ, можетъ принимать участие въ разныхъ коммерческихъ и финансовыхъ операціяхъ, открывать публичныя чтенія, устраивать спектакли, концерты, предпринимать изданіе литературныхъ и ученыхъ трудовъ и т. д.

§ 4. Ежегодный взносъ членовъ общества опредѣляется въ 12 р. сер.; но желающіе могутъ внести и больше.

§ 5. Для поступленія въ члены общества нужна рекомендація, по крайней мѣрѣ, одного изъ членовъ. Желающій вступить въ члены общества предлагается исполнительному отдѣленію общества, которое вноситъ списокъ желающихъ быть членами въ ближайшее собраніе общества, и самый выборъ производится баллотировкою.

§ 6. Члены имѣютъ право присутствовать при всѣхъ собраніяхъ общества съ правомъ голоса, избираютъ и избираются во всѣ должности по обществу. Само собою разумѣется, что должности по обществу могутъ быть замѣщаемы, какъ мужчинами, такъ и женщинами.

§ 7. Члены общества обязываются сообщать исполнительному отдѣленію предположенія свои о назначеніи пособій нуждающимся членамъ, и вообще о всемъ томъ, что касается цѣлей общества, а контрольному отдѣленію всѣ замѣченныя ими неправильности или недостатки въ дѣйствіяхъ исполнительнаго отдѣленія.

Общество имѣетъ почетнаго президента, вице-президента, избираемаго общимъ собраніемъ, которое есть главный органъ управленія и которое изъ среды своей учреждаетъ два отдѣленія: исполнительное и контрольное.

§ 3. Общее собраніе, кроме экстренныхъ случаевъ, засѣдаетъ три раза въ году, т. е. по одному разу каждые четыре мѣсяца, а

именно: въ концѣ апрѣля, въ началѣ сентября и въ концѣ декабря.

§ 7. Исполнительное отдѣленіе ведетъ всё дѣла общества: оно наблюдаетъ за правильнымъ взносомъ денегъ съ каждаго дѣйствительнаго члена общества, за сборомъ процентовъ съ капитала, отданнаго въ ссуду артелямъ, и сборомъ $\frac{0}{100}$ съ годоваго жалованья и съ заработной платы за доставленный трудъ, оно завѣдуетъ всеми предпріятіями, устранивающимися съ вѣдома общества и съ цѣлью доставленія женщинамъ труда, и съ цѣлью увеличенія средствъ общества. Наконецъ исполнительное отдѣленіе есть посредникъ между нуждающимися въ женскомъ трудѣ и предлагающими его, съ этою цѣлью въ вѣденіи его находится справочная контора; оно выдаетъ въ вспомоствованія нуждающимся членамъ общества въ размѣрахъ не свыше 25 р. сер. на одно лице, наблюдаетъ за возвращеніемъ этихъ пособій и т. п.

§ 14. Женскія или смѣшанныя артели, желающія пособія, обращаются письменно въ исполнительное отдѣленіе, которое, обсудивъ ихъ просьбу, не входитъ въ дѣла и въ устройство ихъ, но выдаетъ имъ пособіе за опредѣленные проценты, или отказываетъ имъ въ пособіи. При прошеніи артели обязаны представить подробныя свѣденія о предпринимаемомъ ими дѣлѣ, также смѣту и проектъ предпріятія. Общее собраніе не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла артели.

§ 15. Члены-женщины, желающія пособія, также обращаются съ просьбою въ исполнительное отдѣленіе.

§ 16. Женщины, ищущія занятій, обращаются съ просьбою о томъ въ контору общества и обязуются заплатить обществу 2% съ суммы, полученной ими чрезъ посредство общества».

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ нравственныя и экономическія неудобства, которыя происходятъ отъ ненормальнаго положенія женщины въ русскомъ обществѣ, положенія, которое въ свою очередь обуславливается тѣмъ, что большая часть занятій закрыта для женщины, такъ что иногда она бываетъ даже поставлена въ необходимость прибѣгать къ мѣрамъ для своего существованія, невыгоднымъ для общества. Выпить въ этомъ женщину нельзя: главная отвѣтст-

венность должна пасть на общество, которое, помимо всяких возвышенных чувствъ, изъ простаго расчета, должно позаботиться, чтобы не пропало даромъ такое значительное количество нравственныхъ и умственныхъ силъ. Въ этомъ случаѣ общество является вдвойнѣ виноватымъ: предъ самимъ собою и предъ русскою женщиною. Женщина *имѣетъ право требовать* у общества не однихъ благодѣяній, но и труда.

Мы нисколько не сомнѣваемся, что честные люди отнесутся сочувственно къ «Обществу Женскаго Труда» и что сочувствіе это выразится дѣломъ, а не фразами. До сихъ поръ мы могли успокаивать себя въ своемъ бездѣйствіи разными отговорками въ родѣ того, что «одинъ въ полѣ — не воишъ» и т. д. Теперь подобныя отговорки не могутъ имѣть смысла. Конечно найдутся люди, которые, подобно автору неприличной статейки въ одной изъ нашихъ газетъ, отнесутся и къ обществу женскаго труда съ восклицательными знаками и ѣдкими, по ихъ мнѣнію, замѣтками, сдобренными разными добродѣтельными пошлостями. Подобные люди существовали всегда: они, какъ улитки, прилипаютъ къ старому порядку дѣлъ и относятся съ старческою ворчаньемъ ко всему новому, которое можетъ нарушить ихъ сытое, бездѣльническое существованіе. Но очевидно, что объ этихъ паразитахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Не слѣдуетъ вливать вино свѣжее въ мѣхи старые, толку изъ этого не выйдетъ никакого. Подобныхъ субъектовъ, по выраженію гоголевскаго Клея Мокіевича «даже пушкою не прошибешь: надо новую артиллерію выдумать...» Честное дѣло требуетъ и честныхъ дѣятелей: мы увѣрены, что эти дѣятели найдутся.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ отнестись такъ симпатично къ другому проекту. Проектъ бьетъ исключительно на спекуляцію, старается заманить обѣщаніемъ прибыли, превышающей 7%. Отсюда объясняются и различные недостатки этого проекта. Мы еще можемъ ожидать нѣкотораго успѣха отъ акціонернаго общества для улучшенія быта рабочихъ людей, подъ названіемъ «Улей»; хотя насъ приводитъ въ большое сомнѣніе тѣ 7% чистой прибыли, на которые рассчитываетъ общество. Зная дороговизну петербургскихъ домовъ, мы можемъ прямо сказать, что или общество не получитъ 7% чистой прибыли, или, если и получитъ, то чрезъ

это не будетъ достигнута главная цѣль общества: доставить рабочему просторное, сухое, чистое и дешевое помѣщеніе. Мы согласны, что въ основаніи общества, желающихъ достигнуть прочныхъ дѣйствительныхъ результатовъ, можетъ лежать честный расчетъ, честная выгода; но не спекуляція и не надежда на довольно немалосердные проценты.

Общество подъ названіемъ «Улей» имѣетъ цѣлю: 1) устройство удобнѣйшихъ и по возможности дешевѣйшихъ помѣщеній для рабочихъ людей, съ доставленіемъ имъ простой здоровой пищи, опрятнаго вообще содержанія и первоначальнаго медицинскаго пособія для заболѣвающихъ, и 2) содѣйствіе рабочимъ людямъ и нанимателямъ ихъ къ скорѣйшему и выгоднѣйшему съ обѣихъ сторонъ употребленію рабочихъ силъ. Съ этою цѣлю, общество устраиваетъ въ Петербургѣ дома съ полнымъ обзаведеніемъ для рабочихъ людей, и открываетъ въ этихъ домахъ справочныя мѣста о работахъ и работахъ.

Такимъ образомъ цѣль общества «Улей» очень хорошая, и мы искренно желаемъ, чтобы надежда зашибить большой процентъ не помѣшала достиженію этой цѣли. Положеніе русскаго рабочаго, именно такое, что требуетъ самаго радикальнаго измѣненія. Сословіе нашихъ рабочихъ сложилось при обстоятельствахъ, весьма неблагоприятныхъ для ихъ нравственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Составленное преимущественно изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, оно было привлечено къ различнымъ занятіямъ совершенно помимо своей воли. Все зависѣло отъ произвола помѣщика: если ему иногда нравился какой нибудь мальчикъ за то, что ловко наигрывалъ на импровизованномъ деревенскомъ инструментѣ, помѣщикъ для поощренія отдавалъ мальчика въ кузнецы или сапожники. Если помѣщику нравилось лицо его крѣпостнаго мальчика, онъ отдавалъ его въ цирюльники, — нравился голосъ, — въ столяры, забавляло помѣщика умѣнье деревенскаго мальчика ѣздить верхомъ — онъ вдругъ отдавалъ его въ каменщики, или посылалъ обучаться дѣлать половыя щетки и т. д. Словомъ, помѣщикъ для поощренія иногда турялъ мальчика въ то ремесло, какое только взбрѣдетъ ему на умъ. Вслѣдствіе того, большая часть рабочихъ чувствуетъ полнѣйшее отвращеніе къ тому ремеслу, которое, помимо ихъ воли, должно служить имъ единственнымъ средствомъ для существованія. Отсюда низкій уровень

какъ нравственнаго развитія, такъ и матеріальнаго быта. Эксплуатируемые на каждомъ шагу рядчниками, обчитываемые всякимъ спекуляторомъ, русскіе рабочіе мало чѣмъ отличаются отъ англійскихъ пролетаріевъ. Пока еще у рабочаго есть мѣсто, онъ кой-какъ существуетъ, наволяя разные сырые подвалы и питаясь разными непитательными снѣдками. Но съ потерю мѣста рабочій, не успѣвшій да и не имѣвшій возможности обезпечить себя на черный день, становится въ самое отчаянное положеніе. Вотъ тутъ-то, въ этомъ жалкомъ положеніи рабочаго, надо искать причины многочисленныхъ и часто очень рискованныхъ грабежей, противъ которыхъ напрасно предпринимаются самыя строгія полицейскія мѣры. Одинъ какой-то острякъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» совѣтовалъ даже, для прекращенія воровства и грабежей, употребить въ дѣло чуть ли не крѣпостную артиллерію. Но и эта веселая мѣбра не можетъ сопровождаться счастливыми послѣдствіями; потому что мѣры репрессивныя недостаточны тамъ, гдѣ причины преступленія скрываются въ неправильныхъ условіяхъ быта.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Два слова отъ фельетониста. — О журнальныхъ и газетныхъ направле́нiяхъ. — Фельетонистъ-кухарка. — «Ты пойми, пойми, мой милый другъ!» (романъ въ дѣйстви.) — Весеннiя грезы. — Юбилей Шекспира. Мои размышленiя по поводу кометы. — Заключительное слово.

Положенiе фельетониста, въ журналѣ-ли, въ газетѣ-ли — самое печальное положенiе. Кто изъ читателей не знаетъ, что въ каждомъ печатномъ органѣ существуетъ нѣсколько отдѣловъ, и кто въ то же время не знаетъ, что фельетонисту отводить уголъ гдѣ нибудь подалеже, въ концѣ (посмотрите, куда, напримѣръ, меня загнали): ткнуть тебя куда-то, на заднiй дворъ, — ну, и сидишь. И ужь мы ли не стараемся угодить публикѣ, мы ли не кричимъ во всю мочь, желая обратить на себя хоть каплю вниманiя — ни что не помогаетъ: какъ умеръ незамѣченнымъ первый фельетонистъ, такъ же позорно умираемъ до днесъ и мы! Одианъ только М. П. Погодинъ еще и пользуется нѣкоторою извѣстностью, да и то благодаря «Московскимъ Вѣдомостямъ», гдѣ онъ помѣстилъ нѣсколько фельетоновъ.

— Но за что же васъ такъ гонять? спросять, пожалуй, меня. (Ахъ, еслибъ спросили!)

То есть, какъ вамъ сказать: за что?.. Это, видите-ли, дѣло очень щекотливое... Но, ужь если пошло на откровенность — извольте, расскажу все...

Прежде всего нужно замѣтить, что каждый журналъ, каждая газета имѣютъ извѣстное направленiе, о которомъ нѣкоторые изъ нихъ заявляютъ сами; выясненiемъ же духа умалчивающихъ о себѣ орга-

новъ нашей прессы занимаются иногда и люди посторонніе, — но не о томъ рѣчь... Вотъ «Отечественныя записки» объявляютъ, напримѣръ, что направленіе, котораго онѣ держатся, извѣстно публикѣ уже тридцать лѣтъ, и потому распространяться объ этомъ предметѣ было бы излишне. Публика принимаетъ къ свѣдѣнію слова *извѣстно* и *излишне* и, думая, что «Записки» имѣютъ свиньинское *) направленіе, охотно выписываетъ книжки журнала. «Эпоха» — та имѣетъ направленіе *почвенное*, унаслѣдованное отъ покойнаго «Времени»; — публика опять довольна, хорошо понимая, что отъ бобра родятся бобренки. «Русскій Вѣстникъ» имѣетъ направленіе смѣшанное, обусловливаемое съ одной стороны книгою Гнейста, а съ другой — періодическими вѣтрами. — Точно также и газеты имѣютъ каждая какое нибудь направленіе, проводятъ что нибудь въ публику. «Голосъ», напримѣръ, имѣетъ направленіе внутренне-внѣшнее, или ретроградно-либеральное, такъ сказать — *переметно-сумное* направленіе. «С. Петербургскія Вѣдомости» провозглашаютъ своимъ девизомъ: «прогрессивное начало на самыхъ широкихъ основаніяхъ». «Московскія Вѣдомости» проповѣдуютъ свободу мысли и совѣсти. «День»... ну, тоже проводить... что нибудь. Короче: всѣ, всѣ имѣютъ какое нибудь направленіе, всѣ что нибудь да выясняютъ предъ публикой. Къ выясненію этого *чего-то* каждый журналъ или каждая газета стремится заразъ всѣми своими отдѣлами, напрягаютъ всѣ свои силы; одинъ только фельетонистъ не принимаетъ участія въ общемъ журнальномъ напряженіи и, предоставленный самому себѣ, скромно дудитъ въ свою дуду, что придется.

Разсмотримъ же теперь причины, по которымъ фельетонистъ стоитъ на отшибѣ отъ прочей редакціи.

Прежде всего, что такое фельетонистъ?

Сборщикъ новостей и городскихъ слуховъ, веселый рассказчикъ различныхъ курьезовъ, человѣкъ мало свѣдущій, мало знакомый съ серьезными мотивами жизни. Отъ него требуется только, чтобы онъ неуклонно заносилъ въ свою хронику каждую новость, умѣлъ во время и кстати побывать вездѣ, гдѣ есть пища для его замѣтокъ, читалъ бы по временамъ газеты и выбиралъ изъ нихъ что помыслече

*) Свиньинъ, издатель „Отечественныхъ Записокъ“ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

и попустѣе, потому что крупныя пустоты заносятся или во внутренній или въ политическій отдѣлы.

Вотъ, наприимѣръ, какъ разсуждаютъ объ этомъ человѣкѣ, два редактора, или издателя:

— Ну что, каковъ у васъ фельетонистъ? спрашиваетъ одинъ.

— Ничего; два листа въ мѣсяцъ аккуратно ставить.

— Ну, а съ другими сотрудниками каковъ? не противорѣчить имъ?

— Нѣтъ, ловкая каналья; хорошо ведетъ свое дѣло. Да я, впрочемъ, однажды навсегда сказалъ ему, чтобы отнюдь не пускался въ разсужденія, не занимался, такъ сказать, постановкой вопросовъ.— А вашъ какъ?

— Да я своего прогналъ.

— Какъ такъ?

— Да, помилуйте, я въ критическомъ отдѣлѣ только что заявилъ, черезъ одного изъ своихъ сотрудниковъ, объ заслугахъ, оказанныхъ человѣчеству бельгійской экономической школой, только что привелъ нѣсколько цитатъ изъ Молинали, — хватъ, онъ обругалъ его! такъ ни за что, ни про что и обругалъ.

— Да, это плохо.

— Чего—плохо, просто скверно. За подписку теперь опасуюсь. И вѣдь, кажется, ужъ я ли не точилъ ему, я ли не точилъ: «Эй, Сидоръ Семенычъ, игнорируй мы эти ученые вопросы! толкуй ты больше объ общественныхъ тамъ увеселеніяхъ что ли, только, ради Бога, не суйся въ науку, а то и самъ влетишь и меня посадишь!» Такъ нѣтъ, врехалъ таки!

— Отъ невѣжества все происходить.

— Невѣжество-то невѣжествомъ, а мнѣ нашлапка.

Такъ-то думаютъ о фельетонистахъ редакторы, такъ думаетъ о себѣ и всякій фельетонистъ, хотя не всякій рѣшается это высказать. Да и можетъ ли онъ быть инымъ? можетъ ли онъ провести въ своей статьѣ какую нибудь мысль, когда эту мысль нужно прикладывать къ тому заявленію, что-де нынче модная матерія для брюкъ имѣетъ рисунокъ въ клетку, взаменъ прошлогодней—полосатой? Наконецъ, какая тутъ мысль, когда въ головѣ вертятся игрища у Ефремова?—Нѣтъ, фельетонистъ просто жалокъ! Оставлен-

ный на произволъ судьбы, не принимающій, такъ сказать, никакого участія въ нравственныхъ интересахъ журнала, оцѣ мало заботится о своемъ совершенствованіи, мало принимаетъ въ расчетъ серьезную сторону жизни, и цѣлый свой гнѣвъ вращаетъ въ сферѣ всевозможныхъ пикниковъ, маскарадовъ, театровъ, балетовъ, выставокъ, и проч.

Изъ какихъ же людей составляется сословіе фельетонистовъ? поставимъ такой вопросъ.

О, сюда входятъ люди всевозможныхъ кастъ! Тутъ есть и чиновники, оставленные за штатомъ, и офицеры, выпущенные въ отставку за ранами, и разночинцы, и ученые, отставленные отъ науки за неспособностью и старостью, и писатели, завѣдывавшіе прежде серьезными отдѣлами въ журналахъ или газетахъ, — словомъ, всѣ классы общества приносятъ свою лепту въ сосудъ фельетонизма. При этомъ пужно замѣтить, что каждому изъ такихъ господъ непрежѣнно вѣнчается въ обязанность игнорировать всякое знаніе и сообщать одиѣ только житейскія новости. Такъ, напримѣръ, кто не помнитъ фельетоновъ М. П. Погодина, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ сему маститому ученому приходилось трактовать о столбахъ русской науки, Далѣ и Вельтманъ, тогда какъ М. П. навѣрное желалъ бы взять періодъ нѣсколько древнѣе, именно варяго-русскій.

Итакъ, сообразивъ все сказанное, чего же можетъ требовать публика отъ фельетониста, кромѣ легкихъ, игривыхъ замѣтокъ, и что въ свою очередь можетъ дать онъ ей, кромѣ таковыхъ? Пробовали, правда, и фельетонисты иногда о чемъ-то толковать, что-то выяснять (разумеется когда дремала редакція), но такъ какъ къ серьезнымъ вещамъ они относились обычнымъ фельетоннымъ образомъ, то въ концѣ концовъ выходило совершенное фіаско: несчастнаго враля ловили и казнили безъ пощады. Еще недавно одинъ изъ моихъ собратовъ по оружію, вздумавъ потолковать о какой-то «чашѣ» и о «разсѣченіи труповъ съ пѣснями и плясками», проврался самымъ жестокимъ образомъ. («Врешь ты вислоухій! скажешь провравшійся собратъ: — я вовсе не проврался, юродствующій ты втакой! — мы съ нимъ пріятели, потому въ выраженіяхъ не стѣсняемся, — а это просто произошло отъ того, что при срочной журнальной работѣ трудно и требовать, чтобы писатель былъ всегда одинаково ясенъ и изобразителенъ.) Ну, да ладно — вывертывайся!

«Поди, морочь другихъ!»

Теперь, кажется, понятно читателю, какого я мнѣнія о своемъ дѣлѣ и что могу дать ему въ своихъ замѣткахъ. Скромность моя не позволить мнѣ трактовать о томъ, чего я не понимаю, и я ни за что не послѣдую за тѣми изъ своихъ собратьевъ, которые смѣло взбираются на трибуну чтобы вырѣзать оттуда нѣсколько пошлостей, а потомъ, поджавши хвостъ, изворачиваться: *для чего-де не остановили меня? я сама вижу, что завираться сталъ!* Впрочемъ, такіе непрошенные ораторы попадаютъ очень рѣдко. Это по большей части, люди «прикомандированные» къ литературѣ, люди озлобленные какими нибудь пустяками, изъ-за которыхъ бросили они служеніе Фемидѣ и ратуютъ противъ. Они также долго держатся въ литературѣ, какъ кухарка, потерявшая мѣсто, проживаетъ на квартирѣ,—т. е. до первой открывшейся вакансіи. Правда, кухарка эта иногда и въ два-три дня надѣлаетъ такихъ пакостей, что послѣ въ годъ не забудешь; но отрадно уже и то, что скоро скачали ее съ шеи, что скоро получила она мѣсто въ хорошемъ домѣ и не является больше съ своими сплетнями въ скромную квартиру честныхъ людей.

Такъ какъ такіе фельетонисты все-таки попадаютъ въ литературѣ по временамъ, то я считаю не лишнимъ уловить здѣсь общія черты, характеризующія подобныхъ господъ, и вывести благородную маску передъ публикой въ ея настоящемъ, домашнемъ костюмѣ.

Къ такимъ-то фельетонистамъ я адресуюсь съ слѣдующимъ романсомъ:

ТЫ ПОЙМИ, ПОЙМИ, МОЙ МИЛЫЙ ДРУГЪ!

(Романсъ въ дѣйстви.)

Героя своего я назову Яшей Злючкинымъ, и прослѣдимъ на мы, читатель, его жизнь и дѣятельность на столько, на сколько она мнѣ известна.

Яша родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей, Егора Злючкина и Марьи Злючкиной, урожденной Вралащевой. Ребенокъ оный былъ здоровый бойкій, веселый, такъ что приводилъ въ восторгъ

даже кормилицу своими продѣлками. «Эва, какой генераль выйдетъ!» толковала она въ то время, какъ Яша, ухвативши ее обѣими рученками за виски, нагибалъ то въ ту, то въ другую сторону. «Охъ, и лютый только начальникъ изъ него будетъ: всю губернію полонить, коли губернаторомъ сдѣлають!» Яша дѣйствительно выросталъ съ самыми начальническими талантами: въ два года онъ драгъ за виски не только кормилицу, но и няньку, въ три-четыре дошолъ до казачка, а въ пять-шесть простирагъ свои десную и шуйцу даже къ сѣдымъ локонамъ mademoiselle Schoukine, приставленной къ Яшѣ въ качествѣ гувернантки. Словомъ, мальчикъ складывался, какъ слѣдуетъ быть. Девяти лѣтъ Яша хорошо читалъ по французски и плохо по русски, съ удовольствіемъ выслушивалъ отъ m-lle Schoukine различныя интересныя исторіи, въ родѣ похощеній кавалера Фоблаза, сыпалъ въ дворню треухами, гордился своими каштановыми локонами, съ наслажденіемъ вертѣлся передъ зеркаломъ, осматривая свою шикарную курточку, и т. д. и т. д.

— А Яшу-то пора тово... разсуждалъ въ это время родитель.

— Что? спрашивала мать.

— Отдать куда нибудь — учиться.

— Да куда же ты его отдашь?

— То-то вотъ не знаю.

— Нынче и заведеній-то такихъ нѣтъ, куда бы мы могли помѣстить нашего Жска. Ты знаешь, какъ онъ у насъ поведенъ, — ну да какъ тамъ его развратять: свяжется съ этими разными простыми дѣтьми, куда и воспитаніе все пойдетъ.

— Надо отдать куда всѣ дворяне отдаютъ — гдѣ почище.

— А гдѣ почище-то? Вездѣ нынче этого мужичья наткано.

Думала, думала почтенная чета, наконецъ рѣшила отдать свое дѣтище въ самое чистое заведеніе, въ которомъ головы воспитанниковъ такъ же ярко блестяи, натираемые разными науками, какъ и паркетные полы его, натерты мастикой.

— Говорите-ли вы тамъ по французски? съ грустью спрашивала мать, когда Яша по праздникамъ приходилъ домой.

— Постоянно, маман.

— То-то, не разучиться бы тебѣ. Жалко, что лекціи-то у васъ читаются по русски. Ужъ какая тутъ наука, когда учить ее тебѣ приходится на этомъ варварскомъ языкѣ.

— У насъ лекціи все съ французскими фразами, маман.

— Вотъ развѣ что... А кто у тебя, мой другъ, тамъ знакомые?

— У насъ, маман, знакомыхъ не бываетъ, у насъ все товарищи; и ужь что товарищи рѣшили между собою, такъ тому и быть. Вотъ недавно мы опредѣлили, чтобы въ оперѣ дальше пятого ряда кресель не бывать, — и ужь кончено, никто не поидеть. Вотъ какъ у насъ, маман, товарищество развито.

— Кто они такіе, твои товарищи?

— Разные, маман. Есть князья, графы, потомственные дворяне...

— Купцовъ нѣтъ-ли, мой другъ?

— Маман! патетически произнесъ Яша; — этимъ вопросомъ въ лицѣ моемъ вы оскорбили цѣлое заведеніе. Извините, я не могу продолжать нашъ разговоръ.

— Жакъ! прости меня! восклицаетъ родительница: — вѣдь это сказано безъ всякаго умысла. Я чувствую, что я сказала глупость, — прости меня!

— Хорошо, маман, но только съ условіемъ, чтобы впередъ вы не задавали мнѣ подобныхъ вопросовъ, унижительныхъ для чести русскаго дворянина.

Примиреніе, разумѣется, тотчасъ же устроивается, и торжествующій Яша съ увлеченіемъ рассказываетъ матери о товарищахъ, профессорахъ, лекціяхъ и проч; цитуетъ даже цѣлыя мѣста изъ лекцій. Или пустится въ рассказы изъ исторіи, какъ княжилъ такой-то князь, и кому какіе титулы и чины далъ, и какъ княжилъ другой, и кому чиновъ и титуловъ не пожаловалъ. Мать только руками всплескиваетъ, глядя на свое милое, умное дѣтище.

— Да поди, поди, Жакъ, ко мнѣ, ради христа, обними ты мать свою!

Жакъ повинуется, но въ то же время предупреждаетъ:

— Пожалуйста маман, не крѣпко шею сжимайте, а то воротнички попортите.

Учился, учился такимъ-то манеромъ нашъ герой, наконецъ прошелъ всю премудрость: Яшѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончилъ курсъ съ чиномъ десятого, а можетъ быть и девятого класса. Широкой лентой открывалась теперь передъ нимъ дорога къ разнымъ чинамъ и почестямъ.

— Жакъ ты какую карьеру избираешь? спрашивали его товарищи.

— Думаю въ какое нибудь министерство на первый разъ.

— А потомъ?

— Нужно присматриваться.

Поступилъ нашъ Жакъ въ министерство, присматривается годъ, присматривается другой, присматривается третій — проку мало. Думалъ, что въ три года, по крайней мѣрѣ, начальника отдѣленія хватить, анъ нѣтъ: дальше столоначальника не пускають. И такъ прикинулъ нашъ герой, и этакъ, — все столоначальникъ да столоначальникъ. «Господи! когда же это наконецъ?» въ отчаяннн воишетъ Жакъ, мысленно ворочая передъ глазами мундиръ съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ. «Ужь я-ли не служу, я-ли не занснваю? Богда же наконецъ обратятъ на меня вниманіе?»

— Да ты слиберальничай, шепчетъ Яшѣ какой-то духъ.

— Какъ это слиберальничать? недоумѣваетъ Яша.

— Очень просто.

— Научи, добрый духъ.

— Ну, проектъ что-ли какой представь, рѣзко выскажи свое мнѣніе о чемъ нибудь, — словомъ, поступи такъ, какъ поступилъ, напримѣръ, Жабровъ:—видишь ему какое мѣсто дали за либерализмъ.

— А какъ турнуть! робѣетъ Яша, а у самого поджилки трясутся отъ счастливой мысли выскочить въ начальниги отдѣленія.

— Что же, что турнуть? тебѣ вѣдь все равно, ты служишь ~~въ~~ почестей; стало быть, настоящимъ твоимъ мѣстомъ дорожить нечего.

— Хорошо, я слиберальничаю; только какъ?

— Ты знаешь французскій языкъ?

— Знаю.

— Ну, вотъ возьми эту книгу, да и слиберальничай по ней.

— А какое мѣсто изъ нея взять?

— Вотъ это.

Духъ взялъ книгу и на одной изъ страницъ отмѣтилъ «отъ сихъ» и «до сихъ», и за тѣмъ скрылся.

Долго сидѣлъ Яша надъ отмѣченными духомъ строчками, долго размышлялъ, послѣдовать-ли ему совѣту новаго друга, или отложить въ сторону мысль о быстромъ повышеніи и продолжать службу по прежнему. А тутъ еще проклятое воображеніе рисуетъ заманчивыя картины. То шляпа съ плюмажемъ пронесется мимо, то ключъ золотой проплыветъ; должности съ соотвѣтственными мундирами кружатъ

въ воздухѣ; карета съ гербами и краснымъ лакеемъ уперлась дышломъ чуть не въ самый носъ.

— Слиберальничаю! задыхается Яша, и закрываетъ глаза.

Но картина перемѣняется. Видитъ онъ оборваннаго, жалкаго чиновника въ виць-мундирѣ. Бѣдность и горе рано состарили его, рано убѣлили волоса и изморщили лицо.

— Подайте бѣдняку на хлѣбъ, разбитымъ голосомъ дребезжитъ чиновникъ.

Яша пристальнѣе всматривается въ его лицо и — о, ужасъ! — узнаетъ себя.

— Ни за что! ни за что! вскрикиваетъ онъ. — Нѣтъ, буду служить, какъ служилъ.

И опять рѣкой потекли передъ нимъ чины, шляпы, ключи, кареты съ гербами.

Такъ промучился Злючкинъ нѣсколько дней, виляя то въ ту, то въ другую сторону; наконецъ жажда славы и почестей взяла верхъ надъ всѣми ужасами.

— Итакъ, рѣшено, торжественно провозгласилъ онъ въ одно прекрасное утро: — нынче же слиберальничаю. Не знаю только, какъ это сдѣлать, т. е. при какой обстановкѣ: въ форменномъ-ли виць-мундирѣ, или просто во фракѣ?

Опять задумался. А ключъ ужъ выросъ передъ глазами и манеть.

— Въ виць-мундирѣ надо, разсуждалъ Яша: — потому что въ случаѣ чего, если придерутся, скажу, что я вовсе не либеральничалъ: я въ формѣ, а форма, какъ извѣстно, исключаетъ всякій либерализмъ.

Сказано — сдѣлано. Злючкинъ чисто выбрился, раздобрилъ на затылкѣ волоса по англійскому способу, надѣлъ форменный виць-мундиръ — и слиберальничалъ. Но слиберальничалъ-то онъ, несчастный, не во время. Начальникъ, у котораго въ то время служилъ лашъ Яша, былъ тогда въ дурномъ расположеніи духа, потому что встрѣтилъ въ комъ-то неповиновеніе или что-то подобное; разумѣется, при другихъ обстоятельствахъ выходка Яши или не обратила бы на себя никакого вниманія, или увѣчалась бы полнымъ успѣхомъ, — но теперь дѣло повернулось въ другую сторону: бѣднягу изгнали.

— Я въ формѣ, а форма, какъ из... — забормоталъ было Злючкинъ.

Но на оправданье не обратили никакого вниманія, и злостный Яша съ ужасомъ увидѣлъ, какъ поскакали прочь отъ него всевозможные чины, ордена, ключи и проч.

Служебная карьера Злючкина въ Петербургѣ кончилась. На годъ, на два онъ совершенно пропадаетъ изъ виду. Наконецъ, на третій мы встрѣчаемъ его въ провинціи занимающимъ очень невидное мѣсто. Съ затаенной злобой поскрипываетъ онъ перомъ. Онъ знаетъ, какъ отсталъ отъ своихъ товарищей по школѣ, какими тузами сдѣлались они теперь и какъ трудно ему сравниться съ ними. Жолчь ключомъ кипятить въ немъ при одной мысли, сколько онъ потерялъ.

— Погоди, догону, скрежещеть Злючкинъ, я все строить планы, все строить планы.

Цѣлыя шесть или семь лѣтъ злобствовалъ Яша, ни на минуту не оставляя въ покоѣ своего мозга: «да измысли же ты что нибудь!» неустанно погонялъ его нашъ герой. Но мозгъ подсовывалъ несчастному самыя мизерныя, самыя мелкія мысли. То совѣтуетъ ему мозгъ идти въ становые пристава и прославиться на семь поприщѣ сокрушеніемъ мужицкихъ физіономій; то купчиху подсовываетъ сороколѣтнюю, съ приданымъ въ три-четыре тысячи рублей; то начальству рекомендуетъ пониже поклониться, чтобы накинули пятокъ, другой рублей въ мѣсяцъ, — словомъ, мозгъ оказался такимъ дурнемъ, что даже самъ Яша дивится, слушая его.

— Ну ужь, братъ, и глупъ же ты! извить его Злючкинъ.

— Въ гражданскую бы палату секретаремъ поступить, — вотъ и ладно, нашептываетъ мозгъ.

— Поди ты, къ чорту!

— Или въ консисторію, а то такъ въ полицію: доходовъ сколько.

— Говорю тебѣ, я прямо въ пятый классъ хочу.

— Да гдѣ же его взять?

— Не можешь сообразить — ну и молчи!

Яша даже плюнулъ отъ злости. Передъ глазами проѣхала карета съ гербами, подсунутая досужимъ воображеніемъ. Въ каретѣ сидѣлъ генерадъ, очень похожій на Злючкина; кучеръ во все горло кричалъ «пади»: народъ сторонился и низко кланялся.

— Вотъ я чего хочу, ткнулъ Яша.

— Ну, да мало ли чего хочешь, отгрызся мозгъ.

Такия разговоры съ мозгомъ, впрочемъ, имѣли для Злючкина ту выгоду, что въ концѣ концовъ, постоянно осаждаемый требованіемъ пятаго класса, мозгъ наконецъ совершенно покорился своему властелину и принялся плести вмѣстѣ съ нимъ громадную сѣть всевозможныхъ плановъ, проектовъ и соображеній. Тысячами залегали въ голову Яши всевозможныя мысли, съ помощью которыхъ, прямо или косвенно, добывался желанный пятый классъ. Нуженъ былъ только счастливый случай, чтобы пустить въ ходъ накопленный лѣтами и неусыпными заботами матеріалъ — и дѣло въ шляпѣ. Случай такой скоро представился.

Наступилъ знаменательный 1856 годъ. Что-то новое пронеслось въ воздухѣ. «Прогрессъ», «гласность»! лепетали гдѣ-то невидимые хоры. Встрепенулось дворянство, всполошилось чиновничество, ухватились за карманы купцы, сробѣли и дрожня задрожали мѣщане и крестьяне. Кто всю жизнь свою ходилъ въ грязи, и тѣ принялись умываться: «какъ бы, дескать, не застали неприготовленными».

— Вотъ онъ пятый классъ! взвизгнулъ Яша, и принялся въ смыслѣ прогресса и гласности рубить направо и налево — благо разрѣшеніе вышло.

Сумятица поднялась страшная! Милліоны народа повалили къ ключу «прогресса» и «гласности»; кто отставалъ, или вовсе не хотѣлъ омыться, тѣхъ подгоняли и обличали; въ числѣ обличителей Яша стоялъ на первомъ мѣстѣ. Смѣло металъ онъ грома въ ряды обскурантовъ, не стыдясь называть пакостью все, что позволили называть такимъ именемъ, и наконецъ — о, счастье! — его замѣтили....

— Га! какво! загреготалъ Злючкинъ, обращаясь къ мозгу.

Мозгъ похвалилъ, потому — нельзя, пятый классъ въ рукахъ.

Яшѣ дали порядочное мѣсто.

Всякій знаетъ, какая лихорадочная дѣятельность кипѣла въ то время, потому распространяться объ этомъ предметѣ было бы излишне. Будемъ лучше слѣдить за нашимъ героемъ.

Прежде всего Яша, разумѣется, сказалъ рѣчь своимъ новымъ подчиненнымъ, ибо кто же тогда обходился безъ рѣчей? Акціонеры ли соберутся въ общее собраніе требовать отъ правленія выдачи дивиденда — рѣчь: «въ настоящее время, когда мы и то, и другое (говорить правленіе), нечестно было бы со стороны гг. акціонеровъ заявлять такое требованіе, ибо»...—словомъ, съ чѣмъ пришли ак-

ціонеры, съ тѣмъ и уходятъ; на порогъ-ли кто зоветъ — рѣчь; на улицѣ-ли встрѣтятся пріятеля — рѣчь... Словомъ, проходу не было отъ рѣчей: чуть смигнулъ гдѣ нибудь, — глядь, ужъ выросъ передъ тобой молодецъ и рѣчь говорить.

Яна конечно сазалъ рѣчь далеко не въ такомъ родѣ, какія говорились тогда всѣми. Рѣчь его, напротивъ, была энергична и убійственна для распущенныхъ чиновниковъ. Въ ней слышался голосъ чело­вѣка, имѣющаго въ своихъ рукахъ власть казнить и миловать. Онъ чуть-ли не пугнулъ своихъ подчиненныхъ каторгой за нарушение закона; а что обѣщался быть безпощаднымъ — за это ручаюсь.

Подчиненные повѣсили носы.

— Что это, скажи ты мнѣ, за прогрессъ такой, и откуда намъ этого звѣря прислали? допрашивалъ одинъ подчиненный другаго, сидя за графинномъ.

— Не пойму, вотъ хоть убей не пойму! сслонивъ голову, лепеталъ собесѣдникъ.

— Гдѣ же тутъ справедливость? Думаля: вотъ-вотъ награды при­шлютъ, — анъ, глядь, прогрессъ прислали, да еще этого чорта!

— Всѣхъ, должно, подъ тѣлесное наказаніе подведутъ.

— Всѣ крохи, какія долголѣтнею службою собралъ, и тѣхъ лишишься. — Эхъ, выпьемъ!

— Выпьемъ.

И злополучные чиновники вырѣзали по здоровеннѣйшему стаканчику.

Дѣйствительно, пріѣздъ новаго лица произвелъ въ городѣ самыя разнообразныя толки. Однихъ занималъ вопросъ: кто къ кому прежде сдѣлаетъ визитъ? т. е. пріѣзжая-ли власть предупредить власти об­сидѣвшіяся, или власти об­сидѣвшіяся предупредить пріѣзжую? Другихъ — другой: будетъ-ли пріѣзжая власть давать балы и поѣдетъ-ли сама къ об­сидѣвшимся, если попросятъ? Третьи задумывались надъ тѣмъ, беретъ ли пріѣзжая власть, и если беретъ, то чѣмъ: нату­рой или деньгами? Нѣкоторыхъ просто никакіе вопросы не занимали, и они сидѣли другъ противъ друга, вылупя глаза, какъ будто желая сказать: «власть она или не власть, а водки выпьемъ». Портныхъ занималъ вопросъ: кому платье будетъ заказывать? сапожниковъ: кому сапоги? прачекъ: кому бѣлье будетъ отдавать въ стирку? и проч. А жену сторожа въ томъ присутственномъ мѣстѣ, куда власть пріѣхала въ начальники, тамъ ту, кажется, занимали всѣ вопросы вмѣстѣ, почему она ухватила изъ печи горшокъ со щами, да и вы-

плеснула ихъ за дверь, на филейныя части собани, которая хотя и взвизнула, но тѣмъ не менѣе мясо таки утащила.

Послѣ рѣчи, сказанной властью и разнесенной подчиненными по городу, на всѣхъ напалъ какой-то паническій страхъ. Одинъ совѣтникъ до того струсилъ, что приказалъ запретить ставни въ домѣ, легъ на кровать, накрылся двумя одѣялами, шубой и женинымъ салопомъ, (дѣло было лѣтомъ), а прислугѣ строго-на-строго приказалъ: «каждому, кто меня спроситъ, отвѣчать, что баринъ, молъ, три года тому назадъ уѣхали въ Саламанку, на теплыя грязи». Другой отличился еще лучше: обложилъ себя всевозможнымъ оружіемъ, и три дня, три ночи просидѣлъ на одномъ мѣстѣ съ заряженными пистолетами въ рукахъ. Жена ассессора, послѣ рассказовъ мужа объ рѣчи, ударилась бѣжать изъ дому, неизвѣстно куда, и была отыскана только на другой день, въ близлежащемъ лѣсу. Будочникъ, увидя проѣзжавшую мимо власть, до того растерялся, что, вмѣсто того, чтобы отдать честь, ухватившись обѣими руками за голову, принялся кричать «карауль!», и т. д. и т. д.

Между тѣмъ страхъ скоро прошелъ. Власть поѣхала съ визитами. Правда, и тутъ горожане таки побаивались гостя: такъ одна барыня, прежде чѣмъ выйти къ нему, долго стояла съ смежной комнатъ, нашептывая: «помяни царя Давида и всю кротость его», а потомъ, вышедши, тутъ же и выкинула, — но за то другіе вели себя во время свиданія довольно смѣло. Губернскій прокуроръ даже позволилъ себѣ нѣкоторую вольность, вставивъ во время разговора два раза междометіе хе-хе-хе, при чемъ, впрочемъ, на лицѣ его никакъ не складывалась улыбка.

Разговоры шли, разумѣется, большею частію о службѣ, долгѣ и проч. Гость выказалъ при этомъ замѣчательную эрудицію и умъ, ловко вставляя то Филиппа Красиваго, то Чернаго Принца, то вольнодумца Вольтера.

— Вы въ литературѣ тоже служите? спрашивала гостя жена товарища предсѣдателя гражданской палаты.

— Да, пописываю.

— И насъ опишите?

— Помилуйте.

Гость улыбнулся.

— У насъ былъ тутъ одинъ писатель, такъ того даже страшно

въ домъ принять было—ведѣ смуты поднималъ: это, говоритъ, я для романа почву готовлю.

Гость опять улыбнулся.

— Нѣтъ-съ, я романовъ не пишу: въ нихъ не видно этого... служенія общему дѣлу. Наше призваніе иное: мы просвѣтителъ массы, и просвѣтителъ путемъ болѣе реальнымъ, болѣе близкимъ къ цѣли. Мы бичуемъ порокъ и прокладываемъ дорогу добродѣтели.

— Капулька! рассказывала потомъ жена товарищу предсѣдателя. Ахъ, еслибъ ты зналъ, какой онъ умный, какъ хорошо онъ мнѣ рассказывалъ о порокѣ, какъ долго: вотъ столько, и товарищица предсѣдателя отпѣрнула руками въ воздухъ аршина полтора.

— Что, что такое? нахмурился мужъ. Это значить въ родѣ Саврасова опять... почву для романа готовить.

Прошелъ день, другой, недѣля прошла. Къ власти стали приглядываться и увидѣли, что она ничего—смирная, больше на словахъ горячится.

— Ну что жена, какъ? весело проговорилъ недѣли этакъ черезъ двѣ чиновникъ Прожженовъ, возвратившись изъ присутствія къ обѣду.

— А что?

— Ничего, проживемъ.

— Награда что-ли?

— Награда... ладно... ничего.

— Да говори ты, чортъ, толкомъ! Что это, слова цутнаго не скажеть!

— А ты не сердись. — Угомонился, слышь ты! нынче проспителей допустилъ.

— Вы кого не угомоните, съ удовольствіемъ изрекла жена.

— Верхнимъ ходомъ значить баринъ-то идетъ; съ этакимъ еще можно жить. — А ты бы мнѣ водочки на радостяхъ дала.

— Объ чемъ не говорить, дуракъ, вѣчно на водку сведеть, узявила жена, а водки все-таки дала.

Не недѣля, не двѣ и не мѣсяць, прошелъ цѣлый годъ. Къ Зюлочкину такъ присмотрѣлись, что и вниманія на него особеннаго не обращаютъ. Чиновники живутъ себѣ, да поживаютъ, да денежки наживаютъ.

— Подъ этакимъ еще лучше. Правду аль нѣтъ говорю, Силантіи Егорычъ?

— Известно.

— Другой, который до всего дотошникъ, тотъ сразу словить.

— Какъ же можно.

— Бываютъ эта изъ нашего брата происходить, такъ тѣ, чтобы ни-ни—все ко мнѣ неси: не твоего ума это дѣло, говорить, чтобы съ просителемъ разговоръ вести. А у этого кто добѣжалъ, тотъ и словилъ! Ему только бы ты на счетъ одежды былъ первый сортъ, да умѣлъ концы прятать. Эхъ, выпьемъ что-ли за его здоровье! Кабы подольше поначальствовалъ, то-то бы зашибли деньгу.

Злючининъ и самъ видитъ, что онъ охладѣлъ, что пятый классъ его больше не веселитъ, что нужно лѣзть выше, нужно искать славы и почестей въ разнѣрахъ нѣсколько позначительнѣе. Опять принялся онъ ворошить мозги.

— Что тебѣ? спрашиваютъ тѣ.

— Какъ бы въ четвертый перебраться?

— Ишь, чего захотѣлъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы? подумайте.

— Въ насъ фосфору мало, отвѣчаютъ мозги.

— Молешотта проклятаго начитались, сейчасъ вижу, кольнулъ Яша.

— Молешоттъ—это обо мнѣ, заурчало брюхо.

— Ну, всѣ поднялись!

— Да ты дай мнѣ высказать свои убѣжденія, взываетъ брюхо.

— Ну!

— Купилъ бы ты деревеньку.

— Ну!

— Завелъ бы хозяйство хорошее, индюшекъ бы грѣцкими орѣхами откармливалъ, цыплятъ выводилъ...

— Ну!

— Дай же духъ перевести... Теплицы бы выстроилъ, оранжереи, кормилъ бы меня хорошенько.

— Поди ты къ чорту, глупое! выругался Злючининъ, ворочаясь съ боку на бокъ, чтобы произвести колебаніе въ желудкѣ, и таинимъ образомъ разстроитъ его рѣчь.

Закрывъ нашъ герой глаза и мечтаетъ. Откуда-то показывается шляпа съ плюмажемъ и киваетъ.

— Не то! мало...

Къ шляпѣ, около кокарды, виснетъ ключъ.

— Мало...

Голубья и красныя ленты выютея въ воздухѣ.

— Ну, вотъ если все вмѣстѣ, такъ еще, пожалуй... можно.

— Не много-ли захотѣлъ? шепчетъ какой-то голосъ.

— Я, братъ, посмотри еще чего добьюсь, увѣренно бормочетъ

Злючининъ:— титулъ какойнибудь ухвачу.

И сталъ Яша съ этого времени хлопотать о томъ, чтобы въ четвертый классъ перелѣзть. Дѣлалъ авансы и тамъ, и сямъ, и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ вилялъ хвостомъ, ставилъ на видъ свои заслуги, словомъ съ цѣлью нѣжною

Слился всей своей душой мятежною,—

нѣтъ, не выгоритъ.

— Это все отъ того, что я не такъ дѣло повелъ, что скоро я, душень, успокоился на лаврахъ.

Задумался.

— Ба! вотъ счастливая мысль! Попрошусь въ переводъ на то же мѣсто, поведу тамъ дѣло, какъ и здѣсь сначала, но за то ужъ не успокоюсь — нѣтъ, не успокоюсь, шалишь! Здѣсь-то неловко перемѣняться теперь—не надуешь, а тамъ я себя покажу.

— Не прошибись! возопили разомъ и мозгъ, и брюхо.

— Молчите вы, дураки! лучше васъ понимаю, что дѣлаю.

— Ну, какъ знаешь.

— Отлично, отлично! подпрыгивалъ Яша. Такъ и сдѣлаю, такъ и сдѣлаю! Да еще что выкину, чтобы зарекомендовать себя: всѣхъ здѣшнихъ отхлещу. Конечно, сажусь и пишу.

Злючининъ дѣйствительно сѣлъ къ письменному столу, и тотчасъ же изъ подъ пера его вылилось заглавіе статьи.

— «Скопствующіе каплуны»... нѣтъ это не ловко; это что-то выходитъ въ родѣ засаленнаго сала. Развѣ обернуть. «Каплунистующіе скопцы»... опять не ладно.

— Не утруждай ты мозговъ своихъ, не злобься, шепчетъ какой-то тайный голосъ:— а пиши ты спокойно. Вѣдь ты самъ знаешь, что у тебя только-то и выходитъ не дурно, что является непосредственно, безъ потираний лба ладонью.

— Я хочу ядовитѣе написать.

— Да ужъ пробовалъ ты эту ядовитость, да выходило всегда такъ, что или статью не примутъ, или редація возвратитъ для поправки, написавъ на поляхъ такую же другую, какъ твоя.

Черезъ мѣсяць Злючининъ уже мчался на почтовыхъ въ другой го-

родъ, а въ журналахъ появились его статьи о только что покинутой юдоли.

— Отлично, отлично, нашептывалъ дорогою Яша.

◆ Между тѣмъ, прїѣздъ моего героя здѣсь уже не произвелъ такого подавляющаго впечатлѣнія, какъ въ первомъ городѣ. Куры не мчались съ улицы на дворъ, какъ тамъ; будочники не кричали «на-рауль» вмѣсто «здравія желаю»; лошади не шарахались въ сторону, и проч. Короче: жители уже знали, что за птица къ нимъ ѣдетъ, потому что заранѣе снесли съ кѣмъ было нужно и получили самыя точныя свѣденія.

Злючкинъ просто позеленѣлъ отъ злости, когда, прождавши нѣсколько дней, увидѣлъ, что никто не является къ нему поздравить съ прїѣздомъ.

— Неужели промахъ? спросилъ онъ себя, и началъ дѣлать визиты.

Вездѣ принимаютъ его какъ самаго обыкновеннаго человѣка: барыни не выкидываютъ въ его присутствіи, дѣти не вопятъ, мѣстные власти мужескаго пола не теряютъ употребленія языка, — словомъ, Яшу въ каждомъ домѣ просто кипящей смолой обдаютъ.

Наступилъ день знакомства съ подчиненными; эти тоже смотрятъ какъ-то весело, даже саркастически, такъ что рѣчь съ каторгой и на умъ не пришла при видѣ плутоватыхъ физиономій.

— Провалился, провалился! лепеталъ Злючкинъ, воротившись домой.

И заскрежеталъ, заскрежеталъ зубами бѣдный Яша.

— Мозги! озлобленно крикнулъ онъ.

— Что тебѣ? болѣзненно отозвались мозги.

(Я слышалъ разъ, какъ одинъ медикъ, пришедши въ анатомическій кабинетъ для полученія различныхъ препаратовъ, спросилъ между прочимъ: нѣтъ-ли сушонныхъ мозговъ? за что и былъ оемѣянъ. Теперь я былъ готовъ пари держать, что сушонные мозги существуютъ и что они находятся въ настоящую минуту въ головѣ Яши: — такъ мало было жизни въ ихъ словахъ, служившихъ отвѣтомъ на зовъ).

— Помогите!

Мозги молчали.

— Мозги!

— Что тебѣ?

— Да что у васъ языка что-ли нѣтъ: не можете путно отвѣтить?

Опять молчаніе.

— Деревеньку бы купилъ, вмѣшиваются брюхо.

Отд. III.

— Да молчи ты, проклятое!

— Индюшекъ бы грѣцкими орѣхами откармливать, циплять выводить...

— Ахъ, дери тебя черти! и Яша, какъ безумный, заметаясь, стараясь подавить и разстроить желудочный бредъ.

Долго бы промучался мой герой, не зная, какъ поправить дѣло, если бы ему не явился на помощь извѣстный уже читателю геній, подстрекнувшій когда-то Яшу слиберальничать.

— Экъ, братъ, ничего-то ты самъ не придумаешь, все-то другіе должны помогать, изрекъ геній-покровитель.

— Спаси, голубчикъ, погибаю!

Злючинъ протянулъ къ нему руки.

— Хорошо, хорошо, помогу.

— Что же мнѣ дѣлать? что дѣлать? ломаю руки, бормочу Яша.

— Теперь тебѣ остается одно средство.

— Именно?

— Сретроградничай.

— Да какъ же, какъ же? научи!

— Вона, этому еще учить. Это либерализму нужно учиться; а ретроградства только, сдѣлай милость, пожелаю.

— Желаю.

— Ну вотъ жди случая, а потомъ пользуйся имъ.

Геній скрылся.

Яша началъ размышлять, какъ бы ему полочѣе сретроградничать.

Случай сейчасъ же представился. Злючинъ воспользовался имъ, но—увы!—вышелъ мыльный пузырь. Дѣло, кромѣ того, повернулось такъ плохо, что Яша потерялъ кредитъ и въ противномъ станѣ, гдѣ онъ тоже не мало зансился. (Впрочемъ, объ этомъ казусѣ мы поговоримъ впоследствии. Ему мы намѣрены даже посвятить особую статейку, тоже въ видѣ романа).

Последняя неудача окончательно сразила Яшу.

— Этогъ-ли еще путь не былъ вѣрный? разсуждалъ онъ, чуть не со слезами на глазахъ. Что же теперь дѣлать остается?

— Купилъ бы ты деревеньку, подсказываетъ брюхо.

— Только этого еще не доставало.

И опять усиленныя тѣлодвиженія, чтобы заставить врага молчать.

Думалъ, думалъ Яша: геній не приходитъ, подставивши два раза ногу, мозги высохли, брюхо чепуху несетъ,—вотъ и надумалъ

онъ выйти въ отставку. «Авось, молю, для того, чтобы не бросалъ службу, въ четвертый пустять». Ничего—выпустили, даже слова не сказавъ.

— Хорошо же, злобствуешь онъ:—я вѣкъ насолю!

Дѣлать нечего, покорился Яша брюху, послушавъ его глухихъ совѣтовъ, послѣднія деньжонки, приобрѣтенныя отъ честной и безкорыстной служебной дѣятельности, убилъ на деревню. Занялся хозяйствомъ: тимефей-траву пополамъ съ клеверомъ сѣять, американскій овесъ разводить, плуги англійскіе завелъ, вѣялку и молотилку купилъ,—а самъ все прислушивается, все прислушивается: не будетъ-ли откуда благопріятныхъ вѣстей.

Не долго прислушивался мой герой. Дѣло повернулось какъ-то такъ, что Цинциннатъ нашъ вдругъ очутился въ числѣ людей близкихъ къ редакціи одного журнала.

— Теперь нужно ковать желѣзо, пока горячо, рассуждалъ Яша, и тотчасъ же взобрался на ходули.

Стоитъ Злючкинъ день, стоитъ другой, мѣсяць стоитъ, — никто его не замѣчаетъ.

— Семь-ка я голосъ возвышу, рассуждаетъ Яша.

Возвысилъ.

Опять никто не замѣчаетъ. Ходятъ мимо него разные «мальчишки», видятъ пареня ломается, стараются обратить на себя ихъ вниманіе—смѣются «мальчишки», сморохомъ называютъ.

— Развѣ не видите, что я колоссъ, кричить имъ сверху Злючкинъ.

— Какой ты колоссъ, ты просто искусственно сдѣланный автоматъ, оstrarь «мальчишки».

— Я вѣдь за васъ, господа; я люблю молодежь, кричить Яша. «Мальчишки» разразились хохотомъ, и засвистали, засвистали...

И ругнулъ же ихъ за это Злючкинъ: такъ ругнулъ, какъ только можетъ ругаться бессильная злоба!

Стоитъ Яша на ходуляхъ, колосса изображая, а самъ все назадъ поглядываетъ, все назадъ поглядываетъ: не вывернется ли гдѣ нѣстечко хорошенькое.

— Хоть бы откушную систему что-ли какую придумали, тогда, по крайней мѣрѣ, денегъ бы нажилъ, а то тутъ чортъ знаетъ изъ-за чего бьешься! со слезами на глазахъ рассуждаетъ Злючкинъ, немилыя различныя насѣжали.

Жалко тебя, бѣдный Яша! По человѣчеству жалко, какъ говорили старики наши когда-то.

P.S. Если тебѣ, читатель, романсъ мой понравился, то я обещаюсь почаще говорить съ тобой въ такомъ родѣ; если же нѣтъ, то что же дѣлать?

«Не прославиться.
Угодить тебѣ хочу,
Буду радъ, коли понравится,
Не понравится — смолчу».

А теперь побесѣдуемъ-ка мы съ тобой объ чемъ нибудь о другомъ.

Вопросъ: что такое весна?

Отвѣтъ: весна есть лучшее время года.

Такъ думаетъ объ ней каждый, такъ думаю объ ней и я. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, сколько днѣнрамовъ спѣто ей поэтами всѣхъ временъ и народовъ, сколько лиръ бряцали и бряцають, восхваляя прелести весны! Кто не падалъ ницъ предъ этой роскошной дѣвой, кто не склонялъ покорно голову, привѣтствуя ея дѣвственный лепетъ? Всѣ наперебой рвались излить предъ ней свои чувства, наперебой слагали ей пѣсни и, наконецъ, въ лицѣ Фета, дошли до того, что стали сочинять объ ней цѣлыя страницы безъ глаголовъ, — дойдутъ до того, что выпускать изъ своихъ пѣсенъ еще какія нибудь части рѣчи, а въ концѣ концовъ, какъ надо полагать, веснѣ будутъ посвящены просто бѣлыя страницы, ибо поэтический восторгъ найдетъ нужнымъ исключить заразъ всѣ части рѣчи. Дай-то Богъ, чтобы скорѣе пришло такое время!

Я, признаться, плохой поэтъ, но и меня забираетъ охота плюнуть какую нибудь поэтическую штуку на прибытіе весны. Я терзаюсь, я чуть не плачу, когда убѣждаюсь, что даже двухъ стиховъ подобрать не могу.

— Хотъ бы въ майковскомъ родѣ что нибудь! скрежещу я.

Но даже и въ майковскомъ ничего не выходитъ.

Иступленіе мое растетъ и растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и желаніе, во что бы то ни стало, сдѣлаться поэтомъ, «хотъ на мигъ

единый». Я приназвалъ даже одну изъ стѣнъ своей комнаты оклеить голубыми обоями («это будетъ небо», думалъ я), потомъ по этимъ обоямъ разбросалъ, соответственно моимъ познаніямъ въ астрономіи, золотыя и серебряныя звѣзды и, усѣвшись напротивъ, ждалъ вдохновенія. Но вдохновеніе не приходило.

— Какъ же они-то возбуждаются подобнымъ зрѣлищемъ? подумалъ я. Какъ же они, увлекшись подобной картиной, могутъ писать стихи сотнями, тысячами строкъ?

Переставилъ звѣзды — опять ничего.

— Хоть бы въ гражданскомъ стилѣ чтонибудь? убивался я.

И чего, чего не придумывалъ, пытаюсь уловить гражданскій мотивъ: и сѣкъ-то себя, думая проклясть розгу, и голодомъ-то морила, думая поразить обжоръ, и мыло-то ѣлъ, думая что съ пѣной на губахъ легче напишу чтонибудь — ничего, ничего и ничего! Муза моя должно быть не рождалась еще, или попала, шаловливая вѣтренница, въ другія руки.

Измученный, я задремалъ.

Грезится мнѣ встрѣча весны въ Петербургѣ. Дворники поспѣшно очищаютъ улицы отъ грязи, пѣшеходы шлепаютъ по лужамъ, съ канавъ поднимаются заразительныя міазмы и туманомъ непрогляднымъ стоятъ надъ городомъ. Между тѣмъ, всѣ лица чему-то улыбаются, чему-то радуются.

— Что такое случилось? спрашиваю я какого-то прохожаго.

— Какъ, что? весну встрѣчаемъ. Видите, какъ съ канавъ потянуло.

Вотъ Невскій проспектъ. Какой праздничный видъ, особенно отъ трехъ до четырехъ часовъ по полудни! Это совершенный цвѣтникъ, въ которомъ беспорядочными, но очень пріятными для глаза группами слоняются всевозможныя георгины, піоны, жасмины, розы, камелии, фіалки и проч. Иврѣдка между этими красивыми цвѣтами вырѣзывается массивный подсолнечникъ, въ лицѣ какогонибудь провинціала, или крапива и лопухъ, въ видѣ грязнаго чухонца или оборваннаго нищаго, — но послѣднихъ глушащихъ паразитовъ опытные садовники тотчасъ же вырываютъ съ корнемъ и выбрасываютъ далеко, далеко, на огороды разныхъ Мѣщанскихъ, Садовыхъ, Караванныхъ и проч. Какъ пріятно звучать сабли! какъ чисто выметаютъ тротуаръ шлейфы! какъ хорошо сидитъ на тебѣ пальто, невскій моншеръ! какъ румяны твои щеки и какъ пусты голова и кар-

маны! А эти коляски и содержимое ихъ, — о, какъ веселить онѣ меня! Я бы глазъ не отвелъ отъ этой чудной картины, если бы воображеніе не перенесло меня въ другое мѣсто.

Я вхожу въ залу мучительнаго собранія и усаживаюсь рядомъ съ какимъ-то господиномъ. Зала совершенно пуста.

— Что тутъ такое? спрашиваю сосѣда.

— Празднуютъ трехсотлѣтній юбилей Шекспира.

— Кто же празднуетъ?

— Да *они* вонъ.

— Кто же эти — *они*?

— Да вонъ тамъ.

Онъ кивнулъ въ противоположный конецъ залы. Тамъ дѣйствительно безцѣльно бродили нѣсколько человѣкъ.

— Что же читать, пѣть, плясать что ли будутъ? настаиваю я.

— Читать.

— Кто же?

— Галаховъ, наприимѣръ.

— Изъ своей хрестоматіи что нибудь?

— Пѣть. Онъ будетъ читать нарочно для нынѣшняго дня *сочиненную* имъ статью, о переводахъ Шекспира на русскій языкъ, кажется.

— Потомъ кто?

— Академикъ Пекарскій, статью Тургенева о значеніи Шекспира для Россіи. Тамъ, между прочимъ, говорится, что имя Шекспира пользуется въ Россіи такимъ уваженіемъ, какъ нигдѣ на континентѣ.

— Оно и видно, замѣтилъ я, окидывая глазами залу. — А еще кто?

— Майковъ, разумѣется, стихотвореніе: «Шекспиръ», Полонскій: «къ Шекспиру»; еще переводы разные будутъ читаться. У Майкова не дурно одно мѣсто, гдѣ сказано, что къ Шекспиру до сихъ поръ *есть музы стремятся*.

И за чѣмъ только эти господа рассказываютъ заранѣе: что они будутъ читать и кто будетъ читать? подумалъ я, выходя изъ залы. Ужь если хотѣли заманить публику, такъ нужно бы заманивать умѣючи, не опубликовавая ни тчетовъ, ни статей. Впрочемъ, это, кажется, литературный фондъ устроивалъ, утѣшилъ я себя.

Когда я возвращаюсь изъ міра фантазіи къ міру дѣйствительному, меня прежде всего занимаетъ комета, о которой недавно про-

или слухи. Что-то будетъ съ нами, что-то будетъ? невольно спрашиваю я себя.

Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ:

Въ слѣдующемъ году должна появиться комета, видѣнная обитателями земли лѣтъ триста тому назадъ. Комета сия, по соображенію астрономовъ, пересѣчетъ земную орбиту именно въ той же точкѣ, въ которой и земля должна будетъ находиться въ данный моментъ; слѣдовательно, произойдетъ въ нѣкоторомъ родѣ столкновение.

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?

спрашиваю я себя: земля-ли одолѣетъ комету или комета землю? Но, во всякомъ случаѣ, намъ-то придется плохо, потому что въ борьбѣ двухъ совершенно равнородныхъ по физическому состоянію тѣлъ, побѣдитель (я допускаю, что земля побѣдитъ) необходимо долженъ пожертвовать нѣкоторыми изъ своихъ элементовъ уже въ силу однихъ только физическихъ же законовъ, которые непреложны. Такъ, комета, оставшись даже побѣжденною, неминуемо поглотитъ весь кислородъ изъ земной атмосферы, потому что она находится въ расплавленномъ состояніи, слѣдовательно кислородъ ей нуженъ. Поглощеніе же кислорода повлечетъ за собою смерть въ животномъ царствѣ: т. е. земля, чтобы остаться побѣдительницей, должна будетъ пожертвовать нами, лучшимъ ея украшеніемъ.

Здѣсь я беру, замѣтите, случай наивыгоднѣйшій для земли; между тѣмъ различныхъ комбинацій можетъ быть великое множество. Можетъ случиться, напримѣръ, что комета расплавитъ землю и увлечетъ ее съ собою; можетъ она превратить землю просто на просто въ жупель, т. е. относительно насъ, людей, положимъ, поважетъ такой фактъ дѣлности, какой и въ математикѣ даже немислишь, но говоря уже о физикѣ. Словомъ что-то подходитъ очень и очень трагическое. Сердце мое обливается кровью, когда подумаю только о предстоящей катастрофѣ. Ужели же все дѣяніе человечества, все выводы науки и плоды цивилизаціи должны погибнуть изъ-за какой нибудь глупой кометы, для которой совершенно все равно, сталкиваться или не сталкиваться, казнить или милловать? Кто близокъ къ наукѣ и литературѣ, тотъ особенно сокрушается предстоящимъ бѣдствіемъ. Сколько затронуты вопросовъ, сколько выясняется различныхъ идей, какую почву подготавливали, было, мы потомству, — и вдругъ все это должно будетъ въ жупель превратиться. Обидно!

Недавно я имѣлъ по этому случаю разговоръ съ однимъ начетчиномъ, большимъ пріателемъ «Домашней Бесѣды», который даже въ разговорѣ высказывается не иначе, какъ подирѣвая свои доводы именемъ Виктора Ипатьича, — словомъ, это судья компетентный въ подобныхъ дѣлахъ.

Я рассказалъ ему о кометѣ.

— То есть вы на счетъ свѣтопреставленія? спросилъ меня пріатель.

Подобный вопросъ, сознаюсь, сначала поставилъ меня въ тупикъ, потому что я отнюдь не желалъ хватать такъ далеко.

— Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы на этотъ путь выводите свою рѣчь, прибавилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ я, чтобы только не прерывать разговоръ.

— Хорошо-съ, хорошо-съ.

Начетчикъ уперъ большой палецъ въ лобъ, и подумалъ нѣсколько.

— А гдѣ же число звѣрино? вдругъ спросилъ онъ меня.

Я туда, сюда—дѣйствительно, нигдѣ нѣтъ.

— Вотъ то-то же, наставительно изрекъ собесѣдникъ: — а еще суетесь рассуждать о высокихъ матеріяхъ.

— Я началъ извиняться.

— Почтайте-ка Виктора Ипатьича, тогда и говорите, а своими малымъ умомъ не раскидывайте, ничего не зная. — Гдѣ число звѣрино? спросимъ теперь мы васъ съ Викторомъ Ипатьичемъ.

На меня вдругъ снизошло какое-то вдохновеніе.

— Да вѣдь число звѣрино, сказано, будетъ сначала невидимо, скромно изрекъ я.

Начетчикъ опять уперъ большой палецъ въ лобъ, и долго, долго о чемъ-то размышлялъ. Холодный потъ струился по его лицу, слезы наворачивались на глаза.

— Нѣтъ, тутъ что-то не такъ, проговорилъ онъ, вставая. Извините, пойду объяснюсь съ Викторомъ Ипатьичемъ: это дѣло не стоитъ такъ оставлять, тѣмъ болѣе, что я и самъ примѣчаю, что въ послѣднее время очень ужъ большая свара между людьми пошла.

Начетчикъ удалился. И такъ какъ онъ до сихъ поръ не принесъ мнѣ слово утѣшенія, такъ какъ до сихъ поръ Викторъ Ипатьичъ не разрѣшилъ моихъ сомнѣній, то вопросы по прежнему рождать стоятъ передо мною.

— Ужели же такъ-таки все и погибнетъ?

Меня особенно занимает литература: известно свои рубашка ближе къ тѣлу.

Положимъ, думаю я, земля останется невредимою и пожертвуетъ только кислородомъ, животными и людьми; положимъ даже, что черезъ нѣсколько времени ей удастся прихватить гдѣ нибудь иноорода, слѣдовательно опять появится животная жизнь, — что же тогда? Ужели же опять начинать съ начала, опять съ первыхъ людей?

Потомъ... Неужто же «Московскія Вѣдомости,» на примѣръ, должны погибнуть безвозвратно?.. Только что, только устроилась, какъ слѣдуетъ, только что отрядили «Современную Лѣтопись» для интимныхъ разговоровъ съ остальной русской прессой, а сами занялись выясненіемъ вопросовъ чисто научнаго характера — и вдругъ, приходится погибать! Слова нѣтъ, что съ появленіемъ человѣка, первымъ дѣломъ его, какъ бы онъ грубъ ни былъ, будетъ заняться изданіемъ «Московскихъ Вѣдомостей»; но гдѣ же публика, гдѣ эти тридцать тысячъ подписчиковъ, которые, какъ известно, даже образованному и вполнѣ безкорыстному человѣку совершенно необходимы, чтобы быть прилежнымъ къ своему дѣлу, и безъ которыхъ грубый умъ впадаетъ въ апатію и дѣлается нерадивымъ къ своимъ обязанностямъ? Вѣдь за подобными примѣрами не далеко ходить. И въ наше время существуютъ органы съ крайне ограниченной подпиской, въ которыхъ главная дѣятельность принадлежитъ первобытнымъ людямъ, такъ сказать дѣтямъ степей, — и что же? — Нигуда негодны такіе органы. Хоть «Вѣсть» возьмите для примѣра, или покойный «Якорь» съ «Осой.» Наконецъ, гдѣ тогда набрать различныхъ вопросовъ, которыми, какъ известно, обилуетъ теперь земной шаръ? Гдѣ различные сепаратизмы? Гдѣ голштинскій вопросъ? Гдѣ Мексика, то принимающая, то отвергающая разнообразныя предложенія Франціи? Гдѣ вопросъ о гласныхъ? Противъ какихъ матеріалистовъ будетъ ратовать г. Юркевичъ, и каковъ будетъ тогда этотъ великій философъ, если принять во вниманіе облаченность будущаго рода человѣческаго? Откуда добудетъ онъ г. Спасовича, чтобы сразиться съ нимъ по вопросу объ уголовномъ правѣ, когда тогдашнее право совершенно удовлетворить Юркевича, т. е. будетъ состоять именно въ томъ, что кто до кого добѣжалъ, тотъ того и сломать? Наконецъ, и самъ г. Баршевъ, къ которому Юркевичъ обращается съ письмами по послѣднему вопросу — немыслимъ тогда, ибо университетовъ не будетъ.

Теперь попробуемъ скорбѣть дальше.

Отъ литературы перейдемъ къ обществу, сему, такъ сказать, кладью литературы.

— Что станется съ нами? Неужели такъ-таки всѣ люди до еди-наго и должны сдѣлаться жертвою всепожирающаго чудовища-кометы? Можетъ быть, это совершится съ нѣкоторыми исключеніями? Можетъ быть, злой врагъ будетъ уничтожать только такъ называемый черный народъ, погрязшій, какъ извѣстно, во грѣсахъ многихъ? Опять, куда же дѣнутся всѣ эти сокровища, всѣ эти цѣнности, накопленныя человѣчествомъ въ тысячи лѣтъ? Неужто комета не пощадитъ даже этихъ дивныхъ сложныхъ машинъ, на устройство которыхъ употреблены такіе громадные усилія, въ которыхъ такъ искусно пригнаны винтъ къ винту, шурушъ къ шурупу. Потомъ, гулянья разныя, пикники, загородныя увеселенія, — ужели и эти невнятные удовольствія поразить всеразрушающая комета?

— Кто разрѣшить мои сомнѣнья, кто?

— Страховъ! ты объяснилъ намъ многое о планетахъ, рассказалъ же теперь что нибудь и объ злобѣщей кометѣ. Ты вѣдь все знаешь; ты Куно Фишера выучилъ наизусть. Помогни!

Но нѣтъ отвѣта ни откуда; одинъ только Андрей Александровичъ лукаво улыбается, ибо изобрѣлъ уже какой-то кометоотводъ, съ помощью котораго надѣется остаться одинъ на землѣ, по уничтоженіи рода человѣческаго, и захватить въ свои руки «Московскія Вѣдомости».

— Андрей Александровичъ! вѣдь тогда не будетъ такой громадной подпски.

Вотъ, наконецъ, явился и утѣшитель. Пришолъ знакомый мнѣ начетчикъ; лицо его грустно, хотя и видится въ этой грусти что-то рѣшительное.

— Ну что? спросилъ я.

— Да что, уладили кое-какъ.

— А именно?

— Викторъ Ипатьичъ говорить, что не нужно ей поддаваться, если придетъ. Скажемъ, говорить, просто: не хотимъ свѣтопре-ставленія, потому что не по правиламъ дѣло ведется—и конецъ всему.

— Вотъ развѣ что такъ, утѣшился я.

И заговорили мы тутъ съ начетчикомъ о земныхъ прелестяхъ, такъ заговорили, что и не замѣтили, какъ время пролетѣло далеко за полночь.

«Хорошо ужь очень о земныхъ прелестяхъ-то толковать,» подумалъ я, провожая пріятеля.

«Ты правъ, Викторъ Ипатьичъ, воскликнулъ я, оставшись одинъ: — такъ и скажемъ: не по правиламъ, молъ, дѣло ведется, потому и не хотимъ свѣтопреставленія!»

Этимъ настоящимъ фельетонъ мой и оканчивается.

Читатель, разумѣется, не доволенъ мною. Онъ соображаетъ, соображаетъ, и ровно ничего сообразить не можетъ. «Гдѣ же всѣ эти обѣщанія, высказанныя въ началѣ? Гдѣ балы, маскарады, пикники, концерты, парады, рауты и т. п?» Ну, какіе же, читатель, могутъ быть балы, пикники и проч., когда Нева до сихъ поръ еще не освободилась отъ льда, когда холодъ въ Петербургѣ стоитъ до сего времени ужаснѣйшій? Ни Излеръ не открылъ еще своихъ игрищъ, ни Наумовъ, ни другіе. Одинъ только Страусъ началъ морозить публику еще съ 25-го апрѣля, да и то, кажется, не совсѣмъ удачно. До сихъ поръ еще нѣтъ никакихъ попытокъ къ перѣзду на дачу; до сихъ поръ жители Петербурга щеголяютъ въ тепломъ платьѣ. Короче: фельетонныхъ мотивовъ еще не дала русская петербургская жизнь на столько, чтобы выкроить изъ нихъ что-нибудь занимательное для публики; о нѣмецкой же петербургской жизни я не говорю: для нея довольно одного фельетона, чтобы исчерпать ее до дна, и такъ какъ въ этомъ отношеніи вашъ покорнѣйшій слуга уже предупреденъ, то что же остается ему дѣлать?

Покоримся же, читатель, дурному стеченію обстоятельствъ, тяготящему въ настоящую минуту надъ всѣми фельетонистами, и будемъ терпѣливо ожидать будущаго мѣсяца, когда судьба, вѣроятно, сложится надъ нами и даруетъ всевозможные канканы, французскихъ и тирольскихъ пѣвцовъ, загородныя гулянья, фейерверки и проч. Тогда я буду такъ же велерѣчивъ и обилеспъ, какъ молчаливъ и кратокъ на этотъ разъ. Я разомъ захвачу для тебя, читатель, всю эту шум-

ную, блестящую жизнь въ одинъ стройный, веселый очеркъ; съ легкостью, неслыханною доселѣ, буду пересказывать отъ интереснаго предмета къ предмету болѣе интересному; я унесу тебя на крыльяхъ за облака, съ быстротою электричества переброшу изъ стараго свѣта въ новый, и обратно; я покажу тебѣ жизнь въ такихъ заманчивыхъ, обольстительныхъ формахъ, въ какихъ ты ее никогда не видывалъ; — короче: ты останешься доволенъ мною, читатель, дай только Богъ, чтобы поскорѣе пришла настоящая весна, съ теплыми, ароматными днями.

Итакъ, до свиданія, до слѣдующаго фельетона, который явится въ формѣ превеселой сказки. Я хорошій сказочникъ, читатель, если только время стоять благопріятное для того—утѣшу!...

СОДЕРЖАНИЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.	Д. И. Писаревъ.	✓
Ливановъ. (Записки семинариста).	Н. Осokinъ.	✓
Менцель французовдъ. (Статья Бёрне).	П. И. Вейнбергъ.	
Люди и природа на Амазонской рѣкѣ.	М. Х.	
Черты изъ жизни Теккеря.	П. В.	
Демисъ Дюваль. (Романъ Теккеря).		
МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.	М. А. Воронцовъ.	
ТЬМА. (Стихотвореніе).	П. И. Вейнбергъ.	

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ученая односторонность. (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. т. XIII, 1863).	Н. В. Шелгуновъ.	l
Библиографическій листокъ.	Г. Б.	

Байронъ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, издаваемомъ подъ редакцію Ник. Вас. Гарбала. Т. I. Спб. 1864.—Зоологическіе очерки или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ Карла Фогта. Перев. подъ редакцію В. Козалева. Т. I. Спб. 1864.—Единство рода человѣческаго, Катража. Переводъ А. Д. Ми—хна. Москва. 1864.—Метаморфозы человѣческаго рода, Катража. Перев. А. М — на. Москва. 1864.—О сословіи адвокатовъ, сочиненіе гейдельбергскаго профессора К. Ю. А. Миттермайера, съ исполненіемъ Паракена. Изданіе Бартена и Ведрияскаго. Спб. 1864.—Новѣйшее состояніе тюремъ въ Англіи и опыты англичанъ надъ системою одиночнаго заключенія. А. Миттермайера. Спб. 1863.—Разсказы изъ записокъ стариннаго писемоводителя. А. Высоты. Спб. 1864.—Матеріалы для разоблаченія материалистическаго нигилизма. Спб. 1864.

Кающійся, но нераскаившійся фельетонистъ «Современника».

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА. Жакъ Лефрэнъ.

ФРАНЦІЯ. Выборы 21-го марта.—Мнѣніе г. Геру о ихъ значеніи.—Итогъ господъ сенаторовъ противъ свободы мысли.—Борьба сословія прави.

тельственныхъ судей съ судомъ присяжныхъ.—**ГЕРМАНИЯ.** Подвиги пруссаковъ и австрійцевъ въ Дани.—Значеніе лондонскихъ конференцій по плези-вигъ-голландскому вопросу.—Способъ рѣшенія этого вопроса, предложенный французскимъ правительствомъ.—Взглядъ на него національ — и реформе-ройна.—Остроумная статья объ этомъ предметѣ, написанная Карломъ Фогтомъ.—Урокъ, данный цивилизованной Европѣ Гавайскими островами.—**ВЕНГРИЯ.** Голодь.—Строгія мѣры правительства для предупрежденія ил-тежа.—**МЕКСИКА.** Новый ея императоръ отказывается отъ своихъ наслѣ-ственныхъ правъ на австрійскій престолъ.—Соглашеніе его съ Людовикомъ Наполеономъ III.—Новый мексиканскій заемъ.—Лига испано-американскихъ республикъ противъ нашествія французевъ.—**ИТАЛІЯ.** Политическій застой въ народѣ, замѣнившій прежній энтузіазмъ.—Мнѣніе оптимистовъ объ этомъ предметѣ.—Уравненіе поземельной подати.—Италянскіе людоѣды XIX вѣ-ка.—Болѣзнь папы.—Преслѣдованіе гарибальдійцевъ.—Желаніе Пиемонта освободиться отъ южныхъ провинцій.—**АНГЛІЯ.** Пріемъ, сдѣланный англи-чанами Гарибальди.—Опасности, возбужденныя его пребываніемъ въ Англии и отъѣздъ его.—Провски горіевъ.—**АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.** Положеніе военныхъ дѣлъ.—Значеніе новаго набора.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Характеристика фактовъ, подлежащихъ вниманію современнаго лѣтописца.—Статистическія данныя.—Необычайная расколывающія плодovitость.—Роспись государственныя приходовъ и расходовъ на 1864 годъ.—Англо-голландскій заемъ.—Болтовня «Баржевыхъ Вѣдомостей». — Пятнадцати-лѣтнее бездѣйствіе С. Петербургской городской думы.—Неправильное пониманіе общественныхъ выгодъ и нуждъ.—Страхованіе.—Устройство мостовыхъ.—Краснорѣчивыя и весьма чувствительныя разговоры о необходимости гимназій въ Петербургѣ и остроумные выводы о бывшихъ воскресныхъ школахъ.—Мѣры къ удешев-ленію цѣны на печеный хлѣбъ.—Общія основанія проекта «Общества Жен-скаго Труда». — Общество для улучшенія быта рабочихъ подъ названіемъ «Улей».

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Два слова отъ фельетониста. — О журнальныхъ и газетныхъ направле-ніяхъ.—Фельетонистъ-кухарка.—«Ты пойми, пойми, мой милый другъ!» (ре-манъ въ дѣйствіи).—Весеннія грезы.—Юбилей Шекспира.—Мои размыш-ленія по поводу кометы.—Заключительно: слово.

рѣ